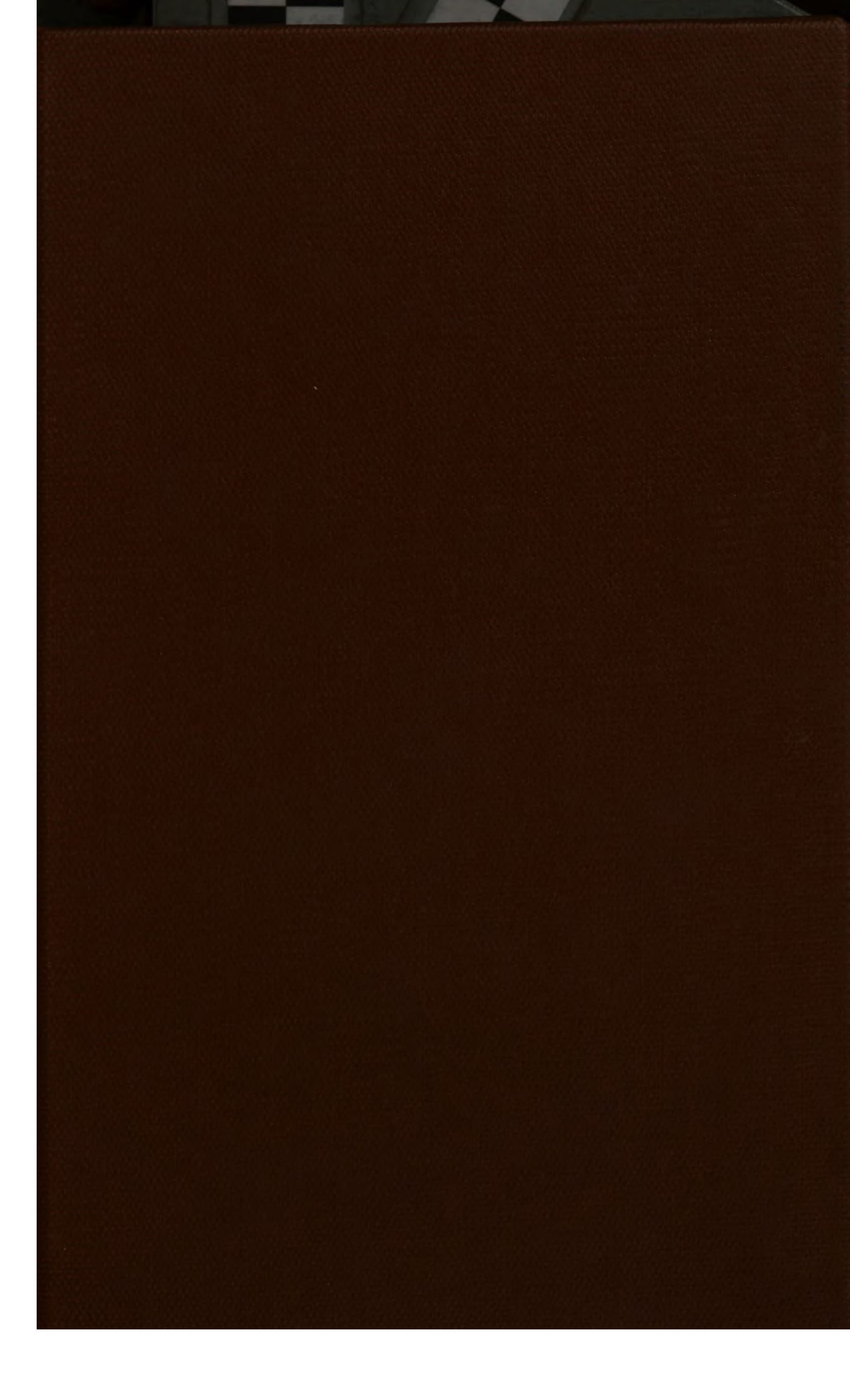

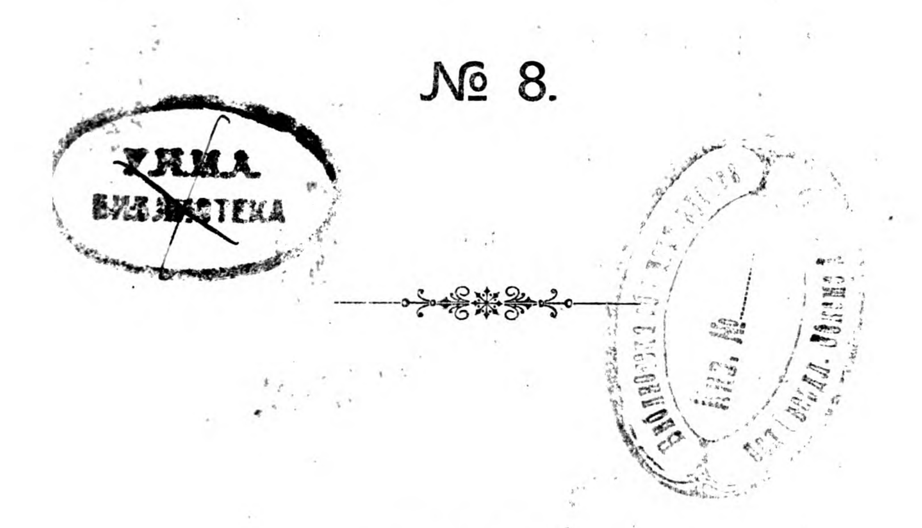
АВГУСТЪ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже **15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

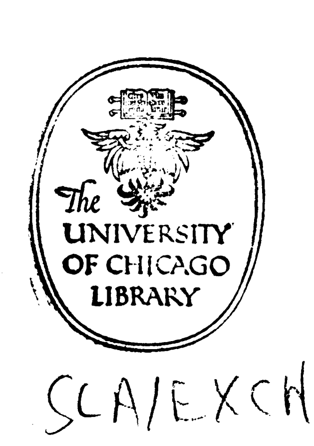
2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотъ*).

СТРАН.

ВОЛКЪ.

(Разсказъ).

I.

Пришелъ онъ въ яркій осенній день, когда золотое солнце, блестящее и холодное, лучистымъ шаромъ шло надъ землей, а земля блестѣла желтыми нивьями, и сверкали голубымъ серебромъ холодныя лужи непросохшей послѣ дождей воды. Неподвижный воздухъ застылъ и не дрожалъ струящимся зноемъ, какъ весной и лѣтомъ, а, чуткій и свѣжій, игралъ длинными колеблющимися нитями летавшей надъ полями паутины. И было иногда такъ, что, прицѣпившись къ вѣткѣ куста, такая нить долго и неподвижно разстилалась въ немъ, блестя подъ солнцемъ, а безтрепетный воздухъ держалъ ее такъ вытянутой и какъ будто любовался ею... Потомъ, оторвавшись, она медленно плыла дальше, извиваясь, какъ живая.

Часы шли, полные тишины, свѣта и смутнаго ожиданія, словно большая, тяжелая, уставшая за долгое лѣто земля съ тихимъ вниманіемъ прислушивалась къ чему-то.

И деревни были тихи и пустынны, и страшно было видѣть ихъ залитыми желтымъ неподвижнымъ свѣтомъ, неживыми, молчаливыми и чистыми. Только на гумнахъ дробно и мягко, въ быстромъ и мѣрномъ тактѣ, стучали цѣпы, и кое-гдѣ трещали барабаны молотилокъ. Но гумна были на задворкахъ, за садами и огородами, стояли на отлетѣ въ полѣ, а въ деревнѣ было безлюдно и тихо, и потому никто не видѣлъ, когда пришелъ онъ, какой у него былъ видъ, и съ кѣмъ первымъ встрѣтился онъ изъ семьи.

А дома былъ только старикъ—сѣдой, старый и высохшій до того, что, казалось, черная сухая кожа плотно прилипла къ широкимъ, когда-то могучимъ костямъ. Лѣтъ десять тому назадъ половина деревни выгорѣла, и во время пожара, когда какъ свѣчка вспыхнулъ домъ Стукановыхъ, старикъ

едва не сгорѣлъ въ свѣтелкѣ на мезонинѣ. Его вытащили обгорѣвшаго, чернаго и страшнаго, и тогда же онъ потерялъ глаза и на всю жизнь остался слѣпымъ.

Облысѣлъ черепъ, обгорѣвшая борода выросла сѣдой и лохматой, сбилась комками и космами, какъ грива старой лошади, срослась черная опаленная кожа, и только глубокіе синіе шрамы на лицѣ и тѣлѣ остались навѣкъ, а глаза вытекли, и мертво и пусто глядѣли изъ темныхъ ямъ провалившіяся вѣки. И весь онъ, лысый, черный и слѣпой—былъ, какъ пепелище крѣпкаго и хорошаго дома, на мѣстѣ котораго остались однѣ черныя головни, угли и зола, и мертво и пусто смотритъ на дорогу чернымъ зѣвомъ закопченная, никому ненужная печь...

Были у старика деньги, и никто не зналъ, гдѣ хранилъ онъ ихъ. Когда послѣ пожара онъ оправился, то взялъ двѣнадцатилѣтняго внука Гаврика поводыремъ и ушелъ. Пропадалъ три дня и принесъ деньги, а сколько—не было извѣстно; далъ на новую избу, на хозяйство, на хлѣбъ, давалъ много разъ потомъ, а откуда бралъ, куда пряталъ и много ли денегъ было—не говорилъ, и никто не могъ прослѣдить этого.

Молчалъ и Гаврикъ, тогда мальчикъ, и не выдавалъ, куда ходили послѣ пожара они съ дѣдомъ. И такъ никто не зналъ этого, потому что молчали дѣдъ съ Гаврикомъ, а кромѣ нихъ сказать было некому. А когда взрослаго уже Гаврику взяли сотскіе и урядники и повезли въ городъ—отецъ и мать молили сказать, гдѣ дѣдовы деньги, но онъ молчалъ и такъ и ушелъ, не сказавши...

И нынче пришелъ назадъ, такъ что никто не видѣлъ, когда онъ пришелъ, каковъ онъ былъ теперь самъ, и первымъ встрѣтившимъ его былъ дѣдъ.

Онъ сидѣлъ за дворомъ въ саду у бани, нащупавъ старымъ тѣломъ мѣсто въ завѣтерьи на солнышкѣ, возлѣ корявой полузасохшей яблони. И когда Гаврила сталъ противъ него, то не шелохнулся, сидѣлъ по прежнему тощій и голенастый, прямо оборотя къ солнцу темное, изборожденное черными шрамами лицо.

Гаврила долго стоялъ, молча разглядывая это лицо и долго неподвижнымъ оставался старикъ; только иногда въ мертвомъ незрячемъ лицѣ рождалось смутное движеніе—бороздились складки на лбу, сбѣгали вдоль носа и трепетали у провалившихся синихъ губъ — и тогда казалось, что тусклый отблескъ тайной улыбки дрожитъ на странномъ и страшномъ лицѣ... Опять ложилась на это лицо холодная неподвижность, и такъ оно было безмятежно, замкнуто и безстрастно, что не вѣрилось въ теплившуюся гдѣ-то въ

немъ жизнь. И скользнувшее движеніе забывалось, какъ будто не улыбнулся старикъ, а это показалось только.

Дѣдъ долго сидѣлъ, подставляя внимательному солнцу высохшее отъ старости тѣло, живой и непохожій на живого, и когда Гаврила уже хотѣлъ уйти, смутный инстинктъ слѣпого подсказалъ ему, что на него смотрятъ. Онъ завозился, заерзалъ на мѣстѣ и быстро и тревожно забѣгалъ пальцами около себя, ища и нащупывая что-то.

— Кто, кто, кто здѣсь?! Кто тутъ? Кто?—также быстро и тревожно забормоталъ онъ, шаря вокругъ себя черными корявыми пальцами, на которыхъ мертво блестѣли бѣлые, твердые какъ кость, ногти.—Кто пришелъ-то, кто? А?!

Гаврила усмѣхнулся и не сразу отвѣтилъ. Старикъ опять спросилъ и завертѣлъ головою, стараясь ухомъ уловить то, чего не могъ понять и увидѣть.

— Я пришелъ, дѣдъ, — отвѣчалъ, наконецъ, Гаврила и подошелъ ближе,—Гаврила пришелъ!..

Старикъ двинулся, пересталъ шарить, и по лицу его пробѣжала новая неуловимая волна быстрой улыбки.

— Гаврила пришелъ?! Навѣдался? Добро, добро, подь сюды, дай руку... Вотъ, вотъ, теперь знаю, Гаврила!—говорилъ онъ, ощупывая руку Гаврилы.—Ишь, пришелъ, никто не зналъ, будто въ воду канулъ, анъ ты и здѣсь! Такъ, такъ...

Гаврила высвободилъ свою руку изъ твердыхъ, негнущихся пальцевъ дѣда и, чуть усмѣхаясь, сказалъ:

— Я спать пойду, усталъ гораздъ... Шелъ много!..

— Такъ, такъ, — подхватилъ старикъ, — шелъ много, усталъ... Ѣсть, поди, хочешь,—можетъ, дать тебѣ чего... Я-то не знаю, а наши кто на гумнѣ, кто картошку копаетъ... Самъ посачишь, можетъ...

— Ишь, пришелъ вѣдь,—продолжалъ онъ, изумленно поматывая головой,—мы думали, конецъ тебѣ, мать никакъ просфору вынимала, а онъ—на тебѣ—какъ тутъ и былъ!.. Поди-жъ ты...

— Ну, ладно, дѣдъ! Ѣсть я не хочу, послѣ поѣмъ, а сейчасъ спать пойду... Ты своимъ-то скажи, только пусть не будятъ, а кому другому молчи... И имъ закажи, чтобы молчали... Знаешь, чай?..

— Да ужъ это знаемъ, мы понимаемъ это, какъ можно...—забормоталъ дѣдъ и снова зашарилъ руками, нащупывая свою палку,—это что и говорить, понимаемъ...

Онъ еще бормоталъ что-то, не громко и морщась, не то смѣясь, не то изумляясь, а Гаврила шелъ уже въ пуньку, гдѣ изъ году въ годъ складывался остатокъ сѣна, не влѣзавшаго на сѣноволъ. И тамъ, скинувъ старую, порванную во многихъ мѣстахъ поддѣвку, какую носятъ мелкіе прасолы

и молодцы у купцовъ-скупщиковъ, разулся, обмялъ сѣно и, скорчившись темнымъ комочкомъ, заснулъ неожиданно и быстро, какъ не спалъ давно.

А дѣдъ все сидѣлъ на старомъ мѣстѣ, уже успокоившійся и неподвижный, старый и темный, похожій на застывшій трупъ. И такъ же, какъ прежде, рождаясь въ морщинахъ лба и неуловимо сползая къ всклокоченной бородѣ, мелькала на безглазомъ лицѣ тѣнь молчаливой мысли... Чуть поматывалъ лысой головой порою—не то изумленно, не то опасливо—и опять застывалъ...

Съ тѣхъ поръ въ семьѣ Стукановыхъ началось то новое и жуткое, что сдѣлало жизнь неудобной и напряженно-выжидательной.

По видимости жили всѣ такъ же, какъ прежде, по прежнему работали, ѣли, спали, ссорились и ругались, и тяжелое колесо жизни медленно и упорно поворачивалось каждый день, какъ будто вертясь на одномъ мѣстѣ, а на самомъ дѣлѣ неуклонно двигаясь впередъ. Шли дни—и настоящее дѣлалось прошлымъ, а будущее настоящимъ, и каждый день приносилъ свое новое въ опредѣленное и, казалось, заранѣе извѣстное завтра. И все это было, какъ въ прошломъ и позапрошломъ году, какъ полгода и годъ тому назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это было и не такъ, потому что въ жизнь вошло и незримо стало надъ людьми какое-то новое начало, котораго не было раньше.

Вставалъ въ два часа черной осенней ночи отецъ Гаврилы, Максимъ и глядѣлъ въ окно. Въ глубокомъ бархатномъ небѣ трепетно пылали холодныя звѣзды и опредѣленной, невидимо связанной другъ съ другомъ цѣпью выступала Большая Медвѣдица. Была она съ вечера высоко на небѣ, протянувшись вдоль горизонта пятью звѣздами,—а внизу двѣ,—а теперь стояла, опрокинувшись тремя протянутыми въ одну линію книзу, а четыре стояли другъ противъ дружки, какъ парни и дѣвушки въ танцѣ.

Ощупывая сдѣланную на окнѣ зарубку, Максимъ думалъ:

— Эва, лось куда подался уже, мало-мало не до зарубки...

И, глядя въ окно, ждалъ, когда три вытянутыя другъ за другомъ звѣзды станутъ противъ зарубки. Ждалъ и съ ощущеніемъ неясной тревоги косился на чуть виднѣвшуюся изъ-за хлѣва баньку, въ которой поселился со времени прихода Гаврила. Глухія мысли отгоняли сонъ и ползли молчаливо и тихо, какъ неуловимо плывшее въ темнотѣ время.

— „Пришелъ! Гдѣ былъ, зачѣмъ пришелъ—неизвѣстно... Пришелъ и молчитъ... А вдругъ ловить будутъ? Страсть!..“

Лось опрокидывался совсѣмъ, и крайняя звѣзда изъ трехъ нижнихъ становилась какъ разъ противъ зарубки.

„— Молотить пора, будить надо...“—соображалъ Максимъ и принимался расталкивать жену и младшаго сына, шелъ въ дѣдову горницу наверхъ будить Ксюшу, питомицу, взятую изъ воспитательнаго дома шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Она выросла и жила съ ними, неизвѣстно кѣмъ рожденная, и непохожая на нихъ, и сроднившаяся съ ними. Была она черноволосая и странно тонкая, тогда какъ всѣ Стукановы были бѣлобрысы и кряжисты, какъ старые дубы,— и смуглымъ цвѣтомъ лица, огромными темными глазами и смутной граціей складывающагося тѣла выдавалась на фонѣ ширококостной, жилистой и крѣпкой семьи, какъ слабая березка въ бору.

Вставали, одѣвались, наскоро ѣли, переговариваясь быстро и не громко, и шли на гумно. И, проходя садомъ мимо бани, косились на нее. Баня была старая, низко сѣвшая въ землю, угрюмая и черная, и чудилось, что она живетъ какой-то особенной, своей жизнью, въ которой все таинственно и загадочно. Было въ ней тихо; повидимому, спалъ Гаврила, а всѣмъ чудилось, что онъ никогда не спитъ, и рождалось странное впечатлѣніе, будто стоитъ онъ теперь за чернымъ окошечкомъ и беззвучно смѣется надъ ними, и бѣлое, веснущатое лицо корчится смѣшливой гримасой,—стоитъ короткій, широкоплечій, крѣпко упершись кривыми, жилистыми ногами въ старый, прогнившій полъ...

Знали его простымъ и веселымъ, а потомъ его увезли, и онъ пропадалъ два года, а теперь пришелъ новымъ и неизвѣстнымъ. Хотѣлось видѣть его прежнимъ, и чувство помнило довѣрчивую улыбку и теплую ласку, но теперь ничего этого не было: было угрюмое молчаніе и непріятная усмѣшка на блѣдномъ лицѣ. И еще было новое, чего не было прежде: подозрительные, бѣгающіе глаза—унылые и безрадостные, какъ у стараго загнаннаго волка, и весь онъ былъ похожъ на него—сѣраго, косматаго, широколобаго и костистаго. Часто, глядя на Гаврилу, начинало казаться, что все время онъ ждетъ и опасается удара сзади; отъ этого голова ушла въ плечи, и осторожно, исподлобья глядятъ тоскливо-злобные сѣрые глаза, отъ этого и весь онъ сталъ понурый и плотный, крѣпко осѣвшій на кривыя, сильныя ноги. Думалось, что, въ случаѣ чего, онъ не обернется назадъ и не посмотритъ, а отскочитъ въ сторону и хватитъ что попало: топоръ ли, оглоблю, или тяжелый лемешъ отъ сохи...

Въ избѣ Гаврила почти не бывалъ и не выходилъ днемъ изъ бани. Туда носилъ ему дѣдъ ѣду, тамъ и жилъ онъ, какъ

звѣрь въ берлогѣ, своей темной волчьей жизнью. И только иногда ночью выходилъ въ садъ, огородами пробирался на огуменникъ и уходилъ. И тамъ гулялъ одинокій и молчаливый, среди молчаливыхъ и оголенныхъ полей...

II.

Никто никому не говорилъ, что пришелъ Гаврила, а осторожный слухъ торопливой змѣйкой побѣжалъ по народу, незамѣтный на улицѣ, прятавшійся во дворахъ и избахъ, какъ змѣйка въ кустахъ и камняхъ. И хотя при встрѣчахъ всѣ домашніе говорили, что не видали Гаврилы и не слыхали ничего о немъ, имъ не вѣрили, вѣря твердо, что мірская молва — что морская волна, широко идетъ и безъ вѣтру не бываетъ. Слухъ шелъ упорный и незамѣтный, перекидываясь изъ избы въ избу, изъ деревни въ деревню, расплываясь все шире и больше, похожій на талую воду подъ снѣгомъ. Казалось, все было по прежнему— лежалъ на поляхъ снѣгъ, и было его такъ же много, какъ и прежде, а незамѣтно измѣнялся онъ — дѣлался синимъ и дряблымъ и по видимости былъ только крѣпокъ, проточенный буйными, невидимыми ручьями.

Предположенія превращались въ твердую увѣренность; прошло нѣкоторое время—и было странно не вѣрить этому, какъ прежде думать объ этомъ.

Приползалъ въ баньку дѣдъ, костлявый и длинный, не похожій на всѣхъ Стукановыхъ, шарилъ руками по облипкамъ двери, по стѣнамъ, по лавкѣ. Садился и, закинувъ голову назадъ, долго молчалъ, уставивъ закрытыя провалившимися вѣками ямы глазныхъ впадинъ въ черный потолокъ.

— Здѣсь Гаврикъ?—спрашивалъ онъ, тихо поводя пальцами.

— Здѣсь, дѣдъ, что скажешь?—нехотя отзывался Гаврила.

— Ты гляди... Слухъ о тебѣ пошелъ по народу. Гляди, кабы чего не было... Уйти бы тебѣ!

Гаврила кривилъ ротъ на сторону и пристально глядѣлъ на дѣда.

— Боишься?—спрашивалъ онъ.

— Мнѣ что, мое дѣло старое... Кабы мужики чего не удумали...

— А ты дай денегъ, я и уйду. Мнѣ немного надо, только на машину справиться... Чай, въ кубышкѣ то есть, помнишь— въ Захонье къ попу ходили?

Дѣдъ начиналъ безпокойно возиться на мѣстѣ, тревожныя морщины рождались на лысомъ лбу и бѣжали внизъ по слѣпому лицу.

— Деньги, кубышка... Кабы было то!.. Мнѣ развѣ жаль? То-то нѣтъ ихъ давно... Тутъ вотъ коня имъ купилъ, яровое справилъ—всѣ вышли!..

— Врешь, дѣдъ, — усмѣхался Гаврила, и по его лицу можно было подумать, будто онъ нарочно дразнитъ дѣда,— знаю я, что врешь: есть еще въ кубышкѣ-то! Я говорю—мнѣ четвертной далъ, я и пошелъ опять! Я бы самъ взялъ, не сталъ бы тебя тревожить, да сунулся подъ яблоню, а тамъ ни бѣса... И куда ты запряталъ ихъ, старый?!..

Дѣдъ торопливо шарилъ руками, находилъ палку и крѣпко сжималъ ее. А по лицу его, какъ волны по ржи, бѣжали судорожныя морщины—отраженіе темныхъ, опасливыхъ мыслей.

— Нѣту денегъ, никакихъ денегъ, всѣ вышли, — бормоталъ онъ, пятясь къ двери и не находя ея, — вынялъ послѣдніе и жестянку забросилъ, ничего нѣту...

Онъ уходилъ и крѣпче запирался у себя наверху, тщательно ощупывалъ двери на ночь и самъ накидывалъ толстый желѣзный крюкъ. И вскорѣ пересталъ совсѣмъ ходить къ Гаврилѣ, а посылалъ съ ѣдой Ксюшку.

Она приходила всегда въ одно время, и Гаврила еще издали видѣлъ черезъ окно ея тонкую, покачивающуюся на ходу фигуру, легкую и хрупкую, какъ фигура переодѣтой барышни.

Ксюша приносила обѣдъ или перехватку, или ужинъ, ставила на прилаженный къ окошку столъ и ждала.

Гаврила смотрѣлъ на нее, улыбался и не садился ѣсть, пока она не говорила:

— Что же вы, Гаврила Максимовичъ, кушать не садитесь?

И улыбалась застѣнчивой и скромной улыбкой. Она хорошо помнила Гаврилу: тогда онъ былъ простымъ и своимъ, а теперь сталъ чужой и невѣдомый. И то, что онъ такъ таинственно жилъ и скрывался отъ людей, а она ходила къ нему одна и днемъ—дѣйствовало на нее странно-волнующе.

Гаврила ѣлъ, искоса поглядывая на нее, а она стояла, опустивъ глаза и скромно подобравъ руки.

— Спасибо, бери,—коротко говорилъ онъ, когда кончалъ обѣдъ, и, несмотря на обрывистость и внѣшнюю грубость этихъ словъ, въ нихъ чудилось скрытое добродушіе, прятавшееся подъ привычной рѣзкостью.

— Что-жъ, останешься здѣсь, когда годы выйдутъ, или уйдешь куда?—спрашивалъ Гаврила, пока она торопливо и ловко собирала посуду.

— А куда-жъ я пойду? Мнѣ хорошо здѣсь! — негромко отвѣчала Ксюша,—папенька съ маменькой добрые...

— Ничего старики... Ужо вотъ за Леньку замужъ выйдешь...

Ленька былъ младшій братъ Гаврилы, тупой и неповоротливый парень, молчаливый и крѣпкій, какъ всѣ Стукановы.

Ксюша вспыхивала яркимъ и быстрымъ румянцемъ и молчала.

— Пойдешь вѣдь?—допытывалъ Гаврила.

— Прикажутъ папенька съ маменькой—должна идти...—шептала она.

— Эхъ ты—прикажутъ!..

Гаврила глядѣлъ на нее — скромную, сдержанную и такъ непохожую на деревенскую дѣвушку. А она, стройная и тонкая, съ темными большими глазами, чуть краснѣясь непрошедшимъ еще румянцемъ, уходила опять черезъ садъ на дворъ, въ избу,—своей невѣрной, колеблющейся походкой. И въ этой походкѣ, въ мягкихъ, округлыхъ движеніяхъ, въ шепотѣ покорной рѣчи, несознаваемое ею, дрожало что-то манящее и большое, какъ сама жизнь.

Была она—какъ сосудъ, наполненный тягучимъ и сладкимъ виномъ, и было жаль ее, какъ жаль выросшій въ дебряхъ цвѣтокъ, которымъ некому любоваться...

По вечерамъ приходила мать. Робкая и любящая, она несмѣло отворяла дверь и входила, и, не видя ничего въ темной банькѣ, тихо спрашивала:

— Гаврюшъ, тутъ ты?

Гаврила, въ большинствѣ случаевъ, лежалъ на полкѣ и курилъ. Красный огонекъ цыгарки слабо вспыхивалъ въ сѣромъ сумракѣ, озарялъ сжатыя губы, рѣдкую бородку и гасъ.

Мать шла на огонь, садилась у головы сына, а онъ лежалъ по прежнему молчаливый и холодный, похожій и непохожій на того, кого она такъ жалѣла.

Они говорили. Она—длинно, нудно, по бабьи изливала наболѣвшую душу въ тоскливыхъ, скучныхъ словахъ, онъ коротко отвѣчалъ и въ темнотѣ усмѣхался. И нельзя было понять, чему онъ усмѣхается: тому ли, чтó она разсказывала ему, или тому, что она живетъ здѣсь, когда жить трудно, больно и горько.

— Вотъ и пошла тутъ склёка,—негромко роняла слово за словомъ мать, — отецъ ворчитъ, а дяденька смѣется... И знаемъ всѣ, что есть деньги, тутъ—не гдѣ должны быть, потому—куда слѣпой унесетъ, а нѣтъ... Помретъ—не скажетъ, пропадутъ онѣ, а не говоритъ...

Она разсказывала о долгихъ дняхъ сѣрой жизни, въ которой терпѣливая нужда, злобная зависть, нищенская жадность и постылый трудъ спутались грязнымъ и плотнымъ узломъ.

Гасъ вечеръ, и небо за садомъ затягивалось розовато-зеленой дымкой, темнѣла земля, а кусты и деревья стояли недвижно и чутко. Подкошенное сѣно, не убранное и нагрѣтое солнцемъ за день, вяло въ саду, и его свободный и крѣпкій запахъ, отъ котораго вѣяло свѣжестью и веселымъ трудомъ, залеталъ въ заплѣсневѣвшую баню. И, какъ отъ яркаго солнца осенью, отъ него становилось грустно и жаль чего-то... веселаго лѣта, спокойной жизни, когда можно всюду ходить и никого не бояться.

Подолгу молчали двое людей въ угрюмой банькѣ—лежалъ неподвижно Гаврила, больной, съежившійся, похожій на загнаннаго въ берлогу волка, плакала мать...

Плакала и причитала, и давняя скорбь несправедливой обиды ея бабьей жизни дрожала безсильнымъ старческимъ плачемъ.

— Съ тобой вотъ тоже,—причитала она, вытирая концомъ платка мелкія частыя слезинки, — всѣ жгли, вся деревня была, хлѣба то что́ набрали—послѣ по пять, по десять мѣшковъ становой съ земскимъ отбирали,—а тебя одного взяли... Отецъ мужикамъ и говоритъ: за что Гаврилу одного забрали? А они молчатъ... Установятъ бородищи свои и молчатъ...

И новая, свѣжая обида за то, что жгли помѣщичьи амбары всѣ, а въ тюрьму взяли одного ея Гаврилу — сочилась горячей болью въ привыкшемъ страдать и терпѣть сердцѣ.

Гаврила усмѣхался, злобно вертѣлся съ боку на бокъ и сплевывалъ.

— Міръ! За то міръ выручилъ... Хай имъ бѣсъ!..

И опять въ тишинѣ плакала мать безсильно и жалобно, и слушали этотъ плачъ прямо вытянутыя вѣтви старой яблони за окномъ, и каждый листъ ея—подсохшій и блѣдный, подернутый янтаремъ медленнаго умиранія,—недвижно стоялъ въ холодѣющемъ осеннемъ вечерѣ.

Разъ зашелъ отецъ. Зашелъ онъ поздно вечеромъ, боязливо оглядываясь, опасаясь, чтобы кто нибудь изъ сосѣдей не увидѣлъ сквозь старый тынъ, какъ пробирается онъ въ баню. Гаврилы не было въ банѣ, онъ вышелъ походить за гумно въ поле, куда онъ ходилъ почти каждую ночь. Максимъ отправился туда, и Гаврила еще издали увидѣлъ противъ зорьки отца, направляющагося къ нему. Было что-то испуганное, рабье, смущенное въ согнутой фигурѣ старика,

въ томъ, какъ боязливо оглядывался онъ по сторонамъ—не подсматриваетъ ли кто,—въ ушедшей въ плечи головѣ.

Гаврилу онъ не сразу увидѣлъ и хотѣлъ было идти уже дальше, когда тотъ подошелъ къ нему. Онъ испугался, но тотчасъ же узналъ сына и оправился.

— Гуляешь?—осторожно, почти шепотомъ спросилъ онъ.

— Гуляю, ничто...

— Такъ, такъ!.. Охъ, грѣхи наши!—вздохнулъ отецъ и присѣлъ возлѣ гумна на выложенную длиннымъ рядомъ полусаженку дровъ,—грѣхи тяжкіе... Здоровъ?

— Покуда что...

— Такъ, такъ... А у насъ...—отецъ пріостановился, и по звуку его голоса можно было догадаться, что говорилъ онъ отвернувшись въ сторону,—у насъ болтаютъ про тебя... И песъ ихъ знаетъ—откуда прознали, только гомонятъ... Все меня спрашиваютъ—не слыхалъ ли чего? Не быть добру!..

Гаврила молчалъ.

Молчало низко нависшее черное небо, полное большихъ, медленно шевелившихся звѣздъ, молчало и сумрачное, казавшееся въ темнотѣ безконечнымъ, поле, и суровымъ холодомъ вѣяло отъ него.

— Ты что-жъ — въ бѣгахъ, значитъ, теперь?—спросилъ отецъ.

— А ты думалъ, такъ гуляю?

— Такъ, такъ, дѣло твое... А только не обсказали-бъ, гляди... Вонъ по веснѣ еще, какъ Мишку Прудского становой бралъ, такъ грозился крѣпко: ежели кто укрывать будетъ—конецъ, говоритъ... Штрахъ, это самое, и тюрьма тожъ...

— Боишься?—коротко бросилъ Гаврила.

Сидѣлъ онъ на краю полѣнницы и чуть замѣтнымъ чернымъ силуэтомъ выдѣлялся на слабо свѣтившейся, не угасшей еще совсѣмъ зорькѣ. И почему-то въ этомъ черномъ силуэтѣ Максиму показалось что-то презрительное и насмѣшливое. Ему стало неловко отъ этого, и онъ опять отвернулся.

— Мужики вотъ... Становой грозился—всѣхъ, говоритъ, въ тюрьмѣ сгною, ну, они и опасаются... Съ нимъ шутки плохи. Эва, вонъ, Битягиныхъ семью въ Прудахъ въ раззоръ раззорилъ... Давали, давали, а все потомъ въ тюрьму усадилъ... Ни кола, ни двора теперь!..

Гаврила качнулся и всталъ. Какое-то полѣно зашуршало и покатилось, потомъ стукнулось о землю. Гаврила отшвырнулъ его ногой и близко наклонился къ отцу, закрывъ своей черной плотной фигурой половину неба.

— Мужики, говоришь? А господскіе амбары кто жегъ?

Я одинъ? Всѣ шли, вся деревня... Эва, Михей съ сыномъ—подводу пригнали, больше какъ десять мѣшковъ муки домой увезли! Пѣгаревы Мишка съ Санькой тоже попользовались, а жегъ я одинъ? Это за то, что я бочку съ керосиномъ разбилъ, зажегъ? Дьяволы сѣрые, судъ сталъ—никого, кромѣ Гаврюхи, не видали! Его видали, а болѣ никого... Мужики! Самъ-то ты боишься... Чай, я знаю, что ты въ этой самой банѣ пряталъ—только скажу—разъ—и нѣтъ тебя! Мужики!..

Онъ махнулъ рукой и опять сѣлъ, черный и злой, полный горечи и обиды, и замолчалъ. И отецъ долго молчалъ, и можно было подумать, что пусто стало широкое, безконечнымъ казавшееся поле, такъ тихо и беззвучно сидѣли возлѣ гумна люди.

— А что-жъ, я ничего,—заговорилъ, наконецъ, отецъ,—я гляжу только—кабы не вышло бы чего? Дѣдъ вотъ тоже,—перемѣнилъ онъ разговоръ:—боимся мы—старъ человѣкъ, того гляди, въ одночасье помретъ! Конечно, онъ боковая кровь, дяденькой намъ приходится, ну, а другой роды какой у него все одно нѣтъ—помретъ, куда добро дѣнетъ? А гдѣ—не говоритъ!..

— А ты-бъ спросилъ, можетъ и сказалъ бы дѣдъ-то?—насмѣшливо отозвался Гаврила.

— Спрашивали мы—смѣется! И жестянку, говоритъ, кинулъ! Какъ остатній рупь вынялъ, такъ и жестянку кинулъ! А только грѣшитъ старикъ, видать, что есть... И куда ему, слѣпому?

— Намъ бы съ тобой, зрячимъ!..

Гаврила понималъ, къ чему клонитъ отецъ, и его забавляло то, что вотъ онъ боится и трясется отъ того, что укрываетъ бѣглаго, а всетаки укрываетъ, потому что помнитъ, какъ дѣдъ съ Гаврилой ходили куда-то и принесли деньги, и хочетъ вывѣдать объ этихъ деньгахъ. Гаврила не зналъ, гдѣ они, потому что дѣдъ выкопалъ жестянку изъ-подъ яблони и спряталъ въ какое-то новое мѣсто, но онъ не говорилъ этого отцу. Въ этомъ была и скрытая, злорадная месть, и разсчетъ: онъ зналъ точно и вѣрно, что едва только отецъ догадается о его невѣдѣніи, какъ тотчасъ же выгонитъ вонъ. А упрешься—выдастъ. И, можетъ, не самъ, а черезъ мужиковъ, а выдастъ безпремѣнно.

Такъ онъ и не сказалъ отцу о деньгахъ, а тотъ остался убѣжденнымъ, что Гаврила знаетъ, гдѣ они...

Послѣ отца долго никто не ходилъ къ Гаврилѣ, кромѣ Ксюши. Она же являлась каждый день; всегда скромная и молчаливая, чуть-чуть смущающаяся и сдержанная, ставила посуду на столъ и ждала. И часто во время ѣды, неожи-

данно поднимая глаза, Гаврила сталкивался взглядомъ съ черными большими глазами. Были они глубоки и темны, какъ бездонный колодезь, на днѣ котораго ничего нельзя было разглядѣть, и манили къ себѣ этой странной, загадочной глубиною. И при встрѣчѣ съ его взглядомъ тотчасъ же опускались, застигнутые врасплохъ, словно боясь выдать то, что пряталось за ними. И длинныя, черныя, слегка загибающіяся вверхъ, рѣсницы трепетали тайнымъ смущеніемъ и тоже манили...

И всегда бывало такъ, что вмѣстѣ съ нею входило въ темную баньку что-то несознанное и необъятное, какъ весна, какъ земля, какъ жизнь. Тупымъ и твердымъ ударомъ отвѣчало ему сердце, подымалось темное, какъ жизнь дремучаго лѣса, желаніе, будило скопившуюся силу, и мускулы дѣлались упругими и легкими, какъ стальныя пружины. И странно это было потому, что, казалось, рождалось не въ нихъ, а шло изъ невѣдомой дали человѣческаго существованія, тянулось безконечно давно, какъ свѣтлая цѣпь, въ которой они были только звеньями...

Уходила Ксюша—и тухло это чувство, и снова оставался Гаврила одинъ, отдѣльный, не связанный ничѣмъ съ остальными людьми, одинокій въ почернѣлой банѣ съ одинокими тягучими мыслями...

III.

... Пошли дожди, земля почернѣла и насупилась, стала холодной и мокрой, а небо склонилось надъ нею съ безмолвной, сѣрой печалью.

Стояли неподвижно деревья и листъ за листомъ теряли янтарный уборъ свой, и отъ этого безшумнаго непрерывнаго дождя большихъ, медленно крутившихся въ воздухѣ листьевъ вѣяло той же безсильной тоской, какъ и отъ почернѣлой, усталой земли...

... Вѣтеръ подымался по ночамъ...

Онъ налеталъ съ поля, свободный и буйный, моталъ вѣтвями деревьевъ, живой, плотной силой стучалъ въ крохотное окошко баньки, шуршалъ опавшими листьями. И тогда казалось, что по заросшему саду мечется кто-то тоскливый и растерянный отъ ужаса тьмы, холода и заброшенности...

Извивались деревья, живыми колеблющимися прутьями хлестали воздухъ вѣтви, а кряжистая, раздвоенная у корня яблоня возлѣ бани скрипѣла зловѣще и громко. Была она старая, полузасохшая и трудно ей было гнуться подъ вѣтромъ и бить корявыми вѣтвями въ крышу бани.

Длинными и томительными стали ночи. Короткій день рождался въ сырой полумглѣ и уходилъ въ нее, и чтобы поскорѣй прожить его, лучше было спать. А ночь оставалась тягучая, безсонная и глухая, полная долгихъ мыслей, плывшихъ такъ же медленно, какъ время.

Рѣдко и коротко, странно врываясь въ вой вѣтра и скрипъ старой яблони, пѣли пѣтухи—и опять засыпали. Полные своей непонятной, птичьей жизнью, кричали опять, отмѣчая что-то важное и понятное для нихъ въ уплывающемъ назадъ времени.

Было холодно, потому что въ щели дуло, и сквозь неплотныя доски потолка протекала дождевая вода и падала, звучно щелкая, грузными каплями въ скопившуюся на полу лужу. И было страшно, потому что все, что было въ жизни, въ эти ночи представлялось не такимъ, какъ казалось, а новымъ и чуждымъ.

Какъ старый больной звѣрь, ежился въ углу подъ тулупомъ Гаврила и думалъ. Думы были тяжелыя, какъ сырой мракъ, охватившій со всѣхъ сторонъ одинокую баньку.

... Было широко и свободно жить въ деревнѣ, взрывать сохой пашню, широкимъ прокосомъ идти пашней. И было весело и радостно пѣть на гуляньяхъ, смѣяться съ дѣвками и пить на праздникахъ водку... А то еще было хорошо ѣздить на мельницу: тихо, неторопливо, подставляя спину осеннему нежаркому солнцу.

И было безпокойно и обидно прятаться по оврагамъ, ночлежкамъ, банямъ, ожидая каждую минуту удара сзади, вздрагивая при каждомъ шорохѣ, новомъ лицѣ, внезапномъ движеніи. Тяжело и уныло было отсиживаться часами въ какой-нибудь канавѣ, подымать голову и острымъ, внимательнымъ взглядомъ загнаннаго волка впиваться въ даль.

— Ушли? Нѣтъ, хрустятъ вѣтки, ищутъ еще...

И опять, сжавшись комочкомъ, лежать въ бурьянѣ, зарывшись прошлогодними листьями, гдѣ копошатся озябшія жабы—мягкія, скользкія, холодныя...

Разворачивалась длинная цѣпь голодныхъ, трусливыхъ дней, освѣщенныхъ одной мыслью:—уйти, спрятаться!..

Пожаръ, тюрьма, побои, ссылка, голодъ, обида, боль... Темнымъ и страшнымъ протестомъ подымалась давняя злоба и разражалась буйнымъ озорствомъ, ненужной жестокостью, тупой местью кому-то и чему-то, что сдавило его со всѣхъ сторонъ и не даетъ дышать... Была когда-то любовь, жалость, улыбка... Прошло. Растаяло въ быстрой смѣнѣ трусливыхъ, вороватыхъ дней.

— Дѣдъ? Старый песъ! Запряталъ мошну—„нѣту и жестянку закинулъ!..“ Дьяволъ слѣпой!..

— Отецъ, мать? Ну, мать—ей полагается, а отецъ... „Мужики!“ Знаемъ мы, какіе мужики!..

— Братъ Ленька? У-у-у, бѣсенокъ, рыло наѣлъ на спокойныхъ хлѣбахъ и горюшка ему мало... Теперь ему жонку подай, а онъ куражиться надъ ней будетъ: „ходи въ струнѣ, мужа уважай“... Сволочь сытая!..

— Ла-адно, ужо будетъ вамъ!—злобно шепталъ Гаврила, ворочаясь на узкомъ и тѣсномъ полкѣ, гдѣ едва помѣщалось его большое тѣло.

Опять кричали пѣтухи, отмѣчая имъ однимъ извѣстное, что произошло во времени. И снова вылъ вѣтеръ, скреблись по крышѣ вѣтви яблони и громко щелкали падавшія съ потолка капли. Иногда вѣтеръ захватывалъ струи дождя и бросалъ ихъ въ убогія стекла окна, и тогда казалось, что тотъ большой и тоскливый, кто слѣпо метался по опавшимъ холоднымъ листьямъ, со злобой швырялъ горстью въ окно и горько смѣялся.

И разъ было такъ, что вмѣстѣ съ водой онъ бросилъ трепетный отблескъ желтаго свѣта.

Сначала Гаврила не сообразилъ, что́ это, но потомъ вдругъ похолодѣлъ и невѣрными, цѣпляющимися движеніями сползъ съ полка. Но къ окну подойти не могъ, потому что сердце остановилось, и въ глазахъ поплыли радужные круги. И только, когда въ окнѣ опять мелькнулъ качающійся напряженно-желтый свѣтъ—онъ приникъ къ стеклу и, обезсилѣвъ, налегъ грудью на острый край подоконника.

На дворѣ, мелькая живымъ свѣтлымъ пятномъ, двигался фонарь—потомъ появился другой, потомъ третій. Они раскатывались, сбѣгались, сталкивались и опять двигались, и это было похоже на странный качающійся танецъ желтыхъ огоньковъ.

Медленно и размѣренно, словно вздымался тяжелый молотъ, двинулось сердце, на моментъ задержалось и тупо и глухо ударило въ грудь. Какъ будто кто-то равнодушный и тяжелый стукнулъ въ широкую кость, потомъ еще, потомъ ударъ подхватили маленькіе и злобные—и сердце завертѣлось въ бѣшеномъ вихрѣ подъ ихъ жестокой, веселой дробью. И сразу проснулось знакомое хитрое чувство—все стало яснымъ, и самъ онъ сжался въ твердый, дрожащій напряженный комокъ.

Быстро подхвативъ полушубокъ, шапку и сапоги—Гаврила неторопливо и осторожно вышелъ изъ бани и прислушался.

Кто-то громко кричалъ на дворѣ, и плачъ слышался, какъ будто женскій; кто-то звонко шлепалъ тяжелыми то-

ропливыми шагами по грязи на улицѣ. А со стороны гумна трещалъ плетень, грузно шлепнуло мягкое тѣло, и хриплый простуженный голосъ ругнулся, а другой ему отвѣтилъ сдержанно и тихо.

Было ясно. И садъ, и домъ окружили и теперь ищутъ во дворѣ. Уйти было некуда.

Гаврила раздумчиво качнулъ головой и медленно пошелъ по саду. Полное равнодушіе и тишина охватили его,—и если бы теперь онъ столкнулся съ урядникомъ или стражникомъ, онъ не побѣжалъ бы, не рванулся бы въ сторону, а равнодушно и безстрастно остановился бы передъ нимъ.

Онъ несъ въ рукахъ полушубокъ и сапоги и, какъ будто, не зналъ, что съ ними дѣлать.

— Въ колодезь ихъ, что ли, бросить,—скучно подумалъ онъ, не зная самъ, зачѣмъ надо было бросить.

Онъ подошелъ къ колодцу и ощупалъ его. Мокрыя гнилыя бревна скользнули подъ рукой холодной, влажной сыростью.

И отъ этого вдругъ яркой искрой вспыхнула спавшая мысль. Гаврила пріостановился на мигъ, быстро оглянулся кругомъ и однимъ движеніемъ швырнулъ сапоги и полушубокъ въ колодезь.

Колодезь былъ старый, давно вычерпанный и вода держалась въ немъ только во время дождей, да и то не прогнившій срубъ пропускалъ ее, и она всасывалась въ землю и скоплялась въ мочилѣ за садомъ.

Гаврила нащупалъ жердь, которою доставали воду для поливки огорода, спустилъ ее до дна колодца и уперъ верхнимъ концомъ въ уголъ сруба.

Потомъ перешагнулъ черезъ срубъ и быстро и ловко скользнулъ по жерди внизъ. И когда почувствовалъ, что ноги по колѣно погрузились въ воду, уперся босыми ступнями въ бревно сруба и такъ, налегая всѣмъ тѣломъ на подгибающуюся жердь, повисъ, крѣпко вцѣпившись въ нее руками.

Что-то булькнуло внизу разъ и два. Это тонули брошенные сапоги. Полушубокъ плавалъ еще и шуршалъ не скоро намокающей кожей, по срубу. Было холодно и душно отъ запаха сырости и гнили. И еще пахло чѣмъ-то—какой-то ржавчиной и грибами, которыми поросли старыя полусгнившія бревна.

Ни одинъ звукъ не доносился сюда сверху — словно нигдѣ не было людей и облавы, а все это приснилось. Долеталъ только шорохъ дождя, смутный гулъ вѣтра, похожій на вой трубы, да журчали ручейки сбѣгавшей по срубу воды... Иногда, когда Гаврила двигался, попискивала жердь

и хрустѣло гнилое бревно, въ которое она вдавливалась верхнимъ концомъ. И холодно было. Босыя ноги зашлись отъ ледяной воды, все тѣло начинало дрожать судорожной знобкой дрожью, такой сильной, что надо было крѣпко сжимать челюсти, чтобы не ляскать зубами.

И такъ продолжалось долго—часъ или два, и казалось, что время остановилось и нѣтъ ничего: ни земли, ни людей, ни облавы, есть только мучительный холодъ, отъ котораго нельзя было разжать скрючившихся пальцевъ. И еще казалось порою, что все это не на самомъ дѣлѣ, а въ дикомъ снѣ—такъ это было непохоже на жизнь. Не было мыслей, а былъ страхъ, а потомъ и его не стало: крохотнымъ комочкомъ сжался онъ въ глубинѣ замерзшей груди и застылъ тамъ, неподвижно и мертво.

И много прошло времени, пока застывшее сознаніе родило отраженіе мысли. Кто-то ходилъ наверху по саду, и шуршали опавшіе мокрые листья. Ходилъ тихо, покачиваясь и причитая, бормоча и всхлипывая.

Что-то далекое, затерянное въ глубинѣ давно прошедшихъ годовъ было въ этомъ голосѣ и плачѣ. Какъ будто Гаврила слышалъ его когда-то и довѣрчиво шелъ на него, но это было такъ давно, какъ воспоминанія далекаго дѣтства.

Огромнымъ усиліемъ, уже забывъ про страхъ, про ужасъ того, отъ чего онъ убѣгалъ, Гаврила разжалъ сомкнутые зубы и хотѣлъ крикнуть, но голосъ пресѣкся и челюсти только звонко звякнули застывшими зубами и запрыгали, безсильныя удержаться, выбивая дикую лязгающую дробь.

....Давно ушли понятые, и давно, написавъ протоколъ, уѣхали становой и урядникъ, и давно растаяли въ затихшемъ дворѣ послѣднія грязныя слова злобной брани; успокоился дѣдъ наверху, прилегъ измученный Максимъ, и Ленька заснулъ опять, а мать все ходила по саду, заходила въ баню, возвращалась назадъ и кружилась слабыми подгибающимися ногами, мокрая отъ мокрыхъ кустовъ по мокрымъ опавшимъ листьямъ.

Плакала и звала тихонько ненагляднаго Гаврика, котораго любила не только потому, что былъ онъ сыномъ ей, а и потому, что тяжелая судьба его представлялась ей связанной таинственнымъ сходствомъ съ ея судьбой: были они оба одиноки въ жизни, гонимы и жалки, какъ бездомныя дѣти. И если его жизнь, сжатая желѣзнымъ кольцомъ человѣческой жестокости, шла неизвѣстно какъ и неизвѣстно гдѣ, и знала она про нее только одно, что шла она худо,—то ея

жизнь угасла среди мелкихъ обидъ, постоянныхъ попрековъ, вѣчной темноты и обидной боли.

Она не знала, куда могъ убѣжать Гаврикъ, и кружилась въ безсильной тоскѣ по саду, задѣвая кусты и деревья, подымая ворохи листьевъ и подвывая. И это было похоже на то, какъ ночью вѣтеръ, залетѣвшій съ поля и заблудившійся въ маленькомъ саду, метался здѣсь, колебалъ вѣтви и плакалъ. Какъ будто его безпредѣльные порывы и его неуловимая тоска сжались въ маленькую, смутно маячущую въ предразсвѣтномъ сумракѣ черную фигуру, такую согнутую, старую, колыхающуюся...

Она уже хотѣла идти домой и тамъ, сѣвъ въ уголъ, поплакать незамѣтно и горько, какъ, проходя мимо колодца, услышала странный звукъ. Прислушавшись, уловила еще разъ, уже слабѣе, и заглянула въ колодезь.

Изъ черной ямы его, чуть намѣчаясь сѣрымъ уродливымъ пятномъ, глядѣло вверхъ судорожно сжавшееся въ дикой гримасѣ лицо—страшное и необычное, какъ лицо мертвеца. И самымъ страшнымъ были на этомъ лицѣ двѣ подробности, которыхъ нельзя было не замѣтить, несмотря на сѣрый отсвѣтъ зарождавшагося дня,—два остановившихся стеклянныхъ глаза, въ тупомъ ужасѣ устремленныхъ вверхъ, и тусклымъ блескомъ свѣтившійся мертвый оскалъ непрерывно прыгающихъ зубовъ.

— А-а-а... а-а-а!—слабо донеслось изъ колодца жалкимъ и безсильнымъ стономъ сквозь непрерывную и громкую костяную дробь...

Мать вдругъ заметалась надъ чернымъ срубомъ, полная жалости и ужаса, растерянная и безсильная.

— Гавринька, сынокъ мой родненькій...—шептала она трясущимися непослушными губами и вертѣлась вокругъ колодца, то низко наклоняясь въ него, то отскакивая, пытаясь куда-то бѣжать и что-то сдѣлать:—Гавринька, цвѣтикъ мой ясненькій, сынокъ мой болѣзненькій...

Она знала, что надо что-то сдѣлать, но не было ни одной мысли въ опустѣвшей сразу головѣ, какъ будто всѣ онѣ вылетѣли и исчезли, вытолкнутыя безмѣрной жалостью и ужасомъ того, что она увидѣла, и она кружилась на одномъ мѣстѣ, какъ большая черная птица надъ упавшимъ изъ гнѣзда птенцомъ, безсильная помочь ему.

— А-а-а...—затрудненно и хрипло неслось изъ колодца.

Съ трудомъ перебирая старыми подгибающимися ногами, мать побѣжала, наконецъ, домой.

Тамъ она нашла Ксюшу—молчаливую, съ остановившимся взглядомъ испуганныхъ черныхъ глазъ, казавшихся еще болѣе черными и большими на похудѣвшемъ за одну ночь

лицѣ отъ густыхъ коричневыхъ тѣней, окружавшихъ ихъ.

Задыхаясь и путаясь, кой-какъ объяснила старуха, въ чемъ дѣло, и обѣ побѣжали опять къ колодцу. И, слабыя и безсильныя, пытались сдѣлать то, чего не могъ сдѣлать самъ сильный и крѣпкій Гаврила,—вытащить его наверхъ. Онѣ долго бились, обливаясь потомъ, растерянныя и пугливыя, доходя до отчаянія. Наконецъ, Ксюша догадалась принести возжи; цѣпляясь за бревна, спустилась она насколько могла, въ срубъ и опутала ими Гаврилу подъ мышки. И такъ тянули онѣ его, какъ тянутъ порой мужики завязшую въ топкомъ болотѣ корову...

Гаврила вывалился изъ колодца и, не въ силахъ стать на ноги, присѣлъ, прислонясь спиной къ срубу. Онъ былъ весь мокрый, застывшій и страшный отъ остановившагося взгляда стеклянныхъ, выпученныхъ глазъ и отъ подергивающагося мелкой судорогой, сжавшагося темной кучей тѣла. Онъ сидѣлъ, щелкая зубами—голодный, замерзшій и дикій, какъ старый загнанный въ уголъ волкъ, особенно похожій на него этимъ рѣзкимъ щелканьемъ.

Кое-какъ женщины стащили его въ баню, уложили на сѣно, укрыли шубой и одѣяломъ—и долго сидѣли надъ нимъ и плакали, а онъ все никакъ не могъ отогрѣться, все ежился, стоналъ и по прежнему ляскалъ зубами.

Надо было убирать скотину, и Ксюша ушла, а мать продолжала сидѣть тихо и неподвижно, вглядываясь въ блѣдное лицо, полная жалости и тоски.

Было время — всѣ сразу повѣрили, что наступаетъ мужичье царство, и можно все. Быстрый и неясный слухъ пронесся по деревнямъ и селамъ, и древняя, вѣчная злоба противъ тѣхъ, что жили сыто и счастливо, вспыхнула яркимъ заревомъ, то внезапно занявшагося помѣщичьяго гумна, то ярко запылавшаго амбара, то дерзкой кражей. И дѣлали это всѣ, потому что всѣ ясно и безповоротно сознали несправедливость того, что тянулось отъ прадѣдовъ и дѣдовъ. А почему и какъ остался въ отвѣтѣ одинъ Гаврила—старуха не знала и не протестовала, потому что все ея существованіе бабье пріучило ее къ этому. Отъ матери своей слышала она о рекрутчинѣ, гдѣ, спасая свою семью, староста сдавалъ чужого сына, сама знала, что выйдешь замужъ не за того, кто любъ и хорошъ, а за кого прикажутъ, и все ея крестьянское сознаніе было пропитано терпѣливымъ и долгимъ страданіемъ. И бывало такъ, что это страданіе казалось нужнымъ и необходимымъ, какъ жертва невѣдомому и жестокому богу... И другимъ внушала она

всегда не то, что чувствовала, а что впитала сама вмѣстѣ съ трудомъ, бѣдностью и вѣчнымъ рабствомъ.

Уже было совсѣмъ свѣтло, когда Гаврила согрѣлся и заснулъ тревожнымъ и чуткимъ сномъ. Часто просыпался онъ, внезапно садился и смотрѣлъ предъ собою испуганнымъ взглядомъ, но, видя мать, опять ложился и засыпалъ. А она тихо и печально сидѣла надъ нимъ, гладила волосы и думала. И мелкія частыя слезинки, какъ зарядившій надолго осенній дождь, катились по старому морщинистому лицу, падали на грудь, на доски полка, на волосы сына...

IV.

Максимъ шелъ съ молотьбы не садомъ, а кругомъ задворками, потомъ деревней, такъ какъ надо было зайти къ Пѣгаревымъ, попросить Мишу Пѣгаренка о помочи. Шелъ онъ задумчивый и темный, покручивая бороду и глядя въ землю. Ночной обыскъ безпокоилъ его, онъ зналъ, что этимъ не кончится, и надо ждать новыхъ событій.

Около Пѣгаревой избы встрѣтился Прохоръ, старый, умный мужикъ, верховодившій міромъ, крѣпкій и тугой, какъ дубовый обручъ. Онъ остановился и окликнулъ Максима:

— Куда-жъ такъ, Максимъ Савельичъ?

— Да Пѣгаренка Мишу попросить хотѣлъ... Они то справивши съ молотьбой, можетъ, помогъ бы...

— Такъ... А что-жъ сами то?

— Да не одолить! Нынче сутоцкій клинъ мы снимали, ну и тяжело...

— Такъ, такъ...

Подошелъ Дюжиковъ, востроносый, бѣлобрысый и хромой на лѣвую ногу мужикъ, поздоровался и тоже остановился. И, прислушавшись, о чемъ говорятъ, вставилъ свое слово:

— А народу-то въ тебя не мало, семья дюжая...

— Что-жъ народу—народу не гораздъ,—замѣтилъ Максимъ, — я да женка, Ленька да Ксютка... Слѣпой не работникъ... Дѣду чтобъ поѣсть—это дай, а работать гдѣ-жъ ему!..

— Оно конечно!—неопредѣленно протянулъ Дюжиковъ и прокашлялся.

Видно было, что мужики что-то думаютъ, и отъ этого Максиму стало неловко. Смутная тревога осторожно шевельнулась въ душѣ и затихла.

У ближней избы распахнулись ворота, и на большой чалой лошади выѣхалъ старикъ Мосей. Въ телѣгѣ горой

были сложены большіе мѣшки, и самъ Мосей — маленькій, по виду похожій на добренькаго старичка-странника—сидѣлъ на нихъ, какъ воробей на крышѣ.

— Ай на мельницу, Мосей Петровъ?—окликнулъ его Дюжиковъ.

— Ворота-то, ворота запри, гляди, боровъ не ушелъ бы!—обернувшись къ избѣ, кричалъ Мосей и потомъ, когда къ воротамъ выбѣжала чернявая босая дѣвченка, отвѣтилъ:

— На мельницу и есть, къ Карлу Ѳедорычу, тпру ты!—остановилъ онъ лошадь и добавилъ:—добраго здравья!

— Здравствуй!

— Такъ вотъ что я скажу,—началъ Прохоръ, глядя не на Максима, а куда-то поверхъ него, строго и прямо, какъ глядѣлъ въ церкви, — вотъ что я скажу тебѣ, Максимъ Савельичъ! Въ насъ уже поговорено, мы толковали тутъ давеча—ты Гаврюху гони! И не думай,—подхватилъ онъ, видя, что Максимъ собирается возражать,—знаемъ мы все—деревня не батька съ маткой, ее не омманешь, прямо говоримъ тебѣ—куда хошь, а выпроваживай!

— Потому,—перебилъ его Дюжиковъ, показывая взятую изъ Мосеева воза соломинку,—намъ это тоже не рука!.. Въ ночь-полночь собьютъ народъ, да этотъ бѣсъ пузатый, становой, грозится еще: подкрыватели, говоритъ, команду поставлю, раззорю!.. Хайло-то ему затыкать тоже не наберешься, да была-бъ нужда—а то сынъ твой, дѣло твое, а становому мы собирай!.. И такъ, гляди вонъ, Пронниковымъ стражника поселили—ладно, что догадались вина ему поставить, то-бъ было тебѣ хлопотъ!..

Мосей долго смотрѣлъ передъ собою прищуренными глазами, похлопывалъ кнутовищемъ по мѣшку, отчего изъ мѣшка легкимъ облачкомъ подымалась золотая пыль, и молчалъ. Максимъ посмотрѣлъ на него съ тайной надеждой найти поддержку, но тотъ отвернулся и сталъ, не вставая съ мѣшка, подтягивать обматывавшую возъ веревку. И тогда сказалъ негромко и медленно, какъ все, что говорилъ:

— Что-жъ—міръ въ виръ, и мы не въ кусты...

Тогда Максимъ окончательно понялъ, что мужики стакнулись и дѣйствуютъ сообща.

— Ладно,—тихо вымолвилъ онъ и потупился.

— Такъ-то,—поддержалъ Прохоръ и, не прощаясь, пошелъ прочь, какъ ни въ чемъ не бывало, — привезешь, Мосей Петровичъ, муки — дай на два дни, отдамъ ужо! Самому ѣхать времени нѣтъ,—крикнулъ онъ, оборачиваясь,

— А что-жъ, можно, за что не дать, ужо дамъ! Ну ты, заснула! — трогая лошадь, отвѣтилъ Мосей и замахнулся кнутомъ. Лошадь дернула, телѣга скрипнула и покатилась.

— Такъ до повиданья!—бросилъ Дюжиковъ и заковылялъ своей хромой ногой въ сторону.

Максимъ постоялъ немного одинъ и пошелъ мимо Пѣгаревой избы прямо домой, по прежнему глядя въ землю и ероша широкую бороду. Шелъ онъ, опустивъ голову, всегда крѣпкій и кряжистый, теперь опустившійся и растерянный, похожій на человѣка, которому стыдно чего-то. И онъ самъ не могъ разобрать чего: — того ли, что у него сынъ такой, котораго ищутъ и дѣлаютъ обыски, или того, что заявили сейчасъ мужики.

— Жечь вмѣстѣ, грабить тожъ, а въ тюрьмѣ сидѣть—Гаврюха!—думалъ Максимъ, пощипывая концы бороды, и ему казалось, что это не онъ самъ сейчасъ думаетъ, а вспоминаетъ что-то недавнее, когда кто-то говорилъ ему это...— Вишь, становому дали, стражника поятъ...Дали-бъ вы, когда-бъ рыло въ васъ чисто было, жди, какъ же!..

Вечеромъ опять приходили мужики—по одному, по два, а побывали всѣ. Приходили, будто, по дѣлу—кто за прясломъ для тканья, кто за чѣмъ, а Прохоръ такъ даже за табачкомъ, словно лавочникъ Мосей не далъ бы ему взаймы табаку.

И опять говорили насчетъ Гаврилы, осторожно и глядя въ сторону, какъ будто ненарокомъ бросая слова. Въ томъ, что они приходили въ разное время и порознь, а говорили одно и то же и одинаково, чувствовалась плотная, глухая стѣна, которую ничѣмъ, казалось, невозможно было пробить.

Плакала старуха, дипломатически молчалъ слѣпой дѣдъ, а Максимъ разводилъ руками и вздыхалъ.

Неслышно, чуть покачиваясь на ходу, двигалась по избѣ Ксюша, молчаливая, какъ будто испуганная, сторонясь отъ ворчавшаго на всю эту „склеку“ Леньки. А тотъ, когда она попадала ему на глаза, ворчалъ еще громче и ругалъ брата.

Опять заходилъ отецъ къ Гаврилѣ — растерянный, смущенный и робкій отъ того, что ему приходилось дѣлать то, чего онъ самъ не хотѣлъ.

Гаврила лежалъ на полкѣ блѣдный, съ широко открытыми глазами, ежась отъ холода подъ полушубкомъ. Время отъ времени онъ вытягивалъ широкую, костистую руку, бралъ поставленный возлѣ ковшъ и пилъ. Но не могъ утолить томившей его жажды, смачивалъ пересохшія, потрескавшіяся губы и отставлялъ ковшикъ.

Максимъ сѣлъ возлѣ и опять сталъ говорить, что мужики могутъ выдать, что опасно оставаться. Говорилъ это тихо, виновато, потому что зналъ, что Гаврилѣ некуда идти, и ему было жаль его. И разъ, когда наклонился къ сыну, вдругъ испугался: сухимъ горячимъ жаромъ пахнуло на него изъ-подъ отвернувшагося полушубка, и тогда онъ по-

нялъ, что Гаврила боленъ и лежитъ въ жару. Онъ испуганно посмотрѣлъ на сына, замѣтилъ блестящіе глаза, внезапную худобу лица, на которомъ скулы выдались острыми и жесткими углами,—и испугался еще больше.

Темная, боязливая мысль дрогнула въ далекомъ и тайномъ уголкѣ мозга. Боялся онъ самъ въ ней признаться, а она жила и безпокоила смутнымъ страхомъ.

— Нѣтъ, ты уходи, уходи,—торопливо заговорилъ Максимъ,—никакъ не возможно, иди, иди... И то вонъ, гляди — мужики вотъ... Нѣтъ, уходи, уходи!..—упорно твердилъ онъ, безпокойно двигаясь на ступенькѣ полка, потомъ вдругъ вскочилъ и, сжавъ зубы, закричалъ съ упрямой жестокостью, отъ которой у самого мучительной болью сжалось сердце:

— Говорю—уходи, уходи, уходи!..

И въ два шага выскочилъ въ садъ и побѣжалъ, спотыкаясь и путаясь въ опавшихъ, скользкихъ литьяхъ, испуганный, растерянный, шепча трясущимися губами:

— Господи, Господи, только не померъ бы здѣсь, Господи!..

За нимъ пришелъ Ленька. Короткій и грубый, словно выдубленный неискуснымъ мастеромъ изъ корявaго дерева, съ одутловатымъ, словно припухшимъ лицомъ, онъ, согнувшись, вошелъ въ баню, минуту постоялъ, оглядываясь, и подошелъ къ брату. Но не сѣлъ, а, наклонивъ голову, уставился исподлобья на него своими маленькими, зеленоватыми глазами, упрямо глядѣвшими изъ подъ толстыхъ, набухшихъ вѣкъ.

Гаврила посмотрѣлъ на него и равнодушно отвернулся.

— Ты вотъ что,—началъ Ленька, мотнувъ головою и переступая съ ноги на ногу, становясь плотнѣе и крѣпче, точно готовясь къ борьбѣ,—я тебѣ прямо скажу вотъ что: ты, братъ, уходи!.. Да... И уходи сичасъ! И нечего тебѣ тутъ дѣлать— уходи и уходи!.. Потому мы тебя не звали, а не то мужики ли тамъ, либо кто другой, а выпроводятъ... Уходи, пока что!.. И нечего тебѣ здѣсь дѣлать, и не зачѣмъ пришелъ ты... Тоже вотъ дѣвокъ, которыхъ другой человѣкъ въ законъ, можетъ, взять хочетъ, смущать не зачѣмъ. Слышишь ты? Уходи—и весь сказъ!

Онъ остановился и громко и сердито засопѣлъ носомъ.

Гаврила смотрѣлъ на брата, и ему казалось, что это говоритъ не Ленька, котораго онъ зналъ и хорошо помнилъ толстымъ увальнемъ-мальчишкой,—а стягивается какое-то безпощадное, страшное кольцо, которое незамѣтно, но упорно стало окружать его съ тѣхъ поръ, какъ онъ бѣжалъ съ этапа.

Сначала его не было видно, и хотя первое время въ бѣ-

гахъ онъ больше боялся людей,—они были просто люди, съ которыми онъ встрѣчался, проходилъ мимо, и они не замѣчали его. Потомъ онъ сталъ бояться ихъ меньше, а они стали относиться къ нему подозрительнѣе, и временами проглядывало въ нихъ что-то тупое и жестокое, и даже не въ нихъ, а какъ будто сквозь нихъ, словно за ними прятался кто-то и двигалъ ими, какъ хотѣлъ, для того, чтобы окружить и сдавить Гаврилу.

Тогда онъ подумалъ:

— Домой!..

И вспомнилъ деревню такой, какой оставилъ ее: знакомой, простой и добродушной.

„Отецъ подержитъ у себя, мужики не выдадутъ, дѣдъ дастъ денегъ...“

И пошелъ довѣрчиво и весело домой, не думая о невидимомъ кольцѣ, которое ловило его. А оно здѣсь стало и окружило—и это было странно и непонятно, потому что онъ зналъ здѣсь всѣхъ, и зналъ, что они добрые, совсѣмъ не жестокіе люди. И самое странное было то, что теперь говорили они всѣ, какъ будто, не сами, а кто-то сильный и злой говорилъ ихъ устами, двигалъ ими, самъ же прятался за ними.

Ленька стоялъ, упершись, какъ быкъ, склонивъ голову и опустивъ твердыя, короткія руки. И бурчалъ что-то, что Гаврила съ трудомъ слышалъ сквозь непрестанный шумъ, гудѣвшій у него въ головѣ.

Надо было сдѣлать большое усиліе, чтобъ понять, а это было трудно: хотѣлось пить, языкъ ворочался во рту сухой и горячій, и голова горѣла и ныла длинной, тянущей болью.

— Уходи!—бубнилъ Ленька,—потому не тебѣ, острожнику, ее... Ты въ законъ взять не можешь, спортишь только, а я по божьи, по закону... И папаша съ мамашей тожъ за меня—потому работница и семью знаетъ, съ малыхъ лѣтъ живетъ, и прежде ровно дочь была... Уходи и не смущай зря! А не уйдешь,—онъ шагнулъ къ брату и наклонился надъ нимъ,—ей-ей хуже будетъ! Мужики ли тамъ, либо кто другой—обскажутъ стражнику—тутъ вѣдь онъ, на деревнѣ, недалеко ходить!..

Гаврила видѣлъ темную, наклонившуюся надъ нимъ фигуру, заслонившую свѣтъ, и оттого, что онъ видѣлъ ее снизу, она показалась ему огромной и тяжелой, словно высѣченной изъ камня. Временами колебалась она, то страшно приближаясь къ глазамъ, становясь вплотную, и отъ этого было душно, то отдаляясь и выростая черной зловѣщей горой.

Пожевавъ сухими, шуршащими губами, онъ медленно, съ трудомъ и останавливаясь, отвѣтилъ:

— А... былъ бы я здоровъ... и трес-нулъ бы тебя... сукина... сына!..

V.

...Голова горѣла, и въ ушахъ стоялъ громкій и непрерывный звонъ, и звучалъ онъ то густо, то тонко, мѣрными качающимися размахами. Трудно было встать, потому что было что-то лѣнивое и сладкое, что невыразимой тяжестью налегло на плечи и тянуло внизъ. А когда всталъ—теплая, густая кровь тупо ударила въ темя и заслонила глаза мутной волной.

— Одѣться, одѣться надо,—шепталъ Гаврила, — сапоги вотъ...

Смутно, какъ сквозь сонъ, помнилъ онъ, что тутъ же гдѣ-то были сапоги. Ихъ вытащили изъ колодца, и они долго висѣли подошвами вверхъ на жердинкѣ у потолка. Съ трудомъ досталъ ихъ и еще съ большимъ трудомъ надѣлъ.

— Тулупъ тоже...

Тотъ тулупъ, подъ которымъ онъ лежалъ, былъ материнскій. Она принесла ему тогда изъ дома и укрыла его, и его нельзя было брать. А свой не просохъ еще, и, щупая его, Гаврила ощущалъ рукою сырую, прѣлую шерсть.

— Хуже, пожалуй, въ немъ еще, мокрый! — подумалъ онъ, но махнулъ рукою и надѣлъ.

Противный кислый запахъ мокрой овчины ударилъ въ голову и судорогой, похожей на тошноту, сжалъ горло. Чтобъ избавиться отъ этого, Гаврила вышелъ въ садъ и прислонился къ облипку двери.

Мелкая водяная пыль дождя висѣла надъ землей—неслышная и непрестанная. Обостренной чувствительностью сухой наболѣвшей кожи Гаврила чувствовалъ ее и, по мѣрѣ того, какъ она мочила лицо, голова прояснялась, и дышать было легче.

Что-то мѣшало еще уйти, висѣло надъ воспаленнымъ мозгомъ и отъ того, что не удавалось вспомнить — что еще надо сдѣлать, было мучительно.

Мысли плыли въ головѣ, разорванныя и неоконченныя, какъ вечернія тѣни въ душной комнатѣ, и безпорядочной чередой вились вокругъ чего-то забытаго, чего нельзя было забывать и надо вспомнить.

— Мать? Нѣтъ. Ленька? Нѣтъ!.. Зажимаютъ... сгрудились и зажимаютъ, какъ волка на облавѣ... Нѣтъ, не то, не то!.. Ксюша? Да, Ксюша!..

Онъ на минуту задумался и туманнымъ, колеблющимся силуэтомъ встала надъ темнотою мокраго сада слабая, покачивающаяся фигура дѣвушки. Тусклымъ, бѣлесоватымъ пятномъ мелькнуло лицо и на немъ темныя пятна печальныхъ глазъ; качнулось—и медленно двинулось въ бокъ и вверхъ, постепенно тая и расплываясь. И опять были однѣ старыя яблони съ густо переплетающейся сѣткой корявыхъ вѣтвей, срубъ колодца и стѣна скотника вдали.

— Нѣтъ, не то!

Вдругъ что-то свѣтлое блеснуло въ умѣ и задрожало, задержавшись,—и мгновеннымъ, страшнымъ напряженіемъ памяти онъ вспомнилъ:

— Дѣдъ, деньги!

И весь въ горячемъ липкомъ поту, ослабѣвшій отъ этого усилія, съѣхалъ спиною по облипку къ порогу и присѣлъ на немъ.

— Да, дѣдъ... У него есть, вретъ слѣпой песъ, гдѣ-нибудь тутъ же запрятаны... Пусть дастъ, я и уйду, а нѣтъ...

Онъ не додумалъ и упрямо мотнулъ головой, какъ незадолго передъ тѣмъ братъ Ленька. И хотя тотъ былъ здоровый, крѣпкій и толстомордый, а онъ больной и исхудавшій до того, что кости стали плоскими и острыми, — этимъ движеніемъ онъ внезапно и страшно напомнилъ брата.

Тяжелая злость, какъ старый слѣпой звѣрь, заворочалась въ груди, сжала спазмой горло и ударила въ темя красной густой кровью. И вся безпомощность, загнанность и безсиліе его поднялись въ ней, словно удушливый паръ потревоженнаго болота, поползли по тѣлу теплыми живыми струйками пота и затуманили голову.

— Старая собака!.. Гонятъ, затираютъ, дьяволы... „Уходи"! а онъ ухмыляется... Запряталъ мошну и ухмыляется... У-у-у, гадъ!..

Онъ всталъ и, шатаясь, какъ пьяный, пошелъ черезъ садъ во дворъ, потомъ въ избу.

Въ сѣняхъ было тихо и темно, спали всѣ, и онъ долго искалъ перила лѣстницы наверхъ. А когда нашелъ, то осторожно, какъ воръ, началъ взбираться по новымъ, пахнувшимъ еще свѣже-распиленной сосной, ступенямъ, задерживая дыханіе и шагая широкими шагами.

И во მракѣ ему чудилось, что кто-то невидимо караулитъ его, знаетъ заранѣе, что онъ сдѣлаетъ, и заливается мелкимъ, неслышнымъ хохотомъ.

Дѣдъ спалъ на старомъ ларѣ, мѣстами обугленномъ и прожженномъ, спасенномъ въ числѣ другихъ немногихъ вещей изъ пожара. И самъ онъ, выгорѣвшій и потерявшій

на этомъ пожарѣ глаза, любилъ старый ларь и спалъ не на кровати, а на немъ, хотя спать было неловко.

Стоялъ ларь въ маленькой горенкѣ въ мезонинѣ. Весь мезонинъ дѣлился тонкой переборкой на двѣ части, и за ней спала Ксюша. Дѣдъ боялся воровъ и самъ запиралъ дверь толстымъ желѣзнымъ крюкомъ, а Ксюша еще съ вечера неслышно отпирала его, чтобы не будить дѣда утромъ, когда шла обряжать скотину.

Гаврила подошелъ къ двери и прислушался. Та же тишина, только по забранной лучиной крышѣ — или это казалось только—шуршалъ дождикъ плотнымъ непрерывнымъ шорохомъ.

И опять слабость охватила Гаврилу, странная сонливая слабость, которую онъ едва превозмогъ, чтобы встать и одѣться. Исчезли злость и гнѣвъ, и осталась одна сладкая истома... Онъ долго стоялъ, отдуваясь и закрывъ глаза, тяжело налегая плечомъ на косякъ двери. Потомъ соскользнулъ съ него нечаянно и чуть не упалъ въ скрипнувшую и тихо подавшуюся дверь.

— Ахъ да, дѣдъ... деньги!—вспомнилъ онъ и шагнулъ въ комнату.

Мутный сѣрый сумракъ занимавшагося утра наполнялъ ее, и все въ немъ рисовалось неясно и призрачно, какъ въ туманѣ. Опредѣленнымъ и рѣзкимъ квадратомъ свѣтилось только окно, разрѣзанное черной рамкой переплета на четыре квадрата.

И дѣдъ, спавшій на своемъ ларѣ подъ нимъ, темнѣлъ длинной безжизненной тушей, черной и безформенной, какъ обгорѣвшая головня.

Гаврила вплотную подошелъ къ нему и тронулъ рукою.

— А, что? Что, что, что такое?—безсмысленно и громко вдругъ залепеталъ дѣдъ и внезапно, какъ на пружинѣ, сѣлъ.—Кто здѣсь, кто здѣсь, кто здѣсь такой?..

— Денегъ дай, дѣдъ!—коротко и спокойно проговорилъ Гаврила.

— Что такое, что такое,—лепеталъ дѣдъ,—какихъ денегъ? Кто такой? Ты, Гаврикъ? Что такое?

— Денегъ дай, уйду я... Денегъ надо... Двадцать, либо пятнадцать рублей,—равнодушно говорилъ Гаврила,—ухожу сейчасъ, давай, не то...

Онъ сказалъ: „не то“...—и какъ будто грозилъ этимъ, но сказалъ это не потому, что дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать что-нибудь дѣду, если тотъ не дастъ денегъ, а равнодушно и слабо, какъ бы повторяя заученный урокъ.

Дѣдъ понялъ и вдругъ весь затрясся, словно ему стало холодно. И по тому, какъ ходили ходуномъ его сухія крюч-

коватыя руки, какъ качалась голова и сразу пресѣкся голосъ, видно было, какой безмѣрный ужасъ сжалъ его слѣпой мозгъ.

— Га... га... га...—захрипѣлъ онъ, и Гаврила увидѣлъ, что отвисшая нижняя челюсть на дѣдовомъ лицѣ безсильно прыгаетъ и трясетъ сѣдую бороду.—Гха... га... а-а-а... нѣтъ де... де... нег-хъ, нѣ-ѣ-ѣтъ...

— Давай! — скучно повторялъ Гаврила.—Врешь вѣдь, старый, есть у тебя деньги... Ну, десять дай, что ли...

Дѣдъ вдругъ съежился, втянулъ голову въ плечи и сразу сталъ похожъ на старую, облѣзлую и жалкую собаку, надъ которой занесли дубину.

— Нѣтъ денегъ!—сердито и твердо сказалъ онъ,—ничего нѣтъ!...

Гаврила повернулся и хотѣлъ идти вонъ. Полное равнодушіе охватило его, и все равно было ему—дастъ ему денегъ дѣдъ, или не дастъ. И не слушалъ уже, что бормочетъ дѣдъ, и что скрипитъ за стѣнкой сухимъ деревомъ.

Уходя уже, онъ увидѣлъ вдругъ у ларя дѣдову клюку, толстую, подбитую на концѣ желѣзнымъ гвоздемъ, съ крючкомъ вмѣсто ручки. Онъ медленно взялъ ее, обернулся къ дѣду и посмотрѣлъ на него. Старикъ сидѣлъ по прежнему, втянувъ голову въ плечи, какъ собака, ожидающая удара, и бормоталъ что-то.

Опять показалось, что, какъ будто, нужно что-то сдѣлать, важное и необходимое.

Медленнымъ и размѣреннымъ движеніемъ Гаврила поднялъ клюку обѣими руками, размахнулся и—съ полусознаннымъ чувствомъ огромной поконченности и безповоротности того, что дѣлаетъ—крѣпко опустилъ ее на лысый, кругливившійся твердымъ шаромъ, черепъ дѣда.

Дѣдъ вдругъ крякнулъ, посѣлъ внизъ и взмахнулъ руками. Но за голову не успѣлъ схватиться, такъ какъ Гаврила ударилъ еще разъ, и онъ грузно, словно тяжелый мѣшокъ съ мукой, съѣхалъ на полъ.

Гаврила бросилъ клюку и тихо поплелся вонъ.

Уже было совсѣмъ свѣтло, и только въ оврагахъ, возлѣ рѣчки и подъ мостомъ ползалъ сырой, расплывающійся мракъ, когда Гаврила вышелъ въ поле за гумно и побрелъ къ лѣсу.

Не было ничего въ головѣ, какъ будто рѣзкій предутренній вѣтеръ выдулъ оттуда всѣ мысли и воспоминанія, и только онъ гудѣлъ тамъ ровнымъ, не ослабѣвающимъ звукомъ, какъ шмель надъ гречихой. А то еще иногда ка-

залось, будто гдѣ-то тутъ же, подъ самымъ ухомъ, нѣсколько мужиковъ точатъ косы—рѣзко, громко и безостановочно.

Хотѣлось пить очень, все пересохло во рту и въ горлѣ, и потомъ еще острой, надоѣдливой болью рѣзало глаза, и отъ этого все время на нихъ набѣгали теплыя слезы и туманили взоръ. Дрожалъ въ водянистой колеблющейся дымкѣ недалекій лѣсъ, дрожало свинцовое небо, а черныя пятна маячившихъ подъ нимъ озябшихъ воронъ сливались въ длинные зигзаги.

И было одно только неясное желаніе, похожее на темный инстинктъ волка, уползающаго умирать въ непроходимую гущу кустарника: дойти до лѣса и тамъ лечь гдѣ-нибудь подъ корягой на холодный, мокрый мохъ и вялую листву, прижаться горѣвшимъ лбомъ къ ней и заснуть.

Но было очень трудно идти, ноги цѣплялись и путались, и это было очень смѣшно, потому что онъ былъ трезвъ, а ноги были какъ пьяныя.

Когда онъ подходилъ уже къ опушкѣ, и бѣлыя березки привѣтливо и маняще проглянули изъ красной полосы осинника,—что-то вдругъ тронуло его горячую руку.

Выглянуло матовое въ утреннемъ свѣтѣ лицо, и полные слезъ, огромные, просящіе глаза блеснули изъ-подъ сбившагося платка, и поблѣднѣвшія губы говорили страстныя, непонятныя слова:

— Вернулись бы, Гаврила Максимычъ... Можетъ, можно какъ-нибудь, повиниться какъ, прощенія попросить... А дѣдъ ничего, скажемъ—убился, я скажу, Гаврила Максимычъ!... Всталъ, скажу, задѣлъ и упалъ головой объ уголъ... Я могу это, остались бы!..

Гаврила шелъ, не слыша, спотыкался и, справившись. шагалъ опять невѣрными, подгибающимися ногами, а рядомъ вилась дѣвушка, заглядывала ему въ лицо, трогала за руку, останавливалась... И снова догоняла, ловила взглядомъ его глаза и скорбнымъ, надрывающимся голосомъ говорила пустыя, ненужныя слова.

И по тому, какъ тоскливо металась она возлѣ большого, качающагося Гаврилы, можно было подумать, что въ страстномъ томленіи своемъ хочетъ она удержать что-то, что уходило отъ нея навсегда. Вмѣстѣ съ Гаврилой уходило отъ нея что-то важное, какъ счастье, свѣтлое, какъ проблескъ внезапнаго солнца въ сѣрой смѣнѣ ея сиротливыхъ дней,—уходило и не жалѣло, оставляя ее охваченною тѣмъ желѣзнымъ кольцомъ, которое сгубило его.

Она не знала и не понимала, за что его гнали и что онъ сдѣлалъ, но знала и понимала, что онъ уходитъ, а она остается съ вѣчной работой, унылой жизнью и толстомордымъ

Ленькой... Пойдутъ дни и годы, и палящій зной жнивья смѣнится мучительнымъ холодомъ стирки на проруби, грубая ласка Леньки—его побоями... И въ нуждѣ, работѣ и обидѣ никогда не будетъ уже того огромнаго, яркаго, какъ весна, родившагося не въ ней, а безконечно давно тянувшагося свѣтлой и радостной цѣпью, въ которой она была только звеномъ...

У опушки она, наконецъ, остановилась, а Гаврила, не глядя на нее, все продолжалъ переступать мягкими, путающимися ногами, шелъ все дальше и дальше...

Сначала была видна его черная фигура въ свѣтломъ, уже безлиственномъ лѣсу, потомъ она закрылась стволами деревьевъ, и слышно было только, какъ чвякаетъ налившаяся водой земля; потомъ донесся только хрустъ надломленной тяжелыми шагами вѣтки.

И отсюда, съ опушки, чудилось, что въ мокрое осеннее утро по лѣсу уходитъ старый, измученный гономъ звѣрь, лѣзетъ въ темную чащу и ищетъ, гдѣ помереть...

В. Муйжель.

Изъ воспоминаній о пережитомъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Смѣсь ретроградства и прогрессивности въ нашемъ кружкѣ. Участіе въ воскресныхъ школахъ. Отношенія къ профессорамъ. Попойки. Уроки. Кожевниковы. Развиванія дѣвицъ. Моя первая любовь и ея крушеніе. Поѣздка въ Лужскій уѣздъ и Смоленскую губернію въ качествѣ учителя.

I.

Можетъ показаться фантастически - нелѣпымъ такой фактъ, что, въ концѣ 50-хъ годовъ, когда «Современникъ», казалось, всецѣло владѣлъ русскою мыслью, въ столичномъ университетѣ существовалъ кружокъ студентовъ, которые принципіально не читали «Современника», съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ смотря съ высоты своихъ ученыхъ пьедесталовъ и на Чернышевскаго, и на Добролюбова, какъ на легкомысленныхъ щелкоперовъ, ничтожныхъ гаеровъ свистопляски.

А между тѣмъ, это было такъ: читать «Современникъ» казалось намъ столь же зазорнымъ, какъ какіе-либо скабрезные бульварные французскіе романы...

И, однако, мы не были крѣпостниками, реакціонерами и обскурантами въ родѣ нынѣшнихъ «свобододѣйствующихъ». Ни въ малѣйшей степени.

Мы были либералы и сочувственно относились къ ожидаемымъ реформамъ. Что касается лично меня, то я былъ даже революціонеромъ. Я не признавался въ этомъ друзьямъ, увѣренный, что при своей ученой солидности они осудятъ во мнѣ легкомысленнаго сумасброда и не преминутъ задать мнѣ чувствительную головомойку. Тѣмъ не менѣе, я питалъ въ душѣ самыя мятежныя чувства, читалъ Руссо и «Колоколъ» и никогда не забуду, какое ошеломляющее впечатлѣніе получилъ отъ романъ Диккенса «Два города», печатавшагося въ то время въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Жадно прислушивался я къ разговорамъ среди народа, ловя признаки наростающаго озлобленія массъ, и съ жуткимъ чувствомъ затаенной радости, смѣшанной съ страхомъ, ждалъ,

когда, наконецъ, народъ поднимается. Грохотъ отдаленной городской ѣзды, доносившійся изъ-за Невы, рисовался въ моемъ воображеніи именно тѣмъ грознымъ гуломъ несмѣтной толпы, который производитъ столь сильный эффектъ въ романѣ Диккенса.

На знаменитомъ диспутѣ Костомарова съ Погодинымъ, привлекшимъ чуть не весь Петербургъ въ актовую залу университета, я, конечно, не преминулъ присутствовать, и хотя для меня было совсѣмъ безразлично, откуда вышла наша первая династія, изъ Швеціи или изъ Пруссіи, тѣмъ не менѣе, я неистово апплодировалъ рѣчамъ Костомарова и шикалъ послѣ каждой реплики Погодина.

Не преминулъ я принять участіе и въ воскресныхъ школахъ, которыя въ 1859 году открылись въ разныхъ частяхъ города и въ которыя валомъ повалила интеллигентная публика просвѣщать низшую братію и сближаться съ нею. Никакими, впрочемъ, пропагандами въ школѣ, въ которую я ходилъ, я не занимался, да и трудно было, такъ какъ школы были такъ плохо организованы, и такой царилъ въ нихъ хаосъ, что каждое воскресенье у меня оказывался новый составъ учениковъ, и мнѣ приходилось каждый разъ имѣть дѣло съ двумя—тремя первыми буквами...

Тѣмъ не менѣе, школы эти постигла, какъ извѣстно, печальная участь. Въ двухъ, трехъ ничтожныхъ попыткахъ политической пропаганды правительство не замедлило увидѣть грозную опасность и поспѣшило закрыть школы, оставшись вѣрнымъ своему исконному призванію «тащить и не пущать».

Къ большинству профессоровъ мы относились крайне критически; нѣкоторыми просто пренебрегали. Характеристики Писарева являются отголосками общихъ сужденій о профессорахъ, какія существовали въ нашемъ кружкѣ.

О какихъ-либо прислуживаніяхъ и прилаживаніяхъ къ начальству не могло быть и рѣчи. Напротивъ того, наши отношенія къ нему были независимо-бравурныя. Я уже говорилъ, какой скандалъ мы устроили на экзаменѣ Фишера. Съ Астафьевымъ поступили еще лучше: передъ экзаменомъ мы явились къ нему всѣмъ курсомъ, въ числѣ восьми человѣкъ, и заявили, что записокъ по его предмету ни у кого изъ насъ не имѣется, поэтому не соблаговолитъ ли онъ разрѣшить намъ готовиться по Смарагдову. И Астафьевъ оказался вдругъ столь добръ и снисходителенъ, что снабдилъ насъ своими собственными записками.

Нужно замѣтить при этомъ, что по большей части мы готовились къ экзаменамъ всѣ вмѣстѣ: одинъ читалъ, прочіе слушали и составляли конспекты. Все это сопровождалось безпощадною критикою профессорскихъ взглядовъ, остротами и безпрестанными взрывами молодого хохота. Кончалось же каждое такое собраніе неминуемою попойкою...

II.

Ахъ, молодыя студенческія пирушки, сколько онѣ оставили въ каждомъ изъ насъ дорогихъ и завѣтныхъ воспоминаній! Я не могу удержаться не сказать о нихъ нѣсколько словъ.

О частныхъ, случайныхъ попойкахъ нечего распространяться. Зайдетъ одинъ товарищъ къ другому,—поговорятъ, поспорятъ, сыграютъ въ шахматы; дѣлать больше нечего, а у обоихъ шевелятся въ карманѣ маленькія деньги, которыхъ не жаль истратить. Вотъ и отправляются къ Гейде, къ Киншу, или въ какое-нибудь биргалле. Такія частныя экспромптныя пирушки носили по большей части скромный характеръ: выпивалась одна бутылка на двоихъ краснаго вина или двѣ, три бутылки пива, и друзья мирно расходились по домамъ съ небольшимъ шумомъ въ головѣ.

Совсѣмъ другой характеръ носили общія попойки. Устраивались онѣ обыкновенно въ складчину, на квартирѣ одного изъ товарищей. Въ такихъ случаяхъ водка и пиво совсѣмъ отсутствовали. Мы пили исключительно почти одни иностранныя вина, — мадеру, хересъ, лафитъ, сенъ-жульенъ, бургонскія, порою же, въ особенно торжественныхъ случаяхъ и когда всѣ были при деньгахъ, появлялось на столѣ и шампанское. Оно было въ тѣ времена дешево: за три, за четыре рубля можно было покупать въ погребахъ бутылку любой марки, — и редереръ, и клико; такимъ образомъ, приходилось не болѣе полтинника или рубля на брата. Въ общемъ же пирушка обходилась, съ винами и закусками, не дороже пяти рублей на человѣка; этого было вполнѣ достаточно, чтобы восемь юношей напились до положенія ризъ.

Къ тому же, мы мѣшали вина безъ всякаго толка: шампанское запивали хересомъ, послѣ коньяку пили лафитъ или мозельвейнъ... Вслѣдствіе этого напивались очень быстро, и не проходило часа послѣ начала попойки, какъ поднимался страшный содомъ общаго бѣснованья: кто плясалъ въ присядку, кто боролся съ товарищемъ; менѣе опьяненные продолжали вести какой-нибудь философскій споръ, при чемъ заплетающіеся языки несли невообразимую чушь; въ концѣ концовъ спорившіе мѣнялись своими утвержденіями...

Всѣ мы были люди сѣвера, родились и провели дѣтство въ петербургскихъ стѣнахъ, и это сказывалось въ томъ, что никакихъ пѣсенъ на нашихъ попойкахъ не пѣвалось, не исключая и классическаго Gaudeamus,—мы и словъ его не знали.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, никакихъ ссоръ въ пьяномъ видѣ у насъ не было. Мы не допускали въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ ни малѣйшаго цинизма, грубыхъ издѣвательствъ, обидныхъ прозвищъ и т. п. Чувство порядочности и уваженіе личности къ чужой не

оставляли насъ и тогда, когда не повиновались болѣе ни языкъ, ни руки, ни ноги.

III.

Деньги не переводились у меня въ продолженіе всего пребыванія въ университетѣ. Уже со второго курса я началъ усердно давать уроки, при чемъ мнѣ удавалось получать выгодные уроки въ богатыхъ домахъ по два и по три рубля за часъ. Когда я былъ на третьемъ курсѣ, я до того увлекся педагогическою практикою, что забылъ о существованіи университета и въ теченіе всего года ни разу не заглянулъ въ него. Результатомъ такого увлеченія было то, что я остался на третьемъ курсѣ на второй годъ и пробылъ, такимъ образомъ, въ университетѣ вмѣсто четырехъ—пять лѣтъ. За то я не только всталъ, что называется, на ноги, но и былъ въ состояніи удѣлять въ семейную кассу свою лепту, значительно превышавшую порой скудное жалованье отца, и мать плакала, бывало, отъ радости...

Первый, впрочемъ, урокъ, рекомендованный мнѣ въ 1858 году Сухомлиновымъ, не отличался большою мздою, но сыгралъ такую роль въ моей жизни, что я считаю нелишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Въ Петербургѣ проживалъ въ то время нѣкій Василій Ѳедоровичъ Кожевниковъ, зять извѣстнаго поэта и путешественника П. М. Ковалевскаго, женатаго на его сестрѣ. Это былъ молодой еще человѣкъ, образованный, развитой, либералъ, поклонникъ Герцена, не преминувшій лично съ нимъ познакомиться во время своихъ заграничныхъ странствій.

Человѣкъ весьма симпатичный, онъ былъ въ то же время неукротимый фантазеръ и прожектеръ, мечтавшій нажить милліоны, сѣя рожь на обухѣ. У него былъ капитальчикъ тысячъ въ восемь, по всей вѣроятности, остатокъ былого помѣщичьяго величія, и какихъ только предпріятій не затѣвалъ онъ на эти деньги, хотя и все безъ толку. Такъ, въ началѣ моего знакомства съ нимъ онъ проектировалъ завести молочную и яичную ферму близъ Петербурга. Съ этою цѣлью онъ арендовалъ дачу въ пяти верстахъ по Нарвскому шоссе и первымъ дѣломъ купилъ двѣсти куръ, которыя и посадилъ въ дровяной сарай такихъ скромныхъ размѣровъ, что курамъ пришлось сидѣть тамъ едва не одна на другой. Пѣтухи передрались, куры перекалѣчили одна другую, перетоптали яица и, въ концѣ концовъ, опаршивѣли и начали дохнуть. Тогда Кожевниковъ порѣшилъ, что виновата во всемъ приставленная къ курамъ прислуга, что съ нашимъ некультурнымъ, темнымъ и дикимъ народомъ никакой каши не сваришь, и покончилъ съ мечтами о фермѣ, продавши за безцѣнокъ куръ, которыя были куплены, по его неопытности, конечно, втридорога.

Въ такомъ же родѣ были и всѣ его прочіе проекты. Понятно, что не прошло и года послѣ нашего знакомства, какъ отъ восьми тысячъ не осталось и слѣда, и тогда, пользуясь большими связями, Кожевниковъ обрѣлъ мирную пристань въ должности русскаго консула гдѣ-то въ Турціи и до самой смерти занималъ консульскія должности въ разныхъ турецкихъ городахъ.

Проживая въ Петербургѣ, онъ сошелся съ наѣздницей въ циркѣ, которую, помню, звали Любовью Емельяновной. Это была дѣвушка высокаго роста, пышнаго, но правильнаго сложенія, недурная собою. Лѣтъ ей было за тридцать. Вознамѣрившись сочетаться съ нею законнымъ бракомъ, Кожевниковъ пригласилъ меня съ спеціальною цѣлью развить ее настолько, чтобы сдѣлать вполнѣ передовою женщиною.

Но надо сказать правду, предложили мнѣ за эту высокую и трудную миссію довольно-таки ничтожную плату: я долженъ былъ пріѣзжать къ нимъ три раза въ недѣлю, заниматься съ ученицей часа по четыре и болѣе, и за это мнѣ ассигновалось 12 рублей въ мѣсяцъ. И при этомъ отъ меня до Кожевникова было не менѣе 15 верстъ разстоянія! Дешевыхъ сообщеній въ Петербургѣ никакихъ въ то время не было, кромѣ щапинскихъ дилижансовъ, ѣздившихъ отъ Тучкова моста черезъ Невскій къ Знаменью, такъ что мнѣ приходилось всѣ 15 верстъ отмѣрять туда и обратно своими собственными стопами, такъ какъ иначе пришлось бы ухлопывать на ѣзду весь получаемый гонораръ, да своихъ еще прибавлять.

Но, помню, я не только не роптал ъ на скудость заработка, а былъ даже въ восторгѣ отъ своихъ тогда еще первыхъ уроковъ. Каждый разъ къ десяти часамъ я былъ уже у Кожевниковыхъ и до четырехъ часовъ вплоть, съ небольшими перерывами, не переставалъ барабанить языкомъ, стараясь внушить своей ученицѣ всѣ передовыя идеи, какія только имѣлись въ моей собственной головѣ. Это были не какія-либо систематическія занятія, а импровизированныя проповѣди, при чемъ я, переживая какъ разъ въ то время своей религіозно-моральный кризисъ, не преминулъ, конечно, и въ ученицѣ своей рьяно разрушать всѣ ея дѣтскія вѣрованія и предразсудки. Повидимому, хозяева были вполнѣ довольны моими уроками, такъ какъ я встрѣчалъ у нихъ каждый разъ самый радушный и ласковый пріемъ, и послѣ вкусной и сытной трапезы, оснащенной либеральными словоизліяніями хозяина, отправлялся восвояси съ легкимъ сердцемъ и самыми добрыми чувствами къ такимъ славнымъ людямъ, какими казались мнѣ Кожевниковы.

Я не имѣлъ въ то время никакихъ еще свѣдѣній о прошломъ своей ученицы и считалъ ее женою хозяина, судя по двухспальной кровати и вороху подушекъ, какія возвышались въ той комнатѣ, гдѣ я занимался разрушеніемъ дѣтскихъ вѣрованій моей ученицы, и каково же было мое удивленіе, когда въ одинъ прекрасный

день она обратилась ко мнѣ съ просьбою быть у нея шаферомъ на предстоявшемъ вѣнчаніи ея съ Кожевниковымъ. Я, конечно, съ радостью согласился. Свадьба была какъ нельзя болѣе скромная; никого на ней не было, кромѣ необходимыхъ свидѣтелей; молодые были одѣты запросто. Все это вмѣстѣ взятое произвело на меня, неопытнаго птенца, впечатлѣніе чего-то духъ захватывающаго по своей выходящей изъ пошлаго уровня прогрессивной новизнѣ!

IV.

Въ концѣ августа или началѣ сентября того же 1858 года Кожевниковы переѣхали въ городъ, на Екатерингофскій проспектъ. Мои занятіи съ м-мъ Кожевниковой продолжались послѣ этого недолго, такъ какъ зимой Кожевниковъ получилъ мѣсто и уѣхалъ въ Турцію.

Но однажды я встрѣтилъ у нихъ сестру хозяйки, Ольгу Емельяновну съ двумя дѣтьми, дѣвочкой Женей лѣтъ двѣнадцати и мальчикомъ Ѳедей лѣтъ десяти, и съ перваго же взгляда на дѣвочку до безумія влюбился въ нее...

Я узналъ отъ своей ученицы, что сестра ея замужемъ за нѣкіимъ Васильевымъ, человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ: и кутилою, и мотомъ, и игрокомъ, а главное дѣло—«художественною натурою», какъ выражался Кожевниковъ,—мѣнявшимъ безпрестанно мѣста и занятія, какъ по неуживчивости, такъ и крайней взбалмошности и неспособности къ мало-мальски усидчивому труду. Вслѣдствіе подобныхъ качествъ главы семьи послѣдняя не выходила изъ состоянія голодной нищеты.

Жалость къ несчастнымъ дѣтямъ, еще въ большой степени обострила мою любовь. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я тотчасъ же предложилъ давать Женичкѣ и Ѳеденькѣ безплатные уроки.

Надо замѣтить, что какъ разъ въ то время вся интеллигенція была охвачена эпидеміей общаго взаимнаго развиванія. Рѣдко у кого не было на рукахъ одного или нѣсколькихъ безплатныхъ учениковъ. Въ то время, какъ въ городахъ люди обоего пола, всѣхъ званій и состояній рвались въ воскресныя школы, а по деревнямъ помѣщичьи жены и дочери свободно открывали школы для крестьянскихъ дѣтей безъ всякихъ разрѣшеній и регламентацій, на томъ основаніи, что кто же могъ при крѣпостномъ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія помѣщиковъ относительно ихъ крѣпостныхъ, студенты, въ свою очередь, ревностно принялись развивать барышенъ всѣхъ званій и состояній.

Усердіе это вызывалось живою потребностью времени. Женскій вопросъ въ тѣ времена только что возникалъ. Образованіе же женщинъ сильно хромало. Женскихъ гимназій еще не существовало.

Дѣвушки получали или домашнее воспитаніе, подъ ферулою доморощенныхъ гувернантокъ, которыя и сами-то были образованы и воспитаны съ грѣхомъ пополамъ, или же въ институтахъ и частныхъ закрытыхъ пансіонахъ, и большинство ихъ оставалось «кисейными барышнями», все образованіе которыхъ ограничивалось смѣсью французскаго языка съ нижегородскимъ и брянчаньемъ на фортепьянахъ легкихъ танцовальныхъ пьесокъ.

Понятно, что при всеобщемъ подъемѣ духа самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ жаждою развитія и просвѣщенія. Стоило появиться въ деревенскомъ околодкѣ одному, двумъ студентамъ, и если даже они не желали бы заниматься развиваніемъ барышенъ, предпочитая шляться по лѣсамъ и стрѣлять куропатокъ, окрестныя барышни сами втягивали ихъ въ это дѣло, засыпая массою вопросовъ, требуя разъясненій, осаждая ихъ ожесточенными спорами, прося серьезныхъ книгъ и т. п.

Такія словечки, какъ «отрѣшиться отъ пошлыхъ, отжившихъ предразсудковъ», «совлечь съ себя ветхаго человѣка», «возродиться къ новой жизни»—сдѣлались самыми модными. Романы иначе и не начинались тогда, какъ вдругъ появлялся «онъ» и поражалъ «ее» обширностью знаній и начитанности, глубиною идей и головокружительною новизною смѣлыхъ взглядовъ.

Папенекъ и маменекъ не пугало еще въ то время появленіе въ усадьбѣ «новаго человѣка». Весна обновленія Россіи сіяла еще всѣми радужными красками. Маменьки и папеньки и сами не прочь были полиберальничать и посадить молодого развивателя на видное мѣсто за своимъ столомъ, рядомъ съ губернаторомъ, который, въ свою очередь, старался пройти передъ студентомъ пѣтушкомъ и показать, что и онъ не лыкомъ шитъ. Во всемъ этомъ было нѣчто по истинѣ наивное и буколически-трогательное.

Впрочемъ, надо сказать, что и сами развиватели въ то время не пугали еще дерзостью своихъ всеотрицаній; пропаганда ихъ не носила еще ни того морально-философскаго характера, какой господствовалъ въ половинѣ 60-хъ годовъ, ни политико-соціалистическаго, имѣвшаго мѣсто въ концѣ ихъ, а ограничивалось общимъ и неопредѣленнымъ пробужденіемъ мысли и устремленіемъ ея къ свѣту знаній на общую пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, молодые развиватели не только не дерзали еще увозить барышенъ изъ родительскихъ усадебъ на славный путь труда и борьбы, но не отваживались и на мало-мальски смѣлый шагъ въ любовномъ отношеніи, и большинство романовъ оканчивалось такимъ же малодушнымъ отступленіемъ въ рѣшительную минуту, какимъ отличились и Рудинъ, и герой Аси, и Молотовъ.

V.

Какъ же было и намъ отстать отъ вѣка? Только одни такіе буквоѣды, какъ Макушевъ, могли сидѣть, уткнувши носы въ свои фоліанты, не видя и не слыша, что дѣлается вокругъ нихъ. Всѣ же мало-мальски живые люди пустились развивать направо и налѣво. Въ то время какъ Писаревъ развивалъ свою кузину К., Трескинъ увлекался развитіемъ сестры Писарева—Вѣры, Полевой, въ свою очередь, просвѣщалъ барышню изъ Устюженскаго уѣзда, Софью Васильевну Маврину, свою будущую супругу, очень милую особу, къ сожалѣнію, сошедшую въ могилу въ самомъ расцвѣтѣ молодости и оставившую своего мужа молодымъ вдовцомъ съ нѣсколькими дѣтьми на рукахъ. Майковъ—и тотъ млѣлъ передъ сестрою Трескина, и если не усердствовалъ въ развиваніи ея, то потому, что считалъ ее и безъ того совершенствомъ, а главное дѣло—видѣлъ въ ней живое олицетвореніе типа Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» и не желалъ своею пропагандою искажать цѣлостность типа.

Я тоже рьяно пропагандировалъ направо и налѣво. Развивалъ я и м-мъ Кожевникову, и другихъ своихъ ученицъ, генеральскихъ дочекъ, которымъ давалъ уроки словесности, и свою сестренку, которая училась на Александровской половинѣ Смольнаго института. Каждый четвергъ и субботу я обязательно посѣщалъ ее и, безъ устали стараясь внушать самыя передовыя идеи, въ то же время снабжалъ ее запретными въ институтѣ книгами, которыя она должна была прочитывать тайкомъ отъ институтскаго начальства.

Всѣ эти развиванія были съ моей стороны безкорыстными жертвами на алтарь русскаго прогресса. Но Женичку Васильеву я вознамѣрился развить съ предвзятою эгоистическою цѣлью приготовить изъ нея впослѣдствіи спутницу жизни...

Первымъ дѣломъ, для того чтобы удобнѣе заниматься съ дѣтьми Васильевыхъ ежедневно и безпрерывно, я рѣшилъ помѣстить ихъ въ нашемъ домѣ. Незадолго передъ тѣмъ родители мои въ видахъ увеличенія доходовъ съ дома, отдѣлили отъ нашей квартиры залу и переднюю и устроили изъ нихъ двѣ комнатки и кухоньку. Правда, такая квартирка давала не болѣе рублей шести въ мѣсяцъ, но при скудости нашего семейнаго бюджета, и шесть рублей были весьма не лишни. Вотъ въ эту то квартирку я и рекомендовалъ своимъ родителямъ Васильевыхъ въ качествѣ жильцовъ.

Нужно ли и говорить о томъ, что влюбленность свою въ Женичку я глубоко таилъ въ своей душѣ, придавая всему дѣлу въ глазахъ всѣхъ окружающихъ видъ одного только безкорыстнаго желанія оказать правильную помощь несчастнымъ малюткамъ, лишеннымъ всякихъ заботъ объ ихъ образованіи. Родители мои,

поэтому ничего не имѣли противъ моего идеальнаго усердія, и Васильевы не замедлили къ намъ переѣхать.

О пропагандѣ какихъ либо идей, конечно, нечего было пока и думать. Приходилось начинать съ азовъ. И вотъ года полтора я усердно бился съ дѣтьми въ предѣлахъ элементарной грамотности,—увы! для того, чтобы убѣдиться, что всѣ мои усилія тщетны.

Много я былъ наслышанъ о дрянности Васильева, но то, что я увидѣлъ на самомъ дѣлѣ, превзошло всѣ разсказы о немъ. Помимо того, что я удружилъ своимъ родителямъ, навязавши имъ безплатныхъ жильцовъ, я заставилъ бѣдную старуху-мать дрожать отъ страха, когда за досчатою стѣною, отдѣлявшею ихъ квартиру отъ нашей, сплошь и рядомъ происходило нѣчто ужасное. Возвращаясь домой мертвецки пьянымъ, дикое животное съ криками и ругательствами накидывалось на свое семейство. Летѣли стулья, билась посуда, раздавались жалобные крики и стоны; казалось—кого-то били, истязали, душили за горло, судя по вознѣ и предсмертному храпу. Становилось и въ самомъ дѣлѣ страшно: въ воздухѣ пахло уголовщиной...

Заниматься съ дѣтьми при такихъ условіяхъ становилось съ каждымъ днемъ труднѣе и труднѣе. Однихъ занятій въ моей комнатѣ было недостаточно: необходимо было задавать дѣтямъ уроки на домъ, давать имъ книги для прочтенія, а между тѣмъ, семья по недѣлямъ сидѣла впотьмахъ, не имѣя средствъ покупать свѣчи (керосина въ то время еще не было). Содержать же ихъ на свой счетъ я не имѣлъ никакой возможности по своимъ скуднымъ средствамъ. Къ тому же, мои даровые уроки современемъ сдѣлались подозрительными въ глазахъ изверга: онъ приревновалъ меня къ своей женѣ, и въ одинъ прекрасный день объявилъ мнѣ, что не нуждается ни въ какихъ даровыхъ учителяхъ, не желаетъ разыгрывать роль дурачка, не позволить никому водить себя за носъ, а потому, если я не прекращу занятій съ его дѣтьми, онъ меня искалѣчитъ, а жену зарѣжетъ или задушитъ.

Родители мои, въ свою очередь, возмущались тѣмъ, что я навязалъ имъ такихъ прекрасныхъ жильцовъ. Очень возможно, и они также подозрѣвали меня въ шашняхъ съ г-жею Васильевой. Имъ, конечно, и въ голову не приходило, что ихъ сынъ, 20-тилѣтній юноша, пылалъ идеальной страстью къ 12-тилѣтней дѣвочкѣ! Да, это было не мимолетное увлеченіе, а подлинная и несомнѣнная первая юношеская любовь, тѣмъ болѣе чистая, святая, что была вполнѣ безотвѣтна, чужда малѣйшаго грѣховнаго помысла; предметъ моей страсти до самой своей смерти даже и не подозрѣвалъ, какъ нѣжно и страстно его любили!

Кончилось все это, разумѣется, тѣмъ, что Васильевы выѣхали изъ нашего дома, и уроки мои съ дѣтьми прекратились.

Не легко мнѣ было пережить эту первую драму въ своей жизни. Сколько мукъ, сколько смертельнаго ужаса приходилось мнѣ испы-

тывать, когда за стѣною неистовствовалъ пьяный извергъ, а мнѣ приходилось дрожать за любимое существо, слушать иной разъ его крики и стоны и сознавать полное свое безсиліе помочь чѣмъ нибудь. Когда же все было покончено, и я въ отчаяніи созналъ, что мнѣ остается поставить крестъ на всѣхъ своихъ дорогихъ и завѣтныхъ мечтахъ, я былъ до послѣдней степени потрясенъ и нравственно, и физически. Горе мое было тѣмъ острѣе и переносилось тѣмъ тяжелѣе, что мнѣ не съ кѣмъ было раздѣлить его; никто его не зналъ, да никто, конечно, и не понялъ бы моихъ страданій. Я исхудалъ до послѣдней степени, потерявъ и сонъ, и аппетитъ. Нѣкоторое время я положительно былъ близокъ къ помѣшательству. Я помню, что какъ разъ въ то время появилась повѣсть Тургенева «Наканунѣ». Всѣ взапуски читали ее, говорили и спорили о ней на всѣхъ перекресткахъ. Я началъ было тоже читать ее, и не могъ: всѣ нервы мои заходили какъ-то ходуномъ, какъ развинтившаяся машина. Только значительно позже могъ я познакомиться съ этимъ произведеніемъ любимаго въ то время писателя...

Съ Васильевыми я больше не встрѣчался, потерялъ ихъ изъ вида. Въ концѣ концовъ (какъ узналъ я впослѣдствіи) злодѣй доканалъ и жену, и дѣтей: всѣ они перемерли отъ чахотки одинъ за другимъ...

И еще я узналъ, что мнѣ нежданно-негаданно пришлось быть, хоть и непродолжительно, учителемъ знаменитости. Тотъ самый Ѳедя, который стоялъ во время моихъ занятій съ дѣтьми на второмъ планѣ, сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ первыхъ современныхъ художниковъ, обезсмертивъ свое имя пейзажами, которыми мы любуемся въ Третьяковской галлереѣ.

Разставаясь со мною при выѣздѣ изъ нашего дома, онъ подарилъ мнѣ, въ знакъ памяти, небольшой ландшафтикъ, написанный имъ масляными красками, и какъ мнѣ было впослѣдствіи досадно, что я пренебрегъ мазнею десятилѣтняго мальчика и не сохранилъ подарка.

VI.

Въ заключеніе этой главы, считаю нелишнимъ упомянуть еще объ одномъ своемъ урокѣ, оставившемъ во мнѣ яркое воспоминаніе.

Урокъ этотъ я получилъ по рекомендаціи Сѣменникова у нѣкихъ Васильчиковыхъ (не графовъ), богатыхъ помѣщиковъ Смоленской губерніи. Это была очень выгодная кондиція: я долженъ былъ подготовить къ вступительному экзамену въ Пажескій корпусъ сына этихъ Васильчиковыхъ, за что мнѣ было ассигновано по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, при готовомъ содержаніи.

Лѣто 1859 года мнѣ пришлось прожить въ имѣніи зятя своего ученика, Бакунина (однофамильца тверскихъ Бакуниныхъ, не

состоявшаго съ ними ни въ какихъ отношеніяхъ), въ Лужскомъ уѣздѣ. Сверхъ коренного своего ученика, Виктора Васильчикова, мальчика лѣтъ четырнадцати, у меня былъ еще пристяжной ученикъ въ образѣ девятилѣтняго сынишки Бакунина. По сосѣдству жилъ, тоже у помѣщиковъ, на урокахъ, Сѣменниковъ, который ѣздилъ и къ намъ подготовлять моего ученика по математикѣ.

Бакунины представляли типъ новыхъ уже, пореформенныхъ помѣщиковъ. У нихъ было полное отсутствіе дворни: весь штатъ прислуги состоялъ изъ повара, кучера, горничной и прачки; ни о какихъ расправахъ на конюшнѣ не было и помину; все было на англійскій манеръ: чопорно, чинно, сухо и до крайности скучно.

Усадьба была расположена на горѣ, а мое обиталище подъ горою, на берегу обширнаго Черименецкаго озера: это была новенькая, только что отстроенная банька. Сюда приходили ко мнѣ заниматься и мои ученики.

Кормился я до сыта изысканными поварскими блюдами; занятія съ дѣтьми были не обременительны; я свободно гулялъ по окрестностямъ и катался въ лодкѣ по озеру, впервые наслаждаясь красотами природы и всѣмъ привольемъ деревенской жизни. Тѣмъ не менѣе, я сильно тосковалъ все лѣто, чувствуя себя чужимъ среди чужихъ и томясь мотононнымъ однообразіемъ жизни, какую вели обитатели усадьбы.

Въ двадцатыхъ числахъ августа кончилось мое житье въ бакунинской усадьбѣ. Приходилось ѣхать съ ученикомъ и дядькою его Павломъ къ родителямъ его въ Смоленскую губернію, гдѣ готовилась свадьба одной изъ сестеръ ученика.

Я былъ въ полномъ восторгѣ отъ этой поѣздки. Это былъ первый мой выѣздъ изъ Петербурга, не считая Лужскаго уѣзда. До Москвы мы ѣхали по желѣзной дорогѣ во второмъ классѣ. Въ Москвѣ останавливались всего на два, на три часа, и Москва не успѣла произвести на меня никакого впечатлѣнія, а далѣе пришлось ѣхать на перекладныхъ, и замелькали верста за верстою въ моихъ глазахъ. Мы ѣхали съ неимовѣрною быстротою, безъ передышки, днемъ и ночью, щедро платя ямщикамъ на чаи, и черезъ двое сутокъ были уже на мѣстѣ.

Здѣсь передо мною развернулась типическая богатая помѣщичья усадьба, во всей своей дореформенной прелести, съ массою дворовыхъ, съ оркестромъ крѣпостныхъ музыкантовъ, сворами охотничьихъ собакъ, приживальщиками, шутами, шутихами и пр. Изъ шутовъ особенно выдавался сосѣдній помѣщикъ, который дозволялъ бить себя по щекамъ сколько угодно, лишь бы каждая пощечина оплачивалась 20-ю копѣйками. Пощечины ежедневно такъ и сыпались на его щеки, при чемъ забавлявшіеся такимъ образомъ господа отвѣчали на мои замѣчанія о безобразіи такихъ забавъ, что человѣкъ, опустившійся до подобнаго безстыдства и позорящій

имъ честь русскаго дворянства, въ своемъ лицѣ заслуживаетъ и не такихъ еще глумленій... На мой вопросъ зачѣмъ же его принимаютъ, мнѣ отвѣчали:

— Да если бы мы его не принимали, онъ давно бы издохъ. Какъ-никакъ, а всетаки мы его и кормимъ, и поимъ, и даемъ возможность малую толику заработать себѣ на табакъ, что ли.

Хорошъ былъ заработокъ!

Въ концѣ августа была назначена свадьба. Ко дню торжества съѣхались въ обширную усадьбу Васильчиковыхъ гости чуть не со всего уѣзда. Начались нескончаемыя пиршества, продолжавшіяся безпрерывно до самаго моего отъѣзда въ концѣ сентября. Оркестръ гремѣлъ съ утра до поздней ночи; за обѣдами и ужинами безпрестанно раздавались тосты съ криками «ура» и качаньями; танцовали до упаду съ утра до ночи, съ вечера до утра. Устраивались также кавалькады, пикники, псовыя охоты и т. п.

Было что-то широкое, размашистое и вмѣстѣ съ тѣмъ дикое въ этой несмолкаемой оргіи, напоминавшей пиръ во время чумы. И дѣйствительно, это было отчаянное бѣснованье людей наканунѣ общаго дворянскаго раззоренія: проѣдалось и пропивалось послѣднее, и не прошло и пяти лѣтъ, какъ отъ всего великолѣпія г-дъ Васильчиковыхъ и имъ подобныхъ не осталось и слѣда. Надо полагать, что и въ то время, какъ ни старались пирующіе забыться, на сердцѣ у нихъ не переставали скрести кошки. Не даромъ при каждомъ удобномъ случаѣ, за обѣдами и ужинами, среди тостовъ и величаній, неудержимо возникали политическіе разговоры, при чемъ промывались косточки всѣхъ правящихъ до царя включительно; съ особеннымъ же ожесточеніемъ напускались на в. кн. Константина, въ которомъ видѣли главнаго виновника предстоящаго освобожденія крестьянъ...

Ученикъ мой совсѣмъ выбился изъ моихъ рукъ въ этой сумятицѣ. До ученья ли ему было? Когда же я начиналъ усовѣщевать его, напоминая, что экзаменъ у него на носу, онъ весьма резонно возражалъ, чтобы я не безпокоился, что экзаменъ приготовленъ уже у его отца въ шкатулкѣ въ видѣ двухъ тысячъ, отъ которыхъ все и зависитъ: безъ этихъ двухъ тысячъ онъ все равно не будетъ принятъ, если бы отвѣчалъ на экзаменахъ даже безъ запинки, а двѣ тысячи послужатъ ключемъ для поступленія его въ корпусъ, хотя бы на экзаменахъ онъ не проронилъ ни одного слова.

Мнѣ оставалось только пожимать въ недоумѣніи плечами: зачѣмъ же въ такомъ случаѣ меня приглашали?

Тѣмъ не менѣе, въ двадцатыхъ числахъ сентября я былъ отпущенъ съ миромъ, при чемъ самъ хозяинъ, добродушный толстякъ, на прощанье расцѣловалъ меня въ обѣ щеки, а въ Москвѣ я получилъ гонораръ за все лѣто отъ родственника Васильчикова, вице-губернатора; вотъ при этомъ-то случаѣ сановникъ и провелъ меня, ни съ того, ни съ сего, по всѣмъ комнатамъ своей квартиры.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

„Разсвѣтъ“ Кремпина и наше участіе въ немъ.—Болѣзнь Писарева.—Побѣгъ его изъ больницы.—Разрывъ его со студенческимъ кружкомъ.—19-е февраля 1861 года.

I.

«Развиваніе» дѣвицъ не ограничивалось одной устною пропагандою молодыхъ прогрессистовъ: ему былъ посвященъ даже спеціальный органъ печати—«Разсвѣтъ», ежемѣсячный журналъ для дѣвицъ, издававшійся съ 1859 года артиллеристомъ Валеріаномъ Александровичемъ Кремпинымъ.

Казалось бы, какъ могла придти мысль наполнять ежемѣсячно юныя головки прогрессивными идеями человѣку, по своей спеціальности обязанному помышлять лишь о пушкахъ и лафетахъ, но таково было время, что тогда и научныя, и литературныя сферы въ обиліи наполнялись питомцами различныхъ спеціальныхъ военныхъ заведеній: стоитъ только вспомнить такія имена, какъ Лавровъ, Шелгуновъ, Энгельгардтъ, Михайловскій, М. И. Семевскій, Павленковъ, Минаевъ и пр. Не удивительно, что и Кремпинъ, тогда еще молодой человѣкъ, недавно женившійся, преисполнился прогрессивнаго жара и вознамѣрился отдать свой досугъ отъ служебныхъ занятій и маленькій капитальчикъ, которымъ владѣлъ, на духовный «разсвѣтъ» прекраснаго пола.

Не помню, кто рекомендовалъ насъ Кремпину. Во всякомъ случаѣ не думаю, чтобы Майковы, судя по тому, что на приглашеніе Кремпина отозвались только Писаревъ и я; столпы же кружка и самъ Майковъ отнеслись къ работѣ у Кремпина съ пренебреженіемъ, какъ къ легковѣсной, отвлекающей отъ серьезныхъ ученыхъ изслѣдованій, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, заключалась вся суть бытія. Надо полагать, что мы попали въ сотрудники Кремпина черезъ Сухомлинова. По всей вѣроятности, Кремпинъ, предпринимая свое изданіе, обратился къ Сухомлинову, какъ къ редактору «Студенческаго сборника», съ просьбою снабдить его способными и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевенькими работниками по журналу. Сухомлиновъ и указалъ ему на насъ двоихъ, какъ на подающихъ литературныя надежды. И работниками мы оказались, дѣйствительно, дешевенькими, такъ какъ вполнѣ довольствовались предложенными намъ тридцатью рублями за печатный листъ. Я принялся составлять заказанную мнѣ статью о Черногоріи, Писаревъ приступилъ къ рецензіямъ новыхъ книгъ.

Друзья косились на наши легковѣсныя занятія журнальнымъ щелкоперствомъ и ворчали; но соблазнъ былъ слишкомъ великъ: и деньги были нужны, и видѣть свои дѣтища въ печати съ полною

подписью именъ было очень лестно, и всѣ увѣщанія друзей оставались втунѣ.

Мое сотрудничество въ «Разсвѣтѣ», впрочемъ, было не особенно плодовито. Кромѣ статьи о Черногоріи, я написалъ еще во время болѣзни Писарева, за него, нѣсколько рецензій, въ томъ числѣ статейку о «Запискахъ охотника» Тургенева и статью «Испанія и Марокко».

II.

Болѣе энергическое, чѣмъ мое, участіе Писарева въ «Разсвѣтѣ» тоже продолжалось недолго, такъ какъ въ концѣ 1859 года онъ сильно и опасно заболѣлъ, чѣмъ значительно были омрачены два послѣдніе года нашего пребыванія въ университетѣ.

Болѣзнь Писарева обусловливалась тѣмъ же религіозно-нравственнымъ кризисомъ, который мы переживали всѣ въ то время, и о которомъ я говорилъ въ десятой главѣ. Писаревъ самъ приписываетъ свою болѣзнь именно «ниспроверженію Казбековъ и Монблановъ», какъ картинно выражается онъ въ своей статьѣ «Университетская наука».

«Періодъ перехода и умственной борьбы,—говоритъ онъ,—тяжелъ и мучителенъ. Умственный ростъ сопровождается болѣзнями точно также, какъ ростъ физическій. У меня напряженіе ума во время переходной борьбы было такъ болѣзненно сильно, что оно повело за собой потрясеніе всего организма».

Но, конечно, не однимъ умственнымъ кризисомъ обусловливалась болѣзнь Писарева. Всѣ мы одновременно переживали тотъ же кризисъ, и, однако, никто изъ насъ не впалъ въ психическую болѣзнь. У Писарева нервы были, очевидно, слишкомъ расшатаны форсированнымъ умственнымъ воспитаніемъ въ дѣтствѣ и постояннымъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ психическихъ силъ. Очень возможно, что были и кое-какіе наслѣдственные задатки. Писаревъ воспитывался подъ руководствомъ дяди, человѣка, очевидно, ненормальнаго, судя по тому, что онъ писалъ племяннику письма въ размѣрѣ нѣсколькихъ сотъ почтовыхъ листиковъ, и все содержаніе такихъ гигантскихъ писемъ заключалось въ сплошномъ психическомъ анализѣ, имѣвшемъ цѣлью доказать, что авторъ этихъ писемъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельный и лишній, вродѣ Рудина и Чулкатурина. Младшая сестра Писарева, въ свою очередь, была дѣвушка психически ненормальная и кончила самоубійствомъ...

Какъ бы то ни было, Писаревъ пріѣхалъ осенью изъ деревни въ неузнаваемомъ состояніи. Онъ былъ въ такомъ экстазѣ, какъ будто только что открылъ шестую часть свѣта. И дѣйствительно, онъ открылъ ее въ видѣ греческой судьбы, «мойры», въ которой ему грезилось предвидѣніе геніальными греками незыблемости за-

коновъ природы. Долго носился онъ со своей «мойрой», перерывая чуть не всѣхъ древне-греческихъ поэтовъ, начиная съ Гомера.

У насъ образовался даже особенный терминъ для обозначенія энтузіазма Писарева, именно—«сіяніе». Намъ и въ голову не приходило, что это былъ пароксизмъ маніи величія, послѣ котораго быстро наступила реакція: Писаревъ разочаровался внезапно въ своей «мойрѣ», впалъ въ крайнее уныніе и апатію, началъ жаловаться, что мозгъ его совсѣмъ отказывается работать, что онъ не въ состояніи связать на бумагѣ двухъ словъ, а, читая, не въ силахъ ничего усвоить. Въ концѣ концовъ, манія величія смѣнилась противоположною ей маніей преслѣдованія...

У старика Трескина былъ денщикъ. Не знаю, получалъ ли онъ что-либо отъ господъ за свои услуги. Повидимому, очень мало, а можетъ быть—и по натурѣ это былъ человѣкъ вороватый. Только Трескинъ сталъ замѣчать, что у него начали пропадать книги, и одну изъ нихъ случайно нашелъ въ книжной лавченкѣ въ Андреевскомъ рынкѣ: объ этомъ ясно говорили и знакомый переплетъ, и его имя на заглавномъ листѣ книги. Не могло быть и сомнѣнія, что книги таскалъ никто иной, какъ денщикъ.

Зная, что отецъ и самъ изобьетъ денщика немилосердно, да, пожалуй, отправитъ еще въ экипажъ, гдѣ его засѣкутъ до полусмерти, Трескинъ ограничился тѣмъ, что пригрозилъ денщику пожаловаться отцу, если тотъ будетъ продолжать таскать что-либо изъ дома, и началъ слѣдить за цѣлостью книгъ и вещей въ кабинетѣ.

И вотъ, при болѣзненномъ состояніи Писарева, этого было вполнѣ достаточно для образованія у него бредовой навязчивой мысли. Онъ вообразилъ, что подъ видомъ яко бы денщика Трескинъ подозрѣваетъ въ кражѣ книгъ не кого иного, какъ его, Писарева, и что всѣ товарищи учредили надъ нимъ тщательный надзоръ, чтобы поймать его на мѣстѣ преступленія, и рѣшились уничтожить его безъ суда и слѣдствія, зарывши въ землю живьемъ.

Вотъ этой именно бредовой идеей и объясняются нижеслѣдующія слова въ его статьѣ «Универ. наука»:

«Я дошелъ до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости и сталъ воображать себѣ, что меня измучаютъ, убьютъ, или живого зароютъ въ землю. Скептицизмъ мой вышелъ изъ границъ и началъ отрицать существованіе дня и ночи. Все, что мнѣ говорили, все, что я видѣлъ, даже все, что я ѣлъ, встрѣчало во мнѣ непобѣдимое недовѣріе. Я все считалъ искусственнымъ и приготовленнымъ нарочно для того, чтобы обмануть и погубить меня. Даже свѣтъ и темнота, луна и солнце на небѣ казались мнѣ декораціями и входили въ составъ общей громадной мистификаціи».

Но всѣ эти грезы, терзавшія больного, онъ глубоко затаивалъ въ себѣ, и мы ихъ и не подозрѣвали. Ни разу не проявилъ Писаревъ ни малѣйшаго экспансивнаго сопротивленія. Это было тихое

помѣшательство, чуждое какихъ-либо проявленій буйнаго характера. Больной представлялъ собою какъ бы живой трупъ, отъ котораго нельзя было добиться ни одного слова. Когда ему что-либо предлагали, онъ пассивно исполнялъ предложеніе, лишь подозрительно вскидывая глазами на предлагающаго, ѣлъ и пилъ безъ малѣйшей охоты, вполнѣ какъ-то механически, а если предложенія со стороны не было, лежалъ безъ движенія, уставивъ глаза въ потолокъ. Намъ казалось, что онъ лишился всякаго сознанія, мысли и воли.

III.

Мы окружили его самымъ тщательныхъ уходомъ. Замѣчательно, что при этомъ наибольшую энергію проявилъ старикъ Трескинъ, тотъ самый, который, пока Писаревъ былъ здоровъ, принималъ его при каждомъ удобномъ случаѣ злыми и безпощадными сарказмами, преслѣдуя его барскія привычки и замашки, какъ наслѣдіе изнѣженнаго усадебнаго воспитанія, и, можетъ быть, способствовалъ отчасти развитію его болѣзни, держа нервы его въ постоянномъ напряженіи.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что старикъ Трескинъ въ послѣднее время значительно сдался, сдѣлался мягче и гуманнѣе, чѣмъ былъ прежде. Очень возможно, что это зависѣло отъ духа времени, который дѣйствовалъ въ тѣ дни смягчающимъ образомъ на людей всѣхъ возрастовъ и состояній.

Какъ бы то ни было,—лишь только болѣзнь Писарева опредѣлилась, старикъ помѣстилъ его въ своемъ кабинетѣ и устроилъ постоянныя дежурства при немъ и днемъ, и ночью, въ которыхъ участвовали, кромѣ него самого, по очереди Трескинъ—сынъ, я, Майковъ и Полевой. Затѣмъ въ Писаревѣ приняло участіе начальство университета, и при его содѣйствіи онъ былъ помѣщенъ чуть ли не на казенный счетъ въ частную психіатрическую лѣчебницу д-ра Штейна, гдѣ-то близъ Смольнаго монастыря.

Здѣсь я считаю нелишнимъ отмѣтить курьезный эпизодъ, характерный въ духѣ того времени.

Въ «Колоколѣ» Герцена была рубрика подъ общимъ заглавіемъ «Правда-ли?»,—заключавшая рядъ обличеній всякаго рода, причемъ передъ каждымъ ставился вопросительный знакъ, показывавшій, что сообщается фактъ сомнительный на основаніи однихъ слуховъ и требующій разъясненій.

Въ одномъ изъ номеровъ газеты въ началѣ 1860 года мы прочли вдругъ въ означенной рубрикѣ: правда ли, будто д-ръ Штейнъ за приличное вознагражденіе помѣщаетъ въ своей лѣчебницѣ здоровыхъ людей, которыхъ наслѣдники или родственники имѣютъ интересъ выдать за больныхъ?

Если бы даже это была правда, то какое отношеніе могла бы она

имѣть къ Писареву? Тѣмъ не менѣе, мы возмутились: какъ! Нашего товарища упрятали въ какой-то разбойничій вертепъ? И не нашли ничего лучшаго, куда бы помѣстить его?

И вотъ мы съ Трескинымъ рѣшились идти и протестовать не къ кому иному, какъ къ самому попечителю округа.

Шли мы по Невскому проспекту, неся въ рукахъ открыто, словно нарочно на показъ, какъ знамя нашего протеста, номеръ «Колокола» съ его своеобразнымъ лондонскимъ шрифтомъ, при чемъ намъ и въ голову не приходило, что мы подвергались опасности быть задержанными.

Попечителемъ округа былъ тогда уже Деляновъ. Онъ только что вступилъ на этотъ постъ, смѣнивъ кн. Щербатова. Хотя голова его и тогда уже была такъ же обнажена, какъ и впослѣдствіи, но онъ былъ еще моложавъ, волоса на затылкѣ были черны, какъ смоль, глаза горѣли страстнымъ огнемъ, какъ и подобаетъ восточному человѣку. И былъ онъ въ апогеѣ своего либерализма.

Жилъ Деляновъ въ домѣ армянской церкви. Мы не соблюли ни дня, ни часа, назначенныхъ для пріема просителей, а пришли къ нему запросто, чуть ли не въ воскресенье, и, тѣмъ не менѣе, были тотчасъ же приняты, безъ замедленья.

Когда Деляновъ узналъ о цѣли нашего посѣщенія, онъ только руками развелъ.

— Конечно,—сказалъ онъ,—я очень польщенъ и тронутъ вашимъ довѣріемъ ко мнѣ и отъ души желалъ бы, чтобы между студентами и начальствомъ были всегда такія прямыя, честныя и чисто родственныя отношенія. Но, господа, помилуйте, какъ вы опрометчивы! Хоть бы вы въ бумажку завернули вашу газетку, а то такъ и несли въ праздничный день по Невскому! Неужели вы не знаете, сколько глазъ на насъ всѣхъ смотритъ, особенно же на студентовъ. По крайней мѣрѣ, вотъ мы теперь сидимъ и бесѣдуемъ въ моей собственной квартирѣ, а я не могу вамъ поручиться, что эти самыя стѣны не имѣютъ ушей и не слушаютъ насъ.

Затѣмъ онъ началъ успокаивать насъ относительно Писарева, говоря, что больница д-ра Штейна считается, во всякомъ случаѣ, одною изъ лучшихъ въ Петербургѣ, и если бы въ ней и случались злоупотребленія въ родѣ означеннаго въ «Колоколѣ», то какое отношеніе имѣетъ это къ Писареву?

Въ концѣ концовъ, мы ушли отъ Делянова совсѣмъ успокоенные, какъ будто дѣло сдѣлали.

IV.

Писаревъ пробылъ у Штейна около полугода и вышелъ отъ него въ маѣ 1860 года. Правильнѣе сказать—не вышелъ, а бѣжалъ черезъ окно. Вотъ какъ это произошло.

Въ одинъ прекрасный майскій вечеръ, въ сумеркахъ, у насъ въ домѣ собралась маленькая компанія человѣкъ въ восемь. Завязался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ о чудесномъ и страшномъ, какіе свойственны сумерничающимъ собесѣдникамъ. Въ концѣ концовъ, разговоръ утвердился на сумасшедшихъ. Перебрали все, что только было у собесѣдниковъ въ памяти по этой части. Разговоръ не только не исчерпывался, но, казалось, конца ему не будетъ, и далеко за полночь затянулась бесѣда.

Подъ впечатлѣніемъ ея я легъ спать, и всю ночь преслѣдовали меня грезы, въ которыхъ главную роль играли сумасшедшіе. И вотъ, только-что успѣлъ я открыть глаза поутру, какъ дверь внезапно распахнулась, и въ комнату вбѣжалъ впопыхахъ Писаревъ.

Я не вѣрилъ глазамъ своимъ и думалъ, что продолжаю еще спать и грезить.

— Я къ тебѣ,—говорилъ между тѣмъ Писаревъ, запыхавшись отъ быстрой ходьбы,—прямо изъ больницы, все время бѣжалъ, боялся, что догонятъ... Я убѣжалъ черезъ открытое окно... Сперва хотѣлъ было лишить себя жизни, чтобы избавиться отъ позора, да не удалось: повѣсился, но веревка оказалось тонка, не выдержала, оборвалась; выпилъ чернилъ цѣлую чернильницу,—желудокъ не принялъ, вырвало... Тогда я рѣшился бѣжать, и вотъ прибѣжалъ къ тебѣ, потому что ты добродушнѣе всѣхъ ихъ, у тебя нѣтъ ихъ коварства...

Я началъ всячески разувѣрять Писарева относительно мнимаго коварства друзей, внушая ему, что если бы и въ самомъ дѣлѣ друзья засадили его въ сумасшедшій домъ здороваго, чтобы избавиться отъ него, то хоть бы онъ взялъ въ соображеніе, что въ помѣщеніи его въ лѣчебницу участвовало все университетское начальство, съ Деляновымъ во главѣ: неужели же все оно участвовало въ заговорѣ противъ него?

Писаревъ былъ видимо озадаченъ моими словами.

— А чѣмъ же,—сказалъ онъ,—ты мнѣ это докажешь?

— Очень просто,—отвѣчалъ я,—пойдемъ тотчасъ же въ университетъ и обратимся къ ректору, и онъ, конечно, не замедлитъ подтвердить мои слова.

— Хорошо! Идемъ тотчасъ же. Только нѣтъ ли у тебя какой-нибудь старой, завалящей шапчонки? вѣдь прибѣжалъ, какъ есть, съ голой головой.

Одѣвшись, мы пошли. Дорогой вдругъ ему пришло въ голову зайти въ парикмахерскую побриться. Признаться, у меня душа ушла въ пятки: что, какъ онъ выхватитъ у парикмахера изъ рукъ бритву и зарѣжется? Но дѣлать было нечего, его стали брить, а я все время сидѣлъ, какъ на иголкахъ, глазъ не спуская съ него. Все обошлось однако благополучно: Писарева побрили, и мы пошли дальше.

Въ университелѣ мы встрѣтили на лѣстницѣ Фитстума, и онъ

тотчасъ же началъ успокаивать Писарева, удостовѣряя, что, дѣйствительно, онъ былъ помѣщенъ въ лѣчебницѣ по распоряженію начальства и на казенный счетъ.

Услышавъ это, Писаревъ ударилъ себя по лбу и воскликнулъ:

— А и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, все это были одни болѣзненныя галлюцинаціи!

Затѣмъ мы тотчасъ пошли къ Трескинымъ. Тамъ мы застали уже служителя изъ лѣчебницы, посланнаго разыскивать бѣглеца. Писаревъ объявилъ наотрѣзъ, что если его отправятъ снова въ больницу, онъ непремѣнно покончитъ съ собою такъ или иначе. Старикъ Трескинъ принялъ его сторону и объявилъ, что онъ не только не допуститъ, чтобы Писарева вновь помѣстили въ больницу Штейна, но будетъ, кромѣ того, жаловаться кому слѣдуетъ на порядки, которые существуютъ въ больницѣ.

Штейнъ, конечно, поджалъ хвостъ и улетучился, заявивши, что Писаревъ далекъ еще отъ полнаго выздоровленія, и онъ не ручается, что болѣзнь не возобновится съ большею силою и уже безнадежно. Но старикъ Трескинъ былъ непреклоненъ. Порѣшили на томъ, чтобы Писаревъ ѣхалъ тотчасъ же къ своимъ роднымъ въ имѣніе, и тамъ на деревенскомъ воздухѣ и просторѣ возстановилъ свои силы и укрѣпилъ нервы. И Писаревъ уѣхалъ, не дожидаясь экзаменовъ.

По правдѣ сказать, состояніе здоровья Писарева по выходѣ изъ больницы было далеко еще не нормально. Такъ, передъ отъѣздомъ въ деревню, онъ заказалъ себѣ лѣтній костюмъ изъ ярко-краснаго пестраго ситца, изъ какого деревенскія бабы шьютъ себѣ сарафаны, а также накупилъ пастэльныхъ красокъ для раскрашиваніе политепажныхъ картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Къ концу лѣта онъ прислалъ изъ деревни рукопись, толщиной въ стопу бумаги, не то какой-то критическій, не то философскій трактатъ: когда только успѣлъ онъ исписать такую уйму бумаги своимъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ! Но голова его такъ плохо еще работала, что въ этой статьѣ-левіафанѣ трудно было добраться до какого-либо смысла. Замѣчательно при этомъ, что посылку свою онъ застраховалъ въ 200 р.

По возвращеніи осенью въ Петербургъ, Писаревъ поселился уже не въ семьѣ Трескина, а отдѣльно, въ квартирѣ, занимаемой группою студентовъ въ складчину, и вскорѣ совсѣмъ исчезъ съ горизонта нашего кружка. Кружокъ нашъ вообще не отличался терпимостью, а тутъ Писаревъ началъ положительно пугать насъ своими новыми взглядами нигилистическаго характера.

Спѣшу оговориться: взгляды эти отнюдь не были проникнуты какимъ-либо страшнымъ политическимъ радикализмомъ. Писаревъ, какъ извѣстно, никакихъ особенно яркихъ и крайнихъ политическихъ доктринъ не проповѣдывалъ въ своихъ статьяхъ; онъ былъ до корней волосъ индивидуалистъ, проповѣдникъ новой системы лич-

ной нравственности, которою должны руководствоваться истинно новые люди, такъ называемые «трезвые реалисты».

Но именно эта самая новая мораль и привела насъ въ ужасъ въ устахъ Писарева. Если бы мы читали русскіе журналы, а въ нихъ статьи Чернышевскаго, Добролюбова и прочихъ сотрудниковъ «Современника» и «Русскаго слова», мы, конечно, убѣдились бы, что ничего не было въ новыхъ моральныхъ теоріяхъ Писарева ни новаго, ни тѣмъ болѣе ужаснаго. Это были доктрины англійскихъ утилитаристовъ, преимущественно Милля, выводившихъ нравственность не изъ чувства долга, а тѣмъ болѣе не изъ какихъ либо предписаній со стороны, хотя бы и свыше, а изъ тѣхъ же эгоистическихъ побужденій личной и общественной пользы, которыми мы руководимся во всѣхъ нашихъ какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ истинно нравственный поступокъ— не тотъ, къ которому мы принуждаемъ себя изъ страха наказанія въ этой или будущей жизни, а выходящій изъ свободнаго влеченія къ совершенію его и сознанія, что онъ ведетъ къ личному или общественному благу.

Намъ же казалось, что Писаревъ подъ знаменемъ свободы нравственныхъ влеченій проповѣдуетъ полную разнузданность всѣхъ страстей и похотей, и что, слѣдуя своимъ взглядамъ, ему ничего не будетъ стоитъ,—если явится у него такое свободное влеченіе,—въ одинъ прекрасный день пришибить не только любого изъ насъ, но и мать родную. Писаревъ, съ своей стороны, не только не возражалъ на такія наши предположенія, а съ флегматическимъ спокойствіемъ отвѣчалъ:

— Ну, что жъ такое? Пришибу и мать, разъ явится у меня такое желаніе, и если я буду видѣть въ этомъ пользу. Какъ будто люди, исповѣдующіе отжившую пошлую мораль, не убиваютъ и не дѣлаютъ всякія гадости, если имъ захочется, вопреки всѣмъ вашимъ прописнымъ правиламъ?

Послѣ подобныхъ рѣчей Писаревъ началъ казаться намъ такимъ чудовищемъ, что мы поспѣшили прервать съ нимъ всякія сношенія.

V.

Передъ самымъ моимъ выходомъ изъ университета мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ великаго событія въ исторіи Россіи,—манифеста 19 февр. 1861 года объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Не могу сказать, чтобы событіе это оставило во мнѣ сильное и яркое впечатлѣніе. Можетъ быть, въ деревнѣ оно имѣло болѣе внушительный видъ, городскихъ же жителей несравненно болѣе волновала мысль о томъ, какъ пройдетъ объявленіе манифеста, чѣмъ самый манифестъ.

Здѣсь впервые обнаружилось, какъ мало у насъ знаютъ народъ и какое превратное имѣютъ о немъ понятіе не только какія-нибудь невѣжественныя кумушки-салопницы, но и люди власть имѣющіе, стоящіе у кормила. Казалось бы, по здравому смыслу, что какихъ-либо волненій можно было ждать лишь въ томъ случаѣ, если бы манифеста совсѣмъ не послѣдовало, или если бы крестьяне не желали отмѣны крѣпостного права. Но съ какой стати стали бы мужики бунтовать въ благодарность за дарованную имъ милость!..

Но даже передовые люди, не исключая и кончившихъ высшія учебныя заведенія, продолжали по старой памяти предполагать, что народъ состоитъ изъ массы необузданныхъ дикарей, которые удерживаются въ порядкѣ и принуждаются къ труду лишь силою помѣщичьей власти, отпущенные же на волю — они тотчасъ же побросаютъ и барскія поля, и свои собственныя, побѣгутъ въ казаки, а затѣмъ начнутъ грабить и жечь помѣщичьи усадьбы, словомъ—начнется всероссійская пугачевщина.

Въ силу такого предубѣжденія, наиболѣе трусливые помѣщики въ паническомъ страхѣ стекались въ города, а то бѣжали и за границу. Въ Петербургѣ масляничныя увеселенія были переведены съ Адмиралтейской площади на Марсово поле. По городу въ день объявленія манифеста были усилены конные патрули; во дворцахъ наканунѣ уже удвоены и утроены караулы. Самый манифестъ, подписанный 19 февраля, не рѣшились читать въ этотъ день, такъ какъ онъ приходился въ прощеное воскресенье, а отложили чтеніе его на 26 число, и читали его въ недѣлю православія, соображая, что въ этотъ день народъ, подъ обаяніемъ великопостныхъ размышленій, долженъ быть степененъ и трезвъ...

Въ день объявленія манифеста я нарочно отправился въ нашу приходскую церковь Николы Мокраго. По окончаніи службы, чтенія манифеста и молебствія, я вышелъ на паперть и, пока расходился народъ, пристально всматривался въ выраженія лицъ, прислушиваясь къ разговорамъ простонародья, и не только, признаюсь, не замѣтилъ ни малѣйшихъ восторговъ и ликованій, а, напротивъ того, пораженъ былъ полнымъ равнодушіемъ и безучастіемъ къ тому, что сейчасъ произошло: выходили изъ церкви, машинально крестясь, какъ всегда, и разговаривали о своихъ мелкихъ будничныхъ дѣлишкахъ, и никому, казалось, въ голову не приходило, что—«порвалась цѣпь великая»...

Вечеромъ я вышелъ на улицу, и опять-таки былъ пораженъ тишиною и обыденностью: ни ликующихъ толпъ, ни иллюминацій, и пьяныхъ нисколько не болѣе, чѣмъ всегда бываетъ по воскреснымъ днямъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Университетъ передъ закрытіемъ.—Сорванный актъ 1861 года.—Начало реакціи.—Военные башибузуки во главѣ министерства народнаго просвѣщенія.—Студенческія исторіи 1861 года.—Мои поиски мѣста по окончаніи курса.—Канцелярія военнаго ген.-губернатора кн. Суворова.

I.

Въ теченіе пяти лѣтъ пребыванія моего въ университетѣ, онъ пережилъ такой радикальный переворотъ, что былъ неузнаваемъ. Вмѣсто прежняго мертваго безмолвія пустыхъ корридоровъ, въ которыхъ лишь въ перемѣны между лекціями робко двигались кучки запуганныхъ и подтянутыхъ студентиковъ, теперь съ утра и до сумерокъ университетъ шумѣлъ, какъ пчелиный улей; въ его корридорахъ и аудиторіяхъ было не протиснуться.

Студенты считались теперь уже тысячами, но ихъ совсѣмъ не было видно; они стушевывались въ той разнокалиберной и пестрой толпѣ, которая наполняла ежедневно университетъ. Тутъ вы могли встрѣтить людей всѣхъ возрастовъ, званій и состояній: и военныхъ, и штатскихъ, и поповъ, и крестьянъ въ чуйкахъ, рядомъ съ роскошно разодѣтыми великосвѣтскими барынями, съ трехъ-аршинными шлейфами.

Словомъ, въ университетъ ворвалась уличная толпа, благодаря тому, что двери его были раскрыты для постороннихъ посѣтителей. Всѣ, кому только былъ досугъ и охота, шли въ университетъ: кто—учиться, кто—послушать блестѣвшихъ въ то время знаменитостей, кто—просто изъ любопытства или слѣдуя модѣ.

Особеннымъ многолюдствомъ отличались лекціи Костомарова. Онѣ читались въ актовой залѣ, при чемъ стулья брались чуть ли не съ боя. Лекціи Костомарова привлекали слушателей не только богатою эрудиціею даровитаго ученаго, но и обаятельною художественностью.

Представьте себѣ худощавую фигуру средняго роста съ бѣлокурыми усами (бороды Костомаровъ тогда не носилъ), съ эпически-спокойнымъ, безстрастнымъ лицомъ,—такимъ возвышался онъ на каѳедрѣ передъ несмѣтною толпою. Ни признака улыбки, ни малѣйшаго возвышенія голоса,—рѣчь его лилась съ ненарушимымъ спокойствіемъ лѣтописнаго повѣствованія.

Но какая это была рѣчь! Лѣтописи и легенды принимали въ устахъ Костомарова характеръ живого народнаго говора. Сухой лѣтописный разсказъ или даже перечень передавался съ своеобразнымъ юморомъ, вызывавшимъ тѣмъ большій смѣхъ, чѣмъ невозмутимо спокойнѣе былъ лекторъ. Средневѣковая старина удѣльно-вѣчевого періода воскресала передъ слушателями въ ося-

зательной реальности. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и начало, и конецъ лекцій сопровождались громкими и долгими рукоплесканіями.

Въ сущности, ничего не было ни безпорядочнаго, ни опаснаго въ присутствіи этой толпы въ стѣнахъ университета. Она не бунтовала, не пѣла даже революціонныхъ пѣсенъ, не кричала, а невинно двигалась по корридорамъ, переходя изъ аудиторіи въ аудиторію. Допускается же подобная толпа на гуляньяхъ или на крестныхъ ходахъ, и никому не приходитъ въ голову разгонять ее—потому только, что она тысячеголовая толпа?

Правда, студенты не переставали все время волноваться, собирать сходки, протестовать, судить провинившихся товарищей и т. п. Но все это движеніе не имѣло никакого политическаго характера. Всѣ недоразумѣнія между студентами и ближайшимъ начальствомъ, вродѣ распри съ инспекторомъ изъ-за концертныхъ денегъ, легко было уладить мирными переговорами.

Но заскорузлые въ николаевскомъ режимѣ ревнители могильной тишины и мертваго порядка никакъ не могли помириться, чтобы въ казенное зданіе допускались съ вѣтру всѣ, кому придетъ въ голову, безъ всякаго разрѣшенія свыше. Зрѣлище несмѣтной толпы въ аудиторіяхъ и корридорахъ шокировало этихъ господъ и пугало, какъ что-то зловѣщее, сорвавшееся съ цѣпи, готовое ринуться на нихъ, блюстителей мертваго застоя, съ гикомъ и свистомъ, и стереть ихъ съ лица земли...

И вотъ произошло то, что совершается у насъ спонконъ вѣковъ: люди, призванные охранять порядокъ,—они-то именно изъ лишняго усердія къ охраненію и явились главными виновниками всѣхъ послѣдующихъ безпорядковъ, заваривши глупую, дикую и никому не нужную кашу.

II.

Каплею, переполнившею чашу терпѣнія блюстителей тишины и порядка, былъ знаменитый университетскій актъ 8 февраля 1861 г., сорванный, какъ извѣстно, студентами изъ-за нелѣпѣйшаго распоряженія III-го отдѣленія. Дѣло было вотъ какъ.

Издревле существовалъ обычай, заключавшійся въ томъ, что на торжественномъ университетскомъ актѣ, послѣ чтенія годичнаго отчета о состояніи университета, на каѳедру вступалъ профессоръ и произносилъ ученую по своему предмету рѣчь, заранѣе, конечно, одобренную совѣтомъ и назначенную къ произнесенію. Въ этотъ годъ чтеніе рѣчи было опредѣлено Костомарову, который приготовилъ для этого случая характеристику К. С. Аксакова, имѣя въ виду недавнюю смерть московскаго публициста. Характеристика эта, не заключавшая въ себѣ ничего нецензур-

наго, была безпрепятственно одобрена совѣтомъ, и масса публики стеклась на актъ спеціально прослушать ее.

И вдругъ наканунѣ акта пришло свыше приказаніе замѣнить рѣчь Костомарова какою-либо другою по усмотрѣнію совѣта. Трудно понять, въ какую мѣдную голову могло придти такое безсмысленное распоряженіе? Объяснить его можно лишь тѣмъ, что К. Аксаковъ былъ однимъ изъ главныхъ представителей славянофиловъ. Славянофилы же, со временъ еще Николая, были въ опалѣ за пропаганду свободы слова, печати и конституціонныхъ идей въ видѣ уничтоженія средостѣнія между царемъ и народомъ; органы ихъ запрещались одни за другими, и сами они едва терпѣлись въ столицахъ. Ну, и конечно, умнымъ правителямъ казалось неприличнымъ, чтобы на торжественномъ актѣ въ столичномъ университетѣ возносились хвалы одному изъ дерзкихъ посягателей на существующій государственный строй. Совѣтъ безропотно покорился требованію начальства и замѣнилъ рѣчь Костомарова рѣчью не помню ужъ какого, мало даровитаго и мало замѣчательнаго, профессора юридическаго факультета.

Можно представить себѣ, какой взрывъ негодованія возбудило это распоряженіе во всѣхъ собравшихся на актъ въ числѣ, по крайней мѣрѣ, трехъ тысячъ народа. Съ самаго начала акта среди студентовъ началось сильное броженіе; изъ устъ въ уста переходила вѣсть, что рѣчь Костомарова запрещена III-мъ отдѣленіемъ, при чемъ вожаки агитировали не давать читать замѣстителю Костомарова и требовать, чтобы читалъ послѣдній.

И дѣйствительно, едва взошелъ на каѳедру замѣститель Костомарова, раздались оглушительные крики всей многотысячной толпы:—«Рѣчь Костомарова!.. Рѣчь Костомарова!..»

Крики эти продолжались, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа, сопровождаясь топаньемъ ногъ и стучаньемъ стульевъ объ полъ, при всеобщемъ ужасѣ и смятеніи. Наконецъ, такъ какъ крики продолжались, съ каждой минутой принимая все болѣе и болѣе грозный характеръ, всѣ присутствовавшіе на актѣ сановники, и министръ, и попечитель, и митрополитъ, и профессора пустились въ бѣгство, полные паническаго страха, прямо черезъ столъ, за которымъ торжественно засѣдали, а затѣмъ по стульямъ, падая и чуть не давя другъ друга.

Актъ былъ прерванъ, но студенты продолжали бѣсноваться, требуя теперь уже не рѣчи Костомарова, а ректора для объясненій съ нимъ.

Долго не являлся Плетневъ; но, такъ какъ крики продолжались и конца имъ не предвидѣлось, до призванія же въ стѣны университета полицейскихъ и военныхъ силъ для разгона бушующей толпы въ то время еще не додумались или не смѣли принимать репрессивныхъ мѣръ передъ самымъ выпускомъ манифеста

объ освобожденіи крестьянъ, то Плетневъ рѣшился, наконецъ, предстать передъ грозною толпою.

И вотъ явился онъ, блѣдный и дрожащій отъ страха, а за нимъ шествовала вся его семья, рѣшившаяся раздѣлить его трагическую участь. Но никакой трагедіи не послѣдовало: студенты, напротивъ того, встрѣтили его долгими и единодушными апплодисментами. Плетневъ взгромоздился на тотъ самый покрытый зеленымъ сукномъ столъ, за которымъ происходилъ передъ тѣмъ актъ, и объявилъ, что согласно общему желанію рѣчь Костомарова будетъ прочтена въ тотъ же вечеръ въ университетскомъ залѣ, и желающихъ прослушать ее онъ проситъ пожаловать.

Дѣйствительно, вечеромъ, при полномъ освѣщеніи актоваго зала, собралось въ ней народу еще больше, чѣмъ утромъ. Костомаровъ прочелъ свою рѣчь, и слушатели, не ограничиваясь одними оглушительными апплодисментами, подняли его въ креслѣ высоко надъ толпою и торжественно вынесли изъ зала. Я никогда не забуду того невозмутимаго спокойствія, какое сохранялъ онъ во все продолженіе этого тріумфа.

Если считать это не снисходительною уступкою со стороны начальства, а побѣдою студентовъ, то, во всякомъ случаѣ, это была послѣдняя побѣда. Не съ 1863 года слѣдуетъ считать начало реакціи, какъ это дѣлаютъ многіе, а со дня выпуска манифеста 19 февраля. Разъ вверху увидѣли, что все обошлось мирно и спокойно, и не послѣдовало никакого общаго кавардака вслѣдъ за объявленіемъ манифеста,—реакція тотчасъ же подняла голову, и правительство убѣдилось, что со студентами не стоитъ больше церемониться.

Уже съ весны начали распространяться въ университетѣ зловѣщіе слухи. Особенно ворчали и негодовали старые профессора, помнившіе блаженныя времена Ширинскаго-Шихматова и Мусина-Пушкина. Они только разводили руками въ недоумѣніи и ужасѣ, вопя о непозволительной распущенности и студентовъ, да и самого начальства. Такъ, когда я пришелъ къ Никитенку представить на его усмотрѣніе кандидатскую диссертацію, онъ не могъ удержаться, чтобы не заговорить со мною о злобѣ дня.

— Не понимаю, чего хотятъ студенты? Чего они добиваются? Я полагаю, что университетъ существуетъ для наукъ, и студенты должны ходить въ него спеціально для того, чтобы учиться, а не на сходкахъ бушевать. Да и статочное ли дѣло, чтобы въ университетъ дозволялось идти всякому, кому придетъ въ голову и дѣться некуда? Смѣшно сказать, что университетъ превратился въ нѣчто вродѣ Лѣтняго сада въ Духовъ день и служитъ для выставки жениховъ и невѣстъ! Недостаетъ музыки и пѣсенниковъ, кстати и ресторанчика съ продажею спиртныхъ напитковъ! Я самъ видѣлъ, какъ на лекціяхъ студенты перемигиваются съ барышнями, а тѣ дѣлаютъ имъ глазки! Какая тутъ наука!

III.

Какъ результатъ всѣхъ подобныхъ толковъ тогдашнихъ Скалозубовъ и Держимордъ, осенью разразилась всѣмъ извѣстная гроза. Правительство рѣшилось разыграть свое обычное представленіе обнаруженія «твердой власти». Иногда такія представленія имѣютъ характеръ дикихъ и кровожадныхъ, чисто азіатскихъ избіеній. Но такъ какъ цвѣты либерализма не успѣли еще поблекнуть, то на первый разъ представленіе приняло характеръ не столько кровавой трагедіи, сколько пошлѣйшаго и нелѣпѣйшаго, чисто опереточнаго фарса.

Правда, прелюдія была мрачнаго характера, и все обѣщало въ будущемъ «годину правежей и казней». Какъ извѣстно, у насъ искони существуетъ такое понятіе въ правительственныхъ сферахъ, что твердая власть наиболѣе свойственна военнымъ элементамъ, и потому для проявленія ея у правительства всегда имѣются про запасъ два—три военные генерала, рѣшительные и стремительные, страшилища съ вылупленными глазами и скрежещущими зубами, которые въ экстренныхъ случаяхъ и выпускаются на враговъ отечества, какъ волкодавы на хищныхъ звѣрей или разбойниковъ... И на этотъ разъ правительство рѣшило выпустить двухъ такихъ палачей съ засученными рукавами: адмирала Путятина, замѣнившаго въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, и военнаго генерала Филипсона, занявшаго постъ попечителя округа вмѣсто Делянова.

Но волкодавы не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Они ничего не могли придумать для обузданія студентовъ и очистки университета отъ постороннихъ посѣтителей, какъ снабдить студентовъ матрикулами въ видѣ тетрадочекъ, въ которыхъ записывались бы кромѣ названія факультета и курса правильность хожденія на лекціи и поведеніе студента, и безъ предъявленія которыхъ студентъ не допускался бы въ университетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, студенты были лишены всѣхъ льготъ, какими пользовались въ послѣдніе четыре года: закрыты были и касса, и библіотека, запрещены строго-на-строго сходки и судбища, уничтожены концерты и пр.

Понятно, что какъ только осенью студенты собрались въ университетъ послѣ каникулъ, вмѣсто чтенія лекцій начались непрестанныя волненія. Новый ректоръ И. И. Срезневскій ничего не могъ съ ними подѣлать. Такъ какъ ни одна аудиторія не могла вмѣстить собранія въ нѣсколько тысячъ, двери же актоваго зала были заперты, студенты выломали ихъ, разбивъ при этомъ стекла. Матрикулы сначала отказывались брать, а затѣмъ взяли для того, чтобы предать ихъ торжественному аутодафé. Видя, что конца

волненіямъ не предвидится, начальство закрыло университетъ. Тогда студенты, собравшись тысячною толпою передъ зданіемъ его, рѣшили всею толпою идти на Колокольную улицу, гдѣ жилъ попечитель Филипсонъ, объясняться съ нимъ.

Это была первая демонстрація въ Петербургѣ, самаго что ни на есть, впрочемъ, мирнаго характера. Никакихъ флаговъ не выкидывали, революціонныхъ пѣсенъ не пѣли. Студенты шли вразсыпную по Невскому, въ сопровожденіи многотысячной толпы, пристававшей къ нимъ публики, и конныхъ жандармовъ по обѣимъ сторонамъ.

Я не участвовалъ въ этомъ шествіи, такъ какъ покончилъ уже съ университетомъ, весною сдавши кандидатскій экзаменъ. Но я пришелъ въ канцелярію университета для полученія диплома какъ разъ въ тотъ день, когда происходило шествіе на Колокольную. Я засталъ процессію уже возвращавшуюся обратно. Не допущенные въ зданіе университета, студенты расположились на дворѣ. Я присутствовалъ на этой сходкѣ подъ открытымъ небомъ, слушалъ произносившіяся рѣчи, видѣлъ студентку Богданову, говорившую съ вершины дровъ...

Дѣло шло о выборѣ депутатовъ для объясненія съ Филипсономъ, который не принялъ студентовъ, объявивъ, что объясняться съ тысячною толпою онъ не намѣренъ. Это была одна изъ тѣхъ полныхъ ловушекъ, къ которымъ прибѣгаетъ каждый разъ начальство, надѣясь такимъ путемъ захватить зачинщиковъ и вожаковъ, и каждый разъ простодушная толпа, надѣясь, что она имѣетъ дѣло съ людьми, не лишенными совѣсти и чести, попадаетъ въ эту ловушку. Такъ и на этотъ разъ, выбранные для объясненій съ попечителемъ депутаты въ тотъ же вечеръ были арестованы, но, какъ всегда водится, коварство не только не потушило пожара, а подлило еще масла въ огонь.

Студенты каждый день начали собираться толпою передъ оцѣпленнымъ войсками университетомъ и кричать объ освобожденіи товарищей. Къ студентамъ присоединялась толпа въ нѣсколько десятковъ тысячъ интеллигентной публики. Обѣ враждебныя стороны стояли другъ противъ друга, не дѣлая шага впередъ. Толпа кричала, шумѣла, свистала; солдаты мрачно безмолствовали, держа ружья наперевѣсъ и готовые ринуться на нее по первой командѣ. Накричавшись вдоволь, толпа расходилась, солдатъ уводили въ казармы. И это продолжалось нѣсколько дней; наконецъ, толпу студентовъ, въ числѣ двухсотъ или трехсотъ человѣкъ, арестовали и препроводили почему-то на пароходѣ въ Кронштадтъ, гдѣ заперли въ крѣпость.

Всѣ эти распоряженія начальства сильно электризовали общество, возбуждая, впрочемъ, не столько негодованіе, сколько смѣхъ, потому что, дѣйствительно, имѣли видъ опереточнаго фарса. Студенты привлекали общее сочувствіе; со всѣхъ сторонъ стекались

въ ихъ казематы и съѣстные припасы, и конфекты, и цвѣты. Имъ было весело въ заточеніи: они пѣли, плясали, сочинили даже оперу, подобравши популярные мотивы итальянскихъ оперъ, и разыгрывали ее въ костюмахъ изъ папиросной бумаги.

Простой народъ относился ко всѣмъ этимъ событіямъ съ полрымъ равнодушіемъ. Биржевые крючники объясняли студенческія волненія по своему: они были увѣрены, что это бунтуютъ барчуки, зачѣмъ царь отнялъ у ихъ родителей крестьянъ.

— «Выпустилъ бы царь-батюшка насъ на нихъ,—мы показали бы имъ кузькину мать!»

Я шелъ однажды по Большому проспекту Петербургской стороны, все еще въ студенческомъ сюртукѣ, не успѣвши смѣнить его на партикулярный костюмъ, а навстрѣчу мнѣ проходила старушка съ маленькой внучкой. Послѣдняя показала на меня своей бабушкѣ пальцемъ и промолвила:

— «Бабушка, смотри-ка, одинъ-то еще остался!»

Точно дѣло шло о тараканахъ, истребляемыхъ персидскимъ порошкомъ.

IV.

Съ выходомъ изъ университета начались для меня самые тяжелые годы въ матеріальномъ отношеніи. Отецъ мой къ этому времени вышелъ въ отставку и сталъ получать миніатюрную пенсію въ 14 р. Мои же доходы въ видѣ двухъ—трехъ уроковъ и случайныхъ статеекъ сначала у Кремпина, затѣмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» не превышали 50 руб. въ мѣсяцъ. Къ этому времени вышла изъ института сестра. Мало того, что прибавился лишній ротъ,—дѣвушка нуждалась въ полной обмундировкѣ. Ко всему этому, домикъ нашъ пришелъ въ совершенную ветхость. Онъ требовалъ большого ремонта, грозя разрушеніемъ, одинъ уголъ совсѣмъ разошелся, и сквозь разсѣлину вѣтеръ шелестилъ обоями. Случалось, что вода замерзала у насъ въ комнатахъ.

Не мудрено, что сестра поспѣшила выйти замужъ за перваго посватавшагося жениха, за котораго, вѣроятно, не пошла бы, если бы обстоятельства наши были хоть сколько-нибудь лучше...

Единственный порядочный заработокъ мой въ это время была драма «Круглицкіе», пристроенная мною, при помощи Майковыхъ, въ «Отечественныя Записки»: я получилъ за нее 200 р. Пытался пристроить на сцену, но столь же неудачно, какъ и нѣкогда «Жениховъ».

Все это было крайне неопредѣленно, ненадежно и случайно. Мнѣ было необходимо найти хоть небольшой постоянный заработокъ, и вотъ началъ я, что называется, стучаться во всѣ двери. Ходилъ я и къ Даниловичу, который составлялъ штатъ воспитателей только что преобразованныхъ изъ корпусовъ военныхъ гим-

назій; ходилъ къ Срезневскому проситься на открывшуюся вакансію библіотекаря въ университетской библіотекѣ.

Даниловичъ отказалъ мнѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ воспитатели онъ намѣренъ принимать людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ и болѣе зрѣлаго возраста, чѣмъ я. Нѣчто подобное сказалъ и Срезневскій.

— Напрасно вы думаете, что мѣсто библіотекаря можетъ занять всякій, кому вздумается. Это дѣло требуетъ своего рода спеціалистовъ, особенно такая обширная библіотека, какъ университетская. Вы заблудитесь въ ней, какъ въ лѣсу, и все перепутаете такъ, что потомъ въ годъ не распутать.

Когда же я спросилъ: неужели университетъ выпускаетъ кандидатовъ спеціально на голодную смерть?—Срезневскій преподалъ мнѣ такой наставительный совѣтъ:

— Каждый человѣкъ обязанъ заниматься тѣмъ, къ чему онъ имѣетъ наклонность. Я слышалъ, что у васъ литературное призваніе. Поэтому вамъ слѣдуетъ пристроиться къ какому-нибудь журналу и сдѣлаться постояннымъ сотрудникомъ.

V.

Отчаяніе чуть не загнало меня на скорбный путь отца. При помощи одного дальняго родственника я поступилъ въ канцелярію генералъ-губернатора кн. Суворова на низшій окладъ канцелярскихъ служителей (10 или 15 рублей жалованья).

Я не могу вспомнить о службѣ въ этой канцеляріи (съ осени 1861 по іюль 1862) безъ содроганія, какъ о годинѣ самаго ужаснаго позора и униженія въ моей жизни. Это былъ какой-то страшный кошмаръ, и лишь отчаяніемъ можно объяснить, какъ могъ я столь долго выносить этотъ адъ кромѣшный.

Все было мнѣ противно въ грязныхъ залахъ канцеляріи до омерзенія, въ особенности же директоръ ея—Четыркинъ, надутый своимъ генеральскимъ величіемъ, грубый и глупый, какъ только бываютъ грубы и глупы выслужившіеся до генеральскихъ чиновъ кантонисты. Не менѣе противенъ былъ и начальникъ отдѣленія К. Ф. Ординъ (братъ моего товарища Ф. Ордина), чопорный и накрахмаленный фатъ, типическій представитель бывшихъ въ тѣ времена въ модѣ молодыхъ администраторовъ карьеристовъ, каравшихъ взяточничество со сцены Александринскаго театра.

Одинъ только столоначальникъ, къ столу котораго меня пристроили, Ив. Вл. Ивановъ, былъ, повидимому, человѣкъ съ душою; по крайней мѣрѣ, ко мнѣ относился онъ съ участіемъ, не обременялъ работою и отпускалъ домой въ три часа. Но и онъ, должно быть, побаивался въ душѣ, какъ бы я впослѣдствіи не занялъ его мѣста. Иначе чѣмъ объяснить, что въ продолженіе всей моей

службы онъ не далъ мнѣ написать ни одной мало-мальски серьезной бумажонки, а держалъ на черной работѣ писанія отказовъ на неподлежащія удовлетворенію просьбы. Только, бывало, и дѣлаешь весь день съ десяти часовъ до трехъ, что пишешь:

«Канцелярія военнаго генералъ-губернатора имѣетъ честь увѣдомить такого-то, что прошеніе его удовлетворено быть не можетъ».

Напишешь съ сотню подобнаго рода увѣдомленій, выйдешь изъ канцеляріи совершенно одурѣлымъ, чувствуя себя не человѣкомъ, а какою-то бездушною машиною!

Но особенно угнетали меня періодическія дежурства, которыя лежали по очереди на обязанности канцелярскихъ служителей. Въ день дежурства приходилось оставаться въ канцеляріи весь день и затѣмъ всю ночь; за то, смѣнившись утромъ, дежурный увольнялся на весь слѣдующій день отъ службы.

Первая моя пытка на этомъ дежурствѣ заключалась въ томъ, что въ качествѣ дежурнаго я былъ обязанъ, какъ лакей, стоять возлѣ его превосходительства въ то время, какъ онъ изволилъ подписывать бумаги, и каждую подпись подсыпать песочкомъ.

Но это были цвѣточки,—ягодки впереди. Иногда ночью приходила экстренная бумага отъ лицъ царской фамиліи, а тѣмъ болѣе — изъ собственной канцеляріи его величества, и дежурный долженъ былъ тотчасъ же идти на квартиру къ Четыркину, будить его, а если его не было дома, — разыскивать. Во время же пожара (а въ то время какъ разъ была пожарная эпидемія), дежурный командировался узнать, какъ великъ пожаръ, для того, чтобы въ случаѣ угрожающихъ размѣровъ его будить самого князя, лично присутствовавшаго на большихъ пожарахъ.

Понятно, что какъ только заручился я хоть сколько нибудь постоянною литературною работою въ «Иллюстраціи» Баумана, я стремглавъ бѣжалъ изъ проклятой канцеляріи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Пожарныя эпидеміи предшествовавшихъ годовъ.—Пожаръ въ Измайловскомъ полку въ 1854 году.—Пожарная паника 1862 года.—Апраксинскій пожаръ.

I.

Пожарная эпидемія въ 1862 году является крупнымъ историческимъ событіемъ, до сихъ поръ не вполнѣ разгаданнымъ. Впрочемъ, нѣкоторыя условія петербургскаго быта того времени могутъ всетаки до извѣстной степени пролить свѣтъ на него.

Начать съ того, что въ Петербургѣ того времени лишь четыре Адмиралтейскія части были сплошь застроены каменными домами. Въ прочихъ частяхъ каменныя постройки чередовались

съ деревянными; окраины же, будучи сплошь деревянными, отличались вмѣстѣ съ тѣмъ крайнею скученностью построекъ, такъ какъ члены строительной коммиссіи заботились не столько о правильности построекъ въ противопожарномъ отношеніи, сколько объ успѣшнѣйшемъ наполненіи своихъ глубокихъ кармановъ, и при помощи приношеній можно было не только строить дома рядомъ, вплотную, но прямо городить одинъ на другой.

Въ то же время городъ былъ полонъ горючаго матеріала, сѣна и соломы для десятковъ тысячъ лошадей. Въ тѣ времена, какъ и нынѣ, впрочемъ, нѣкоторые городскіе околодки, напр. Ямская слобода, набережныя Лиговки и пр., были сплошь заселены извозчичьими дворами. Но верхъ безобразія представляли Щукинъ и Апраксинъ дворы. Это былъ лабиринтъ деревянныхъ лавченокъ, занимавшій не менѣе квадратной версты. Лавченки эти, по большей части ветхія и едва державшіяся, примыкали сплошь одна къ другой и были наполнены всякимъ хламомъ въ родѣ стараго тряпья, ветхихъ книжонокъ, никому ненужныхъ портретовъ генераловъ и купцовъ и т. п. Узенькіе проулки лабиринта были вымощены сплошь тоненькими дощечками. Въ каждой лавченкѣ дымились чайники съ горячимъ чаемъ. Надо прибавить къ этому громадную часовню среди лабиринта, гдѣ теплились массы неугасимыхъ лампадъ и горѣли тысячи свѣчей, ежедневно ставившихся благочестивыми торговцами. Принимая все это въ соображеніе, остается только удивляться, какъ могъ уцѣлѣть такой базаръ въ азіатскомъ вкусѣ до 1862 года!

Что касается пожарныхъ командъ, то онѣ содержались ниже всякой критики. Бочки были вѣчно разсохшіяся и не довозили воды до мѣста надобности; рукава, кругомъ продырявленные, поливали не столько пожаръ, сколько пожарныхъ. Водопроводовъ еще не было. Воду возили водовозы, при чемъ невская вода цѣнилась несравненно дороже канальной, и бѣдный людъ принужденъ былъ пить гнилятину изъ Фонтанки и Мойки. Такимъ образомъ, если пожаръ былъ въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ воды, то могли сгорать десятки домовъ, пока довозили до пожара хоть одну бочку, да и ту на половину пустую.

При всѣхъ этихъ условіяхъ пожарная эпидемія 1862 года вовсе не была чѣмъ-либо единственнымъ и исключительнымъ. На моей памяти было нѣсколько подобныхъ же прецедентовъ. Ни одна лѣтняя засуха не обходилась безъ пожарной эпидеміи. Особенно, конечно, страдали окраины. Петербургская сторона, сравнительно, меньше подвергалась крупнымъ пожарамъ вслѣдствіе того, что въ ней много было огородовъ и пустырей, и при рѣдкомъ домѣ не было сада. За то Пески, Коломна, Ямская, Охта періодически выгорали цѣлыми кварталами.

При этомъ каждый разъ, какъ только эпидемія возрастала до трехъ, четырехъ пожаровъ въ сутки, не обходилось безъ слуховъ о поджогахъ, такъ какъ въ то время не существовало еще ни

революціонеровъ, ни соціалистовъ, ни юдофобовъ, то козлами отпущенія были мятежные поляки, мстившіе русскому народу за свое порабощеніе: они «подсыпали» во время холеръ, они же и поджигали...

II.

Особенно памятенъ мнѣ колоссальный пожаръ въ Измайловскомъ полку 16 августа 1854 года. Начался онъ утромъ въ 12 часовъ, въ седьмой ротѣ, и когда пріѣхали пожарные, домовъ десять уже пылало. Раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, превратившимся, какъ это всегда бываетъ, на мѣстѣ пожара въ ураганъ, огонь началъ перебрасываться во всѣ стороны черезъ улицы. Запылали сотни домовъ со всѣми службами; пылало и выносимое изъ домовъ имущество, такъ что улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣлались непроходимыми.

Когда въ 5 часовъ мы съ отцомъ пришли на пожаръ, передъ нами открылось зрѣлище, не поддающееся описанію, грандіозная картина народнаго бѣдствія. Вотъ какъ описывалъ я пожаръ въ своемъ гимназическомъ дневникѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ:

«Пламя такъ и вилось винтами, такъ и завивалось, раздуваемое вѣтромъ, такъ и сыпало искры, такъ и вырывалось изъ всѣхъ оконъ, можетъ быть, двухсотъ домовъ. Дымъ клубился черными клубами, то высоко поднимаясь къ облакамъ, то разстилаясь отъ порывовъ вѣтра по землѣ, заставляя задыхаться устрашенный народъ, тщетно сопротивлявшійся бѣшеной, всеуничтожающей стихіи, тщетно старавшійся спасать имущество. Трескъ пламени, грохотъ разрушающихся зданій, шумъ отъ ѣзды пожарныхъ трубъ, крики пожарныхъ, стоны и вопли несчастныхъ погорѣвшихъ, оплакивающихъ кто свое имущество, кто дѣтей, родныхъ—жертвъ пламени, ржаніе лошадей,—все это смѣшивалось въ одинъ общій ужасный гулъ»...

Говорили, что оберъ-полицеймейстеръ Галаховъ, зѣло укомплектовавшись, сидѣлъ на тумбочкѣ и горько плакалъ, когда къ нему подошелъ самъ Николай.

— Спасибо тебѣ, Галаховъ,—сказалъ государь,—что отстоялъ Петербургъ... далъ догорѣть только до Фонтанки, а не до Зимняго дворца!

«Къ довершенію несчастія,—значится ниже въ моемъ дневникѣ,—въ 5 часовъ вспыхнулъ другой пожаръ на Гутуевскомъ островѣ. Государь не велѣлъ тамъ и гасить пожара, чтобы не разъединять силъ пожарныхъ. Вечеромъ въ 9 часовъ гдѣ-то за городомъ, близъ Петербурга, въ какой-то деревнѣ вспыхнулъ третій пожаръ. И такъ къ ночи со всѣхъ сторонъ неба было зарево. Всю ночь и все утро другого дня воздухъ Петербурга былъ наполненъ смрадомъ, дымомъ, гарью».

Завершился этотъ пожаръ страшною катастрофой. Среди сгорѣвшихъ зданій успѣли отстоять одинъ пятиэтажный каменный домъ. Онъ только обгорѣлъ, но всѣ этажи со всѣми полами, потолками и накатами остались въ цѣлости. Хозяинъ такъ былъ этимъ доволенъ, что, желая возблагодарить пожарныхъ, участвовавшихъ въ тушеніи его дома, сверхъ денежнаго вознагражденія, устроилъ для нихъ обѣдъ въ нижнемъ этажѣ дома. Но едва только пирующіе—въ числѣ, не помню ужъ, 15 или 20 человѣкъ—расположились пировать, какъ потолки, полы, накаты, печи, смазки всѣхъ пяти этажей съ грохотомъ обрушились на ихъ головы и погребли ихъ подъ развалинами... Нѣсколько дней потомъ отрывали страшно изувѣченные трупы изъ груды досокъ, бревенъ, кирпичей, известки и пр. Ни одинъ не остался въ живыхъ.

III.

Пожарная эпидемія 1862 года ничѣмъ, въ сущности, на отличалась отъ предыдущихъ. Май въ этомъ году былъ необыкновенно сухой, жаркій и вѣтряный, и, по обыкновенію, начали выгорать окраины и фабрики. Но общество было сильно взбудоражено, чтобы отнестись къ этому съ трезвымъ спокойствіемъ. Недавно еще пережитыя и не совсѣмъ еще улегшіяся студенческія волненія, повсемѣстные крестьянскіе бунты вслѣдствіе несправедливыхъ надѣловъ землею, смутныя ожиданія крестьянами золотой грамоты, начало польскаго повстанія,—все это держало нервы общества въ крайнемъ напряженіи. Ждали чего-то грознаго, полагали, что не сегодня—завтра разгорится всеобщая революція. Еще болѣе подлили масла въ огонь прокламаціи, разсылаемыя по почтѣ и разбрасываемыя по городу (я поднялъ одну на гуляньи въ Екатерингофѣ 1-го мая). Понятно, что въ каждой мухѣ были расположены видѣть слона. Такою мухой были и пресловутые пожары.

Въ самой природѣ было тогда что-то грозное, зловѣщее, располагавшее къ паникѣ. Выйдешь, бывало, на улицу—и сразу почувствуешь сухой, знойный вѣтеръ, словно изъ раскаленной печи. Глаза слѣпнутъ отъ вздымаемой крутящимися вихрями удушливой пыли, висящей облаками надъ городомъ (въ тѣ времена о поливкѣ улицъ не снилось еще петербуржцамъ), а ко всему этому непрестанный запахъ смрада и гари отъ вчерашнихъ и ночныхъ пожаровъ... Все это должно было тревожно настраивать обывателей, ежеминутно ожидавшихъ выходящихъ изъ ряда вонъ бѣдствій.

Какъ всегда бываетъ, среди встревоженнаго населенія начали циркулировать соотвѣтствующія легенды. Не было такого околодка, такихъ улицъ, переулка, закоулка, обыватели которыхъ не утверждали бы, что у нихъ найдено въ такой-то водосточной трубѣ или получено по почтѣ такимъ-то домохозяиномъ подметное

письмо, извѣщающее, что такого-то числа въ такой-то часъ домъ или вся улица будутъ сожжены. И сколько бы вы ни искали очевидцевъ, вы не могли ихъ уловить, хотя всѣ говорили вамъ, что слышали отъ такого-то, который самъ читалъ письмо. Когда же вы обращались къ указанному очевидцу, онъ конфузливо отвѣчалъ вамъ:

— «Петръ Петровичъ, должно быть, запамятовали и ошибаются: я говорилъ имъ, что церковный сторожъ мнѣ передавалъ, что от. Павлу читалъ письмо самъ частный приставъ».

Всѣ такимъ образомъ ссылались другъ на друга, и въ результатѣ получалась общая паника, выражавшаяся въ томъ, что, куда бы вы ни приходили, всюду находили чемоданы, корзины и узлы, въ которые бѣдный людъ и люди средняго достатка увязывали все, что было у нихъ наиболѣе цѣннаго и дорогого, и ждали первой тревоги, чтобы стремительно вынести увязанныя вещи. Въ каждой квартирѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраивались ночныя дежурства: домашніе караулили по-очереди. Въ то же время по улицамъ ночью, особенно по окраинамъ, въ глухихъ мѣстахъ устраивались ночные дозоры изъ обывателей-добровольцевъ. Доходило до того, что было не безопасно ходить ночью по улицамъ: того и гляди, заподозрятъ въ поджогѣ и сведутъ въ участокъ, да еще въ шею накостыляютъ, особенно если найдутъ при тебѣ какую-нибудь подозрительную жидкость. У Четыркина въ его директорскомъ кабинетѣ въ канцеляріи одно окно все было уставлено бутылками и флаконами съ жидкостями всѣхъ цвѣтовъ радуги. Чиновники говорили, что это было отобрано у поджигателей.

Я самъ видѣлъ, какъ въ одно прекрасное утро по Никольской улицѣ, гдѣ мы жили, ходила толпа мѣстныхъ домовладѣльцевъ и всматривалась въ каждое постороннее пятно на заборѣ, во всѣ мазки, сдѣланные, очевидно, малярами, мимоходомъ пробовавшими свои кисти или краски. Пятна эти тщательно выстругивались, такъ какъ ходила молва, будто поджигатели мажутъ стѣны домовъ какими-то составами, воспламеняющими стѣны отъ дѣйствія солнца.

Конечно, могли быть и не легедарныя, а дѣйствительно подбрасываемыя шалунами и школярами письма; могли быть и поджоги троякаго рода: пользуясь пожарной эпидеміей, поджигали мазурики, чтобы поживиться въ суматохѣ чужимъ добромъ; поджигали сами домовладѣльцы, выгодно застраховавъ предварительно свой хламъ; наконецъ, большое подозрѣніе внушали также уличные мальчишки. Едва показывался дымъ, какъ они стаями бѣжали сломя голову по улицѣ и какимъ-то особенно зловѣщимъ тономъ кричали: «пожаръ! пожаръ!» Извѣстно, что дѣти бываютъ сильно расположены къ пироманіи, и ничего нѣтъ невѣроятнаго, что, подъ вліяніемъ общей паники, массы ихъ заразились этою психическою болѣзнью и дѣлали умышленные поджоги, чтобы полюбоваться зрѣлищемъ пожара и всей его суматохи. Но, положа руку на сердце, можно навѣрное

сказать, что не было ни одного поджога съ какими бы то ни было политическими цѣлями, и существовавшія въ то время предположенія такого рода обусловливались ни чѣмъ инымъ, какъ настроеніемъ общества, которое готово было во всемъ подозрѣвать скрытую за кулисами политику. Замѣчательно, между прочимъ, что въ то время, какъ среди людей, склонныхъ къ реакціи, циркулировали слухи, будто поджоги творятъ поляки, русскіе революціонеры и студенты, въ либеральныхъ кругахъ носилась молва, что поджигаетъ сама полиція, съ цѣлью вооружать народъ противъ поляковъ, красныхъ и студентовъ...

IV.

Каюсь въ слабости: въ молодости я былъ большой любитель пожаровъ и не пропускалъ ни одного большого пожара. Не преминулъ я и на этотъ разъ побывать на всѣхъ главныхъ пожарахъ, въ томъ числѣ и на знаменитомъ историческомъ пожарѣ Апраксина двора.

Пожаръ этотъ былъ въ Духовъ день, не помню—2-го или 3-го іюня. День былъ такой же знойный и вѣтреный, какъ и всѣ предыдущіе. Не знаю, какъ нынѣ, а въ тѣ времена въ Духовъ день обязательно происходило большое гулянье въ Лѣтнемъ саду: гремѣло нѣсколько военныхъ оркестровъ; народу была такая масса, что съ трудомъ можно было протискиваться, а въ болѣе тѣсныхъ аллеяхъ чуть не душили другъ друга и не кричали: «каралъ!»

Гулянье это имѣло, какъ извѣстно, особенную спеціальную цѣль, традиціонно-установленную съ незапямятнаго времени. Именно на этомъ гуляньи у гостинодворскихъ и апраксинскихъ купцовъ устраивались смотрины невѣстъ. Упитанныя и краснощекія дщери Ферапонтовъ Ферапонтовичей и Ассигкритовъ Ассигкритовичей, разодѣтыя въ пухъ и прахъ въ шелки и бархаты, съ тысячными бриллiантовыми ожерельями, колье, брошами и серьгами, становились въ рядъ по главной аллеѣ, съ обѣихъ сторонъ ея, а сзади располагались папеньки, маменьки и свахи. Молодые купчики, женихи, высматривали невѣстъ, и тутъ же сплошь и рядомъ устраивались торги,—били по рукамъ, какъ на лошадиной ярмаркѣ.

Въ историческій день апраксинскаго пожара стеченіе публики въ Лѣтнемъ саду, благодаря хорошей погодѣ, было особенно многолюдное. И вотъ въ самый разгаръ гулянья, часу въ пятомъ, разомъ во всѣхъ концахъ сада раздались крики:

— «Спасайтесь, горимъ, Апраксинъ весь въ огнѣ!..»

Началась страшная паника. Публика, въ ужасѣ, бросилась къ выходамъ изъ сада, и у каждыхъ воротъ произошла смертельная давка, изъ которой многихъ женщинъ вынесли замертво. Пользуясь этою суматохою, мазурики уже не воровали, а прямо срывали съ

дѣвицъ драгоцѣнности, съ клочьями платья и кровью изъ разорванныхъ ушей. Это и дало поводъ предполагать, что поджогъ былъ произведенъ мазуриками, съ спеціальною цѣлью поживиться насчетъ гуляющихъ въ Лѣтнемъ саду разодѣтыхъ купчихъ. Другіе утверждали, что пожаръ начался съ часовни, такъ какъ купцы и ихъ дщери-невѣсты слишкомъ ужъ поусердствовали и разставили такую массу свѣчей ради праздника, что отъ жара все кругомъ вспыхнуло.

Первое, что поразило меня, когда мы переѣхали на яликѣ черезъ Неву,—это видъ Невскаго проспекта: всѣ магазины сплошь были закрыты, не видно было ни одного экипажа вдоль проспекта, ни одного пѣшехода на тротуарахъ. Городъ точно весь вымеръ. Я никогда не видалъ Невскаго столь пустыннымъ даже въ глухую ночь, въ три, четыре часа: было какъ-то особенно жутко. На Казанской площади глазамъ нашимъ представился высокій холмъ изъ кусковъ разныхъ матерій.

Пройдя затѣмъ Гостиный дворъ, мы свернули на площадь Александринскаго театра и черезъ Театральный переулокъ вышли на Чернышеву площадь. Здѣсь пожаръ предсталъ передъ нами во всемъ своемъ грандіозномъ ужасѣ.

Я ужъ и не помню, какъ мы съ отцомъ перебрались черезъ площадь сквозь удушливый дымъ, нестерпимый жаръ, осыпаемые бумажнымъ пепломъ, летѣвшимъ изъ оконъ пылавшаго министерства вн. дѣлъ. Только перейдя черезъ Чернышевъ мостъ, мы имѣли возможность оглядѣться и отдать себѣ отчетъ въ происходившемъ. Съ одной стороны изъ оконъ министерства вились громадные снопы пламени, на нашихъ глазахъ занималась одна зала за другой, и когда огонь проникалъ въ новую залу, съ трескомъ сыпались стекла изъ ея оконъ, и появлялись вслѣдъ затѣмъ новые языки пламени.

Съ другой стороны огонь, перебросившись черезъ Фонтанку, пожиралъ высокія полѣнницы дровяного двора. Замѣчательно при этомъ, что рыбный садокъ близъ Чернышева моста, несмотря на то, что находился на пути огня, былъ пощаженъ имъ и остался нетронутымъ. Не ограничиваясь набережными Фонтанки, огонь по Чернышеву и Лештукову переулку дошелъ почти до Пяти угловъ, пожравъ на пути много десятковъ домовъ.

Выйдя на набережную Фонтанки, мы пошли вдоль нея по направленію къ Семеновскому мосту. Щукинъ и Апраксинъ дворы въ это время представляли собою сплошное море пламени въ квадратную версту въ окружности. Зданій не было уже видно: одно бушующее пламя, нѣчто въ родѣ Дантова ада. Жаръ былъ почти нестерпимый, такъ какъ вѣтеръ дулъ на нашу сторону. Мимо насъ проскакалъ рысью, намъ навстрѣчу, императоръ, верхомъ на конѣ, окруженный свитою. За нимъ бѣжала толпа народа. Среди толпы ходили слухи, что разъяренная чернь побросала нѣсколько человѣкъ въ огонь, подозрѣвая въ нихъ поджигателей.

Повернувъ затѣмъ на Гороховую и Садовую, мы прошли въ тылу пожара, мимо горящихъ рядовъ. Здѣсь было легче идти, такъ какъ вѣтеръ дулъ въ противную сторону, и мы могли подходить вслѣдствіе загроможденія улицы къ самымъ рядамъ. Выбравшись затѣмъ на Невскій и обойдя такимъ образомъ весь пожаръ, мы направились домой.

Вечеромъ вспыхнуло въ городѣ еще нѣсколько пожаровъ въ разныхъ окраинахъ, такъ что небо со всѣхъ сторонъ было въ заревахъ. Пожары эти были предоставлены самимъ себѣ, такъ какъ всѣ силы были сосредоточены на главномъ, угрожавшемъ и Гостиному двору, и банку, и публичной библіотекѣ, но если всѣ эти зданія удалось отстоять, то благодаря лишь направленію вѣтра въ противную сторону.

Послѣ того прошло еще два или три дня, въ которые было по три, по четыре пожара въ сутки. Дошло до такой паники, что въ канцеляріи Суворова чиновники побросали занятія и намѣревались расходиться по домамъ. Но, во всякомъ случаѣ, ни одного маломальски внушительнаго пожара больше уже не было. А затѣмъ вскорѣ погода испортилась, полили дожди; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и пожары, свидѣтельствуя этимъ, что главная причина ихъ заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ засухѣ.

А. М. Скабичевскій.

ЛѢСНЫЯ ТАЙНЫ.

I.

Не въ царство-ль сказокъ я русалкой заведёнъ?..
Волшебная глазамъ открылась панорама:
Гигантовъ-сосенъ рядъ стоитъ, какъ строй колоннъ
Богами и людьми заброшеннаго храма.
Всѣ звуки умерли; вокругъ—зеленый мракъ,
Насыщенный больнымъ, тяжелымъ ароматомъ...
Здѣсь лишній—человѣкъ! Лѣсъ, какъ заклятый врагъ,
Мой каждый жестъ слѣдитъ...
Сижу на пнѣ косматомъ
И силюсь оживить какой-то древній сонъ,
Унять волненье думъ и крови шумъ мятежный...

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ душно здѣсь! Скорѣй отсюда вонъ.
Туда, на вольный свѣтъ и на просторъ безбрежный!

II.

Грустный міръ деревьевъ опаленныхъ,
Черныхъ пней, обугленныхъ стволовъ...
Вонъ—дымки еще въ вершинахъ сонныхъ,
Струйки красныхъ хищныхъ языковъ.
Нѣтъ! то рыжихъ хвой висятъ лоскутья...
Умеръ лѣсъ... Кладбища сонъ кругомъ...

Чудо! Радость! Въ нѣжныхъ почкахъ прутья,
Снизу, свѣтлымъ брызнули ключомъ.
Обвили зеленые листочки
Голый стволъ; веселые цвѣты
Тамъ глядятъ изъ обгорѣлой кочки...
— Здравствуй, жизнь! Сильнѣе смерти ты!

III.

Лѣсъ поетъ, привѣтнымъ шумомъ
Вторитъ птичьимъ голосамъ
И моимъ свободнымъ думамъ...
Гдѣ я, кто—не знаю самъ.
Я—царевичъ... Волкъ дубравы
Вѣрой-правдой служитъ мнѣ;
На спинѣ его шершавой
Мчусь я съ вѣтромъ наравнѣ.
Города, поля мелькаютъ,—
Въ край Жаръ-Птицы мы спѣшимъ...
Грёзы пышно расцвѣтаютъ,
Расплываются, какъ дымъ.
Лѣсъ поетъ... Въ просторъ безбрежный,
Мнится, я плыву, плыву
На волнѣ зелено-нѣжной...
Явь ли? Сонъ ли на яву?

IV.

Я-бъ хотѣлъ быть вольнымъ дятломъ
Съ краснопёрой головой!
И нарядный, и веселый,

Онъ въ работѣ день-деньской.
По стволамъ могучихъ сосенъ
Быстрой тѣнью онъ скользитъ
И, чуть зорька, съ звонкимъ кличемъ
По корѣ стучитъ, стучитъ:
— Просыпайся, подымайся,
Весь лѣсной пернатый родъ!
Раньше солнца по лѣсамъ я
Совершаю мой обходъ.

V.

Разгнѣванъ темный лѣсъ... Я съ робостью вступилъ
Подъ хмурые его, бушующіе своды...
Могучій шумъ гудѣлъ, какъ шелестъ тысячъ крылъ,
Какъ моря грозный гулъ подъ злостью непогоды.
Зеленый сводъ вѣтвей страшнѣе былъ тюрьмы,
И листья тучами летѣли, будто стрѣлы,
Въ незримаго врага... Прочь, духи зла и тьмы!
Оставьте мирные и свѣтлые предѣлы!
Еще вчера онъ спалъ, довѣрчивъ и влюбленъ,
Въ объятьяхъ тишины, какъ на груди Далилы,
Сегодня онъ—на месть поднявшійся Самсонъ,
Въ величьи гордыхъ думъ, во всеоружьи силы!

VI.

Я съ ребенкомъ иду по тропинкѣ лѣсной...
Я, какъ лѣсъ этотъ старый, задумчивъ и тихъ,
Онъ, какъ птичка, лепечетъ о думкахъ своихъ,—
Молодая осинка подъ старой сосной.
Все-то долженъ онъ знать: и зачѣмъ этотъ сукъ
Такъ изогнутъ, и что̀ тамъ шуршитъ въ вышинѣ?..

Дѣтскій лепетъ да сердца размѣренный стукъ;
Сосны стройно стоятъ, тихо грезя во снѣ.

VII.

Если хочешь тайны лѣса
Ты узнать, дитя,—садись
Здѣсь на мохъ, подъ елью темной,
И молчи, не шевелись!

Этотъ пень сѣдой, вѣтвистый—
Посмотри—совсѣмъ не пень:
Это—бѣгомъ утомленный,
Чутко дремлющій олень.
Въ красныхъ шапкахъ мухоморы,
Подлѣ, чинно стали въ рядъ...
Но вглядись: то крошки-гномы
Стерегутъ забытый кладъ.
Вотъ, промчался по вершинамъ
Гулъ протяжный и глухой...
Въ одѣяньи сѣромъ, длинномъ
Смотритъ сверху царь лѣсной:
Тихо! Нѣтъ здѣсь человѣка—
Тамъ онъ, въ шумныхъ городахъ...
Мирно спятъ лѣсныя тайны,
Крошки-гномы на часахъ.
Лишь кукушка плачетъ гдѣ-то,
Да малиновка свиститъ;
Лапы длинныя раскинувъ,
Вѣщій папоротникъ спитъ.

П Я.

У СТАРОВѢРОВЪ.

(Очерки).

IX.

По утру хозяинъ разбудилъ насъ до восхода солнца... Самъ онъ уже успѣлъ, пока мы спали, развести коробку и открыть съ улицы въ окнахъ ставни... Въ трактирѣ было свѣтло и весело.

Демьянычъ, шаршавый, хмурый, повидимому сердитый, молча поднялся съ своего логова, спустилъ на полъ ноги, зѣвнулъ нѣсколько разъ подъ рядъ и началъ, засунувъ руку подъ рубашку, „скрябать“ тамъ ногтями по голому тѣлу, искривляя при этомъ ротъ то въ одну сторону, то въ другую.

— Попариться бы теперича въ банькѣ,—сказалъ онъ,—обовшивѣлъ за послѣднее время... Потѣешь дорогой-то... А что, почтенный,—обратился онъ къ хозяину,—гдѣ у васъ тутатко... рыло бы вотъ сполоснуть, а?..

Хозяинъ показалъ рукой на дверь:

— Тамъ, на дворѣ, кадка съ водой подъ капелью.... мойся!..

— Пойдемъ,—обратился ко мнѣ Демьянычъ.

Свѣтлыми, чистыми сѣнцами, одна стѣна которыхъ была бревенчатая, съ дверью, обитою клеенкой, очевидно—въ квартиру хозяина, другая тесовая съ оконцемъ на улицу, мы вышли на обширный, крытый дранкой дворъ...

Широкія ворота налѣво отъ крыльца были открыты настежь, и хозяйка, вчерашняя толстая женщина, подтыкавъ юбки, въ опоркахъ на босу ногу, выгоняла изъ нихъ на улицу, гдѣ слышно было уже блеяніе овецъ, хлопанье кнутомъ, звонкое ржаніе жеребенка,—двухъ сытыхъ, не желавшихъ, повидимому, уходить со двора, коровъ...

— Но-о-о, матушки, но-о-о!..—кричала она на нихъ звонкимъ голосомъ, махая хворостиной:—но-о-о!..

Нѣсколько штукъ куръ съ пѣтухомъ бѣгали за ней, ожидая, очевидно, обычной въ это время порціи корма... По балкамъ порхали другъ за дружкой и ворковали голуби... Въ открытыя ворота то и дѣло влетали и вылетали ласточки... Привязанная на цѣпь толстая собака, увидя насъ, принялась лаять какимъ-то хриплымъ, съ переливами, злобнымъ лаемъ...

— Вамъ кого?—спросила хозяйка.

— Да вотъ насчетъ... умыться бы гдѣ тутъ... хозяинъ послалъ,—отвѣтилъ Демьянычъ.

— Вотъ кадка-то, мойтесь со Христомъ... вода хорошая... капельная... съ крыши... громовая... Помогите-ка мнѣ коровъ согнать.

— Сейчасъ!—обрадовался Демьянычъ и, схвативъ толстую палку, бросился, вытараща глаза, на коровъ и заоралъ:

— Но-о-о, окаянная сила, разтуды васъ, но-о-о!.. Набаловались, черти!.. Но-о-о!..

Поджавъ хвосты и какъ-то сгорбившись, бросились перепуганныя коровы въ ворота на улицу къ проходившему въ это время мимо трактира, по дорогѣ, поднимавшему пыль стаду.

Пастухъ, безъ лѣвой руки, съ кнутомъ на плечѣ, какъ змѣя извивавшемся позади его, шелъ впереди, а два подпаска по сторонамъ. Проходя мимо трактира, пастухъ увидалъ хозяйку, стоявшую вмѣстѣ съ нами у воротъ, и крикнулъ:

— Михайловна! Коровамъ твоимъ я ноги перешибу... Избаловались!.. Какъ чуть прозѣвалъ—ищи въ барскомъ яровомъ, а приказчикъ меня за нихъ матерно садитъ... Черти, баловницы, а не коровы!..

— Зайди ужо въ обѣдъ, Иванъ Палагеичъ, къ намъ... Зайди, батюшка!—крикнула ему на это хозяйка.

— Ла-а-а-дно!—отвѣтилъ пастухъ.

— Сорвать, знать, хочетъ?—догадался Демьянычъ.

— Изгадитъ коровъ, что станешь дѣлать съ нимъ?—обратилась хозяйка къ намъ, какъ будто извиняясь.—Такой-то разбойникъ онъ у насъ... живорѣзъ... убьетъ... ищи на немъ!..

— Что-жъ это ты его Палагеичемъ-то зовешь, а?—спросилъ Демьянычъ.—Чудно, голова! „Палагеичъ"... по матушкѣ...

— Такъ ужъ его прозвали... не знаю... Ну, я ворота запру... умывайтесь...

Она прикрыла ворота и ушла. Мы умылись изъ кадки, до краевъ наполненной водой, и пошли было снова на крылечко въ корридорчикъ, какъ вдругъ на дворѣ, гдѣ-то въ углу, раздалось хрюканье...

Демьянычъ остановился.

— Ишь ты,—сказалъ онъ,—и свинью держитъ... все есть... Погоди, погляжу...

Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ тому мѣсту, откуда раздавалось хрюканье и, вытянувъ шею, заглянулъ въ хлѣвъ.

— Ну, что?—спросилъ я.

— Хо-о-орошъ!—шепотомъ отвѣтилъ онъ.—Пудовъ на восемь... одно сало... Лежитъ, какъ робенокъ... Такъ, голова, на немъ все и трясется, аки стюдень...

Вернувшись со двора въ трактиръ, Демьянычъ выпросилъ у хозяина „расческу" и, причесавъ ею сначала на прямой проборъ волоса на головѣ, принялся „драть" бороду. Это дѣло, повидимому, доставалось ему не легко, потому что онъ морщился, кривлялся и нѣсколько разъ снималъ съ расчески и бросалъ на полъ выдранные волосы...

Покончивъ съ бородой, онъ обернулся лицомъ въ уголъ, гдѣ висѣли иконы, сложилъ пальцы щепотью, дунулъ на нихъ три раза и принялся молиться Богу.

— Здорово живете!—сказалъ онъ, покончивъ съ этимъ дѣломъ.—Съ добрымъ утромъ, съ веселымъ днемъ!..

— Здравствуй!—отвѣтилъ хозяинъ.—Чай-то пить будете?..

— Охъ, ужъ и не знаю, какъ тебѣ сказать... Попить-то оно не вредитъ... Чай пить—не дрова рубить... Начетисто!.. Карманъ-то у насъ съ похмѣлья... А не опоздаемъ мы туда-то... къ столовѣрамъ-то къ твоимъ?..

— Не опоздаете... они завсегда дома...

— Какъ скажешь?—обратившись ко мнѣ, спросилъ Демьянычъ и, видя, что я молчу, сказалъ:—Ну, давай... все одно ужъ... пятачекъ-то и мы видали... Собирай...

— Ну, вотъ что,—сказалъ хозяинъ, собирая намъ чай:—за ночлегъ я съ васъ не возьму... Богъ съ вами... Мѣста не жалко... не пролежали... не возьму... Вотъ попьете чайку, да и съ Богомъ... Я для хорошихъ людей и самъ хорошъ... Я вижу сортъ людей...

— Какъ тебѣ не видать,—отвѣтилъ Демьянычъ,—нагля-дѣлся... всякаго сорту званія людей видалъ... Ты человѣкъ практикованный... не такъ, какъ вотъ мы... Мы кто?.. Мы, нешь, люди... мы гвозди... куда насъ бьютъ, туда мы и лѣземъ... Гдѣ намъ!..

— Да,—согласился польщенный хозяинъ,—пожилъ я... пожилъ!.. Знаю, какъ земля вертится.—Онъ помолчалъ немного и вдругъ тихо спросилъ:—Выпьете?

— Хы!—усмѣхнулся Демьянычъ,—ты чудишь, отецъ... Вечоръ выпили... нонѣ опять... экъ ты! Нѣтъ, шалишь... будетъ... побаловали дерьмомъ, да и за щеку!..

— А я вамъ сво-о-о-его!—перегнувшись черезъ стойку и скосивъ глаза на ту дверь, въ которую входила хозяйка, шепотомъ произнесъ хозяинъ.—Будто вы спрашиваете,—пояснилъ онъ...

— Та-а-а-къ!—протянулъ, усмѣхаясь, Демьянычъ,—понимаемъ... у самого, знать, горитъ... Ну, что-жъ, валяй... Мы отъ добра не отказываемся... грѣхъ...

— Глафира Михайловна! Глафира Михайловна!—закричалъ, постучавъ въ стѣну, хозяинъ.—Принеси полъ-аршина товару...

Глафира Михайловна принесла точно такъ же, какъ и вчера, въ бѣломъ чайникѣ „товару“ и сейчасъ же, молча поставивъ его на стойку, вышла...

Хозяинъ пообождалъ немного, подозрительно глядя на дверь, за которой она скрылась, и, наконецъ, очевидно удостовѣрившись, что хозяйка ушла, поспѣшно, трясущейся рукой, налилъ въ чашку водки и жадно выпилъ...

— Де-е-е-ржи!—тяжело переводя духъ, вымолвилъ онъ, передавая чайникъ съ „товаромъ“ Демьянычу.—На... пейте... скорѣй!..

— Спаси Христосъ!—хватая чайникъ, сказалъ Демьянычъ,—сичасъ мы... въ одинъ моментъ... управимся, какъ поваръ съ картошкой!..

Напившись чаю, мы отдали хозяину то, что съ насъ приходилось, и онъ, выйдя изъ трактира на крыльцо, показалъ намъ дорогу...

— Такъ и идите по ней прямо... лѣсомъ все... Никуда не сворачивайте... Пройдете лѣсъ, деревня будетъ Сиколовка... тамъ спросите:—гдѣ, молъ, намъ къ столовѣрамъ пройти... покажутъ... Недалеча тамъ... Идите съ Богомъ... Прощайте!...

— Счастливо оставаться... Дай тебѣ Богъ много лѣтъ здравствовать!—отвѣтилъ Демьянычъ, снимая съ головы свою вязенку и кланяясь,—спасибо тебѣ, родной, за наставленье... Прощай!.. Такъ по этой вонъ, говоришь, дорогѣ-то... Прямо?

— Да... да!..

— Ну, прощай!

— Съ Богомъ!....

X.

Дорога, по которой мы направились, была плохая, малоѣзженная, заброшенная... Шла она все лѣсомъ, молодымъ частымъ осинникомъ, стоявшимъ по сторонамъ, какъ стѣна...

Мѣстами этотъ осинникъ, „чапыга“ — по выраженію Демьяныча, представлялъ сплошную, непролазную чащу. Идти было неловко, потому что сжатая съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ дорога оставалась постоянно въ тѣни и, очевидно, никогда не просыхала... Поперекъ ея стояли даже въ эту жаркую пору грязныя лужи изъ мутной, густой жижи...

Въ лѣсу было тихо, сумрачно и пахло какой-то непріятной прѣлой гнилью... Растущая по краямъ дороги трава пожелтѣла, пожухла, опустилась, и при видѣ ея какъ-то невольно думалось, что теперь не лѣто, а глухая поздняя осень... Птицъ тоже не было слышно. Только гдѣ-то съ боку дороги въ чащѣ стрекотали сороки, точно переругивались двѣ бабенки, да изрѣдка—тоже гдѣ-то въ самой чащѣ—отрывисто посвистывалъ рябчикъ...

Шли мы этимъ лѣсомъ часа два, если только не больше, обозлились, устали, и оба одинаково обрадовались, когда, наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть, стали попадаться поляны, покрытыя густой нескошенной травой, и дорога пошла получше...

Пройдя еще немного, мы вышли прямо къ яровому полю, за которымъ виднѣлась небольшая деревнюшка,—какъ оказалась, та самая Сиколовка, про которую говорилъ хозяинъ.

Деревенька эта была маленькая, дворовъ пять-шесть, и печальная съ виду. Она стояла на берегу какого-то глинистаго оврага и казалась вымершею или брошенною людьми; когда мы подошли къ первой съ краю избушкѣ и остановились, то на „улицѣ“ не было видно никого...

— Спросить бы?—сказалъ Демьянычъ,—да не видать ни души... на работѣ, должно, всѣ... Нука-сь, я постучусь...

Онъ подошелъ къ окну и побарабанилъ пальцами въ раму... Никакого результата не получилось. Изъ избы никто не отозвался...

— Пойдемъ къ другой,—сказалъ онъ, подождавъ,—надо быть, здѣся пусто... Авось, чай, найдемъ кого-нибудь...

Онъ подошелъ къ другой избѣ, рядомъ, и точно такъ же постучалъ въ раму и крикнулъ:

— Эй, хрещеные!.. Есть ли кто?.. Есть, - обернувшись ко мнѣ, шепотомъ сказалъ онъ:—дохаетъ хто-то... кашлитъ...

— Кто таматко?—раздался изъ избы какой-то сдавленный (точно душили человѣка за глотку) голосъ.—Богъ подастъ!..

— Да мы не то... мы не милостыньку,—громко сказалъ Демьянычъ, заглядывая въ окно:—намъ вотъ спросить надо... Подика-сь сюда...

Маленькое оконце отворилось, и изъ него высунулось къ намъ лицо старухи, страшное, худое, мертвенно-блѣдное,

со слезящимися, необыкновенно глубоко ввалившимися глазами....

— Вамъ кого?—прошамкала она беззубымъ ртомъ.

— Гдѣ намъ тутъ къ столовѣрамъ пройти?—спросилъ Демьянычъ.—Укажи, сдѣлай милость...

— А зачѣмъ вамъ?..

— Надо...

— А вы чьи сами-то?..

— Да мы дальніе... дѣло у насъ есть...

— Какое же дѣло-то?—опять спросила любопытная старуха.—Вы плотники, что ли?..

— Какіе плотники... нѣтъ... такъ мы... Скажи, гдѣ дорога-то... недосугъ намъ... поспѣхаемъ...

— А вы ихъ почемъ знаете-то, а?.. Сродственники они вамъ, знать, а?..

— Да каки сродственники!.. Ты дорогу-то укажи... Что ты пристала, какъ дѣвка съ бульвару...

— Да я такъ,—сказала старуха.—А ты не серчай... поспѣшишь, людей насмѣшишь... Обожди чутокъ... я къ вамъ на улицу выйду...

Она прикрыла оконце и, немного погодя, хлопнувъ кособокой дверью въ калиткѣ, вышла, ковыляя на лѣвую ногу, на улицу...

— Вонъ туды ступайте,—зашамкала она, махая правой рукой по направленію „вонъ туды",—вишь, вонъ, дорогу-то... черезъ оврагъ-то?..

— Вижу...

— Вотъ по этой дорогѣ... перейдете оврагъ-то... лѣсъ-то видишь?..

— Вижу...

— Къ этому лѣсу по дорогѣ-то все и травьте, все и травьте... Никуда не сворачивайте... такъ все и травьте... Таматко подойдете къ яму... увидите, домъ стоитъ... на юру онъ... видать. Самые они таматко и живутъ...

— Спасибо!—сказалъ Демьянычъ.

— Не на чемъ, родимые, не на чемъ!.. Такъ все и травьте къ лѣсу-то... такъ все и травьте,—снова зашамкала она.—Домъ на юру стоитъ... не миновать... со всѣхъ сторонъ видать его... такъ и травьте... все прямо... прямая дорога...

— Спасибо, бабушка,—еще разъ поблагодарилъ ее Демьянычъ,—дойдемъ!.. Спасибо!..

— Не на чемъ, родимые, не на чемъ!..

Мы отошли отъ нея шаговъ на двадцать, а она все стояла на одномъ мѣстѣ, глядя намъ въ слѣдъ, заслонясь лѣвой рукой отъ солнца, и кричала:

— Такъ все и травьте къ лѣсу-то... такъ все и травьте!..

— Заставь дурака Богу молиться—радъ лобъ разшибить!—сказалъ, улыбаясь, Демьянычъ...

XI.

Трудно было выбрать мѣсто печальнѣе и глуше, чѣмъ то, гдѣ былъ построенъ домъ „столовѣровъ"...

Онъ стоялъ, дѣйствительно, какъ выразилась старуха, „на юру" и былъ виденъ далеко издали, хотя не отличался сколько-нибудь грандіозными размѣрами. Напротивъ, это былъ самый заурядный, небольшой, крайне печальный съ виду домъ.

Лицевой своей стороной онъ смотрѣлъ на западъ и раздѣлялся сѣнями на двѣ половины. Ходъ въ сѣни былъ устроенъ съ небольшой терраски, гдѣ сидѣла, когда мы подошли, около стола какая-то женщина; вѣроятно, принявъ насъ за нищихъ, она поспѣшно скрылась за дверью. На небольшихъ окнахъ лѣвой половины дома, гдѣ, какъ послѣ оказалось, жили хозяева, висѣли изнутри какіе-то канареечнаго цвѣта занавѣски, а на подоконникахъ стояли горшки съ цвѣтущимъ бальзаминомъ...

Снаружи стояли прислоненныя къ стѣнѣ, около каждаго окна, ставни со здоровыми желѣзными засовами, на ночь запиравшимися на замокъ. Подъ этими окнами росли двѣ тоненькія, чахлыя березки, и больше никакой растительности по близости не было.

Вся задняя часть дома обнесена была квадратнымъ изъ здоровыхъ, толстыхъ досокъ заборомъ. Въ заборѣ этомъ или, вѣрнѣе, стѣнѣ, были устроены ворота, за которыми находился дворъ для скотины и мѣста подъ навѣсами, гдѣ лежали всякія нужныя по хозяйству вещи.

Ворота были на запорѣ, и изъ собачьей будки выглядывала здоровая злая морда, коварно молчавшая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и краснорѣчиво говорившая этимъ молчаніемъ: „а нука, попробуй, подойди"...

Саженяхъ въ пяти отъ лицевой стороны дома было огорожено слегами небольшое пространство, гдѣ виднѣлись гряды и стояли двѣ колодки пчелъ... Около этого „огорода" красовался прудъ, похожій на лужу, заплывшій тиной и поросшій по краямъ осокой... А немного поодаль, на луговинѣ, стоялъ на боку, готовый упасть, сарай, крытый соломой, предназначенный для уборки сѣна..

Саженяхъ въ десяти отъ этого сарая начиналась опушка еловаго лѣса...

Темный, угрюмый, онъ тянулся въ видѣ подковы съ сѣ-

веро-запада къ югу, окружая домъ и придавая ему и всему мѣстечку еще болѣе тяжелый, тоскливый и заброшенный видъ...

XII.

Мы остановились около терраски и стали поджидать, не выйдетъ ли кто. Но никто не шелъ, все было тихо...

— Какъ быть?—шепотомъ спросилъ Демьянычъ.—Постучать, а?..

— Погоди,—отсовѣтовалъ я,—кто-нибудь выйдетъ...

Стали ждать... Прошло такъ минутъ пять, но все было по прежнему тихо...

— Чудеса, голова, — снова шепотомъ произнесъ Демьянычъ, — что-жъ мы тутатко докеда, аки дураки, стоять будемъ безъ толку?.. Я постучу...

Но постучать ему не пришлось. Вдругъ крайнее окно на правой половинѣ дома отъ сѣней открылось, и высунувшаяся изъ него по самую талію молодая, краснощекая бабенка сказала, протягивая намъ черезъ „балясникъ“ терраски два небольшихъ ломотка хлѣба...

— Примите, Христа ради!.. Не взыщите,—добавила она, улыбаясь толстыми кровяными губами, — деньгами не подаемъ...

— Гм!—усмѣхнулся Демьянычъ, — спасибо и на этимъ... вашими родителями довольны... Мы, красавица, не нищіе... Мы по дѣлу... Ты кто?.. Въ услуженьи, что ли, живешь?.. Кухарка, знать?..

— Вся я тутъ,—засмѣялась бабенка, — и кухарка, и сударка, и въ пиръ, и въ міръ, и въ добрые люди...

— Та-а-а-къ,—протянулъ, улыбаясь, Демьянычъ.—Голой рукой, значитъ, тебя не бери, а обвали да бери... Та-а-къ... Хозява-то гдѣ же?.. Знать, нѣту?..

— Самъ спитъ, а сынокъ, притка его знаетъ,—знать, по грибы пошелъ... Шатается безъ колодки орясина... Вамъ обождать придется... Самъ-то скоро выдрыхнется... встанетъ...

— Что-же это онъ спить-то?.. Неужели ужъ пообѣдали?.. Словно бы, по солнышку-то, раненько...

— У насъ не раненько... Мы и ночь спимъ, и день спимъ... во что только Господь посылаетъ... за простоту, знать... Вотъ встанемъ, чайку попьемъ, пообѣдаемъ, опять спать... тамъ, глядишь, опять чай... а таматко и до ужина не далече... Такъ время-то и идетъ...

— Какъ же такъ... А кто-жъ работаетъ-то? Все, чай, надо... скотина, то-се, уборка... Ай работника держите?

— Какой работникъ! Нѣту, сами... на мнѣ все выѣзжаютъ...

— Скотина-то есть у васъ?

— А какъ же, есть, корова, двѣ лошади, куры, поросята, за всѣми уходъ нуженъ.

— Знамо... Стало быть, поэтому, землю гадите тоже, сѣете...

— Гдѣ, родимый! нѣтъ... гдѣ землю... Станутъ они тебѣ землю... нужда имъ... У нихъ пропасти-то конца-краю нѣтъ Въ Москвѣ два дома.

— Вѣрно,—согласился Демьянычъ, — ты это, красавица, вѣрно говоришь, на что имъ?... Ихній хлѣбъ не нашъ, ихній на камушкѣ уродится. Ну, а какъ же насчетъ покосу-то? Косите, аль отъ своего добра покупаете, благо у дураковъ денегъ много.

— Косимъ.

— Много, чай, убрали?

— Куды тутъ много! Усадьбу однаё, да и то не такъ, какъ люди, пересушивали. Вся трава некошена стоитъ, Намъ все некогда...

— Дыкъ какъ же вы? Небось, косить-то надо, время, Илья пророкъ на дворѣ, люди сказываютъ. Небось, знаешь: до Ильина дня въ возу-то пудъ меду, а опосля Ильина дня пудъ дегтю.

— А притка ихъ знаетъ! Ишь, народу не найдутъ, не идетъ, ишь, никто...

— Чудеса, голова! Какъ, чай, за деньги народу не найти, за деньги, что хошь найдешь. Насъ не возьмутъ ли?..

— А ужъ этихъ я дѣловъ не знаю. Обождите, можетъ— и возьмутъ. Посидите пока на приступкахъ-то.

— А покурить можно, ничего?

— Курите, ничего. Самъ-то не куритъ, ну, а сынокъ-то изо рту не выпускаетъ, сосетъ, какъ соску, мы привыкли, курите.

— Испить бы ты намъ вынесла, квасу хучь, что ли бы, коли воды нѣтъ, испить захотѣлось, измучило пойло.

— Сейчасъ, — отвѣтила кухарка и скрылась. Немного погодя, она вынесла къ намъ на крыльцо въ большомъ черномъ ковшѣ квасу.

— Смотрите,—сказала она, — со льду, не наваливайтесь, какъ бы глотку не захватило.

— Вотъ это гоже,—сказалъ Демьянычъ, обтирая ладонью усы,—спасибо. Ты что-жъ, вдова, что ли, ай какъ?..

— Нѣтути, кака вдова, нѣтъ, у меня мужъ живъ.

— О-о-о?! Что-жъ это ты отъ него... а онъ-то гдѣ же?

— А притка его знаетъ!.. Я съ нимъ не живу... болтается гдѣ-то, песъ его знаетъ.

— Та-а-къ! Стало быть, дѣтей-то нѣту?

— Нѣтути. Мы его въ домъ приняли... Думали, все по-хорошему, анъ онъ мошенникъ вышелъ... пьетъ ковшемъ... изъ дому тащитъ... меня бьетъ, наказанье Господне! Напьется винища-то этого, раздѣнется до нога, да по избѣ-то, какъ дьяволъ, и скачетъ, что подъ руку ни попадетъ—на двое!.. Бьетъ, ломаетъ. Видала я съ нимъ, родной ты мой, муку, видала. Разъ на помолоткахъ избилъ, лица на мнѣ не было, цѣлы сутки при смерти валялась, рычагомъ билъ, что было-то!.. Разсказать тебѣ, родной, волосъ дыбомъ встанетъ, истинный Господь!..

— Да, — согласился Демьянычъ, — что говорить, вѣрю, плохо твое дѣло, ни вдова, ни замужняя жена. Баба ты, погляжу я, молодая, гладкая, небось, тоже подумаковашь... трудно, чай?..

Баба засмѣялась, скаля бѣлые зубы, и, отвернувшись, сказала:

— Вашего брата много, отбою нѣтъ. Какъ себя пустишь, а у меня разговоръ коротокъ: въ рыло!

— А то что же, знамо... Умница ты, гляжу я, красавица... Ты, значитъ, и стряпаешь на нихъ.

— А то кто же, я.

— Харчи-то ничего ведутъ?

— Харчи хорошіе.

— Съ говядиной, небось, ѣдите?

— Мясоѣдъ съ говядиной, постомъ съ рыбой, съ грибами съ бѣлыми, со снятками.

— Каша, небось, не переводится...

— Ну, вотъ, дерьма-то!.. Мы ее мало ѣдимъ-то... не охотники... пріѣлась... Ты по своему думаешь: какъ у тебя каша-то, въ диковинку... Чудакъ, да здѣсь сладкимъ кусомъ подавились... въ перъ ногу жрутъ... чего душа хочетъ... въ томъ и время проводятъ: жрутъ да спятъ... спятъ да жрутъ... Чего имъ!... Денежка течетъ...

— Марья!—раздался изъ сѣней чей-то женскій голосъ,—Марья... ставь самоваръ!..

— Сейчасъ!—отвѣтила бабенка.—Хозяйка это,—сказала она намъ,—скоро самъ встанетъ... Да вонъ, правда, идетъ одинъ.

— Гдѣ?

— А вонъ изъ лѣсу-то... съ корзинкой-то... грибной богъ...

— Это кто-жъ... хозяйскій сынъ?..

— Онъ... Ишь, лодырь гладкій!.. Дѣлать-то нечего... Только и дѣловъ—за грибами ходить да на вилисипидѣ шаркать... тьфу!.. Съ нимъ вотъ и толкуйте... рядитесь... дешево-то не

беритесь... Ну ихъ, дьяволовъ... у нихъ денегъ охапка... гляди на нихъ... кланяйся имъ въ заднія-то копыта... Не робѣйте... не великъ баринъ-то...

Она захватила ковшикъ и ушла. Мы съ Демьянычемъ поднялись со ступенекъ, гдѣ сидѣли, разговаривая съ бабенкой, и, стоя, стали ожидать идущаго къ намъ тропинкой изъ лѣсу, мимо сарая, „хозяйскаго сына"...

XIII.

Онъ издали замѣтилъ насъ и прибавилъ шагу. Когда онъ подошелъ, мы сняли шапки и поздоровались.

— Вы что за японцы?—спросилъ онъ, не отвѣчая на поклонъ.—На погорѣлое мѣсто, что ли?.. Отчаливайте!.. Не подаемъ... Прохожіе толсторожіе!..

— Мы, купецъ, не на погорѣлое мѣсто,—отвѣтилъ Демьянычъ, держа въ рукахъ шапку,—мы къ вашей милости по дѣлу.

— По какому?

— Сказывали намъ, косить нанимаете... Народъ, ишь, нуженъ... ищете?..

— А вы что-жъ.. взялись бы?...

— За этимъ и пришли...

— А гдѣ-жъ у васъ косы-то?..

— Косъ у насъ нѣту... Косы ваши...

— Хы, чудно!.. Да вы чьи?.. Вы, можетъ, жулье какое-нибудь... паспорта-то у васъ есть?..

— Какъ не быть... есть...

— А ну-ка покажи...

— Далече лѣзть-то... въ сумкѣ...

— Ничего... слазій... подождемъ...

Демьянычъ снялъ сумку и началъ развязывать ее... Хозяйскій сынъ уставился на него, а я, стоя немного поодаль, на него.

Это былъ замѣчательно стройный, красивый, широкоплечій, очевидно обладавшій недюжинной силой, молодой малый, лѣтъ двадцати. Лицо у него было худощавое, бѣлое, чистое, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ... Глаза,—круглые, большіе, совершенно черные, подъ черными бровями, — горѣли точно угольки и были какіе-то и дерзкіе, и наглые, и страшные... Подъ тонкимъ съ легкой горбинкой носомъ росли небольшіе черные усики... Тонкія румяныя губы улыбались насмѣшливо-ядовито...

Одѣтъ онъ былъ „по-русски"... На немъ былъ хорошій черный пиджакъ на распашку, подъ нимъ синяя съ выши-

тымъ воротомъ рубашка на выпускъ, подпоясанная шелковымъ плетенымъ съ кистями поясомъ... На ногахъ „гамбургскіе съ икрами“ сапоги; на головѣ самый обыкновенный, помятый, съ засаленнымъ козырькомъ картузъ.

Демьянычъ досталъ завернутый въ синюю чайную бумагу „видъ“ и подалъ ему. Онъ взялъ, прищурился и началъ читать.

— Рязань косопузая,—сказалъ онъ, подавая „видъ“ обратно.—А ты,—обратился онъ ко мнѣ,—что за гусь?.. Пропился, что ли... Ты, братъ, чисто какой-нибудь актеръ... Ха, Аркашка!.. Ну, ладно... подождите тутъ, я папашѣ скажу... Небось, останетесь... намъ косить надо... подождите...

Онъ вошелъ по ступенькамъ на крыльцо, отворилъ дверь въ сѣни и громко запѣлъ:

Тебя я, вольный сынъ эфира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга вѣчная моя!

— Эка глотка-то!—сказалъ Демьянычъ.—А похоже—угаръ парень-то... видать добраго молодца по соплямъ... Остаться бы намъ здѣсь, вижу я, парень, не худое бы дѣло... Да-а! Ну, давай посидимъ еще... обождемъ...

Мы опять сѣли на ступеньки и стали ждать.

XIV.

Ждать пришлось недолго. Вскорѣ къ намъ вышли оба хозяина, старый и молодой...

Старый, очевидно, только что всталъ и не успѣлъ еще одѣться. Онъ вышелъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ резиновыхъ калошахъ на босу ногу. Волоса на головѣ у него, какого-то „палевого“ цвѣта, рѣдкіе и жидкіе, были всклокочены. Лицо, пухлое, бѣлое, „бабье“, безъ признака растительности, кислое и обрюзгшее, съ оттопыренной, какъ у стараго мерина, нижней губой, съ круглыми безъ бровей глазами,—составляло необыкновенно рѣзкій контрастъ съ лицомъ тутъ же стоявшаго „молодого хозяина“... Разница была во всемъ, и чудно какъ-то было думать, что такой молодой, красивый парень—сынъ этого обрюзгшаго человѣка съ бабьимъ лицомъ и мертвеннымъ взглядомъ бѣлыхъ глазъ.

Увидя ихъ, мы опять встали и, опять снявъ головные уборы, поздоровались...

— Здорово!—отвѣтилъ старый хозяинъ на нашъ поклонъ

и присѣлъ бокомъ на „балясникъ" терраски, опустивъ глаза на полъ.—Вы ко мнѣ?—немного помолчавъ, спросилъ онъ, не глядя на насъ и такимъ тономъ, какъ будто у него что-то лежало за скулой и мѣшало говорить...

— Точно такъ-съ... къ вашей милости,—отвѣтилъ Демьянычъ.

— Сказывалъ мнѣ Николка вонъ,—кивнулъ онъ на сына,—косить набиваетесь?

— Да какъ сказать... набиваться мы шибко не набиваемся... намъ нужды особой нѣтъ,—не желая продешевить, дипломатично отвѣтилъ Демьянычъ.—Ну, а если дѣло подходящее,—покосить можно.

— А вы какъ... поденно?..

— Поденно... Намъ на отрядъ взяться нельзя... ѣсть-то что-же мы станемъ? Кто намъ состряпаетъ? Мы, коли возьмешь, поденно на твоихъ харчахъ.

— Ну, а какъ вы... цѣна-то?..

— Да какъ цѣна... лишняго не возьмемъ... Положь семьдесятъ пять монетъ—со Христомъ и начнемъ...

Хозяинъ поднялъ свои мертвые глаза съ полу и уставился ими на Демьяныча.

— Дешево!—сказалъ онъ помолчавъ.—Хы!..

— Ну, а твоя какъ цѣна?—спросилъ Демьянычъ.

— Моя?... Моя—три гривенника...

— Эхъ ты!.. Богатъ будешь... коси самъ за эту цѣну... теперешнее время баба и та больше добудетъ... рабочая пора... Три гривенника!.. Ты чудишь, купецъ.

— А харчи-то? Харчи-то не кладешь... забылъ?... Чего васъ эдакихъ прокормить-то встанетъ, а?..

— А пустое для тебя дѣло... Хлѣба, что ли, у тебя не хватитъ? Чай, мы не обжоры... небось, не голодны... Не накинемся на твою хлѣбъ-соль... не объѣдимъ... Ты говори дѣло... клади цѣну настоящую, а то намъ тутатко и трепаться не у чего по пусту...

— Сорокъ монетъ... два раза чай...

— Не подойдетъ!

— Косы-то мои... бить станете... сточите... это надо принять въ разсчетъ...

— А что имъ дѣлается-то... Мы ихъ, скажи спасибо, наладимъ, а то, небось, лежатъ безъ призрѣнія, ржавыя...

— Такъ-то оно такъ... Ну, такъ какъ же... по сорока не останетесь?

— Нѣтъ.

— Николка, какъ быть, а?..

— Какъ быть,—грубо и не глядя на него, отвѣтилъ сынъ.—Косить надо... Я, что ли, тебѣ косить буду?.. Оста-

вайтесь по шесть гривенъ, да и вся недолга!—обратился онъ къ намъ.

— Прибавь по пятачку,—сказалъ Демьянычъ,—такъ ужъ и будетъ,—пояснилъ онъ,—по шестьдесятъ по пять... а?... прибавь?..

— А ну тебя къ чортовой матери!—крикнулъ вдругъ, какъ-то весь покраснѣвъ, молодой хозяинъ.—Ступай къ чорту на рога, рязань косопузая!

— А ты не серчай... чего ты... Наше дѣло такое... рядись не стыдись, опосля не кайся... Ты свое, мы—свое... У тебя, чай, денегъ-то не съ наше... пятачекъ-то для тебя все равно плюнуть стоитъ.

— Толкуй, кто откуль... ишь ты химикъ какой... мяконькій, ты я вижу... себѣ на умѣ съ походцемъ... А ты вотъ что: хочешь оставаться за шесть гривенъ, оставайся, не хочешь— ступай къ чорту... Прогоню, да еще по шеѣ на дорогу получишь... какъ сюда ходить, позабудешь... У меня, братъ, это не долго.

— По шеѣ-то нонче, купецъ, не велятъ... отвѣтишь...

— По первое число накладу и отвѣчать не стану... Наставлю банокъ—иди, проси!..

— Хи, хи, хи!—засмѣялся Демьянычъ,—ловкай ты... смотри тоже... наскочишь!..

— А ты поговори у меня!—снова, еще больше вспыхнувъ въ лицѣ, сказалъ молодой хозяинъ.

— Николка, брось!—скосивъ на него глаза, сказалъ старый.—Свяжись еще, сукинъ сынъ!..

— А какого онъ чорта разговариваетъ-то! „Семьдесятъ пять"... Ахъ ты, вшивый чортъ! ей-Богу въ рыло закачу!... Скажи еще слово!..

— Ну, такъ и быть, за шесть гривенъ останемся, Павлычъ, а?..—сказалъ Демьянычъ, обращаясь ко мнѣ.

Я кивнулъ головой.

Хозяинъ скосилъ на меня глаза и, посмотрѣвъ, спросилъ:

— Ты не изъ духовныхъ ли?..

— Нѣтъ...

— Косить-то умѣешь?..

— Да ужъ не сумлѣвайся,—отвѣтилъ за меня Демьянычъ.—Косить будемъ... тебя учить не заставимъ... Нонче вотъ, опосля обѣда, и начнемъ со Христомъ... Косы-то, небось, побить надо... наладить... то... се... Молотокъ-то съ бабкой, бой-то—есть?..

— Найдется все... оставайтесь... Николка, проводи-ка ихъ въ кухню... Сумки-то тамъ оставьте... А спать-то ночью въ сарай вонъ въ тотъ ходить будете... Да только, смотрите, не курить... спалите... чего съ васъ взять-то?..

— Ну, вотъ... небось, не махонькіе!.. Не сумлѣвайся .. у насъ все будетъ по хорошему...

— Ну, ладно... ладно... Ступайте... Николка, укажи имъ... скажи тамъ Машкѣ, что-бъ собрала имъ... жрать, небось, хотятъ...

XV.

Вслѣдъ за Николкой, мы вошли въ корридоръ, раздѣлявшій домъ на двѣ половины. Въ бревенчатой стѣнѣ налѣво была обитая клеенкой дверь, ведущая, какъ оказалось, въ помѣщеніе, гдѣ жили хозяева... Другая же стѣна, по правую отъ насъ руку, была глухая изъ тонкаго, плохого лѣса „семерика", до того плохо и небрежно проконопаченная, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ пазовъ висѣла клочьями грязная самаго низкаго сорта, дешевая пакля.

Въ корридорѣ было полутемно и сильно пахло навозомъ. Запахъ этотъ шелъ со двора, подъ навѣсъ котораго и выходилъ этотъ корридоръ.

Пройдя его весь, Николка завернулъ за уголъ стѣны направо и, сдѣлавъ шаговъ пять по узенькому съ „балясникомъ" на дворъ мосточку, отворилъ низкую, изъ толстыхъ почернѣвшихъ досокъ, дверь; нагнувшись, онъ переступилъ черезъ порогъ и сказалъ:

— Пролѣзайте, японцы.

Мы тоже, нагнувшись вслѣдъ за нимъ, переступили порогъ и очутились въ низкой съ чернымъ потолкомъ избѣ.

Свѣтъ, проникавшій съ улицы сквозь небольшія оконца съ какими-то перламутровыми квадратными маленькими стеклами, нехотя-скупо освѣщалъ ее и не веселилъ, а какъ будто придавалъ ей еще болѣе неряшливый видъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

Огромная облупившаяся „русская" печка, служившая, очевидно, мѣстомъ склада для всякой всячины, занимала половину избы. Съ боку этой печки были придѣланы на козлахъ полати, такъ называемая „казенка", на которой валялись разнаго рода грязныя тряпки, старыя отъ хомута клещи, огромный резиновый ботикъ, рваный, съ облѣзшимъ мѣхомъ нагольный полушубокъ, топоръ, рыжая свернувшаяся клубкомъ кошка, обмызганный половой галикъ, покрытая тряпкой „квашонка", коровья доёнка и еще что-то большое, покрытое рогожей.

Грязный полъ былъ собранъ не изъ досокъ, какъ обыкновенно, а изъ плохо обтесанныхъ, тонкихъ, похожихъ на слеги и, очевидно, ради экономіи, осиновыхъ бревешекъ.

Въ переднемъ углу, какъ и водится, висѣли въ какомъ-то

угольничкѣ, похожемъ на китайскій домикъ, черныя доски, на которыхъ отъ копоти и пыли совершенно не было видно никакихъ „ликовъ". Передъ этимъ китайскимъ домикомъ висѣла на цѣпочкѣ лампадка, въ видѣ той чаши, изъ которой попъ причащаетъ въ церкви православныхъ. Подъ этой лампадкой висѣло большое яйцо, съ изображеніемъ на одной сторонѣ „адамовой головы" и съ надписью на другой „Христосъ воскресе!"

Подъ домикомъ и лампадкой стоялъ большой, съ двумя выдвижными ящиками, изрѣзанный по краямъ, точно парта въ школѣ, неопрятный, плохо вымытый столъ. На немъ стоялъ съ краю огромный, пузатый, напоминавшій своимъ видомъ католическаго монаха, самоваръ, и лежала на половину отрѣзанная, толстая рѣдька, вмѣстѣ съ черной „теркой", на которой, по всему вѣроятію, терли эту рѣдьку для „хлебова".

„Несосвѣтимая сила" (по выраженію Демьяныча) мухъ жужжала, какъ рой пчелъ, и назойливо лѣзла и въ ротъ, и въ носъ и бродила тучей по столу, по стѣнамъ и вездѣ. Какое-то отвратительное протухшее блюдо — должно быть, мухоморъ—стояло для нихъ на тарелкѣ, но, повидимому, не достигало цѣли, ибо мухи совершенно свободно, цѣлымъ обществомъ, лазили по немъ, нисколько не думая о злоехидной цѣли, съ какой оно было поставлено.

По поламъ и щелямъ стѣнныхъ бревенъ сидѣли тараканы-прусаки и ждали минуты, когда, въ свою очередь, могли цѣлымъ войскомъ выступить на фуражировку. Для нихъ такъ же, какъ и для мухъ, было приготовлено „блюдо", хотя и въ другомъ родѣ: всѣ стѣны, потолокъ, печка, были испещрены бѣлыми пятнами, сдѣланными при помощи заячьей лапки „тараканьимъ морилой" или, какъ въ иныхъ мѣстахъ онъ зовется—„тараканьимъ богомъ".

По словамъ „морилы", къ пятнамъ этимъ „спаси Богъ дотронуться, подохнешь!.." На дѣлѣ же это простой мѣлъ, и дѣйствуетъ онъ на таракановъ, повидимому, самымъ благотворнымъ образомъ...

Въ кухнѣ тяжело и угарно пахло хлѣбами, очевидно, „сидѣвшимъ" въ печкѣ.

— Здорово живете! — сказалъ Демьянычъ, дунувъ на пальцы и перекрестившись въ уголъ.

— Здорово, рязань! — насмѣшливо отвѣтилъ Николка, садясь къ столу на скамейку и оглядывая насъ своими красивыми дерзкими глазами. — Кладите добро-то подъ лавку, никто не украдетъ, садитесь, милости просимъ, гости дорогіе; только хотѣли въ лапоть накласть да за вами послать, а вы сами жалуете.

— А ты купецъ, не смѣйся, — усаживаясь на скамью, сказалъ Демьянычъ,—мы не Христа ради, не надо—не бери, уйдемъ.

— Ну, ну, ваша свѣтлость, Анна Павловна, королева Нидерландская!..

— То-то, ну-ну... Ты языкъ-то свой сокращать долженъ, насупротивъ себѣ во всемъ дѣлать долженъ. Ты вѣдь человѣкъ—не съ нами сравнять, неловко тебѣ эдакъ-то...

— Ну, ну, помалкивай, не твое дѣло. Всякое дерьмо учить станетъ! Профессоръ какой, графъ Толстой пришелъ. Ты мнѣ, братъ, лекціи-то не читай, а то у меня живо за ноги да объ уголъ.

— Та-а-къ! — протянулъ Демьянычъ. — Тише, военный, портки разорвешь. Нука-сь, красавица, — обратился онъ къ кухаркѣ, — сзади коса, спереди шире колеса, соберика-сь намъ похлебать, нѣтъ ли у тебя чего-нибудь...

— Дай имъ пахтанья, — скаля зубы, сказалъ Николка,— пусть жрутъ, все одно поросятамъ выльешь.

— Ну, ужъ это ты самъ хлебай съ поросятами-то,—сказалъ, обидѣвшись Демьянычъ, — я постарше тебя, зубы-то лупить неча.

— О-о-о?!.

— Вотъ тѣ и о!..

— Хотите похлебки налью? — сказала кухарка.—Каша есть, день-то постный, пятница, варила-то я мало. Рѣдечки, не хотите ли, потру, съ квaскомъ похлебать холодненькаго.

— Гоже это, потри, будь другъ, квасъ у васъ, аки медъ, къ губамъ липнетъ.

Кухарка, съ засученными по локоть толстыми здоровыми руками, взяла со стола рѣдьку за хвостъ и, пообчистивъ ножемъ кожу, начала тереть толстымъ концомъ объ терку съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла.

Скоро на столѣ подъ теркой образовалась кучка бѣлой пахучей массы. Она ссыпала ее пригоршней въ чашку, помяла желѣзной ложкой и сказала, обращаясь къ намъ:

— Вамъ сюды снѣточковъ не подпустить ли съ лучкомъ, аль не любите?

— Подпусти, подпусти! — торопливо произнесъ Демьянычъ,—худое дѣло молоко съ пѣнкой. Помаслить не забудь. Мы все съѣдимъ, не господа.

— Да ужъ что ваше дѣло, — сказалъ Николка, — наша невѣстка все трескаетъ, медъ и тотъ жретъ.

— И нѣтъ—ждетъ!—добродушно добавилъ Демьянычъ.

Вскорѣ рѣдька была готова. Кухарка достала съ бруса покрытую полотенцемъ краюху хлѣба и, наставивъ одинъ

конецъ этой краюхи въ животъ, отворотила отъ нея ножемъ для насъ два огромныхъ ломтя хлѣба.

— Экъ ты, голова,—произнесъ Демьянычъ, — на малашкину свадьбу, что ли?.. По эстольку хлѣба ѣсть — жену запросишь...

— Кушайте на здоровье, у насъ хватитъ.

— Знаемъ, что хватитъ, дай Богъ, хватало-бъ, я не про то. Набалуешь себя, боязно. Здѣсь-то по горло, вонъ лѣзетъ, а домой-то придешь—перекусить нечего. Вотъ объ чемъ, милка, слѣпой-то плачетъ...

— Да-а-а, прокормить васъ тоже, мое почтеніе,—сказалъ Николка, — встанетъ въ копѣечку, небось, жрать начнете — давай только, за ушами пищитъ...

— А ты, я вижу, купецъ, того, ложкой кормишь, а черенкомъ глазъ колешь. Эхъ, хе, хе!.. А ты бы, уменъ-то былъ, взялъ бы давно догадался, пошелъ бы да намъ по баночкѣ вынесъ... Передъ начатіемъ-то оно, глядишь, — и, Боже мой, какъ бы хорошо вышло!.. А ты вотъ сидишь, да языкомъ треплешь, а чего имъ трепать-то...

— А любишь ты, должно быть, выпить-то?..

— Ну вотъ, худое дѣло, небось не откинемъ!

— А что въ ней проку-то,—вступилась кухарка, — погибель. Стаканчики, рюмочки доведутъ до сумочки!..

— Ну, насъ нечего доводить, у насъ и такъ доведено до дѣла. Вотъ придетъ зима, надѣвай на бокъ-то набедренникъ, да и того, „подайте Христа ради“...

Николка засмѣялся.

— Ахъ ты, рязань косопузая! — сказалъ онъ и, поднявшись со скамейки, вышелъ изъ избы...

XVI.

— А должно, угаръ парень-то? — опять, какъ и давеча, спросилъ Демьянычъ у кухарки, кивнувъ по направленію къ двери, куда только что вышелъ Николка.

Кухарка, молча, махнула рукой.

— Что-жъ онъ такъ, стало быть, при родителяхъ и проживаетъ, безъ колодки?.. Чай, все что-нибудь дѣлаетъ?

— Да я тебѣ сказывала давеча: ничего, жретъ да спитъ, да на вилисипидѣ гоняетъ, по грибы вотъ повадился, водку лакаетъ, вотъ и всѣ его дѣла.

Демьянычъ замолчалъ и принялся „хлебать“ рѣдьку. Дѣлалъ онъ это не торопясь: хлебнетъ, положитъ ложку на столъ, оботретъ ладонью лѣвой руки бороду и опять хлебнетъ...

— Вы пообождали бы чутокъ хлебать-то, небось, сейчасъ принесетъ.

— О-о-о!.. Принесетъ?.. Неужели взаправду?..

Не успѣла кухарка отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ, какъ дверь отворилась, и Николка, держа въ лѣвой рукѣ графинъ съ длиннымъ и тонкимъ горлышкомъ, согнувшись въ дверяхъ, чтобы не удариться головой объ верхній косякъ, перешагнулъ черезъ порогъ и вошелъ въ избу.

— А вы ужъ никакъ жрете?—любезно спросилъ онъ.

— Да никакъ ложки по двѣ, по три успѣли проглотить,—какъ-то торопливо отвѣтилъ Демьянычъ, глядя на графинъ.

Николка поставилъ графинъ на столъ и сказалъ кухаркѣ:

— Давай чашку... нѣтъ ли какой похуже... Послѣ нихъ она все равно не годится... опоганятъ... Папаша разобьетъ... Ха, ха, ха!—во всю глотку захохоталъ онъ, принимая изъ рукъ кухарки чашку.—Поганые вы, а?..

— Хи, хи, хи!—какимъ-то тоненькимъ голоскомъ съ своей стороны, въ угоду ему, пустилъ Демьянычъ,—чудишь ты, купецъ, пра-ей-Богу, чудишь... Молодчина, глаза лопни... Сейчасъ видать человѣка-то, съ одного взгляда...

Между тѣмъ, Николка налилъ въ чашку и, прежде чѣмъ угощать насъ, „глотнулъ“ ее самъ, оглянувшись при этомъ почему-то назадъ на дверь, торопливо закусилъ корочкой и, наливъ другую, подалъ Демьянычу.

— Пей, рязань!..

Демьянычъ принялъ изъ его рукъ съ какимъ-то торжественно-серьезнымъ виду чашку, поставилъ на столъ, перекрестился на то мѣсто, гдѣ висѣли „бога“, и уже послѣ этого, сказавъ: „дай Богъ здравствовать!“—медленно выпилъ, крякнулъ, поморщился и сказалъ, обтирая ротъ ладонью лѣвой руки:

— Гоже, голова!.. Спа-а-а-сибо! Пойдетъ теперича по всѣмъ жилкамъ ходить...

Николка, угостивъ меня, отошелъ отъ стола въ сторону и, усѣвшись на скамью около окна, вытянулъ ноги и съ какой-то противной усмѣшкой на тонкихъ губахъ началъ „разглядывать“ насъ, какъ что-то необыкновенно любопытное и особенное.

„Хлебать“ подъ его взглядомъ было непріятно. Чувствовалось, что малый смотритъ на насъ съ презрѣніемъ, съ высоты какого-то величія...

XVII.

Не успѣли мы еще покончить съ рѣдькой, какъ въ кухню, такъ-же какъ и Николка согнувшись на порогѣ, чтобы не удариться головой о косякъ, какъ-то бокомъ, точно крадучись или боясь чего-нибудь, вошелъ самъ хозяинъ.

Вслѣдъ за нимъ вошла высокая, толстая женщина, какъ оказалось, его жена, и два мальчика, одинъ лѣтъ двѣнадцати, другой лѣтъ восьми... За этими мальчиками, немного погодя, вошла высокая же, необыкновенно стройная, лѣтъ 18-ти дѣвушка, хозяйская дочка...

Вся эта компанія, во главѣ съ самимъ, размѣстилась, какъ пришлось, и принялась тоже разсматривать насъ...

Мнѣ, признаюсь, сдѣлалось до того гадко и чего-то совѣстно, что я бросилъ ѣсть и хотѣлъ вылѣзть изъ-за стола и уйти... Что же касается Демьяныча, то онъ, не обращая вниманія, продолжалъ хлебать съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „а наплевать мнѣ на васъ... глядите“...

— Похлебку-то будете?—спросила кухарка, видя, что съ рѣдькой покончено.

— Плесни,—сказалъ Демьянычъ,—будемъ...

— Эти... работники-то?—спросила, улыбаясь, съ любопытствомъ глядѣвшая на насъ „сама“.

— Они самые, — отвѣтилъ Николка, — одинъ-то рязань косопузая, а другой, чортъ его знаетъ, откуда...

— Ты бы имъ, Николя, поднесъ... можетъ, они выпьютъ?—сказала хозяйка.—Небось, намотались, сердешные... Можетъ, они выпьютъ?—снова повторила она.

— Какъ, небось, не выпить,—сказалъ Николка,—подноси только...

— Покорничи благодаримъ, сударыня!—приподнявшись немного и стараясь изобразить на своемъ лицѣ какое-то умиленіе, произнесъ Демьянычъ.—Много довольны... Коли милость будетъ, выпьемъ...

— Такъ налей имъ, Николя,—сказала хозяйка.—Самъ-то не пей, а имъ-то налей...

— А ну ихъ къ чорту!—сказалъ Николка,—не надо.

— А ты дѣлай, что велятъ, — вступился, молча сидѣвшій въ углу на скамейкѣ и какъ-то бокомъ, исподлобья глядѣвшій на насъ хозяинъ.—Тебѣ сказано... долженъ слушать...

— Что я, холуй, что-ли?—огрызнулся Николка и, вдругъ поднявшись съ мѣста, заоралъ во всю глотку:

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Княнусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ!—

и вышелъ изъ избы, хлопнувъ изо всей силы за собой дверью.

— Вотъ дуракъ-то... орясина... полѣно дровъ... Эдакъ-то бы тебя по затылку шаркнуть!—сказалъ вслѣдъ ему хозяинъ.—Дуракъ!—повторилъ онъ,—дармоѣдина...

Хозяйка посмотрѣла на него, кивнула головой и выразительно скосила глаза въ нашу сторону.

Мы съ Демьянычемъ сдѣлали видъ, что ничего не замѣчаемъ, и что, вообще, это до насъ не касается. Но хозяинъ не сталъ церемониться и закричалъ вдругъ охрипшимъ голосомъ, сразу какъ-то покраснѣвъ до самыхъ ушей:

— Чего ты мигаешь-то, дура, баловница... Нешто добрые-то люди не видятъ?.. Все, матушка, видятъ... все!.. Шила въ мѣшкѣ не утаишь... Дуракъ, разбойникъ, ёрникъ, дармоѣдъ... тьфу... Что вылупила бѣльмы-то, подкладка! — набросился онъ вдругъ съ хозяйки на кухарку.—Убѣжала стервоза отъ мужа-то... мало мужа-то... съ другимъ ёрничать... У-у-у, сатанинская образина!..

— Ты хоть бы при дѣтяхъ-то посовѣстился, — сказала хозяйка,—чего ты, бѣлены объѣлся, что ли?

— Такіе же будутъ!—сказалъ хозяинъ и махнулъ рукой.—У тебя есть дѣти-то?—спросилъ онъ у Демьяныча.

Демьянычъ обтеръ ротъ ладонью и отвѣтилъ:

— Не обидѣлъ Господь... есть... по мой вѣкъ хватитъ.

— Ну, а есть, такъ тебѣ и говорить нечего... самъ знаешь.

— Да-а-а,—согласился Демьянычъ,—по нонѣшнимъ временамъ дѣтки-то того... Отдай, а то потеряешь... знаемъ.

— Истинная правда! Истинная правда!—обрадовался хозяинъ,—вѣрно... Вотъ у меня, видѣлъ сейчасъ, сынокъ-то, а? Дерется со мной... ей Богу. Слова не даетъ сказать... А все что?.. Все баловство... все вонъ она, дура! „Николинька", батюшка, голубчикъ... такой, сякой, немазанный... тьфу...

— Ну, ужъ ты начнешь теперича!—сказала хозяйка,—попалъ на зарубку... начнешь! Уйти отъ грѣха!.. Пойдемте, дѣти... ну его къ Богу... ему вѣдь и чужихъ-то людей не стыдно... радъ... другой бы молчалъ... виду не показалъ, а онъ на смѣхъ... кому нужно-то? Пойдемте!—опять повторила она и, пропустивъ дѣтей впередъ, вслѣдъ за ними, точно гусыня, немного въ перевалку, вышла изъ избы.

XVIII.

— А-а-а, не любишь!—язвительно протянулъ ей вслѣдъ хозяинъ.—Не любишь!—повторилъ онъ, глядя на насъ съ такимъ видомъ, точно что-то спрашивалъ или ожидалъ отъ насъ отвѣта.

Демьянычъ сочувственно захихикалъ.

— Правда-то того... кусается,—сказалъ онъ,—другому правда-то все равно, что сытому аржаной хлѣбъ...

— Не любишь!—снова повторилъ хозяинъ и вдругъ опять набросился на кухарку.—Ты чего-жъ это, а?.. Давай имъ... каши давай... время идетъ... чего ротъ-то разинула, подлая! Ерничать твое дѣло, а? Трясетъ задомъ-то, какъ трясогуска... фу ты, ну ты!.. Деньги ваши, будутъ наши...

— Отстань, солдатъ, мелкихъ нѣту,—равнодушно сказала кухарка,—присталъ... завидки берутъ... старый кобель!—И вдругъ, обернувшись къ намъ съ улыбкой на румяныхъ губахъ сказала:—Вы что, земляки, знаете... оба ко мнѣ лѣзутъ, и сынокъ, и родитель... ей-Богу!.. Какъ псы.—Она громко засмѣялась.—А мнѣ что... мнѣ, знамо, который помоложе, тотъ и мой... А ты, старый кобель, куда годенъ-то?—обратилась она снова къ хозяину.—Трубы тобой затыкать? Ха, ха, ха!.. Тятя дѣтямъ тоже!

Мы съ Демьянычемъ разинули рты отъ удивленія, и намъ до того стало вдругъ неловко, что мы оба сразу поднялись и торопливо полѣзли изъ-за стола.

— Благодаримъ тя, Христе Боже нашъ, яко насытилъ насъ,—громко зашепталъ Демьянычъ, дѣлая широкіе въ размашку кресты...

— Щепотью-то не крестись!.. Щепотью-то не крестись!—перебилъ его вдругъ хозяинъ.—Чего ты... солить, что ли, собрался?..

— Покорно благодаримъ за хлѣбъ, за соль,—кланяясь и дѣлая видъ, что онъ не понялъ словъ хозяина, сказалъ Демьянычъ.—Теперича надо косы побить.. исправить... вотъ покурить только...

— Я те покурю!—закричалъ хозяинъ.—Я те покурю!—повторилъ онъ, поднимаясь со скамьи и глядя на насъ своими рыбьими, необыкновенно страшными глазами.—У меня свой куряка есть... будетъ... да еще вы тутъ... кабакъ, что ли?.. Вонъ, вишь, иконы святыя, а ты съ поганью... До старости дожилъ, а соску не бросилъ... Нельзя курить!

— Курите!—со смѣхомъ сказала кухарка,—чего на него смотрѣть-то... Николай, вонъ, куритъ, не боится...

— Молчи, пота-а-скушка!—закричалъ хозяинъ и затопалъ ногами.—Хоть бы стѣнъ-то постыдилась, коли добрыхъ людей не стыдно...

— Чего мнѣ ихъ стыдиться-то?.. Мнѣ съ ними не ребятъ крестить... нонче они здѣся, а завтра у чорта на рогахъ... Стыдись самъ, а мнѣ что... наплевать-то я на васъ хотѣла!..

— Тьфу!—плюнулъ хозяинъ,—чтобъ-те засадь сѣлъ въ глотку-то твою проклятую... У Николки научилась орать-то?..

— У него...

— Мо-о-лчи!..

— Ступай къ чорту!

— Молчи... убью!..

— А этого хошь?..

— Ахъ ты, сво-о-о-лочь, да я тебя...

— Караулъ!—завизжала во всю глотку кухарка.

И какъ только она закричала, въ избу сейчасъ же вбѣжалъ, очевидно, стоявшій по ту сторону двери и слушавшій эту сцену, Николка.

— Что такое?—спросилъ онъ глухимъ сдавленнымъ голосомъ.—Что ты орешь!..

— А вонъ спроси у него,—кивнула кухарка на хозяина и вдругъ, заплакавъ, добавила:—Пристаетъ... проходу нѣтъ... что я ему далась...

Николка хотѣлъ что-то сказать, но ничего не сказалъ, посмотрѣлъ только съ боку своими отчаянными глазами на отца и вдругъ, какъ-то перекосивъ ротъ въ сторону, громко нѣсколько разъ скрипнулъ зубами...

Демьянычу, очевидно, какъ и мнѣ, стало страшно и стыдно; онъ дернулъ меня за рукавъ и торопливо сказалъ:

— Ну, хозяинъ, идемъ!.. Кажи, гдѣ косы... бить надо... время идетъ... неча тутъ... идемъ... кажи!...

Хозяинъ, молча, опустивъ глаза въ полъ и закусивъ губу, съ побѣлѣвшимъ, какъ будто, еще больше страшнымъ лицомъ, пошелъ къ двери.

Мы съ Демьянычемъ за нимъ...

XIX.

Весь дворъ былъ огороженъ, какъ я уже и говорилъ, досчатымъ заборомъ съ навѣсами по сторонамъ, гдѣ въ страшномъ безпорядкѣ валялась всякая всячина.

Сразу было видно, глядя на этотъ безпорядокъ, что настоящаго хозяина въ домѣ нѣтъ.

На самомъ дворѣ, т. е. тамъ, гдѣ стояли лошади и корова, очевидно, въ годъ разъ подкладывалась подстилка; до

того было грязно, что лошади вязли въ жидкомъ мѣсивѣ чуть не по брюхо...

Какая-то мелкая мошкара, плодившаяся въ этомъ навозѣ, лѣзла всюду, не давая двумъ тощимъ, грязнымъ лошадямъ, почему-то стоявшимъ на дворѣ около пустыхъ кормушекъ, покоя.

Три пестрыхъ небольшихъ, поросенка бѣгали, хрюкая, по двору, ковыряя своими пятачками гдѣ попало. Штукъ двадцать куръ, во главѣ съ огромнымъ чернымъ пѣтухомъ, то и дѣло пѣвшимъ охриплымъ басомъ, бродили тутъ же, тщетно стараясь найти то, что можно бы было проглотить...

Подъ навѣсами стояли двѣ телѣги—„карули", тарантасъ, перевернутыя дровни. Валялась сбруя: хомуты, сѣделки, совершенно новенькая съ наборомъ подъ серебро, дорогая, очевидно, недавно купленная, но уже успѣвшая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыться плѣсенью, шлея...

Тутъ же стояли какія-то кадки, наполовину разсыпавшіяся, сломанная желѣзная кровать, полосатый матрасъ съ дырой посрединѣ, изъ которой лѣзла грязная мочала... шкафъ... старинное, огромное, съ ободраннымъ сидѣньемъ кресло, рамка отъ картинки, кирпичи, разбитые чугуны, колесная въ ящикѣ мазь, деготь въ лагушкѣ, дюжины тричетыре пивныхъ бутылокъ въ углу, скомканный брезентъ, рогожи, сломанныя грабли, поперечная пила, лубокъ для телѣги, старыя сплетенныя изъ соломы гнѣзда, корье и т. д. и т. д.

— Гдѣ вѣдь вотъ косы-то, и позабылъ!—сказалъ хозяинъ, оглядываясь по сторонамъ.—Висѣли, словно, здѣсь на стѣнкѣ, а нѣту... Памяти совсѣмъ у меня не стало... А можетъ, Николка куда засунулъ... Поди-ка,—обратился онъ ко мнѣ,—сходи въ кухню, спроси: гдѣ, молъ, косы?..

Пройдя по грязному двору, я взошелъ на мостъ, пообтеръ ноги и, отворивъ кухонную дверь, наткнулся на сцену: Николка обнималъ кухарку, сидѣвшую у него на колѣняхъ, и цѣловалъ въ шею за ухо.

Видя меня, она хотѣла было соскочить съ колѣнъ, но онъ не пустилъ ее и со злостью спросилъ у меня:

— Ты чего?.. Какого чорта надо?..

— Косы, не знаешь ли, гдѣ?—сказалъ я.—Косъ не найдемъ...

— А чортъ ихъ знаетъ!.. Я-то почемъ знаю?..

Онъ отвратительно выругался и выпустилъ изъ своихъ объятій вырвавшуюся и, очевидно, всетаки стѣснявшуюся меня кухарку.

— На дровахъ онѣ лежатъ,—сказала она, освободившись.

—И бой таматко...—повторила она.—Я ихъ сама убрала намедни...

— На дровахъ гдѣ-то лежатъ,—сказалъ я хозяину, возвратившись изъ избы обратно подъ навѣсъ, гдѣ онъ, сидя съ Демьянычемъ на оглобляхъ телѣги, поджидалъ меня.

— Ишь, куда чортъ догадалъ засунуть!—сказалъ онъ и, пожевавъ губами, помолчавъ, спросилъ:—Что тамъ въ кухнѣ-то?.. Ты что засталъ они дѣлаютъ-то?..

— Ничего не дѣлаютъ, сидятъ.—отвѣтилъ я.

— Гм! вѣдь вотъ,—обратился онъ къ Демьянычу,—ерничаетъ парень... на глазахъ... грубитъ... пьетъ... куритъ.. Разбойникъ!..

— А ты его того... поучилъ бы стяжкомъ,—посовѣтовалъ Демьянычъ.

— Да-а-а, поучилъ бы!.. Тронь-ка его... онъ убьетъ... зарѣжетъ... Разбойникъ Чуркинъ, ей-Богу!.. Пригульный онъ... не мой... жена съ приказчикомъ съ однимъ изъ пассажа пригуляла... Что ты? Ей-Богу, не вру!..

— Эхъ, купецъ,—сказалъ Демьянычъ и махнулъ рукой,—не наше это дѣло... Мы вашихъ дѣловъ не знаемъ, и слушать намъ это не гоже, да и не время... Деньги вѣдь ты намъ за это платить не будешь... Вотъ, когда на досугѣ поговоримъ, а теперь давай косы побьемъ... Веди насъ... ставь на дѣло, а ужо вечеромъ за полдня денежки подай...

Косы, три штуки, оказались одна другой хуже. Всѣ онѣ были съ хлопушками, надѣланными, очевидно, не умѣвшимъ отбивать ихъ человѣкомъ, покрыты ржавчиной, съ разсохшимися ручками. Бой тоже былъ не лучше; молотокъ положительно не жалко было закинуть за заборъ...

— Вотъ что, купецъ,—сказалъ Демьянычъ, разглядывая косы,—ты съ насъ, буде что, не взыскивай... Такимъ струментомъ много не надѣлаешь... Развѣ это косы?.. Гляди... траву мучить... Эхъ, погляжу я, хозяйство-то у тебя не путевое!.. Вѣдь вотъ,—продолжалъ онъ, прилаживая мѣсто для битья косъ,—даетъ Богъ кладъ, да не умѣемъ его взять... Ишь, у тебя на дворѣ-то, не въ обиду будь тебѣ сказано, чортъ ногу сломаетъ...

Хозяинъ махнулъ рукой и не то лѣниво, не то съ какой-то затаенной грустью произнесъ:

— Наплевать!.. Руки ни къ чему не лежатъ... нездоровится все... тоска заѣла...

— Водки, знать, пьешь помногу?..

— Куда!.. Нѣтъ... не пью... десятый годъ въ ротъ не беру... нельзя мнѣ пить... Я, кабы мнѣ пить-то, давно бы здѣсь всѣхъ перерѣзалъ... Я во хмѣлю нехорошъ... Разъ

жену совсѣмъ было задушилъ... отняли... съ тѣхъ поръ въ ротъ не беру.

— Ну, ты это объ ней и тоскуешь... Червякъ-то винный тебя и сосетъ... А ты, купецъ, крѣпись, не поддавайся... Спаси Богъ, запьешь... удержу тебѣ не будетъ... надѣлаешь чудесъ... Крѣпись... надѣнь на себя оброть... держись за землю...

Когда косы были отбиты и кое-какъ, на скорую руку, поисправлены, хозяинъ повелъ насъ черезъ ворота, вынувъ предварительно огромный засовъ, которымъ они были заперты, мимо собаки, надрывавшейся отъ лая, на мѣсто покоса.

Идти пришлось недалеко. Привелъ онъ насъ на пустыри. Пустыри эти,—десятины двѣ,—были, повидимому, не такъ давно пахавшимся и засѣвавшимся чѣмъ-то полемъ, теперь заброшеннымъ и густо заросшимъ высокой травой, среди которой особенно выдѣлялось высокое, на толстомъ стеблѣ, растеніе съ макушкой, покрытой мягкимъ, похожимъ на вату пухомъ („бурыльникомъ").

— Косите вотъ!—лѣниво сказалъ хозяинъ.—Вонъ до энтихъ кустовъ... до лѣсу... увидите тамъ... Начинайте!..

— Охъ, да ужъ и трава же!—покачавъ головой, произнесъ Демьянычъ.—Гдѣ ты раньше-то былъ, не косилъ?.. Теперь она куда годна-то? Собакамъ спать... въ навозъ... вишь, палки одни... Какъ ее косить-то?.. Ахъ вы, хозяевы!..

Хозяинъ, какъ и давеча, махнулъ рукой и, очевидно, думая о другомъ, сказалъ:

— Косите... какая есть... наплевать... сожрутъ.. Косите, а я пойду... Ужо чай пить я васъ кликну.

— Обѣдъ да полдни, только и помни,—съ презрѣніемъ въ голосѣ сказалъ Демьянычъ.—Ступай... ты намъ не надобенъ... ступай...

Хозяинъ ушелъ. Мы поточили косы и, какъ попало, начали „тяпать" устарѣвшую, перепутавшуюся, необыкновенно крѣпкую на косу траву.

XX.

Пройдя прокосъ, во время котораго пришлось нѣсколько разъ точить быстро затуплявшіяся о бурыльникъ косы, мы запыхались и стали отдыхать.

— Чортъ бы васъ ободралъ и съ травой-то съ этой!—сердито сказалъ Демьянычъ, усѣвшись на берегу канавы и вертя папироску.—За непочтеніе къ родителямъ косить-

то ее... Пошли мы съ тобой... непутевый, гляжу я, народъ... Вѣдь вотъ даетъ же Господь дуракамъ счастье... жена вѣдь вонъ даве въ кухню приходила —чисто, голова, дыня какая, телка огульная... Какого, кажись, еще рожна нужно?.. Анъ, вотъ, возьми!.. Съ жиру бѣсятся... жрутъ, да пьютъ, въ томъ и время идетъ... Охъ-хо-хо!.. Да-а-а!.. Грѣхи, голова. Ну, давай еще по прокосу, а то вродѣ какъ по началу-то неловко... Вотъ поживемъ денекъ—другой, тамъ дѣло двѣнадцатое... очень-то налегать не будемъ... Знаемъ тоже, какъ день-то колотить, день-то проводить... Учены!..

Прошло часовъ около двухъ. Мы сдѣлали по нѣскольку прокосовъ и страшно устали, точно косили не какіе-нибудь два часа, а цѣлый день... Трава, чѣмъ дальше отъ края дѣлалась гуще, суше, и ее приходилось не косить, а буквально „рубить“ со всего плеча нашими отвратительными, звенящими косами.

Демьянычъ „ходилъ“ передомъ, и мнѣ даже по затылку его было видно, что онъ сердится. Я, съ своей стороны, обливаясь потомъ, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, „тяпалъ“, сшибая однѣ макушки, оставляя позади себя весь подсѣдъ и думая только объ одномъ, какъ бы не отстать отъ Демьяныча.

Между тѣмъ, солнце стало спускаться къ лѣсу, но жара всѐ еще не спадала, и насъ сильно мучила жажда, а воды, какъ на зло, нигдѣ не было.

— Чайку бы теперь,—нѣсколько разъ говорилъ Демьянычъ.—Что-жъ онъ не идетъ?.. Хотѣлъ придти, а самъ не идетъ, бѣлоглазый чортъ... Время ужъ и чай пить.

Наконецъ, настала блаженная минута: пришелъ хозяинъ и позвалъ пить чай.

Мы увидали его издали и принялись усердно косить, дѣлая видъ, что не видимъ его.

— Поналяжь, — шепотомъ говорилъ Демьянычъ. — Пошире бери... поплотнѣй... Что ты однѣ макушки сшибаешь... Прижимай на пятку-то!..

— Помогай Богъ!—подойдя, сказалъ хозяинъ.

— Спасибо!

— Косите?.. Ну, какъ?

— Да что,—сказалъ Демьянычъ, обтирая рукавомъ потъ,—хучь бросай... смерть! Не трава, а хворостъ... топоромъ рубить... измотались до смерти... рубашка-то, гляди, хучь выжми...

— Ну, пойдемте чай пить... Я за вами пришелъ... Какъ-нибудь скосите... лошади зимой слопаютъ...

— Знамо,—согласился Демьянычъ, вытирая травой косу.—Одно дѣло съѣдятъ...

— А вы и то нагрѣлись,—оглядывая насъ, сказалъ хозяинъ.—Жестка трава-то... устарѣла...

— За то много будетъ,—отвѣтилъ Демьянычъ,—продать буде...

Хозяинъ ничего не сказалъ на это и, помолчавъ, вдругъ спросилъ у меня, показавъ пальцемъ на мой разстегнутый воротъ рубашки.

— Что это у тебя на груди-то?.. Никакъ иконка болтается?..

У меня, дѣйствительно, висѣлъ на груди образокъ, очень для меня дорогой, надѣтый матерью за нѣсколько минутъ до ея смерти.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Гм!—усмѣхнулся онъ.—Женатый ты?..—И, не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ:—Небось, какъ съ женой-то спишь, скидаешь?

Я молчалъ.

— Ну, нонче насчетъ этого просто стало,—вступился Демьянычъ,—нонче ни фига не боятся... Ни въ Бога, ни въ царя не вѣруютъ... Самъ слыхалъ... Его за это по рылу,—разъ, два,—а онъ: „наплевать, говоритъ, бейте, а всетаки, говоритъ, по нашему будетъ"...

— Строгости не стало,—сказалъ хозяинъ.

— Да-а-а!—сказалъ Демьянычъ.

— Какой вамъ еще строгости не хватаетъ?—съ досадой, не утерпѣвъ, замѣтилъ я.—Кажется, слава Богу, хоть отбавляй!

— Родителей не уважаютъ,—не слушая меня, продолжалъ хозяинъ.—Къ начальству страху не стало... Никакой власти надъ собой не признаютъ, а вѣдь того не знаютъ, дураки, что и въ святомъ писаньи сказано: „нѣсть власть, аще не отъ Бога".

— Вѣрно!—согласился съ нимъ Демьянычъ, подмигнувъ мнѣ глазомъ.—Сказано: „повинуйтеся начальникамъ вашимъ и покоряйтеся!"...

С. Подъячевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПОДПОЧВА.

Романъ Рашильдъ.

Переводъ съ французск. Я. А. Глотова.

VI.

Фаустъ и Маргарита.

Отецъ Маргариты былъ человѣкъ разсудительный и питалъ большое пристрастіе къ фразамъ. Вѣдь, вообще, люди добропорядочные всегда стремятся округлять словами острые углы случая... Никто, конечно, не собирается высмѣивать этихъ добропорядочныхъ людей и доказывать, переходя отъ смѣшного къ смѣшному, что они страшнѣе разбойниковъ; дѣло лишь въ томъ, чтобы показать, что иной добрый малый, распуская свой языкъ только изъ удовольствія говорить и предвидѣть острые углы случая, нерѣдко заставляетъ срываться съ цѣпи самые скверные инстинкты, до тѣхъ поръ мирно дремавшіе въ глубинѣ ихъ норъ. Инстинкты это сторожевыя собаки. Они вѣрны и злы, лаютъ ночью на поющаго гуляку и позволяютъ настоящему мошеннику отравить себя... Это очень полезныя, или очень вредныя животныя, смотря по тому, полагаются на нихъ или нѣтъ. Гораздо лучше ихъ никогда не будить.

Что касается Давенеля, то онъ всегда боялся, какъ бы не скомпрометтировать себя своими поступками, даже если они были безупречны, и съ большимъ уваженіемъ относился къ словамъ. Когда онъ чувствовалъ необходимость снять съ себя какую-нибудь отвѣтственность, онъ прибѣгалъ къ словамъ и отчеканивалъ ихъ очень звучно, веселымъ благодушнымъ тономъ. Онъ резюмировалъ, объяснялъ, давалъ опредѣленія, ударялся въ подробности, на подобіе того, какъ моютъ руки передъ обѣдомъ. Онъ постоянно сохранялъ чистыми руки своего сознанія, потому что онъ умѣлъ, если не избѣгать, то, во всякомъ случаѣ, точно опредѣлять всѣ

самыя опасныя положенія. Онъ очень любилъ свою дочь Маргариту, но онъ ея совсѣмъ не зналъ. Чтобы знать ее хорошо, нужно было за ней наблюдать, изучать ее, молча присматриваться къ ней. Есть фразы, которыя обращаются въ непреодолимыя преграды. Разъ такая фраза прозвучитъ между мужчиной и женщиной, то можно быть увѣреннымъ, что эти два существа никогда не смогутъ сблизиться. Директоръ фермы Флашеръ, безъ сомнѣнія, предполагалъ, что его дочь очень хочетъ выйти замужъ, именно потому, что она обнаруживала такое презрѣніе къ своимъ поклонникамъ. Онъ не хотѣлъ осудить ее на безбрачіе, но его, вдовца, очень радовала перспектива сохранить какъ можно дольше атмосферу женственности и невинности, которая такъ смягчала нравы дома. Къ тому же Маргарита поддерживала чистоту, порядокъ и изящество. Она была точно лучистый вызовъ, брошенный жестокой странности унавоженныхъ полей орошенія. Она была цвѣткомъ въ петличкѣ отца, бѣлой ленточкой почетнаго легіона, а такія украшенія не уступаютъ зятю безъ большихъ колебаній. Давенель, вдовѣвшій уже цѣлые годы, заводилъ себѣ время отъ времени любовницъ. Онъ зналъ по собственному горькому опыту, который изъ году въ годъ старилъ его въ эпоху весенняго возбужденія, что женщина нуждается въ сильной и свободной любви, что какая бы женщина ни была,—чистая или испорченная, непорочная или развратная, старая или молодая, она больше всего стремится къ дѣйствію, не особенно заботясь о словахъ, и если мужчины рѣдко встрѣчаютъ безкорыстныя ласки, то женщины обладаютъ исключительнымъ талантомъ зажигать самыя страстныя желанія...

Онъ зналъ, что въ одно прекрасное утро заря страсти займется надъ дѣвственной комнатой. Иногда его двадцатитрехлѣтняя дочь блуждала по аллеямъ сада съ лихорадочно блестѣвшими глазами... и онъ, по своимъ собственнымъ ощущеніямъ вдовца, могъ приблизительно судить о волненіи невинности.

Рано или поздно дочь отдаютъ, не зная кому. Раньше или позже бываютъ обмануты. Раньше или позже обманываютъ въ свою очередь. Это—законъ. Онъ со всѣмъ этимъ мирился. Сохранить себѣ дочь и позволять ей читать новые романы. Быть обманутымъ и не вѣрить этому. Измѣнить себѣ только въ томъ случаѣ, если къ этому вынуждаютъ приличія. Но на словахъ, онъ не допускалъ ничего! Это была воплощенная непреклонность! Прямота и строгость, иглы громоотвода, притягивающія молнію, но въ то же время сохраняющія неприкосновеннымъ семейный очагъ.

На другой день послѣ пріема министра Давенель нахо-

дился въ библіотекѣ голландскаго домика въ то время, когда Маргарита спустилась туда за книгой. Во всемъ домѣ былъ хаосъ, шла окончательная чистка и уборка, которыя должны были ему вернуть его милую уютность.

Грязныя тарелки на столахъ и стульяхъ, повсюду помятые и засохшіе гирлянды и букеты, скомканныя салфетки, недопитыя рюмки, кожица отъ фруктъ... При видѣ такого безпорядка, директоръ рѣшилъ устроиться на отдыхъ въ библіотекѣ, передъ громаднымъ чернымъ шкафомъ. Всякій разъ, когда онъ заглядывалъ сюда, имъ одолѣвала зѣвота, переплеты книгъ напоминали ему монотонное жужжаніе мухъ, подъ которое, обыкновенно, такъ хорошо дремлется въ жаркій полдень, послѣ завтрака. Развалившись съ поднятыми кверху ногами, онъ попробовалъ было читать газету, но ничего не выходило: въ головѣ вмѣстѣ съ прилившейся кровью бились тревожныя мысли.

Зеленая штора придавала этой комнатѣ видъ настоящаго акваріума. Посрединѣ, на колонкѣ изъ чернаго мрамора, подъ хрустальнымъ колпакомъ, точно плыла овальная миніатюра госпожи Давенель, матери Маргариты. Блондинка въ красномъ платьи, она напоминала какую-то рѣдкую рыбу, изумрудные глаза которой, казалось, плакали о свободѣ и просторѣ океана.

Маргарита вошла въ помятомъ капотѣ, не причесанная, какъ очаровательное олицетвореніе всеобщаго безпорядка. Вѣки у нея распухли отъ сна или отъ сквернаго настроенія. Взобравшись на скамейку, она просматривала и переставляла книжки.

— Маргарита,—сказалъ Давенель, нахмуривъ брови,—ты не выходишь у меня изъ головы. Поди-ка на минутку сюда... Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Вотъ фраза, отъ которой, поневолѣ, опускаются руки. „Мнѣ нужно съ тобой поговорить!“ Сколько объясненій, отъ которыхъ вѣяло безнадежнымъ мракомъ ада, начинались именно такъ.

— А что?—спросила Маргарита удивленно,—ты чѣмъ-нибудь недоволенъ?

— Да, есть кое-что, что мнѣ не нравится,—заявилъ отецъ болѣе сухимъ тономъ, чѣмъ хотѣлъ,—но тутъ было ужъ виновато плохое пищевареніе.—Я узналъ, я услыхалъ, что вчера ты себя страшно скомпрометтировала, какъ передъ гостями, такъ, въ особенности, передъ всей прислугой. Ты угощала анархиста завтракомъ за столомъ министра. Это, дочь моя, совершенно непристойно. И я не понимаю, какъ ты могла рѣшиться сдѣлать это, не обращая вниманія на нашихъ гостей, подъ пристальными взглядами рабочихъ и слугъ.

— А!—промолвила Маргарита съ легкой дрожью,—Полина разсказала тебѣ...

— Полина и одинъ изъ старшихъ рабочихъ. Это легкомысліе, которому нѣтъ названія... И потомъ, этотъ человѣкъ... Мы его совсѣмъ не знаемъ, а его поведеніе совершенно не располагаетъ проявлять по отношенію къ нему какую-нибудь благотворительность... Благотворительность! Эта игра слишкомъ скоро захватываетъ женщинъ! Онѣ занимаются благотворительностью прежде всего потому, что она развлекаетъ ихъ, но онѣ никогда не думаютъ о послѣдствіяхъ... И безъ того бездѣльникъ, который готовъ вообразить, что его обязаны кормить и поить! А ты еще угощаешь его шампанскимъ! Да ты что, скажи пожалуйста, сошла съ ума? Онъ могъ бы вполнѣ свободно поѣсть и выпить въ столовой рабочихъ, съ бѣдными людьми общины! Я не допускаю, чтобы ты уважала его больше, чѣмъ ихъ, за его лѣнь?

Маргарита постоянно колебалась между страхомъ скомпрометтировать себя и желаніемъ пережить какое-нибудь приключеніе. Можно сказать, что она жила буквально двойной жизнью. Съ одной стороны, она всячески избѣгала обращать на себя вниманіе отца, а съ другой—всегда стремилась приковать къ себѣ взоры какого-нибудь романическаго героя. Она чувствовала себя пойманной и не отвѣчала, пожимая плечами.

— Да, это, конечно, очень мило, всѣ эти выходки противъ общества и такъ далѣе, но мы, мы живемъ въ обществѣ, и не можемъ набиваться на ссору съ этими людьми. А у Фульбера, должно быть, совѣсть не чиста; на ней лежитъ либо бомба, либо кража. Я терплю его у себя только по добротѣ душевной. Однимъ мановеніемъ руки я могу его отправить ко всѣмъ чертямъ. Мнѣ наплевать на разныя теоріи его и ему подобныхъ. Разъ мы распоряжаемся деньгами, которыя мы сами зарабатываемъ и которыхъ они не зарабатываютъ, то имъ нечего вмѣшиваться въ наши дѣла. Обѣдъ, небольшой кредитъ, постель, я на это согласенъ, это справедливо: всякій человѣкъ имѣетъ право на существованіе. Но никакихъ знаковъ отличій! Это уже было бы черезчуръ смѣшно! Представляешь ли ты себѣ человѣка, готоваго разнести все наше правительство и обѣдающаго за его столомъ?... Ты всегда переходишь всѣ границы, точь въ точь какъ твоя бѣдная мать! Тебѣ необходимо вымазаться самой по уши, очищая своихъ бѣдныхъ. Я прошу не устраивать этого больше.

При этихъ словахъ, директоръ привелъ свои ноги въ нормальное положеніе.

— Я надѣюсь,—прибавилъ онъ болѣе мягко,—что ты не

собираешься оставаться долго съ такимъ похороннымъ лицомъ? Если твой анархистъ тебя забавляетъ—спрячь его!.. главное, отними у него всякую надежду обѣдать у насъ. Каждый у себя! Бомбы будутъ тогда въ большей сохранности!

У Маргариты вырвался жестъ изумленія.

— Гдѣ же, по твоему, я могу его спрятать? Онъ живетъ въ шалашѣ, въ прежней сторожкѣ Мартына, и всѣ прекрасно знаютъ, что онъ поселился тамъ. Тамъ у него вода, грязь, потолокъ не держится надъ головой.

— Почему же онъ не является просить работы? Значитъ, у него есть возможность существовать своими доходами. Такихъ людей проберешь только голодомъ. И онъ даже болѣе виновенъ, чѣмъ кто-либо другой, потому что у него есть извѣстное образованіе... Во всякомъ случаѣ, не выставляй себя на посмѣшище! Бродягу не угощаютъ шампанскимъ. Это, наконецъ, безнравственно... потому что всѣ бродяги не могутъ его получить!

— Я просто хотѣла доказать прислугѣ, что онъ ничуть не опасенъ.

— Да ну тебя! Только допусти его въ домъ, и онъ явится пощупать нашу несгораемую кассу... если только не предпочтетъ... Я повторяю тебѣ, что отъ этого народа нужно огораживаться. Нѣтъ человѣка терпимѣе меня, когда дѣло идетъ объ идеяхъ... Только я никогда не обсуждаю тѣхъ дѣйствій, которыя могутъ случиться, а просто мѣшаю имъ произойти. Я больше не желаю допускать присутствіе этого господина за моимъ столомъ. Мы люди разнаго рода.

— Но, папа,—заговорила Маргарита, усѣвшись на верху библіотечной лѣсенки,—какой же тогда толкъ изъ того, что у насъ республика, если постоянно существуетъ такое неравенство? Вотъ человѣкъ, настолько же образованный, какъ и мы, получившій такое же воспитаніе, который не желаетъ, право, не больше чѣмъ мы сами, не желаетъ обрабатывать землю. Это мнѣ кажется вполнѣ естественнымъ. Рабочій, крестьянинъ—вѣдь это вѣчный рабъ. А этотъ молодой человѣкъ, сдѣлайся онъ бухгалтеромъ или личнымъ секретаремъ или журналистомъ, наконецъ, онъ могъ бы стать депутатомъ, сдѣлаться министромъ, въ родѣ г. Гаро; но косить сѣно и копать свеклу... Къ чему это его приведетъ?..

— Чтобы чего-нибудь добиться, нужно все испробовать. Начинаютъ съ деревянныхъ сапогъ и кончаютъ лакированными туфлями. Я, конечно, принялъ бы въ немъ больше участія, если бы онъ захотѣлъ меня слушаться... Постой, Маргарита, поговоримъ серьезно! Хочешь, я заставлю тебя немедленно почувствовать всю разницу между этимъ человѣ-

комъ и нами?.. Ему, я думаю, лѣтъ двадцать пять, онъ баккалавръ, по крайней мѣрѣ, по его словамъ; образованъ, даже больше, чѣмъ мы, онъ знаетъ древніе языки, наконецъ... Онъ недуренъ. А если его умыть, то онъ будетъ еще лучше. Я не хочу копаться въ его прошломъ, я готовъ вѣрить, что оно не запятнано... И между тѣмъ, этотъ молодой человѣкъ, благодаря своимъ идеямъ—нашъ врагъ... и пока мы будемъ сильнѣе его, онъ не можетъ разсчитывать на союзъ съ нами. Слѣди внимательно за моимъ разсужденіемъ. По тому, какъ онъ появился, ѣлъ, пилъ и говорилъ, мы пришли къ заключенію, что онъ изъ иного мѣста, чѣмъ мы. И я повторяю тебѣ: причастенъ ли онъ или нѣтъ къ какому-нибудь преступленію, но отъ нашего круга его отдѣляютъ тысячи верстъ. Этотъ субъектъ стоитъ внѣ всякаго общества, онъ мятежникъ, онъ поступаетъ всегда только такъ, какъ думаетъ, совершенно не считаясь съ законами. Скажи, положа руку на сердце, если бы этотъ молодой человѣкъ былъ богатъ и независимъ, пошла бы ты за него замужъ?

Маргарита вздрогнула. Ей стало холодно въ этой полутемной библіотекѣ.

— Я увѣрена,—промолвила она, точно обращаясь къ себѣ самой,—что онъ и не собирается просить моей руки.

Давенель разразился такимъ громкимъ хохотомъ, что ей показалось, будто около нихъ что-то упало и разбилось.

— Въ самомъ дѣлѣ, невѣста для него была бы слишкомъ хороша! Ты, мое милое дитя, совсѣмъ не умѣешь цѣнить себя, и меня это очень огорчаетъ. Фантазіи твоей матери затемняютъ твою голову. Она тоже вѣрила въ равенство и свободу, въ право быть братьями... въ лѣтній вечеръ. Все это—пустяки! Братьями могутъ быть только тѣ, кто понимаетъ другъ друга, кто говоритъ на одномъ и томъ же языкѣ... Этотъ господинъ — мечтатель или преступникъ. Я дорого бы далъ, чтобы онъ оказался преступникомъ. Попади онъ окончательно за рѣшетку, имъ перестали бы интересоваться.

— Но, милый папа, я вовсе имъ не интересуюсь, увѣряю тебя! Кусокъ хлѣба или глотокъ шампанскаго—та же милостыня, и я...

— А ты развѣ не подарила ему цвѣтокъ изъ своего букета? Ну-ка, скажи правду?..

— Это онъ, онъ самъ попросилъ.. по случаю дня моего рожденія...—признавалась Маргарита, почувствовавъ головокруженіе передъ точностью доклада Полины и спасая свою позицію.

— Ладно! Ладно! Дѣтскія выходки! Я прекрасно зналъ, что благотворительность у тебя не имѣетъ границъ. Помни

только, что бѣднымъ подаютъ не цвѣты, они всегда предпочтутъ имъ—деньги.

— Но, этотъ бѣдный— совсѣмъ особенный!

— И этотъ тоже—человѣкъ, впавшій въ нищету... то есть способный на все.. Какъ, впрочемъ, и всѣ люди!—прибавилъ директоръ Флашеръ признавая, по крайней мѣрѣ, равенство передъ голодомъ и всѣми его жестокими послѣдствіями.

— Но, папа!..

— Но... никакого но! Мы говоримъ серьезно, и я надѣюсь, что ты не начнешь мнѣ разсказывать снова о своемъ анархистѣ. Если онъ хочетъ трудиться, онъ будетъ получать такую же плату, какъ мои рабочіе, смотря по сезону. Если онъ дѣйствительно баккалавръ, то его можно будетъ взять въ помощь къ двумъ бухгалтерамъ, завѣдующимъ отправкой на рынки... А если нѣтъ, то пусть убирается поскорѣе и лѣзетъ въ петлю гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ... Мнѣ же совершенно не нравится имѣть въ своемъ домѣ этого попрошайку букетовъ. Ну-ка съ разу: пошла бы ты замужъ за эту птицу?

— Охъ! папа... что ты смѣешься надо мной... развѣ выходятъ замужъ за перваго встрѣчнаго...

И она сдѣлала вполнѣ естественный жестъ отвращенія, подъ вліяніемъ вдругъ всколыхнувшейся въ ней сословности.

Благодаря разсудительнымъ рѣчамъ отца, ей ясно представился вдали образъ отверженца, *любимаго,* того, за кого не выходятъ замужъ, но кого, однако, желаютъ всѣмъ сердцемъ. Ея добрый отецъ подшучивалъ надъ ней, правда, нѣсколько тяжеловато, и, самъ того не подозрѣвая, совершилъ непоправимое дѣло: онъ предоставилъ умъ и фантазію своей дочери въ полную власть ночного проходимца.

По окончаніи этой лекціи объ общественныхъ приличіяхъ и общественномъ строѣ, Маргарита снова поднялась къ себѣ съ романомъ Бурже. Но ей не хотѣлось его читать: другой романъ, болѣе близкій къ жизни, завязывался на фермѣ Флашеръ. Въ концѣ концовъ, она всетаки могла, сохраняя приличное разстояніе, заниматься прирученіемъ этой птицы и даже бросать крошки хлѣба ей въ клѣтку. За мятежника, преступникъ ли онъ или нѣтъ, богатый или бѣдный, все равно замужъ не выходятъ, даже если онъ торжественно проситъ руку и сердце. Значитъ, нѣтъ никакой надежды на законную любовь... Одну минуту у нея былъ проектъ пойти къ нему и уговорить начать работать, чтобы заслужить ее. Но почти тотчасъ же это ей показалось такимъ страшнымъ и смѣшнымъ. Впрочемъ, она прекрасно знала, что, очутившись передъ этимъ *пугаломъ*, она ни за

что не могла бы сказать ему всего того, что было приготовлено заранѣе, и чувствовала бы себя совсѣмъ смущенной, точно такъ же, какъ простая горничная ея Полина чувствуетъ себя передъ первымъ попавшимся возлюбленнымъ.

— За такихъ замужъ не выходятъ!

Но какъ охотно выходили бы за нихъ замужъ, если бы природа была такъ же благосклонна къ людямъ, какъ и къ животнымъ. Природа является *подпочвой* всякаго общества. Самые роскошные дворцы строятся надъ клоаками, и маленькіе домики бѣдняковъ стоятъ на той же самой почвѣ, изъ которой исходитъ таинственное броженіе зародышей растительной жизни.

Съ того момента, какъ отецъ такъ неудачно заронилъ въ умъ Маргариты мысль, что анархистъ это—субъектъ, которымъ можно забавляться потихоньку, лишь бы не знала ничего прислуга, съ этой самой минуты у ней явилось непреодолимое желаніе снова увидѣть Фульбера.

Два мѣсяца ждала она подходящаго момента. У дѣвушекъ такъ много свободнаго времени! Она обѣщала ему разныя принадлежности для шитья, необходимыя для починки его платья, и она пойдетъ. Теперь это—запретный плодъ, роковой напитокъ, цѣлое приключеніе, моментъ высшаго напряженія въ атмосферѣ постояннаго запрета. И она гораздо больше боялась этого человѣка, чѣмъ отца, потому что она догадывалась, что этотъ человѣкъ не позволитъ ей врать. А такъ хорошо быть искреннимъ противъ своей воли, наперекоръ своему воспитанію, и чувствовать на себѣ лапу фавна, давящую всей тяжестью своей цинической свободы.

Чтобы совершить свое путешествіе къ древу познанія, она выбрала день большого базара, когда отецъ, принужденный лично вести переговоры съ парижскими торговцами, не бываетъ дома до вечера, и часто остается ночевать въ гостиницѣ... И по дѣломъ ему... Она надѣла простое платье, одинъ изъ тѣхъ „простыхъ" нарядовъ богатыхъ женщинъ, которые уже сами по себѣ являются вызовомъ къ грабежу и убійству... Сѣрая суконная юбка „для прогулокъ", за которую порядочный портной беретъ не менѣе трехъ сотъ франковъ; модная шляпка, украшенная чайкой, съ распростертыми крыльями, съ желтымъ клювомъ, который спускается на вуаль. Украшенная бѣлыми арабесками, она слегка скрывала черты лица, точно покрывало замужней женщины для любовныхъ свиданій!

Горничная Полина была въ „ясляхъ", наводя чистоту на ребятишекъ, которыхъ барышня уже въ теченіе многихъ недѣль совсѣмъ забросила. Въ порывѣ благотворительности

можно основать ясли, но благотворительность длительная... это такъ скучно! На кухнѣ говорятъ: „Они даже ужъ не хотятъ варенія!“ Тогда къ чему же и заниматься дальше ребятами, которые дошли до такого пресыщенія!.. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, купить для каждаго изъ нихъ на два су здороваго, чистого воздуха!.. Прежде, чѣмъ выйти, Маргарита убѣдилась, что идетъ дождикъ. Отвратительная ноябрьская погода въ сентябрѣ мѣсяцѣ, грязь, вѣтеръ... Она чуть было не раздумала уже, раскрывая свой зонтикъ, но точно какая-то цѣпь влекла ее наружу, и, несмотря на прекрасно сшитую юбку, она чувствовала себя обнаженной Истиной, появляющейся изъ своего источника. Она уже достаточно заплесневѣла со своими разсужденіями! Она пойдетъ... Нѣтъ! Не пойдетъ! Этотъ черный человѣкъ способенъ на все! И онъ уже надсмѣялся надъ ней, потому что взялъ цвѣтокъ, а потомъ такъ и не показывался около голландской фермы. Изъ какого только матеріала сдѣланъ этотъ паяцъ, что онъ даже не слушается великосвѣтскихъ ниточекъ? Она пойдетъ, хотя бы для того, чтобы пристыдить его своимъ равнодушіемъ.

— Да!.. Нѣтъ!.. Уже четыре часа! Если я не отправлюсь сію же минуту, я ни за что не успѣю вернуться къ обѣду, а мнѣ еще нужно приготовить дессертъ. А что, какъ я встрѣчу кого-нибудь изъ рабочихъ пятичасовой смѣны?... Въ путь! Нѣтъ! Гдѣ портмоне?! Орелъ или рѣшотка! Если орелъ—иду, если рѣшотка... Чортъ! рѣшотка!.. Все равно пойду. А если я его не найду?.. Гдѣ можетъ быть этотъ бѣднякъ? Онъ тамъ, онъ попалъ въ капканъ нашего хорошаго воспитанія. Мы оставляемъ его спокойно жить на нашей землѣ, гдѣ онъ еще счастливъ, потому что мы имѣемъ право его выгнать, дрожащаго отъ холода, на проѣзжую дорогу, въ лѣсъ... такъ какъ онъ не платитъ за квартиру.

Эта утѣшительная мысль придала ей силы... обмануть своего отца.

Охъ! отецъ!.. Вмѣсто того, чтобы развивать соціальныя теоріи и говорить энергичныя рѣчи, онъ лучше бы рискнулъ на небольшой, но рѣшительный шагъ: повернуть ключъ въ замкѣ дѣвственной комнаты раньше, чѣмъ отправиться самому искать приключеній.

Она добралась до опушки лѣса въ сумеркахъ, никого не встрѣтивъ на тропинкахъ полей орошенія. Вытерла свои маленькіе ботинки носовымъ платкомъ, обшитымъ кружевами, и бросила его, но потомъ заботливо подобрала: онъ былъ съ мѣткой. Этотъ грязный платокъ въ карманѣ положилъ начало мученіямъ провинившейся дѣвушки. Она дотронулась до него, и ея пальцы стали влажными, несмотря на перчатки. Наконецъ, она робко постучалась въ заклятую дверь.

— Какъ, это вы? Вы?—сказалъ съ изумленіемъ Фульберъ, разглядѣвъ элегантный женскій силуэтъ на порогѣ своего шалаша.

— Да, не ждали?—Она вошла, точно бросилась въ море съ высокой скалы.

— Нѣтъ, я не ждалъ васъ. Да и какого чорта мнѣ было ждать васъ?

При свѣтѣ свѣчи, воткнутой въ бутылку, она разглядывала это гнѣздо своихъ желаній. Домикъ былъ очень умѣло подправленъ. Крыша заложена желѣзными листами. Въ маленькомъ очагѣ краснѣлъ огонь подъ чугуномъ, гдѣ варились овощи, распространяя приторный запахъ. Простая кровать, единственная мебель, была покрыта попоной, коричневой съ сѣрыми полосами, и чувствовалось, что тюфякъ подъ ней въ полномъ порядкѣ. Все было прибрано, относительно чисто, но какъ убого! Еще чернѣе и еще ободраннѣе, чѣмъ при послѣднемъ посѣщеніи голландскаго павильона, онъ разсматривалъ ее, угрюмый, точно сова, обезпокоенная свѣтомъ. Она вымолвила, наконецъ, тономъ маленькой дѣвочки:

— Я зашла къ вамъ *мимоходомъ* занести иголки и нитки, которыя вы, помните, просили у меня въ тотъ день, когда былъ министръ.

Онъ разразился страннымъ смѣхомъ.

— Иголки и нитки! Почему бы и не одну изъ вашихъ рубашекъ, о, нелѣпая куколка! Ну, садитесь-ка, вотъ здѣсь на моей кровати, это мѣсто почти чистое; да поднимите вуаль, чтобы я могъ видѣть ваши сапфировые глаза. Вѣдь точно такъ выражаются и въ „Журналѣ для молодыхъ дѣвицъ“, не правда ли? И, пожалуйста, не стѣсняйтесь, врите, сколько вамъ угодно. Вѣдь вы, дѣйствительно, всегда врете.

Очень встревоженная такимъ пріемомъ, она пролепетала:

— Я... я не должна была приходить...

— Въ особенности *мимоходомъ*. Мимо меня не ходятъ. Если кто сюда попадаетъ, то такъ и остается. Мой шалашъ не представляетъ изъ себя заманчивой цѣли отдаленныхъ прогулокъ; а вашъ папаша, они какъ изволятъ поживать?

— Папа дома,—поторопилась она отвѣтить,—и онъ поручилъ мнѣ....

— Довольно!—рѣзко оборвалъ ее молодой человѣкъ; его челюсти судорожно двигались нервнымъ, угловатымъ движеніемъ.—Приходите, если вамъ угодно доставить удовольствіе себѣ или мнѣ, но только не разсказывайте *арабскихъ сказокъ*. Я прекрасно видѣлъ сегодня утромъ, какъ вашъ папаша отбылъ на автомобилѣ.

Маргарита поднялась.

— Вы очень злой!—сказала она дрожащимъ голосомъ.

— Я стараюсь нагнать на васъ страхъ. Развѣ вы не за этимъ зашли мимоходомъ?.. Нѣтъ! Нѣтъ! Не уходите такъ скоро. Я—чудовище, буду болѣе искрененъ. Я такъ васъ ждалъ, въ самомъ дѣлѣ... Во всякомъ случаѣ, вполнѣ достаточно, чтобы имѣть право задержать васъ на пять минутъ. Я васъ ждалъ, сначала мало, затѣмъ очень страстно, потомъ совсѣмъ пересталъ. Въ сущности, я всегда жду женщину... но буржуазность всякаго рода наводитъ на меня ужасъ. Это мой психозъ (Онъ засмѣялся и властнымъ жестомъ дотронулся до ея плеча). Останьтесь минутъ на пять и передайте мнѣ ваши иголки.

Она послушно протянула ему хорошенькую сумочку изъ голубого сатина, куда положила иголки, нитки и даже шелкъ.

— Благодарю, великолѣпно, а главное очень полезно для меня, въ особенности бѣлый шелкъ.

Это былъ моментъ полнаго замѣшательства. Она сидѣла, корректная, точно на оффиціальномъ визитѣ, то завязывая, то развязывая концы своей вуали подъ фосфорическими взглядами молодого человѣка, стоявшаго рядомъ съ ней.

— Я не могла придти раньше,—созналась она, уступая его заклятіямъ,—потому что отецъ запретилъ мнѣ интересоваться вами.

— А, въ добрый часъ! И вы нарушили его повелѣніе?

— Послушайте меня,—начала снова Маргарита,—я пришла умолять васъ прекратить этотъ ужасный образъ жизни, который вы выбрали... противъ своей воли. Мнѣ такъ больно при мысли, что вы страдаете отъ холода и голода въ этомъ шалашѣ, гдѣ дуетъ и течетъ изъ всѣхъ щелей. Я явилась сказать вамъ, что нужно забыть ваше прошлое, вамъ злому буревѣстнику, и свить себѣ болѣе прочное гнѣздо. Мой отецъ не предлагаетъ вамъ уже больше обрабатывать землю на поляхъ орошенія; я сообщила ему, что вы баккалавръ; вы сможете получить мѣсто счетовода въ нашей конторѣ, подъ его личнымъ управленіемъ, минуя столовую для рабочихъ и сараи. Не особенно-то пріятно входить въ близкія сношенія съ нашими крестьянами... Вы понимаете меня, Фульберъ? Я не могу больше спать, я совсѣмъ больна, зная, гдѣ вы находитесь, и представляя, какъ вы заброшены.

Фульберъ сѣлъ рядомъ съ ней, гораздо болѣе взволнованный, чѣмъ хотѣлъ это показать.

— И... вы понимаете, вы—сами, что вы мнѣ только что сказали, Маргарита... Вы отдаете себѣ ясный отчетъ, что вы мнѣ предлагаете?

Она улыбнулась загадочной улыбкой.

— Я вамъ не предлагаю больше того, что мнѣ было позволено вамъ предложить.. господинъ Фульберъ. Безъ сомнѣнія, вамъ необходимо это рѣшить самому вмѣстѣ съ моимъ отцомъ. Отецъ ни за что не захочетъ, чтобы вашъ отвѣтъ былъ доставленъ ему мной. Я вамъ сейчасъ все разскажу: служащіе конторы живутъ въ павильонѣ, у нихъ очень сносныя помѣщенія: это не простые рабочіе. Есть даже одинъ такой, что навѣрно теперь пишетъ стихи, въ эту безотрадную пору. Папа находитъ, что они обыкновенно черезчуръ завалены счетами въ разгаръ сезона отправки фруктъ... съ вами... это, можетъ быть, какъ-нибудь, устроится.

— А мой анархизмъ?

— Вы не будете заниматься политикой... вотъ и все.

Фульберъ снова разразился смѣхомъ, но уже не такимъ рѣзкимъ, какъ прежде.

— Вы очаровательны, Маргарита. Но, насколько я помню, Іисусъ Христосъ, авторъ столь славнаго трактата о нравственности, говорилъ, что милосердіе - псевдонимъ любви. И если я сдѣлаю такъ, какъ вы хотите, то развѣ вашъ отецъ не навообразитъ себѣ Богъ знаетъ что...

— Ну, хорошо,—отвѣтила Маргарита, все еще улыбаясь,— мы подпишемъ нашъ договоръ какимъ угодно псевдонимомъ. И это не въ первый разъ женщина приметъ на себя оскорбленіе Іисуса Христа.

— О, это слишкомъ тонко,—проворчалъ Фульберъ,—я предпочелъ бы отвѣтить пощечиной.

Она выпрямилась, стройная въ своемъ прекрасно сшитомъ платьѣ.

— Не всѣ буржуа глупы, милостивый государь.

— Да, но всѣ женщины сумасшедшія... Вы мнѣ дадите время на размышленіе?

Она пожала плечами.

— Размышлять... когда васъ, того гляди, затопятъ осенніе ливни.

— Дѣйствительно... не мѣшало бы принять холодный душъ послѣ этой чудесной исторіи съ очаровательной дѣвушкой, являющейся спасать меня во имя чистаго Милосердія... это немножко охладило бы мнѣ мозги. Должно быть, я съума сошелъ!

— Я ухожу... Поздно... Папа долженъ вернуться изъ Парижа къ обѣду.

— Нѣтъ! Онъ не вернется... Я въ этомъ увѣренъ. Дайте-ка мнѣ руку.

Она сняла перчатку, медленнымъ движеніемъ маленькой змѣйки, мѣняющей кожу.

— Извольте.

Онъ наклонился и съ любопытствомъ разсматривалъ со всѣхъ сторонъ ея руку.

— Я всегда боялся руки женщины. Она напоминаетъ лапу лягушки или мыши, что-то маленькое, мягкое, узкое, скользкое. Въ хрупкости этой вещи заключается ея главная опасность. До нея дотрагиваются только для того, чтобы потрепать ее или погладить, и никогда не бываютъ удовлетворены пожатіемъ. И подумать только: есть мужчины, которые ошалѣваютъ до того, что просятъ... руку.

— Одну только руку?

— Увы! Все остальное нисколько не лучше... Какъ, вы уже способны говорить двусмысленности! Оригинально для молодой дѣвицы!

И пристально смотря ей въ глаза, онъ прибавилъ:

— Берутъ въ жены также и тѣхъ, чью руку... только почтительно цѣлуютъ.

Она покраснѣла подъ его упорнымъ взглядомъ, но и послѣ ея словъ у нея сохранилась все та же наивная, полудѣтская улыбка. Она не поняла.

— А ну васъ! Вы беретесь за игру, не имѣя о ней никакого представленія. И по моей винѣ запоздаетъ обѣдъ для вашего папаши. Прощайте, Маргарита. Не ходите больше мимо... Я—не игрушка для маленькихъ дѣвочекъ.

И онъ моментально вытолкнулъ ее вонъ и захлопнулъ дверь.

Маргарита бросилась бѣжать, счастливая отъ всѣхъ оскорбленій, какъ будто вмѣсто нихъ она нашла въ этой берлогѣ нѣжный и ласковый пріемъ.

Когда-нибудь настанетъ день, и она узнаетъ, какъ свертывать головы паяцамъ. Нужно многимъ изъ нихъ сломать шею, чтобы стать такой, чью руку почтительно цѣлуютъ... иначе говоря такою, какихъ берутъ въ жены.

VII.

Посѣщеніе Марка.

— Здравствуй, Фуль! Ну, и погодка!

— Здравствуй, Маркъ. Погода, дѣйствительно, не совсѣмъ подходящая для того, чтобы журналистамъ высовывать носъ на улицу, и я тебѣ очень благодаренъ за то, что ты пришелъ.

Маркъ въ свѣтломъ пальто, съ бобровымъ воротникомъ, сбивалъ съ мѣха легкими щелчками хлопья снѣга. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, хорошо сло-

женный, здороваго вида, подающій большія надежды на то, чтобы ожирѣть впослѣдствіи, а пока розовый и хорошенькій, какъ женщина. Изсиня черные волосы лежали волнистой полосой надъ узкимъ лбомъ; маленькіе усики влюбленно оттѣняли нѣсколько вялый ротъ. Тускло глядѣли глаза подъ странно тяжелыми вѣками; глаза безъ души, въ которыхъ сверкали лишь животные огоньки. Онъ отряхивалъ мѣхъ жестами, заученными, спокойно-изящными; будь онъ помоложе, они, пожалуй, сошли бы за манеры свѣтскаго человѣка.

Совершенно автоматически онъ снялъ съ себя пальто и искалъ глазами, куда бы его повѣсить. Разоблачившись, онъ напомнилъ собой куклу, только что вынутую изъ коробки, вылощенный, нарядный, застегнутый на всѣ пуговицы.

Онъ заговорилъ.

— Да, мой бѣдный Фуль, у васъ тутъ хоть волковъ морозь, и что у тебя за странная идея—жить зимой на дачѣ.

Фульберъ указалъ ему жестомъ на свою кровать:

— Садись, вотъ тутъ. Это лучшее кресло... моей дачи.

Маркъ сѣлъ, положивъ ногу на ногу, и улыбался самой сердечной улыбкой. Удивляться онъ не могъ. Принципы снобизма запрещали ему выражать изумленіе дурного тона передъ оригинальнымъ поведеніемъ его друга. Молодой репортеръ почти никогда не смущался, а особенно когда думалъ, что въ его интересахъ именно не смущаться.

Ничто такъ не поддерживаетъ пріятельскихъ отношеній, какъ вполнѣ естественный видъ, съ которымъ принимаютъ самыя необычайныя вещи и положенія. Міръ управляется непреложными законами, и только, можетъ быть, свѣтскостью чистой воды удастся передѣлать существующій порядокъ. Негодованіе или печаль свою нужно обнаруживать только тогда, когда находишь это необходимымъ У каждаго есть свои тайны, свои интимныя нужды. Умѣніе жить нерѣдко даже заставляетъ не знать, какъ живетъ сосѣдъ, игнорировать его *подпочву.*

— Я радъ, Фуль, — сказалъ Маркъ церемонно нѣжнымъ тономъ.—Почти пять лѣтъ, какъ мы потеряли другъ друга изъ вида.

— ...И изъ сердца?—прошепталъ Фульберъ.

— Нѣтъ, мой милый. Мы все еще любимъ другъ друга, какъ и въ коллежѣ... но только теперь, какъ мужчины, и я надѣюсь тебѣ это доказать. Твое письмо доставило мнѣ большое удовольствіе. Когда я узналъ твой почеркъ, я хлопнулъ себя по лбу и воскликнулъ: да это Фуль! Этотъ

старый чортъ Фуль! Онъ все еще сохранилъ свою манію говорить то, что думаетъ. Ахъ, проклятый Фуль!

Фульберъ очень серьезно смотрѣлъ на своего друга. Его маска страдающаго, почти загнаннаго звѣря растянулась въ гримасу. Онъ не умѣлъ улыбаться добродушно и сталъ насмѣхаться.

— Ну и дѣла, Маркъ! Мы любимъ другъ друга, какъ мужчины, а ты мнѣ даже руки не протянулъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не мѣшало бы пожать руку мужчинѣ. Я никого не вижу, я живу, какъ тигръ, посаженный на цѣпь. Иначе говоря: я свободенъ, ты понимаешь?

— Я радъ, Фуль! — отвѣтилъ Маркъ, который ничего не понималъ.

Все тѣло Фульбера трепетало подъ лохмотьями отъ волненія, онъ подошелъ и почти упалъ рядомъ со своимъ старымъ школьнымъ товарищемъ.

Тотъ не отодвинулся, хотя ему и очень хотѣлось.

— Надо отдать тебѣ справедливость, мой милый Маркъ, ты похожъ на мужчину, но отъ тебя все еще несетъ дѣвицей,—заявилъ Фульберъ и его тонъ, несмотря на обычную грубость языка, сталъ гораздо мягче.

— Послушай, Фуль, вѣдь не для того же ты пригласилъ меня сюда, въ декабрѣ, чтобы точить лясы? Мы уже больше не дѣти...

Фульберъ положилъ ему на плечо свою тяжелую руку.

— Нѣтъ, - сказалъ онъ хриплымъ голосомъ,—мы несчастные животныя, которымъ не повезло: одинъ угодилъ въ чернила, другой въ г...

И онъ просто выплюнулъ это слово.

— Знаешь, Фуль, не отпускай такихъ словечекъ. Послѣ коллежа я отвыкъ слышать гадости.

— А привычка дѣлать ихъ, мой милый, у тебя сохранилась?

Маркъ поднялся. Его тонко нарисованныя брови съежились и собрались въ комокъ, точно піявки, которыхъ полили уксусомъ.

— Фуль... можетъ быть, мнѣ уйти?

— Не въ одно время со снѣгомъ. Ты промочишь свои великолѣпные башмаки. Странная идея явиться сюда, въ декабрѣ (онъ подчернулъ это слово), въ декабрѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ! Можно подумать, что у тебя только одна пара...

Маркъ попробовалъ засмѣяться:

— Это цинично, Фуль. Хочешь, помѣняемся?

Фуль посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на свои стоптанные башмаки, въ которыхъ его изящныя очень тонкія ноги свободно болтались, безъ чулокъ.

— Не стоитъ,—сказалъ онъ,—у меня ноги меньше твоихъ, и потомъ это опечалило бы моего брата, Іисуса Христа. Онъ ходилъ босикомъ, хотя и былъ невиненъ. Я же—преступникъ и имѣю право на свои скверные сапоги.

— А ты,—замѣтилъ Маркъ, рѣшившійся все перенести отъ своего стараго товарища,—а ты все еще братаешься съ богами и королями?

И онъ прибавилъ доброжелательнымъ тономъ:

— А, говоря между нами, ты, повидимому, не особенно много выигралъ отъ того, что никогда и ни въ чемъ не зналъ мѣры?

Фульберъ потянулся и печально зѣвнулъ.

— Развѣ человѣкъ знаетъ, что съ нимъ! Я, можетъ быть, теперь на порогѣ счастья, счастья неслыханнаго. Только я еще размышляю, ощупываю себя... я спрашиваю себя, стоитъ ли нагибаться... потому что вѣдь счастье приходится подбирать: никто вамъ его не дастъ прямо въ руки. Съ одной стороны, я вижу передъ собой все общество въ ужасѣ, а съ другой стороны, я совершенно не желаю, только потому, что я человѣкъ интеллигентный, дарить свою интеллигентность обществу. Я ему ничего не долженъ. Я даже думаю, что оказываю ему услугу, освобождая его отъ врага, отъ одного изъ тѣхъ совратителей душъ, въ сравненіи съ которымъ ты, мой старый Маркъ, являешься или являлся Іоанномъ-Крестителемъ. Я чувствую, что среди моей зимы наступаетъ весна, близится мое возрожденіе, и, среди своихъ нечистыхъ волнъ, земля, моя обѣтованная земля, изрыгаетъ цвѣтокъ. Цвѣтокъ, Маркъ!... Единственное твореніе, которое заставляетъ вѣрить въ Бога, потому что оно безполезно и очаровательно. Ты помнишь?.. Въ свое время, въ коллежѣ, я не любилъ цвѣтовъ, потому что я не отдѣлялъ ихъ отъ женщинъ, а къ нимъ, благодаря твоимъ проповѣдямъ, я испытывалъ самый священный ужасъ. Цвѣтокъ былъ запретною вещью, запахомъ пола. Запахъ, это—гніеніе. Онъ распространяется химически такъ же, какъ зараза. Я иногда мечталъ о цвѣткѣ безъ запаха, такомъ бѣломъ, такомъ чистомъ, такъ похожимъ на *звѣзду въ небѣ*, что бы его можно любить безъ постыдныхъ осложненій поцѣлуя. Нашъ братъ Іисусъ Христосъ прекрасно понималъ цѣну идеальной женщины. И если онъ не смогъ реабилитировать Магдалину (онъ, можетъ быть, и умеръ изъ-за этого!), то онъ провозгласилъ дѣвственницей свою мать, открывая передъ нами, кромѣ крестнаго пути на Голгоѳу, истинный путь къ сладострастію чистоты, доходящему до нелѣпостей. Маркъ, мнѣ кажется, что я готовъ полюбить дѣвственницу великою любовью... Только я не осмѣливаюсь, и такъ какъ я никого и

никогда не любилъ любовью химически чистой, кромѣ тебя, то мнѣ хотѣлось бы исповѣдаться передъ тобой прежде, чѣмъ рѣшиться.

— Рѣшиться? Какая добросовѣстность!—вставилъ Маркъ, все время разглядывая холодную лачугу и убогую обстановку, и думая о томъ, что у того, кто держитъ передъ нимъ такую странную рѣчь, нѣтъ ни сапогъ, ни дровъ.

— Согласиться, смириться, мнѣ—королю, то есть самому разуму?

— Да гдѣ мы съ тобой находимся, скажи, пожалуйста, Фуль? Въ несчастномъ шалашѣ?

— Я, Маркъ, не сбѣсился, я говорю съ тобой, не принимая во вниманіе окружающей среды. Смыслъ вещей лежитъ надъ ними. Мои дѣйствія всегда натыкались на эту декорацію. Я ее терпѣлъ, не жалуясь. Да и кто ты самъ, чтобы осмѣлиться считать меня сумасшедшимъ? Ты когда-то хотѣлъ, чтобы мы стали священниками.

— Замѣчаешь ли ты, — отвѣтилъ Маркъ,—что время не двигается для тебя, мой милый Фуль. Ты остался все тѣмъ же непримиримымъ спорщикомъ, приходящимъ въ изумленіе передъ самымъ обычнымъ въ жизни, стремящимся къ чему-то необычайному, готовымъ на все и ни на что негоднымъ, котораго первое встрѣчное погибшее созданіе водитъ за носъ. У тебя нѣтъ пороковъ. Твое письмо еще разъ показало мнѣ это. Есть вещи, о которыхъ никогда не пишутъ, если ихъ смыслъ ясенъ. Оставь меня въ покоѣ съ твоей гордостью. Тебѣ нужно пять франковъ? Я могу подарить тебѣ даже десять. Подарить, но не дать въ долгъ. Я принципіально не даю въ долгъ, это вноситъ путаницу въ мои разсчеты, приходится нѣсколько разъ начинать ихъ сначала. Лучше давай поговоримъ, какъ два друга, встрѣтившіеся въ одной гостиницѣ, послѣ длинныхъ, совершенно различныхъ путешествій, и постараемся разстаться, не разсердившись другъ на друга. Мы съ тобой воспитанные молодые люди, не правда ли? Если я являюсь по твоему первому зову, бросивъ всѣ дѣла, это значитъ, что я еще сохранилъ къ тебѣ старую привязанность, а вовсе не то, что я желаю снова выслушивать разныя школьныя теоріи... Къ чорту Платона съ его ошибками! Довольно намековъ, Фуль. Да, я слышалъ, товарищи разсказывали о тебѣ самыя необычайныя исторіи... Кажется, у тебя была любовница, какая-то съ бульвара... заработавъ, она возвращала тебѣ тѣ нѣсколько су, которыя ты тратилъ на нее. Я не настаиваю на этомъ. Всякій тянетъ лямку, какъ умѣетъ. Тѣмъ болѣе, что это была не барка, а корабль съ цвѣтами, хотя ты, въ качествѣ чудовища, и не любишь цвѣтовъ. Я за всевозможную сво-

боду... только не за ту, которая тащитъ тебя въ лѣсъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Я зналъ тебя, какъ сына почтенной семьи, и нахожу бродягу, босого, внѣ закона, заявляющаго, что онъ принцъ... принцъ разума! Я заключаю отсюда, что ты на дорогѣ къ сумасшествію, и это меня огорчаетъ, такъ какъ я все еще питаю къ тебѣ разумную привязанность. Я не мистикъ, Фульберъ, а впрочемъ... меня ничто не изумляетъ.

— Ничто тебя не изумляетъ!—прервалъ Фульберъ.—Тогда ты долженъ быть еще несчастнѣе, чѣмъ я. Жизнь—постоянное чудо. Что же ты сталъ совсѣмъ идіотомъ, несмотря на твой умъ свѣтскаго репортера?

— Ахъ! Фуль... по какому праву...

— Или лучше сказать,—продолжалъ настойчиво Фуль, —превратился въ какое-то животное, полу-змѣю, полу-человѣка, предпочитающее ползать, потому что оно догадывается, что опасно ходить спокойно на двухъ босыхъ ногахъ? Я заставилъ тебя явиться дѣйствительно для того, чтобы найти поддержку въ твоей привязанности, въ твоемъ чувствѣ. Предлагать мнѣ денегъ,—это еще мало. Твоя дружба мужчины, Маркъ, очевидно, богата лишь мелкой монетой!

Маркъ шагалъ по земляному полу хижины, выискивая чистыя мѣстечки, куда бы можно было поставить лакированные ботинки. Его удручалъ тотъ оборотъ, который приняла ихъ бесѣда, и особенно сознаніе того, что онъ теряетъ свое время.. Да, онъ не могъ терять своего времени, даже стоя лицомъ къ лицу съ интереснымъ психологическимъ случаемъ... потому что онъ былъ журналистъ.

Фульберъ съ королевской небрежностью растянулся на своемъ жалкомъ ложѣ. Онъ давалъ аудіенцію, и совершенно не думалъ о повседневной жизни, столь мало чудесной по своей природѣ.

— Я обезчещенъ въ твоихъ глазахъ, милѣйшій Маркъ, потому что я принималъ нѣсколько су отъ бульварной дѣвушки и, можетъ быть, такъ же и потому, что я приму отъ тебя тѣ сто су, которые ты мнѣ великодушно предлагаешь. Не правда ли, я, нищій владыка, нахожусь въ сношеніяхъ съ проституткой, но, я, я признаюсь въ этомъ, я исповѣдуюсь... А ты, ты, милый молодой человѣкъ, полный тайнъ изящества, ты пишешь статьи объ актрисахъ, о прекрасныхъ дамахъ, продающихся съ публичнаго торга; ты коммиссіонеръ ихъ ласкъ, коммивояжеръ ихъ любви. Конечно, ты порочнѣе меня. И ты мнѣ остаешься вѣренъ... какъ будто изъ страха! Я говорю тебѣ, что отъ тебя несетъ дѣвкой, всѣми дѣвками, ты сгнилъ отъ всѣхъ этихъ запаховъ. Эхъ! Послушай-ка ты, цвѣтокъ чумы! То, что у насъ

проявляется въ дѣтствѣ, остается навсегда. Ты нѣкогда эксплуатировалъ мою душу, но, самъ безъ души, ты продолжаешь эксплуатировать души своихъ сосѣдокъ и сосѣдей, даже не зная какъ слѣдуетъ, что въ нихъ заключается. Ты продолжаешь умѣрять свои жесты и движенія, но у тебя даже не можетъ явиться мысли освободить отъ чего-нибудь свои мозги: ихъ ничто не стѣсняетъ. Они пусты, какъ пуста твоя грудь (Фульберъ остановился, и у него вырвалось какое-то глухое рычаніе). И, однако, я люблю тебя отъ всего сердца. Я чувствую, что отмѣченъ печатью этой любви, такой смѣшной и такой прелестной. Все, чего только ты ни хотѣлъ отъ меня, я давалъ тебѣ. Я отдалъ тебѣ больше, чѣмъ мою мужскую честь, потому что тамъ, гдѣ любятъ, о чести не думаютъ. Ты теперь еще больше дѣвченка, чѣмъ въ восемнадцать лѣтъ. Ты, право, пытаешься снова сравнять меня съ собой. Роковымъ образомъ, мнѣ приходится унижать себя, чтобы ты могъ казаться рядомъ съ моими собственными ошибками болѣе высокимъ и болѣе мудрымъ. Я прошу тебя выслушать мою исповѣдь. Хочешь, не хочешь, но ты меня выслушаешь, Маркъ. Дѣло идетъ о моей первой любовницѣ... Ты меня слушаешь?

— Я думаю, — прошепталъ Маркъ, нервно вздрагивая, но все еще продолжая разсматривать свои ногти,—что совершенно нѣтъ никакой необходимости для того, чтобы намъ понять другъ друга, выдвигать на первый планъ женщинъ. Ты находишься въ безпросвѣтной нуждѣ, и ты хочешь, чтобы я, твой лучшій товарищъ, помогъ тебѣ изъ нея выкарабкаться.

— Новый оттѣнокъ,—замѣтилъ Фульберъ.—Ты уже говоришь теперь *товарищъ*. Только что я былъ *другомъ*. Слѣдуя за прогрессомъ своихъ новыхъ чувствъ, ты кончишь тѣмъ, что задушишь меня. Какого чорта ты только явился!

— Ты невыносимъ, Фуль! Я говорю *товарищъ*, потому что только это слово можетъ быть употребляемо между нами. Мы съ тобой были союзниками во всѣхъ удовольствіяхъ, но на годъ, на мѣсяцъ, на день — и ничто не связало насъ навсегда, даже...

Маркъ остановился, какъ будто поправляя галстухъ.

— Кончай!—закричалъ Фульберъ, вдругъ вскочивъ; глаза его горѣли фосфорическимъ блескомъ.

— ...Даже разныя гадости, которыя мы продѣлывали въ дортуарахъ школы, — пролепеталъ Маркъ, инстинктивно попятившись отъ вытянувшагося во весь ростъ Фульбера, который вдругъ поднялъ руку и быстро опустилъ ее; что-то заблестѣло въ его сжатомъ кулакѣ, который онъ поднесъ къ подбородку молодого человѣка.

— А это видишь?—рычалъ Фульберъ.

— Да что „это“, ты съ ума сошелъ! – вздохнулъ Маркъ, отворачивая голову.

— Говорятъ тебѣ, смотри на это, или смотри мнѣ прямо въ лицо. Выбирай!

Странное дѣло, Маркъ предпочелъ смотрѣть на то, что ему показывали въ протянутой рукѣ.

Это былъ серебряный браслетъ, на которомъ можно было прочесть выложенную бирюзой надпись: *Маркъ, вѣчный другъ Фульбера.*

— Несмотря на всю свою нищету, я еще сохранилъ эту вещь.

— Ну, что же, — возразилъ Маркъ, — это доказываетъ только, что бирюза – поддѣльная... Послушай, отдай это мнѣ! Эти дѣтскія игрушки иногда бываютъ очень неудобны впослѣдствіи.

Фульберъ бросилъ браслетъ къ ногамъ и раздавилъ, наступивъ на него голой пяткой.

— Подбирай его въ грязи, если хочешь... Да, у тебя вмѣсто сердца — поддѣльная бирюза, это я уже знаю. Ну, тѣмъ лучше. Теперь я свободенъ, и ты тоже. Ты больше не будешь меня бояться. А въ сущности, ты поэтому-то и пришелъ ко мнѣ, бросивъ всѣ остальныя дѣла. Отнынѣ мы очень корректные люди, старые *союзники*, по твоему деликатному выраженію. Я теперь дышу свободно, такъ какъ прекрасно вижу, что дѣтская дружба — пустяки. Послѣ этой законченной чистки у меня является надежда на тихое счастіе, на счастіе буржуазное... Боже мой, жизнь легка, когда жить умѣютъ! Ты благоразуменъ, у тебя нѣтъ страстей... ты ищешь только удовольствія, ты не знаешь мукъ разъѣдающей ревности, тебѣ невѣдомы поцѣлуи, несущіе ядъ. Славный маленькій Маркъ! Сядемъ здѣсь вдвоемъ. Больше не стоитъ разыгрывать изъ себя гордецовъ (Фульберъ положилъ руку на плечо Марка, который усѣлся съ видомъ полнаго достоинства). Я не лучше тебя, а даже гораздо хуже. Какъ и ты, я прогнилъ отъ сладострастія, но я снова вернулъ свою чистую душу, я смылъ свое подлое прошлое, все очистилъ великолѣпнымъ преступленіемъ, самымъ страшнымъ преступленіемъ, какое только можетъ совершить человѣкъ, чтобы освободить себя отъ самаго ужаснаго рабства. Маркъ, я убилъ свою любовницу. Я зарѣзалъ Флору, когда она однажды вечеромъ спала на моей груди... Ты дрожишь? Тебѣ здѣсь холодно? Я въ отчаяніи! У меня нѣтъ дровъ со вчерашняго дня, и мнѣ приходится заставлять тебя щелкать зубами во время моей исповѣди. Это моя месть, очень жалкая месть за высоту

твоего положенія... свѣтскаго репортера. Я тебя дѣлаю моимъ судьей, можетъ быть, моимъ палачомъ, и показываю тебѣ зубы... Да, я убилъ Флору. Я воткнулъ ей ножъ въ грудь и ушелъ, даже не оглянувшись, какъ самый обыкновенный сутенеръ, удовлетворившій свою похоть. Я бѣжалъ всю ночь. Сначала я двигался по очень широкимъ улицамъ, залитымъ свѣтомъ, потомъ по узкимъ и темнымъ. Затѣмъ я очутился въ полѣ и заплакалъ, какъ заблудившійся ребенокъ. Я кричалъ, я звалъ на помощь эту дѣвушку. Развѣ она не была въ одно и то же время моей матерью и моей любовницей? И снова я принимался бѣжать все прямо, впередъ, куда глядятъ глаза. По дорогамъ, по тропинкамъ, вдоль линій желѣзныхъ дорогъ, вдоль бороздъ вспаханной земли... Развѣ я зналъ что-нибудь? Одинъ моментъ у меня было безумное желаніе пойти повидать тебя и попросить, чтобы ты меня утѣшилъ. Я жилъ всегда только для моихъ страстей, я никогда не умѣлъ различать удовольствія отъ любви, страданія отъ сладострастія, настоящей бирюзы отъ голубого сургуча. Рѣшительно я—круглый дуракъ! Подумать только, что изъ глубины своей души я осмѣливался кричать къ тебѣ. Да, я прямо угодилъ въ г..., какъ я уже имѣлъ честь сообщить тебѣ объ этомъ въ началѣ моей исторіи... Повидимому, оно служитъ основаніемъ всѣхъ обществъ. Теперь я собираюсь продолжать мой путь внутри его. Я хочу работать, хочу своими красными руками заставить его приносить плоды. Отъ этого все только лучше примется. Я стану, въ свою очередь, надсмотрщикомъ надъ рабами, надъ тѣми, которые переворачиваютъ *его* лопатами. Это воротитъ душу! И ты, Маркъ, поклонишься мнѣ низенько въ тотъ день, когда увидишь меня въ качествѣ торговца нечистотами.

Деньги не имѣютъ запаха, и я присовокупляю, что если нужно будетъ мнѣ имѣть какую-нибудь женщину, то это будетъ именно она. Среди этого громаднаго, зловоннаго болота растетъ одинъ цвѣтокъ, дѣвушка, такая глупая и такая женственная, что нѣтъ ничего легче завладѣть ею въ одинъ изъ весеннихъ вечеровъ.

Ахъ, старина! Какъ прекрасно это невѣдѣніе женщины. Въ него погружаются точно въ свѣтлую пучину рѣки, вдругъ потемнѣвшую отъ своей собственной глубины, и гибнутъ тамъ или выходятъ еще болѣе сильными, закаленными, готовыми ко всякой битвѣ. Я представлю себѣ дѣвство женщины, какъ очистительное омовеніе. Значитъ, я стану дѣвственникомъ, когда только захочу. Но имѣю ли я право желать этой дѣвушки, обладая еще только титуломъ убійцы? Здѣсь меня считаютъ,—о, трогательныя времена!—просто анар

хистомъ-любителемъ, что вообще представляетъ довольно таки сомнительную профессію. Ни солдатомъ, ни клеркомъ у нотаріуса, ни приказчикомъ я стать не могу, а, кажется, только эти этапы и приводятъ французскаго гражданина къ законному браку. Отецъ, почтенный буржуа, предложилъ мнѣ поступить къ нему въ секретари. И вотъ, моему воображенію представляется драматическій герой, похищающій сразу и кассу, и дочь. Я говорю тебѣ, старина, что все возможно, когда я есть я, все... даже сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова.

— Фульберъ,—прошепталъ Маркъ, страшно блѣдный,— ты пьянъ или галлюцинируешь отъ истощенія. За что ты убилъ эту Флору?

— Ахъ, да! за что? Я не знаю. Я надѣялся узнать это сейчасъ. Теперь я объясню тебѣ... Я надѣялся узнать это въ тотъ моментъ, когда думалъ, что ты можешь понять все. Я губилъ ее... Только это одно несомнѣнно. Я не пьянъ, нѣтъ, но хотѣлъ бы испить другого яда. Я любилъ Флору.

Онъ помолчалъ минуту и продолжалъ глухимъ голосомъ:— Я не помню, говорилъ ли я ей это когда-нибудь.. Это была ужасная женщина, и изъ устъ ея я пилъ ужасъ. До сихъ поръ я еще не освободился отъ этого опьяненія. Если я не найду забвенія въ другой чашѣ, я умру. Я хотѣлъ тебя видѣть, чтобы довѣрить свою тайну. Я не читалъ газетъ, я больше ничего не знаю о своемъ преступленіи, и долгіе мѣсяцы жилъ я, не получая никакихъ новостей изъ внѣшняго міра. Конечно, я не спрашивалъ мѣстныхъ жителей, не знаютъ ли они чего-нибудь по этому поводу. Я оставался въ полусонномъ спокойствіи животнаго.

Маркъ сдѣлалъ сверхчеловѣческое усиліе надъ своимъ кривляніемъ и схватилъ за руку стараго товарища.

— Поговоримъ, Фуль, нѣсколько болѣе разсудительно. Предположивъ, что это убійство не есть какой-нибудь кошмаръ твоего воображенія, скажи, какъ ты ударилъ эту дѣвушку?

И онъ оглядѣлся, чтобы увѣриться, что никто ихъ не слышитъ.

Фульберъ закрылъ глаза и опустилъ голову.

— Ударилъ изо всѣхъ силъ. Кровь брызнула въ лицо... я вышелъ изъ комнаты съ теплыми, влажными пальцами. Потомъ я не помню. Повторяю, всю ночь я бѣжалъ. Этотъ путь черезъ Парижъ и предмѣстья, казалось, тянулся цѣлый годъ. Когда я упалъ, я очутился около этой національной фермы. Флашеръ... Вотъ... Я ударилъ ее, я въ этомъ увѣренъ, ударилъ, собравъ всѣ свои силы, потому что такъ было нужно.

— Почему? Подумай прежде, чѣмъ отвѣтить. Ты что—маніакъ, садистъ, субъектъ, который...

Фульберъ снова поднялъ голову.

— Я—то, чѣмъ я быть долженъ сообразно логикѣ моего сознанія, но независимо отъ всѣхъ соціальныхъ и даже человѣческихъ законовъ. Избавь меня, Маркъ, отъ разныхъ медицинскихъ теорій. Флора меня обожала. Я ей обязанъ всѣмъ, то есть, нѣкоторымъ количествомъ пищи...

Маркъ слегка засмѣялся героическимъ смѣхомъ сильнаго человѣка.

— Это не мало, мой бѣдный мальчикъ.

— Это слишкомъ много, потому что я всегда испытывалъ ужасъ при мысли, что въ лицѣ своей любовницы я могу любить своего хозяина! А я ее любилъ, противъ своей воли, и убилъ, чтобы не сказать ей этого.

— Ты совсѣмъ спятилъ! По такимъ поводамъ не совершаютъ преступленій.

— Да, Маркъ! Существуетъ что-то абсолютное, но тебѣ не понять, ты всегда самъ существовалъ только относительно...

— Благодарю покорно!—возразилъ Маркъ возмущенно.—Ты-то хорошъ! абсолютная реальность! Сутенеръ! убійца! И мечтаешь еще о новомъ растлѣніи и грабежѣ... цѣлый букетъ!

— А ты забылъ, мой милый малютка... конечно, изъ стыдливости,—вставилъ Фульберъ, говоря гораздо медленнѣе.—Я такъ плохо началъ (Фосфористые огоньки погасли въ глазахъ фавна)! Я только человѣкъ, мой бѣдный Маркъ, человѣкъ страстный, грустный.

— Я вижу, но вѣдь это не можетъ быть терпимо ни тобой самимъ, ни другими, и потомъ, кромѣ абсолютнаго, существуетъ еще полиція...

— О!—издѣвался Фульберъ,—ты, ты человѣкъ... веселый, и полиція тебя терпитъ.

— Достаточно!—закричалъ Маркъ, надѣвая рѣшительнымъ движеніемъ пальто:—фразы наводятъ на меня ужасъ, мнѣ противна литература въ жизни. Я предпочитаю продавать ее, литературу. Если у тебя хватаетъ храбрости убивать дѣвушекъ, то я предпочитаю въ своей смиренной роли самому жить и давать жить имъ ихъ же красотою. Я отстаиваю сложившіяся у меня мнѣнія, которыя даютъ мнѣ возможность наслаждаться жизнью по своему, не отправляя никого на тотъ свѣтъ. Женщины, это—орудія сладострастія и ихъ не слѣдуетъ ломать безъ всякой пользы; наоборотъ, необходимо умѣть пользоваться ими во время и кстати. Теперь пробиться въ свѣтъ безъ женщины очень трудно, онѣ—

это есть Законъ и Пророки. Только ихъ нужно выбирать въ извѣстной средѣ. Твоя Флора была проституткой самаго низшаго разбора, и, значитъ, не способна оказывать тебѣ услуги. Въ Парижѣ всегда можно найти чѣмъ жить, мой милый Фуль, конечно, только если ты не самый обыкновенный сумасшедшій... Ну, закончимъ наши разговоры. Я предлагаю тебѣ, во имя старой дружбы — золотой, все, что со мной имѣется. Не дури и прими его, такъ какъ сюда я больше не загляну, я не желаю впутываться даже морально въ эту грязную исторію. Если тебя должны арестовать, то ты узнаешь объ этомъ и безъ моего вмѣшательства!

Фульберъ, стоявшій прислонясь къ стѣнѣ своего сырого дома, почувствовалъ, какъ холодъ добрался до самаго сердца.

— А если я, въ одинъ прекрасный день, буду вѣнчаться съ M-lle Маргаритой Давенель, ты удостоишь мою свадьбу своимъ посѣщеніемъ? — подсмѣивался онъ, стараясь сдержать себя.

— Обѣщаю тебѣ самый тщательный и подробный отчетъ въ газетѣ,—сказалъ Маркъ, тоже показывая видъ, что смѣется,—но для тебя будетъ гораздо лучше исчезнуть изъ этой мѣстности, земля которой, несмотря на свои свойства, не принесетъ тебѣ счастія. Я думаю, M-lle Давенель—созданіе, надѣленное здравымъ смысломъ. За сумашедшихъ, вродѣ тебя, замужъ не выходятъ. Убійца ты или совсѣмъ сумасшедшій, все равно ты одинаково опасенъ. Я повторяю тебѣ: тебѣ не хватаетъ порочности. Порокъ въ нашу эпоху—это вся философія. Теперь не существуетъ ни влюбленности, ни радости, ни гнѣва, существуетъ одна лишь порочность, то есть стремленіе приспособить свою духовную сущность ко всякимъ положеніямъ вмѣсто того, чтобы ускорять развязку. Я вполнѣ представлю себѣ преступленіе съ практической цѣлью: я понимаю карманщика, громилу или депутата, берущаго взятки, но преступленіе по страсти, безъ всякихъ мотивовъ, изъ-за какихъ-то тамъ исторій съ совѣстью... Ахъ! нѣтъ! Это, можетъ быть, полезно только для психологовъ, а психологи, старина, нынче больше не въ модѣ. Рисковать попасть на гильотину изъ-за какой-то дѣвки...

Фульберъ стиснулъ зубы.

— Молчи! Я запрещаю тебѣ оскорблять эту женщину.

— Ну! Эту почтенную женщину, которую ты убилъ. (Онъ счелъ благоразумнымъ прыснуть со смѣху). Это уже черезчуръ! Я долженъ ее уважать?.. Нѣтъ, окончательно, ты не въ своемъ умѣ. Я въ отчаяніи, что оскорбилъ тебя въ лицѣ тѣни. Однако, обязанности моей профессіи требуютъ моего присутствія въ другомъ мѣстѣ, а не у бѣшенныхъ волковъ, я ухожу! Разъ, два, хочешь золотой?

— Нѣтъ, онъ окажется фальшивымъ.

— Три.

Фульберъ колебался, его охватило головокруженіе. Это было не совсѣмъ то, чего онъ просилъ; однако, онъ умираетъ отъ голода, и завтра ему, быть можетъ, придется принять предложеніе Маргариты. Отправиться жить къ ней, около нея, дѣлать еще новое зло за добро, а кромѣ того, отказаться отъ своей свободы, отъ своего достоинства добровольнаго парія. А затѣмъ, можетъ быть, и вполнѣ естественный спускъ по этой лѣстницѣ преступленій: похитить дочь, обокрасть кассу, стать послѣднимъ изъ разбойниковъ, въ то время, какъ тебя еще считаютъ честнымъ убійцей.

— Ахъ! Флора! Флора! — повторялъ онъ, пристально смотря на землю, зачарованный какимъ-то бѣлымъ лучемъ, исходившимъ изъ комочка грязи.

Онъ нагнулся, собралъ обломки браслета и протянулъ ихъ Марку.

— На,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ,—я возвращаю его тебѣ за твой золотой. Въ послужный списокъ моего позора ты можешь вписать еще и шантажъ; теперь можешь отправляться, ты, по крайней мѣрѣ, уйдешь отсюда безъ угрызеній.

Маркъ осмотрѣлъ по одному кусочки металла и сунулъ ихъ въ карманъ пальто, которое заботливо застегнулъ.

— Ты всегда все преувеличиваешь, мой бѣдный Фуль! Мы только что разорвали преступный кругъ, вотъ и все, и такъ какъ ты ничего не смыслишь въ порокахъ... то до свиданья!

Маркъ вышелъ быстрыми шагами и скоро исчезъ за снѣгомъ, который падалъ мягко и молчаливо, точно лебяжій пухъ, покрывая и обѣляя всѣ мерзости земли.

— Флора!—плакалъ Фульберъ, кусая руки.

Животное, которое стонало въ немъ, не могло уже больше призывать на помощь. Онъ былъ брошенъ на самое дно пропасти. Надъ нимъ опустилась безпросвѣтная ночь. Темнѣй ея—лишь камера осужденнаго на смерть.

И полуплача, полуиздѣваясь, онъ далъ опредѣленіе своему положенію:

— Тоже подпочва!—промолвилъ онъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МИНУВШАЯ ВЕСНА.

(Разсказъ крымскаго татарина).

Да будетъ Аллахъ благосклоненъ! Я разскажу о себѣ такъ же правдиво, какъ Магометъ разсказывалъ о волѣ Аллаха.

Я—Асанъ, татаринъ, родился на Яйлѣ; тамъ выросъ, прожилъ тридцать зимъ и сейчасъ живу тамъ тридцать первую весну. Жены у меня нѣтъ, земли нѣтъ. Я люблю Крымъ, мою родину, но я больше люблю Турцію и великаго султана.

Святой Аллахъ однимъ дарилъ счастье утромъ, другимъ вечеромъ, а инымъ въ темную ночь. Ты получишь, можетъ быть, счастье и рано, но не радуйся: неизвѣстно, надолго ли оно останется съ тобой. Если же ты долго ждешь его, и оно не приходитъ,—не жалуйся: терпи. Я это говорю, потому что узналъ.

Въ прошломъ году былъ такой же, какъ и сейчасъ, май. Я былъ на одинъ годъ моложе и—насколько, не сочту—богаче. У меня была земля, я былъ хозяинъ. Долго-долго я работалъ, чтобы изъ пастуха стать настоящимъ хозяиномъ, долго ждалъ, когда куплю себѣ садъ, построю саклю, заведу своихъ овецъ. Дождался. Пересталъ быть пастухомъ, сталъ хозяиномъ. Это случилось въ прошломъ году.

Аллахъ благословлялъ меня каждое утро и каждый вечеръ. Весь Узеньбашъ видѣлъ это. Айшэ нравилась всѣмъ молодымъ и старымъ; жениховъ у нея было много. Она выбрала меня, и я назвалъ ее при всѣхъ: „невѣста“.

Это было мое счастье. Но развѣ у счастья нѣтъ враговъ? Есть. Счастье намъ даетъ Аллахъ. Но развѣ мы знаемъ, гдѣ начало нашего счастья и гдѣ его конецъ? Не знаемъ. Одинъ Аллахъ знаетъ порядокъ жизни.

На небѣ ярко свѣтятъ всегда однѣ и тѣ же звѣзды и всегда правильно передвигаются по своему пути. Аллахъ

слѣдитъ за этимъ и не терпитъ безпорядка. Но злой духъ сбрасываетъ иногда то одну, то другую звѣзду въ неизвѣстную пропасть. За ними Аллахъ посылаетъ свою вѣрную комету съ хвостомъ; за хвостъ цѣпляется сброшенная звѣзда и поднимается снова на свое святое мѣсто. Аллахъ всегда былъ и будетъ сильнѣе злого духа.

Также и человѣкъ подвластенъ волѣ Аллаха. Никто не сломитъ, не уничтожитъ человѣка, потому что самъ Аллахъ возвратитъ его на святое мѣсто.

Мы всѣ ждемъ счастья, высокой милости. Но раньше должны наступить испытанія, искушенія. Когда ихъ переживешь, о нихъ можешь разсказывать ясно и понятно. Я сказалъ: тотъ май былъ такой же, но все остальное было не то, что теперь. Я былъ въ городѣ. Онъ сейчасъ мнѣ кажется соннымъ, а тогда онъ ласкался у моря, весь каменный, весь нарядный, какъ невѣста, когда ее только что одѣли подруги. Я стоялъ на берегу и глядѣлъ то на Яйлу, то на далекія волны. Солнца уже не было. Въ городѣ былъ вечеръ; надъ домами и садами не было луны. Но за Никитой была луна. Это я замѣтилъ уже по легкому отблеску. Я бы хотѣлъ взбѣжать тогда на эти горы, откуда виденъ Узеньбашъ. Я бы узналъ каждую саклю, одну за другой, и ту, на крышѣ которой я дремалъ такъ часто, желая счастья. Если не глазами, то мыслью я бы увидѣлъ тамъ, какъ спитъ крѣпкимъ сномъ Айшэ; легкая шелковая чадра прикрываетъ ее. Возлѣ спитъ старуха Фатмэ. Семнадцать лѣтъ прошли, какъ она родила Айшэ, и семнадцать лѣтъ она охраняетъ ее отъ всего дурного и тягостнаго. Фатмэ еще вчера ворчала, что я мало живу на Яйлѣ, что не скоро дѣлаю свои дѣла въ городѣ. А какъ ихъ сдѣлаешь скоро, когда русскій господинъ не хочетъ облегчить татарина! Спитъ еще въ этой саклѣ маленькій князь. Девять лѣтъ, какъ родился онъ въ этомъ городѣ; его отецъ былъ безстыжій Умэръ— Умэра не уважаетъ ни одинъ честный татаринъ, — а его мать — дочь русскаго князя. Мальчикъ прожилъ всего два дня въ городѣ, а потомъ все время жилъ на Яйлѣ, въ Узеньбашѣ, у честной Фатмэ. Она взяла его, потому что Умэръ хотѣлъ его уморить, какъ котенка. Мальчика благословилъ Аллахъ, и ему дали имя—Али.

Всѣ трое спятъ. Я одинъ о нихъ думаю.

Но меня тамъ не было въ этотъ вечеръ, и я не зналъ ничего: покоенъ ли ихъ сонъ, хранитъ ли ихъ Аллахъ.

Вечеръ кажется долгимъ, тяжелымъ. Луны все еще нѣтъ. Стою у моря. Отъ турецкой земли летитъ вѣтеръ, но волнъ на морѣ нѣтъ. Тихо на водѣ. Потомъ смотрю—одна, двѣ, три, много-много чаекъ сидятъ,—глядятъ на богатый

городъ. Вездѣ ясные огни горятъ. На балконахъ сидятъ, ѣдятъ и пьютъ богатые люди, весело смѣются, играютъ. Чайки голодны: на свободѣ были онѣ—ничего не ѣли; сюда прилетѣли—ничего для нихъ нѣтъ. Вѣтеръ покружился немного и утихъ. Чайки прилетѣли и улетѣли. Это было похоже на сновидѣніе. Усэйнъ потомъ растолковалъ мнѣ, что это значитъ.

Въ старое время пришли сюда татары; отъ сильнаго султана ушли со своимъ княземъ, стали жить отдѣльно. Потомъ иные уходили и отъ мечетей Аллаха. Кто ушелъ отъ Аллаха, тотъ не остался правовѣрнымъ. Кто ушелъ отъ султана, тотъ не сталъ подъ защиту сильной власти. Много терпѣли татары! Потерпятъ еще больше! Такъ говорилъ Усэйнъ.

Все тотъ же вечеръ окутывалъ море и городъ, и горы. Все такъ же стою я надъ моремъ. Наконецъ, изъ-за Никиты вышла луна, и стало свѣтло въ городѣ, какъ въ Узеньбашѣ.

Было совсѣмъ поздно. Надо было спать. Но въ головѣ собралось много размышлеіній,—они прогоняли сонъ.

Смотрю на море. Вездѣ свѣтло, нигдѣ нѣтъ вѣтра, а у меня за спиной, какъ будто, что-то шумитъ. Шумъ слышенъ все больше и больше. Оглянулся: бѣжитъ Али. Онъ стучитъ чувяками, какъ крѣпкій жеребенокъ; руками машетъ, какъ горный соколъ крыльями; самъ задыхается и смотритъ большими глазами.

Много горькаго сказалъ мнѣ Али. Джэфэръ опять былъ у русскихъ; молодой Джэфэръ—братъ Айшэ, онъ не былъ на нее похожъ. Онъ пилъ съ ними русскую водку, а когда выпилъ много, сталъ говорить, что татаринъ такой же человѣкъ, какъ и русс ій. Потомъ они кричали.

Джэфэръ пришелъ домой и упалъ у самыхъ дверей своей сакли. Онъ всегда спитъ на конюшнѣ, но въ этотъ разъ не пошелъ туда. Онъ упалъ и громко бранился: бранилъ старуху Фатмэ за то, что она бѣднѣе русскихъ трактирщицъ, бранилъ Айшэ за то, что у нея женихъ небогатый,—нападалъ на Али за то, что не отпускаютъ его въ городъ продавать цвѣты, груши, виноградъ русскимъ господамъ. Старуха и Айшэ стали поднимать Джэфэра, а сами плачутъ. Джэфэръ билъ ихъ по-русски и кричалъ: „не боюсь Аллаха!“

Али, когда это разсказалъ, самъ испугался и закричалъ: „Иди, иди, Асанъ! Айшэ и Фатмэ могутъ пропасть отъ Джэфэра, имъ сейчасъ, навѣрно, плохо!“

Не своими шагами пошелъ я. Самъ сталъ думать. Мысли путались. Али бѣжалъ сначала сзади меня, а потомъ впереди.

Скоро я ходилъ изъ города въ Узеньбашъ. Битыя тропинки зналъ, какъ свое имя. А тутъ все мнѣ казалось долго, и разъ я чуть не повернулъ на скалу, съ которой оборвался годомъ раньше угольщикъ Бэкиръ,—онъ умеръ, а лошадь пришла сама въ деревню. Али увидѣлъ мой невѣрный ходъ, оттого и побѣжалъ впереди меня.

Приходимъ. Ночь только что прошла. Солнце глядѣло на татарскіе сады и сакли. Правовѣрные молились и выходили работать. Фатмэ и Айшэ были около овецъ. Джэфэръ спалъ.

Потомъ Джэфэръ всталъ и увидѣлъ меня. Нигдѣ не было тучъ; нигдѣ не было темно или страшно. Только въ саклѣ старой Фатмэ поднялась гроза отъ словъ и громъ отъ огромныхъ ногъ, да шумъ отъ кулаковъ Джэфэра. Хотя и было свѣтлое утро, но въ той саклѣ никто не видѣлъ ни солнца, ни неба. Трудно разсказать, что было.

Потомъ Джэфэръ ушелъ на Яйлу къ пастухамъ: онъ хотѣлъ продать скотъ и взять деньги. Фатмэ, Айшэ, Али остались въ саклѣ. Я ушелъ въ городъ.

Пришелъ. День уже кончился въ это время; солнце мало-мало уходило за Яйлу. Русскій господинъ не сталъ дѣлать мое дѣло: казенный онъ былъ и только хотѣлъ, чтобы его боялись. Ушелъ я на базаръ, встрѣтилъ Усэйна. Онъ зоветъ меня къ себѣ пить кофе: кофейная была у него самая пріятная во всемъ городѣ. Всегда я любилъ Усэйна и пошелъ къ нему поболтать. Богатый и умный былъ Усэйнъ; хорошій татаринъ. Аллахъ былъ много милостивъ къ нему. Но злой духъ и его сталъ мучить. Усэйнъ разсказалъ мнѣ свое горе.

Ему пишетъ младшій сынъ, котораго зовутъ Абла. Абла—русскій солдатъ; въ Костромѣ стоитъ его полкъ. Онъ сначала ничего не ѣлъ солдатскаго, только хлѣбъ, но голодалъ, а теперь ѣстъ свиное сало во щахъ и кашѣ; въ святой часъ онъ не можетъ молиться Аллаху,—онъ долженъ слушать русскія молитвы; онъ поститъ въ русскіе посты, а въ правовѣрный постъ только горько жалуется своей душѣ и пророку. Когда приходитъ „большой день", то главный солдатъ велитъ пить русскую водку. Несчастный Абла! Ему нельзя ничего сдѣлать по-татарски: коранъ говоритъ одно, а полковникъ въ „приказѣ" велитъ другое. Абла плачетъ отъ горя и хочетъ бѣжать. Конечно, онъ настоящій татаринъ; онъ скоро убѣжитъ въ правовѣрную страну султана. А тогда Усэйнъ не останется здѣсь, перестанетъ продавать кофе, зальетъ печь, въ которой варилъ его 34 года, и уплыветъ самъ по морю въ ту же счастливую страну.

Усэйнъ разсказалъ это и вздохнулъ. Солнце только что ушло за Яйлу. Кипарисы засыпали. Тихо дѣлалось въ воз-

духѣ. Въ печи виднѣлись горячіе угли. Мы сидѣли на балконѣ и молчали. Усэйнъ глядѣлъ на небо, я—на горячіе угли. Я вспомнилъ утро и пожалѣлъ Айшэ. Мнѣ думалось: намъ будетъ лучше, если мы оставимъ Джэфэра здѣсь, а сами всѣ—я, Айшэ, Фатмэ, Али—уѣдемъ: у свѣтлаго и великаго султана милости, правды и земли много. И я сказалъ Усэйну:

— „Ты—умный, Усэйнъ. Скажи: можетъ ли великій султанъ дать земли всякому?

— „Можетъ", — сказалъ Усэйнъ:—„очень можетъ. Вотъ смотри письма: все изъ Турціи".

Усэйнъ показалъ много писемъ.

— „Пишетъ зять мой Сали: пришелъ голый; позвали къ пашѣ; паша сказалъ султану; султанъ приказалъ; дали Сали большой садъ; 20 лѣтъ Сали не будетъ служить въ войскѣ, 10 лѣтъ не будетъ платить подати; живетъ Сали и благодаритъ Аллаха у себя и въ мечети. Тоже Мэмэтъ пишетъ: богатый сталъ, какъ паша, ничего никому не платитъ, имѣетъ все и женился тамъ на Гульзадэ; она самая красивая была турчанка. Всѣ пишутъ: пріѣдутъ въ Константинополь; оттуда—вѣрная дорога на свободную землю. Всѣ довольны. Вездѣ—Аллахъ и вездѣ—коранъ его святого пророка".

Много я думалъ о Турціи прежде; больше сталъ думать, когда ушелъ отъ Усэйна.

Татаринъ безъ земли—собака: безъ земли, онъ всѣмъ служитъ: грекамъ, русскимъ, богатымъ татарамъ; онъ голоденъ; его часто прогоняютъ; онъ таскается гдѣ попало, дѣлается пьяница, воръ, убійца, забываетъ пророка. Если нѣтъ земли, татаринъ долженъ бѣжать. Самъ Аллахъ помогаетъ.

Но у меня есть земля; я—хозяинъ. Надо ли мнѣ бѣжать? Мой виноградникъ прокормитъ четырехъ взрослыхъ; дохода съ деревьевъ хватаетъ на двоихъ; мое стадо, куры и утки дадутъ не меньше. Двѣ лошади (зимой купилъ) могутъ возить въ городъ уголь, дрова, камни: недаромъ будутъ ѣсть овесъ и сѣно, еще сами принесутъ какой излишекъ. Надо ли мнѣ бѣжать?

У меня невѣста Айшэ; я возьму къ себѣ и Фатмэ и Али. Пусть Джэфэръ не упрекаетъ ихъ, что изъ-за нихъ бѣденъ. Моя невѣста, моя семья—что мнѣ еще надо?

Думаю я это, а самъ прихожу къ морю. Уже ночь. Море бьетъ въ берегъ. Небо въ тучахъ, и видны бѣлые барашки,—они скачутъ по всему морю. Но луна все больше прячется за свои тучи. А море шумитъ и шумитъ. Слушаю. Отъ шума всѣ мысли куда-то пропали. Вдругъ одна волна грудью ударилась о камень, крикнула и зашипѣла. Такъ и бѣдная Айшэ въ тотъ же день утромъ упала отъ кулака пьянаго

Джэфэра. Нѣтъ,—подумалъ я сейчасъ же,—здѣсь всякій честный татаринъ погибнетъ отъ грѣха. Въ дѣтствѣ какой красивый и ласковый и послушный былъ Джэфэръ! Какъ хорошо на память читалъ коранъ у муллы, красиво писалъ! Теперь—собака. У меня тоже будетъ сынъ, можетъ быть, два, три и больше; одного назову Ахтэмъ, другого—Османъ, третьяго—Бекиръ, дочь назову Земинэ, другую—Гульшанъ. Съ нами будетъ жить Али. Мы ихъ выростимъ, сохранимъ, а они вдругъ прогнѣвятъ Аллаха, или не устоятъ противъ злого духа и начнутъ жить по-русски! Неужели мы для того будемъ трудиться, чтобы Ахтэмъ потомъ каждый день напивался пьянъ, буянилъ, билъ меня и Айшэ, чтобы Османъ безобразничалъ тоже, Бэкиръ—тоже, Али—тоже? Неужели Земинэ и Гульшанъ не выйдутъ замужъ потому, что молодые татары, какъ безстыжій Умэръ, будутъ проводниками русскихъ женщинъ?! И будутъ они жить на несчастье, какъ Умэръ, другъ Али!

Великая бѣда грозитъ татарамъ. Джэфэръ уже сейчасъ не человѣкъ. Другіе погибнутъ потомъ. Джэфэръ говоритъ, что у него будетъ богатая русская княгиня, какъ у Умэра; онъ ее заставитъ сдѣлать все: купить лошадей, домъ, отдать ему деньги; потомъ онъ ее прогонитъ и станетъ проводникомъ для всѣхъ,—самыхъ молодыхъ онъ будетъ любить больше. Онъ говоритъ: „Такъ велѣлъ пророкъ". Нѣтъ стыда у Джэфэра говорить ложь о пророкѣ.

Море шумитъ сильнѣе, бьетъ въ берега. Одна волна опять грудью разбилась о каменья, какъ отъ боли, крикнула, потомъ зашипѣла. Я... нѣтъ, лучше бы я самъ такъ разбился! Мое сердце рванулось и умерло. Я сказалъ: „тебѣ, Айшэ, больно"... Хотѣлъ даже бѣжать, да море не пускало: шумитъ, гремитъ, выбиваетъ изъ скалъ камни, изъ головы—мысли; сердце стынетъ и стынетъ; самъ стою, какъ безумный, и слушаю, жду, не опрокинетъ ли всей земли свирѣпое море. Ноги, какъ изъ глины, не гнутся, не двигаются. „Святой Аллахъ",—шепчу я:—„для кого ты создалъ злого духа, дикаго звѣря, ядовитую змѣю, пожаръ и бурю? Неужели только для отступившихъ отъ твоего закона, о справедливый? Тогда мнѣ нечего бояться, единственный Царь міра! Я вижу твой грозный мечъ и знаю, что не моя повинна голова. А если я поддамся искушенію, грѣху, казни и меня, мой Богъ!"

Теперь я самъ не понимаю, какъ сложилась у меня эта молитва. Но тогда шумѣло море, и кто-то говорилъ въ моемъ сердцѣ. Я слушалъ всѣмъ тѣломъ. Но не слыхалъ я только, шумѣлъ ли кто сзади меня, стучалъ ли ногами, задыхался ли. Вдругъ вижу—передо мной стоитъ Али. Онъ едва перево-

дитъ духъ.—„Тебѣ надо идти... въ Узеньбашъ, Асанъ",—сказалъ Али:—„въ нашей саклѣ... опять неладно".

— „Что же сдѣлалъ Джэфэръ?" спросилъ я.

— „Джэфэръ",—говоритъ,—„совсѣмъ не татаринъ. Я татаринъ, ты—татаринъ, Джэфэръ—русскій". Али слыхалъ про свою мать, но не любилъ, когда скажутъ, что она—русская. „Джэфэръ продалъ скотъ",—говорилъ Али:—„снялъ табакъ и пришелъ съ двумя русскими къ нашей саклѣ. Немного прошло, когда ты ушелъ; скоро и они пришли; въ саклю не входили, а стояли у двери. Продалъ скотъ Джэфэръ и снялъ табакъ не сегодня, а уже давно, только онъ скрывалъ это отъ насъ, а сегодня былъ совсѣмъ пьянъ и не скрылъ. Онъ не пошелъ тогда къ пастухамъ, потому что тогда не было уже тамъ нашихъ овецъ, и онъ не дѣломъ грозилъ намъ, что продаетъ ихъ, а такъ себѣ болталъ, потому что былъ не въ умѣ, а овцы были проданы и деньги были съ нимъ. Онъ пошелъ тогда за своими товарищами".

— „У него нѣтъ товарищей", — сказалъ я Али; „ни одинъ татаринъ въ Узеньбашѣ не дружитъ съ нимъ". Али сказалъ:—„Егоръ Иванычъ его другъ, Иванъ Иванычъ его другъ, Осипъ Куцый его другъ. Два друга тайно продаютъ водку, Осипъ Куцый имѣетъ землю, на ней табакъ; его-то табакъ и снялъ Джэфэръ. На табакъ промѣнялъ Джэфэръ нашихъ овецъ".

— „Собака!"—крикнулъ я. Али притихъ и сталъ слушать, какъ гремѣло море. Я испугался, что онъ услышитъ ту волну, которая кричала, какъ Айшэ. Тронулъ я Али за руку и сказалъ:—„Уйдемъ!"

— „Подожди: я еще не все сказалъ",—говоритъ Али: „Джэфэръ и товарищи вошли въ саклю; они стучали желѣзными каблуками—и у Джэфэра были тоже русскіе сапоги; всѣ вмѣстѣ они бранились по-русски, потомъ разсѣлись и поставили русскую водку передъ собой. Товарищи ѣли свинину, Джэфэръ—баранину, а потомъ тоже свинину. Джэфэръ кричалъ:—„Айшэ! ты пойдешь ко мнѣ на табакъ, потому что ты моя сестра,—должна слушаться. У меня будутъ русскія дѣвушки, всѣ красивѣе тебя,—ты будешь съ ними работать".—„Фатмэ!"—крикнулъ Джэфэръ еще громче:—„тебя я буду посылать въ городъ,—каждый день будешь приносить оттуда хлѣбъ и зелень моимъ дѣвушкамъ и мнѣ!" И громко-громко засмѣялся Джэфэръ; товарищи стукнули сапогами и крикнули:—„Ладно! Это по нашему!" Айшэ и Фатмэ заплакали про себя.

— „Аллахъ любитъ женщину, когда она играетъ, поетъ, пляшетъ",—крикнулъ Джэфэръ:—„а когда она плачетъ, онъ

велитъ пророку отнять у нея счастье". И громко сталъ ругаться Джэфэръ. Товарищи обняли его и сказали: „Вотъ такъ—по нашему!"

Я не смотрѣлъ на Али. Въ головѣ была мысль, что придется бросить свое дѣло, а дѣло очень было важное. Тутъ Али хотѣлъ сказать: „Джэфэръ..." но я сказалъ прежде:

— „Не говори, Али, что Джэфэръ ударилъ Айшэ!"

— „Какъ же мнѣ не говорить, когда онъ ударилъ и Айшэ, и Фатмэ: ударилъ Айшэ два раза рукой, а потомъ сапогами, а Фатмэ ударилъ, не помню сколько разъ. Я крикнулъ: „Алла, Алла! убей Джэфэра!"—Джэфэръ снялъ съ меня чувяки, разорвалъ рубашку, побилъ и вытолкалъ изъ сакли. Онъ думалъ, что мнѣ будетъ стыдно бѣжать по деревнѣ, но я прибѣжалъ къ тебѣ".

Смотрю я на Али: онъ босой, на лицѣ большія синія пятна, на ногахъ кровь, шаровары, рубаха, какъ у нищаго, шапки нѣтъ на головѣ.

Мы молчимъ. Я смотрю на него, онъ—на море. Море гремитъ и страдаетъ. Я опять вспомнилъ, что можно услышать, какъ кричитъ Айшэ,—и сказалъ Али:—„Пойдемъ къ Усэйну".

Въ головѣ у меня—уже твердыя мысли: турецкая земля, правовѣрный великій султанъ и счастливыя молитвы въ благочестивыхъ мечетяхъ пророка.

Приходимъ къ Усэйну. Глубокая ночь, свѣтлая отъ луны, тихая. Шума моря не слышно отсюда. На дворѣ никого, одни кипарисы, въ домѣ тихо. Въ печи огонь, слуги спятъ, кофейные приборы на мѣстахъ. Прошли мы въ дальнюю комнату—никого нѣтъ; вышли на балконъ—Усэйнъ сидитъ въ бѣлой чалмѣ и читаетъ коранъ.

Удивился Усэйнъ, когда мы вошли. Я сказалъ: „Кончай молиться, Усэйнъ! Мы подождемъ и сами послушаемъ". Усэйнъ громко читалъ и молился. Я не могъ понимать всего, какъ слѣдуетъ: мои молитвы и мои мысли путались. Али стоялъ въ сторонѣ, громко билъ себя въ грудь и клалъ низкіе поклоны Аллаху.

Усэйнъ кончилъ, закрылъ коранъ и сказалъ: „Поговоримъ. Пусть Аллахъ слышитъ насъ".

Я разсказалъ Усэйну все. Али молчалъ и стоялъ; мы о немъ какъ-то и забыли.

— „Скажи, Усэйнъ",—говорю я:—„неправда ли, жить здѣсь татарину тяжело; даже теперь пусть жить и тяжело, вѣдь я же могу терпѣть; Айшэ тоже потерпитъ, и Фатмэ; Али (а онъ стоитъ, какъ кипарисъ, у котораго—ни ушей, ни глазъ) тоже вытерпитъ—смотри, какой онъ усердный къ Аллаху! Ну, а мои дѣти? Если у меня и у Айшэ будетъ

Ахтэмъ, Османъ, тамъ еще Бекиръ, еще дочери Землнэ, Гульшанъ—развѣ за нихъ не страшно?—Джэфэръ тоже былъ хорошій татаринъ, сталъ плохой. Джэфэръ тоже сватался за татарку, теперь будетъ имѣть на табакѣ русскихъ дѣвушекъ. Бѣдная Сальхэ состарится теперь, но не выйдетъ замужъ. Джэфэръ броситъ всѣ обычаи правовѣрныхъ. Развѣ не страшно, Усэйнъ?".

— „Ты говоришь правду", сказалъ Усэйнъ: „Аллахъ слышитъ тебя. Онъ пошлетъ тебѣ пророка въ твоемъ благочестивомъ путешествіи къ султану. Поѣзжай. Если отложишь, Аллахъ можетъ забыть о тебѣ. Я самъ съ тобой уѣхалъ бы, да боюсь: если Абла еще въ Россіи, онъ не выберется одинъ, безъ помощи, или смутятъ его невѣрные. Подожду его".

Я попросилъ тогда Усэйна показать еще разъ письма изъ Турціи. Усэйнъ захватилъ рукой, сколько взялось, и подалъ. Я прочелъ многія: вездѣ говорится, что въ Турцію—вѣрный путь.

Мы поговорили еще. Усэйнъ обѣщалъ къ этому же вечеру приготовить лодку; лодка—грека Николы. Самъ Никола—старый человѣкъ, но любитъ море и возилъ нашихъ къ султану уже много разъ. Али остался у Усэйна; я пошелъ въ Узеньбашъ.

Подхожу къ деревнѣ. Солнце горитъ уже на небѣ и грѣетъ мой виноградникъ, мои деревья; просыхаетъ новая черепица на моей саклѣ; мои лошадки жуютъ сѣно,—потомъ Усамъ хотѣлъ запречь ихъ въ арбу и ѣхать за углемъ въ Бахчисарай. Куры, утки ходятъ передъ конюшней. Мухтаръ замахалъ толстымъ хвостомъ, увидалъ, какъ я подошелъ къ своей оградѣ. Вхожу въ саклю: жена Усана сидитъ около новой шапки, которую сама вышила золотомъ; Усанъ собирался въ путь. Я сказалъ Усану, чтобы онъ сначала отвезъ меня, Айшэ и Фатмэ къ Усэйну, а потомъ поѣдетъ куда нужно.

Пошелъ дальше, увидѣлъ все, что у меня было: все оказалось въ порядкѣ. „Аллахъ благословилъ меня здѣсь, подумалъ я,—но онъ можетъ здѣсь легко и прогнѣваться,—особенно на молодежь, потому что молодые плохо молятся".

Ушелъ я черезъ калитку на улицу. Пришелъ къ Фатмэ. Фатмэ и Айшэ не похожи на себя: заброшенныя собаки глядятъ лучше. Я сталъ гладить Фатмэ по волосамъ,—она стонетъ, ей больно. До Айшэ дотронуться нельзя—какъ огнемъ жжетъ ее отъ этого. Онѣ чуть слышно разсказали, что у Джэфэра была нагайка (ее онъ завелъ, чтобы бить русскихъ женщинъ, когда станутъ ссориться между собой или съ нимъ); въ саклѣ былъ большой шумъ,—пріѣжали

сосѣди — татары; Осипъ Куцый проломилъ голову Кэриму, когда Кэримъ защищалъ Айшэ.

— „Гдѣ Джэфэръ?"—спросилъ я. Фатмэ мало о немъ знала: Джэфэра и его товарищей увели изъ сакли русскіе сторожа; былъ чиновникъ, былъ тоже и староста.

Я пошелъ къ старостѣ, отъ старосты въ арестантскую. Джэфэръ и товарищи сидѣли тамъ и ругались. Я сказалъ Джэфэру: „Я ѣду въ Турцію".

— „Проваливай!"—говоритъ онъ.

— „Айшэ и Фатмэ съ Али тоже ѣдутъ".

Джэфэръ выбранилъ ихъ тѣнь и послалъ ихъ къ шайтану. Я говорю: „Поѣдемъ съ нами, Джэфэръ! Ты можешь тамъ сдѣлаться честнымъ".

Джэфэръ поднялъ кулакъ и пригрозилъ мнѣ; самъ ничего не сказалъ. Я пожалѣлъ его: пропадетъ онъ здѣсь отъ грѣха; не станетъ богатымъ, какъ Усэйнъ; табакъ и русскія дѣвушки не сдѣлаютъ его трудолюбивымъ.

Джэфэръ не смотрѣлъ на меня, но все ругался. Тогда я сказалъ: „Возьми, Джэфэръ, мою землю, саклю и все мое хозяйство; Айшэ и Фатмэ тоже освободятъ свой уголокъ. Ты сразу разбогатѣешь; тебѣ не нуженъ будетъ твой табакъ и не нужны будутъ твои русскія работницы. Ты женишься здѣсь, какъ слѣдуетъ, и станешь почетенъ, какъ Усэйнъ.— Джэфэръ спросилъ: „Ты скоро ѣдешь?"—Я говорю: „Сегодня".

Мы призвали сосѣдей. Я при нихъ подарилъ Джэфэру свое хозяйство, клялся, что дѣло это неизмѣнно, что исполняю святую волю Аллаха. Джэфэръ молчалъ. Я ему сказалъ: „Прощай! Пусть святое небо благословитъ тебя и насъ однимъ солнцемъ, однимъ мѣсяцемъ, одними звѣздами". Потомъ я вышелъ.

Прихожу къ Фатмэ. Подъѣхала моя арба; Усанъ гладко вычистилъ лошадей, и теперь онѣ блестѣли: одна рыжая, другая вороная. Я сказалъ Фатмэ: „Султанъ даетъ намъ землю въ Турціи. Тамъ нѣтъ русскихъ, нѣтъ водки, нѣтъ ничего нечистаго; тамъ вездѣ—Аллахъ, Магометъ и коранъ. Не будемъ гнѣвить Аллаха! Ты, Фатмэ, и ты, Айшэ, вы будете счастливы въ правовѣрной странѣ".

Фатмэ заплакала; Айшэ еще громче, чѣмъ Фатмэ. Самъ я думаю: „Неужели онѣ не согласятся? Я уже подарилъ свое хозяйство Джэфэру, клялся передъ сосѣдями. Я сталъ бѣдный человѣкъ: Айшэ и Фатмэ станутъ тоже нищими, должны будутъ покориться Джэфэру. И развѣ Джэфэръ выдастъ теперь Айшэ за меня? Онъ ей приищетъ богатаго жениха".

Тогда я сказалъ: „Айшэ! Я подарилъ твоему брату свое хозяйство, а моя земля будетъ въ Турціи. Фатмэ! Ты слы-

шишь ли, что я говорю твоей дочери? Я васъ обѣихъ хотѣлъ спасти отъ безчестной жизни, спасти нашихъ дѣтей, которыя будутъ у меня и у Айшэ, нашихъ внуковъ. Самъ Усэйнъ сказалъ, что Аллахъ меня слышитъ въ моихъ мысляхъ. А вы-то плачете!"

Трудно было говорить старой Фатмэ: голосъ хрипѣлъ, грудь трудно дышала. Сначала она долго вздыхала, потомъ говоритъ: „Джэфэръ—мой сынъ, и Айшэ—моя дочь. Какъ я могу взять дочь и оставить сына! Здѣсь я могу за него молиться Аллаху, потому что часто вижу, какъ идетъ онъ противъ закона; за грѣхи Джэфэра я буду здѣсь молиться. А тамъ онъ мнѣ будетъ все казаться милымъ, хорошимъ, и я забуду о его грѣхахъ". Старуха чуть договорила. Слезы и вздохи, и рыданья стали снова мучить Фатмэ.

Айшэ тоже выла. Я сержусь на собаку, когда она воетъ въ лунную ночь: свѣтло, хорошо, а она видитъ луну и воетъ. Хотѣлъ разсердиться и на Айшэ. „Женщины", думаю, „мало понимаютъ святую волю Аллаха". Я ей это хотѣлъ сказать, но не могъ: любилъ Айшэ, какъ никого.

Сижу. Онѣ обѣ плачутъ; арба стоитъ у калитки; Усанъ привалился на бокъ и дремлетъ.

Прошло долгое время. Всѣ куры уже снеслись,—Али всегда за ними присматривалъ,—теперь яйца лежали въ гнѣздахъ. Время дорого. Я сказалъ обѣимъ женщинамъ: „Арбу я не отпрягу и въ подаренную Джэфэру саклю не загляну. Я не буду ждать долго. Воля Аллаха—одна, а женскихъ слезъ много. Я подожду и поѣду".

Тогда Фатмэ бросилась къ окну, хоть и очень ей было больно; она припала къ полу сакли, долго цѣловала полъ, потомъ молилась. Айшэ выла и выла. Часа два я сидѣлъ еще. Фатмэ слонялась по саклѣ и по двору, сама шаталась, вездѣ плакала и молилась. Доплелась до Джэфэра, у него была, потомъ вернулась въ саклю и тутъ еще долго-долго молилась. Айшэ никуда не годилась: плачетъ, плачетъ; нѣту слезъ—станетъ вздыхать и мотать головой.

— Зачѣмъ ты, Айшэ, плачешь?—сказалъ я, какъ могъ, сердито.

— Жалко...—говоритъ Айшэ по одному слову:—Узеньбаша... не будетъ... въ Турціи!

— А зачѣмъ тебѣ Узеньбашъ, Айшэ?

— Узеньбашъ... наша... деревня!

Правду она сказала. Великіе ханы защищали Узеньбашъ; это давно было. Татары жили здѣсь безопасно, и милостивъ былъ Аллахъ. Мой отецъ еще говорилъ о давнихъ временахъ, о прежнихъ татарахъ, какъ много правды было у нихъ, и прибавлялъ: „Асанъ, мы—потомки ихъ!"

Вспоминалъ я это теперь. Айшэ опять заплакала. Она мало знала изъ старой жизни; но ея душа чувствовала все. Я отвернулся къ окну,—и скоро снова гляжу туда, гдѣ сидѣла Айшэ. Ея уже нѣтъ. Она ушла, какъ кошка; прошла на могилки узеньбашскихъ татаръ. Оттуда привелъ ее мулла. Фатмэ сидѣла уже въ саклѣ и охала. Айшэ была, какъ мертвая.

Мы посадили ее въ арбу; потомъ вынесли Фатмэ, осторожно несли и положили на коверъ; забрали что нужно изъ пищи, взяли земли и воды. Мулла читалъ молитву. Когда онъ читалъ, собрались всѣ татары около арбы: кто плакалъ, кто вздыхалъ, кто молился. Кончилось моленье. „Святой Аллахъ“, сказалъ я: „укрѣпи арбу, потому что я ѣду въ ней по твоему пути; помоги держаться въ лодкѣ по морю, которое ты сотворилъ и которымъ раздѣлилъ земли султана отъ земель невѣрныхъ; приведи въ страну, гдѣ праведные люди неизмѣнны и гдѣ молитва наша будетъ слышнѣй тебѣ и пророку“.

Всѣ закричали: „Алла, Алла!“ Усанъ тронулъ лошадей. Арба заскрипѣла. Скучно стало... и арба скрипѣла очень скучно.

Мы пріѣхали прямо къ морю. Была ночь. Небо было въ тучахъ. Луна спряталась и потомъ всю ночь не показывалась. Подошелъ я къ лодкѣ сначала одинъ. Усэйнъ, Али и Никола (старый былъ грекъ Никола) стояли, говорили тихо. Лодка рвалась на веревкѣ, какъ живая рыба на крючкѣ. Въ берегъ громко бились волны.

Я сказалъ: „Все готово, Усейнъ. Мы пріѣхали“. Усейнъ сказалъ: „Нехорошо, что вы запоздали. Вамъ бы выѣхать засвѣтло, а теперь темно—опасно!“ Но услышалъ это Никола и говоритъ: „Не опасно. Я вижу ночью лучше, а днемъ—хуже“. И засмѣялся Никола, бѣлые зубы показалъ, глаза сдѣлалъ мышиные.

Мы сняли Фатмэ и Айшэ съ арбы. Потомъ всѣ помолились Аллаху и пророку. Я сказалъ Усану: „ѣзжай Усанъ, куда надо“. Усанъ пожелалъ добра, сѣлъ, поѣхалъ; арба заскрипѣла; въ темнотѣ ея сейчасъ же не стало видно, а скрипѣла она еще долго. Потомъ мы повели Фатмэ и Айшэ; обѣ были въ слезахъ, но плакали тихо. Трудно было ходить старухѣ отъ побоевъ Джэфэра, но она шла, бодрилась. Айшэ моложе и сильнѣе была, но шла хуже старой. Никола и я дождались, когда прихлынули волны, вошли въ воду и черезъ волны, которыя отбѣгали, снесли ихъ въ лодку. Потомъ Али держался за меня и прыгнулъ; тоже когда отбѣгали другія волны; потомъ и я сѣлъ около кормы. Никола поговорилъ еще съ Усэйномъ, взялъ отъ него деньги, въ это

время откатились отъ берега огромныя волны; онъ побѣжалъ за ними. Быстро и ловко подбѣжалъ онъ къ лодкѣ, прыгнулъ въ нее, какъ бѣлка; смѣло крикнулъ: „отдай“. Усэйнъ отвязалъ веревку и бросилъ ее въ воду. Никола подобралъ веревку, поднялъ якорь, сѣлъ къ весламъ и взмахнулъ ими, какъ крыльями старый крымскій соколъ,—все это сдѣлалось меньше, чѣмъ въ минуту. Усэйнъ съ берега кричалъ: „Алла! Алла!“ Мы тоже всѣ „Алла!“ кричали и молились. Никола замахалъ веслами часто, крѣпко: сильный былъ грекъ, хоть и старый. Понеслась его лодочка. По огромнымъ волнамъ несется, какъ по скаламъ испуганный конь. Вотъ она быстро рванется впередъ; вотъ она отскочитъ назадъ или въ сторону; вотъ она присядетъ вглубь моря и потомъ взовьется на хребтовую волну высоко, какъ на скалу.

Айшэ, Фатмэ, Али—всѣ скоро уснули. Лодка ихъ укачала, какъ колыбель. Я не спалъ: много думалъ обо всемъ.

— „Хорошій вѣтеръ,—сказалъ Никола:—поставлю парусъ; ты помоги мнѣ“. Мы были уже далеко отъ берега; видны были огни города, какъ звѣзды; я сталъ помогать.

Поставили парусъ,—лодка пошла, какъ машина. Волны рѣзались объ нее, бросали ее верхъ и внизъ, но уже не качали вбокъ, какъ на веслахъ. Я успокоился; смотрю, какъ спитъ моя семья; хотѣлъ самъ уснуть, но Никола сказалъ: „Немного погоди; придется переставить парусъ: вѣтеръ измѣнился“.

Переставили парусъ. Лодка пошла другимъ путемъ; мнѣ показалось—не въ Турцію, а на Керчь: „На Керчь вѣтеръ гонитъ“.—„Не совсѣмъ на Керчь. Но это не бѣда: будемъ часто переставлять парусъ и придемъ, какъ слѣдуетъ. Я уже не въ первый разъ!“—Сказалъ это Никола, а самъ задумался,—я это видѣлъ: близко сидѣлъ и въ глаза ему заглянулъ. Не очень повѣрилъ я старому человѣку; смотрю на море. Почти не видно стало моря. Если бы свѣтло было, я бы сказалъ Николѣ повернуть къ берегу и тамъ обождать на берегу. Опасно показалось море. Лодка еще сильнѣй бросается: разъ—вверхъ, разъ—внизъ. Волна бьется въ борта; парусъ чуть не рвется; мачта скрипитъ; буря реветъ; море стонетъ. Страшно стало. Хотѣлось бы сейчасъ же быть на землѣ.

Фатмэ, Айшэ, Али спятъ. Они всѣ похожи на умирающихъ во снѣ: Айшэ во снѣ стонетъ, а сама холодна, не шелохнется, какъ покойникъ; Фатмэ хрипитъ; мальчикъ три дня не зналъ покою, теперь лежитъ, какъ камень, его языкъ повторяетъ то: „Джэфэръ“, то „Алла“, то „Узеньбашъ“.

Вдругъ въ лодку бросилась какая-то волна,—вѣрно, не такъ правилъ рулемъ Никола, не усмотрѣлъ, какую линію держали волны. Никто не проснулся: какъ смерть, былъ сонъ.

Никола сказалъ: „Ты не бойся. Возьми ковшъ, вычерпай воду“. Онъ повернулъ руль, крѣпко нажалъ его; руль такъ и заскрипѣлъ,—казалось, его подрѣзалъ кто около кормы. Я сталъ черпать воду изъ лодки. Черпаю, душа болитъ, сердце не на мѣстѣ. Вдругъ лодка какъ-то особенно сильно упала внизъ съ высокой волны, потомъ быстро поднялась вверхъ на другую волну и сейчасъ же эта волна бросилась къ намъ; качнулась лодка на бокъ и сама еще черпнула воды. Никола что-то хотѣлъ сказать; я хотѣлъ разбудить семью; Аллахъ не допустилъ: онъ послалъ имъ крѣпкій, счастливый сонъ, не далъ имъ страдать въ послѣдній часъ жизни. Не успѣлъ я нагнуть головы надъ Айшэ, снова ухнула лодка еще ниже и еще выше поднялась на огромную волну. Эта волна сейчасъ же легла на всѣхъ насъ...

Я плавалъ всегда сильно. Здѣсь же силы оказалось больше, чѣмъ всегда.

Держусь въ морѣ храбро. Ищу Айшэ то какъ во рву, въ ущельѣ, то какъ со скалы; нигдѣ ея не нахожу. Не видно и Фатмэ, и Али. Всюду темно,—чуть видна вода. Я кричу:

— Гдѣ ты, Никола? Помогай! Ничего не слышно отъ него.

Я поплылъ безъ всякой мысли; душа присмирѣла отъ боли, какъ забитая кнутомъ собака. Еще когда ребенкомъ былъ, я потерялъ разъ въ скалахъ дорогу и четыре дня блуждалъ, какъ на томъ свѣтѣ. То же было и теперь. Я поплылъ. Сначала легко плылъ; низко падалъ, высоко подымался. Потомъ мнѣ стало тяжело. Потомъ я совсѣмъ сталъ, какъ не свой; дальше ничего не помню...

Черезъ три дня вернулась ко мнѣ мысль; она была еще какъ у младенца. Открылъ я глаза: постель, старикъ, дѣвушка—ихъ я увидѣлъ и не понялъ: какая страна, какіе люди. Это была больница, фельдшеръ, русская барышня.

— Айшэ!—сказалъ я тихо.—Но не скоро я понялъ, гдѣ Айшэ и гдѣ я.

Погибли всѣ—это я понялъ, когда вернулась ко мнѣ здоровая кровь.

Я ушелъ; не хотѣлъ я ни покоя, ни постели. Сталъ скитаться по берегу моря.

Ходилъ на Аю-Дагъ, ходилъ на Біюкъ-Ломбатъ, ходилъ на Чебанъ-бахта, на Кіикъ-Атламà, на Чаудà, на Опукъ, на Такылъ, на Еникале; пошелъ назадъ по горамъ и лѣсамъ; не зашелъ въ Узеньбашъ, прошелъ мимо; вернулся къ морю въ другой городъ, куда не зачѣмъ пріѣхать Джэфэру.

Три мѣсяца я ходилъ, билъ ноги по камнямъ, ѣлъ, что дадутъ по волѣ Аллаха, спалъ подъ его святымъ небомъ.

Но душа моя, мысль, память никуда не ходили,—все держались, какъ сонныя, на одномъ мѣстѣ, до котораго никогда не дойдутъ ноги.

Прошелъ еще мѣсяцъ, другой прошелъ; прошли и еще слѣдующіе мѣсяцы. Не ходилъ я въ Узеньбашъ ни разу, и не пойду. Джэфэръ разбогатѣлъ, имѣетъ много русскихъ дѣвушекъ на табакѣ; но самъ живетъ въ томъ богатомъ городѣ. Говорятъ, онъ самый любимый проводникъ русскихъ женщинъ.

Я, можетъ быть, еще долго проживу,—на Джэфэра не взгляну ни разу.

Буду здѣсь благословлять и благодарить великаго Аллаха. Онъ сильнѣе злого духа. Онъ не терпитъ безпорядка. Онъ самъ сотворилъ землю, самъ и держитъ на ней порядокъ. Онъ даетъ правовѣрному счастье, когда и гдѣ нужно.

На землѣ есть три очень большихъ счастья: меньшее изъ нихъ—своя сакля, большее—хорошая семья, но самое большое счастье—мудрость.

Било-Голынскій.

„Дни свободы“.

Въ деревнѣ и въ тюрьмѣ.

I.

Въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ нашего Л...го уѣзда съ напряженіемъ ожидалось крестьянами время освободительнаго движенія. Какъ придетъ и совершится освобожденіе—никто не зналъ. Но всѣ были увѣрены, что оно будетъ и принесетъ съ собою свѣтъ, теплоту и правду, безъ которыхъ жизнь становилась невыносимою. Вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктъ подсказывалъ крестьянамъ, что перемѣны въ ихъ жизни будутъ совершаться не «по щучьему велѣнью», волею какого-нибудь отдѣльнаго лица, но потребуютъ много усилій и борьбы отъ цѣлаго общества, борьбы упорной и тяжелой.

Когда, бывало, крестьяне приходили ко мнѣ узнавать о томъ, что печатаютъ въ газетахъ, и я прочитывалъ имъ статьи, описывавшія тогдашнюю жизнь, они, вздыхая, съ сокрушеніемъ говорили:—да, братъ, не вдругъ это дѣло сдѣлается. Много хорошихъ людей пострадаетъ и жизнь свою за это дѣло положитъ...

— А все-таки сдѣлается?—спрашивалъ я своего сосѣда-крестьянина Шмеля *).

— Извѣстно, сдѣлается. Безъ этого нельзя. Дошло до того, что нигдѣ правды не стало, все только грабятъ и грабятъ, отъ насъ же кормятся, у насъ на шеѣ сидятъ, да насъ же раззоряютъ... Такъ нельзя!—съ негодованіемъ говорилъ онъ, сдвигая брови.

— А что бы слѣдовало сдѣлать прежде всего, чтобы вернуть правду?—спрашивалъ я.

— Нужно разузнать, въ чемъ причина,—отвѣчалъ онъ съ глубокой и строгой серьезностью.—Все одно, какъ у меня, иногдась, печка дымить стала. Совсѣмъ дымъ изъ избы было выжилъ. Что дѣлать? Извѣстно, перво-наперво надо было узнать, отъ

*) Почти всѣ собственныя имена, приводимыя мною въ настоящемъ разсказѣ, вымышлены. Нѣсколько подлинныхъ именъ читатель встрѣтитъ лишь во второй части разсказа, гдѣ мнѣ приходится упоминать о нѣкоторыхъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятеляхъ.

чего дымъ не идетъ въ трубу. Поглядѣлъ, а тамъ кирпичина отломивши и застрявши. Убралъ кирпичину, и дымъ пошелъ, какъ слѣдуетъ. Такъ же и это дѣло: надо намъ узнать, кто насъ мучаетъ и обижаетъ. Раньше войны мы, мужики, объ этомъ меньше догадывались. Ну, а теперь стали смекать... Да, теперь-то стали всѣ смекать!

Такіе разговоры происходили между нами часто. Кончались они обыкновенно ахами и охами и безплоднымъ выраженіемъ злости и обиды.

Такъ было до обнародованія манифеста 17-го октября.

Слухъ о манифестѣ распространился у насъ въ деревнѣ на другой день послѣ того, какъ манифестъ былъ обнародованъ: кто-то пріѣхалъ изъ Петербурга и разсказалъ о томъ, что дѣлалось тамъ вплоть до разстрѣла ликующихъ «свободныхъ гражданъ» на улицахъ.

Было это вечеромъ въ тотъ день, когда привозятъ со станціи въ наше Подлиповское волостное правленіе почту. Мнѣ не терпѣлось, и, не смотря на непролазную грязь на дорогѣ и темноту октябрьской ночи, мы съ Шмелемъ, взявъ фонарь, пошли въ Подлиповку за газетами. Но мои газеты за вчерашній день почему-то опоздали, а въ тѣхъ, что я получилъ, не было манифеста.

Сторожъ волостного правленія вывелъ насъ изъ затрудненія, сказавъ, что сидѣлецъ винной лавки получилъ газету «Свѣтъ» съ приложеннымъ къ ней манифестомъ. Мы пошли къ сидѣльцу.

— Для мужиковъ тамъ, кажись, ничего интереснаго нѣтъ,— сказалъ намъ сидѣлецъ, когда мы спросили его о манифестѣ.— Ни объ землѣ ничего не сказано, ни что... Куда-то я его забросилъ?..

Но жена напомнила ему, что манифестъ взятъ крестьяниномъ-сосѣдомъ, Ѳедоромъ. Мы пошли къ Ѳедору.

— Растолкуй-ка ты намъ, Артемьичъ, хорошенько: что тутъ такое? Читалъ вонъ мой малецъ, что слободы тутъ разныя, и все... а не понять хорошенько никакъ: что, значитъ, къ чему?..—сказалъ мнѣ Ѳедоръ.

Я прочиталъ манифестъ вслухъ. Потомъ прочиталъ его про себя, снова вслухъ... Въ немъ какъ будто было что-то недоговоренное и нерѣшительное, но онъ открыто возвѣщалъ начала новой жизни: гражданскія права и свободы... Крестьяне, какъ видно, не понимали, въ чемъ суть, и молчали.

— Что теперь намъ съ нимъ дѣлать, какъ ты думаешь?—спросилъ я Шмеля.

— А что? Я не знаю.

— Вѣдь тутъ много сказано: свобода союзовъ, собраній и слова, гражданскія права, неприкосновенность личности... Это значитъ, что мы теперь можемъ дѣлать свободныя собранія и говорить народу всю правду, какъ слѣдуетъ.

Лицо Шмеля просвѣтлѣло.

— Такъ что-жъ, это хорошо. Надо, значить, не зѣвать.

— О, да!

Мы рѣшили тотчасъ же пойти къ учителю земской школы, Петру Петровичу, подѣлиться съ нимъ доброй вѣсточкой и предложить ему на завтрашній день сдѣлать въ его школѣ народное собраніе, на которомъ будемъ читать и разъяснять сущность манифеста.

Учитель нашъ былъ человѣкъ очень религіозный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ на сторонѣ угнетателей, жалѣлъ народъ и всегда былъ не прочь помочь ему, чѣмъ только могъ. И на него манифестъ произвелъ оживляющее впечатлѣніе. Онъ, какъ и я, сразу увѣровалъ въ его животворящее значеніе. Никакихъ сомнѣній въ томъ, могли ли мы безъ разрѣшенія начальства дѣлать собранія, у насъ не возникало: передъ нами было царское слово, дававшее безъ всякихъ оговорокъ свободы. Намъ казалось, нашъ гражданскій долгъ обязывалъ насъ тотчасъ же объявить народу «про желанную свободу дорогую вѣсть», и молчать или медлить съ этимъ было бы величайшимъ безуміемъ.

И мы принялись за дѣло, исполненные свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Петръ Петровичъ чрезъ своихъ школьниковъ оповѣстилъ народъ, чтобы всѣ желающіе собирались вечеромъ къ нему, въ школу, для прочтенія и разъясненія царскаго манифеста. Я съ своей стороны сѣлъ готовить рѣчь «о сущности манифеста 17-го октября», въ которой старался возможно полнѣе, нагляднѣе и проще выяснить серьезность и важность переживаемаго момента и показать, что теперь настало для крестьянъ духовное освобожденіе, не менѣе важное, чѣмъ было освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.

II.

Въ школу собралось изъ ближайшихъ деревень человѣкъ четыреста мужчинъ, женщинъ и подростковъ. Тутъ были и дряхлые старики, которымъ дали мѣсто ближе къ столу, на переднихъ партахъ. Много было женщинъ съ грудными дѣтьми. У всѣхъ лица свѣтились необыкновеннымъ оживленіемъ и какой-то торжественной серьезностью.

Мѣстный священникъ, о. Николай, дьяконъ и псаломщикъ тоже были приглашены, но они не явились на собраніе, а пошли къ лавочнику на именины. Пришелъ сынъ дьякона, семинаристъ 6-го курса, и учитель школы воспитательнаго дома, Семеновъ.

— Эво, народу-то что собралось, никогда ни на одномъ чтеніи съ волшебнымъ фонаремъ столько не бывало, — съ удивленіемъ громко говорила мать Петра Петровича, Пелагея Григорьевна, вы-

ходя изъ своей комнаты въ классъ и съ любопытствомъ осматривая народъ.

— Про волю заслышали, вотъ и пришли, Пелагея Григорьевна!— отвѣчали ей съ партъ.

— Другой разъ услыхать про волюшку Богъ довелъ,—говорилъ сѣдой старикъ, облокотившійся на парту и тяжело дышавшій,—то было какъ отъ барщины избавили, а теперь вотъ еще... Богъ-то милосердый и насъ, мужиковъ, не оставляетъ, нѣтъ-нѣтъ, да облегченье какое ни на есть и придетъ.

— И не оставитъ Богъ никогда!—съ религіознымъ пафосомъ отвѣчалъ ему Петръ Петровичъ, обращая глаза къ образу въ углу.— Злые управители ваши будутъ посрамлены, а вы, труженики, будете возвеличены.

— Спасибо на добромъ словѣ, Петръ Петровичъ.

— Не все намъ муку принимать. Всему конецъ бываетъ. Видно, и насъ за людей хотятъ считать,—заговорили съ разныхъ сторонъ.

— Вотъ царское слово! — громко и торжественно произнесъ Петръ Петровичъ, подымая вверхъ напечатанный крупнымъ шрифтомъ манифестъ.

Все собраніе смолкло.

— Будемъ слушать манифестъ, стоя,—такъ же торжественно продолжалъ Петръ Петровичъ.

Всѣ поднялись съ мѣстъ, и манифестъ былъ выслушанъ въ глубокомъ молчаніи. Послѣ этого я сталъ объяснять значеніе дарованныхъ свободъ...

Уже когда я оканчивалъ и, для того чтобы сильнѣе подчеркнуть, какъ должна быть дорога для крестьянъ гражданская свобода, какъ она свойственна имъ, какъ и всѣмъ вообще людямъ, читалъ выбранныя мѣста изъ брошюры «о народовластіи въ древней Руси», пришли съ именинъ лавочника клирошане. Я не замѣтилъ ихъ прихода и былъ удивленъ, когда меня неожиданно, рѣзко и грубо прервалъ о. Николай, выступая къ столу и обращаясь къ народу.

— Это неправильно объясняется!—кричалъ онъ гнѣвно, какъ будто ему было нанесено личное оскорбленіе.—Какъ же это могло быть такъ, что по словамъ вашего оратора,—онъ враждебно кивнулъ на меня,—крестьяне сами выбирали и смѣняли своихъ князей, какъ калоши съ ногъ, и вдругъ могло явиться закрѣпощеніе крестьянъ?.. Это, православные, все не правда то, что говорятъ вамъ здѣсь. Вы, конечно, не знаете исторіи, и вамъ можно сказать, что угодно, вы и повѣрите всему. А кто знаетъ, того не обманешь.

Своимъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ онъ произвелъ на всѣхъ непріятное впечатлѣніе.

— Никакого обмана здѣсь нѣтъ,—отвѣчалъ ему Петръ Петровичъ.—Вы сами, о. Николай, не знаете исторіи, если такъ говорите.

И онъ принялся объяснять, что народовластіе было на Руси

въ кіевскій періодъ, а закрѣпощеніе крестьянъ произошло въ періодъ московскій...

Видя себя окончательно посрамленнымъ, священникъ сталъ кричать еще громче, неся какую-то околесицу, такъ что не было никакой возможности продолжать разговоръ. Всѣ поняли, что батюшка «переложилъ» на именинахъ, и не оспаривали его, ожидая, когда онъ самъ выкричится и замолкнетъ.

— Ну что, гражданки и граждане,—насмѣшливо кричалъ онъ,— понимаете-ли вы, что такое значитъ гражданство? Скажите-ка: съ чѣмъ его ѣдятъ?.. Ха-ха-ха! Вы, я думаю, въ рѣдькѣ лучше понимаете, чѣмъ эту штуку. Что же, довольны-ли вы своимъ гражданствомъ?..

И онъ громко хохоталъ. Къ нему подстали сидѣлецъ винной лавки, лавочникъ и псаломщикъ.

— Коля, перестань,—уговаривала о. Николая его жена, дергая за широкій рукавъ рясы. Но онъ не слушалъ.

— Ничего смѣшного тутъ, батюшка, нѣтъ,—возразилъ ему пожилой крестьянинъ.—А мы поняли хорошо, что намъ надо, лучше, чѣмъ ты. Мы поняли, что насъ прежде за скотину почитали, а теперча стали почитать за людей. Вотъ это мы поняли.

— Да чего тутъ и не понять-то?—горячо заговорилъ другой крестьянинъ,—теперь, что мы, то вы, что наши дѣти, то и ваши— одинаково граждане. Вотъ и кончено. И мы довольны, что такъ, по справедливости, сдѣлали.

— И давно бы такъ надо сдѣлать!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

— А тебѣ, отецъ Николай, поди, не любо стало, что насъ за людей считаютъ? Экое горе тебѣ. Кабы любо, такъ не смѣялся бы...

— Да что онъ тутъ присталъ? Его никто не просилъ тутъ говорить и пусть идетъ, гдѣ былъ... Налилъ глаза-то...—раздавались съ разныхъ сторонъ раздраженные голоса.

— Батюшка,—подошелъ къ о. Николаю все время молчавшій степенный крестьянинъ,—ежели тебѣ не любы наши разговоры, такъ уйди отъ насъ прочь, пожалуйста. Не мѣшай намъ. Мы тебя въ добро просимъ. Что ты тутъ намъ будешь мѣшать?..

— Отецъ Николай, отецъ Николай,—подступалъ къ нему охмелѣвшій на именинахъ дьяконъ,—бросьте. Не мѣшайте крестьянамъ радоваться. Свобода всѣмъ люба. Всѣмъ!.. Вѣрно, братцы?.. Радуйтесь свободѣ, крестьяне, она—ваша. Ур-ра-а!..

Множество голосовъ подхватили это ура.

Петръ Петровичъ скорбно глядѣлъ на искаженное злобой лицо священника и видимо страдалъ за униженіе его сана. Желая вывести его изъ затруднительнаго положенія, онъ сказалъ народу, что собраніе окончено и можно расходиться, а на дняхъ будетъ новое собраніе, здѣсь же, въ школѣ, и тогда будетъ чтеніе о Государственной Думѣ, при чемъ о собраніи будетъ сообщено за день пригласительной запиской.

Стали расходиться.

— Господи, на собакъ, вишь, мѣняли добрыхъ людей, а? Бога не боялись,—сокрушенно вздыхала молодуха, поправляя на головѣ платокъ и выходя изъ за парты.

— Отошло, братъ, теперь все это. Шалишь!

— Не токма мѣняли, а травили собаками на смерть — вотъ что было,—съ негодованіемъ говорилъ дрожащимъ голосомъ старикъ и отеръ блеснувшія на глазахъ слезы.

— Прикончилось, слава Богу.

III.

Ободренный успѣхомъ перваго собранія, я на второй день сталъ готовить рядъ статей для чтенія народу: «О Государственной Думѣ», «Объ историческомъ значеніи самодержавія въ Россіи», «О союзахъ», «Въ защиту борцовъ освобожденія» и др. Ко мнѣ пришли Шмель и нашъ пасѣчникъ и гармонщикъ-самоучка, Арсеньевъ, грамотный и начитанный крестьянинъ.

— Ну, что же теперь дѣлать думаешь?—спрашивали они меня.

— Думаю продолжать начатое. Пойду по деревнямъ и буду говорить и читать народу то, что вчера вамъ.

— Это дѣло. Ходи, покамѣстъ что. А то мнѣ думается, собаки-то скоро станутъ до тебя догрызаться; не дадутъ говорить,—сказалъ Шмель.

— Какъ не дадутъ? Какія собаки?

— Какія! Извѣстно—полиція. Вчера въ ночь уже къ приставу сотскій ѣздилъ доносить.

— Ну и пусть. Вѣдь это—манифестъ, царское слово. Кто же можетъ запретить, когда онъ для того и данъ, чтобы его распространять въ народѣ?

— Такъ-то оно такъ...

Арсеньевъ предложилъ на сегодняшній вечеръ пойти въ сосѣднюю деревню, Березовку, и тамъ устроить собраніе; я ничего не имѣлъ противъ.

Къ вечеру я приготовилъ приговоръ отъ крестьянъ объ амнистіи заключеннымъ, которыхъ теперь нужно было не держать въ заключеніи, а благодарить и чествовать, какъ пострадавшихъ за общее дѣло свободы и правды и этимъ добившихся манифеста 17-го октября.

Въ Березовкѣ крестьяне, какъ только узнали, что мы пришли, стали собираться на сходку. Пока они собирались, я зашелъ къ учителю мѣстной министерской школы, Власову, думая предложить ему устроить собраніе въ помѣщеніи его школы. Правда, нельзя было возлагать большихъ надеждъ на энергичное содѣйствіе Власова, такъ какъ онъ, учительствуя тридцать лѣтъ, никогда не про-

являлъ себя либераломъ, а въ послѣднее время открылъ тутъ же въ Березовкѣ, напротивъ школы, мелочную лавку, которой интересовался гораздо больше, чѣмъ школой. Но время было такое, что, мнѣ казалось, камни должны были заговорить. И я пошелъ къ Власову.

— Да, я слышалъ, что вы тамъ, въ Подлиповкѣ, что-то такое читали... о свободахъ, что-ли,—съ вялою улыбкой проговорилъ Власовъ, предлагая мнѣ чаю.—Что же: мужикамъ должно быть пріятно—безъ всякой заслуги и вдругъ гражданами пожаловали. А мы вѣдь за это самое гражданство-то по пятнадцати годовъ въ школѣ отзвонили...

— Васъ развѣ не радуетъ это?—спросилъ я.

— Нѣтъ, отчего же? Мнѣ все равно.

Онъ поправилъ свои густые, начинающіе сѣдѣть волосы, и лицо его стало суровымъ и нелюдимымъ.

— Только у меня въ училищѣ вамъ нельзя будетъ собраться, потому что парты тамъ... и вообще ничего не приготовлено для пріема мужиковъ... гражданъ то-есть, по теперешнему. Ха-ха.

— Левушка, тебѣ некогда съ этимъ заниматься, ты вѣдь хотѣлъ за товаромъ для лавки ѣхать,—замѣтила ему жена.

— Ахъ, да. Я было забылъ. Ну вотъ видите: все противъ насъ...

Я понялъ, что дальнѣйшіе разговоры съ нимъ будутъ безполезны, и пошелъ на собраніе, отказавшись отъ чаю.

Изба была полна народомъ. Тутъ были мужчины и женщины; не только на лавкахъ и на полатяхъ, но и на полу—вездѣ сидѣли люди. Лица у всѣхъ были оживленныя и серьезныя. Въ большомъ углу на столѣ горѣла жестяная лампа съ тщательно вычищеннымъ стекломъ. Арсеньевъ, пришедшій сюда раньше меня, сидѣлъ за столомъ и разбиралъ газеты съ отмѣченными для чтенія статьями.

Чтобы ознакомить собраніе съ проишествіями послѣдняго времени, стали читать статьи газетъ. Едва Арсеньевъ успѣлъ прочитать одну статью, какъ раздался за окномъ звонъ колокольчика, и кто-то подъѣхалъ къ избѣ.

— Приставъ пріѣхалъ! Становой приставъ пріѣхалъ,—заговорили съ разныхъ сторонъ.

— Знать, послухать захотѣлъ. Пусть послухаетъ. Что-жъ, вонъ не погонимъ. Не жаль—пусть!—Какъ-бы только онъ насъ вонъ не погналъ?..

— Съ манифестомъ-то царскимъ?.. Эва!

Дверь избы отворилась, и вошелъ становой приставъ. Онъ, не снимая съ головы своей форменной фуражки, медленно подходилъ къ столу, на ходу стягивая съ руки перчатку и пристально и строго оглядывая всѣхъ.

— Здорово, ребята,—поздоровался онъ по военному.

— Здравствуйте, ваше благородіе,—отозвались ему.

— Что тутъ за собраніе у васъ?—строговато спросилъ онъ меня.

Я объяснилъ ему, что мы получили съ газетами высочайшій манифестъ. И такъ какъ манифестъ этотъ имѣетъ цѣлью успокоеніе возникшихъ въ Россіи волненій, то мы считаемъ своимъ долгомъ возможно скорѣе и шире распространить этотъ манифестъ и объяснить его сущность. Я сказалъ, что радуюсь его визиту, потому что если онъ выслушаетъ теперь наши чтенія и рѣчи, то ему станетъ вполнѣ понятною цѣль нашего собранія и наше направленіе, что очень важно для общаго дѣла во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній.

— Хорошо. Продолжайте ваши рѣчи. Я выслушаю все до конца.

Онъ сѣлъ за столъ, снявъ саблю и разстегнувъ шинель, такъ какъ въ избѣ было довольно жарко.

Мнѣ нравилось, что дѣло слагалось такъ просто и открыто.

Я взялъ отъ Арсеньева газету и сталъ читать начатый имъ фельетонъ, въ которомъ ярко описывались убійства 9-го января, произведенныя войсками въ разныхъ мѣстахъ Петербурга.

Жестокое и нелѣпое убійство безоружныхъ и невинныхъ людей, женщинъ, стариковъ и дѣтей, возмущало слушателей, и на лицахъ ихъ видно было выраженіе негодованія на убійцъ и жалости къ жертвамъ. Приставъ замѣчалъ это, и лицо его становилось все болѣе и болѣе суровымъ, но, вмѣстѣ съ этимъ, въ немъ выражалось безпокойство и растерянность.

Онъ не прерывалъ меня, но, когда я кончилъ, всталъ и произнесъ рѣчь, очень растянутую и вялую, въ которой старался доказать, что газетамъ не слѣдуетъ вѣрить, ибо онѣ стремятся не къ тому, чтобы говорить правду, а къ тому, чтобы завлекать людей и черезъ это получать себѣ больше барышей. Потомъ онъ распространился о томъ, какъ газеты неправильно критикуютъ дѣйствія русскаго правительства, обвиняя его въ неудачахъ войны на Дальнемъ Востокѣ и многихъ другихъ упущеніяхъ и несправедливостяхъ. По его словамъ, русское правительство сдѣлало все, что могло, и отъ войны потеряло всего лишь половину острова Сахалина, который намъ былъ почти-что совсѣмъ ни на что не нуженъ.

Мѣстами онъ запинался и путался, очевидно, самъ плохо вѣря въ убѣдительность и правду своихъ словъ.

Крестьяне слушали его молча и только изрѣдка недовѣрчиво и нетерпѣливо покрякивали. Нѣкоторые презрительно и злобно улыбались; нѣкоторые вышли вонъ. Наконецъ, приставъ замолчалъ и сѣлъ. Я же сталъ читать манифестъ и докладъ гр. Витте, одобренный государемъ и «принятый къ руководству». Манифестъ выслушали стоя. Послѣ этого я началъ читать о значеніи дарованныхъ свободъ и затѣмъ перешелъ къ статьѣ «о Государственной Думѣ». Когда я сталъ читать о дѣйствіяхъ правительства, со всѣхъ

сторонъ посыпались возгласы: до чего довели Россію! Раззорили, мазурики! Опозорили на весь свѣтъ!..

Приставъ слушалъ все это, задумавшись, и уже не пытался болѣе возражать. Онъ, очевидно, понялъ, что словамъ его никто здѣсь не повѣритъ и что неумно было защищать правительство, которымъ былъ недоволенъ самъ государь...

Я никогда не чувствовалъ себя въ такомъ ударѣ. Все, что накипѣло на сердцѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ, хлынуло теперь наружу неудержимымъ потокомъ. Въ заключеніе я прочиталъ приговоръ объ амнистіи и предложилъ крестьянамъ подписать его.

Этому приставъ воспротивился. Онъ всталъ и сказалъ крестьянамъ, что не совѣтуетъ имъ подписывать этотъ приговоръ, потому что начальству лучше извѣстно, кого слѣдуетъ держать въ заточеніи и кого освободить. Потомъ онъ сталъ говорить, уже какъ бы извиняясь передъ собраніемъ, что онъ не такой, какъ другіе служащіе въ полиціи—добиваются повышеній и наградъ по протекціи, что онъ служилъ честно и много трудился.

Слова эти произвели свое дѣйствіе, и на пристава крестьяне стали смотрѣть уже безъ той ненависти, какъ сначала.

— Теперь, вы знаете, вездѣ идутъ бунты. Но крестьянамъ отъ нихъ дѣлается не лучше, а хуже. И я желалъ бы, чтобы у васъ все было тихо,—сказалъ онъ въ заключеніе.

— Бунтовъ у насъ никакихъ не будетъ, ежели только вы сами насъ не взбунтуете,—заговорили со всѣхъ сторонъ.

— Какъ это такъ?—съ удивленіемъ спросилъ приставъ.

— Да такъ, что, ежели понапрасно прижимать насъ не станете, все тогда тихо будетъ.

IV.

Приставъ оказался настолько благоразумнымъ, что не сталъ преслѣдовать меня за собранія и чтенія. Онъ понялъ, что тутъ дѣйствительно нѣтъ ничего, угрожающаго общественному благополучію, и что—главное—все это допускалось высочайшимъ манифестомъ...

Со стороны черносотенцевъ я встрѣчалъ лишь слабое сопротивленіе: одинъ священникъ, о. Николай, да волостной старшина, всю почти жизнь прослужившій лакеемъ въ господскихъ домахъ, распространяли по деревнямъ слухи о томъ, что я—опасный человѣкъ, подкупленный революціонерами на тѣ милліоны японскихъ денегъ, которыя они, будто бы, дали русскимъ соціалистамъ, и что я подготовляю крестьянъ къ возстанію.

Какъ ни нелѣпы были эти слухи, но нѣкоторые темные люди были склонны вѣрить имъ. И меня часто предупреждали, чтобы я не ходилъ въ тѣ деревни, гдѣ передъ тѣмъ были попъ и старшина, по-

тому что тамъ могли меня убить, ибо черносотенцы внушали всѣмъ, что убить меня можно совершенно безнаказанно. Но я былъ убѣжденъ въ томъ, что крестьяне не рѣшатся меня убить, не выслушавши, а, разъ только они станутъ меня слушать, то всѣ басни о японскихъ милліонахъ и о моей злонамѣренности разлетятся прахомъ. Поэтому я еще съ большею охотой шелъ въ тѣ деревни, гдѣ мнѣ угрожали смертью.

Такъ всегда и было, какъ я предполагалъ: лишь только узнавали крестьяне о нашемъ приходѣ (я почти всегда ходилъ вдвоемъ: то съ Арсеньевымъ, то съ учителемъ воспитательнаго дома), они собирались куда-нибудь, гдѣ попросторнѣе изба; встрѣчали насъ почтительно, съ сосредоточенными, серьезными и строгими лицами. Придя въ избу, мы выдвигали на болѣе удобное мѣсто столъ, раскладывали на немъ манифестъ, конспекты рѣчей и газеты и открывали засѣданіе.

Какъ только начинались чтенія и рѣчи, всѣ недоумѣнія и подозрѣнія, распространяемыя черносотенцами, дѣйствительно разсѣивались, какъ дымъ. Крестьяне слушали съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ.

Такъ обходилъ я всю волость, побывавъ почти въ каждой деревнѣ, а въ нѣкоторыхъ большихъ деревняхъ былъ по нѣсколько разъ. Случалось, что за мной пріѣзжали изъ сосѣднихъ волостей съ просьбою, чтобы я побывалъ у нихъ и потолковалъ съ ними «о землѣ и волѣ». Вездѣ меня привѣтливо встрѣчали и съ искренней благодарностью провожали. Только въ одной большой деревнѣ, гдѣ я былъ два раза, во второй разъ я встрѣтилъ сопротивленіе со стороны черной сотни. Первое собраніе прошло хорошо. На немъ присутствовали мѣстная учительница и попечитель ея школы, помѣщикъ. Послѣдній пытался было возражать мнѣ, не сочувствуя принципу равенства и, очевидно, боясь, чтобы крестьяне не слишкомъ зазнались. Еще страшило его упраздненіе самодержавія, которое неизбѣжно совершалось съ учрежденіемъ законодательной Государственной Думы. Для себя помѣщикъ желалъ гражданской свободы, а для крестьянъ-то, пожалуй, не прочь былъ сохранить сильную власть... Но возраженія его были такъ ничтожны, что они только усиливали благопріятное впечатлѣніе и желаніе протеста.

И во второй разъ собраніе въ этой деревнѣ прошло очень хорошо, и крестьяне проводили меня съ выраженіями живѣйшей благодарности. Но послѣ моего ухода присутствовавшій здѣсь и все время молчавшій черносотенецъ-побирушка, изъ разстриженныхъ поповъ, сталъ доказывать крестьянамъ, что я дѣйствую не изъ доброжелательства къ нимъ, а нанятъ за деньги партіей соціалистовъ-революціонеровъ и подготовляю вооруженное возстаніе. Побирушкѣ удалось даже увѣрить крестьянъ,—хотя далеко не всѣхъ,—что въ рѣчахъ моихъ не можетъ быть для нихъ пользы и что пользы имъ можно ждать только отъ самого государя, къ которому и слѣдуетъ

имъ обратиться съ приговоромъ и вѣрноподданнѣйшимъ прошеніемъ о помощи въ своихъ нуждахъ. Онъ самъ взялся составить приговоръ и послать, куда слѣдуетъ. Крестьяне повѣрили его словамъ; приговоръ былъ составленъ (въ немъ была просьба объ отнятіи земли у помѣщиковъ и надѣленіи этой землей крестьянъ, о сложеніи податей, объ устройствѣ школъ и пр.), побирушка получилъ за это мзду, а я остался въ подозрѣніи у нѣкоторыхъ крестьянъ.

Послалъ ли куда побирушка-черносотенецъ этотъ приговоръ, или бросилъ его, воспользовавшись полученными деньгами? Объ этомъ я ничего не знаю. Но крестьяне, не получивъ никакого удовлетворенія и даже отвѣта на свое ходатайство, поняли, что проходимецъ жестоко надулъ ихъ...

Послѣ я спрашивалъ кое-кого изъ нихъ:—ну что, какъ ваше дѣло съ приговоромъ? Они чесали у себя въ затылкѣ и уныло, а нѣкоторые со злостью говорили: да что—ни черта не вышло. Обманулъ разстрига-подлецъ!..

Администрація скрывала манифестъ отъ народа, легкомысленно воображая, что его можно было скрыть. Въ наше волостное правленіе прислали его ровно девятнадцать дней спустя послѣ того, какъ онъ былъ обнародованъ. Прислали безъ доклада графа Витте, со строгимъ приказаніемъ отослать его въ другую волость немедленно, какъ только онъ будетъ прочитанъ крестьянамъ. Священникъ, о. Николай, прочиталъ его въ церкви, во время литургіи, двѣ недѣли спустя.

Старшинѣ уже не нужно было объяснять сущность манифеста крестьянамъ, потому что они ознакомлены были съ нею задолго раньше. Однако, онъ всетаки, «во исполненіе предписанія начальства», прочиталъ его въ школѣ на нашемъ собраніи. На этотъ разъ здѣсь присутствовали жандармъ, урядникъ, сотскіе и полицейскіе десятскіе. Прочитавъ манифестъ, старшина выразилъ увѣренность въ томъ, что въ немъ все ясно и понятно сказано и объяснять не требуется ничего.

— Это вѣрно,—отвѣчали ему крестьяне:—намъ раньше тебя, спасибо, объяснили.

— Напрасно ты и трудился. Только языкъ попусту ломалъ.

Я сказалъ, однако, что хотя я раньше и объяснялъ сущность манифеста, но, можетъ быть, недостаточно ясно, и теперь старшина, такъ увѣренно заявившій, что въ манифестѣ ему все понятно, объяснитъ болѣе правильно и опредѣленно значеніе дарованныхъ крестьянамъ манифестомъ правъ и свободъ.

— Поэтому я убѣдительно прошу старшину,—закончилъ я,—повѣдать намъ то, чего мы, можетъ быть, не поняли въ манифестѣ, но что хорошо понятно для него.

Старшина не зналъ, что сказать на это, и ушелъ отъ стола при громкомъ смѣхѣ публики.

— Господи Боже мой!—сказалъ одинъ пожилой крестьянинъ,

подходя къ столу,—и чего, спросить, человѣкъ суетится и намъ поперекъ дороги становится?.. Вѣдь—волостной старшина, мы ему волость довѣрили, а онъ—нака-сь теперича что: недоволенъ, что намъ гражданскія права дали... Да что-жъ это такое?.. Ну, еще, скажемъ, ежели господа какіе, попы, тамъ, помѣщики или чиновники недовольны, что насъ, значитъ, съ ними въ правахъ сравнили, такъ они уже привыкши споконъ вѣку за людей насъ не считать. А это-то кто такой?—обратился онъ къ народу, презрительно указывая рукой на старшину,—мужикъ вѣдь, крестьянинъ, какъ и мы, а тоже недоволенъ... Да что же ему надо, спросить его?...

— Ему надо начальству заслужить. Хвостомъ вилять надо! Ему надо, чтобы изъ старшинъ его высадить,—раздались гнѣвные голоса.

Полицейскіе слушали все это и молчали, не зная, что предпринять.

Если бы имъ было приказано совершить насиліе, то они, по долгу службы, исполнили бы это. Но теперь имъ этого, очевидно, не было приказано, и, видя, что на ихъ глазахъ совершается нѣчто необычное, они чувствовали себя неловко...

Вездѣ, гдѣ я ни былъ на собраніяхъ, крестьяне постоянно задавали мнѣ вопросъ: что имъ слѣдуетъ сдѣлать для того, чтобы сейчасъ же, не теряя времени, добиваться того, что для нихъ необходимо нужно—земли и воли.

— Объединяйтесь въ союзы,—говорилъ я имъ.

— Вотъ и мы то самое думаемъ. А какъ?..

Я много читалъ въ «Сынѣ Отечества» о Крестьянскомъ союзѣ, о его съѣздахъ, засѣданіяхъ, отчетахъ, и мнѣ казалось, что онъ скорѣе всего могъ помочь крестьянамъ въ ихъ затрудненіяхъ. Я тѣмъ болѣе убѣждался въ этомъ предположеніи, что, когда мнѣ приходилось читать крестьянамъ отчеты съѣздовъ Крестьянскаго союза и вообще знакомить ихъ съ его дѣятельностью, они съ глубокимъ сочувствіемъ относились къ нему. Наконецъ, крестьяне прямо стали просить о томъ, чтобы я помогъ имъ присоединиться къ какому-нибудь «хорошему» союзу.

— Къ какому же вы думаете?—спрашивалъ я.

— Къ какому? Извѣстно, не къ прачкамъ, не къ дворникамъ и извозчикамъ. Мы—крестьяне, такъ, значитъ, и къ союзу намъ надо приписаться крестьянскому.

— Къ крестьянскому! Этотъ будетъ хорошъ; онъ за насъ руку держитъ, мы къ нему хотимъ! Составляйте приговоръ къ нему.

Былъ составленъ на сельскомъ сходѣ приговоръ, въ которомъ желаніе крестьянъ присоединиться къ Всероссійскому Крестьянскому Союзу мотивировалось тѣмъ, что они, получивъ права свободныхъ гражданъ, считаютъ себя призванными устраивать свою жизнь на новыхъ, культурныхъ началахъ, надѣются найти въ союзѣ

себѣ руководителей въ этомъ направленіи. Вмѣстѣ съ этимъ былъ написанъ и другой приговоръ, которымъ крестьяне уполномочивали меня присутствовать на съѣздахъ союза, какъ своего делегата.

V.

Освободительное движеніе быстро разросталось и охватывало самые глухіе уголки деревни. Крестьяне стали выписывать на общественный счетъ газеты: «Сынъ Отечества», «Русскую Газету» и т. п. Въ деревнѣ шла глубокая внутренняя работа, закладывавшая основы новой жизни. Но старая жизнь не разрушалась открыто—не было ни бунтовъ, ни насилій. Въ свою очередь и власти сперва бездѣйствовали, не рѣшаясь до поры, до времени отнимать провозглашенная манифестомъ права и свободы.

Правда, такъ дѣло шло не долго. Исправникъ вскорѣ уже обезпокоился и обратился къ губернатору съ просьбой разрѣшить ему произвести въ уѣздѣ аресты крестьянскихъ агитаторовъ и такимъ образомъ «вырвать зло съ корнемъ». Послѣ каждаго собранія въ ту деревню, гдѣ оно происходило, сталъ пріѣзжать становой приставъ, производить слѣдствія и составлять протоколы. Но такъ какъ крестьяне вездѣ говорили ему, что у нихъ «все по хорошему и никакихъ бунтовъ нѣтъ», то онъ уѣзжалъ обратно, не предпринимая рѣшительныхъ мѣръ.

Однако попятное теченіе въ административныхъ сферахъ стало принимать все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Учитель Петръ Петровичъ получилъ отъ инспектора училищъ бумагу, которою ему воспрещалось допускать въ помѣщеніи школы народныя собранія. Когда крестьяне собрались въ школѣ, онъ прочиталъ имъ эту бумагу. Но они этимъ не удовлетворились и заявили, что имъ необходимо собираться гдѣ-нибудь, а другого, болѣе удобнаго помѣщенія у нихъ нѣтъ, и, такъ какъ школа построена на ихъ средства, то они считаютъ себя въ правѣ собираться въ ней, когда имъ это нужно. Все же послѣ этого собранія въ школѣ стали рѣже, а скоро и совсѣмъ прекратились. Петръ Петровичъ боялся отвѣтственности какъ передъ начальствомъ, такъ и передъ Богомъ, и, подъ вліяніемъ о. Николая, ему борьба за земныя блага уже стала представляться суетой, а упраздненіе самодержавія—оскорбленіемъ «помазанника Божія»...

Теперь собранія стали устраиваться въ другой школѣ, въ сосѣднемъ селѣ. Но едва мы успѣли сдѣлать тамъ нѣсколько собраній, какъ изъ Петербурга пріѣхалъ командированный отъ вѣдомства воспитательнаго дома чиновникъ, для производства дознанія и слѣдствія по поводу этихъ собраній. Учитель разсказалъ ему все, какъ было, ничего не утаивая и считая себя ни въ чемъ не виновнымъ. Чиновникъ сказалъ, что ничего особеннаго

въ этомъ пока нѣтъ, но все же запретилъ дѣлать собранія и даже не позволилъ больше выписывать «Русскую Газету» и «Сынъ Отечества», порекомендовавъ замѣнить ихъ «Новымъ Временемъ»...

Я предвидѣлъ, что моя «проповѣдь», какъ говорили крестьяне, скоро кончится, и спѣшилъ проповѣдывать, проходя деревни и рѣдко ночуя дома.

У меня не было программы Крестьянскаго Союза, и я хотѣлъ достать ее. Пришлось мнѣ услыхать, будто въ сосѣдней съ нами волости крестьяне при помощи учительницы присоединились къ Крестьянскому Союзу. Я отправился къ этой учительницѣ. Она оказалась личностью въ высшей степени симпатичною и прогрессивною. Крестьяне, хорошо зная ее, положительно осаждали ея домъ, обращаясь къ ней съ просьбами дать имъ совѣтъ, какъ дѣйствовать и какъ составить приговоры о присоединеніи къ Всероссійскому Крестьянскому Союзу. Она дѣлала для крестьянъ все, что могла. Но и у нея, какъ и у меня, не было программы Крестьянскаго Союза, и она знала объ его направленіи и дѣятельности лишь изъ газетъ.

Обоихъ насъ въ высшей степени интересовалъ земельный вопросъ, и намъ хотѣлось знать отъ самихъ крестьянъ: какія формы землевладѣнія они считаютъ для себя лучшими?..

Намъ съ нею пришлось быть въ нѣкоторыхъ деревняхъ и селахъ и бесѣдовать съ крестьянами на эту тему. Изъ этихъ бесѣдъ мы вынесли такое впечатлѣніе, что крестьяне сами еще не знаютъ хорошо, какое землевладѣніе было бы для нихъ лучше.

— Да пущай намъ дадутъ прирѣзку земли, такъ, чтобы полно было—вотъ и больше никакихъ!—говорили тѣ крестьяне, которые занимались отхожими промыслами и нанимали работниковъ на свои работы.

— Нѣтъ, такъ, гляди, неладно будетъ, — возражали имъ крестьяне-домосѣды:—прирѣзки мало будетъ, коли семья расплодится. А потомъ какъ жить станемъ?..

— Ну, а какъ ежели скупятъ у насъ землю, али за долги отберутъ, что тогда заведемъ дѣлать?—предугадывали третьи.

И всѣ они приводили вѣскіе доводы въ доказательство своихъ соображеній. Очевидно было, что они могли придти къ соглашенію и остановиться только на такомъ способѣ землевладѣнія, который можно было бы признать болѣе справедливымъ и безобиднымъ для всѣхъ.

Я объяснялъ имъ порядокъ частновладѣльческаго и общественнаго землевладѣнія, предоставляя имъ самимъ разобраться: который для нихъ лучше. И послѣ долгаго обмѣна мнѣній всегда значительное большинство крестьянъ высказывалось за обращеніе земли въ общественную собственность.

— Худо ли такъ-то,—говорили они:—ежели у насъ и семьи, скажемъ, будутъ большія, все же сыновьямъ нашимъ дадутъ ча-

стичку мірской земли. А ежели, примѣрно, не будетъ сыновей такъ пусть отходитъ земля съ Богомъ опять міру. На тотъ свѣтъ ее не брать.

— А какъ семья останется малъ-мала меньше?..

— Тогда, извѣстно, надо помогать, какъ, примѣрно, вдовамъ солдатскимъ, когда война...

— Ну, а какъ работники заболѣютъ, кто работать будетъ, коли нанимать нельзя?

— Можно пособіе собрать...

Относительно способовъ расширенія площади крестьянскихъ земель мнѣнія тоже расходились. Одни говорили, что отобрать нужно землю отъ всѣхъ, кто на ней самъ не работаетъ, и все тутъ.

— Довольно время владѣли, нужно и стыдъ поимѣть; земля— не ихняя, а Божья и не Богъ имъ ее далъ, а сами они силкомъ отъ бѣдныхъ людей отняли.

Другіе говорили, что слѣдуетъ только наслѣдственную землю отобрать безъ выкупа, а за купленную честно—внести деньги. Третьи разсуждали такъ: разъ крестьянскія земли съ 1907 года выйдутъ на выкупъ, крестьяне станутъ собственниками и эту свою собственную землю будутъ согласны отдать въ мірское владѣніе, то и всѣ другіе землевладѣльцы обязаны сдѣлать то же. И такимъ образомъ вся земля должна стать общественною. Это будетъ сдѣлано по справедливости, и никому отъ этого не должно быть обидно...

Я уже говорилъ, что ко мнѣ не разъ пріѣзжали крестьяне изъ сосѣднихъ волостей съ просьбами поѣхать къ нимъ и потолковать «о землѣ и волѣ». Случалось мнѣ бывать въ такихъ деревняхъ, гдѣ всѣ крестьяне были поголовно неграмотны... Очень грустно было бесѣдовать съ ними и видѣть ихъ экономическую и моральную безпомощность. Это были такіе элементы, которые легко можно было сегодня вызвать на разгромъ помѣщичьихъ имѣній, а завтра, пожалуй, на черносотенные погромы евреевъ и другихъ «крамольниковъ». Съ этими людьми нужно было говорить, какъ говоритъ учитель съ дѣтьми въ школѣ, выясняя всесторонне самыя простыя понятія самымъ простымъ и понятнымъ для нихъ языкомъ... Кромѣ вопросовъ экономическихъ, ставшихъ для нихъ роковыми, требовалось пробудить въ нихъ сознаніе гражданскаго достоинства и правъ. Нужно было указать имъ, кто ихъ друзья и кто враги, и на кого они могутъ положиться. Но это, какъ оказалось, не такъ трудно было сдѣлать: несмотря на забитость и придавленность, въ душѣ ихъ было живо стремленіе къ правдѣ, сознаніе своей нравственной правоты и какого-то мученическаго величія и благородства передъ угнетателями. Иногда среди нихъ вспыхивало и озлобленіе противъ угнетателей, но гораздо чаще проявлялось лишь великодушное стремленіе къ возстановленію справедливости и къ прощенію обид-

чикамъ ихъ вины, разъ справедливость будетъ возстановлена, а обидчики сознаютъ себя неправыми и покорятся новому справедливому порядку.

— Мы зла не помнимъ,—говорили они,—пусть и они, коли хотятъ, берутъ себѣ надѣлъ земли и работаютъ, какъ и мы. Никому не заказано.

— Не захотятъ они такъ-то работать, — сомнѣвались нѣкоторые.

— А не захотятъ, такъ пусть не берутъ земли, а на легкихъ хлѣбахъ живутъ, на другихъ дѣлахъ. Ежели теперича усадьбы имъ, что они владѣютъ, отдать, такъ жить и имъ можно: деньжонки, скажемъ, у нихъ есть; сами они—ученые, могутъ, чай, прокормиться и безъ насъ.

— Только бы они безъ насъ прокормились, а мы безъ нихъ прокормимся!

VI.

Какъ-то въ началѣ декабря я ночевалъ дома. Только что мы улеглись спать, кто-то постучался въ калитку. Я вышелъ въ корридоръ узнать, въ чемъ дѣло.

— Это я. Откройте,—отозвался голосъ знакомаго учителя.

Я открылъ, и въ корридоръ вошли, вмѣстѣ съ моимъ знакомымъ, двое неизвѣстныхъ мнѣ людей, одѣтыхъ въ легкія, сильно поношенныя ватныя пальто и по виду похожихъ не то на учителей, не то на рабочихъ.

— Товарищи: Петровскій и Чашкинъ—члены Крестьянскаго Союза,—представилъ мнѣ ихъ учитель.

Я обрадовался ихъ приходу въ надеждѣ, что отъ нихъ я, навѣрное, получу програму союза.

Гости, повидимому, озябли и очень утомились—они пришли ко мнѣ за пятнадцать верстъ. Я пригласилъ ихъ остаться ночевать, и за чаемъ мы скоро разговорились. Петровскій оказался очень словоохотливъ и много разсказывалъ о томъ, какъ освободительное движеніе отразилось на жизни городскихъ рабочихъ и захватываетъ деревню, какъ организуются разные союзы, что составляетъ сущность программъ разныхъ партій и проч. Но только и онъ не могъ удовлетворить моему любопытству и ознакомить меня съ программою Крестьянскаго Союза. По его словамъ, программа должна была быть окончательно выработана на предстоящемъ съѣздѣ крестьянскихъ делегатовъ въ Петербургѣ. Теперь же онъ съ Чашкинымъ хотятъ побывать на мѣстахъ, узнать настроеніе крестьянъ и ихъ требованія, чтобы потомъ можно было составить програму въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ.

Они просили меня познакомить ихъ съ мѣстной интеллигенціей, принимающей участіе въ освободительномъ движеніи. Я

обѣщалъ имъ пойти съ ними къ той учительницѣ, о которой я упоминалъ выше.

На другой день, утромъ, мы пошли къ ней пѣшкомъ, но дошли не сразу. На пути въ одной деревнѣ, праздновавшей престольный праздникъ—Николинъ день, намъ повстрѣчался знакомый крестьянинъ и зазвалъ къ себѣ въ гости. Въ избѣ насъ посадили вмѣстѣ съ другими гостями за столъ. Хозяинъ, угощая насъ водкой и брагою, съ веселымъ лицомъ разсказывалъ, какъ теперь, слава Богу, крестьянамъ ихъ волости удалось составить приговоръ о присоединеніи къ Крестьянскому Союзу и добрые люди—союзники—похлопочутъ за нихъ, когда будетъ передѣлъ земли и равноправіе...

— Я давно говорилъ мужикамъ,—объяснялъ онъ:—ребята, мы сами—темные люди, ничего не сможемъ для себя сдѣлать и правду свою отстоять. А тамъ, въ союзѣ, будутъ такіе люди, которые, значитъ, и укажутъ намъ, что и почемъ... А намъ то и надо.

— Какъ же не надо? Эвона господа, погляди-ка, не спятъ, то и дѣло на съѣзды съѣзжаются, да другъ съ другомъ совѣтуются, какъ и что.

— Еще-бы! Они не прозѣваютъ. Какъ бы только они не надули насъ опять?..

— Вотъ то-то и есть. Тутъ-то и надо, чтобы дорогу намъ хорошіе люди показали,—говорили гости.

Не скоро мы выбрались отсюда, но учительницу все таки застали дома и пробыли у нея до поздняго вечера.

Петровскій и Чашкинъ хотѣли было ѣхать прямо оттуда на станцію желѣзной дороги. Но по случаю престольнаго праздника нельзя было нанять подводу. Пошли ночевать ко мнѣ. По дорогѣ опять зашли къ знакомому крестьянину, надѣясь найти въ ихъ деревнѣ подводу. Но и здѣсь подводы не нашлось, а вмѣсто того насъ опять усадили за столъ и стали подчивать. Въ деревнѣ узнали о нашемъ приходѣ, и вскорѣ изба стала наполняться народомъ. Всѣхъ влекло сюда желаніе справиться у свѣдущихъ людей насчетъ земли и прочаго...

Уже во второмъ часу ночи пришли мы домой. Подходя къ моему дому, мы съ удивленіемъ замѣтили подъ окнами его нѣсколькихъ лошадей, запряженныхъ въ сани, необыкновенное освѣщеніе внутри дома и въ окнахъ фигуры какихъ-то людей. Мы подумали было, что это пріѣхали полицейскіе и дѣлаютъ обыскъ. Я попросилъ гостей пройти на другой конецъ деревни и пошелъ въ домъ одинъ. Оказалось, однако, что это были не полицейскіе, а учителя, пріѣхавшіе изъ разныхъ мѣстъ уѣзда для совѣщанія по разнымъ профессіональнымъ вопросамъ. Изъ всѣхъ восьми учителей, бывшихъ тутъ, мнѣ былъ знакомъ только одинъ. Я позвалъ Петровскаго и Чашкина и, разговорившись, мы рѣшили созвать на 23 декабря всѣхъ учителей уѣзда на съѣздъ.

Но этому съѣзду не суждено было собраться: вскорѣ послѣ этого начались аресты «агитаторовъ»—учителей и крестьянъ—въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, и 14-го декабря я былъ арестованъ.

VII.

За нѣсколько дней до ареста меня предупреждали о томъ, что пріѣдетъ судебный слѣдователь и будетъ производить дознаніе о народныхъ собраніяхъ и революціонной агитаціи въ нашей волости. Но я ждалъ этого спокойно, въ полномъ сознаніи своей правоты, и спѣшилъ только до ареста переписать черновыя своихъ рѣчей на собраніяхъ и статью «О союзахъ».

Въ 10 часовъ утра 14-го числа, когда мы пили чай съ женой и дѣтьми, къ нашему дому подъѣхали становой приставъ, жандармъ, два урядника, два городовыхъ и полицейскій десятскій, вооруженные съ ногъ до головы и съ ломами, на случай если бы я заперъ передъ ними двери. Но дверь въ корридоръ стояла открытою настежь, и вся ватага полицейскихъ свободно вошла въ домъ.

Приставъ подошелъ ко мнѣ, не снимая шапки, и какимъ-то торжественно-холоднымъ и строгимъ голосомъ произнесъ:

— Прошу васъ пожаловать въ городъ къ исправнику для объясненій.

— Это, вѣроятно, по поводу собраній и чтеній?—спросилъ я.

— Да.

— Я къ вашимъ услугамъ. Только позвольте мнѣ допить стаканъ чаю?

— Пожалуйста.

Они всѣ стояли противъ стола, въ шапкахъ, и глядѣли на меня. Я оставилъ чай и заявилъ, что мнѣ нужно переодѣться. Мнѣ разрѣшили это. Я пошелъ въ другую комнату, но и приставъ послѣдовалъ за мною. Для меня стало понятнымъ, что теперь я уже не принадлежу самому себѣ.

Пока я переодѣвался, приставъ не сводилъ съ меня глазъ и болталъ разный вздоръ, вродѣ того: какъ у васъ уютно въ этой комнаткѣ, это спальня? и т. д.

— А нѣтъ ли у васъ конспектовъ рѣчей, которыя говорились вами на собраніяхъ?—спросилъ онъ, когда я переодѣлся.

— Вотъ они. Я только-что переписалъ послѣднюю статью.

— Ага!—радостно воскликнулъ приставъ.—Вы, вѣроятно, напечатать ихъ хотѣли?

— Да.

— Ага! Ну, вотъ и хорошо,—съ видомъ полной удовлетворенности говорилъ онъ, перелистывая страницы рукописи.

— Можетъ быть, вамъ нужно еще что-нибудь здѣсь взять? Такъ пожалуйста,—сказалъ я, указывая на книги и рукописи на столѣ.

— Да... такъ, немножко...

И пятеро полицейскихъ тотчасъ же принялись производить обыскъ.

Все содержавшееся въ столѣ было вынуто, пересмотрѣно и перерыто. То, что почему-нибудь привлекало вниманіе урядниковъ и жандарма и казалось имъ важнымъ,—стихотворенія, черновыя рукописи,—они показывали приставу, тотъ кивалъ имъ головой, и они откладывали въ сторону. Такимъ образомъ они наложили цѣлую кучу старыхъ черновиковъ моихъ сочиненій, давно уже напечатанныхъ. Конечно, было бы безполезно увѣрять ихъ, что въ этихъ тетрадяхъ нѣтъ ничего революціоннаго. Я и не мѣшалъ имъ дѣлать свое дѣло. Кромѣ рукописей, они взяли нѣсколько брошюръ, программы соціалистическихъ партій и пр.

Я стоялъ, совсѣмъ уже одѣтый въ дорогу, и смотрѣлъ, какъ они распоряжались. Дѣти жались ко мнѣ и со страхомъ глядѣли на незнакомыхъ «солдатъ».

Наконецъ, обыскъ былъ оконченъ, и, простившись съ семьей, я вышелъ на улицу въ сопровожденіи стражи. Меня усадили въ большія сани; одинъ полицейскій сѣлъ рядомъ со мной, два другихъ—напротивъ. Я оглянулся на стоящую у калитки жену съ младшимъ сыномъ на рукахъ и кивнулъ имъ головой. Лошади тронулись. Впереди насъ ѣхалъ приставъ съ жандармомъ, сзади двое полицейскихъ.

Это было какъ-то торжественно, ненужно и смѣшно.

— Какая торжественная процессія!—разсмѣялся я.—И зачѣмъ это васъ столько сюда пріѣхало?.. Сообщили бы мнѣ письменно о томъ, чтобы я явился для объясненій—я и пріѣхалъ бы къ исправнику одинъ, безъ всякой стражи, и привезъ бы съ собой все то, что теперь у меня взяли.

— Ну, кто же это зналъ? Да нешто можно на то разсчитывать? Бываетъ вѣдь такъ, что и сопротивляются, и убѣгаютъ,—сказалъ сидѣвшій напротивъ урядникъ.

— Да этотъ приставъ такой ужъ и есть у насъ,—съ неудовольствіемъ сказалъ сидѣвшій рядомъ:—таскаетъ всюду зря, только ѣзди вотъ да мерзни, не знамо за что.

— Они думаютъ, что этимъ могутъ пользу государству принести,—сказалъ я.

— А вы какъ думаете: приносимъ мы этимъ пользу, или нѣтъ?—задалъ мнѣ фарисейскій вопросъ сидѣвшій напротивъ.

— Трудно отвѣтить на это,—сказалъ я.—Я думаю, что было бы умнѣе для нихъ не трогать меня совсѣмъ. А, можетъ быть, будетъ больше пользы изъ того, что я арестованъ, какъ опасный преступникъ, и буду заключенъ въ тюрьму,—все это будетъ дѣйствовать на крестьянъ, которые знаютъ меня и считаютъ невиновнымъ...

— Да вы за что собственно?—съ живостью спросилъ тотъ же урядникъ.

— За разъясненіе сущности манифеста 17-го октября.

— Только за это?

— Да.

— Гм...

Онъ многозначительно покрутилъ головой и замолчалъ.

— Да, какъ ни говори, а пить-ѣсть и намъ надо... Ничего не подѣлаешь!—со вздохомъ неожиданно проговорилъ сидѣвшій рядомъ полицейскій.

Больше мы не говорили о политикѣ всю дорогу.

На пути заѣзжали въ квартиру пристава, въ 10 верстахъ. Тамъ всѣ арестованныя при обыскѣ вещи и рукописи были запечатаны въ пакеты. Отъ пристава меня послали въ городъ уже въ сопровожденіи одного городового и полицейскаго десятскаго. Другіе полицейскіе остались, какъ послѣ объяснилось для того, чтобы въ этотъ же день произвести еще аресты.

VIII.

Меня привезли къ Л — му полицейскому управленію, когда уже начинало смеркаться. Каменный полицейскій домъ выстроенъ на берегу рѣки, у моста, рядомъ съ тюрьмою и казначействомъ, противъ церкви.

Всѣ важныя государственныя учрежденія—казначейство, полицейское управленіе, церковь и тюрьма—были какъ бы объединены здѣсь въ одно гармоническое цѣлое.

Повели меня наверхъ по высокой и широкой лѣстницѣ—ступеней, должно быть, около ста—въ помѣщеніе управленія. Комнаты были высокія и просторныя...

— Кабы школы у насъ были такія!—невольно подумалось мнѣ.

Въ одной изъ комнатъ, уставленной столами, сидѣли дежурный писецъ и нѣсколько человѣкъ урядниковъ и городовыхъ. Они вели разговоръ и изъ всего, что я слышалъ, мнѣ запомнились слова одного высокаго и здоровеннаго урядника:

— Понимаете, онъ вздумалъ бороться! Мнѣ смѣшно. Но вѣдь, какъ говорится, «и пѣтухъ пѣтушится на своемъ пепелищѣ», такъ же и онъ въ школѣ. Ну, я его моментально скрутилъ и руки назадъ. Достали веревку, длиннѣйшую, возовую, саженъ, должно быть, пять, и всю ее вокругъ его обмотали... Спеленали, какъ младенца, такъ и положили въ сани.

Говоря это, здоровякъ смѣялся смѣхомъ торжествующаго побѣдителя...

Обо мнѣ тотчасъ же переговорили по телефону съ исправникомъ и, получивъ отъ него нужныя приказанія, обыскали меня до

нитки, отобрали деньги и всѣ вещи, оставивъ мнѣ только бѣлье, которое было на мнѣ, валенки, пальто и пиджакъ.

Полицейскій предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ и повелъ меня по темному корридору. Сторожъ участка провожалъ насъ.

— Вотъ здѣсь,—сказалъ сторожъ и открылъ дверь въ темную комнату.

Я вошелъ въ нее, и дверь за мною закрыли на ключъ.

Комната была пустая и въ ней было совершенно темно, только на высотѣ сажени отъ пола во тьмѣ было замѣтно бѣлесоватое пятно—это окно съ желѣзною рѣшеткой, въ которое проникалъ свѣтъ отъ зажженныхъ на дворѣ фонарей. Я наткнулся на что-то деревянное,—это, оказалось, были нары,—и сѣлъ на нихъ. Неопредѣленность положенія, темнота, одиночество, спертый воздухъ и жесткія нары—все наводило на невеселыя мысли. Пробывъ весь день безъ пищи, проѣхавъ разстояніе въ тридцать верстъ, на морозѣ, и переживъ много новыхъ и сильныхъ впечатлѣній, я чувствовалъ утомленіе и позывъ ко сну. Нащупалъ руками нары, подослалъ пальто и прилегъ, стараясь ни о чемъ не думать. Но думы такъ и лѣзли въ голову: то вспоминалась семья,то собранія въ школахъ и избахъ, мужики, женщины съ дѣтьми на рукахъ, подростки... У всѣхъ оживленныя и свѣтлыя лица, какъ у выздоровѣвшихъ отъ опасной и тяжелой болѣзни людей... Обмѣнъ мнѣній, рѣчи о свободахъ...

Какъ все это было тепло и прекрасно, и какъ теперь все жестко и темно...

«Но взойдетъ изъ за тучи свобода»—свѣтятся мнѣ, какъ яркій солнечный лучъ, слова Марсельезы, и я задремалъ.

Уснуть, однако, мнѣ не удалось: пришелъ сторожъ и сталъ зажигать керосиновую пятилинейную лампочку въ желѣзномъ рѣшетчатомъ фонарѣ, вдѣланномъ въ стѣнѣ сосѣдней комнаты, такъ что лампочка освѣщала двѣ камеры. Сторожъ сдѣлалъ это молча. Потомъ вышелъ изъ камеры, заперъ двери на ключъ и, приложившись ртомъ къ дыркѣ, сдѣланной въ двери, спросилъ меня:

— Вамъ не нужно ли что изъ лавки? Такъ что тутъ вотъ дано на васъ кормовыхъ семь копѣекъ...

— Это мнѣ всегда будутъ выдавать «кормовыя»?

— Да, постоянно. Такъ что тутъ это полагается всѣмъ.

— Но этого мало на продовольствіе.

— Своихъ прибавьте. Свои-то есть?

— Есть, немного. У меня ихъ отобрали. Шесть рублей девяносто копѣекъ.

— Ну, вотъ. Это ничего, что отобрали—выдавать будутъ изъ нихъ, сколько тамъ вамъ потребуется. Ежели чаю, можетъ, хотите? Такъ что мы съ бабой скоро будемъ пить—и вамъ можно будетъ подать. Этакъ, черезъ часъ.

Я попросилъ чаю и ситнаго. Онъ обѣщалъ, и его ротъ и часть глаза исчезли въ дверной дыркѣ.

Я съ любопытствомъ сталъ оглядывать свое помѣщеніе...

Камера была сажени полторы въ длину и столько же въ ширину. Направо, при входѣ, у самой двери,—нары, изъ неплотно сколоченныхъ досокъ, окрашенныя масляною краской цвѣта крови, стѣны аршина на два отъ пола также окрашены въ этотъ цвѣтъ. Направо, подъ фонаремъ, скамейка, а въ углу, у двери, небольшая круглая печка. поставленная топкою на корридоръ. Окно размѣромъ въ три четверти аршина вышины и аршина полтора ширины зарѣшечено желѣзною рѣшеткой изъ густо переплетенныхъ колецъ; полъ очень грязный, замусоренный окурками и мелко изорванными лоскутками бумаги; стѣны и потолокъ закоптѣлые, вѣроятно, отъ дыма папиросъ и лампы. Свѣтъ лампы бросаетъ тѣни отъ желѣзныхъ прутьевъ фонаря, и тѣни эти ложатся полосами на потолокъ и стѣны, сперва узко, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе расширяются въ пространствѣ...

Оглядѣвъ все это, я снова прилегъ. Въ сосѣдней камерѣ раздались шаги и покашливанье.

— Сосѣда, кажется, ко мнѣ привели?—спросилъ молодой, звучный и мягкій голосъ.

— Да, привели,—отозвался я.

— Вы по какому дѣлу?

— За разъясненіе крестьянамъ манифеста 17-го октября и за присоединеніе ихъ къ Крестьянскому Союзу.

— Ахъ, за агитацію. Нынче за это много сюда сажаютъ.

— А вы—тоже не за это-ли?

— Я? Н-нѣтъ... Но я тоже сочувствую освободительному движенію. чортъ побери!—сказалъ онъ, какъ будто вдругъ на кого разсердясь. Вслѣдъ за этой фразой раздался долгій и тяжелый вздохъ.—А не весело здѣсь сидѣть! Что вы на это скажете?—снова заговорилъ сосѣдъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Я согласенъ съ вами.

— Еще бы! Меня, знаете, всего больше мучаетъ положеніе моей жены и ребенка,—съ грустью проговорилъ онъ, снова глубоко вздыхая.—У меня жена, знаете, такая молоденькая совсѣмъ, такая милая она, знаете, нѣжное и доброе существо... Ахъ, Боже мой! если бы вы знали, какъ она нѣжна и мила!.. Дитя у насъ грудное есть... Ждетъ теперь меня и, навѣрное, скучаетъ... А я вотъ здѣсь... Чортъ возьми, ей-Богу, лучше ничего не думать, право!..

Онъ опять сокрушенно вздохнулъ и принялся быстро ходить по камерѣ.

— Я, знаете, тутъ сперва страшно тосковалъ. Со мной даже истерика была... Я уже два дня сижу здѣсь, на пространствѣ полуторы квадратныхъ саженъ, больше чѣмъ на половину занятыхъ нарами! Теперь уже немного осмотрѣлся и какъ будто начи-

наю привыкать къ своему печальному положенію. А-ахъ!.. А вы—женаты?

— Да. И тоже двоихъ дѣтей имѣю.

— Значитъ, и ваше положеніе не лучше. Ужасно то, что здѣсь заняться нечѣмъ. Сидишь совершенно, какъ автоматъ, и такъ цѣлые дни и ночи, безъ конца!.. Въ тюрьмѣ лучше—тамъ хоть кое-какая библіотека есть, книги даютъ читать и на прогулку выпускаютъ. А здѣсь ничего этого нѣтъ. За естественной надобностью и то нельзя выйти, когда захочешь, жди, когда сторожу свободно будетъ, чтобы тебя выпустилъ... Это вѣдь—клоповникъ проклятый,—съ отвращеніемъ и злобой проговорилъ онъ.—Карцовка! Мерзкое помѣщеніе... Скоро ли, о, Господи! скоро ли вырвемся отсюда?

Опять тяжкій вздохъ и быстрое круженіе по узкому пространству камеры.

— А вамъ—извините за любопытство—сколько лѣтъ?—спросилъ онъ, остановившись.

— Сорокъ три. А вамъ?

— Мнѣ—ровно половина. Да знаете что, мы можемъ разговаривать, видя другъ друга лицомъ къ лицу. Станьте на скамейку, подъ фонаремъ, и я сдѣлаю то же.

Я всталъ на скамейку и черезъ отверстіе въ стѣнѣ увидѣлъ небольшого роста безусаго человѣка, съ небольшой русой головой, обстриженной ершомъ. Голубые глаза молодого человѣка глядѣли открыто и вкрадчиво-мягко. Вообще, отъ его лица, по которому грусть какъ будто только скользила, вѣяло живостью необыкновенной и на это лицо было бы весело глядѣть, если бы большой ротъ и оскалъ крупныхъ бѣлыхъ и крѣпкихъ зубовъ не портилъ впечатлѣнія: когда онъ улыбался,—а онъ дѣлалъ это часто, несмотря на свою грусть—въ его лицѣ проглядывало что-то жесткое и отталкивающее, какъ бы волчье...

Мы разговорились, и онъ разсказалъ мнѣ, что арестованъ и посаженъ сюда по подозрѣнію въ мошенничествѣ, что онъ, по молодости, немножко увлекся, но въ душѣ честный человѣкъ и готовъ принять наказаніе, чтобы очиститься. Онъ служилъ въ Красномъ Крестѣ, былъ во время войны въ Манчжуріи и завѣдывалъ какою-то хозяйственною частью. Обязанности были, по его словамъ, нѣсколько безпокойныя, но за то служба очень выгодная съ матеріальной стороны и много обѣщала въ будущемъ. Послѣ войны—которая по его убѣжденію была проиграна только изъ-за того, что ее не хотѣли продолжать недоброжелатели нашей родины—онъ занимался продажею мелкой литературы, доходы отъ чего должны были поступать въ пользу Краснаго Креста. Литература эта раскупалась въ громадномъ количествѣ и все шло хорошо. Но ему какое-то частное лицо стало предлагать книги на коммиссію, которыя онъ взялся сбывать за извѣстный процентъ какъ бы

отъ Краснаго Креста... Дѣло пошло еще болѣе успѣшно, такъ какъ товаръ сталъ сбываться болѣе разнообразный и интересный: онъ такимъ образомъ заработалъ хорошія деньги. Но здѣсь, въ Лугѣ, подлогъ его обнаружился, и онъ былъ арестованъ.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ приходомъ къ камерѣ какихъ-то людей.

— А какъ ваша фамилія?—успѣлъ спросить я своего сосѣда.

— Перховъ.—отвѣтилъ онъ.—А ваша?

Я сказалъ. Онъ спрыгнулъ со скамейки.

Дверь его камеры отворилась, и въ нее ввели новаго арестованнаго. Щелкнулъ замокъ, и люди, приведшіе къ намъ новаго квартиранта, удалились, не сказавъ ни слова.

— Здравствуйте,—раздался голосъ новичка, знакомящагося съ Перховымъ.

Голосъ его показался мнѣ знакомымъ. Когда же онъ сталъ разговаривать съ Перховымъ, я убѣдился въ томъ, что это былъ кто-то изъ моихъ знакомыхъ.

— Здѣсь, рядомъ, сидитъ тоже за агитацію, Антоновъ,—говорилъ Перховъ.

— Да? Изъ Подлиповской волости?..—съ живостью спросилъ пришедшій.—Неужели онъ?..

— Не знаю. Встаньте на скамейку и посмотрите.

Тотъ вскочилъ на скамейку, и я увидѣлъ учителя Ястребова, который былъ у меня вмѣстѣ съ другими учителями въ Николинъ день, когда мы сговаривались устроить учительскій съѣздъ.

IX.

— Вы съ которыхъ поръ здѣсь?—спросилъ меня Ястребовъ.

— Сегодня.

— Значитъ, немного раньше меня. Къ вамъ приставъ пріѣзжалъ?

— Да. Онъ у себя на квартирѣ остался, меня безъ него сюда привезли.

— Ну, такъ и есть. Онъ, оставивъ васъ, поѣхалъ ко мнѣ. Я еще занимался со своими ребятами, когда они наѣхали. И, знаете, я, можетъ быть, не былъ такъ пораженъ ихъ наѣздомъ, какъ дѣти,—бѣдняги плакали, когда меня арестовали. Они всѣ вышли на улицу меня провожать и подняли такой плачъ, что я самъ чуть не заплакалъ отъ жалости. Народу много собралось къ школѣ. Меня вѣдь отбить хотѣли отъ полиціи.

— Кто?

— Крестьяне. Это очень непріятная вещь, хотя и трогательная. Я боюсь, что нѣкоторымъ отвѣчать придется за сопротивленіе властямъ. Когда я вышелъ на улицу, чтобы садиться въ сани и ѣхать, насъ окружили крестьяне. Лица у всѣхъ блѣдныя, взволно-

ванныя, глаза горятъ. — За что, говорятъ, вы его берете? Приставъ и жандармъ было заорали:—начальство про то знаетъ. Расходиться. Не тутъ-то было, никто не испугался.—Не смѣйте трогать, говорятъ. Становятся между мной и ими. Жандармъ за револьверъ хватается. Я вижу, дѣло безъ крови не обойдется. Но вѣдь безполезно же. Посудите сами: крестьяне, хоть ихъ и больше, не вооружены, съ голыми руками, а тѣ вооружены съ ногъ до головы. Развѣ можно бороться?.. Одинъ крестьянинъ — прекрасный человѣкъ,—въ особенности не хотѣлъ меня выдавать и протестовалъ больше всѣхъ.—Не садитесь съ ними въ сани! Идите обратно въ школу...—кричитъ мнѣ. А самъ, какъ въ лихорадкѣ, дрожитъ. Я уже сталъ ихъ уговаривать, чтобы успокоились, говорилъ, что я лучше самъ съ доброй воли поѣду и не хочу, чтобы кто нибудь изъ-за меня пострадалъ. Тогда ужь отпустили. Жандармъ говорилъ мнѣ дорогой, что еще бы одна секунда—и онъ сталъ бы стрѣлять. Ну, тогда было бы побоище! Это навѣрное, я знаю своихъ крестьянъ.

— Ну, знаете, это хорошо всетаки, что вы ихъ отговорили, а то бы пропали вы всѣ ни за что. Мужичье сдуру готово ломить, куда бы ни вышло,—тенденціозно замѣтилъ Перховъ.

Ястребовъ не отвѣчалъ ему.

Сторожъ принесъ большой жестяной чайникъ съ кипяткомъ, отлилъ мнѣ кипятку въ другой чайникъ, поменьше, а остальное понесъ къ сосѣдямъ. Мы принялись за чай.

— Чортъ возьми,—говорилъ Ястребовъ за чаемъ, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ событій, — осталось все: и дѣти, и уроки, и разсказы, и скрипка, и пѣніе. А я такъ привыкъ... Я не знаю, какъ я здѣсь буду безъ всего этого. Дѣти! Вѣдь я такъ сжился съ ними, породнился, можно сказать, такъ мы хорошо понимали другъ друга, и вотъ... Это вотъ самое тяжелое для меня. Неужели же меня здѣсь долго продержатъ и въ это время школу другому учителю передадутъ?..

— А вы какія же преступленія совершили? — спросилъ его Перховъ.

— Я?.. Я, говоря по правдѣ, никакихъ преступленій не совершалъ, если не считать преступленіемъ то, что жалѣлъ народъ и дѣтей и желалъ имъ добра.

— Это, конечно, бѣда—не бѣда. Но вы, уважаемый, можетъ быть, подготовляли народъ къ вооруженному возстанію? Прокламаціи, можетъ быть, раздавали?..

— Ну, такъ что же? Прокламаціи, дѣйствительно, раздавалъ. Ну, это правда и говорилъ, что крестьяне должны добиваться земли.

— То-то вотъ и есть. Нѣтъ, я думаю, вы, чего добраго, подъ 126-ю статью попадете. А за это, какъ мнѣ помнится, два года крѣпости или ссылка.

— Ну, чортъ съ ними—пусть подъ какую хотятъ статью подводятъ!

Нѣсколько времени они молчали.

— А гдѣ бы тутъ прилечь?—вновь послышался мнѣ усталый голосъ Ястребова.

— Располагайтесь, гдѣ хотите: вотъ хоть на нарахъ, рядомъ со мной, или на скамейкѣ. Я думаю, на скамейкѣ вамъ будетъ лучше. А, впрочемъ, какъ желаете. Это дѣло вкуса,—разсмѣялся Перховъ.

— На скамейкѣ лягу. Не слишкомъ мягко будетъ здѣсь спать,—говорилъ Ястребовъ, укладываясь на скрипучей скамейкѣ.—Пальто мое должно замѣнить мнѣ постель, подушку и одѣяло?

— Какъ видите. Но о всѣхъ прелестяхъ вы составите полное понятіе только завтра, когда переспите ночь... Теперь вы всего еще не можете понять, такъ какъ маленькія животныя, называемыя клопами и вшами, примутся сосать изъ васъ кровь только ночью, когда вы станете засыпать,—объяснялъ Перховъ.—Поэтому я предпочитаю спать днемъ, а ночь почти всю бодрствую, прогуливаясь отъ стѣны къ двери...

Мы легли довольно рано. И, дѣйствительно, только я было задремалъ, паразиты начали осыпать мои руки, шею и даже лицо...

— Вы не спите?—спросилъ меня Ястребовъ, вставая на скамейку и заглядывая ко мнѣ въ камеру.

— Нѣтъ. А вы тоже не можете уснуть?

— Да. Слишкомъ ужъ много здѣсь клоповъ. Я ужъ раздавилъ ихъ у себя на лицѣ нѣсколько штукъ... Это... непріятно!..

И, несмотря на утомленіе прошедшаго дня, мы не могли уснуть до 12-ти часовъ ночи. Около 12 часовъ на лѣстницѣ, рядомъ съ нашими камерами, раздался шумъ нѣсколькихъ ногъ, грубая брань и неистовый звонокъ. Пока сторожъ вставалъ, чтобы открыть дверь, звонокъ повторялся нѣсколько разъ. Звонили съ такимъ ожесточеніемъ, что, казалось, проволока должна была порваться. Наконецъ, сторожъ, кряхтя и сопя, тяжело прошелъ по корридору мимо нашихъ дверей и открылъ дверь звонившимъ. Въ комнату съ шумомъ ввалилось нѣсколько человѣкъ.

— Ну, поворачивайся, что ли, скотъ!—грозно ревѣлъ городовой. И вслѣдъ за тѣмъ слышно было тяжелое паденіе на полъ человѣческаго тѣла.

— Голубчики, не троньте. Люди добрые!.. За что же?.. За что же? За что же?..—повторилъ нѣсколько разъ хриплый, плачущій голосъ.

— Мо-олчать ты!.. Если пикнешь еще хоть разъ, всѣ зубы выбью!..

Плачущій голосъ смолкъ, и только изрѣдка слышались сдерживаемыя всхлипыванья. Кого-то, должно быть, обыскали и громко объявили

ему, что въ кошелькѣ его оказывается шестнадцать копѣекъ. Заявленіе это было принято молча.

— Ты что-жъ не говоришь, сколько у тебя денегъ?—допрашиваетъ грозный голосъ.

— Голубчики! ей-Богу, и самъ я не помню хорошо, сколько.. Кажись, что такъ...

Толпа вновь провалила по корридору мимо нашихъ дверей, и пьяныхъ разсадили по разнымъ камерамъ, невдалекѣ отъ насъ. Городовые послѣ этого разошлись. Дверь на лѣстницу заперли.

X.

«Привыкнешь—и въ аду живешь». Я сталъ привыкать къ своей камерѣ.

Почти все время приходилось сидѣть одному. Лишь изрѣдка ко мнѣ сажали воровъ и убійцъ, пока оформливались въ канцеляріи бумаги о переводѣ ихъ въ тюрьму. Это были ничѣмъ не выдающіяся и мало интересныя лица. Воры приписывали свои проступки случайностямъ, происшедшимъ съ ними, когда они находились въ нетрезвомъ видѣ и «ничего не помнили», убійцы—молодые деревенскіе парни—совершали убійства тоже или въ невмѣняемомъ состояніи, или въ пьяномъ же видѣ, но изъ чувства ревности и мести. И тѣ, и другіе находились въ настроеніи очень угнетенномъ, много плакали и говорили, что себя они мало жалѣютъ, а жалѣютъ больше своихъ родныхъ, которымъ изъ-за нихъ придется горевать, и вообще производили впечатлѣніе людей жалкихъ и ненормальныхъ...

Движеніе въ канцеляріи начиналось съ 9 часовъ утра, когда приходили дежурные городовые, писцы, потомъ чиновники и пристава. Въ полдень, въ обѣденную пору, движеніе затихало, а съ 2-хъ часовъ опять начиналось и продолжалось до 8 часовъ вечера, послѣ чего совсѣмъ прекращалось до утра слѣдующаго дня, и въ участкѣ оставались только дежурный писецъ и сторожъ съ женой.

Иногда, какъ въ первую ночь, приводили пьяныхъ, обыскивали ихъ, били, ругали и запирали на замокъ. Случалось, что приводили за-разъ нѣсколько человѣкъ и сажали ихъ въ одну камеру. Но къ намъ пьяныхъ всетаки не сажали.

Днемъ въ камерѣ было даже скучнѣе, чѣмъ ночью.

Жизнь полицейскаго дома не касалась насъ, и мы слышали ее только издали: изъ канцеляріи раздавался разноголосый и непонятный говоръ и рѣзкіе начальническіе выкрики; иногда исправникъ грозно распекалъ кого-нибудь; по корридору мимо нашихъ камеръ шаркали ноги проходившихъ въ отдѣленіе «для мужчинъ» людей...

Камерное окно было такъ мало, такъ высоко отъ пола, такъ

часто зарѣшечено и сильно запылено, что давало очень мало свѣта. Даже на самомъ видномъ мѣстѣ невозможно было читать, если бы у насъ и было что читать. Вставъ на нары, можно было заглянуть въ окно и увидѣть тюремный дворъ, часового у воротъ и его будку, костры дровъ, которые часто пополнялись привозившими свѣжія дрова ломовыми и каждый день разносились заключенными. Въ опредѣленные часы также можно было видѣть заключенныхъ прогуливающимися по двору, другъ за другомъ, арестантокъ и арестантовъ, выпускаемыхъ отдѣльными группами, при чемъ слышенъ былъ звонъ ножныхъ кандаловъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Открывающуюся изъ окна картину дополняло виднѣвшееся за воротами тюрьмы небольшое пространство улицы и стоящая на высокомъ валу выбѣленная стѣна зданія почты, высокая, некрашенная кирпичная ретирадная труба съ желѣзнымъ зонтомъ во дворѣ, крыши домовъ и множество трубъ на нихъ, съ сѣтками и безъ сѣтокъ, съ зонтиками и безъ нихъ...

Въ камерѣ было холодно: печка протапливалась не каждый день и только къ ночи. Воздухъ былъ спертый и испорченный папиросами, которыя истреблялись отъ бездѣлья Перховымъ и Ястребовымъ въ изрядномъ количествѣ. Незакрывавшаяся дырка въ двери («надзирательскій глазокъ») и незамазанныя рамы окна дѣлали сквознякъ, отъ котораго никуда нельзя было дѣваться. Я хорошо сдѣлалъ, что взялъ изъ дома валенки и одѣлъ теплую блузу, иначе мнѣ пришлось бы плохо. Отсутствіе всякаго физическаго труда очень тяготило меня. Приходилось кружиться по полу, отъ двери къ окну, пять шаговъ впередъ и пять шаговъ назадъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Отъ шарканья ногъ подымалась съ грязнаго пола пыль, которая щекотала въ носу и оставляла во рту непріятный вкусъ...

Питались мы, конечно, въ сухомятку и поддерживали себя только чаемъ, который давалъ намъ сторожъ по два раза въ день, взимая за это по пятачку за каждый разъ. Тяжела была также необходимость каждый разъ спрашиваться у сторожа «выйти». Часто случалось, что его посылали изъ канцеляріи куда-нибудь съ бумагами и надолго, а на это время мы лишены были возможности выхода до тѣхъ поръ, пока онъ возвратится... Часто, отъ нечего дѣлать, послѣ того, какъ сторожъ натопитъ печку, я раздѣвался до нага и принимался уничтожать паразитовъ, которыхъ были кучи въ каждой складкѣ платья...

Я все болѣе и болѣе сталъ тяготиться неизвѣстностью о томъ, что дѣлалось на свѣтѣ, и скучать о своей семьѣ. Еще въ первые дни пребыванія здѣсь я выпросилъ у сторожа позволеніе написать открытое письмо и послать по почтѣ женѣ. Но, какъ оказалось послѣ, письмо это было перехвачено и не дошло по назначенію...

Какъ-то ко мнѣ въ камеру посадили больного старика-нищаго, который пришелъ въ полицію проситься, чтобы его отправили въ

больницу. Его не успѣли отправить въ тотъ же день, и онъ остался у меня ночевать. Бѣдняга очень утомился въ дорогѣ и, какъ только прилегъ на нары, тотчасъ же уснулъ. Но, выспавшись днемъ, онъ долго не могъ потомъ спать ночью, ворочался съ боку на бокъ, стоналъ, кряхтѣлъ и не давалъ мнѣ уснуть. Я разговорился съ нимъ. Оказалось, что онъ часто проходитъ черезъ нашу деревню, въ которой у него есть племянница замужемъ за крестьяниномъ. Мнѣ пріятно было поговорить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, принесшимъ вѣсти съ далекой родины.

Старикъ разсказалъ о своемъ житье-бытьѣ, какъ онъ былъ при крѣпостномъ правѣ господскимъ дворовымъ, какъ потомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ нанимался у «богачковъ»-крестьянъ въ работники и пастухи. Когда же онъ совсѣмъ изработался и потерялъ силу, ему пришлось идти по міру и христарадничать.

— Отчего ты не пошелъ прямо въ больницу, а сюда?—спросилъ я его.

— Я вѣдь пошелъ. Нешто не пошелъ? Да что же, кормилецъ, съ ними подѣлаешь, коли не пущаютъ?.. Вѣдь ихняя воля—что хотятъ, то и творятъ.—Ты, говорятъ, ничѣмъ не боленъ, и ступай, гдѣ былъ, нельзя тебя принять. А какъ же я не боленъ, коли ходить не могу совсѣмъ... О-охъ. А имъ что: не пущаютъ да и на. Вотъ сюды и пришелъ проситься, чтобы отправили.

— Тогда возьмутъ?

— Тогда-то ужъ возьмутъ. Вотъ, кормилецъ, и отощалъ я за день-то шибко, не ѣлъ вѣдь, почитай, съ самаго утра. Перехватить бы... Сторожа надо-ть покричать. Какъ сторожа-то звать?

— Кажется, Иваномъ.

Старикъ, кряхтя и охая, сошелъ съ наръ и, подойдя къ дыркѣ двери, заглянулъ въ нее.

— Темно... Глаза-то у меня совсѣмъ слѣпые стали... Иванъ, Иванъ! Сторожъ! Ива-анъ... Гдѣ ты, кормилецъ?..

Я смотрѣлъ на сгорбившуюся фигуру старика, одѣтую въ лохмотья, на толсто обернутыя онучами и обутыя въ лапти кривыя ноги, на его худое, сплошь обросшее волосами лицо, съ гноящимися, и, дѣйствительно, почти совсѣмъ ослѣпшими глазами, вспоминалъ разсказъ его о своемъ прошломъ, и мнѣ становилось жутко за человѣка. Онъ, наконецъ, достучался. Иванъ выпустилъ его «до вѣтру» и принесъ ему на кормовые (старику тоже выдали 7 коп. кормовыхъ) фунтъ хлѣба и дешевой колбасы. Старикъ съ алчностью набросился на ѣду и проглатывалъ колбасу, плохо пережевывая и не содравъ съ нея кожу.

Послѣ ѣды онъ прилегъ было. Но скоро онъ торопливо сползъ съ наръ и опять сталъ стучать въ дверь и звать Ивана. Тотъ выпустилъ его. Не прошло, однако, и десяти минутъ, какъ старикъ снова, спѣша, кряхтя и охая и повторяя: охъ, Господи по-

милуй, охъ, Господи помилуй! подошелъ къ двери и началъ молить, чтобы его поскорѣй выпустили.

Иванъ разсердился и принесъ къ намъ въ камеру желѣзное ведро...

Я долго не могъ уснуть въ эту ночь...

XI.

Должно быть, уже передъ утромъ я забылся. Во снѣ я вдругъ почувствовалъ, какъ кто-то трогаетъ меня за плечо, за голову и зоветъ. Я открылъ глаза и увидѣлъ наклонившееся надо мной лицо жены, укутанное байковымъ платкомъ. Въ двери стоялъ сторожъ и говорилъ, обращаясь больше къ женѣ:

— Такъ что, вамъ, значитъ, можно тутъ пока побыть. А потомъ я скажу, когда ежели уходить.

И онъ заперъ дверь камеры на замокъ.

— Вотъ и ты теперь подъ арестомъ!—разсмѣялся я, усаживая жену рядомъ съ собой, на нары.—Разсказывай же, что тамъ въ деревнѣ дѣлается у васъ, какъ дѣти?

— Дѣти здоровы. Крестьяне хотятъ высадить старшину съ должности и послать губернатору прошеніе о твоемъ освобожденіи.

Она передала мнѣ письмо отъ Арсеньева. Онъ писалъ, что въ уѣздѣ вездѣ идутъ обыски и аресты учителей и крестьянъ. Грозятся арестовать и его и еще кое-кого изъ близкихъ ко мнѣ и болѣе сознательныхъ людей.

— Господи! вотъ гдѣ ты находишься... Какъ здѣсь темно, тѣсно и грязно... Какой воздухъ...—говорила жена, снимая съ головы платокъ и съ какимъ-то страхомъ осматриваясь кругомъ.—А это кто съ тобой?—указала она на старика, который спалъ или казался спящимъ.

Я сказалъ. Она передала мнѣ кусочекъ карандаша, нѣсколько листковъ бумаги и бѣлье.

— На второй день послѣ твоего ареста пріѣзжалъ къ намъ въ волость судебный слѣдователь производить слѣдствіе о собраніяхъ и очень удивился, что тебя арестовали до слѣдствія,—разсказывала она.—Крестьяне, какъ узнали, что онъ пріѣхалъ, собрались въ волостное правленіе большой толпой и стали требовать, чтобы онъ немедленно тебя освободилъ. Онъ даже испугался: такъ они настойчиво и дружно требовали этого. Они заявили, что ты у нихъ самый хорошій человѣкъ, и что они хотѣли избрать тебя выборщикомъ въ Думу!..

Время пролетѣло очень скоро. Нужно было разставаться.

Ястребовъ и Перховъ проснулись и услышали нашъ разговоръ. Ястребовъ обрадовался, узнавъ, что ко мнѣ пріѣхала жена: ему

хотѣлось сообщить своимъ близкимъ о себѣ. Я далъ ему карандашъ и листокъ бумаги, и онъ принялся писать письмо.

Перховъ тономъ человѣка, умудреннаго опытомъ жизни, посовѣтовалъ намъ просить свиданія у исправника и не обнаруживать того, что мы уже видѣлись.

Мы такъ и сдѣлали и, дѣйствительно, получили свиданіе на короткое время въ кабинетѣ исправника.

XII.

Перхова перевели отъ насъ въ тюрьму.

Мы съ Ястребовымъ даже пожалѣли объ этомъ: онъ былъ веселымъ человѣкомъ и помогалъ намъ коротать время.

На его мѣсто въ тотъ же день посадили крестьянскаго сельскаго старосту за аграрные безпорядки,—вырубку крестьянами помѣщичьяго лѣса. Хотя староста не принималъ никакого участія въ безпорядкахъ, его подвергли административному взысканію за то, что онъ не донесъ на своихъ односельчанъ, когда они готовились совершить порубку.

Его такъ же, какъ и меня, призвали «для объясненій» и посадили.

— А развѣ вы дѣйствительно не знали, что крестьяне пойдутъ рубить лѣсъ?—спросилъ его Ястребовъ.

— Какъ же не знать? Извѣстно, зналъ.

— А что же сами не пошли съ ними?

— Да такъ что захворавши на ту пору былъ, и не пошелъ. И вотъ вѣдь, какъ неправильно это дѣлается у нихъ, такъ это страшное дѣло!—объяснялъ староста съ дрожью въ голосѣ.—Земля, вишь ли, у насъ съ помѣщикомъ спорная. Въ двухъ мѣстахъ она; и судимся мы объ ней давно, и еще не присужено, чья она будетъ, только мы навѣрное знаемъ, что наша, потому—помнимъ хорошо старыя межи, когда нарѣзка намъ сдѣлана была сразу послѣ воли. Вотъ тутъ, какъ вездѣ пошли порубки въ помѣщицкихъ пустошахъ, помѣщикъ и давай скорѣй спорныя-то земли наши, два-то угла, продавать на срубъ. Одинъ уголъ уже продалъ и вырубилъ.

— Вы бы заявили о воспрещеніи рубки.

— Заявляли! Думаешь, не заявляли? Заявляли, да начальство насъ не послухало, и лѣсъ нашъ срубили. И другой уже уголъ взялись рубить. Ну, мы тогда—что дѣлать? И пошли всѣ рубить лѣсъ сами, потому какъ онъ — нашъ, кровный нашъ лѣсъ! Помѣщикъ сейчасъ сюды-ка, къ исправнику: «такъ и такъ, рубятъ, молъ, воспрети». Вотъ стражниковъ и прислали къ намъ артель; забрали кой-кого, въ острогъ посадили. Вотъ все и дѣло наше въ чемъ, голубчикъ мой, состоитъ.

— Такъ вѣдь это же неправильно они поступили,—замѣтилъ Ястребовъ.

— Да гдѣ жъ тутъ правильно! Видишь самъ: какое тутъ правильно? Какъ имъ—такъ то можно, а намъ—такъ нельзя. Вотъ какое ихнее правильно!

— Чортъ знаетъ что такое! Возмутительное насиліе!—горячился Ястребовъ, въ волненіи расхаживая по камерѣ.

— То-то вотъ оно и есть,—продолжалъ староста.—Да еще тутъ одно дѣло было, и за него меня тоже завиняютъ. И дѣло-то самое пустое, а вотъ... Да это уже стражникъ, сволочь, меня подвелъ. Вишь ли, я какъ-то, дрова рубивши, руку себѣ малость срубилъ. А стражникъ въ ту пору пришелъ ко мнѣ что-то спрашивать. Срубилъ я руку-то, значитъ, а кровь у меня сразу-то что-то и не пошла съ руки, Богъ ее знаетъ отчего, можетъ отъ холоду. Я показываю ему и говорю, что, молъ, вишь ты: рука срублена, а кровь не идетъ. А онъ и спрашиваетъ: отъ чего же это она не идетъ? Я ему спроста-то и скажи: да отъ того, молъ, что вы, полиція, всю кровь изъ насъ выпили, вотъ и идти стало нечему. Онъ сперва словно какъ и ничего, не обидѣлся.—Какъ же это такъ, говоритъ, начальство могло кровь изъ васъ выпить?—Да такъ, говорю, что вы вотъ теперича наняты насъ обирать, да убивать, а съ кого вамъ за это самое убивство жалованье собираютъ? Все опять съ насъ же. Вы насъ бьете и жмете,—а мы за то жалованье вамъ должны давать. Вотъ и выходитъ, что кровь-то нашу вы такъ и пьете изъ насъ. Онъ разсердился на мое слово. Ругаться со мной не сталъ,—потому что знаетъ, что я ему спуску бы не далъ тоже!—а исправнику пожалился. Вотъ меня за все это на семеро сутокъ и посадили. Да только я тутъ сидѣть недѣлю не буду ни по чемъ,—рѣшительно и увѣренно проговорилъ староста:—я настою, чтобъ меня выпустили, потому—не за что мнѣ здѣсь сидѣть!

И, дѣйствительно, въ тотъ же день онъ сталъ настойчиво требовать, чтобы сторожъ доложилъ исправнику о томъ, что ему нужно «безпремѣнно переговориться» съ нимъ.

Сторожъ доложилъ, и старосту вызвали для объясненій.

Объясненія эти происходили въ сосѣдней съ нами комнатѣ, прихожей, и велись такъ громко, что намъ все было слышно.

— За что-жъ, вашескородіе, вамъ меня здѣсь недѣлю содержать и расходоваться, коли я, примѣрно, ни въ чемъ совсѣмъ не виноватъ?..—упрямо и убѣжденно говорилъ староста.

— Какъ же ты, каналья, не виноватъ, когда не исполнилъ своихъ обязанностей и не донесъ по начальству, что крестьяне готовились къ порубкѣ чужого лѣса?..—горячился исправникъ.

— Такъ вѣдь я што-ль велѣлъ имъ идтить-то? Сами безъ меня пошли. Я ихъ не гналъ. А я самъ и не былъ: занемогши лежалъ...

— Ахъ, ты не гналъ? Ты занемогъ? Когда нужно обязанности свои исполнять, тогда ты «занемогъ»? Сиди здѣсь. Я еще мало тебя наказалъ,—тебѣ за это въ тюрьмѣ надо бы три мѣсяца си-

дѣть. «Занемогъ»! Онъ ихъ «не гналъ»! Да если бы ты на этихъ погналъ, такъ тебя бы въ 24 часа разстрѣляли!.. Онъ «занемогъ»! Н-негодяи! Кровь у него не идетъ, потому что начальство выпило! Я вамъ покажу, какъ кровь у васъ не идетъ!.. М-мерзавцы!...

— Да, вашескородье, чего жъ браниться-то? Это я вѣдь тогда спроста, шутемъ про кровь-то тогда сказалъ, а вы вотъ и взабыль, и въ-сурьезъ поставили. Я не думалъ...

— Ахъ, ты не думалъ?.. Такъ вотъ теперь сиди здѣсь и думай.

— Да чего-жъ попусту сидѣть-то мнѣ здѣся? Только вы лишній расходъ на меня дѣлаете, что тутъ содержите. Нѣтъ, вы меня лучше отпустите. Тамъ дома у меня совсѣмъ работать некому, а я здѣсь, у васъ, буду зря сидѣть! Тамъ дома дѣти малыя, женка одна при всемъ хозяйствѣ.

Онъ говорилъ такъ настойчиво и убѣдительно, что исправникъ пересталъ кричать и топать ногами.

— Ну, три дня я тебѣ сбавлю; черезъ четыре дня ты отсюда выйдешь. Ступай.

— Да вы сейчасъ отпустите.

— Черезъ четыре дня. Слышишь? Молчать! Пошелъ!

— Такъ нельзя ль мнѣ хоть кормовыхъ-то прибавить? Что же это: семь копѣекъ... Такъ вѣдь замрешь тутъ у васъ совсѣмъ.

— Ну хорошо; тебѣ десять будутъ выдавать.

Этимъ закончилось объясненіе.

Старосту привели опять къ Ястребову. Онъ былъ недоволенъ объясненіемъ.

— Пузатый лѣшій, не отпустилъ!—сердито ворчалъ онъ.—Чтобъ ему околѣть! Нака-сь: ни за что, ни про что!..

На третій день послѣ этого старосту выпустили.

— Мы опять съ вами вдвоемъ остались,—сказалъ я Ястребову, становясь на скамейку и заглядывая въ его камеру.

— Да. Но не надолго, навѣрное.

— Вы теперь уже забыли о своей школѣ?

— О школѣ? Нѣтъ. Мнѣ никогда не забыть.

И онъ принялся горячо разсказывать о своихъ «ребятахъ», о занятіяхъ съ ними и той связи, которая установилась было между ними такъ прочно...

— И неужели меня и вправду не выпустятъ отсюда и не возвратятъ къ школѣ?—въ грустномъ раздумьи говорилъ онъ.

М. Антоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛАГУНА.

Разсказъ Джозефа Конрада.

Переводъ съ англійскаго **А. Н. Рождественской.**

— Мы переночуемъ у Арсата. Теперь уже поздно,—сказалъ рулевому бѣлый человѣкъ, стоявшій на кормѣ лодки.

Малаецъ проворчалъ что-то и продолжалъ пристально смотрѣть на рѣку. Бѣлый человѣкъ оперся подбородкомъ на руку и устремилъ глаза на бѣгущій за лодкой слѣдъ.

По обѣимъ сторонамъ широкой рѣки тянулись лѣса, и мрачныя, угрюмыя деревья стояли молча и неподвижно. А въ концѣ длинной, прямой аллеи ослѣпительно сіяло солнце, спустившееся низко къ водѣ, которая сверкала, какъ расплавленный металлъ.

На тѣнистомъ берегу, у подножія высокихъ, могучихъ деревьевъ расли пальмы-нипа, и гроздья ихъ огромныхъ, тяжелыхъ листьевъ неподвижно висѣли надъ темной зыбью, набѣгавшей на берегъ отъ движенія лодки. Казалось, что каждое дерево, каждая вѣтка, каждый отростокъ вьющихся растеній, каждый листъ, каждый лепестокъ мелкихъ цвѣтовъ зачарованы и осуждены на совершенную неподвижность въ окружающей ихъ глубокой тишинѣ. Ничто не двигалось. Только восемь веселъ равномѣрно поднимались, разсыпая блестящія брызги, и снова погружались въ воду, да руль описывалъ сверкающій полукругъ, заставляя глухо журчать потревоженную воду. И лодка, плывя вверхъ по теченію, какъ будто вступала въ страну, гдѣ исчезло даже самое воспоминаніе о жизни и движеніи.

Бѣлый человѣкъ, повернувшись спиной къ заходящему солнцу, смотрѣлъ вдаль. На протяженіи послѣднихъ трехъ миль капризная и измѣнчивая рѣка, какъ бы спѣша поскорѣе вырваться на свободу, текла все прямо, къ морю, на востокъ—пріютъ и свѣта, и мрака. За кормою лодки слабый, нестройный крикъ какой-то птицы нѣсколько разъ пронесся надъ

водой и замеръ въ бездыханной тишинѣ, не долетѣвъ до другого берега.

Рулевой опустилъ руль въ воду и повернулъ его своими сильными руками, откинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ. Вода зашумѣла, и вдругъ длинная аллея какъ бы повернулась на шпилѣ, деревья описали полукругъ, косвенные лучи заходящаго солнца ярко освѣтили одинъ бокъ лодки, и легкія, колеблющіяся тѣни упали отъ нея на сверкающую воду. Ходъ лодки измѣнился; теперь она плыла подъ прямымъ угломъ къ теченію рѣки, и голова дракона, вырѣзанная на носу, была повернута къ узкому проходу между кустами, окаймлявшими берегъ. Лодка скользнула въ него, зацѣпивъ по дорогѣ низко нависшія вѣтки, и исчезла съ рѣки, какъ какое-нибудь гибкое земноводное, быстро проскользнувшее изъ воды на сушу.

Узкій заливъ походилъ на ровъ. Извилистый, страшно глубокій, онъ былъ полонъ мрака, и только высоко надъ нимъ блестѣла полоска чистаго голубого неба. Громадныя деревья тянулись къ нему, невидимыя за гирляндами ползучихъ растеній. Мѣстами, надъ блистающимъ мракомъ воды показывалась изъ-за кружевной занавѣси папоротниковъ искривленная вѣтка какого-нибудь высокаго дерева—темная, неподвижная, изогнувшаяся, какъ змѣя. Гребцы изрѣдка обмѣнивались короткими замѣчаніями, и голоса ихъ громко отдавались между густыми, темными стѣнами зелени. Мракъ пробирался изъ-за деревьевъ, изъ-за спутаннаго лабиринта вьющихся растеній и огромныхъ, причудливыхъ, неподвижныхъ листьевъ, мракъ таинственный, непроницаемый — благоуханный и ядовитый мракъ непроходимыхъ лѣсовъ.

Заливъ сталъ мельче, шире и, наконецъ, перешелъ въ большую, тихую лагуну. Лѣса отступили отъ болотистаго берега, оставивъ ровную полоску, заросшую зеленымъ тростникомъ и служившую какъ бы рамкой для отражавшейся въ водѣ лазури неба. Легкое розовое облачко неслось надъ лагуной, а подъ нимъ неслось его нѣжно окрашенное отраженіе, скользя между листьями и серебристыми цвѣтами лотосовъ. Маленькій домикъ на высокихъ сваяхъ показался вдали. Около него росли двѣ громадныя пальмы, которыя, казалось, пришли къ нему изъ темнѣвшаго на заднемъ планѣ лѣса. Онѣ стояли, слегка нагнувшись надъ его ветхой крышей, и тревожно, съ грустной нѣжностью склоняли надъ ней свои многолиственныя вершины.

— Арсатъ дома,—сказалъ рулевой.—Я вижу его лодку; она привязана къ сваѣ.

Гребцы дружно взмахивали веслами, оглядываясь на солнце, которое заходило, собираясь отдохнуть, какъ и они. Имъ было бы гораздо пріятнѣе провести ночь гдѣ-нибудь въ

другомъ мѣстѣ, а не въ этой проклятой лагунѣ, гдѣ, по слухамъ, являются привидѣнія. Кромѣ того, они не любили Арсата. Во-первыхъ, онъ былъ не здѣшній уроженецъ; во-вторыхъ, онъ поправилъ старый, полуразрушенный домъ и сталъ жить въ немъ, объявивъ, что не боится духовъ, которые всегда поселяются въ жилищахъ, брошенныхъ людьми. Такой человѣкъ можетъ однимъ взглядомъ или словомъ измѣнить даже то, что предопредѣлено судьбою, а домашніе духи его, конечно, не смилостивятся надъ случайно попавшими сюда путешественниками и изольютъ на нихъ ярость своего земного властелина. Бѣлые люди относятся къ такимъ вещамъ очень беззаботно. Они ни во что не вѣрятъ и заключили союзъ съ отцомъ зла, который невредимо проводитъ ихъ черезъ невидимыя опасности здѣшняго міра. А когда правовѣрные предостерегаютъ ихъ, они насмѣшливо улыбаются и говорятъ, что все это вздоръ. Какъ тутъ быть?

Такъ думали гребцы, налегая всей свой тяжестью на весла, а большая лодка быстро, быстро, не слышно скользила къ дому Арсата. Наконецъ, раздался громкій стукъ брошенныхъ веселъ, гребцы воскликнули: „Благословенно имя Аллаха!“ и лодка тихо ударилась о сваи, на которыхъ стоялъ домъ.

— Арсатъ! О, Арсатъ!—нестройнымъ хоромъ закричали гребцы, поднявъ головы. Никто не отвѣчалъ.

Бѣлый человѣкъ взобрался по грубой лѣстницѣ и остановился на бамбуковой площадкѣ, передъ домомъ.

— Мы сваримъ себѣ пищу въ лодкѣ и переночуемъ на водѣ,—мрачно проговорилъ рулевой.

— Передайте мои одѣяла и корзину, — коротко сказалъ бѣлый человѣкъ.

Онъ опустился на колѣни и протянулъ руки, чтобы взять свертокъ. Потомъ лодка отчалила, а бѣлый человѣкъ всталъ и, обернувшись, очутился лицомъ къ лицу съ Арсатомъ, вышедшимъ изъ низкой двери своей хижины. Это былъ молодой, сильный человѣкъ съ широкой грудью и мускулистыми руками. Большіе, кроткіе глаза его жадно устремились на гостя, но ни въ голосѣ, ни въ обращеніи не замѣтно было тревоги, когда онъ вмѣсто всякаго привѣтствія спросилъ:

— Есть съ тобой лѣкарство, туанъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ бѣлый человѣкъ, съ удивленіемъ взглянувъ на него.—А зачѣмъ оно тебѣ? Развѣ въ домѣ болѣзнь.

— Войди и посмотри,—все такъ же спокойно сказалъ Арсатъ и, повернувшись, вошелъ въ маленькую дверь. Бѣлый человѣкъ поднялъ свои свертки и послѣдовалъ за нимъ.

Въ полусвѣтѣ хижины онъ различилъ на постели изъ тростника фигуру женщины. Она лежала на спинѣ, подъ широкимъ краснымъ одѣяломъ изъ бумажной матеріи—лежала неподвижно, какъ мертвая. Но ея большіе широко-открытые глаза блестѣли въ темнотѣ и упорно, ничего не видя, глядѣли вверхъ, на балки. Она была въ лихорадочномъ жару и, повидимому, безъ сознанія. Щеки ея слегка ввалились, губы были полуоткрыты, а на ея молодомъ лицѣ лежало зловѣщее выраженіе сосредоточенности и самоуглубленія, какое бываетъ у людей передъ смертью. Двое мужчинъ молча смотрѣли на нее.

— Давно она заболѣла?—наконецъ, спросилъ гость.

— Прошло пять ночей съ тѣхъ поръ, какъ я не ложился спать,—медленно, какъ бы припоминая, отвѣтилъ Арсатъ.—Сначала она слышала голоса, звавшіе ее изъ воды, и старалась вырваться у меня изъ рукъ, когда я держалъ ее. Но сегодня, съ восхода солнца, она не слышитъ ничего—не слышитъ меня. Она не видитъ ничего. Она не видитъ меня, меня!

Онъ на минуту остановился, а потомъ тихо спросилъ:

— Умретъ она, туанъ?

— Боюсь, что такъ,—грустно отвѣтилъ бѣлый человѣкъ.

Онъ сошелся съ Арсатомъ много лѣтъ тому назадъ, въ отдаленной странѣ, въ смутное, опасное время, когда особенно цѣнится дружба. А съ тѣхъ поръ, какъ его другъ-малаецъ совершенно неожиданно пріѣхалъ сюда съ странной женщиной и поселился въ хижинѣ на лагунѣ, онъ не разъ ночевалъ у него во время своихъ поѣздокъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Онъ любилъ его, какъ человѣка, который умѣлъ держать свое слово и умѣлъ храбро биться рядомъ съ своимъ бѣлымъ другомъ. Онъ былъ привязанъ къ Арсату—можетъ быть, поменьше, чѣмъ привязываются къ любимой собакѣ—но всетаки настолько, чтобы оказать ему помощь, не задавая нескромныхъ вопросовъ, чтобы иногда среди занятій мелькомъ вспоминать объ одинокомъ человѣкѣ и женщинѣ съ длинными косами, смѣлымъ лицомъ и торжественнымъ взглядомъ, которые жили одни, въ лѣсу, возбуждая всеобщій страхъ.

Бѣлый человѣкъ вышелъ изъ хижины въ ту минуту, какъ заходило солнце и весь западъ былъ охваченъ пламенемъ, которое тотчасъ же исчезло подъ быстро набѣгавшей темнотой. Какъ легкій, темный туманъ, поднялась она надъ вершинами деревьевъ, заволокла небо и затушила алый блескъ несущихся облаковъ и яркое пламя заката. Черезъ нѣсколько минутъ надъ темной землей загорѣлись звѣзды, и большая лагуна, вдругъ вспыхнувшая огнями, казалась

клочкомъ ночного неба, упавшимъ внизъ, въ бездонный и безнадежный мракъ пустыни.

Бѣлый человѣкъ вынулъ изъ корзины кое-какую провизію и поужиналъ. Потомъ онъ набралъ сучьевъ и вѣтокъ, сложилъ небольшой костеръ и зажегъ его, не для тепла, а для того, чтобы дымъ отогналъ москитовъ. Онъ завернулся въ одѣяло, сѣлъ, прислонившись спиною къ тростниковой стѣнѣ, и сталъ задумчиво курить.

Арсатъ неслышно вышелъ изъ двери и присѣлъ на корточки около огня. Бѣлый человѣкъ немножко отодвинулъ свои вытянутыя ноги.

— Она дышитъ,—прошепталъ Арсатъ, отвѣчая на его вопросительный взглядъ.—Она дышитъ и горитъ, какъ во огнѣ. Она не говоритъ, не слышитъ—и горитъ!.. Туанъ, умретъ она?—спросилъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Да, если такова ея судьба,—нерѣшительно сказалъ бѣлый человѣкъ, смущенно передернувъ плечами.

— Нѣтъ, туанъ,—спокойно проговорилъ Арсатъ.—Если такова не ея, а моя судьба. Я слышу, я вижу, я жду. Я вспоминаю... Туанъ, помнишь ты прошлое? Помнишь ты моего брата?

— Да, помню.

Арсатъ вдругъ всталъ и ушелъ въ хижину. Гость его, сидя по прежнему около стѣны, услыхалъ его голосъ.

— Выслушай меня! - сказалъ Арсатъ.—Поговори со мной!

Отвѣта не было, стояла глубокая тишина.

— О, Діамеленъ!—воскликнулъ онъ.

Потомъ бѣлый человѣкъ услыхалъ глубокій вздохъ, и Арсатъ, подойдя къ нему, опустился на прежнее мѣсто.

Они молча сидѣли у огня. Ни звука не слышалось въ домѣ—ни звука около него. Только издали, съ лагуны, доносились голоса гребцовъ, гулко раздававшіеся надъ тихой водой. Огонь на носу лодки слабо мерцалъ въ отдаленіи туманнымъ красноватымъ блескомъ. Потомъ онъ потухъ. Голоса смолкли. Земля и вода заснули невидимыя, недвижимыя, нѣмыя. Казалось, во всей вселенной не осталось ничего, кромѣ сіянія звѣздъ, непрестанно и безполезно струившагося сквозь мрачное безмолвіе ночи.

Бѣлый человѣкъ смотрѣлъ прямо передъ собою широко открытыми глазами. Страхъ и очарованіе, близость и тайна смерти—неминуемой, неизбѣжной смерти—успокаивали его тревогу и вызывали самыя смутныя, самыя сокровенныя его мысли. Предчувствіе зла, грызущее предчувствіе, гнѣздящееся въ нашихъ сердцахъ, носилось въ окружающей его глубокой, нѣмой тишинѣ. И ему казалось, что въ этой тишинѣ было что-то вѣроломное и лживое, что подъ ней,

какъ подъ маской, скрывается ничѣмъ неоправдываемая жестокость. А земля, окутанная безмолвіемъ и сіяніемъ звѣздъ, представлялась ему мѣстомъ безпощадной борьбы, полемъ битвы призраковъ, прекрасныхъ и ужасныхъ, величественныхъ и низкихъ, страстно борящихся за наши безпомощныя души—тревожной, таинственной страной неутомимыхъ желаній и опасеній.

Грустный, тревожный шепотъ пронесся во мракѣ. Точно зашептали пустынные окрестные лѣса, стараясь вдохнуть въ него мудрость своего холоднаго и гордаго безстрастія. Неясные, колеблющіеся звуки носились кругомъ него; они медленно складывались въ слова и, наконецъ, полились, какъ тихо и однообразно журчащій ручеекъ. Бѣлый человѣкъ вздрогнулъ, какъ бы внезапно пробудившись отъ сна, и перемѣнилъ положеніе. Арсатъ, мрачный и неподвижный, сидѣлъ, опустивъ голову на грудь, и тихо, мечтательно говорилъ:

„...потому что бремя нашего горя мы можемъ сложить только въ сердце друга. Мужчины чаще всего говорятъ о войнѣ и о любви. Ты знаешь, что такое война, туанъ, ты видѣлъ, какъ во время опасности я искалъ смерти, какъ другіе ищутъ жизни. Написанное можно потерять; въ томъ, что написано, можетъ быть ложь; но то, что видѣлъ своими собственными глазами—правда и навсегда останется въ памяти.

— Да, я помню,—сказалъ бѣлый человѣкъ.

— А потому я буду говорить о любви,—грустно, но спокойно продолжалъ Арсатъ,—буду говорить ночью, прежде, чѣмъ уйдетъ и ночь, и любовь, прежде чѣмъ око дня выглянетъ на мое горе и мой позоръ—на мое омраченное лицо, на мое испепелившееся сердце!

Раздался тихій, короткій вздохъ, и послѣ едва замѣтной паузы Арсатъ снова заговорилъ все такъ же спокойно, безъ жестовъ, не повышая голоса.

— Когда война кончилась, и ты покинулъ нашу страну, я и братъ мой стали, какъ и раньше, жезлоносцами нашего вождя, Си-Дендринга. Ты знаешь, что мы вышли изъ семьи, принадлежащей къ высокому роду, и болѣе всѣхъ остальныхъ были достойны носить на правомъ плечѣ символъ власти. Си-Дендрингъ выказывалъ намъ столько же расположенія, сколько вѣрности и мужества выказывали мы, когда бились за него. Наступило мирное время—время охотъ на оленей, пѣтушьихъ боевъ, праздныхъ разговоровъ и вздорныхъ ссоръ, какъ бываетъ всегда, когда желудки полны, а оружіе начинаетъ ржавѣть. Но за то земледѣлецъ смотрѣлъ безъ страха на молодые всходы хлѣба, а торговцы пріѣзжали

и уѣзжали, привозя вмѣстѣ съ товарами и новости. Но въ ихъ разсказахъ ложь примѣшивалась къ правдѣ, такъ что люди не знали, когда радоваться и когда печалиться. Отъ нихъ получали мы вѣсти о тебѣ. Они встрѣчались съ тобою и видѣли тебя то тамъ, то тутъ. И я былъ очень радъ, когда до меня доходилъ слухъ о тебѣ, туанъ. Я не забывалъ, что мы бились вмѣстѣ и часто вспоминалъ о тебѣ—вспоминалъ до тѣхъ поръ, пока глаза мои не закрылись для всего прошлаго, потому что обратились на нее—на ту, которая умираетъ здѣсь, въ домѣ.

Онъ на минуту остановился и прошептавъ: „О Mara bahia! О горе", продолжалъ, нѣсколько повысивъ голосъ:

— Нѣтъ худшаго врага и лучшаго друга, чѣмъ братъ, потому что каждый изъ братьевъ хорошо знаетъ другого, а изъ такого знанія вытекаетъ и добро, и зло. Я любилъ моего брата, туанъ. Я пошелъ къ нему и сказалъ, что не могу видѣть ничего, кромѣ одного лица, не могу слышать ничего, кромѣ одного голоса. „Открой ей свое сердце, чтобы она увидала, что въ немъ, и жди", отвѣтилъ онъ. „Въ терпѣніи заключается мудрость. Можетъ быть, Инчи Мида умретъ или Си-Дендрингъ стряхнетъ съ себя ея власть"... Ты видалъ женщину подъ покрываломъ, туанъ, и знаешь, какъ Си-Дендрингъ боялся ея коварства и гнѣва. Что если бы она потребовала свою служанку?.. Я сталъ ждать... Но я питалъ страстное желаніе моего сердца мимолетными взглядами и тайными рѣчами. Днемъ я бродилъ около тропинки, ведущей къ купальнямъ, а когда солнце заходило за лѣсъ, тихо прокрадывался къ жасминной изгороди женскаго двора. Невидимые никѣмъ, мы говорили другъ съ другомъ черезъ легкій занавѣсъ листьевъ, черезъ благоуханіе цвѣтовъ и былинки высокой травы, которая стояла неподвижно около нашихъ губъ: такъ велика была наша осторожность, такъ тихъ шепотъ нашей страсти. Время быстро проходило. И женщины начали перешептываться, а враги стали слѣдить за нами. Братъ мой былъ мраченъ, а мнѣ приходили въ голову мысли объ убійствѣ и смерти... Мы происходимъ отъ народа, который всегда беретъ то, что хочетъ—какъ и вы, бѣлые. Бываетъ время, когда мужчина забываетъ преданность и уваженіе, съ какими онъ долженъ относиться къ своему вождю. Власть и могущество принадлежатъ правителю, но каждому человѣку даны сила и смѣлость, каждый имѣетъ право любить... Мой братъ сказалъ: „Похитимъ ее. Насъ двое, но мы составляемъ одно".—„Да, и поскорѣе,—отвѣтилъ я,—потому что я не чувствую даже теплоты солнца, если она не освѣщаетъ ее". Нашъ день насталъ, когда Си-Дендрингъ и всѣ раджи отправились

къ устью рѣки, на рыбную ловлю при свѣтѣ факеловъ. Туда съѣхались сотни лодокъ, а на бѣломъ пескѣ, между водою и лѣсами, стояли шалаши изъ вѣтвей для семействъ раджей. Дымъ отъ очаговъ, на которыхъ варилась пища, поднимался, какъ голубой туманъ, и веселые голоса перекликались въ немъ. Въ то время, какъ готовили лодки для рыбной ловли, братъ подошелъ ко мнѣ и шепнулъ: „Сегодня ночью!“ Я осмотрѣлъ оружіе, и въ назначенный часъ наша лодка заняла свое мѣсто въ кругу другихъ лодокъ съ зажженными факелами. Огни сверкали, отражаясь въ водѣ, но сзади, за лодками, была глубокая темнота. Когда отовсюду раздались крики, и всѣ точно обезумѣли отъ возбужденія, мы тихонько уѣхали. Бросивъ наши факелы въ воду, мы осторожно поплыли назадъ, къ темному берегу, на которомъ только мѣстами виднѣлся слабый свѣтъ потухающихъ угольевъ. До насъ доносились голоса рабынь, болтавшихъ около шалашей. Потомъ мы нашли тихое, уединенное мѣстечко и стали ждать. Она пришла. Она бѣжала къ намъ вдоль берега, быстро, не оставляя слѣда, какъ листъ, уносимый вѣтромъ въ море. „Возьми ее и отнеси въ лодку“,—сказалъ мой братъ. Я взялъ ее на руки. Она задыхалась. Сердце ея билось о мою грудь.

„Я увезу тебя отсюда“, прошепталъ я. „Ты пришла на крикъ моего сердца, и мои руки отнесутъ тебя въ лодку. Я увезу тебя противъ воли нашего повелителя!“—„Ты правъ“, сказалъ мой братъ. „Мы всегда беремъ то, что намъ нужно, и умѣемъ охранять свое и биться, не обращая на число противниковъ. Намъ слѣдовало бы увезти ее днемъ, при свѣтѣ солнца.“—„Ѣдемъ!“ сказалъ я. Съ той минуты, какъ Діамеленъ вошла въ мою лодку, мысль о томъ, что у Си-Дендринга много людей, не оставляла меня. „Хорошо“, отвѣтилъ братъ. „Теперь мы изгнанники. Море—наша страна, а эта лодка—нашъ домъ“. Онъ все еще медлилъ на берегу, и я умолялъ его поспѣшить, потому что помнилъ, какъ билось ея сердце о мою грудь, я зналъ, что двоимъ мужчинамъ не справиться съ сотней. Мы поплыли внизъ по теченію, держась около самаго берега. А когда мы проѣзжали мимо того мѣста, гдѣ ловили рыбу, криковъ уже не было слышно, но гулъ голосовъ долеталъ до насъ, какъ громкое жужжанье насѣкомыхъ въ полдень. Лодки то носились по водѣ, то сходились вмѣстѣ, при красномъ пламени факеловъ, подъ чернымъ покровомъ дыма. Люди говорили объ охотѣ, хвастались и насмѣхались другъ надъ другомъ. Еще утромъ они относились къ намъ, какъ друзья, а вечеромъ стали нашими врагами. Мы быстро поплыли дальше.

Въ нашей странѣ—въ странѣ, гдѣ мы родились—у насъ не было ни одного друга. Діамеленъ сидѣла въ срединѣ лодки, съ закрытымъ лицомъ, такая же неподвижная, нѣмая и ничего не видящая, какъ теперь. А я... я не жалѣлъ о томъ, что покинулъ, потому что тутъ, около себя, слышалъ ея дыханіе, какъ слышу его теперь.

Онъ остановился и прислушался, повернувшись къ двери, а потомъ покачалъ головою и снова заговорилъ:

— Моему брату хотѣлось крикнуть—крикнуть только разъ, чтобы вызвать людей на бой, показать имъ, что мы вольные пираты, полагающіеся на море и на свои руки. Но я, во имя нашей любви, умолялъ его молчать. Вѣдь она сидѣла рядомъ со мной, и я слышалъ ея дыханіе. Я зналъ, что погоня явится и безъ того слишкомъ скоро. Мой братъ любилъ меня. Онъ отказался отъ своего намѣренія и, тихо, беззвучно погружая весло въ воду, сказалъ: „Въ тебѣ осталось теперь только половина человѣка; другая половина перешла въ эту женщину, я подожду, когда ты станешь по прежнему настоящимъ мужчиной, мы вернемся сюда и бросимъ имъ вызовъ. Мы сыновья одной матери“. Я не отвѣчалъ. Вся моя сила, вся моя страсть перешли въ руки, державшія весло: мнѣ такъ горячо хотѣлось увезти ее поскорѣе въ безопасное мѣсто, куда не достигла бы злоба мужчинъ и ненависть женщинъ. Моя любовь была такъ сильна, что могла, думалось мнѣ, направить меня въ страну, гдѣ не знаютъ смерти, лишь бы только теперь можно было избѣжать гнѣва Инчи Миды и кинжала Си-Дендринга. Мы гребли изо всѣхъ силъ, глубоко погружая весла въ тихую воду. Изъ рѣки мы свернули въ чистый, свѣтлый каналъ и поплыли вдоль темнаго берега и песчаныхъ отмелей, гдѣ море перешептывается съ землею. А блестящій бѣлый песокъ, казалось, несся назадъ, мимо нашей лодки, такъ быстро летѣла она по водѣ. Мы не говорили. Только разъ я сказалъ: „Засни, Діамеленъ: скоро тебѣ понадобится вся твоя сила“. Я слышалъ ея нѣжный голосъ, но не повернулъ къ ней головы. Солнце взошло, а мы все неслись впередъ. Потъ лилъ у меня съ лица, какъ дождь изъ тучи. Мы гребли, не останавливаясь ни на минуту, несмотря на жаръ и солнечный свѣтъ. Я оборачивался назадъ, но зналъ, что братъ мой внимательно слѣдитъ за носомъ нашей лодки, потому что она летѣла прямо, какъ стрѣла. Во всей странѣ не было гребца, не было рулевого лучше моего брата. Много разъ ѣздили мы въ этой самой лодкѣ во время гонокъ и оставались побѣдителями. Но никогда не напрягали своихъ силъ такъ, какъ теперь—теперь, когда мы гребли вмѣстѣ въ послѣдній разъ! Не было человѣка сильнѣе и смѣлѣе

моего брата. Я долженъ былъ беречь силу и потому не могъ обернуться и взглянуть на него; но я слышалъ, какъ съ каждой минутой дыханіе его становилось все тяжелѣе. И всетаки онъ молчалъ. Солнце было высоко. Зной, какъ пламя, палилъ мнѣ спину; ребра мои раздались, а между тѣмъ въ груди не хватало воздуха. Наконецъ, я не выдержалъ и сказалъ: „нужно отдохнуть“.—„Хорошо“, отвѣтилъ братъ. Его голосъ былъ твердъ. Онъ былъ силенъ. Онъ былъ храбръ. Онъ не зналъ ни страха, ни усталости. О, мой братъ!

Въ непроходимой чащѣ лѣса дрогнули вѣтки и послышался шелестъ потревоженныхъ листьевъ. Онъ пронесся по звѣздной глади лагуны, и вода, всколыхнувшись, лизнула покрытыя тиной сваи. Дуновеніе теплаго вѣтра пробѣжало по лицамъ обоихъ мужчинъ и полетѣло дальше—дуновеніе громкое и прерывистое, какъ тревожный вздохъ дремлющей земли.

— Мы направили нашу лодку къ отлогому, песчаному берегу заросшей лѣсомъ косы, выдавшейся далеко въ море и какъ бы преграждавшей намъ путь,—продолжалъ Арсатъ тихимъ монотоннымъ голосомъ.—Мой братъ зналъ это мѣсто. Узкая тропинка прорѣзывала чащу и вела къ устью большой рѣки. Мы развели костеръ и сварили рису, а потомъ легли спать на мягкомъ пескѣ, въ тѣни лодки. Діамеленъ осталась сторожить. Мы тотчасъ же заснули, но сонъ мой былъ чутокъ, и я услыхалъ ея тревожный крикъ. Въ одно мгновеніе мы были на ногахъ. Солнце уже начинало опускаться; у входа въ заливъ виднѣлась большая лодка со многими гребцами. Мы тотчасъ же узнали ее; это была одна изъ лодокъ нашего раджи. Гребцы внимательно осматривали берегъ и увидали насъ. Они ударили въ гонгъ и повернули лодку носомъ къ намъ. Я почувствовалъ, что сердце слабѣетъ у меня въ груди. Діамеленъ сѣла на песокъ и закрыла лицо. Мы не могли спастись отъ нихъ моремъ. Мой братъ засмѣялся. Онъ захватилъ съ собой ружье, которое ты подарилъ ему передъ отъѣздомъ, туанъ; но пороху у него было мало. „Бѣги съ ней по тропинкѣ,—быстро сказалъ онъ мнѣ,—а я останусь здѣсь и задержу ихъ. Съ ними нѣтъ огнестрѣльнаго оружія, и они побоятся сходить на берегъ, когда узнаютъ, что со мной ружье. Они не пойдутъ на вѣрную смерть. Бѣги съ ней. По ту сторону лѣса ты увидишь рыбачью хижину и лодку. Когда я выпущу всѣ заряды, я присоединюсь къ вамъ, и мы уѣдемъ. Имъ не удастся догнать меня. Я постараюсь задержать ихъ у берега какъ можно дольше, потому что съ тобою женщина. Она не можетъ ни скоро бѣгать, ни биться, а между тѣмъ

держитъ въ своихъ слабыхъ рукахъ твое сердце". Онъ присѣлъ за лодку, а мы побѣжали, и въ то время, какъ мы были на тропинкѣ, въ лѣсу, я услыхалъ выстрѣлы. Мой братъ выстрѣлилъ, разъ-два—и гонгъ замолчалъ. Все стихло позади насъ. Тропинка скоро кончилась. Не успѣлъ братъ мой выстрѣлить въ третій разъ, какъ я снова увидалъ воду—устье широкой рѣки. Мы пробѣжали по зеленой просѣкѣ. Мы спустились внизъ, къ рѣкѣ. На берегу стояла маленькая хижина, а на водѣ качалась лодка. Позади меня раздался выстрѣлъ. „Это, должно быть, послѣдній", подумалъ я. Мы бросились къ лодкѣ. Изъ хижины выскочилъ человѣкъ, но я схватилъ его за горло, и мы оба упали на землю. Потомъ я всталъ, а онъ продолжалъ лежать неподвижно у моихъ ногъ. Не знаю, убилъ я его или нѣтъ. Въ то время, какъ мы отвязывали лодку, страшные крики раздались позади насъ. Братъ мой бѣжалъ по просѣкѣ, и много людей гналось на нимъ. Я посадилъ Діамеленъ въ лодку и прыгнулъ туда самъ. Обернувшись къ берегу, я увидалъ, что братъ мой упалъ. Онъ упалъ и сейчасъ же опять вскочилъ, но люди ужъ догоняли его. „Иду!" крикнулъ онъ. Тутъ люди настигли и окружили его. Ихъ было много, очень много. Я посмотрѣлъ на брата—посмотрѣлъ на нее и... и я оттолкнулъ лодку, туанъ! Я оттолкнулъ ее отъ берега. Діамеленъ стояла на колѣняхъ и глядѣла на меня. „Бери весло",—сказалъ я и принялся грести. Я слышалъ, какъ онъ два раза звалъ меня, а потомъ раздались голоса: „Бей! Бей его!" Я не оборачивался. Онъ еще разъ произнесъ мое имя, и я услыхалъ крикъ, страшный предсмертный крикъ! Но я всетаки не обернулся. Мое собственное имя!.. Мой братъ!.. Онъ три раза звалъ меня, а я не помогъ ему—мнѣ слишкомъ дорога была жизнь. Вѣдь рядомъ со мною сидѣла она, Діамеленъ! Вѣдь вмѣстѣ съ нею я могъ найти страну, гдѣ не знаютъ смерти!

Арсатъ всталъ, и его неподвижная фигура выдѣлилась темнымъ пятномъ надъ потухающими угольями костра. Легкая мгла уже давно клубилась надъ сонной лагуной, затмѣвая яркое отраженіе звѣздъ. Теперь холодный туманъ окуталъ все—и воду, и землю. Онъ разстилался въ темнотѣ, обвивался около древесныхъ стволовъ и волновался кругомъ дома, который, казалось, колыхался на поверхности бурнаго, неосязаемаго, призрачнаго моря. Только вершины деревьевъ вырисовывались на сверкающемъ небѣ, какъ мрачный, обманчивый, безжалостный берегъ.

Голосъ Арсата громко зазвучалъ въ глубокой тишинѣ.

— Я привезъ ее сюда! Она принадлежала мнѣ! Чтобы завладѣть ею, я вызвалъ бы на бой весь міръ! Она была

моя... и... Я любилъ моего брата, туанъ,—послѣ небольшой паузы прибавилъ онъ.

Порывъ холоднаго вѣтра заставилъ его вздрогнуть. Высоко надъ его головой, высоко надъ моремъ тумана, грустно зашелестѣли поникшіе листья пальмъ. Бѣлый человѣкъ вывытянулъ ноги.

— Мы всѣ любимъ нашихъ братьевъ,—тихо проговорилъ онъ, не поднимая опущенной головы.

— Что мнѣ было за дѣло до умершаго?—съ внезапной запальчивостью проговорилъ Арсатъ.—Я искалъ покоя для своего собственнаго сердца!

Ему, должно быть, послышался какой-нибудь звукъ въ домѣ. Онъ остановился и тихо проскользнулъ въ дверь.

Бѣлый человѣкъ всталъ. Звѣзды гасли, какъ бы удаляясь въ ледяныя глубины безпредѣльнаго пространства. Вѣтеръ, дувшій порывисто, вдругъ прекратился, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ ничто не нарушало глубокой, торжественной тишины. Потомъ изъ-за темной, волнистой линіи лѣса вдругъ взвился къ небу столбъ золотого свѣта и разлился полукругомъ на горизонтѣ. Солнце взошло. Туманъ поднялся, разорвался на клочья, заклубился легкими завитками и исчезъ, обнаживъ темную гладь лагуны, лежавшей въ глубокой тѣни, у подножія высокой стѣны деревьевъ. Бѣлохвостый орланъ взлетѣлъ надъ ней, тяжело взмахивая крыльями, блеснулъ на мгновеніе въ солнечномъ свѣтѣ, поднялся еще выше, превратился въ едва замѣтную черную точку и слился съ лазурью неба, какъ бы покинувъ землю навсегда. Въ хижинѣ раздался голосъ. Бѣлый человѣкъ услыхалъ прерывистый шепотъ, безсвязныя слова, а потомъ громкій стонъ. Арсатъ, шатаясь, дрожа, вышелъ изъ двери и съ минуту стоялъ неподвижно, устремивъ глаза вдаль.

— Она уже не горитъ,—наконецъ, прошепталъ онъ.

Прямо напротивъ него, надъ вершинами деревьевъ, показался краешекъ солнца. Подулъ свѣжій вѣтерокъ, ослѣпительный свѣтъ залилъ лагуну, и искры пробѣжали по подернувшейся рябью водѣ. Лѣса выглянули изъ прозрачныхъ тѣней утра. Они, какъ будто, подошли ближе, а потомъ сразу остановились, зашелестѣвъ листьями и закивавъ вершинами. Шепотъ пробудившейся природы сталъ громче при солнечномъ свѣтѣ, шепотъ, такъ не подходящій къ нѣмому мраку человѣческаго горя.

Глаза Арсата блуждали, а затѣмъ устремились на восходящее солнце.

— Я ничего не вижу,—вполголоса и какъ бы про себя проговорилъ онъ.

— Ничего и нѣтъ,—сказалъ бѣлый человѣкъ, подойдя къ краю площадки и махнувъ рукою въ ту сторону, гдѣ была его лодка. Слабый крикъ пронесся надъ лагуной, и лодка поплыла къ дому.

— Если хочешь уѣхать со мной,—сказалъ бѣлый человѣкъ, смотря на воду,—я пробуду здѣсь все утро и подожду тебя.

— Нѣтъ, туанъ,—мягко отвѣтилъ Арсатъ,—я не стану ни ѣсть, ни спать въ этомъ домѣ, но мнѣ нужно сначала найти свой путь. Теперь я еще не вижу его – не вижу ничего! Въ мірѣ нѣтъ свѣта, нѣтъ покоя; есть только смерть—смерть для многихъ... Мы были сыновья одной матери, а я покинулъ его среди враговъ. Но я вернусь туда...

Арсатъ глубоко вздохнулъ и задумчиво проговорилъ:

— Я скоро увижу ясно свой путь и тогда отомщу—буду убивать. Но теперь... она умерла и кругомъ мракъ... мракъ!

Онъ взмахнулъ руками, опустилъ ихъ и остался недвижимъ, съ безстрастнымъ лицомъ и какъ бы окаменѣвшими глазами, устремленными на солнце.

Бѣлый человѣкъ спустился съ лѣстницы и сѣлъ въ лодку. Гребцы налегли на весла, оглядываясь на восходящее солнце, возвѣщавшее начало тяжелаго рабочаго дня. На кормѣ сидѣлъ угрюмый рулевой, голова котораго была обмотана бѣлыми тряпками. Бѣлый человѣкъ глядѣлъ назадъ, на бѣгущій за лодкой сверкающій искрами слѣдъ. Прежде, чѣмъ она свернула въ заливъ, онъ поднялъ глаза, Арсатъ не перемѣнилъ положенія. Онъ стоялъ неподвижный, одинокій, въ сіяніи солнечнаго свѣта. Но онъ не замѣчалъ ослѣпительнаго блеска безоблачнаго дня и смотрѣлъ во мракъ призрачнаго міра.

ВОДОВОРОТЪ.

На груды дикихъ скалъ, въ гранитныя ворота,
Съ разбѣга, бѣшено кидаются валы.
Дымится и кипитъ прибой водоворота,
Бушуя, какъ огонь, подъ бѣлой ризой мглы.

И грудь моя полна волненія и боли,
Въ тревогѣ я гляжу на гордый бѣгъ волны:
Здѣсь вѣчная борьба во имя свѣтлой воли,
Могучая, какъ вихрь, какъ скорбь родной страны.

И тамъ повсюду стонъ... Народъ, тревожнѣй моря,
Стѣсненнаго нѣмой громадой береговъ,
Весь въ ранахъ и въ крови, съ врагомъ жестокимъ споря,
Какъ узникъ рвется изъ оковъ.

Но грозный часъ пробьетъ... Напоръ водоворота,
Сломивъ твердыни скалъ, ихъ смоетъ безъ слѣда—
Не вѣчно царство тьмы, насилія и гнета,
Ужъ близокъ свѣтлый міръ свободы и труда!

С. Ивановъ-Райковъ.

съ голоду ихъ жены и дѣти. Охъ, парень, вспомнить страшно!..

Джозія Пли съ тревогой заглянулъ въ лицо старику.

— Маттью, ты робѣешь?

Леммеръ улыбнулся.

— Не бойся, товарищъ. Если я заблаговременно просматриваю предъявленный счетъ, это еще не значитъ, что я не хочу по немъ платить. Мнѣ только хотѣлось, чтобы ты зналъ, что это нелегкое дѣло, и много жизней оно разобьетъ. Молись, молись неустанно, чтобы Господь смягчилъ сердце хозяина, покуда не поздно... Покойной ночи, парень, пора по домамъ.—И онъ ласково прикоснулся къ плечу молодого рабочаго.

Тѣмъ временемъ Бринтонъ и Брикноль разсказали въ тавернѣ товарищамъ, какъ грубо обошелся съ ними Слэтеръ и какъ онъ отказалъ имъ наотрѣзъ. „Довольно словъ",—говорили они; „пора намъ поискать другихъ средствъ". И тутъ же всѣ сообща порѣшили образовать союзъ, но до поры до времени держать это рѣшеніе въ строгой тайнѣ.

— Знаешь, Джо,—говорилъ послѣ этого Бринтону Адамъ Шайндингъ, не молодой уже рабочій лѣтъ сорока пяти, съ маленькими глазками, землистымъ цвѣтомъ лица и непріятными складками у рта:—черезчуръ ужъ много методистовъ примазалось къ этому дѣлу. Мнѣ это не по нутру. Бобъ Слэтветъ мнѣ говорилъ, что будто старикъ Леммеръ затѣялъ даже молитвенное собраніе по этому поводу; только Бобъ не остался, ушелъ.

— Что-жъ, Леммеръ былъ въ своемъ правѣ,—сказалъ спокойно Бринтонъ.

— Ты развѣ былъ на этомъ собраніи?

— Былъ.

— Вотъ такъ молельщикъ! Какъ это пристало тебѣ!—засмѣялся Абрамъ.

— И представь, ничего со мной не приключилось ужаснаго оттого, что я тамъ былъ,—отвѣтилъ Бринтонъ невозмутимо.—Ты, видно, никогда не бывалъ на молитвенныхъ собраніяхъ, оттого ты такъ и говоришь. Ничего тамъ нѣтъ необыкновеннаго. Просто люди становятся на колѣни и молятся. А кто хочетъ, можетъ стоять или сидѣть, какъ кому нравится. На меня молитва, положимъ, не дѣйствуетъ, но многимъ легче на душѣ отъ нея.

Шайндингъ что-то проворчалъ съ явнымъ отвращеніемъ.

— Нѣтъ, Авраамъ, ты это напрасно, ты этого не можешь понять. Видишь ли: когда тебѣ хочется отвести душу, ты идешь себѣ въ „Снопы" и пропускаешь кружку портера или стаканчикъ водки. Ну, а Маттью съ братіей отводятъ

душу молитвой. Молитва ихъ ободряетъ, и гораздо больше, я тебѣ скажу, чѣмъ тебя твоя водка. Хоть самъ ты и не молишься, а надъ молитвой не шути. Такъ-то, товарищъ. Будь увѣренъ въ одномъ: ни Маттью, и ни одинъ изъ нихъ, хоть они и любятъ молиться, не отстанутъ отъ насъ.

— Не выношу ханженства,—твердилъ свое Шайндингъ, чувствуя, однако, что его аргументанція слаба.—Леммеръ, я увѣренъ, считаетъ, что мы съ тобой продали душу сатанѣ только оттого, что мы сидимъ вотъ тутъ и пьемъ пиво.

— Не знаю, считаетъ ли Леммеръ, что мы продали душу сатанѣ, а что мы тратимъ деньги, которыя пригодились бы дома, это онъ навѣрно считаетъ. То же думаетъ моя хозяйка, да и твоя, мнѣ сдается.

— Ну, бабы всегда найдутъ поводъ для нытья... А все-таки терпѣть я не могу этихъ ханжей методистовъ!

— Коли такъ, зачѣмъ же ты, хоть бы сейчасъ, предоставляешь имъ всю главную работу по организаціи союза? Попробовалъ бы самъ.

Шайндингъ сконфуженно кашлянулъ.

— Гм! Не хочется мнѣ, знаешь, путаться съ этимъ народомъ.

Бринтонъ криво усмѣхнулся.

— Ты, какъ я на тебя погляжу, умѣешь только зубоскалить надъ людьми, которые дѣлаютъ серьезное дѣло, а самъ палецъ о палецъ не ударишь. Намъ, братъ, такіе не нужны. Оставь въ покоѣ методистовъ съ ихъ митингами и молитвами, да походи на рабочіе митинги,—вотъ тогда и увидимъ, стоющій ли ты человѣкъ.

Остальные присутствующіе улыбались, слушая этотъ споръ. Бринтонъ пользовался большимъ авторитетомъ среди товарищей, и въ спорахъ они были всегда на его сторонѣ. Надо замѣтить, что за минуту до его прихода всѣ соглашались съ Шайндингомъ, что нельзя ожидать ничего путнаго отъ затѣи, въ которой методисты играютъ руководящую роль. Подъ „методистами“ подразумѣвались въ данномъ случаѣ сектанты всѣхъ наименованій.

Шайндингъ не нашелъ, что возразить, и Бринтонъ продолжалъ:

— Товарищи! Я надѣюсь на васъ. Нелегко намъ будетъ осилить старика Сэма и добиться своихъ правъ. Нельзя ничьей поддержкой брезгать въ такомъ дѣлѣ. Молельщики и не молельщики, пьющіе и не пьющіе,—всѣ пригодятся. Сегодня онъ далъ намъ отвѣтъ. Что-жъ, если у насъ хватитъ умѣнья и смѣлости сплотиться и твердо стоять на своемъ, то скоро и мы дадимъ ему *свой* отвѣтъ.

— Конечно, ты на чистоту съ нимъ говорилъ, Джо?— спросилъ Шекдэль Бринтона.

— За всѣхъ насъ говорилъ Маттью. Хорошо говорилъ. Но сегодня было еще не время показывать кулаки, хоть Тому, да и Джону Пли, кажется, хотѣлось подраться.

— И теперь хочется,—вставилъ Брикнель.

— Я знаю. Когда-то я былъ тоже горячая голова въ родѣ тебя, товарищъ (Тутъ всѣ засмѣялись, такъ какъ Брикнель былъ лѣтъ на шестнадцать старше Бринтона). Лѣзь на стѣну, какъ разъяренный быкъ, если тебѣ это нравится. Но это хорошо, когда ты только за себя отвѣчаешь. А тутъ ты не одинъ; надо и о другихъ подумать. Когда наше войско будетъ готово, тогда и объявимъ войну. Такъ ли, товарищи? Всѣ идете въ союзъ?

— Всѣ, всѣ! - воскликнулъ Шекдэль.

— А ты, Авраамъ?—спросилъ Бринтонъ.

— Я тоже, разумѣется. Только...

— Ну, такъ я ставлю полъ-галлона: надо отпраздновать этотъ день. Выпьемъ за нашу побѣду. Дѣйствуйте дружно, товарищи, и скоро, можетъ быть, наступитъ время, когда вы скажете, что въ Минвэлѣ еще стоитъ жить.

VI.

Новый викарій былъ не совсѣмъ доволенъ своей паствой, какъ онъ признался Адамсону, который выслушалъ это признаніе съ тяжелымъ чувствомъ. Онъ, разумѣется, ни мало не считается со взглядами Слэтера (объяснялъ онъ); ему даже непріятно быть въ чемъ нибудь солидарнымъ съ этимъ нахаломъ; но въ приходѣ, несомнѣнно, царитъ духъ недовольства и идетъ броженіе, которое можетъ привести къ самымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ, если его не удастся во время сдержать. Адамсонъ почти не возражалъ. Онъ зналъ Минвэль, имѣлъ на этотъ счетъ свое мнѣніе и, симпатизируя Доннимору, горячо надѣялся, что тотъ не сдѣлаетъ роковой для пастыря ошибки и не оттолкнетъ отъ себя своихъ прихожанъ недостаткомъ сочувствія къ ихъ испытаніямъ и нуждамъ.

Вечеромъ въ ближайшее воскресенье Доннморъ говорилъ проповѣдь, въ которой уже безъ обиняковъ высказалъ приходу всю правду, какъ онъ ее понималъ. Десятокъ безумцевъ, съ легкомысліемъ, заслуживающимъ самаго строгаго порицанія, говорилъ онъ, заводятъ рѣчь о стачкѣ, какъ будто это самая простая и обыкновенная вещь. Онъ умоляетъ присутствующихъ не якшаться съ этими пусто-

головыми, злобствующими агитаторами, которые поставили себѣ задачей возстановить одинъ классъ противъ другого. Стачка—безумное средство борьбы и, долженъ онъ прибавить къ своему сожалѣнію, нерѣдко преступное. Оно безспорно ведетъ къ преступленію и не приноситъ ничего, кромѣ горя, самимъ стачечникамъ, изъ которыхъ многіе примыкаютъ къ стачкѣ лишь потому, что легко даются въ обманъ. Стачка возбуждаетъ дурныя страсти, и часто нужны годы, чтобъ онѣ снова улеглись. Ни одинъ истинный христіанинъ не изберетъ такого средства, дающаго полную волю самымъ низкимъ человѣческимъ страстямъ. „Нѣтъ!" закончилъ Доннпморъ съ горячимъ порывомъ: „если вы считаете себя обиженными, обсудите положеніе дѣлъ и дѣйствуйте, какъ разумные люди, но только, умоляю васъ, не давайте вовлечь себя въ бѣшеную оргію стачки".

Слэтеръ, еле дождавшись конца, соскочилъ со скамьи и побѣжалъ къ ризницѣ навстрѣчу Доннимору. Онъ схватилъ руку викарія и горячо потрясъ ее. Лицо его сіяло.

— Благодарю, благодарю! Сегодня вы превзошли себя, мой другъ. Великолѣпная проповѣдь—прямо къ дѣлу. Мнѣ трудно было удержаться, чтобы не апплодировать. Лучшая проповѣдь, какую я когда-либо слыхалъ.

— Очень радъ, что вамъ понравилось,—отвѣчалъ Доннпморъ безъ всякой радости въ тонѣ.

— Понравилось! Нѣтъ, это не настоящее слово. Я въ восторгѣ, мой милый! Это... это верхъ краснорѣчія. Чудесно! Превосходно! Что называется — въ самую точку. Я все глядѣлъ по сторонамъ и высмотрѣлъ не одного изъ тѣхъ молодцовъ, которымъ назначался выстрѣлъ. Я жалѣлъ только объ одномъ—что васъ не слышали диссиденты. Имъ это было бы не въ бровь, а прямо въ глазъ.

— Надо сознаться, что диссидентство вообще порождаетъ недовольство существующимъ строемъ. Оно и естественно, впрочемъ,—замѣтилъ Доннпморъ.

— Совершенно вѣрно. Но какъ хорошо вы сегодня все это изложили! Я бы такъ не сумѣлъ... Какъ хотите, мой другъ, вы должны съ нами отужинать. Жена и дочь будутъ огорчены, если я васъ не привезу.

Доннпморъ съ секунду колебался.

— Благодарю, съ удовольствіемъ; я давно не видалъ мистрисъ Слэтеръ,—сказалъ онъ.

Но въ глубинѣ души онъ сознавалъ, что мысль о Мабель, а не о мистрисъ Слэтеръ, заставила его принять приглашеніе. Его антипатія къ отцу семейства не распространялась на жену и на дочь. Онъ восхищался дочерью и не скрывалъ этого отъ себя. Въ ней было столько жизни и

огня и, какъ ему казалось, было много унаслѣдованной, вѣроятно, отъ матери, сердечной доброты.

Они нагнали Мабель у церковной ограды. Она похвалила его проповѣдь, но дорогой, до самаго ихъ дома, имъ не пришлось перемолвиться ни однимъ словомъ. Мистеръ Слэтеръ былъ въ такомъ упоеніи отъ проповѣди, что говорилъ, не умолкая. Говорилъ онъ, и весьма пространно, все на ту же тему о неблагодарномъ современномъ поколѣніи минвэльскихъ рабочихъ и о томъ, какъ хорошо ихъ отщелкалъ Донниморъ.

Какъ только они пріѣхали на виллу, онъ потащилъ гостя къ женѣ и, какъ ураганъ, ворвался въ ея комнату. Мистрисъ Слэтеръ читала Евангеліе, и Донниморъ не могъ не замѣтить, что это вторженіе нарушило ея покой и было ей непріятно.

— Ну, другъ мой, ты много потеряла, что не была сегодня въ церкви,—шумно началъ Слэтеръ. — Донниморъ сказалъ великолѣпную проповѣдь. Такая досада, что ты не слыхала. Отдѣлалъ подъ орѣхъ этихъ головорѣзовъ—будущихъ стачечниковъ. Пристыдилъ ихъ, знаешь, съ христіанской точки зрѣнія, и все такое. Словомъ, задалъ имъ хорошую баню. Жаль только, что не было диссидентовъ.

Доннимора покоробило отъ этихъ похвалъ.

— Я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ, мистрисъ Слэтеръ, сдѣлать все, что въ моей власти, чтобы предотвратить возможность нарушенія порядка и мира въ приходѣ,— холодно сказалъ онъ.

— Да, удивительная проповѣдь! Потрясающая — можно сказать!—тараторилъ мистеръ Слэтеръ, съ самодовольнымъ торжествомъ похлопывая себя по жилету.—Жаль, жаль, что тебя не было, мой другъ!

— Мнѣ еще больше жаль; я хотѣла бы бывать въ церкви каждое воскресенье,—мягко отвѣтила мистрисъ Слэтеръ.— Но мнѣ грустно думать, что эти бѣдные люди считаютъ себя настолько обиженными, что хотятъ прибѣгнуть къ стачкѣ.

— Полно, полно, душенька, перестань!—сказалъ мистеръ Слэтеръ съ усмѣшкой досады, какъ будто говорилъ съ балованнымъ ребенкомъ.—Она, знаете, вѣчно сидитъ въ своей комнатѣ, совсѣмъ не видитъ людей, и отъ этого у нея иной разъ бываютъ престранныя представленія о многихъ вещахъ.

— Надѣюсь, я не страдаю недостаткомъ симпатіи къ моей паствѣ,—заговорилъ Донниморъ, не отвѣчая ему и обращаясь къ хозяйкѣ, — но, повторяю, я считалъ своимъ долгомъ высказать свое мнѣніе тѣмъ изъ моихъ прихожанъ,

которые сбиваютъ съ пути остальныхъ. И я буду счастливъ, если то, что я имъ сказалъ, поможетъ сохраненію мира въ приходѣ.

— Это такой испорченный, такой неблагодарный народъ,— вставила Мабель.—Имъ даже слово „благодарность“ непонятна. Что ты имъ ни давай, они возьмутъ, какъ должное, да еще обругаютъ тебя у тебя за спиной.

Мистрисъ Слэтеръ улыбнулась.—Не будемъ сегодня осуждать нашихъ ближнихъ, моя дорогая,—сказала она кротко.— Въ воскресный вечеръ я предпочитаю думать о собственныхъ грѣхахъ.

Слэтеръ сдѣлалъ безпомощный жестъ въ сторону гостя, долженствовавшій обозначать, насколько безполезно спорить съ женщиной, которая такъ долго просидѣла взаперти, что перестала понимать реальную жизнь.

— Мы пойдемъ ужинать, мой другъ,—сказалъ онъ ей.— Чего бы ты хотѣла скушать?

— Ничего, Сэмъ, благодарю,—былъ отвѣтъ.

— Я зайду къ вамъ завтра, мистрисъ Слэтеръ,—сказалъ, прощаясь, Донниморъ.—Я на васъ разсчитываю, какъ на помощницу въ моей работѣ по приходу. Хочу посовѣтоваться съ вами кой о чемъ. Покойной ночи.

— Я не жалуюсь, я никогда не жалуюсь, Донниморъ,— говорилъ хозяинъ, когда они спускались въ столовую;—но я часто жалѣю, что жена моя не можетъ принимать участіе въ житейскихъ дѣлахъ. Мужчинѣ трудно безъ помощницы въ домѣ. Конечно, Мэбъ добрая дѣвочка и толковая, но молодая, и я не могу разсчитывать на ея помощь: ее навѣрно скоро у меня похитятъ,—какой-нибудь злодѣй, хочу я сказать, скоро поведетъ ее къ алтарю.

— Да, очень, очень жаль, что мистрисъ Слэтеръ нездорова. Я объ этомъ жалѣю и изъ эгоистическихъ побужденій,— сказалъ Донниморъ.—Я вижу, какою неоцѣненной помощницей она могла бы быть мнѣ въ моей работѣ.

— Могла бы—да!.. Ну, что дѣлать! Не будемъ роптать.— И мистеръ Слэтеръ испустилъ глубокій вздохъ, въ знакъ своей покорности Провидѣнію.

На выѣздѣ изъ „Дубковъ“, по дорогѣ, шагалъ взадъ и впередъ человѣкъ. Онъ дожидался выхода Доннимора, чтобъ сказать ему нѣсколько словъ. Когда Донниморъ показался, онъ пропустилъ его впередъ, потомъ нагналъ и заговорилъ:

— Добрый вечеръ, сэръ.

— Ахъ, это вы, Ингамъ!—откликнулся Викарій, узнавъ одного изъ басовъ церковнаго хора.

— Я, сэръ. Я васъ дожидался, потому чувствовалъ, что не

успокоюсь, пока не объяснюсь съ вами по поводу вашей проповѣди... Нехорошо вы говорили, сэръ.

— Вы находите? — Тонъ Доннимора изъ привѣтливаго сразу сталъ ледянымъ.

— Сэръ, я хочу побесѣдовать съ вами, какъ другъ и какъ добрый христіанинъ. Я знаю, что вы ведете дружбу со Слэтеромъ, но въ церковь ходятъ не одни господа. Большинство вашихъ прихожанъ—рабочій народъ, и у нихъ тоже есть свои права, какъ и у хозяевъ. Сегодня вы указали намъ нашъ долгъ. А въ слѣдующее воскресенье—скажите—услышимъ мы отъ васъ другую проповѣдь—для хозяевъ, въ которой вы имъ укажете *ихъ* долгъ поступать съ нами справедливо, по человѣчески, а не какъ съ рабами?

— Мнѣ грустно слышать это отъ васъ, Ингамъ,—сказалъ Донниморъ съ скорбнымъ достоинствомъ.

— Я ожидалъ... я боялся такого отвѣта, сэръ. Что-жъ, могу вамъ на это сказать: мнѣ тоже грустно, очень грустно. Я лучше о васъ думалъ, сэръ. Я думалъ, вы одинъ изъ тѣхъ пастырей, которые помнятъ завѣты Нашего Учителя и не льнутъ къ богачамъ.

— Я ни къ кому не льну, Ингамъ, и, долженъ вамъ замѣтить, мой милый, мнѣ не нравится вашъ тонъ.

— А мнѣ не понравилась ваша проповѣдь, сэръ. Выходитъ, значитъ, что мы квиты.

— Очень жалѣю, что не угодилъ вамъ своей проповѣдью, но я высказалъ только то, что повелѣвалъ мнѣ высказать мой долгъ.

— Вы не съ того конца взялись, сэръ. Научите ихъ обязанностямъ, Сэма Слэтера съ братіей, а мы-то знаемъ свои. Видно, что вы еще не вникли въ суть дѣла.

— Къ прискорбію своему я убѣждаюсь, Ингамъ, что вы принадлежите къ числу агитаторовъ.

— Нѣтъ, я не агитаторъ; стоять за свои права еще не значитъ быть агитаторомъ. Не могу вамъ выразить, сэръ, до чего мнѣ больно было разочароваться въ васъ. Довольно одного этого, чтобы стать диссидентомъ.

— Прощайте, Ингамъ. — И Донниморъ, не прибавивъ больше ни слова, пошелъ своей дорогой.

Эта встрѣча взволновала его. Ингама онъ зналъ очень мало; зналъ о немъ только то, что онъ поетъ въ церковномъ хорѣ и учитъ въ воскресной школѣ. То, что Ингамъ оказывался агитаторомъ, было для него сюрпризомъ.

На другой день проповѣдь новаго викарія была предметомъ толковъ во всѣхъ мастерскихъ.

— Сэмъ забралъ его въ руки,—говорилъ одинъ старикъ

рабочій, по фамиліи Блэкредъ.—Да этого и надо было ожидать.

— Ты слышалъ проповѣдь?—спросилъ его Бринтонъ.

— Нѣтъ.

— Я тоже... Я понимаю, знаешь, что этотъ пасторъ на всѣхъ, примкнувшихъ къ союзу, долженъ смотрѣть, какъ на пропащихъ людей: вѣдь всѣ мы, которые съ головой ушли въ это дѣло, или не ходимъ ни въ какую церковь, или принадлежимъ къ методистамъ. Ну, да мнѣ-то наплевать! Я и не разсчитывалъ, что пасторы будутъ за насъ; я въ нихъ и не нуждаюсь, чортъ возьми! Я бы хотѣлъ только перемолвиться двумя тремя словечками съ этимъ молодцомъ.

— Билль Ингамъ говорилъ съ нимъ вчера; сказалъ ему: „Вы насъ поучаете: лучше научите хозяевъ ихъ обязанностямъ“.

— Разъ я загадалъ старику Леммеру загадку про священниковъ, которые служатъ за плату. Не помню ужъ теперь, какъ она загадывается, а только отгадка такая, что они никогда не дѣлаютъ того, что говорятъ. Не всѣ, конечно, такіе,—я не говорю,—но большая часть... Что-жъ, мы теперь, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что пасторы противъ насъ, какъ, впрочемъ, могли знать съ самаго начала. Я радъ, что Ингамъ сказалъ ему все напрямки.

— Да и какая польза отъ пасторовъ?—вмѣшался Слэтветъ.—Никто еще не видалъ добра отъ ихняго брата. Живутъ въ свое удовольствіе на нашъ счетъ, а до остального имъ и горя мало.

— Ну, нашъ-то отъ меня не много поживится, да и отъ тебя, я думаю,—засмѣялся Бринтонъ.—А жаль, что онъ такимъ оказался: хорошій парень съ виду и, говорятъ, превосходный крикетистъ.

— А больше, видно, ни на что не годенъ,—проворчалъ Слэтветъ.

— Богъ съ нимъ... Однимъ словомъ, намъ остается надѣяться только на себя. Если мы будемъ крѣпко держаться другъ за друга, я ничего не боюсь.

— Не вѣрю я что-то въ старика Леммера; вообще во всѣхъ этихъ праведниковъ съ ихъ моленіями. Ихъ бы лучше подальше.

— Ну вотъ!—перебилъ его съ досадой Бринтонъ, взмахнувъ своей трубкой.—Я только что сказалъ: будемъ стоять другъ за друга, а ты говоришь: эти намъ не нужны. Намъ всѣ нужны, товарищъ! На войнѣ всѣ нужны. Ты вотъ не вѣришь старику Леммеру, а я тебѣ скажу про него: никогда онъ словомъ дурнымъ не обмолвился ни о комъ изъ товарищей по союзу, а тамъ вѣдь много и насъ, грѣшниковъ.

Онъ понимаетъ, что для того, чтобы справиться съ Сэмомъ, праведники и грѣшники должны быть заодно. Можешь быть увѣренъ, что хозяева будутъ между собою заодно. Если мы станемъ перебирать, кто намъ годенъ и кто негоденъ, насъ разобьютъ прежде, чѣмъ мы вступимъ въ бой.

VII.

Роза на жизненномъ пути.

Донниморъ съ Адамсономъ уговорились отправиться на Кайндеръ въ ближайшій вторникъ и обѣщали Мабель Слэтеръ взять ее съ собой. День выдался солнечный, и было бы жарко, если бы съ юго-запада не тянуло свѣжимъ вѣтеркомъ. Планъ былъ такой: обогнуть гору съ лѣвой стороны, затѣмъ подняться на вершину, спуститься съ другой стороны, позавтракать въ придорожной гостиницѣ и вернуться домой черезъ деревню Глоссопъ. Прогулка удалась какъ нельзя лучше. Особенно оживлены были Донниморъ и миссъ Слэтеръ. Оба поминутно останавливались и восторгались великолѣпнымъ видомъ. Но Адамсонъ, дѣлавшій про себя свои наблюденія, отлично понималъ, что Донниморъ точно такъ же восторгался бы грязными улицами Минвэля, если бы Мабель Слэтеръ шла рядомъ съ нимъ. Снова и снова ловилъ онъ восхищенные взгляды, которые бросалъ на дѣвушку молодой человѣкъ, и у него было такое чувство, что, провались онъ, Адамсонъ, незамѣтно сквозь землю, они бы и не хватились его. Адамсонъ былъ искренно расположенъ къ нимъ обоимъ, но онъ зналъ, что подъ безпечной рѣчью и шутливой манерой Мабель таится сильный характеръ, и не былъ увѣренъ, составятъ ли они съ Донниморомъ счастливую чету. Впрочемъ, это были праздныя мысли, какъ онъ и самъ понималъ: въ эту экскурсію ему стало окончательно ясно, что ихъ взаимная симпатія быстро разростается въ любовь.

— Смотрите, мистеръ Доннимор: вотъ вамъ Дербиширъ!— сказала Мабель, снимая шляпу, когда они остановились передохнуть послѣ крутого подъема.—Вамъ предстоитъ еще увидѣть Бекетонъ, Матлокъ, Миллерсъ-Дэль и Довъ-Дэль, и если послѣ этого вы не падете ницъ и не поклонитесь прелестнѣйшей мѣстности въ Англіи, вы человѣкъ отпѣтый и заслуживаете только изгнанія.

Донниморъ тоже снялъ шляпу и заговорилъ въ болѣе спокойномъ тонѣ:

— Горы всегда возносятъ меня въ высь.—Потомъ прибавилъ, повернувшись къ Мабель: — Успокойтесь, миссъ

Слэтеръ: я и теперь уже влюбленъ въ Дербиширъ. Дѣйствительно, безупречная красота, безъ всякихъ пятенъ.

— Нѣтъ, не безъ пятенъ,—проговорила, нахмурившись, Мабель.—Просто не вѣрится, что такой выродокъ, какъ Минвэль, смѣетъ поднимать свою безобразную голову у ногъ Кайндера.

— Нехорошо такъ говорить, дитя мое,—сказалъ ей Адамсонъ.—Вы возстанавливаете Доннимора противъ его прихода. Не забывайте, что и сами вы, и десятки людей живутъ безобразіемъ и грязью Минвэля.

— А все таки Минвэль отвратителенъ, вы это сами знаете, мистеръ Адамсонъ, и такой же отвратительный въ немъ народъ,—упрямо повторила она.—Я, впрочемъ, не удивляюсь, что они такіе: трудно быть другими, когда живешь въ такой дырѣ. Я часто задаю себѣ вопросъ, мѣсто ли испортило этихъ людей, или они испортили мѣсто. Одно несомнѣнно: люди грязны, вульгарны, ужасны во всѣхъ отношеніяхъ. Развѣ вы этого не находите, мистеръ Донниморъ?

— Что касается мѣста, то я согласенъ, что его нельзя полюбить съ перваго взгляда,—отвѣтилъ уклончиво молодой человѣкъ.

— А люди?

— И о людяхъ я тоже скажу, миссъ Сэлтеръ.

— Угрожать стачкой! Именно то, чего можно отъ нихъ ожидать. Отца это, кажется, удивляетъ; меня—нисколько: развѣ умѣетъ быть благодарнымъ этотъ народъ?

— Вы часто не думаете того, что говорите, мой другъ,—замѣтилъ ей Адамсонъ съ мягкимъ укоромъ.

— Нѣтъ, я всегда говорю то, что думаю,—былъ негодующій отвѣтъ.

— Я не хочу этому вѣрить, Мабель. Не слѣдуетъ подавлять въ себѣ чувства симпатіи къ людямъ; надо умѣть входить въ положеніе другихъ... А минвэльцы, я думаю, сумѣютъ постоять за себя. Вы какъ полагаете, Донниморъ?

Донниморъ нерѣшительно взглянулъ на Мабель. Адамсонъ мысленно улыбнулся.

— Я тоже думаю, что сумѣютъ, но мнѣ противенъ этотъ способъ борьбы,—отвѣтилъ, наконецъ, молодой человѣкъ.

— Вотъ что я вамъ скажу, молодежь,—заговорилъ Адамсонъ.—Прежде, чѣмъ такъ строго критиковать несчастныхъ минвэльцевъ, попробуйте на минутку взглянуть на вещи ихъ глазами. Искренно вамъ говорю, что, чѣмъ ближе я узнаю здѣшній народъ, тѣмъ сильнѣе привязываюсь къ нему и тѣмъ больше его уважаю. Въ общемъ это прекрасный народъ. Агитаторы, можетъ быть, заблуждаются—я не спорю, но и они съ своей точки зрѣнія имѣютъ что сказать за себя.

— Пожалуй, даже слишкомъ много,—вставила Мабель.— Однако довольно объ этомъ: не будемъ больше спорить, мистеръ Адамсонъ. Такіе споры передъ лицомъ Кайндера— оскорбленіе его чистой красотѣ... Мы съ вами залѣнились, мистеръ Донниморъ. Намъ предстоитъ еще долго карабкаться въ гору прежде, чѣмъ мы доберемся до гостиницы. А я, къ стыду своему, должна сознаться, что голодна, какъ извозчикъ.

— Я вижу, здѣшній воздухъ можетъ раззорить человѣка со скромными средствами однимъ расходомъ на харчи,—засмѣялся Донниморъ.—У меня, признаться, тоже волчій аппетитъ въ эту минуту.

Они позавтракали, отдохнули и направились домой. Когда, распрощавшись съ миссъ Слэтеръ у дверей ея дома, мужчины остались одни, Донниморъ объявилъ, что онъ ни капли не усталъ и съ удовольствіемъ проводитъ своего коллегу. Адамсонъ промолчалъ, но улыбнулся, прочитавъ, какъ по книгѣ, мысли молодого человѣка.

Нѣсколько минутъ они шли въ полномъ молчаніи, наконецъ, Донниморъ заговорилъ:

— Какъ проста и естественна миссъ Слэтеръ!

— Да,—согласился Адамсонъ.

— Чудесная вышла прогулка сегодня. Я отъ души наслаждался.

— Очень радъ это слышать.

— Какъ странно, не правда ли?—такая милая, воспитанная, умная дѣвушка—дочь такого отца! Должно быть, она пошла въ мать.

— Мистрисъ Слэтеръ,—заговорилъ Адамсонъ горячо,— принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ я называю природными аристократками. Я не знаю человѣка лучше ея.

— Точь-въ-точь такое же впечатлѣніе вынесъ и я. Очень радъ, что мы сошлись во мнѣніи о ней.. Такъ вы находите, что миссъ Слэтеръ больше дочь своей матери, чѣмъ отца?

— Да, за исключеніемъ одной черточки—упрямства.

— Она очень симпатична вообще, но по моему, что больше всего въ ней привлекаетъ, такъ это полное отсутствіе аффектаціи... Давно вы ее знаете, Адамсонъ?

— Съ десятилѣтняго возраста.

Адамсонъ понималъ его состояніе. Въ свое время онъ самъ прошелъ черезъ это и зналъ, что для влюбленнаго ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ говорить о женщинѣ, которая съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе завладѣваетъ его сердцемъ.

— Мы, можетъ быть, напрасно такъ строго судимъ ми-

стера Слэтера,—сказалъ Донниморъ, помолчавъ.—Онъ не получилъ воспитанія—вотъ въ чемъ вся бѣда.

— Онъ человѣкъ съ узкими взглядами,—замѣтилъ Адамсонъ.

— Прощайте, Адамсонъ,—сказалъ Донниморъ, когда они остановились у калитки домика старшаго викарія.—Сегодня я вамъ не буду больше надоѣдать. Я провелъ восхитительный день. Покойной ночи.

Не часто видѣлъ Адамсонъ Доннимора въ послѣдовавшія за этимъ днемъ нѣсколько блаженныхъ недѣль, а когда они встрѣчались, молодой человѣкъ могъ говорить только о семействѣ Слэтеръ и не проявлялъ ни малѣйшаго интереса къ своему приходу. Старшій коллега забавлялся въ душѣ маленькими хитростями, къ которымъ прибѣгалъ влюбленный, чтобы свернуть разговоръ на „Дубки", воображая въ то же время со свойственной влюбленнымъ слѣпотой, что онъ очень ловко скрываетъ свою цѣль. Просто поразительно, до чего миссъ Слэтеръ не похожа на отца, и чѣмъ больше ее узнаешь, тѣмъ больше убѣждаешься въ этомъ,—такова была главная тема всѣхъ его разговоровъ. Да, положительно, она вылитая мать. Онъ съ каждымъ разомъ все сильнѣе привязывается къ мистрисъ Слэтеръ. Грубость и вульгарность ея мужа совершенно не коснулись ея. Большая рѣдкость, что человѣкъ съ такой властной натурой, готовый всякаго осѣдлать, не смогъ обезличить эту кроткую женщину. Отрадно видѣть, что *ея* вліяніе, а не мужа, наложило свой отпечатокъ на дочь.

А всетаки у Адамсона оставалось сомнѣніе насчетъ того, какъ поладитъ между собою молодая чета. Мабель по характеру пошла не совсѣмъ въ мать: у нея была частица упорной воли отца. И для нея, какъ для отца, его „рабочія руки" были существами почти-что другой расы: мужчины—пьяницы и лѣнтяи, женщины—неряхи, съ грубыми манерами, съ крикливыми голосами. Она добросовѣстно посѣщала ихъ жилища, помогала имъ вещами и деньгами, но изъ всѣхъ этихъ женщинъ только одна или двѣ возбуждали въ ней живой интересъ, и сердце не участвовало въ ея щедротахъ. Адамсонъ часто полушутя спорилъ съ ней на эту тему, надѣясь, что съ годами, когда смягчится нетерпимость ранней юности и умъ ея созрѣетъ, измѣнятся и ея взгляды.

Тѣмъ временемъ любовныя дѣла молодыхъ людей подвигались къ развязкѣ своимъ чередомъ. Все было такъ просто, до странности обыкновенно, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ново. Для двухъ влюбленныхъ совершалось какое-то невиданное и неслыханное чудо. Они жаждали встрѣчъ, искали другъ

друга и не нуждались ни въ комъ больше. Всему Минвэлю это было такъ же ясно, какъ и близкимъ молодой четы. Погасла у минвэльцевъ послѣдняя ихъ надежда на новаго пастыря, какъ на человѣка, который приметъ въ нихъ участіе и горячо отнесется къ ихъ нуждамъ. Горькими сарказмами провожали они счастливую парочку съ порога домовъ и съ перекрестковъ улицъ, когда она проходила мимо, едва ли даже сознавая, что и эти низшія существа способны кое-что понимать.

Въ одно далеко не прекрасное утро, когда на дворѣ бушевалъ вѣтеръ въ перемежку съ проливнымъ дождемъ, къ Адамсону завернулъ Доннимор „выкурить трубочку"— скромное объясненіе, вызвавшее у старшаго коллеги только улыбку. Поговорили о томъ, о семъ: о только что полученномъ циркулярномъ письмѣ епископа, объ иностранной политикѣ, о промахахъ партіи министерства,—и, наконецъ, Донниморъ перешелъ къ настоящей причинѣ своего посѣщенія.

— Вы всегда выказывали живое участіе ко мнѣ, Адамсонъ,—началъ онъ,—и я вамъ за это искренно благодаренъ: вы спасли меня отъ многихъ ошибокъ. Теперь я хочу доказать вамъ свою признательность: я вамъ скажу одну вещь, которая... это пока еще секретъ.. къ которой вы, я думаю, отнесетесь не совсѣмъ равнодушно.

— Ну?—спросилъ Адамсонъ, въ видѣ поощренія, видя, что тотъ замолчалъ.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ.

— Дѣло въ томъ, Адамсонъ, что я... влюбленъ.

— Любезный другъ, и я, и весь Минвэль давно это знаемъ,—былъ спокойный отвѣтъ.

Донниморъ взглянулъ на своего собрата съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.

— То есть какъ? Я не пойму.

— Да очень просто, Донниморъ. Единственное время въ человѣческой жизни, когда человѣка видно насквозь, это— когда онъ влюбленъ, и именно тогда-то онъ воображаетъ, что его завѣтные помыслы какъ нельзя лучше скрыты отъ постороннихъ глазъ. Васъ, какъ и каждаго въ вашемъ положеніи, видно насквозь.

Влюбленный еще разъ взглянулъ на своего собесѣдника, покраснѣлъ еще гуще, потомъ засмѣялся и сконфуженно проговорилъ;

— Вы очень меня удивили, Адамсонъ.

— Вы уже сдѣлали предложеніе?

— Да. Вчера вечеромъ.

Адамсонъ всталъ и протянулъ ему руку.

— Я думаю, мнѣ не зачѣмъ увѣрять васъ, мой дорогой, что я отъ души желаю вамъ счастья на многіе годы.

— Благодарю. Несмотря на ея видимое расположеніе ко мнѣ, я до вчерашняго дня все еще сомнѣвался. Я знаю, коллега, вы меня считаете человѣкомъ не трусливаго десятка, но къ прискорбію своему долженъ сознаться, что я цѣлыхъ десять дней собирался и никакъ не могъ рѣшиться сказать эти простыя слова: „Я васъ люблю". И вотъ только вчера набрался, наконецъ, храбрости. Не стану разсказывать, что было послѣ того, но... однимъ словомъ, сегодня мнѣ предстоитъ объясняться съ отцомъ... Знаете, я весь день сегодня спрашивалъ себя, что я такое и чѣмъ я заслужилъ такое счастье. Вы мнѣ, пожалуй, скажете, Адамсонъ, что сегодня мерзкая погода. Но я вамъ не повѣрю,—такъ свѣтло у меня на душѣ.

— Знаю, знаю,—сказалъ Адамсонъ.—Любовь, улыбки, розы и такъ далѣе... Искренно радуюсь за васъ, Донниморъ. Она хорошая дѣвушка и, я увѣренъ, не покинетъ любимаго человѣка, когда придутъ для него ненастныэ дни. Завтра же пойду поздравить ее и стариковъ. Мистрисъ Слэтеръ будетъ счастлива за дочь, я знаю.

— Да, да, все это хорошо, только (тутъ лицо молодого человѣка немножко омрачилось)... только сегодня всетаки надо объясниться съ отцомъ.

— Пустяки, мой милый, вы можете вполнѣ разсчитывать на согласіе отца.

— Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ теперь въ хорошемъ настроеніи духа, Адамсонъ; рабочіе доставляютъ ему это время много заботъ. Онъ убѣжденъ, что, несмотря ни на что, они готовятся къ стачкѣ. Да я и самъ дорого бы далъ, особенно временами, чтобы вернуться въ мой прежній приходъ въ южной Англіи, гдѣ я имѣлъ дѣло съ мирными поселянами.

— Боюсь, Донниморъ, что намъ въ близкомъ будущемъ предстоятъ тревожные дни.

— Конечно, Адамсонъ, я не хуже васъ вижу, что онъ человѣкъ безтактный и грубый, но вѣдь и то сказать: трудно ладить съ этими людьми. Нужда ихъ гнететъ—это правда; есть семьи, гдѣ, можно сказать, непокрытая бѣднота. Правда и то, что разъ онъ далъ обѣщаніе, хотя бы и опрометчивое, онъ долженъ его сдержать. Но взгляните вы на этотъ народъ: жены не хозяйки, ничего не умѣютъ сберечь, мужья все пропиваютъ. А Слэтеръ увѣряетъ, что, благодаря конкурренціи и застою товара на рынкѣ, онъ положительно не въ состояніи давать прежнюю плату.

— Что значитъ „не въ состояніи", Донниморъ? Значитъ ли это, что, если онъ увеличитъ плату, ему придется вести

дѣло въ убытокъ себѣ, или только прибыль его немного уменьшится?

Донниморъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Право, не знаю. Могу одно сказать: я слышалъ, что вся эта агитація—дѣло рукъ какой-то кучки диссидентовъ.

— Ну, такъ на это я вамъ скажу: или я плохо изучилъ людей этого типа, или борьба будетъ не на животъ, а на смерть.

— Диссиденты пренепріятный народъ,—сказалъ Донниморъ:—имъ лишь бы протестовать противъ установившагося порядка вещей, а какъ и почему—для нихъ не важно. Я думаю, если бы Слэтеръ былъ диссидентъ, они бы помирились съ нимъ.

— Нѣтъ, въ этомъ вы ошибаетесь, мой другъ, мнѣ извѣстно, что къ Бентли—а онъ вѣдь убѣжденный диссидентъ,— относятся нисколько не лучше, чѣмъ къ Слэтеру, и можете быть увѣрены, что его рабочіе примкнутъ къ стачкѣ. Вся разница въ томъ, что у Бентли нѣтъ такой власти, какъ у Слэтера, потому что Слэтеръ—собственникъ даже тѣхъ домовъ, въ которыхъ живутъ его „рабочія руки".

Донниморъ замолчалъ, но не потому, что его убѣдили доводы Адамсона.

— Не можетъ быть, чтобы вы сочувствовали стачкамъ, Адамсонъ?—заговорилъ онъ секунду спустя съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Я пережилъ одну стачку, Донниморъ, и молю Бога, чтобы мнѣ никогда въ жизни не довелось видѣть другой. Это было въ Брадфордѣ (я тамъ служилъ одно время)... Да, могу сказать, что я видѣлъ тогда сорвавшагося съ цѣпи звѣря, который сидитъ въ каждомъ изъ насъ. И теперь, Донниморъ, зная условія работы въ Минвэлѣ, я предсказываю, что у насъ будетъ стачка, если хозяева не возьмутся за умъ. Дорогой мой, употребите все ваше вліяніе на Слэтера, убѣдите его уступить, иначе плохо будетъ

Донниморъ покачалъ головой.

— Онъ не уступитъ уже ради того, чтобъ не подумали, что онъ испугался угрозъ. Авось рабочіе образумятся, и тогда все уладится само собой. Я имъ сказалъ по этому поводу энергичную проповѣдь недѣли три тому назадъ.

— Знаю,—сказалъ Адамсонъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ.—Я слыхалъ объ этой проповѣди *ad nauseam.* Лучше бы вы взяли тогда другую тему для проповѣди, Донниморъ. Вы выставили себя въ глазахъ вашей паствы въ очень невыгодномъ свѣтѣ, такъ слѣпо и безповоротно ставъ на сторону хозяевъ. Я не люблю вообще давать совѣты, мой милый; но я вижу, что вы могли бы сдѣлать для Минвэля, и

говорю вамъ: какой угодно цѣной добивайтесь любви вашихъ прихожанъ. Я наблюдалъ за вами и знаю, что вы можете добиться ея.

Доннимаръ всталъ.—Мнѣ пора, прощайте,—проговорилъ онъ немного натянутымъ тономъ.

— Простите меня, дружище, если я сдѣлалъ вамъ больно, но я люблю васъ и желаю вамъ добра,—сказалъ Адамсонъ.— Дай Богъ вамъ счастья въ новой жизни—и вамъ, и Мабель. Думаю, что ваша совмѣстная жизнь не будетъ сплошь усѣяна розами, да это было бы и скучно. Пусть будутъ и шипы,— ровно столько шиповъ, чтобы углубить и укрѣпить вашу привязанность другъ къ другу... Завтра иду къ Слэтеру.

Онъ проводилъ гостя до крыльца. „Помоги ему Богъ!" прошепталъ онъ, глядя вслѣдъ молодому викарію, энергично шагавшему подъ дождемъ.

Не съ легкимъ сердцемъ шелъ Доннимаръ объясняться съ отцомъ своей милой. Въ глубинѣ души онъ не любилъ Самуэля Слэтера, потому что не считалъ его джентльмэномъ. Думая о царькѣ Минвэля, онъ всегда старался утѣшать себя мыслью, что Мабель ни лицомъ, ни характеромъ ни капли не похожа на него. То, что онъ, Доннимаръ, во многомъ раздѣлялъ взгляды Слэтера, было положительно непріятно ему, и если въ возникшемъ несогласіи между хозяиномъ и рабочими онъ не сталъ на сторону послѣднихъ, то тутъ не играли никакой роли своекорыстныя чувства, а только чувство справедливости и законности, какъ онъ его понималъ.

Мистеръ Слэтеръ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ. Какъ только гость показался на порогѣ, онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ ему навстрѣчу съ протянутой рукой и сіяющимъ лицомъ. Доннимаръ не выносилъ этой улыбки—улыбки человѣка, который своимъ горбомъ выбился „въ люди" и кичится дѣломъ рукъ своихъ.

— А, здравствуйте, голубчикъ! Присаживайтесь къ огоньку. Ну, и денекъ Богъ послалъ, нечего сказать! Впрочемъ намъ нужно было дождя. Минъ совсѣмъ обмелѣлъ... Садитесь. Сигары подлѣ васъ, на каминѣ.

— Благодарю, мнѣ не хочется курить. Я, видите ли... я къ вамъ по дѣлу.

— Знаю, голубчикъ, все знаю. Я самъ прошелъ черезъ это и вижу, что васъ кидаетъ въ потъ отъ волненія. Успокойтесь, я вамъ помогу. Мабель вчера исповѣдалась намъ, старикамъ, и оба мы очень рады,—отъ всей души, даю вамъ слово. Я вѣдь, мой милый, не слѣпой (а то я бы и по-сейчасъ былъ не фабрикантомъ, а какимъ-нибудь подручнымъ на жалованьѣ): я видѣлъ, къ чему клонится дѣло. Я давно

ужъ говорю женѣ, только она мнѣ не вѣрила: „Вотъ посмотришь—говорю,—скоро мы свадьбу сыграемъ". Я люблю, знаете, иногда выхватить эдакъ словечко изъ простонароднаго лексикона.

— Долженъ ли я понять, что вы одобряете мой бракъ съ вашей дочерью, мистеръ Слэтеръ?

— Отъ всего сердца, мой дорогой. Я знаю, обо мнѣ говорятъ, что я мечтаю породниться съ графами или выдать Мабель за богача. Это неправда. Мало меня знаютъ тѣ, кто это говоритъ. Я забочусь только объ ея счастьѣ, и больше ни о чемъ. Если бы я захотѣлъ, я могъ бы, конечно, породниться съ такою... съ такою семьей, что... Но лучше я не буду называть именъ. Вы были бы поражены, если-бъ знали, о комъ я говорю.

— Долженъ вамъ сказать, мистеръ Слэтеръ, что у меня есть собственныхъ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ годового дохода, доставшихся мнѣ послѣ матери.

— Ага, радъ слышать, но это ничего не мѣняетъ. Мою Мабель вы возьмете не съ пустымъ карманомъ.

— Повѣрьте, мистеръ Слэтеръ, что эта статья занимаетъ меня меньше всего.—Донниморъ выговорилъ это особенно отчетливо.—Мнѣ нужна сама Мабель, а не ея состояніе.

— Вѣрю, вѣрю, мой другъ. Ваши чувства дѣлаютъ вамъ честь... Ну вотъ, значитъ все хорошо, и всѣ довольны. Вы, съ вашимъ здравымъ смысломъ и тѣми преимуществами, которыя принесетъ вамъ вашъ бракъ,—вы далеко пойдете, я въ этомъ убѣжденъ. Ни у кого изъ вашей братіи духовенства я не встрѣчалъ такихъ практическихъ взглядовъ, какъ у васъ... Не забудьте зайти къ женѣ прежде, чѣмъ уйдете.

— Я сейчасъ пойду къ ней, если позволите,—сказалъ Донниморъ, обрадовавшись предлогу ускользнуть. — Мнѣ хочется услышать согласіе мистрисъ Слэтеръ изъ ея собственныхъ устъ.

— Какъ хотите,—проговорилъ Слэтеръ немного обиженнымъ тономъ.—Пойдемте, я васъ провожу.

Мистрисъ Слэтеръ встрѣтила гостя ласковой улыбкой.

— Я все знаю, мистеръ Донниморъ, и рада отъ всей души. Дай Богъ счастья вамъ обоимъ. Всѣ мои молитвы будутъ о васъ.

Донниморъ почтительно взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Ну, такъ значитъ намъ можно не бояться за будущее,—сказалъ, онъ.

— А теперь мнѣ придется васъ отпустить,—проговорила, улыбаясь, мистрисъ Слэтеръ. — Кажется, Мабель ждетъ васъ въ гостиной.

VIII.

Предатель.

Женихъ и невѣста были до такой степени поглощены другъ другомъ, что совершенно не замѣчали атмосферы враждебности, которая ихъ окружала въ Минвэлѣ. Когда имъ случалось проходить по грязнымъ улицамъ городка, они не видѣли ядовитыхъ усмѣшекъ, не слышали ни злобныхъ комментаріевъ на свой счетъ, ни даже довольно откровенной брани, которую пускали имъ вслѣдъ. Видъ человѣческаго счастья былъ почти личной обидой для большинства минвэльцевъ, особенно счастья, соединявшагося съ именемъ ненавистнаго „старика Слэтера". Подходила зима, и трудно было ожидать, чтобы люди съ такими скудными средствами радостно готовились встрѣчать зимнюю стужу. Жены фабричныхъ рабочихъ вообще плохія хозяйки, а тутъ онѣ окончательно махнули рукой на свои домашнія дѣла, предоставивъ имъ идти какъ Богъ пошлетъ. Мужья стали чаще забѣгать въ таверну, ища забвенія въ винѣ.

Тѣмъ временемъ рабочій союзъ постепенно разростался и крѣпъ. Вожаки работали незамѣтно, но неутомимо, и съ каждымъ днемъ пріобрѣтали новыхъ членовъ. Одни присоединялись по убѣжденію, съ упорной рѣшимостью измѣнить къ лучшему установившійся порядокъ вещей; другіе по легкомыслію, ища въ стачкѣ хоть какой-нибудь перемѣны, которая нарушила бы монотонность ихъ сѣренькой жизни; третьи—изъ ненависти къ Слэтеру, въ надеждѣ, что стачка доставитъ имъ случай „расквитаться съ нимъ" за все. Были, конечно, какъ и вездѣ, слабые, робкіе люди, дрожавшіе за свой покой и готовые мириться съ чѣмъ угодно, только бы не лишиться обезпеченнаго куска хлѣба. Были и подлыя души—очень немного,—которымъ ничего не стоило выдать товарищей для личныхъ выгодъ. Цари всегда умѣли стоять другъ за друга; знать всѣхъ временъ съ негодованіемъ отвергла бы всякій намекъ на возможность предательства въ ея рядахъ; капиталъ всегда можетъ разсчитывать на вѣрность своего собрата-капитала; но солидарность труда пока еще только мечта. Злѣйшими врагами труда бывали обыкновенно свои же братья-рабочіе; вновь и вновь тянулся онъ къ идеалу, но тщетно: измѣна въ собственномъ лагерѣ отбрасывала его назадъ.

Абрамъ Шайндингъ шелъ по дорогѣ въ „Дубки". Это было вечеромъ, въ девятомъ часу. Мистеръ съ утра уѣхалъ въ Манчестеръ и на ночь долженъ былъ вернуться домой.

Шайндингъ желалъ переговорить съ нимъ одинъ-на-одинъ. Мистеръ Слэтеръ, любившій афишировать свои скромныя привычки, часто отпускалъ пріѣзжавшій за нимъ на станцію экипажъ и возвращался пѣшкомъ. Такъ было и на этотъ разъ къ немалому удовольствію Шайндинга.

Дождавшись приближенія хозяина подъ прикрытіемъ живой изгороди, онъ сдѣлалъ шагъ ему на встрѣчу и почтительно притронулся къ шляпѣ.

— Добрый вечеръ, сэръ. Простите, что я васъ остановилъ; мнѣ нужно сказать вамъ словечко.

— Это еще что за новости! Какіе разговоры на ночь глядя?—прикрикнулъ на него Слэтеръ.—Завтра я буду на фабрикѣ, тогда и скажете, что вамъ нужно.

— Въ томъ-то и дѣло, сэръ, что на фабрикѣ никакъ мнѣ нельзя: это секретъ. Никто не долженъ знать о нашемъ разговорѣ, но мнѣ казалось... я думалъ, что обязанъ вамъ сказать о томъ, что творится у васъ за спиной.

— Ага, такъ въ чемъ же дѣло?

— Да вотъ оно какое дѣло, сэръ: наши союзъ заключаютъ и рѣшили, какъ только наберутъ довольно денегъ и людей, объявить вамъ стачку, если вы имъ не уступите, не сдѣлаете по ихнему, какъ они хотятъ. Работа у нихъ идетъ шибко. Ну вотъ, думалъ я, думалъ, и рѣшился вамъ сказать.

Тонъ мистера Слэтера мгновенно измѣнился.

— Такъ вотъ оно что! Спасибо, Шайндингъ. Отлично сдѣлали, что пришли. Зайдемте ко мнѣ и разскажите все по порядку.

— Мнѣ не хотѣлось бы, сэръ, чтобъ меня видѣли, правду сказать.

— Никто не увидитъ. Я самъ васъ впущу и проведу къ себѣ въ кабинетъ, а потомъ самъ запру за вами дверь. Моя прислуга и знать не будетъ, что вы заходили.

— Извольте, сэръ, я зайду, только какъ бы поосторожнѣй. Я пойду слѣдомъ за вами, если позволите,—такъ, какъ будто я самъ по себѣ.

Войдя въ калитку садовой ограды, Слэтеръ остановился, впустилъ своего подчиненнаго и пошелъ дальше.

— Я, видите ли, сэръ, потому къ вамъ пришелъ, что я не вѣрю въ стачки,—проговорилъ Шайндингъ, шагая слѣдомъ за своимъ принципаломъ.

— Кто же въ нихъ вѣритъ кромѣ дураковъ?—отозвался тотъ горячо.

— Знай себѣ работай тихо, благородно—вотъ въ это я вѣрю. А они все это затѣяли, я такъ скажу—изъ гордости: отличиться хотятъ.

— Вѣрно, Шайндингъ, вѣрно! Вы не пожалѣете, что обратились ко мнѣ.

Когда они подошли къ дому, Слэтеръ приказалъ своему спутнику подождать въ тѣни у крыльца, прибавивъ:—Сейчасъ я васъ впущу.

Ждать пришлось не долго; черезъ минуту Шайндингъ, предшествуемый хозяиномъ, входилъ въ его кабинетъ.

— Садитесь,—сказалъ ему Слэтеръ, указывая на мягкое кресло у стола.—Мои правила вамъ извѣстны, поэтому я не предлагаю вамъ выпить.

— Мнѣ и не надо, сэръ, покорно благодарю.

— За то я угощу васъ хорошей сигарой. Берите и закуривайте.—И мистеръ Слэтеръ любезно поднесъ ему горящую спичку. Шайндингъ почтительно закурилъ.—Ну-съ, а теперь,—продолжалъ мистеръ Слэтеръ, тоже вооружаясь сигарой,—теперь говорите, кто участвуетъ въ заговорѣ и что они намѣрены предпринять.

— Участниковъ много, сэръ, со всѣхъ вашихъ фабрикъ, и они хорошо столковались. Много ихъ тамъ, есть и отъ Бентли. Вносятъ въ общую кассу кто по два, кто по шести пенсовъ, а кто и по шиллингу въ недѣлю. Это на стачку, сэръ. А какъ наберется денегъ, сколько надо, такъ и объявятъ стачку. Вы ужъ на меня не гнѣвайтесь, сэръ: мнѣ тоже приходится вносить вмѣстѣ съ другими, а то они будутъ сторониться отъ меня. Меня даже въ комитетъ выбрали, сэръ. Я согласился, потому какъ могъ бы я иначе знать, что они затѣваютъ? А теперь я все знаю. Вздумай только я отказаться, они бы подумали...

— Да, да, вы это правильно,—перебилъ его хозяинъ.—Ну, говорите, кто зачинщики?

Шайндингъ заерзалъ на креслѣ и раза два затянулся сигарой.

— Я, видите ли, сэръ... я бы не сталъ доносить, но это дѣло нешуточное. Сами посудите: за что бѣдному народу пропадать? Я по совѣсти не могу одобрять стачекъ.

— Ну да, вы правы, я ужъ сказалъ,—перебилъ его съ нетерпѣніемъ Слэтеръ.—Кто же зачинщики?—говорите.

— Зачинщики, сэръ?.. Да кто же?—Маттью Леммеръ, Джо Бринтонъ... Кто же еще?—Ну вотъ: Джошъ Пли, Томъ Брикноль да Бобъ Слэтветъ... Ахъ да! Забылъ еще Дика Бутройда и Билля Ингама. Вотъ они и всѣ тутъ, главные зачинщики. Я тоже... меня они тоже считаютъ однимъ изъ вожаковъ.

— Ишь ты! Три диссидента,—угрюмо проворчалъ Слэтеръ.

— Такъ точно, сэръ, все это ихъ рукъ дѣло—методис-

товъ. Маттью Леммеръ устраивалъ даже молитвенное собраніе по этому случаю—такъ я слыхалъ.

— Но Бринтонъ, Брикноль и Слэтветъ не методисты. Эти молодцы собираются на молитву, должно быть, въ кабакъ,—замѣтилъ хозяинъ презрительно.

— Ваша правда, сэръ, они никогда не ходятъ ни въ церковь, ни въ часовню. Я ужъ и то имъ говорилъ: „Не понимаю, братцы, что вамъ за охота якшаться съ методистами“.

— Бездѣльники, и больше ничего!—выругался Слэтеръ.— Ну, такъ когда же намѣрены они объявить свою стачку?

— Они такъ порѣшили, сэръ, что не раньше декабря либо января мѣсяца.

— Ну, это мы посмотримъ. Во всякомъ случаѣ, вы хорошо сдѣлали, Шайндингъ, что пришли мнѣ сказать. Если будетъ что-нибудь новое, приходите опять и, повторяю, вы не пожалѣете объ этомъ. А пока... вотъ вамъ за труды.— И Слэтеръ протянулъ ему соверенъ.

У Шайндинга загорѣлись глаза.

— Я не хотѣлъ, сэръ... я и не думалъ...

— Берите, любезный, берите, вы заработали это. И если хорошенько постараетесь,—получите еще.

— Благодарствуйте, сэръ, вы очень добры. Ужъ я для васъ постараюсь, будьте покойны.

— Такъ помните же, Шайндингъ: глядите въ оба, и чуть что—сейчасъ же ко мнѣ,—еще разъ повторилъ Слэтеръ своему посѣтителю, выпроваживая его.

Шайндингъ по дорогѣ домой весело посвистывалъ, нащупывая въ карманѣ полученный соверенъ. Давно уже не водилось у него такихъ денегъ. Какъ-то разъ, онъ помнилъ, одинъ пріятель угостилъ его водкой съ содовой водой, и теперь онъ раздумывалъ, не завернуть ли ему въ таверну и не спросить ли этого усладительнаго питья. Трудный вопросъ былъ уже почти рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, какъ вдругъ Шайндингъ вздрогнулъ, наткнувшись на Бринтона, который неожиданно вынырнулъ передъ нимъ изъ темноты. Меньше всего хотѣлось ему въ эту минуту встрѣтиться съ Бринтономъ.

— Абрамъ! Откуда?—воскликнулъ тотъ и дружески хлопнулъ его по плечу.—Вотъ ужъ не думалъ, что встрѣчу тебя на этой дорогѣ.

— Да и я не думалъ, что встрѣчусь съ тобой,—отозвался Шейндингъ, стараясь казаться спокойнымъ.

— Гдѣ ты былъ?

— Да такъ, по одному дѣлу... жена посылала.

— Жена?! Что ты мнѣ сказки разсказываешь! Скорѣй повѣрю, что старикашка Сэмъ добровольно удвоитъ намъ

плату, чѣмъ что твоя хозяйка посмѣетъ послать тебя по своимъ дѣламъ.

— Кабы самъ не хотѣлъ, не пошелъ бы,—возразилъ Шайндингъ угрюмо, приходя мало-по-малу въ равновѣсіе.

— Само собой. А какъ подумаешь, чего только мы не сулимъ нашимъ любушкамъ, когда волочимся за ними! А онѣ и рады, глупыя: всему вѣрятъ. Помню я твою хозяйку въ дѣвушкахъ: лихая работница была. А моя-то какъ была рада—словно пава выступала, когда я ей объявилъ, что возьму ее за себя. Ей шелъ тогда девятнадцатый годъ... Дуры онѣ, я тебѣ скажу, что выходятъ за насъ.

— Да и мы дураки, что женимся на нихъ,—проворчалъ Шайдингъ.

— Ну, не знаю. Ты-то ужъ навѣрно былъ не дуракъ, когда увѣрилъ свою Марту, что для нея будетъ большимъ счастьемъ няньчиться съ тобой,—засмѣялся Бринтонъ.—Ты знаешь, когда я пьянъ или не въ своей тарелкѣ, моя хозяйка (да и твоя тоже, я думаю) принимается вычитывать мнѣ всѣ мои обѣщанія, всѣ сладкія слова, какія я ей говорилъ, когда мы женихались. А я ей говорю на это, что будь она поумнѣе, такъ ужъ давно бы поняла, что ничего того я не думалъ, что говорилъ ей тогда. Но это неправда, товарищъ: мы искренно это думали... Эхъ, доля наша горькая! Трудно, ой какъ трудно придется нашимъ бабамъ, когда начнется стачка. Намъ-то всетаки легче. Мы будемъ заняты дѣломъ; будемъ на митингахъ драть горло другъ передъ другомъ—тоже вѣдь развлеченіе въ своемъ родѣ. А онѣ все дома да дома. Ребятишки кричатъ, хлѣба просятъ... А чѣмъ ихъ накормить?.. Не слишкомъ чистую работу сдѣлалъ Господь Богъ, когда сотворилъ меня грѣшнаго; но будь я изъ такихъ, какъ Леммеръ съ братіей, я поблагодарилъ бы своего Творца за то, что Онъ не создалъ меня женщиной.

— Кто же намъ велитъ объявлять стачку?

— А что же, по твоему, лучше намъ изводиться на работѣ и помогать Сэму набивать себѣ карманъ, да еще кланяться ему за корку хлѣба, которую онъ намъ бросаетъ? Мы не рабы, не негры, я надѣюсь.

— Кто-жъ это говоритъ?

— Вотъ то-то и есть. Стало быть, надо бороться... Будешь ты завтра на митингѣ?

— Буду.

— Ладно. Ну, а теперь я домой. Прощай, дальше намъ не по дорогѣ.—И Бринтонъ свернулъ въ сторону своего коттеджа.

Шайндингъ послалъ ему вслѣдъ какое-то проклятіе

Шайндингъ боялся Бринтона, хоть не сознавался въ этомъ даже себѣ.

IX.

Викарій вмѣшивается въ дѣло.

Въ тотъ самый вечеръ, когда Шайндингъ такъ некстати для себя наткнулся на Бринтона, Донниморъ явился въ Дубки къ своей невѣстѣ. Но не успѣли о немъ доложить, какъ на него накинулся Слэтеръ.

— Пойдемъ ко мнѣ, голубчикъ, мнѣ надо съ вами поговорить.

Донниморъ, скрѣпя сердце, пошелъ за нимъ въ кабинетъ и покорно опустился на стулъ по его приглашенію.

— То, что я намѣренъ вамъ сообщить, Донниморъ, вы въ правѣ знать по двумъ причинамъ,—началъ мистеръ Слэтеръ:—во-первыхъ, потому, что вы викарій нашего прихода, во-вторыхъ, потому, что вы скоро вступите въ мою семью. Сейчасъ у меня былъ одинъ изъ моихъ рабочихъ. Онъ пришелъ предупредить меня, что, несмотря ни на что, мои люди втихомолку готовятся къ стачкѣ. И ваша проповѣдь не помогла... Что вы на это скажете, Донниморъ?—И онъ съ торжествомъ взглянулъ на викарія.

— Доносчикъ!—вырвалось у Доннимора.

— М-да, пожалуй. Но этотъ человѣкъ по убѣжденію противъ стачекъ и хочетъ во что бы то ни стало остановить агитацію. Онъ поступилъ вполнѣ правильно, увѣдомивъ меня... Какого вы мнѣнія объ этой исторіи?

— Все это очень печально. Я надѣялся, что они образумятся.

— Напрасно надѣялись, мой другъ. Не такіе это люди. Агитаторы—вы сами сказали. Они думаютъ меня запугать. Ошибутся въ разсчетѣ голубчики! Не съ того конца за палку взялись. Я нанесу первый ударъ: я разомъ вышибу дно, и ихъ затѣя провалится... Какъ вы думаете, что я намѣренъ сдѣлать?—спросилъ онъ съ торжествующей улыбкой.

— Понятія не имѣю.

— Мнѣ назвали имена вожаковъ. Ихъ шесть человѣкъ. Въ пятницу вечеромъ, когда у насъ выдается плата за недѣлю, они получатъ вдвойнѣ, и я имъ скажу: „Вотъ вамъ разсчетъ; деньги за лишнюю недѣлю вмѣсто предупрежденія. А вотъ и второе предупрежденіе: прошу черезъ недѣлю очистить мои коттеджи“. Вѣдь четверо изъ шести живутъ въ моихъ коттеджахъ; только одинъ живетъ въ своемъ домишкѣ, да другой нанимаетъ въ Гилль-Топѣ. Воображаю,

какъ у нихъ вытянутся лица! Потѣха! Они увѣрены, что я ничего не подозрѣваю.

Донниморъ не отвѣтилъ. Онъ думалъ, и мысль его быстро работала. Только теперь, въ первый разъ, онъ вполнѣ осмыслилъ тотъ фактъ, что навлечь на себя неудовольствіе Слэтера значило для его рабочаго не только лишиться заработка, но и очутиться на улицѣ, безъ крова. Переселиться въ другую деревню—легко сказать! Есть люди, это правда, которые любятъ кочевать; но силой прогнать человѣка съ насиженнаго мѣста все равно, что вырвать дерево съ корнями.

— Отрѣжьте голову, а ужъ хвостъ не ужалитъ!—хохоталъ Слэтеръ.

— Мистеръ Слэтеръ,—заговорилъ Донниморъ, стараясь говорить безстрастнымъ тономъ,—можетъ быть, эти люди и заслужили ваше неудовольствіе, но...

— Я думаю!—вставилъ—Слэтеръ. У него отъ негодованія побагровѣло лицо.

— Но, какъ священникъ, я считаю своею обязанностью во всѣхъ случаяхъ взывать къ милосердію, и я васъ прошу дать этимъ людямъ возможность поправить дѣло.

— Я не намѣренъ поддѣлываться къ негодяямъ,—злобно проворчалъ Слэтеръ.

— Объ этомъ я васъ не прошу,—отвѣчалъ Донниморъ, напрягая всѣ усилія, чтобы не измѣнить своей сдержанности.—Вы раздражены противъ нихъ и, конечно, имѣете на то основанія, но вы христіанинъ, а христіанинъ не долженъ, не можетъ любить вражду ради вражды.

— Лучшее средство прекратить вражду—это убрать подальше подстрекателей. И, кромѣ того, я не хочу, чтобы меня оставили въ дуракахъ.

— Вполнѣ понимаю. Я объ одномъ васъ прошу: позвольте мнѣ быть миротворцемъ въ этомъ дѣлѣ. Я поговорю съ этими людьми. Я укажу имъ, сколько вреда они принесутъ своей агитаціей,—словомъ, постараюсь ихъ убѣдить. Если они всетаки останутся при своемъ, тогда... ну, тогда дѣлайте, что хотите.

Насталъ чередъ Слэтера подумать прежде, чѣмъ отвѣчать. Съ минуту онъ молчалъ, сердито сдвинувъ брови, наконецъ, сказалъ:

— Хорошо. Быть по вашему, мой милый. Ни для кого на свѣтѣ я не измѣнилъ бы своего рѣшенія и ужъ, конечно, не пошелъ бы для этихъ бездѣльниковъ ни на какія уступки. Нѣтъ фабриканта, у котораго лучше жилось бы рабочимъ рукамъ; но это подлый, неблагодарный народъ.

Всегда такими были и будутъ. Но пусть! Ради васъ я готовъ подождать. Дѣлайте, какъ знаете.

— Большое вамъ спасибо,—сказалъ Доннимортъ.—Я убѣжденъ, что вы не пожалѣете о своемъ снисхожденіи... Назовите мнѣ этихъ людей, я схожу къ нимъ, не откладывая.—И онъ досталъ свою записную книжку.—Ну вотъ, все въ порядкѣ. Надѣюсь, что мнѣ удастся водворить миръ,—сказалъ онъ, записавъ адреса и фамиліи.—А теперь, съ вашего позволенія, я пойду къ Мабель. Она, вѣрно, въ гостиной?

— Да.

Тонъ былъ не слишкомъ любезный. Мистеръ Слэтеръ видимо разочаровался въ своемъ будущемъ зятѣ.

Взошла луна. Доннимортъ предложилъ Мабель пройтись по саду.

Она съ восторгомъ согласилась и побѣжала одѣваться. Молодой человѣкъ слѣдилъ за ней влюбленными глазами. Его привязанность къ ней, казалось ему, росла съ каждымъ днемъ.

— Какая чудная ночь! Какая тишина!—воскликнула дѣвушка, когда они вышли на веранду, и передъ ними открылся весь залитый серебрянымъ луннымъ свѣтомъ далекій ландшафтъ.—Вотъ онъ—Минвэль. Смотри, Фрэнкъ: даже уродливыя фабричныя трубы кажутся красивыми при лунѣ. Представь себѣ, что какой-нибудь туристъ увидѣлъ бы Минвэль въ первый разъ въ такую лунную ночь: какъ былъ бы онъ разочарованъ утромъ, при свѣтѣ дня!

Доннимортъ улыбнулся.

— Тебѣ придется научиться любить Минвэль при всякомъ освѣщеніи, разъ ты согласилась быть женой приходскаго священника.

— Фрэнкъ, неужели мы всю жизнь проживемъ въ Минвэлѣ?—Въ ея голосѣ звучало отчаяніе.—Я мечтаю пожить съ тобой гдѣ-нибудь поближе къ природѣ: въ чистенькой, хорошенькой деревенькѣ, гдѣ нѣтъ ни фабрикъ, ни рудниковъ, гдѣ проклятая фабричная работа еще не опошлила и не развратила людей... Бѣдные! Ихъ всетаки нельзя не жалѣть. Какъ могутъ они быть другими, живя въ этой отвратительной, грязной берлогѣ!

Доннимортъ молчалъ. Они прошли нѣсколько шаговъ. Вдругъ она остановилась и тронула его за плечо.

— Фрэнкъ, не пойми меня дурно. Гдѣ будешь ты, тамъ и я,—хоть въ самомъ пеклѣ фабричной или рудокопной работы.

Онъ взялъ ея руку, поцѣловалъ и удержалъ въ своей.

— Любовь моя! Моя королева!—прошепталъ онъ.

Долго бродили они рука объ руку по дорожкамъ сада

и по лужайкѣ, примыкавшей къ нему. Мабель развеселилась.

— Ради тебя я почти готова полюбить твоихъ минвэльскихъ прихожанъ,—говорила она.—Увидишь, я буду вести себя, какъ образцовая супруга викарія. Я буду дѣлать обходы домовъ съ благотворительной цѣлью, буду устраивать собранія матерей и интервьюировать мистера Самуэля Слэтера по поводу ремонта его коттеджей. А когда будетъ становиться не въ моготу, мы съ тобой, въ видѣ отдыха, будемъ уходить въ горы на денекъ, на другой. Можетъ быть, я когда-нибудь вздумаю закапризничать. Такъ ты, пожалуйста, не бей меня, какъ это дѣлаютъ здѣшніе мужья съ безпокойными женами; ты только возьми меня съ собой на Кайндеръ, и я сразу стану шелковая.

— Каждый лунный вечеръ я буду подводить тебя къ окну и показывать тебѣ Минвэль при лунномъ свѣтѣ. Я хочу, чтобъ ты привыкла думать, что это и есть настоящій Минвэль. Вѣдь играютъ же дѣти въ волшебниковъ и волшебницъ и вѣрятъ въ нихъ въ это время. Для дѣтей игра—реальный міръ. Отчего же и намъ, взрослымъ, не убѣдить себя, что міръ при лунномъ свѣтѣ—дѣйствительный міръ? Я твердо убѣжденъ, что и самъ человѣкъ становится лучше, когда онъ идеализируетъ природу и людей. Да взять хоть бы насъ съ тобой, дорогая: не знаю, что будетъ дальше, но пока—развѣ *меня* ты видишь не при лунномъ свѣтѣ,—скажи?

— Если такъ, то значитъ я никогда не увижу тебя при свѣтѣ дня,—сказала она горячо, измѣняя на минуту своему шутливому тону.—Отчего это папа сегодня такъ долго не отпускалъ тебя, Фрэнкъ? Я ужъ хотѣла къ вамъ ворваться и утащить тебя къ себѣ.

Донниморъ сдержанно усмѣхнулся.

— Да все о Минвэлѣ, голубушка. Кто-то сказалъ ему, что рабочіе готовятся къ стачкѣ. Онъ хотѣлъ разсчитать зачинщиковъ на этой недѣлѣ, но я его упросилъ подождать. Я взялся поговорить съ ними и попробовать ихъ урезонить. Я такъ радъ, что онъ согласился.

— Ну, хорошо. Только не надо объ этомъ, Фрэнкъ,—не теперь. У меня такое чувство, точно облако набѣжало и закрыло луну... А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—смотри: съ той стороны надвигается туча. Бѣжимъ домой: если мы не успѣемъ добѣжать прежде, чѣмъ она закроетъ луну, это будетъ дурной знакъ... Ну, кто скорѣй!

Мабель бѣгала шибко, но молодой человѣкъ не зѣвалъ: онъ догналъ ее въ нѣсколько прыжковъ и съ торжествующимъ смѣхомъ потребовалъ награды.

Свѣтло и радостно было у него на душѣ, когда онъ возвращался домой. Пока они любили другъ друга, все на свѣтѣ было хорошо.

Онъ за-полночь просидѣлъ въ своей комнатѣ за трубкой, размышляя о томъ, какъ лучше и вѣрнѣе начать переговоры съ агитаторами. Первой его мыслью было обойти всѣхъ шестерыхъ и поговорить съ каждымъ порознь, но потомъ онъ подумалъ, что можетъ встрѣтить рѣзкій отпоръ, пожалуй, даже наткнуться на оскорбленіе, и, въ концѣ концовъ, рѣшилъ имъ написать. Онъ тутъ же составилъ письмо, переписалъ его въ шести экземплярахъ и приказалъ своему разсыльному Тому Шреббу рано утромъ разнести всѣ шесть копій по адресамъ. Письмо гласило:

„Милостивый Государь!

„Будьте добры зайти ко мнѣ въ пятницу въ семь часовъ вечера для обсужденія весьма серьезнаго вопроса, касающагося васъ. Я имѣю сообщить вамъ важное извѣстіе и хочу обратиться къ вамъ съ однимъ предложеніемъ. Наши переговоры могутъ предотвратить большія непріятности, поэтому убѣдительно прошу васъ придти. Пять копій этого письма разосланы мною вашимъ товарищамъ (слѣдуютъ фамиліи остальныхъ организаторовъ стачки), и я надѣюсь видѣть васъ всѣхъ у себя въ назначенный день и часъ.

Вашъ покорный слуга

Фрэнкъ Донниморъ“.

На другой день Бринтонъ, послѣ работы, наскоро напившись чаю, отправился къ Леммеру, захвативъ съ собой полученное имъ письмо. Маттью, который работалъ въ красильнѣ и обыкновенно возвращался домой весь перепачканный краской, всегда основательно мылся прежде, чѣмъ усѣсться за столъ. Онъ успѣлъ вымыться, переодѣться и въ третій разъ перечитывалъ свое письмо, прихлебывая чай, когда вошелъ Бринтонъ.

Бринтонъ поздоровался съ женой и дочкой хозяина, но отказался сѣсть. Онъ прислонился спиной къ шкафу и принялся молча курить.

— Я догадываюсь, зачѣмъ ты пришелъ, товарищъ,—сказалъ ему Леммеръ.

— Ну да, я хотѣлъ знать, получилъ ли и ты такое письмо. Вижу, вижу, ты только что его читалъ... Что это значитъ, Маттью? Что случилось? И какъ ты рѣшаешь?—Идти?

Леммеръ снялъ очки, подумалъ и сказалъ:

— Онъ не объясняетъ, въ чемъ дѣло, но все равно: я

думаю, надо пойти. Письмо написано учтиво, съ какой же стати намъ быть съ нимъ невѣжами?

— Что-жъ, разъ ты находишь нужнымъ,—идемъ. Остальные тоже пойдутъ, если ты имъ скажешь... Понять не могу, чего ему отъ насъ нужно. Не вѣрю я попамъ, Маттью,—охъ, не вѣрю!.. Ну, да не объ этомъ рѣчь. Такъ, стало быть, идти, ты говоришь? Надо сказать остальнымъ.

— Всѣмъ разсказать придется, потому я такъ смекаю, что это насчетъ стачки. Значитъ, всѣ товарищи имѣютъ право знать. Только послѣ разскажемъ: прежде сходимъ къ нему.

— Правильно... Увидишь, Маттью: не по шерсти придется молодому викарію то, что онъ завтра услышитъ отъ насъ...

— Ну что, какъ Нанси, Джо?—спросила гостя мистрисъ Леммеръ, почтенная, сѣдовласая женщина, страдавшая жестокими приступами ревматизма и казавшаяся на нѣсколько лѣтъ старше мужа.

— Да все такъ же, тетушка: скрипитъ, не поправляется на мой взглядъ. Говоритъ: „Кабы куда-нибудь уѣхать на время, мнѣ бы полегчало". Перемѣна воздуха ей, видишь, нужна. А я ей говорю: „Что-жъ, отчего бы тебѣ не съѣздить въ Южную Францію?" Съ того дня, какъ родился нашъ послѣдній мальчишка, она и часу здорова не была. Онъ у нея всѣ силы отнялъ,—такой крѣпышъ, Богъ съ нимъ!

— Отправилъ бы ты ее на недѣльку въ Меллоръ къ ея старикамъ.

— Не хочетъ. За домомъ будетъ некому приглядѣть, говоритъ. А чего тамъ глядѣть? Велико ли наше хозяйство?

— Непремѣнно пусть съѣздитъ домой. Скажи ей, что я буду безъ нея къ вамъ заходить и обо всемъ позабочусь.

— Спасибо, тетушка, скажу... Счастливо оставаться, мнѣ пора.

Много толковали между собою Бринтонъ, Брикноль и Слэтветъ, сидя за пивомъ въ „Снопахъ", о томъ, что могло означать приглашеніе новаго пастора.

— Сказать навѣрное, конечно, нельзя, но помяните мое слово, что тутъ какой-нибудь подвохъ противъ насъ; недаромъ онъ собирается породниться съ старикомъ Сэмомъ,—говорилъ Брикноль.

— По моему, совсѣмъ не надо ходить,—сказалъ Слэтветъ.— Ужъ одно то: какъ онъ пронюхалъ наши имена? Донесъ кто-нибудь.

— Нѣтъ, товарищи, надо идти,—сказалъ Бринтонъ.—Не пойти, значило бы, показать, что мы его боимся. Я даже радъ случаю сказать ему все напрямки. Я...

— Если мы предоставимъ говорить старику Леммеру,

онъ ничего не скажетъ прямо,—перебилъ Слэтветъ.—Ему вѣдь главное, какъ бы не обидѣть человѣка, да чтобы все обошлось по хорошему, а отъ такого разговору мало добра. Тутъ нуженъ человѣкъ, который не боится обидѣть.

Бринтонъ поставилъ на столъ свою кружку и нетерпѣливо повернулся къ Слэтвету.

— Не одинъ Маттью будетъ говорить, но Маттью начнетъ, вѣроятно, и начнетъ хорошо. Ты думаешь, люди станутъ больше слушать тебя оттого, что ты орешь во все горло, да на каждомъ словѣ поминаешь чорта? Не въ томъ наша цѣна, товарищъ, *какъ* мы говоримъ. Никто, я думаю, не назоветъ меня методистомъ, да и хорошимъ христіаниномъ не назоветъ (а это не всегда одно и то же, замѣть); но если бы меня спросили, кого я хотѣлъ бы имѣть своими союзниками: Леммера и троихъ-четверыхъ людей его склада, или двѣ дюжины такихъ, какъ мы съ тобой,—я всегда выбралъ бы Леммера. Скажи мнѣ, напримѣръ, кому ты спокойнѣе довѣрилъ бы свою жизнь: Леммеру или Абраму Шайдингу?

— Ну, разумѣется Леммеру, только...

— Вотъ то-то и есть. Леммеръ—вѣрный человѣкъ, это всякій скажетъ. А если ты воображаешь, что стачка—что-то въ родѣ вечеринки съ танцами, такъ лучше отправляйся домой, ложись и спи, пока она кончится.

— Ну, будетъ тебѣ! Разворчался! Дѣлай по своему, мнѣ все равно,—сказалъ Слэтветъ, погружая лицо въ кружку съ пивомъ.

Бринтонъ засмѣялся.

— Въ томъ-то и горе, товарищъ, что я не могу дѣлать по своему. Развѣ Минвэль былъ бы тѣмъ, что онъ есть, кабы моя была сила?

Тѣмъ временемъ Доннаморъ, который чувствовалъ себя далеко не покойно передъ предстоявшимъ ему объясненіемъ, отправился верхомъ къ Адамсону, чтобы посовѣтоваться съ нимъ.

— Можетъ быть, я дѣлаю большую глупость, что вмѣшиваюсь въ эту исторію,—сказалъ онъ послѣ того, какъ подробно изложилъ своему другу суть дѣла.—Я и самъ понимаю, что не слѣдуетъ лѣзть голыми руками въ осиное гнѣздо. Но я не могу, не могу больше молчать, Адамсонъ. Я вижу, что мистеръ Слэтеръ, наказывая этихъ людей, заботится вовсе не о благѣ Минвэля, а просто ищетъ случая выместить на комъ-нибудь свой гнѣвъ. Я, какъ вы знаете, не сторонникъ того, что называется рабочимъ движеніемъ,

и презираю агитаторовъ, но, мнѣ кажется, будетъ только справедливо дать имъ возможность образумиться прежде, чѣмъ они зайдутъ слишкомъ далеко.

Адамсонъ молчалъ, но по лицу его было видно, что онъ возмущенъ.

— Это чудовищно!—вырвалось у него, наконецъ.

— Что?—спросилъ Донниморъ.

— Поступокъ Слэтера. Вѣдь потому онъ и дѣйствуетъ съ ними такъ круто, что они не только его рабочія руки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его жильцы. Я всегда говорилъ, что это подлый принципъ, и разъ онъ существуетъ, трудно не поддаться искушенію.

— Теперь, Адамсонъ, вотъ въ чемъ моя къ вамъ просьба,— перебилъ его Донниморъ, которому не хотѣлось вдаваться въ теоретическія пренія.—Приходите завтра ко мнѣ объясняться съ ними. Вы ихъ лучше знаете, и потомъ вы такой дипломатъ. У васъ никогда не сорвется рѣзкое слово безъ нужды. Я же за себя не ручаюсь.

Адамсонъ посмотрѣлъ на своего младшаго коллегу испытующимъ взглядомъ и грустно улыбнулся. Онъ надѣялся, что глаза Доннимора откроются, наконецъ, и минвэльцы найдутъ въ немъ человѣка, который пойметъ ихъ нужды и пойдетъ навстрѣчу ихъ нравственнымъ запросамъ.

— Хорошо, я приду,—сказалъ онъ.—Но помните, Донниморъ: народъ здѣсь демократично настроенъ и любитъ объясняться на-чистоту. Не обижайтесь, если съ вами будутъ говорить нелюбезно. Я не удивлюсь, если послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора у васъ поднимется температура градуса на два. Но если вы хотите добиться успѣха, не горячитесь—это прежде всего.

— Постараюсь... Спасибо вамъ, Адамсонъ. Не знаю, что бы я дѣлалъ безъ васъ. Приходите обѣдать, мы еще потолкуемъ до ихъ прихода.

X.

Бринтонъ объясняется на чистоту.

Шестеро вожаковъ сошлись на мосту, какъ было условлено. Передъ тѣмъ у нихъ не обошлось безъ споровъ насчетъ того, въ какомъ костюмѣ приличнѣе будетъ явиться къ викарію. Двое или трое находили, что идти въ рабочемъ платьѣ, съ грязными руками и лицомъ было бы слишкомъ демонстративнымъ заявленіемъ о своихъ демократическихъ чувствахъ. Ингамъ даже объявилъ весьма рѣшительно, что онъ не въ состояніи толково объясняться, когда онъ гря-

зенъ, какъ свинья, и что поэтому онъ намѣренъ надѣть свое воскресное платье.

— Надѣвай, сдѣлай милость, а я не надѣну,—сказалъ ему на это Бринтонъ.—Во-первыхъ, у меня нѣтъ воскреснаго платья, потому что въ церковь я не хожу, а во-вторыхъ, моя единственная бѣлая сорочка въ стиркѣ.

Наконецъ, Леммеръ предложилъ компромиссъ: новыя куртки и чистые воротнички. Въ такомъ видѣ вся компанія и направилась къ дому викарія. Нельзя сказать, чтобы они чувствовали себя совершенно свободно, по крайней мѣрѣ большинство, а замѣчанія встрѣчныхъ знакомыхъ по ихъ адресу еще больше нарушали ихъ душевное равновѣсіе.

— Эй, Бобъ!—обратился одинъ прохожій къ Слэтвету, кивая ему на Леммера.—Куда это вы снарядились? Не на митингъ ли общества трезвости?

— Какой тамъ митингъ!—огрызнулся Слэтветъ.

— Бобъ не хочетъ сознаться,—вмѣшался Бринтонъ, никогда не лазившій за словомъ въ карманъ.—Ты угадалъ: мы идемъ именно на митингъ общества трезвости. Оттого-то мы съ Бобомъ и конфузимся: мы вѣдь никогда еще тамъ не бывали.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, куда вы идете?—приставалъ любопытный прохожій.

Бринтонъ подошелъ къ нему вплотную и зашепталъ конфиденціальнымъ тономъ:

— Развѣ не видишь? Мы играемъ въ солдаты. Въ поле идемъ; будемъ тамъ дѣлать ученье. Я за командира... Только чуръ—никому не говори.—И онъ побѣжалъ догонять своихъ.

Другой прохожій, встрѣтивъ шествіе, остановился на дорогѣ и насмѣшливо пропустилъ его мимо себя.

— Чудеса! Да это наши!—крикнулъ онъ имъ вслѣдъ.—А я думалъ—важные господа собрались въ гости къ сосѣдямъ... Куда вы? на молитву или на балъ?

— Не туда и не туда,—отвѣчалъ Бринтонъ.—А просто компанія почтенныхъ людей, любителей красотъ природы, идемъ любоваться восходомъ луны съ вершины Годдарда. Не задерживай насъ, а то луна вѣдь не станетъ ждать.

Слэтветъ окончательно разобидѣлся.

— Сдается мнѣ, мы и вправду похожи на дураковъ въ этомъ видѣ,—ворчалъ онъ.

— Говори за себя, Бобъ, говори за себя.

Слэтветъ надулся и замолчалъ.

Они шли къ викарію не въ качествѣ просителей, поэтому Леммеръ, а за нимъ и остальные направились прямо къ парадному крыльцу. Донниморъ встрѣтилъ ихъ въ прихожей.

— Спасибо, что пришли,—сказалъ онъ съ улыбкой, здороваясь за руку съ каждымъ.—Идемте ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ и потолкуемъ. У меня тамъ сидитъ мой другъ—вы всѣ его знаете,—мистеръ Адамсонъ. Онъ намъ не помѣшаетъ.

Неуклюже, гуськомъ пробираясь одинъ за другимъ, вся компанія прошла въ кабинетъ. Адамсонъ встрѣтилъ ихъ, какъ старыхъ друзей.

— А-а, все знакомыя лица. Брикноля я хорошо знаю. Вѣдь это у васъ, Брикноль, была такая удивительная собака—террьеръ?.. *Хватай*—такъ, кажется, была ему кличка?.. Помню, помню его: ловко крысъ ловилъ!

— Рѣдкій былъ песъ, сударь, ваша правда,—съ готовностью откликнулся Брикноль.—Я горевалъ по немъ, когда онъ издохъ.

— Пожалуйста, познакомьте меня съ вашими товарищами,—любезно обратился къ Брикнолю Донниморъ.—Я вѣдь еще не знаю ихъ по именамъ.

— Маттью, Леммеръ, Джо Бринтонъ, Джошъ Пли, Бобъ Слэтветъ, Билль Ингамъ, Дикъ Бутройдъ,—проговорилъ отрывисто Брикноль, тыча большимъ пальцемъ на каждаго по очереди въ томъ порядкѣ, какъ они сидѣли.

— Очень радъ познакомиться... Господа, пожалуйста, кто куритъ, доставайте трубки. Табакъ на столѣ: набивайте, не ожидая дальнѣйшихъ приглашеній. Я и самъ покурю за компанію.

Четыре человѣка достали трубки изъ кармановъ и принялись ихъ набивать, но собственнымъ табакомъ. Адамсонъ взглянулъ на Доннимора и многозначительно улыбнулся. „Не принимаютъ вашихъ любезностей: не взяли табаку. Держатся на-сторожѣ, такъ и не приставайте къ нимъ“—говорила эта улыбка. Донниморъ отвѣтилъ на нее такимъ же многозначительнымъ взглядомъ и перешелъ къ дѣлу.

— Друзья мои,—началъ онъ,—я буду съ вами откровененъ; надѣюсь, что и вы не станете лукавить со мной. До вашего хозяина, мистера Слэтера, дошло, что его рабочіе затѣваютъ стачку, и что вы семеро - ея организаторы и вожаки. Мистеръ Слэтеръ очень раздраженъ. Я видѣлся съ нимъ въ среду (онъ-то и назвалъ мнѣ ваши фамиліи, почему я и могъ вамъ написать), и онъ говорилъ, что собирается принять крутыя мѣры, чтобы въ зародышѣ убить самую мысль о возможности стачки. Я просилъ его позволить мнѣ переговорить съ вами и попытаться уладить дѣло миромъ. Онъ согласился. И вотъ, я васъ собралъ у себя.

Брикноль оглянулся на товарищей.

— Кто наябедничалъ Сэму, хотѣлъ бы я знать?

Ему отвѣтилъ Бринтонъ.—Теперь не въ этомъ дѣло...

Хозяинъ знаетъ, сэръ, вы говорите,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Доннимору.—Что же намѣренъ онъ дѣлать?

Доннимор ъотвѣтилъ спокойно, но твердо:

— Онъ хотѣлъ сегодня же разсчитать васъ семерыхъ, выдавъ вамъ жалованье за недѣлю впередъ вмѣсто предупрежденія.

Всѣ семеро переглянулись. Бринтонъ засмѣялся.

— Ловко придумалъ! А, товарищи?

— Я знаю,—продолжалъ Доннимор ъ,—что большинство изъ васъ его жильцы, и, разумѣется, если вы получите разсчетъ, вамъ придется очистить ваши дома, что, при существующихъ условіяхъ, равносильно необходимости покинуть Минвэль. Я вѣрю и надѣюсь ради васъ (тутъ голосъ его зазвучалъ глубокими нотами), что наше совѣщаніе приведетъ къ возстановленію мира. Убѣдительно васъ прошу спокойно обсудить дѣло. Право, вопросъ стоитъ не такъ остро, чтобы нельзя было избѣжать столкновенія.

Всѣ вожаки, не исключая даже Слэтвета, взглянули выжидательно на Леммера.

— Маттью, слово за тобой,—сказалъ Бринтонъ.

— Надѣюсь, вы вѣрите, сэръ,—заговорилъ Леммеръ спокойно,—что стачка—послѣднее средство, къ которому мы хотѣли бы прибѣгнуть. Я знаю, что такое стачка: это ужасная вещь... Что же предлагаетъ намъ хозяинъ?

— Я... я васъ не понимаю,—проговорилъ Донниморъ.—Вѣдь я уже сказалъ, чѣмъ онъ вамъ грозилъ.

— Я спрашиваю, какія условія предлагаетъ намъ мистеръ Слэтеръ. Какой шагъ думаетъ онъ сдѣлать намъ навстрѣчу? Вы выступаете миротворцемъ между нами и имъ, по вашимъ словамъ. Мы рады выслушать все, что можетъ привести къ возстановленію мира, какъ вы говорите...

— И нашихъ правъ,—вставилъ Брикноль съ оттѣнкомъ раздраженія въ голосѣ.

— И нашихъ правъ, Томъ, это вѣрно,—подтвердилъ Леммеръ.—Что хочетъ сдѣлать хозяинъ для возстановленія мира?

Немного сбитый съ позиціи, Донниморъ растерянно взглянулъ на Адамсона, но сейчасъ же овладѣлъ собой и чистосердечно отвѣтилъ:

— Вы, кажется, не поняли меня.—Онъ старался говорить какъ можно мягче.—Мистеръ Слэтеръ хотѣлъ разсчитать васъ немедленно, даже не выслушавъ. Я упросилъ его подождать и позволить мнѣ прежде переговорить съ вами. Если вы согласитесь прекратить агитацію, все останется по прежнему. Въ противномъ случаѣ онъ, я боюсь, сдержитъ слово и выдастъ вамъ разсчетъ. Я считалъ своимъ

долгомъ предупредить васъ, какъ стоитъ дѣло, чтобы вы знали, пока не поздно, чѣмъ вы рискуете.

Леммеръ нахмурился и потеръ себѣ лобъ.

— Благодаримъ васъ за заступничество, сэръ, но мы впередъ знали, чѣмъ мы рискуемъ. Мы надѣялись услышать отъ васъ, что хозяинъ хоть немного сдается. Тогда и мы бы съ радостью отказались отъ стачки. Такъ дальше не можетъ идти, и мы были бы недостойны называться гражданами свободной страны, если бы помирились съ такимъ порядкомъ вещей и не приложили бы даже усилій улучшить его.

— Но стачка, вы сами сказали,—ужасная вещь. Подумайте, какія бѣдствія вы навлечете...

— Позвольте, сэръ,—перебилъ его Бринтонъ.—Мы лучше васъ, я полагаю, знаемъ, что такое стачка. Если вы не хотите быть свидѣтелемъ стачки, такъ убѣждайте того, кто все дѣлаетъ, чтобы вызвать ее. Убѣждайте Сэма Слэтера. Мы ходили къ нему, говорили ему, что онъ поступаетъ несправедливо, и на это онъ намъ сказалъ почти что такими словами: „Ступайте прочь, собаки! И считайте себя счастливыми, что я бросаю вамъ корку". До сихъ поръ мы были трусливыми зайцами, но и мы, наконецъ, возмутились. У насъ, сударь, тоже есть права, и мы рѣшили ихъ отстоять. И у дѣтей нашихъ есть права. Если мы, рабочіе, будемъ продолжать покорно терпѣть все, что вздумается продѣлать надъ нами нашимъ хозяевамъ, мы станемъ, наконецъ, выращивать кроликовъ вмѣсто дѣтей.

— Что вы хотите сказать?—спросилъ Донниморъ.—Развѣ вамъ не хватаетъ вашего заработка на содержаніе вашихъ семействъ?

— Слушайте, сэръ, я вамъ разскажу все по порядку, отвѣчалъ Бринтонъ.—Тому назадъ два года, дѣла хозяина немного пошатнулись, это вѣрно. Онъ тогда скинулъ съ заработной платы десять процентовъ. А это что значитъ?— Это значитъ, что онъ ничего не потерялъ, а всѣ убытки легли на наши плечи. Будь у насъ въ то время союзъ, ему не такъ-то легко было бы взять съ насъ эти деньги. Ну, а тогда мы поворчали малость промежъ себя, тѣмъ дѣло и кончилось. Ладно. Мѣсяца эдакъ черезъ два дѣла его стали поправляться, а за послѣдніе полгода фабрика работала, какъ никогда, такъ что, по совѣсти, слѣдовало бы еще увеличить намъ плату противъ прежняго. Хозяинъ загребаетъ деньги нашими руками, а мы работаемъ, какъ ломовыя лошади, и намъ не хватаетъ на хлѣбъ. Мы живемъ въ его домахъ, вотъ онъ и думаетъ, что держитъ насъ въ кулакѣ... Намедни я прочелъ въ газетѣ, что онъ пожер-

твовалъ сто гиней на богадѣльню въ Манчестерѣ. „Самуэль Слэтеръ, эсквайръ,—сто гиней"—такъ и прописано. Кто прочтетъ, подумаетъ: „Вотъ добрый человѣкъ". А по настоящему-то тамъ должны стоять наши имена, потому что это *наши* деньги.—Товарищи! Вѣрно я говорю?

— Вѣрно, Джо!—откликнулось нѣсколько голосовъ.

— Да вотъ и мистеръ Адамсонъ долженъ знать...

— Да, это правда,—сказалъ Адамсонъ.

— Прекрасно. Пусть вы правы и ваше положеніе тяжело,—сказалъ Доннидоръ.—Но, друзья мои, стачка, это... это вѣдь изъ огня да въ полымя. Подумайте, какія бѣдствія стачка на васъ навлечетъ.

— Можетъ быть, и такъ, но мы довольно жарились въ огнѣ: въ полымѣ не будетъ хуже,—упрямо возразилъ Бринтонъ.—Поработайте-ка съ наше, сэръ, да поживите, какъ мы, тогда вы скажете себѣ, что побывали въ аду еще на этомъ свѣтѣ.

— Вы съ такимъ легкимъ сердцемъ говорите о стачкѣ...

— Нѣтъ, сэръ, это не такъ,—перебилъ его Леммеръ.—Не съ легкимъ сердцемъ задумали мы это дѣло. Будьте увѣрены, что мы не пошли бы на него, если бы былъ другой путь. Если хозяинъ захочетъ войти въ наше положеніе, стачки не будетъ.

— Позвольте мнѣ, сэръ, сказать слово, снова вмѣшался Бринтонъ.—Я буду говорить на-чистоту, ужъ вы не обижайтесь. Бѣда вся въ томъ, что вамъ не понять рабочаго человѣка. Васъ удивляетъ, какъ можемъ мы идти противъ господъ.

Доннидоръ покачалъ головой, но Бринтонъ продолжалъ, не смущаясь:

— Я васъ не виню. Вы выросли и воспитались въ такихъ мысляхъ. Всѣ вы, священники, проповѣдуете, что бѣдный человѣкъ долженъ помнить свое мѣсто и благодарить Творца за всякую подачку, какую ему бросятъ, даже за свиной хлѣвъ, въ которомъ онъ живетъ. Да вы и сами не такъ давно сказали проповѣдь противъ насъ, и Билль Ингамъ—вотъ онъ, здѣсь,—тогда же выложилъ вамъ напрямки свое мнѣніе. Другого мы и не ожидали отъ васъ: вы другъ хозяина и женитесь на его дочкѣ...

— Это не имѣетъ никакого отношенія къ тому, о чемъ мы собрались говорить,—остановилъ его съ холоднымъ высокомѣріемъ Доннидоръ.

— Нѣтъ, имѣетъ!—Бринтонъ закусилъ удила; онъ видѣлъ, что викарій прижатъ къ стѣнѣ, и наслаждался.—Всѣ вы—друзья богачей и смотрите ихъ глазами. Такъ и должно оно быть... Я плохой христіанинъ, сэръ, прямо говорю.

Спросите Маттью Леммера и Джоша Пли: они вамъ скажутъ, что другого такого грѣшника во всемъ Минвэлѣ не сыщешь...

— Пустое болтаешь, товарищъ!—перебилъ его Леммеръ.

— Ну, все равно, я и самъ это знаю. Я грѣшникъ, сэръ, но я умѣю отличить добро отъ зла и истинныхъ христіанъ уважаю. Я чту Спасителя и знаю, чему Онъ училъ. Спаситель не якшался съ богатыми. Клянусь душой, будь Спаситель нашъ на землѣ, Онъ бы пришелъ сюда сегодня и говорилъ бы за насъ. Не такъ, какъ я, слабый человѣкъ, а сильно и убѣдительно. Тогда вы поняли бы все и взглянули на вещи другими глазами. Я отъ души желалъ бы этого. Вы еще молоды, сэръ, и человѣкъ вы, кажется, хорошій. Васъ многіе любятъ, говорятъ. А только насъ вы считаете бездѣльниками и думаете, что мы сами виноваты, потому что всѣ наши деньги проматываемъ на пьянство. Есть между нами и такіе,—что правда, то правда. Но вотъ вамъ Маттью и Джошъ Пли и Бутройдъ: эти въ ротъ вина не берутъ. Я пью—не отпираюсь. Да если-бъ не водка (всетаки легче становится, какъ пропустишь стаканчикъ—другой), такъ, кажется, пошелъ бы и утопился въ Минѣ.

— Какъ же вы, мой милый, не хотите понять, что если-бъ вы меньше тратили на водку, у васъ больше оставалось бы на жизнь,—сказалъ Донниморъ.

Брикноль выступилъ было впередъ, собираясь возражать, но Бринтонъ махнулъ на него рукой и продолжалъ:

— Какъ не понять, это мы понимаемъ. А только и то понимаемъ, что если бъ хозяинъ жилъ на сухомъ хлѣбѣ да не держалъ бы лошадей, а вмѣсто лакеевъ прислуживала бы ему его дочка, такъ онъ могъ бы давать намъ божескую плату, и на миссіонеровъ у него оставалось бы кое-что. Да знаете ли вы, что кабы водка не помогала намъ забываться, всѣ хозяева были бы, можетъ быть, давно перебиты. Эхъ, сэръ! Посидѣли бы вы недѣльку въ нашей шкурѣ, такъ поняли бы насъ. Я вамъ одно скажу: коли вы желаете мира, поговорите съ Сэмомъ... съ хозяиномъ, то есть. Если онъ не послушаетъ васъ, если онъ всетаки насъ прогонитъ, ну что-жъ,—тогда мы знаемъ, что намъ дѣлать.

Донниморъ отвѣтилъ не сразу.

— Вы говорите за всѣхъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Спросите ихъ сами,—отвѣчалъ Бринтонъ; но они, не дожидаясь вопроса, подтвердили, что Бринтонъ говорилъ за всѣхъ.

— Очень жаль,—серьезно сказалъ Донниморъ.—Вы это вѣрно сказали, мистеръ Бринтонъ: я не могу смотрѣть на вещи вашими глазами. Но все же я не теряю надежды ула-

дить дѣло миромъ. Я повидаю мистера Слэтера; можетъ быть, онъ согласится сдѣлать кое-какія уступки. Но и вы съ своей стороны обѣщайте, что пойдете на компромиссъ, если понадобится.

— Спасибо вамъ на этомъ, сэръ, сказалъ Леммеръ.—Будемъ надѣяться, что вамъ удастся убѣдить хозяина. А нѣтъ, такъ все равно; и за желаніе помочь благодаримъ.

Онъ поднялся съ мѣста, остальные за нимъ. Донниморъ протянулъ ему руку.

— Чѣмъ бы это ни кончилось, мы, я надѣюсь, останемся друзьями,—проговорилъ онъ грустно.

Леммеръ горячо пожалъ его руку.

— Разумѣется, сэръ, желаю вамъ отъ всего моего сердца: да поможетъ вамъ Господь и да направитъ онъ васъ въ стезяхъ вашихъ. Кое-кто изъ насъ, рабочихъ, молился Богу, чтобъ Онъ вразумилъ хозяина, на чьей сторонѣ справедливость. Къ такой молитвѣ, я надѣюсь, и вы можете присоединить свой голосъ, сэръ.

— Конечно.

Доннимеръ проводилъ ихъ до крыльца и еще разъ пожелалъ имъ доброй ночи.

— Бѣдняги! Помоги имъ Богъ!—сказалъ Адамсонъ. Потомъ засмѣялся и повернулся къ своему коллегѣ.—На чистоту, Донниморъ! Не такъ ли? Я люблю это слово. Никто, я думаю, не говорилъ съ вами такъ отъ души, какъ Бринтонъ. Такой ужъ тутъ у насъ обычай. Это какъ вѣтеръ съ горныхъ вершинъ: бьетъ больно, но за то бодритъ.

Лицо Доннимора оставалось серьезнымъ.

— Адамсонъ, скажите: правда все то, что я сейчасъ слышалъ?

— По моему—правда Положеніе ихъ, несомнѣнно, очень тяжелое. Ихъ сдѣлали, такъ сказать, участниками предпріятія въ плохія времена, во времена застоя, а когда дѣла поправились, они оказались простыми наемниками. Теперь зима подходитъ; нужда еще усилится. Правду сказалъ Бринтонъ: если они не отстоятъ своихъ правъ, то будутъ выращивать кроликовъ вмѣсто дѣтей. Грубо сказано, но вѣрно. А они сумѣютъ постоять за себя, или я плохо ихъ знаю.

Донниморъ раза два затянулся изъ трубки, не отвѣчая.

— Я повидаю Слэтера и поговорю съ нимъ еще разъ,—сказалъ онъ, наконецъ.—Не совсѣмъ это удобно... мои личныя отношенія съ нимъ, хочу я сказать. Впрочемъ (тутъ лицо его просіяло)... Можетъ быть, именно поэтому мое посредничество увѣнчается успѣхомъ. Во всякомъ случаѣ, хорошо уже то, что онъ долженъ будетъ дать имъ отсрочку

еще на недѣлю. Я пойду къ нему только въ пятницу вечеромъ, послѣ разсчета.

XI.

Сигналъ къ битвѣ.

Доннморъ и Мабель еще раньше сговорились идти въ четвергъ на Лонгсайдъ—невысокую гору, къ которой путь лежалъ черезъ деревню Минтлей. День былъ хмурый, вѣтреный; грозило дождемъ; но Мабель рѣшила не откладывать прогулки· „Воевать съ вѣтромъ и дождемъ на горныхъ вершинахъ — да это одно изъ величайшихъ наслажденій жизни!“ объявила она. Доннимору, у котораго было очень непокойно на душѣ послѣ вчерашняго объясненія, тоже хотѣлось идти, чтобы хоть немного забыться. Положеніе его, какъ викарія прихода и въ то же время будущаго зятя фабриканта, было не изъ легкихъ, но онъ не терялъ еще надежды склонить Слэтера на уступки. Минутами у него мелькала мысль, не устраниться ли отъ этого непріятнаго дѣла и не предоставить ли его естественному теченію; но все его существо возставало противъ такой трусости. Ему очень хотѣлось избѣжать встрѣчи съ Слэтеремъ до возвращенія изъ горъ, но когда онъ зашелъ за Мабель, Слэтеръ оказался дома. Онъ самолично встрѣтилъ гостя въ передней и непріятнымъ, рѣзнувшимъ его по уху, тономъ—спросилъ: „На чемъ порѣшили эти мерзавцы“?

На счастье Доннимора Мабель пришла ему на выручку, сказавъ:

— Папа, только не о дѣлахъ: я запрещаю! Сейчасъ мы идемъ на Лонгсайдъ. Поговорите въ другой разъ.

— Я еще зайду вечеромъ, мастеръ Слэтеръ,—поспѣшилъ сказать Доннморъ.

Молодые люди храбро двинулись въ передъ. И чѣмъ дальше уходили они отъ Минвэля, чѣмъ выше поднимались въ гору, тѣмъ легче дышалось Доннимору: онъ чувствовалъ, что оживаетъ. Взобравшись на вершину, они остановились перевести духъ. Мабель оглянулась кругомъ.

— Какимъ маленькимъ кажется отсюда Минвэль!—сказала она.—Знаешь, Фрэнкъ, всякій разъ. какъ я гляжу на него съ высоты, мнѣ кажется, что я выросла тѣломъ и душой... Скажи: что, будетъ у нихъ стачка?

— Н... не знаю... надѣюсь, что нѣтъ.

— Ну, не будемъ портить себѣ удовольствіе: не стоитъ говорить объ этихъ людяхъ. Я, впрочемъ, знаю и такъ, что они вели себя глупо. Ихъ не убѣдишь разумными доводами: это было бы противно ихъ природѣ.

— Какой великолѣпный вѣтеръ! Трудно на ногахъ устоять!—воскликнулъ молодой человѣкъ, не отвѣчая на эту тираду.

— И какой великолѣпный ливень будетъ сейчасъ!—сказала дѣвушка со смѣхомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, секунду спустя налетѣлъ шквалъ, и дождь полилъ какъ изъ ведра. Они пустились бѣгомъ къ ближайшей овчарнѣ, гдѣ и укрылись кое-какъ за выступомъ стѣны.

— Какъ хорошо!—говорила Мабель.—Мы придемъ домой совсѣмъ мокрые,—я рада. Смотри:Минвэль, какъ за занавѣсомъ, спрятался отъ насъ за дождемъ. Мы здѣсь совсѣмъ одни,—только мы да овцы.

— Одни, ты говоришь, моя дорогая? Это хорошо: овцы ничего не скажутъ, если и увидятъ.—И онъ притянулъ къ себѣ дѣвушку, пользуясь привилегіей жениха.

— Гдѣ твое пастырское достоинство? смѣялась она.— Богатая была бы тема для пересудъ на вечеринкахъ, если бы твои прихожане увидѣли тебя въ этотъ моментъ.

— Мои прихожане только порадовались бы, что открыли въ своемъ пастырѣ человѣческую слабость.

— И усумнились бы въ его благочестіи, прибавь... Однако пойдемъ, а то я боюсь, какъ бы дождь не испортилъ моего цвѣта лица.

— У жены пастора не должно быть хорошаго цвѣта лица: это въ высшей степени не ортодоксально, ибо мѣшаетъ мужу сосредоточиваться на проповѣдяхъ. Хорошій цвѣтъ лица и изящная шляпка у жены пастора—первый признакъ того, что она не на высотѣ своего положенія.

— Въ такомъ случаѣ, Фрэнкъ, тебѣ нельзя жениться на мнѣ: вѣдь я горжусь тѣмъ, что знаю толкъ въ шляпкахъ.

Когда они добрались до Минвэля, Донниморъ разогорчилъ свою невѣсту, отказавшись сопутствовать ей въ *Дубки*.

— Нѣтъ, не могу, сказалъ онъ рѣшительно.—У меня есть еще кое-какія дѣла. Я зайду къ твоему отцу вечеромъ.

Придя домой, онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, усѣлся, закурилъ трубку и сталъ думать. Но сколько онъ ни ломалъ головы, сомнѣнія оставались сомнѣніями, и на сердцѣ по прежнему скребло. Онъ всталъ, накинулъ плащъ, надѣлъ шляпу и пошелъ въ *Дубки*.

Слэтеръ принялъ его у себя въ кабинетѣ.

— Я вижу, вы не могли съ ними сладить, мой другъ, сказалъ онъ.—Такъ я и думалъ: я знаю этотъ народъ... Очень они были нахальны?

— Нѣтъ,—сухо отвѣчалъ Доннимор**ъ**.

Его коробило отъ этого тона. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ положительно не переваривать своего будущаго тестя.

— Я не удивился бы никакому проявленію наглости съ ихъ стороны. У нихъ нѣтъ ни малѣйшаго почтенія къ рясѣ. Они въ грошъ не ставили старика Брима.

— Я и не разсчитывалъ на какое-нибудь особенное почтеніе ко мнѣ,—отвѣчалъ Доннимор**ъ** тѣмъ же тономъ.— Я хотѣлъ, чтобъ они говорили со мной чистосердечно, какъ съ равнымъ. Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы отговорить ихъ отъ стачки. Они мнѣ отвѣтили, что лучше меня знаютъ, что такое стачка, но что имъ не остается другого пути. Дѣло въ томъ, мистеръ Слэтеръ, что они считаютъ себя несправедливо обиженными.

— Ну, разумѣется. Послушать ихъ, такъ ихъ всѣ обижаютъ. Плати я послѣднему чернорабочему по пяти фунтовъ въ недѣлю, они все равно скажутъ, что мало.

— Простите, мистеръ Слэтеръ, насколько я ихъ понялъ, они имѣютъ основанія жаловаться. Два года тому назадъ, говорятъ они, когда въ бумагопрядильномъ производствѣ былъ застой, вы сбавили имъ плату съ оговоркой, что повысите ее до прежней нормы, какъ только поправятся ваши дѣла. Вы не сдержали слова—такъ они говорятъ.

Мистеръ Слэтеръ покраснѣлъ, и въ глазахъ его забѣгали злые огоньки. Онъ всталъ со стула и прислонился спиной къ камину, заложивъ руки подъ фалды сюртука.

— Никакихъ обѣщаній я не давалъ! почти выкрикнулъ онъ.—Кромѣ того, дѣла мои далеко еще не поправились. Я и то плачу имъ больше, чѣмъ могу. Они и этой платы не стоютъ. Да имъ хватало бы ея, если-бъ не пьянство. Обществу трезвости слѣдовало бы вплотную заняться нашимъ приходомъ.

Учтиво, но съ твердымъ намѣреніемъ договориться до конца, разъ онъ началъ, Доннимор**ъ** отвѣчалъ:

— Позвольте, мистеръ Слэтеръ: трое изъ бывшихъ у меня агитаторовъ совершенно не пьютъ; они члены общества трезвости.

— Всѣ трое диссиденты,—сказалъ Слэтеръ. И, повернувшись лицомъ къ огню, онъ схватилъ кочергу и принялся съ остервенѣніемъ разбивать головешки.

— Да, диссиденты, но они не пьютъ. Я хочу только доказать, что въ данномъ случаѣ не пьянство создаетъ недовольство.

— Диссидентство не лучше пьянства.

Развитіе соціализма въ Италіи.

Недавно вышедшій въ свѣтъ русскій переводъ труда проф. А. Анджіолини «Исторія соціализма въ Италіи» можетъ считаться полезнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей читающей публики. Знакомство съ соціалистическимъ движеніемъ другихъ странъ помогаетъ русскому читателю лучше разобраться въ сложности современнаго политическаго момента, въ которомъ такую роль играютъ соціальный вопросъ и программы и дѣятельность соціалистическихъ партій. Книга Анджіолини представляетъ, пожалуй, даже особый интересъ для русскаго дѣятеля, такъ какъ Италія и Россія, несмотря на громадные контрасты во многихъ отношеніяхъ, отличаются въ другихъ отношеніяхъ и нѣкоторыми очень схожими чертами. Но прежде, чѣмъ перейти къ самому предмету этой статьи, имѣющей цѣлью по поводу и отчасти на основаніи работы Анджіолини дать понятіе русскому читателю объ особенностяхъ соціалистическаго движенія на Апеннинскомъ полуостровѣ, намъ хотѣлось бы сказать два слова о переводѣ. У насъ нѣтъ подъ руками итальянскаго оригинала, и мы не можемъ судить вполнѣ опредѣленно, до какой степени форма изложенія въ русскомъ переводѣ отражаетъ достоинства и недостатки самого подлинника. Однако мы полагаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что отъ перевода, появившагося подъ редакціей небезызвѣстнаго русской публикѣ писателя по экономическимъ вопросамъ В. Ѳ. Тотоміанца, можно было бы ожидать большаго вкуса, и даже большаго знакомства съ духомъ итальянскаго языка. Переводчики (гг. Кирдецовъ и А. Колтоновскій), повидимому, черезчуръ рабски слѣдовали за итальянскимъ оригиналомъ, и вслѣдствіе этого русскій читатель будетъ не только недоволенъ литературной внѣшностью въ общемъ интересной книги, но и останется мѣстами въ недоумѣніи относительно истиннаго смысла той или другой мысли автора.

Дѣйствительно, съ одной стороны, итальянскій языкъ отличается по большей части цвѣтистостью и почти вычурностью стиля: я говорю, конечно, не о народномъ, а о современномъ литературномъ языкѣ, какимъ онъ сдѣлался въ особенности подъ вліяніемъ писателей-патріотовъ, которые пытались и въ литературномъ

отношеніи продолжать нить традиціи Данте и Петрарки, но черезчуръ злоупотребляли «полировкою» языка, стараясь, въ пику иностраннымъ поработителямъ-«варварамъ», сдѣлать изъ него достойное орудіе національнаго возрожденія (*rinnovamento*). Съ другой стороны, школа итальянскихъ соціологовъ и, въ частности, «научныхъ» соціалистовъ, въ родѣ Антоніо Лабріолы, Астураро, отчасти Энрико Ферри, вырабатывавшихся подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкой философской мысли и философской терминологіи, привлекла въ свой родной языкъ не мало элементовъ гегельянско-марксистскаго жаргона, которымъ злоупотребляютъ по ту сторону Альпъ второстепенные ученики творцовъ научнаго соціализма (извѣстно, что сами Марксъ и Энгельсъ, когда надо было, писали, наоборотъ, очень просто и энергично), и тѣмъ самымъ увеличила внѣшнія трудности пониманія своихъ трудовъ. Недаромъ писатель Бончи обращалъ къ своимъ соотечественникамъ почти негодующій вопросъ: perchè la letteratura italiana non è popolare in Italia (почему итальянская литература не популярна въ Италіи)? Присоедините, наконецъ, сюда естественную склонность ума итальянцевъ, любящаго сложныя «комбинаціи», къ игрѣ въ черезчуръ тонкія логическія различенія, и вы поймете, какія препятствія приходится преодолѣвать переводчику съ итальянскаго на русскій, чтобы дать переводъ и близкій къ подлиннику, и въ то же время не грѣшащій противъ духа нашего языка. При этомъ приходится продѣлывать процессъ, который можно сравнить развѣ съ процессомъ транспонированія, переложенія въ музыкѣ съ одного ключа на другой, напр., понижать общій патетическій тонъ фразы, сохраняя, однако, относительную «высоту» отдѣльныхъ словъ и понятій, упрощать конструкцію предложенія, по возможности смягчать декламаторскій тембръ итальянца, и т. д.

Объ этомъ переводчики и редакторъ перевода, видимо, не особенно заботились. И, благодаря этому, «Исторія соціализма» Анджіолини на русскомъ языкѣ напоминаетъ временами прозу Карамзина, съ его вѣчною манерою ставить прилагательное послѣ существительнаго (напр., на стр. 46 первой части: «порученія болѣе или менѣе благородныя, занятія болѣе или менѣе утомительныя»; на стр. 47: «законы писанные», и т. д.) и поражаетъ своимъ приподнятымъ стилемъ, нерѣдко заставляющимъ желать многаго въ смыслѣ ясности (напр., на стр. 40: «бѣдность и невѣжество—ангелы-хранители современнаго общества, подпоры, на которыхъ держится его строй, *замыкая въ тѣсный кругъ и обширную область всемірнаго гражданства*»,—что значитъ эта подчеркнутая мною фраза? Э. В.). Мало того,—въ русскомъ переводѣ встрѣчаются и прямыя погрѣшности противъ склада русской рѣчи (напр., на стр. 28 той же первой части: «онъ вошелъ въ сношенія о (?!) заговорѣ и о самыхъ смѣлыхъ планахъ съ Неаполемъ», и, наконецъ, совсѣмъ непонятныя мѣста, напр., на стр. 418 второй части:

«Наука начинаетъ съ индуктивнаго метода, *выводя божественное происхожденіе* (это что такое? Э. В.), и переходитъ затѣмъ къ экспериментальному методу, чтобы найти другія причины всего существующаго»; или на стр. 429 второй же части: «Конечно, гораздо легче организовать рабочихъ, не борясь противъ нѣкоторыхъ заблужденій, но мы находимъ, что этотъ методъ, именно благодаря своей несложности, легко можетъ обратиться въ пылинку передъ разочарованіями въ борьбѣ за непосредственныя улучшенія, когда нѣтъ директивы къ уничтоженію частной собственности», — гдѣ мысль выражена такъ неуклюже, такъ неправильно, что со стороны читателя требуется извѣстное напряженіе ума, чтобы понять, что дѣло идетъ о противоположеніи революціоннаго направленія въ соціализмѣ реформаторскому.

Не мѣшаетъ здѣсь прибавить кстати, что въ такихъ недоразумѣніяхъ повиненъ, какъ кажется, по крайней мѣрѣ отчасти, и самъ итальянскій авторъ, міровоззрѣніе котораго не отличается особенною ясностью. Сопоставляя различныя, иногда противорѣчащія одно другому разсужденія Анджіолини, — вообще разсужденія составляютъ слабую сторону этой прежде всего описательно-исторической книги,—литературную физіономію нашего писателя можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. Это—соціалистъ марксистской школы, но праваго крыла ея, т. е. стоящій на точкѣ зрѣнія мирнаго и, такъ сказать, фатальнаго развитія соціализма и открещивающійся отъ всякаго революціоннаго элемента марксизма вплоть до допущенія нѣкоторыхъ очень сомнительныхъ для соціолога положеній, въ родѣ того, напр., что революція является лишь окончательнымъ моментомъ безпрерывной эволюціи. Вѣдь самый скромный ученикъ Маркса долженъ, казалось бы, допустить, что въ процессѣ эволюціи революція играетъ роль узловыхъ точекъ развитія и потому можетъ повторяться неопредѣленное число разъ, какъ только игра «противорѣчій» въ обществѣ обостряется до извѣстной степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ Анджіолини и не особенно послѣдователенъ въ своемъ эволюціонномъ марксизмѣ. Такъ, напр., высказывая нѣсколько разъ обычную мысль школы о сравнительной ничтожности отдѣльныхъ личностей въ общемъ ходѣ событій, авторъ, тѣмъ не менѣе, въ другихъ мѣстахъ, когда ему приходится становиться на фактическую почву, подчеркиваетъ важную историческую роль того или другого дѣятеля, и нельзя сказать, чтобы онъ особенно удачно сглаживалъ такія противорѣчія путемъ поверхностныхъ оговорокъ. Можно, пожалуй, еще прибавить, что подъ явнымъ марксистскимъ теченіемъ мыслей у Анджіолини вообще замѣчается другой, отчасти безсознательный, потокъ идей и представленій, который, вѣроятно, относится къ болѣе раннему періоду его существованія, когда нашъ историкъ соціализма былъ, какъ это чувствуется, простымъ либераломъ или, самое большее, буржуазнымъ демократомъ, питающимся обычными въ этомъ кругу людей

мыслями и предразсудками. Вліяніе этого болѣе ранняго міровоззрѣнія сказывается даже какъ разъ тамъ, гдѣ авторъ, казалось бы, высказываетъ наиболѣе опредѣленно свой теперешній символъ вѣры. Такъ, говоря въ самомъ началѣ своего труда объ условіяхъ развитія соціализма въ Италіи, Анджіолини отзывается о своихъ соотечественникахъ сравнительно съ французами въ такихъ выраженіяхъ, которымъ не чуждъ своего рода патріотизмъ и чуть не шовинизмъ, хотя и направленный на доказательство отсутствія у нихъ именно этой черты.

Какъ бы то ни было, и сдѣлавъ эти оговорки, мы не можемъ не привѣтствовать появленія на русскомъ языкѣ «Исторіи соціализма въ Италіи», тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже сказали, между условіями развитія итальянскаго и русскаго соціалистическаго движенія есть извѣстные пункты сходства, которые тѣмъ многозначительнѣе, чѣмъ болѣе разнится общая исторія двухъ странъ. Относительно этихъ общихъ различій много говорить не приходится: они слишкомъ извѣстны каждому мало-мальски образованному читателю, чтобы на нихъ останавливаться. Пусть только припомнятъ, что Италія принадлежитъ къ числу странъ, гдѣ выработалась одна изъ самыхъ старѣйшихъ европейскихъ цивилизацій, и что на ея территоріи уже рушилась подъ напоромъ германскихъ варваровъ античная государственность по крайней мѣрѣ за четыре столѣтія до того момента, къ которому легенда пріурочиваетъ основаніе русскаго государства. Возьмите затѣмъ Средніе вѣка и приведите себѣ на память хотя бы тотъ фактъ, что XIII-ый вѣкъ, отмѣченный для Россіи разгромомъ ея молодой, только что возникавшей гражданственности татарами, видѣлъ въ Италіи расцвѣтъ такъ называемаго историками «періода общинъ», въ концѣ котораго старинная земельная аристократія полегла въ борьбѣ съ городской буржуазіей, и въ городахъ шла уже настоящая гражданская война между богатыми, или «жирнымъ народомъ» (popolo grasso), и бѣдными, или «мелкимъ народомъ» (popolo minuto).

И тѣмъ не менѣе, если послѣ цѣлаго ряда всевозможныхъ историческихъ событій, перипетій внутренней и внѣшней политики, столь различныхъ въ Италіи и Россіи, мы придвинемся къ новѣйшей исторіи обѣихъ странъ, то мы найдемъ въ ихъ экономической и политической жизни не мало сходныхъ условій, которыя и должны усиливать у русскихъ читателей интересъ къ исторіи соціализма и вообще рабочаго движенія въ Италіи. Отмѣтимъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ Италіи, несмотря на густоту населенія, во много разъ превышающую густоту русскаго населенія, земледѣліе играетъ преобладающую роль въ экономіи страны. Въ этомъ отношеніи Италія гораздо ближе подходитъ къ Россіи,

чѣмъ къ большинству западно-европейскихъ государствъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ Италіи приходится на квадратный километръ почти 118 жителей *), а въ Европейской Россіи всего около 20, но по относительному числу жителей, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ (и лѣсными и рыбными промыслами), обѣ эти страны гораздо сильнѣе походятъ одна на другую, чѣмъ на большинство культурныхъ странъ Запада. Въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи на 100 душъ населенія въ рабочемъ возрастѣ приходится около 72 живущихъ сельскимъ хозяйствомъ, а въ Италіи болѣе 59, тогда какъ во Франціи эта пропорція спускается до 44, въ Германіи до 37, въ Бельгіи до 21, въ Великобританіи до 12. Само собою разумѣется, что по числу лицъ, занятыхъ въ промышленности и торговлѣ, вышеприведенныя государства размѣщаются въ обратномъ порядкѣ, при чемъ Россія и Италія опять-таки приближаются одна къ другой, составляя контрастъ съ большинствомъ западно-европейскихъ государствъ, гдѣ такую роль играютъ индустрія, перевозочный промыселъ и торговля. Въ Россіи пропорція жителей, занятыхъ промышленностью и торговлею, равняется 15 на 100, въ Италіи 32, тогда какъ во Франціи она поднимается до 43, въ Германіи до 48, въ Бельгіи до 53, въ Великобританіи почти до 68. Такимъ образомъ, несмотря на вдвое болѣе значительное развитіе индустріально-торговыхъ промысловъ въ Италіи сравнительно съ Россіею, все же число лицъ, занятыхъ этими отраслями труда, въ той и въ другой странѣ далеко не достигаетъ пропорціи, какую мы видимъ въ европейскихъ государствахъ, принадлежащихъ къ разряду промышленныхъ странъ.

Немудрено, что развитіе соціалистическаго движенія, которое, по крайней мѣрѣ, въ исходной своей точкѣ опирается на существованіе городского рабочаго класса, было встрѣчено въ Италіи на первыхъ порахъ тѣми же скептическими соображеніями буржуазіи, какими русскіе противники соціализма встрѣтили распространеніе міровоззрѣнія труда на нашей родинѣ. Анджіолини, дѣйствительно, начинаетъ свою книгу слѣдующими многозначительными словами: «Когда первая пропаганда соціализма и первыя соціалистическія движенія встревожили буржуазныя правительства всей Европы, увидѣвшія въ соціализмѣ самую опасную и самую серьезную угрозу ихъ существованію и господству, въ Италіи говорили и повторяли съ увѣренностью, не допускавшей возраженій, что въ ней соціализмъ не найдетъ благодарной почвы, что онъ не пуститъ въ ней корней, что дерево, могучее и цвѣтущее въ другихъ частяхъ Европы, здѣсь, у насъ, всегда останется хилымъ, рахитичнымъ деревцомъ... Экономисты сказали, что соціализмъ можетъ

*) Вычислено мною по даннымъ извѣстнаго историческаго ежегодника: J. Scott Keltie, The Statesman's Year-book for the year 1907; Лондонъ, 1907, стр. 1129, гдѣ пространство приведено въ англійскихъ миляхъ.

укорениться и побѣждать лишь тамъ, гдѣ существуютъ сильныя рабочія организаціи, гдѣ есть промышленные центры, сосредоточивающіе значительныя массы рабочихъ, и что, поэтому, къ Италіи, странѣ, бѣдной промышленною организаціей, новая болѣзнь, соціализмъ, не привьется» (стр. 5). Все это говорили враги соціалистическаго движенія, и, однако, въ настоящее время въ Италіи соціализмъ сталъ очень значительной силой, съ которой приходится считаться не только буржуазнымъ теоретикамъ, но и буржуазнымъ практикамъ, представителямъ имущихъ и правящихъ классовъ. Не то ли же самое мы находимъ и въ Россіи, гдѣ враги соціализма столько лѣтъ и съ такимъ упорствомъ пророчили, что у насъ отсутствуютъ почва и необходимыя условія для возникновенія соціализма, и гдѣ, однако, міровоззрѣніе труда начинаетъ пускать корни въ самыхъ отдаленныхъ углахъ и среди самыхъ, казалось бы, отсталыхъ слоевъ населенія?

Дѣло въ томъ, что и въ Италіи, какъ въ Россіи, крупная капиталистическая промышленность могла развиться въ нѣкоторыхъ центрахъ и въ нѣкоторыхъ раіонахъ съ большою быстротой и напряженностью, и возникли спорадическія, но значительныя скопленія индустріальныхъ рабочихъ, явившихся благопріятной почвой для перваго насажденія и распространенія идей соціализма. Затѣмъ, въ Италіи, какъ и въ Россіи, аграрный вопросъ обладаетъ особой жгучестью вслѣдствіе относительнаго малоземелья непосредственныхъ сельскихъ производителей, крестьянъ, и существованія громадныхъ латифундій, владѣльцы которыхъ жестоко эксплуатируютъ туземное деревенское населеніе въ качествѣ сельскихъ рабочихъ, поденщиковъ и батраковъ или же въ качествѣ мелкихъ фермеровъ, половниковъ, обрабатывающихъ на крайне тяжелыхъ условіяхъ землю (система, носящая названіе mezzeria или mezzadria) или занимающихся скотоводствомъ (такъ называемая boaria или schiavenderià). Укрѣпившись среди городскихъ рабочихъ, соціализмъ нашелъ поэтому очень подходящія условія для развитія среди крестьянства, которое, кстати сказать, въ Италіи, особенно на югѣ, носитъ отчасти городской характеръ, такъ какъ живетъ, согласно съ давнишнимъ обычаемъ страны, въ сравнительно большихъ центрахъ и каждый день отправляется для обработки своихъ далеко отстоящихъ отъ такихъ населенныхъ мѣстъ полей, возвращаясь лишь поздно вечеромъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, интенсивность, съ какой соціализмъ распространился среди итальянскаго крестьянства въ теченіе немногихъ лѣтъ, къ вящшему удивленію и негодованію крупныхъ землевладѣльцевъ и жаднаго фиска *).

---

*) Мы останавливаемся съ кой-какими другими документами въ рукахъ нѣсколько подробнѣе на экономическихъ особенностяхъ Италіи, чѣмъ то дѣлаетъ Анджіолини, который предполагаетъ, очевидно, что все

Авторъ «Исторіи соціализма» отмѣчаетъ, съ другой стороны, еще одно явленіе, благопріятствующее развитію соціализма въ Италіи и опять-таки, замѣтимъ мы, напоминающее Россію. Это существованіе необезпеченной интеллигенціи,—мы, русскіе, сказали бы, «разночинцевъ»,—которая очень много работала надъ распространеніемъ соціалистическихъ доктринъ на Апеннинскомъ полуостровѣ. Анджіолини видитъ даже въ этомъ обстоятельство, возмѣщающее сравнительную слабость крупной индустріи. Онъ такъ изображаетъ значеніе интеллигенціи:

«Правда, въ Италіи нѣтъ промышленности, благодаря которой возможны были бы крупныя и многочисленныя организаціи рабочихъ, но здѣсь есть больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, лицъ, съ одной стороны, получившихъ образованіе, съ другой—лишенныхъ средствъ къ существованію, отвѣчающихъ ихъ положенію и достоинству.

«Адвокаты безъ кліентовъ, врачи безъ паціентовъ, профессора безъ каѳедръ, интеллигентные и образованные чиновники, годовой заработокъ которыхъ не превышаетъ тысячи лиръ (менѣе 400 рублей. Э. В.), молодые люди съ дипломами лицеевъ и техническихъ школъ, не находящіе мѣста: вотъ кадры недовольныхъ и въ такомъ количествѣ, съ какимъ не можетъ сравниться ни одна европейская нація.

«Современная Италія—о причинахъ мы теперь говорить не будемъ—экономически изъ всѣхъ культурныхъ, просвѣщенныхъ странъ наиболѣе истощенная, наиболѣе бѣдная. Непростительно запущенное состояніе земледѣлія, отсутствіе сырыхъ матеріаловъ (напр., каменнаго угля. Э. В.), благодаря которымъ могла бы существовать и развиваться крупная промышленность, недомысліе господствующихъ классовъ и правительства, сосредоточившихъ всѣ свои попеченія и симпатіи на арміи и военныхъ расходахъ,—все это способствуетъ поддержанію и усиленію обнищанія нашей страны.

«Эти недовольные, которые могутъ считать и считаютъ себя интеллигентами, отлично понимаютъ, что они пали въ борьбѣ за существованіе не потому, что за ними меньше достоинствъ и заслугъ, а лишь благодаря несправедливому распредѣленію экономическихъ благъ. Эта рать интеллигентовъ скоро составила ядро соціалистической арміи.

«... Она безъ колебаній и даже съ энтузіазмомъ держитъ сторону возставшихъ. Она сознаетъ, что стоитъ выше класса, обладающаго политической властью; терпя нужду и лишенія, она, естественно, добивается иного соціальнаго строя» *).

это достаточно извѣстно итальянской читающей публикѣ. Лишь относительно Сициліи онъ даетъ много деталей, съ которыми мы въ свое время познакомимъ нашихъ читателей.

*). Ibid., стр. 6—7.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ сторонъ (напр., отсутствія сырья для крупной промышленности въ Италіи, что отнюдь не имѣетъ мѣста въ изобилующей естественными богатствами Россіи) картина, представленная Анджіолини въ только что приведенныхъ строкахъ, настолько напоминаетъ положеніе дѣлъ въ Россіи, что такъ и хочется воскликнуть словами римскаго баснописца: mutato nomine de te fabula narratur, «перемѣни только имя, и басня идетъ о тебѣ». И въ Россіи интеллигенція играетъ выдающуюся роль въ развитіи соціализма. Эту параллель между русской и итальянской интеллигенціей можно даже провести далѣе, отодвинувъ ее на нѣсколько десятковъ лѣтъ, или даже на цѣлый вѣкъ назадъ, при чемъ окажется, что предшественники этой интеллигенціи, принадлежавшіе не только къ недостаточнымъ разночинцамъ, но и къ отщепенцамъ привилегированныхъ классовъ, какъ въ Италіи, такъ и въ Россіи безстрашно боролись и героически умирали за тѣ идеалы, которые въ свое время являлись такимъ же воплощеніемъ высшей соціально-политической правды, какимъ въ наше время являются идеалы соціализма. Я говорю о вѣковой борьбѣ русской и итальянской интеллигенціи каждой противъ правительства своей страны, подавлявшаго желѣзной пятой деспотизма проявленія личной и общественной свободы. Разумѣется, подобную же борьбу интеллигентныхъ слоевъ противъ абсолютизма можно найти на зарѣ выработки современнаго конституціоннаго и парламентарнаго режима во всей Европѣ. Но нигдѣ, можетъ быть, она не велась съ такимъ самоотверженіемъ со стороны защитниковъ свободы, съ такою свирѣпостью со стороны носителей государственной власти, какъ въ Россіи и въ Италіи. Подробно останавливаться на этой параллели значило бы, впрочемъ, отвлечься черезчуръ въ сторону. Поэтому мы ограничимся лишь тѣмъ, что, на основаніи матеріала, собраннаго Анджіолини, познакомимъ вкратцѣ читателя съ біографіей, дѣятельностью и идеями одного изъ трехъ великихъ «предшественниковъ итальянскаго соціализма», Карло Пизаканэ, наиболѣе поздняго изъ нихъ по времени и наименѣе извѣстнаго большой публикѣ *).

Если и считаться съ нѣкоторыми безсознательно патріотическими преувеличеніями идейнаго значенія Пизаканэ со стороны автора «Исторіи соціализма», то все же нельзя не сказать, что въ лицѣ пламеннаго неаполитанца мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, обладавшимъ не только удивительно мужественнымъ и благороднымъ характеромъ, но и свѣжимъ и оригинальнымъ умомъ. Принадлежа

*) Двумя другими „предшественниками“ являются подъ перомъ Анджіолини монахъ Кампанелла, который жилъ въ концѣ XVI-го и первой трети XVII-го вѣка и доктрины котораго не имѣли значенія для развитія современнаго соціализма, и другъ и ученикъ Бабёфа, Филиппо Бунарроти, дѣятельность котораго принадлежитъ, впрочемъ, гораздо больше исторіи республиканскаго и соціалистическаго движенія во Франціи.

по рожденію къ высшей аристократіи,—онъ былъ сыномъ герцога Санъ-Джіованни,—и получивъ воспитаніе въ привилегированной военно-технической школѣ, онъ участвовалъ во всѣхъ битвахъ и революціонныхъ возстаніяхъ молодой Италіи противъ своихъ и чужестранныхъ деспотовъ и погибъ, не достигнувъ и 39 лѣтъ отъ роду, въ 1857 г., во время отчаянной высадки на берегъ Неаполитанскаго королевства. Любопытны взгляды, высказываемые Пизаканэ относительно соціальнаго вопроса, и вообще любопытно все его соціологическое міровоззрѣніе. Хотя онъ, очевидно, почерпнулъ у французскихъ соціалистовъ больше, чѣмъ самъ въ этомъ признается въ силу своей нѣсколько странной у такого яснаго ума франкофобіи, что констатируетъ даже и пристрастный къ нему Анджіолини (стр. 34),—однако ему нельзя отказать въ извѣстной яркости, съ какой онъ развиваетъ мысли, до нѣкоторой степени какъ бы предвосхищающія положенія современнаго соціализма. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своей книги «О революціи» онъ характеризуетъ настоящій строй слѣдующими словами: «Общество несправедливымъ распредѣленіемъ богатствъ дѣлится на двѣ части: немногихъ и многихъ, и вторые зависятъ отъ первыхъ... Бѣдность будетъ расти съ ростомъ производства». Или въ другомъ мѣстѣ: «До тѣхъ поръ, пока немногіе являются собственниками орудій производства, едва удовлетворяющаго насущныя потребности многихъ, послѣдніе будутъ рабами первыхъ, каковы бы ни были законы; довольно одного того, что они признаютъ и покровительствуютъ праву собственности» (стр. 37). Анджіолини находитъ даже у Пизаканэ, правда, отдѣльную и мимоходомъ брошенную мысль, сходную съ формулой прибавочной стоимости у Маркса: «Капиталистъ, уплачивающій восемь единицъ жалованья каждому рабочему, вырабатывающему десять, не только воруетъ двѣ единицы у каждаго изъ нихъ, но отнимаетъ у нихъ также ихъ коллективную силу» (стр. 41).

Черезъ всю его аргументацію красною нитью проходятъ двѣ идеи. По его мнѣнію, для водворенія новаго строя, основаннаго на уничтоженіи частной собственности и замѣны ея собственностью общинъ, необходима насильственная революція; эта революція уже стала возможною въ данный моментъ. Когда она восторжествуетъ, побѣдоносный народъ объявитъ «собственностью націи» всѣ земли и всѣ капиталы. Новый экономическій и политическій строй будетъ покоиться на существованіи автономныхъ общинъ, каждая изъ которыхъ будетъ управляться общиннымъ совѣтомъ, выбираемымъ всеобщей баллотировкой, и вѣдать самостоятельно свои дѣла. Лишь для представительства Италіи передъ иностранными державами будетъ существовать національное собраніе, которое будетъ имѣть право заключать договоры, но подъ условіемъ, чтобы они были предварительно одобрены народомъ. Это собраніе не можетъ имѣть надъ общинами другой власти, кромѣ права требовать отъ каждой изъ нихъ, въ случаѣ войны, соотвѣтствующаго числа

солдатъ и звать на судъ народа ту общину (или ту личность), которая нарушитъ естественный, основанный на законахъ природы договоръ. А пока усилія революціонеровъ, опирающихся на возставшій народъ, должны быть направлены исключительно на низверженіе современнаго, лучше сказать, всякаго государства и на ликвидацію частной собственности и вытекающихъ изъ нея обязательствъ, контрактовъ, на отмѣну налоговъ и т. п. Поэтому для настоящаго времени Пизаканэ относится отрицательно ко всеобщей подачѣ голосовъ, называя ее «обманомъ»: «какъ можетъ выборъ вашъ быть свободенъ, когда существованіе ваше зависитъ отъ жалованья хозяина, отъ усмотрѣнія собственника?»

Онъ врагъ конституціонной монархіи: «Конституціонная монархія не болѣе, какъ лицемѣрная тиранія. Министры отстаиваютъ эту форму правленія потому, что отъ нихъ зависитъ весь ихъ (? Э. В.) составъ, ихъ должности, но, когда они находятъ необходимыми произвольныя мѣры, то примѣняютъ ихъ такъ же, какъ въ абсолютной монархіи. Публика ругается, газеты пописываютъ, какой-нибудь депутатъ требуетъ отчета у министровъ, и на этомъ кончается оппозиція, къ этому сводятся права и гарантіи народа» (стр. 56—57). Пизаканэ не меньшій врагъ религіи: «Религія—чувство слабости, создающее поклонниковъ сверхъ-человѣческой силы... И религіозность будетъ нова, какъ новъ соціализмъ... Будущее, рисующееся христіанамъ въ ихъ упованіяхъ, было бы превращеніемъ всего міра въ монастырь. Фанатизмъ можетъ привести народъ къ мученичеству, но не можетъ поднять его на борьбу... Задача соціализма не вознесеніе на небо, а благоденствіе на землѣ. Разница между нимъ и евангеліемъ та же, которую мы видимъ между кипучей жизнью юношескаго тѣла и хрипѣніемъ умирающаго» (стр. 58, passim).

Настоящая исторія соціализма въ Италіи начинается у Анджіолини съ образованія на Апеннинскомъ полуостровѣ первыхъ секцій Интернаціонала, который появился здѣсь въ 1865 г. Читателя, знакомаго съ развитіемъ знаменитаго Международнаго общества рабочихъ, нѣсколько удивитъ не особенно точное понятіе, которое историкъ соціализма въ Италіи даетъ своимъ читателямъ объ Интернаціоналѣ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить слѣдующую фразу Анджіолини: «Интернаціоналъ прошелъ черезъ много фазъ и направленій, но съ самаго начала преобладающей въ немъ идеей было отреченіе отъ всякой парламентской и вообще политической дѣятельности, и политическій вопросъ разсматривался исключительно съ точки зрѣнія революціонной и какъ составная часть экономическаго вопроса» (стр. 88). Если бы авторъ охарактеризировалъ этими словами дѣятельность бакунистской фракціи Интернаціонала, которая послѣ раскола на Гаагскомъ конгрессѣ (2—7 сен-

тября 1872 г.) распространилась въ Испаніи, Бельгіи, Швейцаріи, Италіи, то съ этимъ можно было бы согласиться. Но дать такую характеристику для всего Международнаго общества рабочихъ—значитъ бросить ложный свѣтъ на смыслъ и исторію ассоціаціи, народившейся подъ сильнымъ вліяніемъ Маркса и его друзей. Достаточно привести лишь слѣдующій отрывокъ изъ резолюцій лондонской конференціи (15—23 сентября 1871 г.) Интернаціонала: «Принимая во вниманіе, что Интернаціоналу противостоитъ безчисленная реакція, которая безстыдно попираетъ всякое освободительное стремленіе рабочихъ и старается увѣковѣчить при помощи грубой силы классовыя различія и опирающееся на нихъ политическое господство имущаго класса; что рабочій классъ можетъ дѣйствовать лишь массою противъ этой общей силы имущихъ классовъ, организуясь въ качествѣ особой политической партіи въ противоположность ко всѣмъ старымъ партійнымъ группировкамъ имущихъ классовъ; что эта организація рабочихъ классовъ въ качествѣ политической партіи необходима для торжества соціальной революціи и ея конечной цѣли,—уничтоженія классовъ,—конференція напоминаетъ всѣмъ сочленамъ Интернаціонала, что при боевомъ состояніи рабочаго класса его экономическое движеніе и его политическая дѣятельность должны быть неразрывно соединены между собою» *).

За то анархическая и революціонная характеристика, которую Анжіолини ошибочно даетъ Интернаціоналу вообще, какъ разъ умѣстна по отношенію къ преобладающему направленію итальянскихъ секцій Международнаго общества, возникшихъ съ половины 60-хъ годовъ подъ вліяніемъ Бакунина и его друзей Фанэлли, Карло Кафьеро, Діего Мартелли и т. п., а также въ результатѣ тѣсныхъ сношеній съ французскими интернаціоналистами между 1866 и 1870 гг. Въ то время, какъ въ 1865 г. нѣкто Николо Ло Савіо основалъ во Флоренціи, если не вполнѣ соціалистическую, то сочувствующую соціализму газету «Пролетаріатъ» (полное названіе по-итальянски было «Il proletariato. Giornale economico-socialista per la democrazia operaja»,—«экономически-соціалистическій органъ рабочей демократіи»), Бакунинъ вскорѣ послѣ появленія этой умѣренной газеты сталъ издавать свою уже вполнѣ революціонную газету, которая выходила въ Неаполѣ подъ названіемъ: «Свобода и Трудъ», но стала извѣстна подъ именемъ «Свободы и Справедливости» (Libertà e Giustizia). Идеи Бакунина быстро прививались среди южнаго, революціоннаго по темпераменту, населенія, и въ 1867 г. въ Неаполѣ уже былъ основанъ первый отдѣлъ Интернаціонала въ Кастелламаре и Шяккѣ—два сицилійскихъ отдѣла, а въ 1868 г. присоединилось къ Интернаціоналу рабочее общество «Дѣти труда» въ Катаніи, такъ что на генеральныхъ конгрессахъ

---

*) См. статью „Internationale Arbeiter-Associotion“ въ Stegman und Hugo, Handbuch des Socialismus; Цюрихъ, 1894, стр. 365—366.

Международнаго общества 1868 г. и 1869 г. фигурировали уже делегаты отъ Сициліи, отъ Неаполитанской провинціи, а также и отъ центра Италіи, именно отъ Тосканы.

Парижская коммуна, возбудившая своимъ героическимъ выступленіемъ энтузіазмъ революціонеровъ и послѣдовательныхъ соціалистовъ во всей Европѣ, нашла, конечно, горячихъ защитниковъ среди итальянцевъ, находившихся подъ вліяніемъ интернаціоналистовъ школы Бакунина, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала расколъ между радикальными республиканцами, шедшими за Мадзини, и между бакунистами, особенно, когда главы двухъ направленій вступили въ жаркую полемику именно по поводу характера Интернаціонала. Мадзини, который, какъ извѣстно, обнаруживалъ вначалѣ нѣкоторое сочувствіе Международному обществу, обрушился теперь на Интернаціоналъ за его отрицаніе Бога, отечества, частной собственности. Русскій революціонеръ поднялъ перчатку и, подвергая блестящей критикѣ «первосвященническую» точку зрѣнія Мадзини, доказывалъ, что послѣдній «совершенно отдѣлился отъ революціи и занялъ свое мѣсто въ *интернаціональномъ союзѣ реакціонеровъ*». «Еще вчера, на нашихъ глазахъ,—негодующе спрашивалъ Бакунинъ, — гдѣ оказались матеріалисты и атеисты? Въ коммунѣ. А идеалисты, вѣрующіе въ Бога? Въ версальскомъ собраніи. Чего хотѣли дѣятели коммуны? Полнаго освобожденія человѣчества путемъ освобожденія труда. А версальское собраніе? Полнаго его порабощенія, подчиняя его двойному игу—мірской и духовной власти» (стр. 117).

Наоборотъ, другой знаменитый дѣятель Италіи, пользовавшійся не только въ своемъ отечествѣ, но и во всемъ мірѣ гораздо большей славой, чѣмъ Мадзини, а именно Гарибальди, крайне сочувственно относился къ Интернаціоналу: «Интернаціоналъ это—солнце будущаго»—такъ выражался онъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей. Гарибальдійцы, шедшіе, какъ всегда, съ восторгомъ за своимъ вождемъ, который къ тому времени сталъ враждебно относиться къ политикѣ Мадзини, тоже поддерживали интернаціоналистовъ. И число ихъ въ 1871 г. дошло уже до десяти тысячъ, такъ что правительство, обезпокоенное этимъ ростомъ сторонниковъ доктрины, казавшейся ему чрезвычайно опасной, вступило на путь преслѣдованій членовъ Международнаго общества. Въ августѣ 1871 г., почти одновременно съ тѣмъ, какъ французское правительство внесло въ парламентъ законъ, тяжело наказывавшій всякаго даже за простое участіе въ Интернаціоналѣ, декретъ итальянскаго министра внутреннихъ дѣлъ закрылъ отдѣлъ Интернаціонала въ Неаполѣ. Преслѣдованія эти, однако, не только не ослабили распространенія этого общества, но словно подлили масла въ огонь. Благодаря вступленію въ ряды соціалистовъ талантливаго и энергичнаго Андреа Коста, которому до сихъ поръ суждено играть выдающуюся роль въ соціалистическомъ движеніи, но уже въ рядахъ умѣрен-

ныхъ, Интернаціоналъ сталъ пріобрѣтать сторонниковъ не только на югѣ Италіи, но въ центрѣ и на сѣверѣ, въ Эмиліи и Романьѣ. По инициативѣ Коста, въ концѣ 1871 г. возникло въ Болоньѣ общество подъ названіемъ «Рабочій союзъ» («Fascio operajo»), а за нимъ подъ тѣмъ же названіемъ стали организовываться другія общества того же рода, среди которыхъ быстро пріобрѣлъ значеніе флорентійскій союзъ, издававшій газету, именовавшуюся тоже «Рабочимъ союзомъ». Въ августѣ 1872 г. состоялся первый настоящій конгрессъ итальянскихъ секцій Интернаціонала, отнынѣ слагавшагося въ «итальянскую федерацію», которая при самомъ основаніи своемъ заявила о томъ, что порываетъ связь съ лондонскимъ генеральнымъ совѣтомъ Интернаціонала, находившимся подъ вліяніемъ Маркса, и вскорѣ (15-го сентября 1872 г.) устроила свой «антиавторитарный» конгрессъ въ Сэнтъ-Имье (въ Швейцаріи), гдѣ присутствовали, рядомъ съ итальянской, испанская, юрская (швейцарская), американская и французская федераціи.

Въ 1874 г. итальянскій Интернаціоналъ уже раскинулся по всей странѣ, и различными мѣстными организаціями открыто издавалось въ это время около двадцати органовъ, отличавшихся революціоннымъ языкомъ. Эта легальная печать, несмотря на страстность своего тона, не удовлетворяла, однако, практическихъ потребностей итальянскихъ интернаціоналистовъ, стремившихся подготовить и поднять возстаніе на всемъ Апеннинскомъ полуостровѣ. И такъ называемый «Комитетъ революціи» сталъ издавать подпольнымъ образомъ революціонные бюллетени, призывавшіе населеніе къ инсуррекціи: такъ, во второмъ номерѣ этихъ бюллетеней «Итальянскій комитетъ соціальной революціи» въ своемъ манифестѣ «къ братьямъ - рабочимъ, городскимъ и сельскимъ» прямо говорилъ: «Мы слышали крикъ умирающихъ коммунаровъ и не замедлили пойти по кровавому пути. Пусть неимущіе, ограбленные, угнетенные сходятся къ намъ со всей земли—уже не для того, чтобы спорить о разныхъ отвлеченныхъ формулахъ, а для того, чтобы опредѣлить силы, соединить ихъ и двинуться впередъ» (стр. 153).

Итальянскіе революціонеры не ограничивались, однако, писаніемъ манифестовъ, и въ августѣ 1874 г., по соглашенію съ Бакунинымъ, тайно въѣхавшимъ въ Италію съ цѣлью принять непосредственное участіе и руководить инсуррекціей, вожди итальянскаго Интернаціонала попытались поднять возстаніе, которое, по плану заговорщиковъ, должно было изъ Болоньи распространиться по всей Эмиліи, а затѣмъ перейти въ Мархію и въ Тоскану. Ранній арестъ интернаціоналистовъ и соединившихся съ ними на этотъ разъ для низверженія правительства республиканцевъ-мадзинистовъ, а также рядъ доносовъ дали возможность стоявшему тогда у власти правому министерству Мингетти подавить возстаніе въ самомъ началѣ; и повсюду рядъ инсуррекцій окончился неудачей среди перипетій трагическаго и комическаго характера. Извѣстно,

напримѣръ, что Бакунинъ, который тщетно прождалъ цѣлую ночь возстанія въ Болоньѣ и былъ вынужденъ на слѣдующее утро пробираться на станцію, чтобы снова удалиться въ Швейцарію, чуть было не сдѣлался жертвою своего атлетическаго сложенія, такъ какъ застрялъ въ нанятой имъ каретѣ и тѣмъ вызвалъ цѣлое сборище на улицѣ съ присутствіемъ полиціи, и т. п. Въ Болоньѣ, въ Имолѣ, во Флоренціи отряды мятежниковъ были дезорганизованы арестомъ вожаковъ; въ Римѣ, Калабріи и Сициліи движеніе было и безъ того очень слабо; въ Пуліи анархистъ Энрико Малятеста тщетно бродилъ съ небольшимъ числомъ конспираторовъ по деревнямъ, чтобы поднять обманувшихъ его ожиданія крестьянъ. Въ результатѣ повсюду закрытіе рабочихъ союзовъ, многочисленные аресты и появленіе на скамьѣ подсудимыхъ большого числа революціонеровъ. Вся вторая половина 1875 г. была занята этими процессами, которые, впрочемъ, кончились благопріятно почти для всѣхъ подсудимыхъ. Провокаціонная дѣятельность полиціи, гнусное взяточничество властей, широко развѣтвленная система доносовъ, зачастую совершенно ложныхъ,—все это повліяло на судей, которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ оправдывали обвиняемыхъ. Нѣсколько позже, а именно въ первой половинѣ 1876 г., имѣлъ мѣсто процессъ надъ виновниками инсуррекціи въ Болоньѣ и Имолѣ. Онъ тянулся съ марта до половины іюня; и въ результатѣ были оправданы всѣ семьдесятъ девять подсудимыхъ, между ними уже извѣстный читателю Коста, произнесшій сенсаціонную рѣчь, въ заключеніе которой онъ гордо заявилъ, что онъ и его товарищи не будутъ «подавать аппелляціонную жалобу въ кассаціонную палату нашего королевства», но будутъ «аппеллировать къ суду болѣе суровому и грозному, къ тому суду, граждане,—патетически восклицалъ ораторъ,—который когда-нибудь потребуетъ къ отвѣту и насъ, подсудимыхъ, и васъ, судей: мы будемъ аппеллировать къ суду будущаго, къ суду исторіи» (стр. 182).

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что хотя консервативный кабинетъ Мингетти уступилъ въ мартѣ 1876 г. свое мѣсто лѣвому кабинету Никотэры (нѣкогда,—о иронія судьбы ренегатовъ!—сподвижнику Пизаканэ), преслѣдованія противъ интернаціоналистовъ были при этомъ кабинетѣ еще жесточе, а главное циничнѣе, чѣмъ при Мингетти. Такъ, интернаціоналистическій конгрессъ, который состоялся въ октябрѣ 1876 г. въ Този, вызвалъ уморительныя по своей нелѣпой свирѣпости мѣры полиціи, которая, не успѣвъ захватить во время самыхъ засѣданій спасшихся въ горы конгрессистовъ, арестовала ихъ товарищей и вызвала своими дѣйствіями запросъ одного изъ депутатовъ министерству. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, эти возмутительныя преслѣдованія только сильнѣе возбуждали революціонный пылъ соціалистовъ, которые ждали только новаго случая, чтобы отъ пропаганды и агитаціи перейти къ вооруженному возстанію.

На этотъ разъ оно вспыхнуло на югѣ Италіи, а именно въ провинціи Беневенто и перешло въ исторію подъ именемъ Беневентскаго возстанія, а участники его получили отъ правительства и буржуазіи кличку «Беневентской шайки» (banda di Benevento). Здѣсь революціонеры думали воспользоваться своеобразнымъ боевымъ настроеніемъ мѣстнаго населенія, которое состоитъ изъ безграмотныхъ, жестоко эксплуатируемыхъ помѣщиками крестьянъ, нерѣдко ищущихъ спасенія отъ экономическаго и политическаго гнета въ образованіи разбойничьихъ шаекъ, громящихъ богатыхъ хищниковъ и очень популярныхъ среди изголодавшихся жителей. Въ беневентской попыткѣ итальянская федерація оффиціально не принимала участія, но была намѣрена поддержать возстаніе, если бы оно приняло широкіе размѣры. Пылкій революціонеръ Карло Кафьеро, который приносилъ всевозможныя моральныя и матеріальныя жертвы движенію—онъ былъ очень богатымъ человѣкомъ, — былъ душою инсуррекціи. Всполохнутый преждевременно перестрѣлкой съ жандармами, отрядъ инсургентовъ въ двадцать семь человѣкъ бросается 5-го іюня 1877 г., не дожидаясь прибытія товарищей, изъ маленькаго городка Санъ-Лупо въ горы, захватываетъ ратушу Летино, идетъ и овладѣваетъ Галло, при чемъ священники обѣихъ этихъ общинъ становятся на сторону возставшихъ, доказывая евангеліемъ, что это «истинные апостолы». Оффиціальные документы сжигаются, ружья національной гвардіи раздаются жителямъ; деньги, найденныя въ податномъ бюро, бросаются народу. Инсургенты разносятъ мукомольные счетчики (аппараты для опредѣленія количества муки, такъ какъ въ Италіи существуетъ налогъ на этотъ продуктъ) и объявляютъ населенію, что отнынѣ оно будетъ молоть свободно, безъ всякихъ податей. Повсюду сельское населеніе встрѣчало ихъ съ большимъ сочувствіемъ. Кругомъ уже начиналось броженіе. Въ одномъ мѣстѣ крестьяне требуютъ отъ властей пособія и получаютъ его при крикахъ «хлѣба и денегъ». Въ другомъ слышатся торжествующія восклицанія: «прошли времена господъ, наступаетъ время бѣдняковъ». Одинъ изъ участниковъ возстанія разсказываетъ даже, что, когда инсургенты предложили присоединившимся къ нимъ крестьянамъ «соціализировать собственность», то послѣдніе отвѣтили, что съ удовольствіемъ сдѣлали бы это, если бы только революція поддержала ихъ. Но дни возстанія уже были сочтены. Малочисленность отряда и ужасная погода, которая застала его въ горахъ, куда онъ удалился, спасаясь отъ преслѣдованій войскъ, сломили энергію возставшихъ. Захваченные съ подмокшимъ оружіемъ въ крестьянской избѣ, они не могли оказать значительнаго сопротивленія солдатамъ и были взяты въ плѣнъ.

Правительство и буржуазія были перепуганы до невѣроятія. Осадное положеніе было объявлено не только на мѣстѣ возстанія, но повсюду, гдѣ существовали соціалистическія организаціи. Кромѣ

ряда мелкихъ процессовъ, возбужденныхъ противъ членовъ Интернаціонала въ разныхъ городахъ по самымъ ничтожнымъ предлогамъ, неаполитанская прокуратура создала большой процессъ, отдавъ тридцать шесть человѣкъ, обвинявшихся въ принадлежности къ «шайкѣ», на судъ присяжныхъ засѣдателей. Пока интернаціоналисты ожидали суда въ тюрьмѣ, умеръ (9-го января 1878 г.) Викторъ Эммануилъ, а наслѣдовавшій ему Гумбертъ I, хотя и далъ амнистію политическимъ преступникамъ, но исключилъ изъ нея виновныхъ въ «общихъ преступленіяхъ», такъ что беневентцы предстали предъ судомъ, который, впрочемъ, оправдалъ ихъ. Теперь правительство рѣшило прибѣгнуть къ обычнымъ мѣрамъ, которыя пускаются въ ходъ любителями «сильной власти». Провокаторы бросили бомбу 9-го февраля 1878 г. во Флоренціи, послѣ заупокойной службы по королѣ. И, не смотря на протестъ соціалистовъ, полиція и буржуазная печать обвинили въ этомъ членовъ Интернаціонала. Въ іюлѣ, во Флоренціи же, убійство солдата двумя личными врагами дало реакціи новый поводъ утверждать, что во всѣхъ такихъ преступленіяхъ должны участвовать интернаціоналисты. Лѣтомъ и осенью 1878 г. были произведены многочисленные аресты соціалистовъ въ Генуѣ, Моденѣ, Пизѣ, Ливорно, Неаполѣ и Флоренціи. А послѣ покушенія Пассанантэ на жизнь короля въ Неаполѣ (17-го ноября 1878 г.) и взрыва бомбы во время патріотической манифестаціи во Флоренціи (18-го ноября),—бомбы, брошенной, несомнѣнно, агентами-провокаторами,—преслѣдованія противъ «интернаціоналистовъ, убійцъ народа» приняли характеръ настоящей вакханаліи; и жесточайшія несправедливости были допущены по отношенію къ тѣмъ, кого правительственные и буржузные клеветники называли варварами и врагами общества. Достаточно сказать, что нѣкто Чезарэ Батакки былъ, не смотря на самое очевидное alibi, осужденъ за метанье флорентійской бомбы на (вѣчную?) каторгу и помилованъ лишь въ 1900 г., въ результатѣ очень энергичной агитаціи, которая велась въ его пользу соціалистами и вообще демократами Италіи.

Какъ бы то ни было, среди всѣхъ этихъ преслѣдованій соціалистическое движеніе не переставало развиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала обнаруживаться въ немъ все бо́льшая и бо́льшая разслойка различныхъ теченій. Съ конца 70-хъ годовъ анархическое направленіе клонится къ упадку въ итальянскомъ Интернаціоналѣ, въ которомъ начинаетъ проявляться, наоборотъ, увеличивающаяся склонность къ марксизму, вдхоновляющемуся въ теоріи и на практикѣ примѣромъ германской соціалъ-демократіи. А рядомъ съ этимъ организуется и растетъ самостоятельная рабочая партія, противопоставляющая себя всѣмъ другимъ партіямъ и заявляющая о своемъ твердомъ намѣреніи заключать въ своихъ рядахъ «только за-

интересованныхъ лицъ, т. е. рабочихъ». Различныя обстоятельства способствуютъ образованію этой партіи. Уже въ первое десятилѣтіе существованія объединенной Италіи, т. е. какъ разъ въ 70-е годы, начинаютъ сравнительно быстро развиваться шелковичное производство (послѣ кризиса второй половины 60-хъ годовъ), сахароварение, металлургія, производство писчей бумаги, растительныхъ маслъ и т. п. И соотвѣтственно съ этимъ увеличивается число рабочихъ, занятыхъ въ этихъ отрасляхъ промышленности. Съ другой стороны, политическая реформа 1882 г., которая расширила избирательное право, давъ его нѣкоторымъ категоріямъ рабочихъ, породила среди нихъ желаніе пріобрѣсти соотвѣтствующій удѣльный вѣсъ въ политикѣ путемъ организаціи своей особой партіи. Распространялась вмѣстѣ съ тѣмъ и марксистская доктрина относительно того, что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самого же этого класса. При этомъ, какъ мы видали тому примѣры и въ Россіи, это положеніе на первыхъ порахъ понималось въ томъ далекомъ отъ мысли самого Маркса смыслѣ, что только физическій работникъ, только трудящійся руками можетъ быть дѣйствительно соціалистомъ и полезнымъ участникомъ освободительнаго рабочаго движенія.

Такъ называемый миланскій рабочій клубъ, состоявшій изъ громаднаго числа членовъ, дѣлаетъ попытку положить начало партіи, отражающей только что упомянутые взгляды, и выпускаетъ 17-го мая 1882 г. манифестъ къ «городскимъ и сельскимъ рабочимъ», которые приглашаются этимъ документомъ организоваться въ «рабочую партію, независимую отъ всѣхъ другихъ партій». Рабочіе предостерегаются противъ членовъ этихъ другихъ партійныхъ организацій, какъ противъ «честолюбцевъ, пользовавшихся народомъ для своихъ личныхъ цѣлей». А «цѣлью» новообразующейся партіи ставится «матеріальное и нравственное улучшеніе положенія рабочихъ массъ». Прежде, чѣмъ охарактеризовать «рабочую партію», мы поставимъ передъ глазами читателей еще нѣсколько положеній и требованій ея программы, которую она выпустила двумя мѣсяцами позже подъ названіемъ «Программы Миланскаго отдѣла Итальянской рабочей партіи». Прежде всего новая партія заявляетъ себя сторонницей «реформъ экономическаго характера», которыхъ она предполагаетъ добиваться въ первую голову на томъ основаніи, что «не можетъ быть политической свободы безъ соотвѣтствующей свободы экономической». Рядомъ съ этимъ она указываетъ, какъ на свое отличіе отъ другихъ партій, на то обстоятельство, что всѣ другія партіи существуютъ только для и на время выборной кампаніи, тогда какъ рабочая партія должна ежедневно «идти на штурмъ» для защиты своихъ безпрестанно эксплуатируемыхъ членовъ. Наконецъ, итальянская рабочая партія устанавливаетъ принципы своего отношенія къ государству съ одной стороны, къ капиталу съ другой. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь,

что, заявляя о своемъ желаніи «освобожденія труда отъ капитала», она требуетъ, однако, довольно неожиданно, чтобы государство не вмѣшивалось во взаимныя отношенія этихъ обѣихъ соціальныхъ силъ и предоставило самимъ рабочимъ условливаться съ капиталистами относительно длины рабочаго дня, величины заработной платы, размѣровъ пенсій и т. д. За то, признавая «трудящійся народъ» за «единственный источникъ національнаго богатства» и говоря, что ему должно «принадлежать верховенство власти», она отправляется отъ уже упомянутой избирательной реформы, чтобы требовать «всеобщаго избирательнаго права». Въ немъ она видитъ «наилучшее средство» для осуществленія полной свободы печати, союзовъ, собраній, юридическаго признанія всевозможныхъ рабочихъ обществъ «безъ всякаго правительственнаго вмѣшательства», свободы преподаванія, замѣны постоянной арміи «вооруженной націей», полной коммунальной автономіи, замѣны всѣхъ налоговъ единымъ прогрессивнымъ налогомъ, установленія чисто свѣтскаго государства и соотвѣтственно съ этимъ отмѣны расходовъ на вѣроисповѣданіе, отмѣны исключительной охраны и полицейскаго надзора, замѣны бюрократіи отвѣтственными передъ народомъ чиновниками, особенно же по судебному вѣдомству, и, наконецъ, въ международной политикѣ, «всеобщаго братства и независимости всѣхъ народовъ». Что касается до ея отношенія къ капиталу, то рабочая партія, «видя съ негодованіемъ и тревогой повсемѣстное господство капитала надъ трудомъ», обѣщаетъ всякую помощь рабочимъ, борющимся за улучшеніе своего положенія противъ хозяевъ, рекомендуетъ имъ образованіе профессіональныхъ союзовъ, соединяющихся для лучшаго сопротивленія въ одинъ рабочій союзъ, который требовалъ бы, между прочимъ, устройства коопераций, организаціи комитетовъ для безработныхъ, «участія въ прибыляхъ» (sic!) и т. д.

Если читатель присмотрится къ этой программѣ, которую Анджіолини приводитъ цѣликомъ безъ всякихъ комментаріевъ, то онъ легко разглядитъ въ ней черты, характеризующія дѣтство всякаго рабочаго движенія, обѣщающаго, однако, современемъ выростить въ могучую силу. Пусть, дѣйствительно, онъ припомнитъ хотя бы исторію образованія рабочей партіи во Франціи, въ періодъ послѣ коммуны, но до принятія ею соціалистической программы, когда среди французскихъ трудящихся массъ царилъ такъ называемый барбераттизмъ. Подобно итальянцамъ, но нѣсколькими годами раньше ихъ, французскіе рабочіе высказываются противъ революціи и за реформы. Приготовляясь къ своему первому «рабочему конгрессу» (2—8 октября 1876 г.), они становятся, какъ и итальянцы, на утрированную классовую точку зрѣнія: они не хотятъ никого допускать на конгрессъ, кромѣ рабочихъ, боясь, какъ бы «политиканы не воспользовались конгрессомъ, какъ подмостками для избирательныхъ и политическихъ операцій», и полагая, что,

благодаря этому исключенію буржуазіи, «пролетаріатъ будетъ тамъ, конечно, у себя дома, среди своей семьи». Они отвергаютъ, подобно итальянцамъ, вмѣшательство государства: «освободившись отъ государственной опеки, рабочіе считаютъ нужнымъ вести сами свои дѣла и требуютъ только одного, свободы собраній и ассоціацій, какъ единственнаго средства уравновѣсить въ сферѣ производства и потребленія отношенія между трудомъ и капиталомъ» *). Такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ первые шаги итальянской рабочей партіи очень напоминаютъ первое же выступленіе французской рабочей партіи. Съ другой стороны, здоровый инстинктъ подсказываетъ трудящимся массамъ Апеннинскаго полуострова, рядомъ съ наивной или нецѣлесообразной тактикой, требованія, которыя имѣютъ дѣйствительное значеніе для рабочихъ. Такъ, если итальянская рабочая партія не понимаетъ важности вмѣшательства даже современнаго классового государства въ дебатированіе условій найма между трудомъ и капиталомъ, за то она требуетъ такихъ мѣръ, въ родѣ свободы стачекъ и ассоціацій, прогрессивнаго подоходнаго налога, замѣны арміи милиціей и т. п., проведеніе которыхъ должно оказать существенное вліяніе на улучшеніе быта трудящихся массъ. Во главу же своихъ требованій она ставитъ завоеваніе всеобщаго избирательнаго права, что показываетъ надлежащее пониманіе ею важности этой политической реформы. Точно такъ же, если она предлагаетъ рабочимъ требовать, между прочимъ, участія въ прибыляхъ, т. е. какъ разъ той мнимой реформы, которую наиболѣе ловкіе и дальновидные капиталисты сами охотно предлагаютъ эксплуатируемымъ рабочимъ съ цѣлью увѣковѣчить свое господство надъ ними, то энергичный совѣтъ, который она даетъ трудящимся,—сорганизоваться въ одинъ могучій союзъ, какъ нельзя лучше отвѣчаетъ задачѣ классовой борьбы труда съ капиталомъ. Словомъ, если разсматривать програму молодой рабочей партіи Италіи въ ея цѣломъ, то придется сказать, что со всѣми своими недостатками она представляетъ всетаки важный этапъ въ развитіи рабочаго движенія и подготовляетъ почву для современнаго соціализма, опирающагося прежде всего и больше всего на дѣятельность трудящихся массъ.

Послѣдующая исторія движенія въ Италіи, не смотря на свой смутный, или, лучше сказать, сложный характеръ, въ теченіе десяти лѣтъ, приблизительно до генуэзскаго конгресса 1892 г., представляетъ собою безпрерывное вростаніе соціалистическихъ принциповъ въ теорію рабочей партіи и присоединеніе сознательныхъ

*) Ср. Н. Е. Кудринъ. Очерки современной Франціи; С.-Петербургъ, 1904, 2-е изд., стр. 227; и Georges Weill, Histoire du mouvement social en France. Парижъ, 1904, стр. 198.

соціалистовъ къ все болѣе и болѣе густѣющимъ рядамъ трудовой арміи, движущейся на завоеваніе новаго, лучшаго порядка вещей. Дѣло въ томъ, что на ряду съ образовавшейся рабочей партіей въ Италіи продолжали существовать различныя соціалистическія организаціи, отвѣчавшія различнымъ оттѣнкамъ міровоззрѣнія и темперамента, которые сохранились повсюду на Апеннинскомъ полуостровѣ со временъ Интернаціонала и находили каждый своихъ сторонниковъ и выразителей. Часть прежнихъ крайнихъ интернаціоналистовъ, стоявшихъ за бакунинскій анархизмъ во всей его чистотѣ, теперь становилась на почву парламентарнаго соціализма. Такую эволюцію продѣлалъ, напр., на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ уже извѣстный читателю Андреа Коста. Къ дѣятелямъ этой категоріи присоединялись все возроставшіе въ числѣ и значеніи ученики Маркса, иные изъ которыхъ считали, впрочемъ, нужнымъ идти среднимъ путемъ между крайними приверженцами мирнаго развитія и революціонерами. Послѣдніе, въ свою очередь, вербовались, главнымъ образомъ, изъ бакунистовъ, но, надѣясь пріобрѣсти извѣстное вліяніе среди рабочихъ, порою участвовали въ выборной агитаціи и, во всякомъ случаѣ, лишь въ меньшинствѣ отказывались отъ какой бы то ни было парламентской дѣятельности. Присоедините къ сложности этихъ переплетающихся идейныхъ направленій еще чисто территоріальную сложность различныхъ мѣстныхъ организацій, въ которыхъ сказывалась недавняя областная самостоятельность только что объединившейся Италіи и которыя дѣйствовали въ Романьѣ и Эмиліи, въ Верхней Италіи съ ломбардской федераціей и миланскимъ союзомъ «Дѣтей труда» (Figli del lavoro), въ Тосканѣ съ «Областнымъ тосканскимъ союзомъ международнаго товарищества рабочихъ», и т. д., и вы поймете, какую пеструю картину представляло въ 80-хъ годахъ рабочее движеніе Италіи.

Съ половины 80-хъ годовъ рабочая партія и соціалисты шли, видимо, навстрѣчу другъ другу, и, не смотря на усилія доктринеровъ того и другого лагеря сохранить чистоту первоначальной программы, оба теченія обнаруживали фатальное тяготѣніе къ сліянію. Чувствовалось, что ни соціализмъ, еще слабо распространенный въ трудящихся массахъ, ни рабочая партія, устранявшаяся все болѣе и болѣе отъ политической борьбы вслѣдствіе своихъ узко понятыхъ классовыхъ принциповъ, не могутъ въ отдѣльности стать могучей общественной силой и повести рабочій классъ къ частичнымъ завоеваніямъ и окончательной побѣдѣ. Отсюда, у наиболѣе проницательныхъ дѣятелей и тамъ, и здѣсь наростало все болѣе и болѣе желаніе объединить два отряда арміи, которая въ сущности преслѣдовала однѣ и тѣ же цѣли, ибо стремилась къ торжеству труда надъ капиталомъ. Это объединеніе было подготовлено на миланскомъ конгрессѣ, состоявшемся, главнымъ образомъ, по инниціативѣ миланской соціалистической лиги 2—3 августа

1891 г. и вотировавшемъ резолюцію объ образованіи «Партіи итальянскихъ работниковъ», которая «имѣетъ цѣлью освобожденіе трудящихся отъ политической и экономической монополіи капиталистическаго класса», «принимаетъ участіе въ политической жизни, руководясь классовыми критеріями, независимо отъ всѣхъ другихъ партій, политическихъ и религіозныхъ, и ведетъ борьбу противъ капиталистической монополіи посредствомъ солидарности, профессіональной организаціи, пропаганды и кооперацін съ освободительною цѣлью». При этомъ было поставлено совершенно опредѣленное условіе, что въ партію «могутъ входить всѣ ассоціаціи трудящихся, городскихъ и сельскихъ, обоихъ половъ, всѣхъ видовъ заработка и вознагражденія, лишь бы они сами не находились въ положеніи эксплуататоровъ или руководителей чужого труда».

Что касается до окончательнаго объединенія соціалистовъ и рабочей партіи, то оно имѣло мѣсто на Генуэзскомъ конгрессѣ 14—15 августа 1892 г., подробный отчетъ о которомъ помѣщенъ Анджіолини на начальныхъ страницахъ второй части его «Исторіи соціализма». Этотъ конгрессъ далъ поводъ къ оживленному, а временами и чрезвычайно страстному обмѣну мыслей между ортодоксальными приверженцами рабочей партіи, стоявшими на узко классовой точкѣ зрѣнія чисто физическихъ работниковъ, соціалистами, которые старались слить корпоративное и политическое движеніе, и анархистами, которые провозглашали необходимость исключительно революціонной тактики и отвергали всѣ другіе пріемы борьбы съ современнымъ строемъ. «На Генуэзскомъ конгрессѣ умерла анархическая партія и родилась итальянская соціалистическая партія. На Генуэзскомъ конгрессѣ соціалисты отдѣлились отъ анархистовъ и совсѣмъ уничтожили Рабочую партію, существованіе которой сдѣлалось излишнимъ»,—такъ характеризуетъ значеніе этого конгресса Анджіолини *). Окончательно сформировавшаяся партія обнаружила на первыхъ же порахъ значительную притягательную силу. Съ 1892 по 1893 г. число дѣйствительныхъ членовъ ея возрасло до 120.000 человѣкъ. Политическіе выборы, имѣвшіе мѣсто въ ноябрѣ 1892 г., и частичные общественно-административные выборы 1892—1893 г. окончились въ общемъ благопріятно для соціалистовъ, которымъ удалось провести нѣсколькихъ выдающихся представителей, хотя и потерявъ въ парламентѣ мѣсто Андреа Коста, бывшаго въ 80-хъ годахъ единственнымъ настоящимъ соціалистическимъ депутатомъ въ итальянской нижней палатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ центральнаго и оффиціальнаго органа партіи, такъ называемой «Борьбы классовъ» (Lotta di classe), партія имѣла въ своемъ распоряженіи около двухъ десятковъ по большей части еженедѣльныхъ газетъ. Наконецъ, и профессіональное движеніе шло своимъ чередомъ, получивъ новый

*) Ibid., часть II, стр. 19.

толчокъ отъ основанія биржъ труда, заимствованныхъ у Франціи и объединявшихъ различные рабочіе синдикаты одной мѣстности. Эти биржи составили на пармскомъ конгрессѣ въ іюлѣ 1893 г. федерацію съ общей программой. Общее число ихъ простиралось въ то время до 14. Что касается до отдѣльныхъ биржъ труда, то наиболѣе важными изъ нихъ по числу членовъ были: болонская съ 16.000 членовъ, миланская съ 10.000, римская и флорентійская каждая съ 3.000. Соціализмъ становился въ то время моднымъ теченіемъ, и на ряду съ серьезными умами, присоединявшимися къ міровоззрѣнію труда послѣ упорной работы мысли и основательной переоцѣнки буржуазныхъ цѣнностей, соціалистомъ охотно называлъ себя всякій бившій на оригинальность литераторъ, художникъ, эстетъ и просто пресыщенный своей банальной жизнью свѣтскій дэнди. Замѣтимъ, что эта мода на соціализмъ возникла и распространилась почти одновременно съ Франціей, гдѣ она, впрочемъ, принимала форму преимущественнаго тяготѣнія къ анархизму и быстро пошла на убыль, подъ вліяніемъ анархическихъ покушеній, вызвавшихъ уже съ 1893 г. сильную общественную реакцію. Изъ солидныхъ пріобрѣтеній итальянская соціалистическая партія могла указать въ эту эпоху на криминалиста Энрико Ферри, который перешелъ къ соціализму отъ радикализма и сталъ самымъ выдающимся представителемъ новаго ученія, соціолога Альфонса Астураро, юриста Людовика Мортару и т. д. Вообще періодъ 1892—1897 гг. былъ одною изъ лучшихъ эпохъ въ развитіи итальянскаго соціализма, въ чемъ онъ опять-таки сходился съ французскимъ соціализмомъ, хотя съ тою существенною разницею, что въ Италіи большую часть этого времени правительство, главнымъ образомъ въ лицѣ министерства Джіолитти, очень снисходительно относилось къ распространенію новыхъ идей, тогда какъ во Франціи соціалистамъ приходилось укрѣплять свои позиціи въ почти постоянной борьбѣ съ враждебными кабинетами Рибо и Мелина. Исключеніе составляетъ для Италіи двухлѣтнее (съ конца 1893 г. по мартъ 1896 г.) пребываніе у власти пресловутаго Франческо Криспи, который, воспользовавшись сицилійскими безпорядками, открылъ эру жестокихъ преслѣдованій противъ соціалистовъ, сдѣлавшихся, впрочемъ, жертвами не одной правительственной, но и буржуазной реакціи.

Изо всей Италіи нигдѣ, можетъ быть, не обнаруживается съ большею силою законъ соціальныхъ противорѣчій, какъ въ Сициліи. Обладающая прекраснымъ климатомъ и плодородной почвой, Сицилія осталась до сихъ поръ тѣмъ, чѣмъ была во времена греческихъ колоній и римскаго владычества: пшеничной житницей Италіи. И однако нигдѣ природное богатство не сопровождается такою соціальной нищетой. Сицилійская почва находится въ рукахъ

богатѣйшихъ синьоровъ, владѣльцевъ латифундій, которые сами не живутъ почти никогда въ своихъ помѣстьяхъ, но, нуждаясь въ деньгахъ для своей роскошной жизни и удовлетворенія своихъ капризовъ, сдаютъ свои земли крупнымъ арендаторамъ, которые въ свою очередь сдаютъ ихъ болѣе мелкимъ посредникамъ, а уже эти передаютъ свои участки непосредственнымъ производителямъ, крестьянамъ на столь тяжелыхъ условіяхъ, что на долю достается непосильный трудъ и самое нищенское вознагражденіе. Достаточно сказать, что, будучи по имени *половникомъ*, сицилійскій крестьянинъ на самомъ дѣлѣ отдаетъ хозяину три четверти сбора, да и изъ послѣдней четверти съ него дѣлаются вычеты въ пользу посредника за обсѣмененіе и удобреніе поля и за право устроить себѣ временное помѣщеніе, тогда какъ на обязанности земледѣльца лежитъ вспахать, засѣять, выполоть поле, собрать урожай, свозить его на гумно и вымолотить. Мало этого. Нуждаясь въ хлѣбѣ, котораго никогда ему не хватаетъ, крестьянинъ въ теченіе зимы беретъ деньги на продовольствіе у мѣстныхъ кулаковъ, которые заставляютъ его расплачиваться новымъ зерномъ по страшно низкой цѣнѣ. Такова жизнь крестьянина, а поденщикъ получаетъ за десятичасовой въ среднемъ трудъ 20—30 сольдовъ, т. е. 8—12 копѣекъ! При этомъ, если онъ забираетъ у хозяина хлѣбъ для прокормленія, то тотъ отпускаетъ ему пшеницу по неимовѣрно высокой цѣнѣ и за каждые шесть мѣсяцевъ просрочки платежа насчитываетъ 25%, т. е. деретъ съ голодающаго бѣдняка 50% годовыхъ!

Картина, какъ видите, за исключеніемъ нѣкотораго мѣстнаго колорита, живо напоминающая русскіе порядки. И такое сходство еще болѣе увеличивается, если вспомнить, что къ этой эксплуатаціи на почвѣ экономики присоединяется эксплуатація на почвѣ политики. Не довольствуясь обираньемъ крестьянъ въ качествѣ арендатора, ростовщика и т. п., сицилійскій хищникъ пробирается въ мѣстную администрацію, пристраивается къ сбору податей, завѣдыванію коммунальной кассой, всячески злоупотребляетъ этимъ оффиціальнымъ положеніемъ, беретъ всевозможные подряды, отыскиваетъ должности своимъ родственникамъ, такъ что въ концѣ концовъ вся Сицилія опутана цѣлою сѣтью этого семейнаго хищничества,—положеніе дѣлъ, опять-таки сильно приближающееся къ тому, что у насъ Н. К. Михайловскій еще четверть вѣка тому назадъ называлъ «всемогущимъ братскимъ союзомъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ».

Наконецъ, особенностью Сициліи является до нельзя тяжелое положеніе рабочихъ на здѣшнихъ сѣрныхъ копяхъ, продуктъ которыхъ является главнѣйшимъ минеральнымъ богатствомъ бѣдной вообще въ этомъ отношеніи Италіи. Въ ту эпоху, которую описываетъ Анджіолини, на трехстахъ копяхъ, расположенныхъ въ провинціяхъ Джирджентской, Кальтанисэттской, Катанской и Палерм-

ской, работало не менѣе 27.000 человѣкъ *), жестоко эксплуатируемыхъ хозяевами. Достаточно сказать, что за безконечно длинный рабочій день, проводимый «никконьерами» (такъ называются сицилійскіе шахтеры) за невѣроятно тяжелымъ трудомъ въ удушливо жаркой атмосферѣ галлерей, они получаютъ не болѣе двухъ съ половиною лиръ (1 рубля). И особенно гнетущей подробностью этого промысла является то обстоятельство, что и столь скудный заработокъ они добываютъ, лишь заколачивая и изнуряя трудомъ до смерти своихъ «карузо» или помощниковъ—мальчиковъ, начинающихъ работать зачастую съ 8 лѣтъ и нанимаемыхъ ими у родителей этихъ несчастныхъ дѣтей за 100—150 лиръ (40—60 рублей) въ годъ, уплачиваемыхъ при томъ пшеницей.

При такихъ-то экономическихъ и административныхъ условіяхъ Сициліи на островѣ началось съ октября 1893 г. глухое броженіе, которое на рубежѣ 1894 г., въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, перешло въ широкое вооруженное возстаніе противъ землевладѣльцевъ, чиновниковъ и фиска. Въ бунтѣ этомъ приняли участіе не столько члены рабочихъ «фаши» (союзовъ), распространившихся на островѣ послѣ 1880 г. и группировавшихъ населеніе городовъ и деревень на почвѣ соціалистической программы, сколько широкіе слои самихъ трудящихся массъ, которыя плохо разбирались въ теоріяхъ, но которымъ революціонный темпераментъ подсказывалъ взяться, для улучшенія своего положенія, за оружіе. Наоборотъ, сознательные соціалисты старались внести извѣстную планомѣрность въ быстро ростущее движеніе и не дать ему выродиться въ свирѣпый бунтъ со всѣми неизбѣжными послѣдствіями слѣпого стихійнаго движенія. Но именно преслѣдованіе членовъ рабочихъ союзовъ правительствомъ настроило умы сицильянцевъ по очень высокому камертону, и первыя же провокаторскія попытки администраціи сыграли роль искры, воспламенившей порохъ. Безпорядки начались съ Партинико и Джардинэлло (недалеко отъ Палермо) и быстро перешли въ Вилла-Фрати, Чимэнну, Балестратэ, приняли болѣе серьезный характеръ въ Монрэале и, наконецъ, превратились въ поджогъ и разгромъ правительственныхъ зданій и кровавыя столкновенія съ войсками въ Лѳркарѣ и Вальгварнерѣ (мѣстечко съ 12-тысячнымъ населеніемъ, находящееся въ Кальтанисэттской провинціи). Незачѣмъ перечислять всѣ тѣ мѣста, которыя охватывало движеніе съ все увеличивающейся скоростью. Достаточно сказать, что въ первыхъ числахъ января 1894 г. возстаніе

---

*) См. данныя того времени въ американскомъ изданіи „Британской энциклопедіи", въ статьѣ „Сицилія" („Sicily"; „Americanited Encyclopaedia Britannica"; т. IX, стр. 5411, Чикаго, 1893).—Съ тѣхъ поръ это производство еще развилось: въ 1905 г. 32.830 рабочихъ извлекали изъ 743 копей болѣе 3.760.000 метрическихъ тоннъ (въ 1,000 килогр. каждая) сѣрной руды, стоимостью въ 42.828,381 лиръ (около 16 милліоновъ рублей). См. Scott Keltie, l. c., стр. 1150.

пылало почти на всемъ пространствѣ Палермской и Кальтанисэттской провинцій. Чтобы видѣть, въ какой степени тѣ формы, которыя движеніе приняло въ Сициліи, не были выполненіемъ мятежническаго плана, заранѣе обдуманнаго въ деталяхъ вожаками соціалистической партіи,—какъ то старались доказать правительство и буржуазная пресса,—слѣдуетъ лишь припомнить, что бунтовщики, громя правительственныя зданія, уничтожая оффиціальные документы и сжигая таможенныя бюро (внутреннія заставы, введенныя въ Италіи въ виду существованія городскихъ пошлинъ на предметы потребленія. Э. В.), зачастую избирали своимъ инсуррекціоннымъ лозунгомъ: «долой налоги! да здравствуетъ король!» Возстаніе держалось, главнымъ образомъ, на участіи въ немъ мало сознательныхъ массъ, которыя, борясь противъ непосредственныхъ проявленій эксплуатаціи и правительственнаго гнета, плохо понимали основныя причины своего тяжелаго положенія и, конечно, не охватывали своею наивною мыслью всей совокупности гнетущаго ихъ соціально-политическаго порядка вещей. Чувства лояльныхъ подданныхъ шли у нихъ рука объ руку съ революціоннымъ возмущеніемъ противъ того строя, центральною осью котораго была буржуазная и милитаристская власть Савойской династіи, принесшей объединенной Италіи непомѣрные налоги, колоніальную политику и черезчуръ большую для платежныхъ и трудовыхъ силъ націи постоянную армію.

Между тѣмъ, правительство не дремало и поспѣшило объявить Сицилію на осадномъ положеніи, избивая немилосердно бунтовщиковъ, распуская соціалистическія организаціи и арестуя тѣхъ самыхъ соціалистовъ, которые хотѣли внести опредѣленный смыслъ въ народное движеніе и звали трудящихся къ организаціи и коллективному выступленію, но безъ тѣхъ «конвульсій», что давали предлогъ правительству разстрѣливать и рубить сицильянцевъ. Центральный комитетъ рабочихъ союзовъ, въ составъ котораго входили очень популярные на островѣ Де-Феличе, Гарибальди Боско, Никола Барбато и др., въ своей прокламаціи отъ 3-го января 1894 г. къ «работникамъ Сициліи», поставилъ правительству и буржуазіи дилемму или продолжать жестокія репрессіи, или осуществить необходимыя реформы. Въ числѣ ихъ упомянутые соціалисты требовали: отмѣны налога на муку, регулированія арендныхъ договоровъ, суда надъ администраціей, учрежденія рабочихъ синдикатовъ для добыванія сѣры и цѣлаго ряда мѣръ для «установленія земельнаго и промышленнаго коллективнаго владѣнія» при помощи принудительной экспропріаціи латифундій, опредѣленія минимума заработной платы и максимума рабочаго времени и внесенія въ государственный бюджетъ двадцати милліоновъ лиръ (8 милліоновъ рублей) по покрытію расходовъ на пріобрѣтеніе «орудій для коллективнаго производства какъ земледѣльческаго, такъ и промышленнаго», и т. д.

Правительство вступило на путь рѣшительныхъ репрессій, которыя особенно усилились, когда, нѣсколько дней спустя послѣ подавленія сицилійскаго бунта, вспыхнули безпорядки въ такъ называемой Луинджанѣ, — мѣстности, принадлежащей къ тосканской провинціи Массѣ-и-Каррарѣ, гдѣ движеніе было особенно энергично среди рабочихъ каменоломенъ знаменитаго каррарскаго мрамора. Наступила эра военныхъ судовъ, которые, поощряемые ультраавторитарнымъ президентомъ совѣта министровъ, пресловутымъ Криспи, присуждали соціалистовъ къ годамъ и десяткамъ лѣтъ каторги. Такъ, за луинджанское возстаніе адвокатъ Молинари поплатился осужденіемъ на 23 года тюремнаго заключенія, хотя его единственной виной былъ—трудно повѣрить, если не знаешь природы военной юстиціи,—рефератъ, прочитанный имъ еще до введенія осаднаго положенія въ Каррарѣ!.. Съ другой стороны, въ маѣ 1894 г. сицилійскіе соціалисты, въ лицѣ уже знакомыхъ читателю Де-Феличе и его товарищей, были приговорены къ продолжительному тюремному заключенію, доходившему для главнаго виновника до 22 лѣтъ. А вскорѣ правительство внесло законопроектъ объ «исключительныхъ мѣрахъ общественной безопасности», грозившій высылкою подъ надзоръ полиціи лицамъ, обвиняемымъ въ преступленіяхъ противъ общественнаго порядка, даже въ томъ случаѣ, если бы судебное преслѣдованіе противъ нихъ было прекращено по недостатку уликъ. И этотъ законъ, который въ точности напоминалъ мѣропріятія нашихъ «конституціонныхъ» гг. Дурново и Столыпиныхъ, былъ сейчасъ же послѣ вотированія его парламентомъ примѣненъ не къ «анархистамъ» и не къ «тѣмъ», которые желаютъ прокладывать себѣ путь,—какъ патетически восклицалъ Криспи при защитѣ законопроекта, — кинжаломъ и бомбами», но ко всѣмъ соціалистамъ. Во время парламентскихъ вакацій отдѣлы соціалистической партіи были закрыты по всей Италіи, согласно циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, сообщенному по телеграфу префектамъ провинцій.

Однако, ни военные суды, ни «исключительныя мѣры» не могли остановить соціалистическаго движенія. Послѣ года жесточайшей реакціи, на лѣтнихъ выборахъ 1895 г. (26-го мая--4-го іюня) соціалисты получили на первомъ голосованіи почти 80,000 голосовъ,—точнѣе: 79,934,—и въ парламентъ прошло цѣлыхъ двѣнадцать кандидатовъ соціалистической партіи, если считать въ томъ числѣ Де-Феличе, который не былъ формальнымъ соціалистомъ, но сочувствовалъ соціализму, и кандидатура котораго, подобно другимъ осужденнымъ на заключеніе, была поставлена съ спеціальною цѣлью протеста противъ правительства. Неизвѣстно, впрочемъ, каковъ былъ бы исходъ этой парламентарной борьбы соціалистовъ съ правительствомъ, которое продолжало томить въ тюрьмѣ

избранниковъ народа, если бы само министерство Криспи не было сметено событіями внѣшней политики. Въ ноябрѣ 1895 г. итальянскія войска, посланныя для вящшаго торжества колоніальной политики въ Африкѣ, были здѣсь поголовно разбиты абиссинцами при Амбѣ-Алагѣ, а 1-го марта 1896 г. ихъ постигло еще болѣе сильное пораженіе при Абба-Керимѣ. Эта послѣдняя катастрофа оказалась столь же фатальной для итальянскаго «эритрейца» Криспи (итальянцы называютъ свои африканскія владѣнія классическимъ именемъ Эритреи, или «колоніи Чермнаго моря»), какъ Лангсонская катастрофа 1885 г. для французскаго «тонкинца» Ферри. Ренегатъ гарибальдійства принужденъ былъ выйти въ отставку и у власти сталъ, въ качествѣ перваго министра, маркизъ ди-Рудини, который хотя и былъ консерваторомъ, но держался менѣе заносчивой и авторитарной политики, чѣмъ страдавшій маніей величія, или «мегаломанъ», какъ его называли итальянцы, Криспи. Въ частности, по отношенію къ соціалистамъ была примѣнена тактика уступокъ, и амнистія вывела изъ тюрьмы немало жертвъ криспіанской реакціи.

Флорентійскій конгрессъ 11—13 іюля 1896 г. отмѣчалъ дальнѣйшіе успѣхи соціалистической партіи и заслуживаетъ упоминанія хотя бы уже потому, что на немъ происходили интересныя пренія по аграрному вопросу, этому вѣчному камню преткновенія теоретиковъ и практиковъ современнаго соціализма. На конгрессѣ обнаружилось, по крайней мѣрѣ, два теченія, одно изъ которыхъ прямо утверждало, что, пока въ деревнѣ нѣтъ настоящаго пролетаріата, партія не должна растрачивать своихъ силъ на пропаганду среди сельскаго населенія, тогда какъ другое теченіе энергично боролось противъ такого доктринерскаго взгляда, указывая, что и въ настоящей деревнѣ существуютъ условія, благопріятныя для распространенія соціалистическихъ идей. Сторонники этого взгляда указывали, во-первыхъ, что среди сельскаго населенія существуютъ уже пролетаріи, во-вторыхъ, что тамъ, «гдѣ нѣтъ пролетаріевъ, могутъ сорганизоваться также и крестьяне, подобно тому, какъ это дѣлаютъ рабочіе въ городахъ, еще не достигшихъ истиннаго промышленнаго развитія». Если мелкій земельный собственникъ, привязанный къ своему участку, не можетъ имѣть яснаго представленія о классовой борьбѣ, то его можно значительно развить въ этомъ отношеніи, указывая ему на всевозможныя формы эксплуатаціи, которымъ онъ подвергается. Тамъ, гдѣ распространена такая мелкая земельная собственность, соціалистамъ надлежитъ способствовать кооперативному движенію. Тамъ, гдѣ крестьянинъ эксплуатируется, какъ половникъ, слѣдуетъ внушить ему сознаніе его права на весь продуктъ. Восторжествовало именно это мнѣніе, выразившееся въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, которая была предложена Биссолати и гласила, что «дѣятельность соціалистической партіи должна развернуться въ де-

ревнѣ съ особой напряженностью». Надо замѣтить, что этому самому Биссолати, которому вскорѣ пришлось играть роль одного изъ вожаковъ «реформистовъ», было поручено въ томъ же 1896 г. редактированіе центральнаго органа партіи, вышедшаго впервые подъ заглавіемъ «Avanti» (Впередъ!) 25-го декабря.

Въ мартѣ 1897 г. новые парламентскіе выборы, которые были назначены ди-Рудини съ цѣлью нащупать общественное мнѣніе и въ случаѣ ярко выраженной имъ антипатіи къ соціализму, провести черезъ новый парламентъ ограниченіе избирательнаго права, эти выборы, говоримъ мы, обнаружили возростаніе сочувствія среди населенія къ соціалистической доктринѣ. Вмѣсто прежнихъ одиннадцати депутатовъ — теперь партія располагала пятнадцатью, и общее число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, достигло 131.719 *). Однако путь исключительно мирнаго развитія и на этотъ разъ былъ скоро закрытъ для итальянскаго соціализма. Снова всемогущія стихійныя причины обостряли соціально-политическую эволюцію, и 1898-й годъ видѣлъ, какъ очень широкое народное волненіе, своими размѣрами далеко превосходившее сицилійскіе безпорядки 1893—1894 г., такъ и послѣдовавшую за нимъ правительственную и буржуазную реакцію, въ которой видную роль играли «консортерійцы», столь похожіе на нашихъ черносотенцевъ и пытавшіеся, подобно имъ, подъ предлогомъ народныхъ волненій, сокрушить всякую рѣзкую оппозицію. Необыкновенное вздорожаніе хлѣба, главнымъ образомъ, вслѣдствіе налоговъ (было вычислено, что въ Италіи они составляли въ то время почти 43% (sic!) всей цѣны хлѣба) вызвало чрезвычайно сильныя волненія по всей Италіи. Они начались въ февралѣ мѣсяцѣ 1898 г. въ Сициліи, гдѣ правительство лишь въ двухъ городахъ, Модикѣ и Троннѣ, перестрѣляло до двадцати голодающихъ и ранило нѣсколько сотенъ. Съ конца же апрѣля и до половины мая возмущенія обошли почти всю Италію, принимая особенно серьезныя формы въ Тосканѣ и Ломбардіи, гдѣ лишь въ одни роковые миланскіе дни 6 — 9 мая цифра навѣки «усмиренныхъ» правительствомъ мятежниковъ превысила 400 человѣкъ. Здѣсь хозяйничалъ генералъ Бава-Беккарисъ, которому принадлежитъ знаменитая, обошедшая тогда газеты всего міра фраза, сказанная имъ солдатамъ, но почему-то опущенная нашимъ историкомъ соціализма: «цѣльтесь вѣрно и бейте мѣтко». Это тотъ самый доблестный воитель, котораго Гумбертъ I наградилъ спустя нѣсколько дней послѣ миланскаго избіенія крестомъ Великаго Кавалера, «чтобы вознаградить великую услугу, — гласитъ королевская телеграмма, — оказанную вами государству и просвѣщенію».

Подавивъ мятежъ великой арміи голодныхъ, правительство не преминуло, конечно, обрушиться на соціалистовъ, которые своею

*) Эта цифра получается при суммированіи подробной выборной таблицы, которую Анджіолини даетъ во второй части своего труда, на стр. 203—204.

злостною пропагандою, очевидно, внушили бунтовщикамъ... чувство голода. Снова появились военные суды, которые въ одномъ лишь Миланѣ разсмотрѣли 129 процессовъ съ 828 обвиняемыми и громадное большинство ихъ осудили. Въ Неаполѣ всего было приговорено къ разнымъ карамъ 812 лицъ. Во Флоренціи особенно жестоко расправились съ крестьянами, обвинявшимися въ убійствѣ: нѣкоторымъ изъ нихъ было назначено до 27 лѣтъ каторги. Вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдованія скоро оставили почву дѣйствій и перешли въ область идей, гдѣ охранителямъ порядка было полное раздолье. Такъ, генералъ Гаушъ, который спасалъ общество во Флоренціи и которому, очевидно, лавры его миланскаго коллеги не давали спать, конфисковалъ книжку Каутскаго объ ученіи Маркса, а мѣстная библіотека отказалась даже выдавать публикѣ «Капиталъ» самого Маркса!.. Кстати сказать, уже извѣстная читателю консортерія или итальянская черная сотня всячески толкала правительство на дальнѣйшія преслѣдованія соціалистовъ, возмущаясь дѣйствіями этихъ «постыдныхъ разбойниковъ и убійцъ», но сама отдавала въ Миланѣ приказъ убить Филиппо Турати, соціалиста, стоящаго на точкѣ зрѣнія эволюціи, а во Флоренціи науськивала солдатъ на депутата Пешетти. Эта клика становилась госпожей положенія. Она находила министерство ди-Рудини недостаточно энергичнымъ, и подъ ея давленіемъ этотъ кабинетъ уступилъ мѣсто яро реакціонному кабинету генерала Пеллу.

Отнынѣ реакція сложилась въ цѣлую систему и повела правильную кампанію противъ всякаго рода политическихъ свободъ, какъ о томъ свидѣтельствовали правительственные законопроекты, наносившіе чувствительные удары свободѣ прессы, союзовъ, собраній, стачекъ и т. п. Такъ, законопроектъ о печати вводилъ обязательный залогъ, право администраціи закрывать газеты, наказаніе за распространеніе ложныхъ свѣдѣній, разборъ процессовъ за клевету исключительно при закрытыхъ дверяхъ. Законопроектъ о стачкахъ запрещалъ союзы и стачки рабочихъ, «служба которыхъ имѣетъ общегосударственный характеръ даже въ томъ случаѣ, когда они находятся въ вѣдѣніи частныхъ лицъ», напримѣръ, желѣзнодорожниковъ (до 1905 г. желѣзнодорожныя линіи находились, какъ извѣстно, въ Италіи въ рукахъ частныхъ компаній) и т. д. Словомъ, перебирая одинъ за другимъ проекты кабинета Пеллу, точно присутствуешь при законодательной дѣятельности нашихъ «конституціонныхъ» министерствъ послѣднихъ лѣтъ. Но этотъ походъ противъ всѣхъ пріобрѣтеній современной цивилизаціи вызвалъ въ Италіи одну изъ самыхъ блистательныхъ въ лѣтописяхъ не только итальянскаго, но и всемірнаго парламентаризма кампанію обструкціи, которую крайняя лѣвая палаты депутатовъ, во главѣ съ соціалистами, повела противъ консортерійскаго министерства. Достаточно сказать, что кабинетъ Пеллу, ставшій у власти 1-го іюля 1898 г., лишь 18-го іюня 1899 г., т. е. годъ спустя, успѣлъ про-

вести черезъ парламентъ первую статью внесеннаго имъ законопроекта. Прошло еще двѣ недѣли, и правительство, не будучи въ состояніи убѣдить палату прямо принять законопроектъ въ видѣ закона-декрета, въ сущности признало себя побѣжденнымъ: 30-го іюня, ночью, былъ обнародованъ королевскій декретъ объ отсрочкѣ законодательной сессіи до ноября. А когда засѣданія возобновились, то о проведеніи пресловутыхъ законопроектовъ пока не было рѣчи, и въ теченіе всего перваго періода сессіи, до рождественскихъ каникулъ, во дворцѣ Монтэгиторіи (такъ называется зданіе палаты депутатовъ въ Римѣ) не произошло ничего, заслуживающаго вниманія.

Борьба снова возгорѣлась въ февралѣ 1900 г. на почвѣ обсужденія закона-декрета. Но въ промежуткѣ у оппозиціи оказался въ рукахъ очень важный козырь противъ правительства, такъ какъ въ февралѣ же кассаціонная палата вынесла свою многозначительную резолюцію, гласящую, что законъ-декретъ не имѣетъ никакой легальной силы, пока не будетъ правильно вотированъ палатою въ качествѣ законопроекта. Послѣ ряда необыкновенно страстныхъ и бурныхъ засѣданій, правительство вторично отступило передъ обструкціей: декретомъ 5 апрѣля 1900 г. оно отмѣнило незаконный декретъ-законъ прошлаго года, а вскорѣ назначило на 3—10 іюня новые выборы. Избирательная кампанія велась на этотъ разъ съ особой энергіей. Въ результатѣ соціалисты получили 32 мандата, свыше 30 мандатовъ досталось радикаламъ и столько же республиканцамъ, такъ что въ новой палатѣ крайняя лѣвая насчитывала около 100 человѣкъ. Общее число голосовъ, поданныхъ за оппозицію, равнялось 749.485,—изъ нихъ на долю соціалистовъ приходилось 215.841,—тогда какъ министерскіе депутаты получили только 611.425 голосовъ. Политическій центръ тяжести перемѣстался въ сторону оппозиціи, и послѣ нѣкоторыхъ колебаній кабинетъ Пеллу уступилъ мѣсто министерству сенатора Саракко.

Новая палата, созванная 15-го іюня, 9-го іюля уже разошлась на лѣтнія каникулы. Но менѣе, чѣмъ черезъ три недѣли, произошелъ трагическій фактъ, которымъ сейчасъ же воспользовались консортерійцы и реакціонеры, чтобы снова начать только что было утихшую войну противъ соціализма: 29-го іюля Гумбертъ I былъ смертельно раненъ изъ револьвера въ своей лѣтней резиденціи анархистомъ Бреши, который прямо заявилъ, что дѣйствовалъ совершенно одинъ, безъ всякихъ пособниковъ, и единственно «изъ ненависти къ королю и монархіи». Охранительная печать забила, однако, въ набатъ, формально обвиняя соціалистовъ въ подстрекательствѣ къ убійству. Были сдѣланы попытки «патріотическихъ» манифестацій, составлявшихся изъ подонковъ городского населенія подъ предводительствомъ полицейскихъ. На министерство оказывалось сильное давленіе съ цѣлью заставить его пойти по пути предшествовавшаго кабинета. Вся эта реакціонная тактика разбилась,

однако, о равнодушіе и даже прямую антипатію страны къ слишкомъ долго практиковавшейся генераломъ Пеллу политикѣ «зажима». Состоявшіеся черезъ недѣлю послѣ покушенія на короля частные выборы окончились успѣхомъ для соціалистовъ: широкіе слои населенія не поддавались на удочку реакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ на васѣданіи палаты 6-го августа, когда собравшимся депутатамъ было предложено чествовать новаго короля, соціалистическій представитель, Турати, хотя и высказывая порицаніе самому факту убійства, рѣшительно заявилъ отъ лица своей партіи, что соціалисты, оставаясь самими собою, не могутъ присоединиться къ почестямъ, оказываемымъ монархистами только что вступившему на престолъ Виктору Эммануилу III.

Впрочемъ, послѣдній и самъ отказался слѣдовать политикѣ репрессій, которую усиленно рекомендовали ему со всѣхъ сторонъ приверженцы реакціи. Въ данномъ случаѣ насильственное устраненіе носителя монархической власти и замѣна его другимъ не только не вызвали реакціоннаго теченія, но, наоборотъ, способствовали упроченію болѣе либеральной политики. Дѣло въ томъ, что склонность Гумберта I черезчуръ легко сдаваться на увѣщанія любителей «сильной власти» сдѣлала мало-по-малу покойнаго короля непопулярнымъ въ широкихъ слояхъ, и авторитарныя замашки этого «савойскаго выскочки» подчеркивались даже искренними монархистами, воспитавшимися въ болѣе простой и свободолюбивой школѣ Виктора Эммануила II. Немудрено, что новый король, видя къ тому же безполезность реакціонной политики, черезчуръ часто практиковавшейся отцомъ, предпочелъ взять новый курсъ. И въ общемъ система насильственнаго подавленія соціалистическихъ стремленій уступила мѣсто компромиссу, а при случаѣ даже кокетничанью съ соціалистали, что, конечно, дѣлалось не изъ любви къ представителямъ труда, а въ видахъ болѣе вѣрной побѣды надъ соціалистической оппозиціей.

Несомнѣнно, что это примирительное поведеніе большинства министерствъ по отношенію къ соціалистамъ при Викторѣ Эммануилѣ III было одною изъ причинъ назрѣванія и въ Италіи того внутренняго кризиса соціализма, который коснулся всѣхъ странъ и еще раньше, чѣмъ ярко выразиться на Апеннинскомъ полуостровѣ, принялъ очень опредѣленныя формы бернштейніанства въ Германіи, милльрандизма во Франціи и т. п. Мы говоримъ о борьбѣ внутри соціализма двухъ теченій: реформистскаго и революціоннаго. Достаточно сказать, что мирное и эволюціонное направленіе очень сильно распространилось въ Италіи между римскимъ конгрессомъ, имѣвшимъ мѣсто 8—11 сентября 1900 г., и конгрессомъ, который состоялся 7—10 сентября 1902 г. въ Имолѣ, и изложеніе преній котораго составляетъ заключительныя страницы труда Анджіолини. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, при министерствѣ Саракко, а еще болѣе того при министерствѣ Цанарделли, соціалистическія идеи

быстро распространялись среди усиливавшихся каждый день профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Новое міровоззрѣніе захватывало въ сферу своего вліянія слои рабочаго класса, дотолѣ лишь мало доступные пропагандѣ соціализма, а именно портовыхъ и судовыхъ рабочихъ. Всеобщая генуэзская стачка, вспыхнувшая въ послѣднихъ числахъ декабря 1900 г. и окончившаяся удачно, обнаружила солидарность этой послѣдней категоріи трудящихся, бывшей застрѣльщицей движенія, и рабочихъ всевозможныхъ промышленныхъ заведеній, забастовавшихъ не только въ Генуѣ, но и въ сосѣднихъ центрахъ: Сампьердаренѣ, Сестри Понентэ, Корнельяно. Поведеніе министерства Саракко, которое признало незаконнымъ распоряженіе мѣстнаго префекта, закрывшаго было биржи труда въ пунктахъ стачки, казалось многимъ соціалистамъ весьма знаменательнымъ фактомъ, внушавшимъ имъ надежду, что отнынѣ соціализмъ будетъ побѣждать старый міръ путемъ чисто эволюціоннаго и мирнаго развитія. А когда Джіолитти, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Цанарделли, смѣнившемъ кабинетъ Саракко, далъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ доказательство того, что правительство не намѣрено ни въ чемъ препятствовать организаціи фабричныхъ или сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, то реформистское направленіе въ итальянскомъ соціализмѣ высоко подняло голову и провозгласило новую эру соціально-политическаго развитія страны. Реформисты указывали въ особенности на рядъ удачныхъ стачекъ крестьянъ, въ результатѣ которыхъ въ одной Мантуанской провинціи 50.000 семействъ добились общаго увеличенія заработной платы на три милліона лиръ (1.200.000 рублей), при чемъ префекты, согласно инструкціямъ министерства, часто способствовали соглашенію обѣихъ борющихся сторонъ на почвѣ требованій, выдвигавшихся рабочими. И даже революціонно настроенный Энрико Ферри, во время особенно ожесточенной борьбы ретроградовъ противъ прогрессивнаго кабинета, явился выразителемъ парламентскаго довѣрія всей соціалистической группы министерству, въ которомъ она видѣла «торжество просвѣщенной либеральной буржуазіи» и которое она хотѣла поддерживать, лишь бы правительство оставалось «нейтральнымъ въ борьбѣ между капиталомъ и трудомъ».

Немудрено, поэтому, что на конгрессѣ въ Имолѣ направленіе реформистовъ нашло горячихъ и краснорѣчивыхъ защитниковъ, противъ которыхъ революціонеры безуспѣшно развернули тяжелую артиллерію своихъ лучшихъ лидеровъ. Окончательная формула, предложенная Ферри и приглашавшая соціалистовъ не поддерживать во что бы то ни стало «правительственную политику»,—какъ то предлагалъ Турати,—а вотировать за прогрессивное министерство лишь «отъ случая къ случаю»—эта формула была отвергнута большинствомъ 456 голосовъ противъ 279. Любопытно, что въ то время, какъ за революціонную тактику высказались главнымъ образомъ

представители большихъ городовъ, реформизмъ нашелъ ревностныхъ защитниковъ среди организованныхъ рабочихъ Ломбардіи, Эмиліи, Романьи, гдѣ соціализмъ наиболѣе распространился среди широкихъ слоевъ населенія. Великій теоретическій и практическій расколъ въ партіи труда обнаружился и въ Италіи на конгрессѣ въ Имолѣ съ рѣзкостью и опредѣленностью, какихъ нельзя было затушевать никакими оговорками. И этотъ расколъ продолжается и за предѣлами того момента, до котораго доведена книга Анджіолини, написанная въ концѣ 1903 г. Для того, чтобы завершить для нашихъ читателей исторію современнаго соціализма въ Италіи, мы въ двухъ-трехъ словахъ укажемъ на дальнѣйшее развитіе противорѣчій, обнаружившихся на конгрессѣ въ Имолѣ. Вѣхами этой эволюціи можно для удобства и для краткости изложенія считать пренія на болонскомъ конгрессѣ 1904 г. и на римскомъ конгрессѣ 1906 г.

На болонскомъ конгрессѣ, рядомъ съ «реформизмомъ» и «революціонизмомъ», впервые съ достаточною силою заявилъ о своемъ существованіи «синдикализмъ», который нашелъ искуснаго и горячаго выразителя въ лицѣ Артура Лабріола (не надо смѣшивать его съ недавно умершимъ ортодоксальнымъ марксистомъ Антоніо Лабріола), какъ реформистское теченіе воплотилось преимущественно въ Филиппо Турати, а революціонное въ Энрико Ферри. Итальянскій синдикализмъ, подобно французскому, отрицательно относится ко всякой парламентской дѣятельности и обвиняетъ революціонный соціализмъ въ томъ, что онъ революціоненъ только на словахъ. Самъ синдикализмъ ставитъ своею непосредственною цѣлью низверженіе современнаго экономическаго и политическаго строя, т. е. капитализма и классового государства, а средствомъ—организацію рабочаго класса на почвѣ профессіональныхъ союзовъ и «прямое воздѣйствіе» организованныхъ такимъ образомъ трудящихся на имущіе и правящіе классы въ видѣ манифестацій, частныхъ стачекъ и всеобщей стачки, связанной въ представленіи синдикалистовъ съ насильственнымъ выступленіемъ всего міра труда противъ міра капитала, т. е. соціальной революціей. И если на болонскомъ конгрессѣ революціонное направленіе взяло верхъ надъ реформистскимъ, то лишь благодаря помощи оказанной ему синдикализмомъ, который такимъ образомъ дѣлалъ сторонниковъ политическаго революціоннаго соціализма своими плѣнниками.

Это ясно обнаружилось на слѣдующемъ (прошлогоднемъ) римскомъ конгрессѣ, когда понадобился весь тонкій умъ и все замѣчательное краснорѣчіе «революціонера» Ферри, чтобы объединить большинство конгрессистовъ на формулѣ «интегрализма» (итальянцы вообще ужасно любятъ эти страшныя слова на «измъ»), представляющаго, по мнѣнію его изобрѣтателя, среднее здоровое теченіе соціализма, одинаково далекое отъ крайностей реформизма Турати и синдикализма Лабріола. Послѣдній вполнѣ опредѣленно заявилъ,

что въ его глазахъ такъ называемые «революціонеры» представляютъ собою въ сущности тѣхъ же «реформистовъ», но только реформистовъ непослѣдовательныхъ, реформистовъ стыдливыхъ, скрывающихъ свои мирныя тенденціи за громкой фразеологіей «непримиримости» и т. п. Съ другой стороны, если на болонскомъ конгрессѣ «революціонеры» побѣдили лишь благодаря помощи синдикалистовъ, то на римскомъ они одержали побѣду исключительно при содѣйствіи реформистовъ. Вчитываясь въ резолюцію «интегралистовъ», которую Ферри удалось провести на послѣднемъ конгрессѣ, вы ясно видите, что ея успѣхъ покоился исключительно на очень искусномъ дозированіи элементовъ «революціи» съ элементомъ «реформы», и что расколъ внутри итальянской соціалистической партіи не можетъ быть устраненъ этой формулой, какъ мы это, вѣроятно, и увидимъ на національномъ итальянскомъ конгрессѣ будущаго года.

Въ этой резолюціи нѣтъ почти ни одного предложенія, которое бы не смягчалось оговоркой, ни одного утвержденія, которое бы не сопровождалось ограниченіемъ. Зачастую она боится прямо отвергнуть тотъ или другой пріемъ борьбы, но старается достигнуть этого косвенно, говоря противъ «излишняго», «чрезмѣрнаго», «черезчуръ частаго» употребленія его. Такъ, напр., указавъ, что «соціалистическая партія пользуется легальными средствами» для своихъ конечныхъ цѣлей, но «оставляетъ за собою право на насиліе, въ случаѣ если буржуазныя партіи запрещаютъ ей употребленіе этихъ легальныхъ средствъ», резолюція слѣдующимъ образомъ формулируетъ отношеніе «интегралистовъ» къ различнымъ боевымъ лозунгамъ послѣднихъ лѣтъ: она «осуждаетъ частое или чрезмѣрное употребленіе стачки; призывъ къ насилію, который мѣшаетъ или останавливаетъ практическую работу пролетарскихъ организацій; восхваленіе прямого воздѣйствія, пускаемое въ ходъ съ цѣлью дискредитировать, а не пополнить парламентарную дѣятельность; антигосударственную предпосылку, поскольку она дискредитируетъ или отрицаетъ соціальное законодательство, т. е. означаетъ отрицаніе *соціалистическаго государства* (*курсивъ мой.* Странная фраза въ устахъ человѣка, принадлежащаго къ направленію ортодоксальнаго марксизма, который именно отрицаетъ идею *государства*, *хотя бы и соціалистическаго. Э. В.*), и т. д. *). Ясное дѣло, что уже одинъ характеръ этой резолюціи показываетъ, какъ мало теперь единства въ рядахъ итальянской соціалистической партіи и какой логической эквилибристикѣ долженъ предаваться одинъ изъ самыхъ крупныхъ и талантливыхъ вожаковъ ея, стараясь устранить грозящую партіи опасность раскола.

На этомъ замѣчаніи мы можемъ заключить нашу статью объ

---

*) Цитирую по „Le Mouvement Socialiste", № 179 (октябрь 1906), стр. 16—17, прим.

итальянскомъ соціализмѣ, выражая надежду, что соціалистическое движеніе Италіи справится съ серьезными внутренними препятствіями, лежащими на пути къ его дальнѣйшему развитію, какъ справится съ ними у себя соціалистическое движеніе любой страны нашихъ дней, ибо этотъ повсемѣстный кризисъ соціализма есть кризисъ его роста, а не разложенія и смерти.

Э. Вернеръ.

Новыя пьесы Бернарда Шоу.

(*Bernard Shaw.*—John Bull's Other Island and Major Barbara; also How He lied to Her Husband. London 1907).

I.

«Англійская драма поражаетъ отсутствіемъ идей,—пишетъ критикъ изъ «Saturday Review».—Въ умственномъ развитіи драматическій писатель—ниже средне-культурнаго человѣка и безконечно отсталъ даже отъ третьестепенныхъ романистовъ или отъ пятистепенныхъ публицистовъ. Англійскій драматическій писатель не имѣетъ даже представленія о современномъ интеллектуальномъ движеніи и изучилъ только сцену, условія ея, технику, эффектные фокусы да механику интриги. Правда, въ послѣднее время едва замѣтная струйка ума начала просачиваться изъ беллетристики въ область театра. Наши романисты стали учить сочинителей драмъ, какъ слѣдуетъ приниматься за дѣло». Авторъ этой рѣзкой, но совершенно справедливой оцѣнки дѣлаетъ исключенія для Бернарда Шоу, который «расчистилъ путь для настоящихъ драматурговъ». «Разрушительная критика Бернарда Шоу воспитала верхній слой англійской публики и придала смѣлость антрепренерамъ, которые иногда стали ставить пьесы, выходящія изъ шаблона. Литературная дѣятельность Шоу напитала также недовольствомъ наиболѣе сознательныхъ зрителей. Я не хочу сказать, что теперь у насъ въ Англіи пишутъ меньше скверныхъ пьесъ, чѣмъ раньше. Нѣтъ, шаблонныя пьесы все еще появляются; но ихъ уже не принимаютъ за хорошія». Выдержка эта крайне любопытна, не потому, что она отмѣчаетъ сущность современнаго англійскаго театра (это такое шило, которое спрятать невозможно), а по отношенію «респектабельнаго» консервативнаго журнала къ Бернарду Шоу. Быть можетъ, читатели помнятъ характеристику этого талантливаго писателя на страницахъ «Русскаго Богатства». Двадцать лѣтъ Бернардъ Шоу пишетъ драматическія произведенія и до самаго послѣдняго времени сцена для него была закрыта. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Англіи, по примѣру Франціи и

Германіи, создался «Независимый театръ», который принялъ пьесу Шоу «Mrs Waren's Profession» *); но она вызвала такую бурю негодованія въ печати, что комедію пришлось снять. Усердные не по разуму критики обличали «безнравственность» произведенія. Герой мопасановскаго романа «Bel-Ami», Дюруа тоже очень любилъ писать о паденіи современныхъ нравовъ. Послѣ двадцатилѣтняго перерыва, *Stage Society*, т. е. независимый театръ дернуло снова поставить пьесу Бернарда Шоу—«Человѣкъ и Сверхъ-Человѣкъ», но безъ вводнаго акта «Въ аду». Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ. И вотъ въ самое послѣднее время мы видимъ, что театръ вдругъ принялъ въ свои объятія Бернарда Шоу. Ставятся почти всѣ пьесы его, а публика валомъ валитъ въ театръ. Критика сразу провозгласила Бернарда Шоу классикомъ; и это говорятъ даже въ такихъ изданіяхъ, которыя недавно еще доказывали, что талантливый писатель имѣетъ спеціальную миссію—«разрушить семью». Въ Англіи, гдѣ никакой политической, экономической или философской доктриной нельзя испугать рядового читателя,—«разрушеніе семьи» является жупеломъ. Провозглашайте себя анархистомъ, атеистомъ, сверхъ-человѣкомъ, теософистомъ, восхваляйте абсолютизмъ Якова II, сочините новое евангеліе,—васъ будутъ читать, если вы пишете не слишкомъ скучно; но бога ради не трогайте семьи и не заикайтесь на тѣ темы, которыя такъ облюбованы теперь у насъ нѣкоторыми молодыми писателями. Прежде «Saturday Review», если признавалъ блескъ таланта Шоу, то прибавлялъ, что это «Splendida Vitia». Теперь тотъ же журналъ возводитъ писателя въ достоинство, такъ сказать, литературнаго санитара, оздоровившаго театральную трясину. Когда-то реплики mrs Уорренъ въ комедіи «Mrs Warren's Profession» приводили въ ужасъ критиковъ своею «смѣлостью». Теперь даже слюноточивый Іудушка англійской печати, Стэдъ и тотъ одобрительно отзывается о тирадахъ въ родѣ слѣдующей: «По классу, къ которому принадлежу, я—«респектабельный» человѣкъ; здравый смыслъ дѣлаетъ меня ненавистникомъ разрушенія и безпорядка; какъ интеллигентный человѣкъ, я почти до педантизма стою за законность, а по темпераменту—за единобрачіе. Между тѣмъ, я всегда былъ и останусь революціонеромъ, потому что современные законы дѣлаютъ законность невозможной. Наши вольности разрушаютъ всякую свободу; наша собственность является организованнымъ грабежомъ; наша мораль, въ сущности—безстыдное лицемѣріе; нашу накопленную мудрость проповѣдуютъ неопытные глупцы; власть мы вручаемъ трусамъ и слабымъ людямъ, а наши представленія о чести—ложны во всѣхъ пунктахъ» **).

Перемѣна въ отношеніи къ Бернарду Шоу обусловливается не

*) См. *Діонео*, „Англійскіе Силуэты“, стр. 176 -226.

**) Изъ „Preface for Politicians“; помѣщено въ только что вышедшемъ сборникѣ новыхъ пьесъ Бернарда Шоу.

тѣмъ, что талантливый писатель измѣнился *по существу*. Не измѣнились также и критики. Все дѣло въ томъ, что публика вѣрно оцѣнила *значеніе* пьесъ Бернарда Шоу. Я подчеркнулъ, что Шоу не измѣнился по существу, хотя парадоксы его мѣняются постоянно. Намъ въ Россіи извѣстна только одна разновидность перевертня или переметной сумы; это—человѣкъ, который завтра изъ краснаго сдѣлается бѣлымъ и начнетъ проклинать, чему вчера молился. Английская жизнь слишкомъ урегулирована, чтобы перевертень во всей отвратительности его могъ создаться, какъ у насъ. Люди изъ радикаловъ становятся здѣсь тори и наоборотъ, не теряя человѣческаго достоинства. Англичанинъ, чтобы уподобиться вполнѣ знакомому намъ типу, долженъ заговорить о русскихъ дѣлахъ. Нагляднымъ примѣромъ является Диллонъ. Всего только въ февралѣ 1905 г. Диллонъ не находилъ словъ для осужденія стараго порядка и для заклеймленія надменныхъ потомковъ «извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ», «жадною толпою стоящихъ у трона», свободы, генія и славы «палачей». Диллонъ въ надѣлавшей тогда шума статьѣ (она не могла быть переведена) увѣрялъ, что стоитъ только разсмотрѣть каждый крупный денежный скандалъ, и мы откроемъ лицъ, которыхъ онъ называетъ, но намъ, русскимъ писателямъ, неудобно сдѣлать это. «Иностранныя дамы своими улыбками составляютъ въ кругу этихъ лицъ себѣ милліоны, тогда какъ раненые солдаты умираютъ безъ лѣкарствъ, безъ платья на кучахъ навоза». Теперь въ послѣдней книжкѣ «Contemprorary Review» тотъ же авторъ ликуетъ по поводу того, что снова восторжествовалъ порядокъ, который такъ дорогъ господамъ, описаннымъ въ февральской книжкѣ «National Review». Англичане такихъ лицъ, какъ Диллонъ, называютъ turncoat. Бернардъ Шоу никогда не былъ turncoat, хотя часто мѣнялъ свои парадоксы. У талантливаго писателя есть одна особенность. Обыкновенно люди пишутъ, чтобы убѣждать читателей. Убѣдительность и страстность писателя возрастаетъ, если онъ знаетъ, что ему нужно бороться съ крѣпко засѣвшимъ предубѣжденіемъ или съ создавшимся вѣками предразсудкомъ. Писатель тогда старается подобрать особенно убѣдительные аргументы, и когда у него есть основаніе предположить, что его доводы заставили читателя задуматься, онъ счастливъ. Высшее наслажденіе онъ испытываетъ, когда убѣждается, что его взгляды приняты читателемъ. Совсѣмъ другое мы видимъ, когда знакомимся съ дѣятельностью Бернарда Шоу. Меньше всего онъ желаетъ убѣдить васъ. Талантливый писатель хочетъ только засыпать васъ неожиданными парадоксами. Его цѣль—сказать по данному вопросу непремѣнно то, что другой не говорилъ. И если Бернардъ Шоу увидитъ, что его парадоксы убѣдили васъ и что вы начали соглашаться съ нимъ, онъ немедленно, изъ духа противорѣчія, начнетъ доказывать діаметрально противоположное. Талантливый драматическій писатель чувствуетъ себя почти оскорбленнымъ тѣмъ, что

вы соглашаетесь съ нимъ. Этимъ вы ставите себя, человѣка толпы, на одну доску съ нимъ, исключительнымъ лицомъ. Бернардъ Шоу находитъ, что «быть революціонеромъ» значитъ говорить постоянно противоположное тому, что говоритъ «толпа».

Возьмемъ, напримѣръ, сложившійся вѣками взглядъ на особенность англійскаго ума. Всѣ наблюдатели констатируютъ точность его, ясность, умѣнье отправляться только отъ тщательно провѣренныхъ фактовъ. Обобщеніе является результатомъ только безконечнаго числа фактовъ. Опытъ ставится на первомъ планѣ при изслѣдованіи. Умѣнье англичанъ обращаться съ фактами и дѣлать опыты избавило ихъ отъ тѣхъ колоссальныхъ нелѣпостей, которыя высказывали иностранные, казалось бы, мощные умы, пытавшіеся строить заключенія путемъ чистой дедукціи. Въ англійской литературѣ есть очень любопытный сборникъ, составленный H. W. Seager: «Natural History in Shakespeare's Time». Это—рядъ выписокъ изъ Альберта Великаго, Бартоломеуса *), сборника «Hortus Sanitatis» и другихъ научныхъ авторитетовъ XII—XVI в.в., до Бэкона. Насъ поражаетъ та бездна нелѣпости, которую можетъ нагородить первоклассный умъ (Альбертъ Великій), не умѣющій еще опираться на опытъ. Великій умъ былъ затянутъ схоластикой въ трясину, вслѣдствіе презрѣнія къ опыту. «Пѣтухъ носитъ иногда въ головѣ драгоцѣнный камень,—пишетъ Альбертъ Великій,—именуемый *алекторія* и родственный халцедону. И присутствіемъ этого камня, который чаще всего находится у бѣлыхъ пѣтуховъ,—объясняется, почему львы такъ боятся ихъ». «Козелъ дышетъ ушами, а не носомъ». Нѣкоторыя козы имѣютъ на лбу, между рогами, отверстіе, которое идетъ прямо въ печень. Если заткнуть воскомъ это отверстіе, то животное задохнется и Альбертъ Великій доподлинно знаетъ слѣдующее: «Возьми теплую кровь козла, смѣшай съ уксусомъ и сокомъ сѣна, вари въ этой смѣси стекло. Оно станетъ мягко, какъ тѣсто. Если швырнешь его объ стѣну, то прилипнетъ къ ней, но не разобьется. А если тѣстомъ этимъ намажешь лицо, то увидишь страшныя вещи» **). А вотъ другой рецептъ: «Возьми ящерицу, отрѣжь ей хвостъ, подбери жидкость, подобную живому серебру, которая появится при этомъ. Возьми потомъ свѣтильню, намочи въ маслѣ, положи въ новый свѣтильникъ, въ который помѣщено это живое серебро и зажги. Стѣны тебѣ покажутся, какъ серебряныя». Кажется, что легче, какъ продѣлать предварительно опытъ; но Альбертъ Великій пишетъ: «Если погрузишь губку въ вино, смѣшанное съ водою, и вынешь ее и выжмешь, то потечетъ только вода. Вино останется въ сосудѣ. Если вино не подмѣшанное, то изъ губки ничего не потечетъ» ***). Писалъ все это—человѣкъ великаго ума и повторяли четыре вѣка другіе умные люди, покуда не явился англичанинъ,

---

*) Liber de proprietatibus rerum etc.

**) Выписка приведена въ сборникѣ H. W. Seager, p. 132.

***) Ib., p. 296.

выдвинувшій опытъ, какъ необходимый элементъ наблюденія. И тогда все то, что казалось нѣсколько вѣковъ бездной глубокомыслія, превратилось въ смѣшной бредъ.

Итакъ, всѣми принято, что англійскій умъ—точный, отправляющійся только отъ фактовъ, которые предварительно тщательно изслѣдуетъ. Творческому воображенію дается просторъ только въ средѣ провѣренныхъ фактовъ. Этотъ умъ англичанъ отличается отъ ума ирландцевъ, иберійцевъ по происхожденію, которыхъ постоянно увлекаютъ призраки, созданные ихъ собственной фантазіей. Все это стало общимъ мѣстомъ; но именно потому Бернардъ Шоу выступаетъ съ пьесой «John Bull's Other Island», въ которой приводитъ свой взглядъ на характеръ двухъ народовъ.

Глубоко ошибаются всѣ тѣ, которые утверждаютъ, что англичанинъ—серьезный, основательный человѣкъ, цѣпко держащійся за факты,—говоритъ Бернардъ Шоу:—Напротивъ, англичанинъ всецѣло является жертвой собственнаго воображенія и не можетъ удержать его, такъ какъ не имѣетъ никакого представленія о дѣйствительности. Болѣе нормальное воображеніе у ирландца, потому что онъ постоянно видитъ вещи въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ. Англичанинъ, въ представленіи Бернарда Шоу—истерическій энтузіастъ, съ головой, начиненной пустяками; онъ пугается призраковъ, созданныхъ собственнымъ воображеніемъ, и абсолютно не понимаетъ фактовъ. Съ цѣлью доказать этотъ тезисъ, Бернардъ Шоу написалъ цѣлый трактатъ, который онъ называетъ «пьесой». Какъ и всѣ драматическія произведенія Шоу, «John Bull's Other Island» состоитъ изъ ряда длинныхъ діалоговъ, пересыпанныхъ блестящими остротами и неожиданными парадоксами. Герои говорятъ страшно много. По Бернарду Шоу всякое мѣсто удобно для длинныхъ дебатовъ: даже въ вводной сценѣ въ «Man and Superman» діаволъ, Донъ Жуанъ, статуя командора и донья Анна произносятъ въ аду монологи въ 2—3 страницы. Но автору еще тѣсно для парадоксовъ. И вотъ онъ теперь къ каждой новой пьесѣ прибавляетъ длинное вступленіе въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Каждое изъ этихъ предисловій носитъ особое названіе. Къ «Человѣку и Сверхъ-Человѣку» приложено «Руководство для революціонера»; къ «Другому острову Джона Булля»—«Предисловіе для политическихъ дѣятелей»; къ «Маіору Варвара»—«Первое пособіе для критиковъ». И только пьесѣ «Какъ онъ лгалъ ея мужу» предшествуетъ просто «Предисловіе». Всѣ эти вступленія очень остроумны и, пожалуй, лучше самихъ пьесъ. Рядомъ съ парадоксами, сказанными, очевидно, только изъ духа противорѣчія, попадаются необыкновенно важныя, вѣрныя мысли. Познакомимся теперь нѣсколько ближе съ только что вышедшимъ сборникомъ новыхъ пьесъ Бернарда Шоу.

II.

Въ предисловіи къ «John Bull's Other Island» Бернардъ Шоу выясняетъ сущность такъ называемаго ирландскаго вопроса, который, по замѣчанію автора, созданъ искусственно. Особаго ирландскаго народа, въ дѣйствительности, не существуетъ. «Я — ирландецъ, — говоритъ Бернардъ Шоу въ предисловіи. — Этимъ я хочу сказать, что родился въ Ирландіи, что мой родной языкъ — англійскій языкъ Свифта, а не уродливый жаргонъ лондонскихъ газетъ второй половины XIX вѣка. Происхожденіе мое — такое же, какъ и большинства англичанъ, т. е. въ моихъ жилахъ нѣтъ слѣда крови тѣхъ выходцевъ изъ сѣверной Испаніи, которые почему-то считаются аборигенами Ирландіи. Я — типичный ирландецъ, т. е. потомокъ датскихъ, норманскихъ, англійскихъ и шотландскихъ завоевателей. По семейнымъ традиціямъ мы — пламенные протестанты; но пусть въ силу этого англійское правительство не разсчитываетъ на мое вѣрноподданство. Я — настолько англичанинъ, чтобы быть закоренѣлымъ республиканцемъ и гомрулеромъ. Правда, одинъ изъ моихъ предковъ былъ оранжистъ; но за то его сестра была аббатессой, а дядю его, чѣмъ я горжусь, повѣсили за участіе въ великомъ мятежѣ. Когда я смотрю, какъ космополитическіе выродки, именующіе себя англичанами, отравленные съ дѣтства въ трущобахъ или закормленные въ богатыхъ кварталахъ, терпятъ болѣе покорно, чѣмъ уроженецъ Бенгаля, грубости ирландско-протестантскаго гарнизона въ Дублинѣ; когда я вижу, что ирландцы всегда сохраняютъ ясную голову, тогда какъ англичане проявляютъ мальчишескую сентиментальность, обидчивость и легковѣріе, дѣлающія ихъ жертвами любого шарлатана и поклонниками каждаго дурня, — я начинаю думать, что Ирландія единственное мѣсто, гдѣ рождаются еще настоящіе англичане. Среди ирландцевъ есть негодяи, грубіяны, пьяницы, лгуны, ругатели, льстецы, нищіе, клеветники, продажные чиновники, лицепріятные судьи, завистливые друзья, мстительные соперники, безпримѣрные политическіе измѣнники. Всѣмъ этимъ ирландецъ можетъ быть точно такъ же, какъ можетъ быть и джентельмэномъ (порода людей, вымершая совершенно въ Англіи, отчего никому не стало хуже); но онъ никогда не будетъ тѣмъ истерическимъ глупымъ энтузіастомъ, начиненнымъ нелѣпостями, ненавидящимъ истину, пугающимся призраковъ, не признающимъ фактовъ, который называетъ себя «избраннымъ богомъ англичаниномъ». Теперь Англія не можетъ обойтись безъ Шотландіи и Ирландіи, потому что онѣ приносятъ ей элементъ здраваго смысла».

Англійскіе консерваторы, обличая ирландцевъ, какъ измѣнниковъ, доказываютъ, что Англія можетъ опереться только на про-

тестантское населеніе. По мнѣнію Шоу, именно послѣднее наиболѣе непримиримо. «Чѣмъ больше ирландецъ протестантъ, или, коль хотите, чѣмъ больше онъ англичанинъ, тѣмъ менѣе онъ желаетъ въ сферѣ правительства замѣну ирландскаго безумія англійскимъ. «Лояльный» ирландецъ—уродливая ненормальность. Нѣтъ сомнѣнія, англійской властью пользуются у насъ въ интересахъ имущественныхъ и классовыхъ. Ирландцы—практическій и, подчасъ, очень грубый народъ. Ирландскій солдатъ беретъ «королевскій шиллингъ» *) и пьетъ за здоровье короля; ирландскій помѣщикъ выговариваетъ себѣ всякаго рода привилегіи и патенты; но за то снимаетъ шляпу и встаетъ при звукахъ національнаго гимна. Но все это только показная лояльность,—продолжаетъ Бернардъ Шоу. Это—преданность всякаго благоразумнаго человѣка правительству, покуда оно сколько-нибудь сносно. Послѣ извѣстнаго возраста мы всѣ предпочитаемъ миръ революціи и порядокъ хаосу». Въ сущности же, даже оранжистъ въ глубинѣ души мечтаетъ о самоуправленіи Ирландіи. Онъ—практичный человѣкъ и не увлекается иллюзіями, какъ англичанинъ, который, по мнѣнію Шоу, «всецѣло является жертвой своего воображенія и не имѣетъ контролирующаго представленія о дѣйствительности». Въ характерѣ англичанъ—театральная сентиментальность, совершенно чуждая ирландцамъ. Все традиціонное представленіе о положительномъ, здравомыслящемъ англичанинѣ, по мнѣнію Шоу, относится къ ирландцамъ; тогда какъ столь же традиціонное представленіе о «комедіантѣ иностранцѣ» относится къ Джону Буллю. Мысль англичанина лѣнива. Она не можетъ приспособиться къ новымъ условіямъ. На англичанъ, напр., произвелъ сильное впечатлѣніе развратъ временъ реставраціи Стюартовъ и, съ другой стороны, настойчивость и побѣда пуританъ. И вотъ англичанинъ пришелъ къ заключенію, что самое главное это—пуританство въ религіи. Съ тѣхъ поръ ничто его не можетъ сдвинуть съ мѣста. Отсутствіемъ пониманія дѣйствительности объ-

*) «To take the king's shilling», любопытный пережитокъ далекаго времени. Тогда вербовщики поили молодыхъ людей и старались имъ всунуть въ руку монету съ изображеніемъ короля. Съ этого момента молодой человѣкъ становился солдатомъ. Система вербовки осталась; но только теперь нельзя поить парня до безчувствія и вербовать его обманомъ. Рекрутъ долженъ вступить въ сдѣлку сознательно. Теперь вербовщикъ убѣждаетъ парня, доказываетъ ему всѣ выгоды военной службы и прелести ея. Если парень слушаетъ эти сладкія рѣчи, вербовщикъ предлагаетъ ему зайти въ казарму, чтобы поговорить съ офицеромъ, который еще болѣе краснорѣчиво восхваляетъ прелести службы. «Одинъ мундиръ чего стоитъ: заглядѣнье! А ѣда? А жизнь съ хорошими ребятами?» Парень, который до того времени носилъ лишь лохмотья и голодалъ, наконецъ, соглашается подписать контрактъ. Рекруту даютъ шиллингъ на пропой. Это и называется «взять королевскій шиллингъ». Отъ подписи на контрактѣ можно еще отпереться, но фактъ принятія шиллинга дѣлаетъ парня солдатомъ на опредѣленный срокъ. Отъ контракта солдата можетъ избавить или дезертирство, или «отступное».

ясняется, по мнѣнію Шоу, то, что англичане, въ вопросахъ политики, могутъ увлекаться только непорядочными людьми. «Ирландцу требуется прожить много лѣтъ въ Англіи, чтобы онъ привыкъ уважать негодяевъ; англичанинъ же можетъ уважать только ихъ. Англійскій государственный дѣятель, чтобы быть популярнымъ, долженъ постоянно выставлять себя болѣе грубымъ, невѣжественнымъ, сэнтиментальнымъ, суевѣрнымъ и болѣе глупымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности» *).

Какъ человѣкъ здравомыслящій, ирландецъ не можетъ быть консерваторомъ,—говоритъ Бернардъ Шоу. «Не можетъ быть ничего болѣе ненормальнаго, какъ консервативная протестантская партія, отстаивающая порядокъ, на который посягаетъ революціонная католическая партія. Протестантъ теоретически анархистъ, поскольку анархизмъ примѣнимъ въ современномъ обществѣ, т. е. онъ—индивидуалистъ, свободный мыслитель, вѣритъ въ самопомощь, отрицательно относится къ государству и мятежникъ по темпераменту. Католикъ же теоретически коллективистъ, признаетъ самоотреченіе; онъ—тори, консерваторъ, защитникъ церкви и единаго и нераздѣльнаго государства; послушаніе онъ ставитъ себѣ въ законъ». Въ Ирландіи, по мнѣнію Шоу, католицизмъ будетъ держаться крѣпко, покуда страна угнетена. «Ирландскій крестьянинъ не можетъ избавиться покуда отъ церковной атмосферы. Онъ послушенъ, почтителенъ и привыкъ считать, что знаніе не его дѣло. Крестьянинъ—послушный сынъ церкви и признаетъ ея верховный авторитетъ во всѣхъ научныхъ и философскихъ вопросахъ. Чтобы стать мятежникомъ, онъ долженъ порвать со своимъ духовнымъ отцомъ и послѣдовать въ политическихъ вопросахъ за вождемъ протестантомъ. Католическая церковь учитъ ирландскаго крестьянина смиренію и подчиненію. Британское правительство и Ватиканъ могутъ расходиться во взглядахъ на то, чьимъ подданнымъ долженъ быть ирландецъ; но оба согласны, что онъ способенъ подчиняться. Британское правительство даетъ ирландцу больше свободы, чѣмъ Ватиканъ: оно предоставило ему полный и демократическій контроль надъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, даетъ ему возможность посылать въ парламентъ 80 націоналистовъ изъ 670 коммонеровъ. Кромѣ того правительство разрѣшаетъ ирландцу читать, что онъ хочетъ и учиться, чему пожелаетъ. Но если бы ирландскій крестьянинъ дерзнулъ потребовать участіе въ избраніи приходскаго священника или представителя при Ватиканѣ, — это сочтено было бы церковью за мятежъ и богохульство. Священникъ обличилъ бы крестьянина съ амвона, какъ еретика. Католическая церковь зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ирландецъ учился только тому, что одобрено ею. Цѣль священника—сдѣлать ирландца послушнымъ консерваторомъ. И только грубымъ экономическимъ

*) «John Bull's Other Island», p. XIV

гнетомъ и религіознымъ преслѣдованіемъ объясняется то странное явленіе, что революціонное движеніе не только терпится священниками, но даже отчасти поощряется ими. Только грубая сила можетъ поддерживать этотъ противоестественный союзъ политической революціи съ папской реакціей, смѣлаго индивидуализма и независимости съ деспотизмомъ и подчиненіемъ. Грубая сила это—англійское владычество. «Отнимите грубую силу,—предоставьте Ирландіи дѣлать что-либо иное, кромѣ кусанья давящей ее руки, и ненормально соединенные политическіе элементы перемѣстятся въ соотвѣтствіи съ истиннымъ протестантизмомъ». По мнѣнію Бернарда Шоу, Ирландія питаетъ къ своимъ священникамъ «политическую ненависть». Правда, націоналистическая пресса негодуетъ, когда кто-нибудь заподозритъ, что связь между населеніемъ и духовенствомъ не представляетъ ничего органическаго. Правда, между ирландскими крестьянами и католическими священниками существуютъ дружественныя отношенія. Ирландскій крестьянинъ преданъ иногда священнику, какъ крестьянинъ французскій до революціи. Иногда ирландскій крестьянинъ любитъ даже своего помѣщика: не одинъ изъ нихъ въ дѣтствѣ имѣлъ няньку-ирландку, которая любила его больше, чѣмъ родная мать. «Не думайте, что я иронизирую,—говоритъ Бернардъ Шоу.—Въ мірѣ не мало примѣровъ, что человѣческая доброта совмѣстима съ политической ненавистью. Рабы любятъ иногда своихъ хозяевъ, а школьники—учителя. Наполеонъ и его солдаты дѣлали нечеловѣческія усилія для спасенія тонущихъ русскихъ, подъ ногами которыхъ ядрами подломили ледъ. Въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки есть плантаторы, гуманное отношеніе которыхъ къ неграмъ вошло въ традицію. Солдаты и матросы иногда отъ чистаго сердца привѣтствуютъ своихъ офицеровъ. Но на подобныхъ отношеніяхъ нельзя строить политическую систему. Есть ирландцы, имѣющіе англійскихъ друзей, которымъ они очень преданы. И тѣ же ирландцы допустили бы, чтобы Шанонъ потекъ британской кровью, если бы такою цѣною могла быть куплена національная свобода. Точно такимъ же образомъ ирландскій католикъ можетъ любить священника, какъ человѣка, и уважать его, какъ духовника, но, въ то же время, готовъ воспользоваться любымъ моментомъ, чтобы сбросить съ себя поповское ярмо. Это потому, что ирландцы «политически ненавидятъ священниковъ, т. е. питаютъ къ нимъ единственный видъ ненависти, который допустимъ въ культурномъ человѣкѣ». Несмотря на кажущуюся органическую связь между духовенствомъ и народомъ, послѣдній въ глубинѣ души таитъ протестъ противъ священниковъ. Крестьянинъ не можетъ простить священнику высокаго вознагражденія за требы. Въ Англіи руга, church rates, отошла уже давно въ область преданій. Англичанинъ не знаетъ другихъ налоговъ, кромѣ городскихъ и подоходнаго. Въ Ирландіи священникъ отлично знающій доходы своего прихожанина, обла

гаетъ его церковнымъ налогомъ въ свою пользу. Тайные источники дохода духовнаго сына провѣряются на исповѣди. Мы имѣемъ предъ собою, съ одной стороны, бѣднѣйшее въ зап. Европѣ крестьянство, а съ другой—самое богатое духовенство. Средніе классы въ Ирландіи (католики) тоже должны въ глубинѣ души таить недовольство противъ своихъ священниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, они видятъ, какъ протестанты берутъ надъ ними верхъ и захватываютъ всѣ либеральныя профессіи. Католики могли бы сдѣлать то же самое, если бы пошли въ университетъ. Но духовенство строго запретило своимъ прихожанамъ учиться въ протестантскомъ университетѣ. Нужно отдавать дѣтей въ католическую семинарію, гдѣ всѣ книги, достойныя прочтенія, помѣщены въ папскомъ индексѣ; въ семинарію, гдѣ учатъ, что хотя земля и не совсѣмъ плоска, какъ блинъ, но и не совсѣмъ сферическа, какъ утверждаютъ протестанты. Умные люди подчиняются всему этому изъ политическихъ соображеній.

Въ Ирландіи нѣтъ «лояльныхъ» ирландцевъ, преданныхъ старому порядку за совѣсть. Оранжисты «лояльны», потому что это имъ выгодно. Бюрократія даетъ имъ за «лояльность» жирные куски. «Лояльность» проявляется исключительно въ вставаніи при пѣніи національнаго гимна, въ вывѣшиваніи національныхъ флаговъ и въ щедромъ употребленіи слова «измѣнникъ». Но каждый разъ, когда правительство дѣлаетъ шагъ по направленію къ католикамъ, протестантскій гарнизонъ заявляетъ свой протестъ и угрозу возмутиться противъ предержащей власти. Англійскій парламентъ въ XVI вѣкѣ протестовалъ до 1642 г. противъ Карла I слезами и молитвами. Оранжисты устами полковника Сандерсона заявили въ парламентѣ, что пойдутъ на баррикады, если правительство дастъ Ирландіи гомруль. Это «лоялисты» крайне опасные. Когда Англія предоставитъ Ирландіи, наконецъ, свободу,—говоритъ Бернардъ Шоу,—протестанты не будутъ тратить времени на обличеніе правительства; они не станутъ вопить, что правительство покинуло ихъ, какъ Гладстонъ Гордона въ Хартумѣ. Еще меньше протестанты проявятъ склонность удалиться въ С. Жерменское предмѣстье. Напротивъ, они примутъ энергичное участіе въ національномъ правительствѣ, которому понадобятся дѣятели, совершенно чуждые вліянія изъ Рима. Протестанты на выборахъ получатъ голоса не только своихъ единовѣрцевъ, но и католиковъ. Протестанты твердо проявятъ рѣшеніе удержать въ своихъ рукахъ власть; но такъ какъ это будетъ правительство ирландское, а не англійское, то они станутъ авангардомъ ирландскаго національзма и демократіи въ борьбѣ ихъ съ духовенствомъ. Англійскіе юніонисты будутъ поражены, когда откроютъ истинное значеніе протестантскаго лоялизма. Но возрожденная Ирландія останется вѣрна федеральному союзу говорящихъ по-англійски демократій, «театрально называемому теперь имперіей». Для Ирландіи національ-

ный флагъ не имѣетъ, быть можетъ, никакого значенія; но она отлично понимаетъ важность британской эскадры, защищающей острова отъ иностраннаго вторженія.

III.

Въ своемъ «предисловіи для политиковъ» Бернардъ Шоу предсказываетъ, что будетъ съ Ирландіей, когда она добьется областного сейма. Немедленно, по мнѣнію автора, начнется протестъ противъ Рима и вліянія священниковъ. Римско-католическая церковь станетъ оффиціальной *ирландской* церковью. Ирландскій областной сеймъ потребуетъ, чтобы отъ него зависѣло повышеніе въ церковной іерархіи; онъ урегулируетъ вознагражденіе за требы, отмѣнитъ существующее нынѣ вымогательство со стороны священниковъ. Сеймъ уничтожитъ эксплуатацію въ монастыряхъ *) и добьется снятія поповскаго запрещенія съ университетовъ. Однимъ словомъ, римско-католическая церковь, съ которой не въ силахъ справиться Dublin Castle *), найдетъ единственнаго соперника, могущаго помѣриться съ ней. Соперникъ этотъ—демократія. До тѣхъ поръ, покуда ей не даютъ развиться, она группируется вокругъ алтарей для борьбы съ «иностранцами» и еретиками; но какъ только демократія освободится, она живо покончитъ съ тираніей поповъ. Словомъ, въ Ирландіи повторится то же явленіе, что во Франціи и въ Италіи. Гомруль измѣнитъ совершенно характеръ «острова святыхъ», какъ называютъ теперь Ирландію. Теперь только на сѣверѣ оранжисты упражняются въ писаніи мѣломъ на заборахъ: «Въ адъ папу». По всей вѣроятности, такія надписи будетъ выводить на стѣнахъ въ ближайшемъ будущемъ населеніе ультра-католическаго юга.

Въ Англіи, какъ и во Франціи,—говоритъ Бернардъ Шоу,—борьба свѣтскихъ людей съ духовенствомъ создала многочисленный классъ вольтеріанцевъ. Но тождественность французскаго и англійскаго движеній затемнена невѣжествомъ средняго англичанина,

---

*) Въ ирландскихъ монастыряхъ, какъ въ монастыряхъ всѣхъ странъ, настоятельницы безстыдно эксплуатируютъ трудъ монахинь и послушницъ. Тамъ работаютъ кружевницы, швеи, вязальщицы при условіяхъ, немыслимыхъ въ любой мастерской, подчиненной контролю фабричныхъ инспекторовъ. Въ парламентъ нѣсколько разъ вносился билль о подчиненіи мастерскихъ въ монастыряхъ обычному закону королевства. Націоналисты изъ политическихъ соображеній возставали каждый разъ противъ билля. Съ своей стороны либералы, считающіе націоналистовъ союзниками, изъ соображеній тактическихъ, поддерживали ирландцевъ. И вотъ до сихъ поръ безстыдная эксплуатація труда въ женскихъ монастыряхъ продолжается.

**) Коллективное названіе современнаго бюрократическаго правительства въ Ирландіи.

который, не понимая истиннаго значенія сектантства, глубоко убѣжденъ, что только онъ одинъ позналъ истину; вѣра же всѣхъ остальныхъ—ересь и заблужденіе, достойное ада. Средній англичанинъ вѣритъ, что Вольтеръ — «французскій еретикъ» и не подозрѣваетъ, что вся дѣятельность его — борьба противъ деспотизма оффиціальной теократіи, т. е. противъ государственной церкви. Въ сущности, всѣ выдающіеся диссентеры свободной церкви — вольтеріанцы,—говоритъ Б. Шоу. Призывъ нонконформистовъ къ пассивному сопротивленію это—тотъ же вольтеровскій боевой кличъ: «Ecrasez l'infâme»! Въ сущности, не важно, къ кому именно относится опредѣленіе «infâme». По понятіямъ Вольтера то была католическая церковь. По мнѣнію современнаго вождя диссентеровъ, доктора Клиффорда, l'infâme это—реформированная англиканская церковь. Въ обоихъ случаяхъ атака ведется противъ монополіи въ сферѣ вѣры и противъ поповской тираніи.

Бѣдствіе Ирландіи заключается теперь, по мнѣнію Шоу, въ томъ, что масса нервной энергіи тратится на протестъ противъ легкоустранимаго зла. По общему мнѣнію, населеніе Ирландіи живетъ гораздо хуже, чѣмъ англичане. Бернардъ Шоу утверждаетъ какъ разъ обратное. Въ матеріальномъ отношеніи среднему ирландцу живется теперь, когда населеніе на островѣ сильно порѣдѣло, гораздо лучше, чѣмъ среднему англичанину. Правда, въ Ирландіи бѣдный человѣкъ ограбленъ, угнетенъ и умираетъ отъ голода, все «на законномъ основаніи». Но то же самое происходитъ и въ Англіи,—говоритъ Б. Шоу. Англичанинъ болѣе послушенъ, менѣе опасенъ, чѣмъ ирландецъ и слишкомъ умственно лѣнивъ, чтобы воспользоваться политической силой, имѣющейся въ его распоряженіи. Онъ болѣе терпѣливъ и потому не шумитъ такъ, какъ ирландецъ, когда страдаетъ. Англичанинъ долженъ упрекать только самого себя, если онъ несчастенъ. Если бы большинство англичанъ такъ же твердо рѣшило измѣнить съ выгодой для себя конституцію, какъ рѣшило большинство ирландцевъ добиться гомруля,—то оно давно добилось бы уже своего. Англичанамъ, добивающимся измѣненія конституціи, не грозила бы, какъ ирландцамъ, война съ мощнымъ сосѣдомъ. Они не вели бы борьбу, какъ ирландцы, съ веревкой на шеѣ. Англичанинъ можетъ нападать на любой институтъ своей страны. Это не поведетъ къ введенію законовъ объ усиленной охранѣ (coercion acts), какъ въ Ирландіи. Правда, помѣщикъ прогонитъ работника, если тотъ, вмѣсто приходской церкви, станетъ посѣщать часовню методистовъ. Правда, богатые потребители перестанутъ покупать у лавочника, если узнаютъ, что онъ поддерживаетъ на выборахъ не консервативнаго, а либеральнаго кандидата. Но за то сторонники реакціи въ Англіи не въ силахъ уже обуздать интеллектуальныхъ вождей демократіи. Философъ, писатель или ораторъ въ Англіи могутъ обличать всякое злоупотребленіе и разрушать всякое суевѣріе. Дѣлая

это, философъ или писатель не играютъ въ руку національному врагу, общему для всѣхъ. «Совсѣмъ другое мы видимъ въ Ирландіи, гдѣ каждое подобное разоблаченіе есть услуга Англіи и ударъ родному народу. Если вы тамъ станете обличать тиранію и жадность католической церкви, то это будетъ только аргументъ въ пользу господства и преобладанія протестантовъ. Если вы будете выставлять непотизмъ и взяточничество, существующіе въ нѣкоторыхъ новыхъ земскихъ учрежденіяхъ, то обличеніями немедленно воспользуются бюрократы изъ Dublin-Castle для доказательства, что ирландцы не способны къ самоуправленію, и что старыя муниципальныя учрежденія были лучше. Точно такимъ же образомъ протестанты, во чтобы то не стало, должны поддерживать Dublin Castle. Оранжисты должны смотрѣть сквозь пальцы на каждое злоупотребленіе бюрократіи, потворствовать тираніи, принимать каждаго дубоголоваго администратора за образецъ государственной мудрости. потому что обличеніе злоупотребленій было бы на руку націоналистамъ. Національзмъ—зло, но это естественное послѣдствіе завоевательной политики. Подчиненный народъ подобенъ больному ракомъ. Больной не можетъ думать ни о чемъ другомъ и, волей неволей, оказывается въ рукахъ шарлатана, утверждающаго, что онъ можетъ излѣчить ракъ. Пустомели обоихъ лагерей въ Ирландіи стоютъ другъ друга,—говоритъ Бернардъ Шоу. «Въ Ирландіи каждый политическій ораторъ непремѣнно усиленно подчеркиваетъ національзмъ. Англійское владычество до такой степени невыносимо, что ирландцы не могутъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только о національзмѣ, который стѣной заставляетъ весь свѣтъ. Сколько-нибудь здравомыслящіе люди въ Ирландіи не любятъ національзма, какъ не можетъ любить человѣкъ со сломанной рукой процесса вправленія ея. Здоровая нація также не сознаетъ своей «національности», какъ не чувствуетъ здоровый человѣкъ своихъ костей. Но если угнетатели сломаютъ національность народа, то всѣ мысли его сконцентрируются на томъ, чтобы «вправить» ее. И до тѣхъ поръ, покуда требованія націоналистовъ не будутъ удовлетворены, такой народъ не станетъ слушать ни реформаторовъ, ни философовъ, ни новыхъ проповѣдниковъ. Вотъ почему, покуда Ирландія не добьется гомруля, она будетъ страшно отсталой страной». Всѣ великія идеи, охватившія культурный міръ, задерживаются у береговъ Ирландіи. Вмѣсто этого мы видимъ возникновеніе «гэльской лиги», задавшейся цѣлью воскресить почти умершій языкъ, непонятный $^{95}/_{100}$ всего населенія. Узкій національзмъ захватилъ все: парламентскіе выборы основаны только на немъ; въ каждой лекціи исторія искусственно подгоняется для подтвержденія требованій національзма или, если лекторъ оранжистъ, для доказательства несостоятельности ихъ. Каждая школа превращается въ пунктъ для вербовки новобранцевъ; каждая церковь представляетъ собою казармы націоналистовъ. Все это сильно уто-

мило ирландцевъ, но будетъ существовать до тѣхъ поръ, покуда гомруль не смететъ націонализма въ сорную яму. «Для народа нѣтъ большаго проклятія, чѣмъ націоналистическое движеніе,—говоритъ Бернардъ Шоу;—это только болѣзненный симптомъ задавленныхъ естественныхъ функцій. Побѣжденные народы теряютъ свое мѣсто въ историческомъ поступательномъ шествіи другихъ народовъ, потому что всѣ усилія ихъ сосредоточены на попыткѣ отдѣлаться отъ націоналистическаго движенія при помощи завоеванія національной свободы».

Ирландія, какъ и всякій завоеванный народъ, имѣетъ *естественное право* на самоопредѣленіе. Въ послѣднее время существуетъ школа, отрицающая естественное право на томъ основаніи, что оно не можетъ быть выведено изъ принциповъ существующихъ политическихъ системъ. Если какое-нибудь право можетъ быть выведено изъ этихъ системъ, то это уже будетъ право пріобрѣтенное. По мнѣнію Шоу, отрицаніе естественнаго права—нелѣпость. Если пріобрѣтенныя права вытекаютъ изъ политическихъ учрежденій, то послѣднія являются послѣдствіемъ естественныхъ правъ. «Если бы даже гомруль былъ столь же нездоровъ, какъ ѣда англичанина, столь же хмѣленъ, какъ его напитки, нечистъ, какъ его куреніе, непристоенъ, какъ его семья, безстыдно жаденъ, какъ его торговля, жестокъ, какъ его тюрьмы и безжалостенъ, какъ все то, что происходитъ на англійскихъ улицахъ, — то и тогда, всетаки, естественное право на гомруль остается тѣмъ же» *).

Таковъ тотъ тезисъ, на который написана пьеса «John Bull's Other Island». Обратимся теперь къ ней.

IV.

Бернардъ Шоу выводитъ двухъ пріятелей, инженеровъ по профессіи, Томаса Броадбента и Лоренса, или Ларри, Дойла. Первый изъ нихъ англичанинъ, второй—ирландецъ. Согласно теоріи Шоу, Броадбентъ совершенно загипнотизированъ въ вопросахъ политики гипотезами, вычитанными въ передовыхъ статьяхъ своей газеты и выслушанными на митингахъ». Предъ нами человѣкъ, видящій дѣйствительность не таковой какъ она есть, а какъ представляютъ ее передовыя статьи. Это—фантазеръ, лишенный чувства моральной деликатности и такта, но здоровый, настойчивый, жизнерадостный. Поразительно проницателенъ онъ только въ сферѣ «дѣланья денегъ», money-making, какъ говорятъ англичане. Броадбентъ—сентименталенъ, какъ всѣ здоровые и сильные люди. Пріятель его — типичный ирландецъ, опять, какъ понимаетъ Шоу. «Ларри» постоянно имѣетъ передъ собою дѣйствительность. Оба

---

*) „Preface for Politicians“, d. XXXVIII.

пріятеля отправляются въ Ирландію; Броадбентъ—въ первый разъ, а Ларри—послѣ восемнадцатилѣтняго отсутствія. У англичанина—практическій планъ скупить отъ имени синдиката участокъ земли и построить тамъ отели для пріѣзжихъ. Но Броадбентъ, какъ сентиментальный человѣкъ, взвинчиваетъ себя; онъ совершенно искренно думаетъ, что ѣдетъ для красотъ острова, и удивляется только, что пріятель его совершенно равнодушенъ.

Дойлъ.—Мнѣ ужасно не хочется ѣхать домой въ Росскуленъ и я съ бо́льшей готовностью поѣхалъ бы съ вами къ южному полюсу.

Броадбентъ.—Какъ! Это говорите вы, представитель націи съ сильно развитымъ чувствомъ патріотизма,—націи, домашніе инстинкты которой безпримѣрны. И вы утверждаете, что поѣхали бы всюду охотнѣй, чѣмъ въ Ирландію. Неужели вы думаете, что я вамъ вѣрю? Въ вашемъ сердцѣ....

Дойлъ.—Оставьте въ покоѣ мое сердце! Сердце ирландца—только продуктъ его воображенія. Ирландію покинули милліоны людей. А многіе ли изъ нихъ возвратились, или имѣютъ намѣреніе сдѣлать это? Но зачѣмъ я это вамъ говорю? Сентиментальный стишокъ объ ирландскихъ эмигрантахъ или цитата изъ передовой статьи для васъ значатъ больше, чѣмъ всѣ факты, которые прямо рѣжутъ глаза.

Пріятели отправляются въ Ирландію. И Бернардъ Шоу выводитъ цѣлую коллекцію провинціальныхъ типовъ. Тутъ отставленный священникъ, полупомѣшанный мистикъ Кигэнъ, бесѣдующій съ кузнечиками и цвѣтами, страдающій физически за нихъ. «Пожалуйста, не рвите цвѣточковъ, — молитъ онъ. — Если бы то были красивыя дѣти, вы не отодрали бы имъ головокъ и не поставили бы ихъ въ стаканъ съ водой». Тутъ—отъѣвшійся, гладкій, самодовольный и невѣжественный священникъ отецъ Демпси, оскорбляющійся, когда Броадбентъ спрашиваетъ, есть ли у него своя теорія о происхожденіи одного памятника. «Теорія» въ представленіи священника ассоціируется непремѣнно съ Тиндалемъ и съ научнымъ скептицизмомъ вообще. Затѣмъ мы видимъ цѣлую коллекцію фермеровъ, только что ставшихъ прочно на ноги, вслѣдствіе выкупа земли. До послѣдняго времени поразительное трудолюбіе фермеровъ шло на пользу помѣщику.

Ларри. Трудолюбіе ирландскаго крестьянина какое-то сверхчеловѣческое. Онъ трудолюбивѣе коралловаго полипа. Англичанинъ умѣетъ работать, онъ никогда не сдѣлаетъ больше, чѣмъ нужно, и постарается выполнить свое дѣло по совѣсти. Ирландецъ же работаетъ, такъ, какъ будто, если онъ остановится, то сейчасъ умретъ. Мэтью Хаффиганъ и братъ его Энди превратили въ удобную землю каменистый скатъ холма. Они снесли всѣ камни и вскопали землю чуть ли не палкой. Первый хорошій заступъ они купили на деньги, вырученныя отъ продажи перваго урожая картофеля. Толкуютъ, что хорошій земледѣлецъ выраститъ два колоса

тамъ, гдѣ прежде росъ только одинъ! Мэтью и Энди вырастили пшеницу тамъ, гдѣ изъ камней не могъ расти даже дрокъ.

Бродбентъ. Удивительно! Только великая нація можетъ давать такихъ людей!

Ларри. Вы хотите сказать такихъ глупцовъ! Какую пользу принесъ имъ трудъ? Какъ только они расчистятъ поле, помѣщикъ назначитъ ренту въ пять фунтовъ. И такъ какъ они не могли давать такихъ денегъ, то [illegible] землю другому.

Но теперь времена измѣнились. Помѣщики продали свои земли. Фермеры стали собственниками. Скоро у насъ въ Ирландіи не останется ни одного помѣщика,—говоритъ тетка Ларри Джюди.

— Напротивъ,—мрачно отвѣчаетъ Ларри,—у насъ скоро не будетъ никого, кромѣ помѣщиковъ. И тогда да спасетъ Богъ Ирландію! Дѣйствительно, Мэтью, Энди и другіе фермеры, ставши собственниками земли, не любятъ, когда при нихъ говорятъ о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ. Прежде политическій агитаторъ, чтобы сразу завоевать вниманіе слушателей, долженъ былъ обличать помѣщиковъ. Теперь фермеръ именно въ силу этого недоволенъ своимъ представителемъ въ парламентѣ.

— Довольно съ насъ глупыхъ толковъ про лэндлордовъ!—сердито говоритъ старикъ Мэтью Хаффиганъ, тотъ самый, котораго когда-то прогналъ помѣщикъ, но который теперь самъ сталъ собственникомъ послѣ реформы 1903 г. Что смыслитъ въ земельномъ вопросѣ нашъ депутатъ, если онъ самъ постоянно живетъ въ городѣ!

— Онъ намъ надоѣлъ,—добавляетъ другой фермеръ Корнеліусъ, который, когда [illegible], самъ принималъ участіе въ земельной лигѣ.—Депутатъ не знаетъ мѣры. Каждый не можетъ стать землевладѣльцемъ. Совсѣмъ другое дѣло было прежде, когда серьезнымъ и почтеннымъ людямъ, какъ Доранъ, Мэтью или я, постоянно угрожала опасность быть прогнанными изъ фермъ. Здравомыслящій человѣкъ не можетъ же утверждать, что всѣмъ безъ исключенія, даже тупому работнику Пэтси, слѣдуетъ дать землю!

Бродбентъ—(сентенціозно). Въ томъ, что мистеръ Хаффиганъ страдалъ, повиненъ ирландскій лэндлордизмъ.

Мэтью.—Никому нѣтъ дѣла до того, что я страдалъ. И безъ вашихъ разсказовъ я знаю, сколько претерпѣлъ. Но что я требовалъ? Только ту землю, которую обработалъ собственными руками. (*Сердито фыркаетъ*). Меня нельзя сравнивать съ Пэтси. Онъ — дубина и не умѣетъ отличить правую руку отъ лѣвой. Развѣ онъ когда нибудь страдалъ?... Зачѣмъ же тутъ говорятъ, что и Пэтси нужно дать землю?

Доранъ (Бѣшено).—Не кричи, дуракъ! Кто хочетъ надѣлить Пэтси землею?

Корнеліусъ объясняетъ своему сыну Ларри, чего именно же-

дають другіе фермеры. Отецъ Демпси хотѣлъ бы видѣть его депутатомъ отъ Россклэна.

Корнеліусъ.—Видишь, Ларри, дѣло вотъ въ чемъ. Разъ мы землю, наконецъ, получили и хотѣли бы теперь, чтобы правительство больше не мѣшалось къ намъ. Мы хотимъ имѣть въ парламентѣ такихъ людей, которые знали бы, что все держится на фермерѣ. Намъ нѣтъ никакого дѣла до разнаго сброда въ городахъ и до работниковъ.

У молодой Ирландіи оказываются, однако, другіе идеалы, чѣмъ у старыхъ фермеровъ, и Ларри не хочетъ быть ихъ представителемъ въ парламентѣ.

— Я всегда считалъ,—говоритъ Ларри, обращаясь къ Мэтью,—страшно глупымъ и несправедливымъ, что вся земля принадлежитъ немногимъ лэндлордамъ, не отвѣтственнымъ предъ народомъ за пользованіе ею. Помѣщики думали только о томъ, чтобы выжать изъ земли возможно больше денегъ и истратить [illegible] въ Англіи. Лэндлорды закладывали и перезакладывали свои имѣнія до тѣхъ поръ, покуда земля стала имъ въ тягость. Но скажу вамъ откровенно, Мэтъ, глубоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что теперь дѣло пойдетъ лучше, когда земля передана группѣ мелкихъ собственниковъ, подобнымъ вамъ.

Мэтью (угрюмо).—Какое право имѣете вы смотрѣть на меня сверху внизъ? Вы воображаете себѣ много, потому что вашъ отецъ былъ земельнымъ агентомъ.

Ларри.—А какое право имѣете вы смотрѣть сверху внизъ на Пэтси? Вы воображаете, что вы все, потому что пріобрѣли въ собственность нѣсколько акровъ земли.

Мэтью.—Угнетали ли Пэтси когда-нибудь такъ, какъ меня? Скажите-ка?

Ларри.—Его еще будутъ угнетать, какъ только онъ попадетъ подъ вашу власть, какъ вы попали когда-то во власть помѣщика. Неужто вы думаете, что такъ какъ вы бѣдны, невѣжественны и отупѣли отъ усиленнаго труда, то вы станете мягче обращаться съ Пэтси и проявите меньшую жадность, чѣмъ вашъ бывшій помѣщикъ Никъ Лэстрэнджъ? Тотъ хоть былъ образованный человѣкъ, видавшій свѣтъ. Его нельзя было соблазнить нѣсколькими сотнями фунтовъ, какъ васъ нѣсколькими шиллингами. Никъ стоялъ слишкомъ высоко надъ Пэтси, чтобы завидовать ему; разница между вами и Пэтси не велика, а между тѣмъ, вы скорѣе умрете, чѣмъ согласитесь, чтобы онъ сталъ рядомъ съ вами...»

Приведенный въ ярость, старый фермеръ хочетъ уйти. Его останавливаетъ священникъ Демпси, котораго, какъ и остальныхъ фермеровъ, удивляетъ, «почему это вдругъ Ларри заступился за Пэтси»? Молодой ирландецъ объясняетъ сторонамъ, что въ прошломъ, вслѣдствіе того, что ирландскіе предприниматели пользовались «Пэтси», они въ состояніи были завалить англійскіе рынки деше-

выми продуктами. Спасаясь отъ экономическаго раззоренія, Англія раззорила Ирландію. Явленіе повторится опять, если теперь, послѣ выкупа земли, оправившіеся ирландскіе фермеры воспользуются дешевымъ трудомъ. «Если я попаду въ парламентъ,—заканчиваетъ Ларри,—то постараюсь внести билль, воспрещающій фермеру платить Пэтси за его труды меньше, чѣмъ фунтъ въ недѣлю. Въ моемъ биллѣ сказано будетъ также, что съ Пэтси нельзя обращаться хуже, чѣмъ съ лошадью, за которую вы заплатили пятьдесятъ гиней». Фермеры въ ужасѣ.

Корнеліусъ (*пораженный*).—Что? Фунтъ въ недѣлю! Боже! Паренекъ съ ума сошелъ!

Ларри.—Можетъ ли работникъ, получающій меньше фунта, жениться и жить сколько-нибудь сносно.

Свящ. Демпси.—Человѣче! Гдѣ вы жили въ это время? О чемъ вы бредили всѣ эти годы? Многіе честные фермеры, имѣющіе теперь собственную землю, не могутъ выработать больше фунта въ недѣлю, а вы хотите, чтобы они платили столько работникамъ.

Ларри.—Что же! Пусть въ такомъ случаѣ фермеры уступятъ мѣсто тѣмъ, которые могутъ выработать больше. Неужели неудача вѣчно должна преслѣдовать Ирландію? Сперва ее отдали богачамъ. А теперь, когда они напитались ея мясомъ, кости Ирландіи швырнули бѣднякамъ, которые ничего не умѣютъ, какъ только высасывать мозгъ. Если нельзя, чтобы честные люди владѣли землею, отдайте ее способнымъ; если нѣтъ и ихъ, то хоть людямъ съ капиталомъ. Всѣ они будутъ лучше, чѣмъ старый Мэтъ, не имѣющій ни честности, ни способности, ни капитала, ничего, кромѣ грубаго труда да еще жадности».

Ирландскимъ фермерамъ не надобенъ такой кандидатъ въ парламентъ. Для нихъ больше подходитъ англичанинъ Броадбентъ, традиціонный либералъ, воспитанный на передовыхъ статьяхъ радикальныхъ газетъ. Такой либералъ видитъ всюду, такъ сказать, только прямыя линіи. Броадбентъ произноситъ фермерамъ спичъ, въ которомъ излагаетъ свое политическое *credo*. Онъ говоритъ о гомрулѣ, о католической церкви, но не о землѣ. Онъ уходитъ крайне довольный собою.

Свящ. Демпси.—Да! Ума у него немного, прости ему, Боже! Но и нашъ депутатъ тоже не можетъ похвастаться умомъ.

Дорэнъ. Пустое, что этотъ англичанинъ болтаетъ. Денегъ у него за то много; онъ будетъ хорошимъ депутатомъ.

Англичанинъ, который такъ смѣшонъ трезво смотрящимъ ирландцамъ, когда онъ принимается говорить академическимъ тономъ мысли изъ передовыхъ статей, отлично умѣетъ, однако, обдѣлывать практическія дѣла. Намъ, русскимъ читателямъ, непонятно, какъ могъ Бернардъ Шоу сдѣлать комическую фигуру изъ стараго фермера Мэтью Хаффигана, котораго всю жизнь преслѣдовали. «Моего дядю застрѣлили на улицѣ во время возстанія католиковъ»;

«моего дѣда сѣкли на улицѣ, когда солдаты взяли деревню. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ изъ ружья въ соломенную крышу нашего дома и сжегъ ее». Вотъ «комическія» фразы, которыя бормочетъ постоянно старикъ, дорвавшійся, наконецъ, до земли.

Похоронную пѣсню старой Ирландіи поетъ полупомѣшанный мистикъ, отставной священникъ Кигэнъ. Для него земля—только юдоль плача. «Этотъ міръ—только мѣсто мученій, гдѣ хорошо живется только глупцамъ, а добрыхъ и умныхъ ненавидятъ и преслѣдуютъ. Мужчины и женщины мучаютъ другъ друга во имя любви; дѣтей сѣкутъ и порабощаютъ во имя родительскаго долга; слабыхъ тѣломъ отравляютъ и калѣчатъ подъ видомъ лѣченія; а слабыхъ духомъ подвергаютъ умственнымъ мученіямъ, запирая на долгіе годы въ тюрьмы». Англичанинъ, какъ оптимистъ, не признаетъ, конечно, подобной оцѣнки міра. Есть, безъ сомнѣнія, зло; но оно излѣчивается хорошими реформами. «Нѣтъ такихъ соціальныхъ бѣдствій, —говоритъ самоувѣренно Броадбентъ,— которыя нельзя было бы исцѣлить свободой, самоуправленіемъ и нашими британскими учрежденіями».

Молодая Ирландія шире смотритъ на вещи.

Такова, въ общихъ чертахъ, «политическая» комедія Бернарда Шоу. Въ слѣдующій разъ я скажу о двухъ другихъ пьесахъ его: «Major Barbara» и «How He lied to Her Husband».

Sh.

Стачки и локауты въ Германіи (1901—1905).

Съ развитіемъ капитализма и съ ростомъ сознанія широкой рабочей массы стачка становится повседневнымъ явленіемъ въ экономической жизни народовъ. Въ Германіи ростъ стачекъ особенно сильно проявился въ послѣднее пятилѣтіе. Это объясняется главнымъ образомъ колоссальнымъ развитіемъ германскаго капитализма и тѣмъ, что самые широкіе слои рабочихъ начинаютъ проникаться сознаніемъ необходимости объединенія для борьбы за лучшую жизнь. Не малую роль, впрочемъ сыграла въ этомъ ростѣ стачекъ и хозяйственная политика германскихъ господствующихъ классовъ, которая привела къ такому вздорожанію самыхъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, что рабочіе единственное средство для сохраненія своего Standard of Life видятъ въ стачкѣ. Въ виду всего этого послѣдніе годы отличались острыми, небывалыми по своимъ размѣрамъ конфликтами труда съ капиталомъ. Стачка

сдѣлалась такимъ нормальнымъ, обычнымъ явленіемъ въ германской экономической жизни, что она ужъ окончательно перестала вызывать страхъ. Точка зрѣнія бывшаго прусскаго министра полиціи, Путткамера, усматривавшаго въ каждой стачкѣ «гидру революціи», въ настоящее время не раздѣляется даже самыми ярыми нѣмецкими шарфмахерами.

Переходя къ изслѣдованію числа стачекъ и стачечниковъ и результатовъ германскихъ стачекъ, мы прежде всего должны задать вопросъ: какъ обставлена организація собиранія статистическихъ свѣдѣній о стачкахъ. Въ Германіи статистика стачекъ ведется какъ оффиціальнымъ императорскимъ статистическимъ департаментомъ, такъ и «генеральной коммиссіей профессіональныхъ союзовъ Германіи».

Оффиціальная статистика начинается лишь съ 1899 года. Цѣль была слѣдующимъ образомъ формулирована статистическимъ департаментомъ: «Цѣлью нашей статистики не является стремленіе показать, въ какой степени стачки угрожаютъ общественному спокойствію; наша цѣль лежитъ въ первую линію въ хозяйственной области». Оффиціальныя германскія сферы, какъ видимъ, придаютъ статистикѣ стачекъ большое значеніе, исходя изъ хозяйственной и соціальной точекъ зрѣнія. Но на самомъ дѣлѣ организація оффиціальной статистики не такъ ужъ и «невинна», какъ ее рисуютъ германскіе оффиціозы. Дѣло въ томъ, что въ оффиціальныхъ формулярахъ среди вопросовъ, касающихся стачекъ, имѣются и вопросы относительно того, нарушены ли были рабочими условія договора о наймѣ, участвовали ли въ стачкѣ малолѣтніе рабочіе, прибѣгали ли рабочіе во время стачекъ къ насиліямъ и вообще нарушеніямъ закона. Эти вопросы криминально-юридическаго характера недвусмысленно указываютъ на то, что правительственными кругами Германіи руководятъ при ихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ стачекъ соображенія не только объективно-научнаго, но и полицейскаго характера.

Собираніе отвѣтовъ на указанные вопросы можетъ имѣть своей цѣлью накопить матеріалъ для тѣхъ случаевъ, когда правительство вздумаетъ выступить съ ограничительными законами противъ рабочихъ. Характерно, что начало оффиціальной статистики стачекъ какъ разъ совпало съ отклоненіемъ со стороны рейхстага знаменитаго правительственнаго «каторжнаго законопроекта». Въ виду такой организаціи оффиціальной статистики стачекъ, представители германскихъ рабочихъ относятся къ ней очень недовѣрчиво и отказываютъ ей въ помощи. Руководители германскихъ профессіональныхъ союзовъ неоднократно указывали, что рабочіе готовы оказывать услуги правительственнымъ агентамъ въ смыслѣ добыванія свѣдѣній о стачкахъ лишь въ томъ случаѣ, если это собираніе свѣдѣній будетъ лишено всякихъ полицейскихъ соображеній, т. е. если упомянутые вопросы будутъ вы-

черкнуты. На это требованіе профессіональныхъ союзовъ германское правительство не согласилось, и вслѣдствіе этого оффиціальная статистика стачекъ страдаетъ многими неточностями, не полна и далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такъ какъ руководители профессіональныхъ союзовъ отказываются давать правительственнымъ чиновникамъ какія - либо свѣдѣнія о стачкахъ, то этимъ чиновникамъ волей-неволей приходится пользоваться только услугами фабрикантовъ. Послѣдніе - же часто даютъ невѣрные отвѣты на предложенные вопросы и передаютъ въ неправильномъ освѣщеніи причины и результаты стачекъ. Для характеристики неполноты оффиціальной статистики можетъ служить тотъ фактъ, что въ ней пятая часть происходившихъ стачекъ вовсе не зарегистрована. Въ 1901 году въ оффиціальной статистикѣ не было зарегистровано 316 стачекъ съ 6243 участниками; въ 1902 году — 314 стачекъ съ 5888 участниками; въ 1903 году — 387 стачекъ съ 8120 участниками; въ 1904 году—481 стачка съ 9505 участниками. Напротивъ, «генеральная коммиссія профессіональныхъ союзовъ Германіи» даетъ болѣе или менѣе вѣрную картину экономической борьбы. Германскіе «свободные» профессіональные союзы удѣляютъ много вниманія организаціи статистики стачекъ, и многіе серьезные изслѣдователи соціальной жизни Германіи признаютъ, что статистика «генеральной коммиссіи» поставлена образцово. Всѣ центральные союзы ведутъ регулярно статистику стачекъ рабочихъ данной профессіи. О каждой стачкѣ сообщать филіальные профессіональные союзы должны правленію центральнаго союза. «Генеральная коммиссія» ведетъ статистику стачекъ, начиная съ 1890 года, и ежегодно публикуетъ результаты своихъ изслѣдованій въ своемъ органѣ «Korrespondenzblatt».

Сдѣлавъ это предисловіе, мы можемъ перейти къ подробному разсмотрѣнію германскаго стачечнаго движенія за пятилѣтіе 1901—1905 гг.

О числѣ стачекъ и стачечниковъ по годамъ даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Годы.	Стачки.	Стачечники.
1901	727	48522
1902	861	55713
1903	1282	121593
1904	1625	135957
1905	2070	363916

Изъ этой таблицы мы прежде всего видимъ, что число стачекъ особенно увеличилось, начиная съ 1903 года. Сравнительно небольшое число стачекъ въ 1901 и 1902 году (въ 1899 году было 976 стачекъ, а въ 1900 году 852) объясняется тѣмъ, что эти годы были годами промышленнаго кризиса. Стачечное движеніе, какъ извѣстно, находится въ тѣсной зависимости отъ экономической конъюнктуры. Въ моменты промышленнаго подъема, когда

спросъ на рабочія руки великъ, когда всюду основываются новыя предпріятія, а старыя расширяются, шансы рабочихъ улучшить свое положеніе поднимаются и рабочіе скорѣе рѣшаются на забастовку, зная, что предприниматель въ нихъ нуждается. Въ моменты же промышленнаго кризиса, когда спросъ на рабочія руки незначителенъ, а резервная армія безработныхъ велика, рабочіе не могутъ думать объ интенсивной стачечной борьбѣ. Послѣ кризиса 1900—02 года нѣмецкіе рабочіе сейчасъ же принялись за укрѣпленіе своей организаціи и усиленіе экономической борьбы, имѣя въ виду использовать блестящее состояніе промышленности. Какъ мы увидимъ ниже, эти задачи германскихъ рабочихъ и были разрѣшены ими въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ.

По сравненію съ 90-ми годами стачечная борьба въ разсматриваемый нами періодъ носила особенно интенсивный характеръ. Въ среднемъ за десятилѣтіе 1891—1900 года было ежегодно 462 стачки, а за пятилѣтіе 1901 — 1905 ежегодное число стачекъ равнялось въ среднемъ 1311. Что касается числа стачекъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, то статистика показываетъ, что наибольшее число стачекъ выпадаетъ на слѣдующія отрасли: строительное дѣло, металлургическую промышленность и столярное производство. Въ этихъ трехъ отрасляхъ производства было въ 1903 году 950 стачекъ, т. е. 74% всего числа стачекъ; въ 1904 году 1294 стачекъ или 79% всего числа стачекъ; въ 1905 году—1679 стачекъ или 81% всего числа стачекъ. Необходимо отмѣтить, что въ этихъ отрасляхъ производства наиболѣе крѣпки и профессіональные союзы. Такъ, союзъ рабочихъ по металлу насчитывалъ въ концѣ 1905 года 259.692 членовъ; союзъ каменщиковъ—158.680; союзы рабочихъ по дереву 130.141 член.

Къ даннымъ о числѣ стачечниковъ небезынтересно еще прибавить, что въ 1904 году во всѣхъ стачкахъ участвовало 5048 работницъ, а въ 1905 г. 16.226 работницъ. Этотъ значительный ростъ числа работницъ—стачечницъ особенно замѣчателенъ, такъ какъ до самаго послѣдняго времени работницы въ Германіи отличались весьма слабымъ развитіемъ классоваго сознанія и солидарности. Женщина—работница не разъ являлась даже помѣхой въ борьбѣ рабочихъ, соглашаясь занять за болѣе низкую заработную плату мѣсто бастующихъ рабочихъ мужчинъ. Нѣмецкіе рабочіе уже давно сознали, что одна изъ ближайшихъ ихъ задачъ—способствовать всѣми силами профессіональной организаціи работницъ, и нужно сказать, что въ послѣдніе годы эта сторона дѣятельности нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ дала весьма успѣшные результаты. Въ то время, какъ въ 1900 году число профессіонально организованныхъ работницъ равнялось 22,844, въ концѣ 1905 года это число равнялось уже 89,431.

По характеру своему стачки подраздѣляются на наступательныя и оборонительныя, т. е. на стачки, имѣющія цѣлью добиться улуч-

шенія условій труда, и стачки, ставящія цѣлью противодѣйствовать введеннымъ предпринимателемъ ухудшеніямъ. Разсмотримъ отдѣльно эти двѣ категоріи стачекъ.

Число наступательныхъ стачекъ по отдѣльнымъ годамъ распредѣляется такъ:

Годы.	Стачки.	Стачечники.
1901	291	22761
1902	289	32659
1903	603	53763
1904	886	81427
1905	1261	333247

Какъ видимъ, число наступательныхъ стачекъ было особенно малымъ въ годы кризиса. При разсмотрѣніи причинъ наступательныхъ стачекъ оказывается, что наибольшая часть ихъ велась изъ-за вопроса объ увеличеніи заработной платы. Изъ всего числа 3330 наступательныхъ стачекъ за разсматриваемый періодъ при 1675 стачкахъ главнымъ требованіемъ было увеличеніе заработной платы. Это явленіе—первенствующая роль вопроса о заработной платѣ въ конфликтахъ труда съ капиталомъ—наблюдается во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. При 9 наступательныхъ стачкахъ съ 6251 участниками рабочіе добивались уменьшенія рабочаго времени. При 1223 стачкахъ съ 350691 стачечниками рабочіе требовали какъ уменьшенія рабочаго времени, такъ и увеличенія заработной платы. Остальныя 353 стачки велись изъ-за другихъ требованій: удаленія нелюбимыхъ мастеровъ и пр.

О числѣ оборонительныхъ стачекъ можетъ дать представленіе слѣдующая таблица:

Годы.	Стачки.	Стачечники.
1901	401	17301
1902	516	16263
1903	597	22667
1904	627	28127
1905	809	30679

И въ оборонительныхъ стачкахъ главную роль игралъ вопросъ о заработной платѣ. Изъ всего числа 2950 оборонительныхъ стачекъ 1346 стачекъ съ 43.621 участниками имѣли цѣлью отразить попытки капиталистовъ уменьшить заработную плату. Въ 573 случаяхъ рабочіе выступали въ защиту своихъ товарищей, къ которымъ были примѣнены со стороны предпринимателей репрессіи. Въ 60 случаяхъ рабочіе выступали противъ требованія капиталистовъ не участвовать въ профессіональномъ союзѣ. Изъ-за удлиненія рабочаго дня рабочіе вели 122 стачки. Наконецъ, 318 стачекъ имѣли причиной несоблюденіе обычныхъ условій заработной платы и продолжительности рабочаго времени.

Эдуардъ Бернштейнъ въ своей недавно выпущенной брошюрѣ: «Стачка» пытается объяснить, почему борьба за повышеніе зара-

ботной платы играетъ главную роль при стачкахъ. «Рабочее время, говоритъ онъ, въ значительной мѣрѣ, если можно такъ выразиться, обычай труда. А въ каждомъ обычаѣ кроется консервативный элементъ. Если уже добыто уменьшеніе рабочаго времени, то оно въ большинствѣ случаевъ остается на долгое время. Это показываетъ статистика труда во всѣхъ странахъ. Сокращенный рабочій день укореняется въ народныхъ привычкахъ. Такъ же обстоитъ дѣло съ успѣхами въ области правового положенія труда. То, что въ этой области разъ достигнуто, то обыкновенно прочно закрѣпляется. Противъ всякаго пониженія своего соціальнаго уровня современный рабочій будетъ бороться всѣми фибрами своего я, не останавливаясь передъ самыми большими жертвами. Результаты же борьбы за заработную плату являются весьма непрочными, такъ какъ они зависятъ отъ многихъ постороннихъ вліяній. Повышеніе заработной платы обусловливается хозяйственными факторами, лежащими внѣ предѣловъ отношеній рабочихъ къ предпринимателямъ. Самый главный факторъ здѣсь—это движеніе кривой *реальной* заработной платы по отношенію къ *денежной* платѣ» *).

Чего же достигаютъ стачки? Къ какимъ результатамъ приводитъ упорная экономическая борьба рабочихъ? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ слѣдующія цифры:

Годы.	Исходы вполнѣ благопріятные.				Отчасти благопріятные.				Исходы неблагопріятные.			
1901 . . .	267	стачекъ,	или	36,8%	171	ст.,	или	23,6%	237	ст.,	или	32,6%
1902 . . .	350	»	»	43,6%	156	»	»	19,5%	296	»	»	36,9%
1903 . . .	623	»	»	49,4%	259	»	»	19,0%	359	»	»	28,5%
1904 . . .	878	»	»	55,7%	317	»	»	20,1%	349	»	»	22,1%
1905 . . .	1167	»	»	56,1	409	»	»	19,8%	420	»	»	20,3%

Изъ этой таблицы мы видимъ, что, начиная съ 1903 года, число удачныхъ для рабочихъ стачекъ возрастаетъ. Въ годы промышленнаго кризиса результаты стачекъ были по вполнѣ понятнымъ причинамъ неблагопріятны для рабочихъ. Конечно, на исходъ стачекъ, кромѣ промышленной конъюнктуры, вліяютъ и многія другія обстоятельства, какъ, напримѣръ, общее положеніе профессіональной организаціи, состояніе кассы рабочаго союза и пр. Но все же данное состояніе промышленности является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ для исхода стачки. Когда промышленность находится въ угнетенномъ состояніи, когда спросъ на товары не великъ, а число безработныхъ, желающихъ за какую угодно плату занять мѣсто бастующихъ, велико, предприниматели, конечно, весьма неуступчивы и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ соглашаются удовлетворить требованія рабочихъ. Въ моменты же расцвѣта промышленности, когда для капиталиста каждый день дорогъ и когда на рабочемъ рынкѣ нѣтъ «свободныхъ» рабочихъ рукъ, предпринимаель волей-неволей соглашается пойти на уступки.

*) Ed. Bernstein. Der Streik. Frankfurt a. M. стр. 95 и сл.

Изъ приведенной таблицы о результатахъ стачекъ мы видимъ, что требованія рабочихъ получали полное удовлетвореніе приблизительно въ одной изъ двухъ стачекъ, а частичное удовлетвореніе въ одной изъ пяти. Эти успѣхи германскихъ рабочихъ еще ярче бросаются въ глаза, если вспомнимъ, что за послѣднее пятилѣтіе предпринимательскіе союзы сильно окрѣпли, пріобрѣли огромную силу и пускали въ ходъ всѣ средства для того, чтобы побѣдить рабочихъ. Удачные исходы стачекъ для рабочихъ за послѣднее пятилѣтіе въ значительной степени обязаны укрѣпленію и расширенію профессіональной организаціи.

О томъ, какіе успѣхи были достигнуты рабочими посредствомъ наступательныхъ стачекъ въ теченіе 1905 года, краснорѣчиво говорятъ слѣдующія данныя. Было достигнуто:

1) уменьшеніе рабочаго дня для 61.666 рабочихъ, въ общемъ на 213.467 часовъ въ недѣлю;

2) повышеніе заработной платы для 112.653 рабочихъ, въ общемъ на сумму 253,166 марокъ въ недѣлю;

3) повышеніе платы за сверхурочные часы въ 318 случаяхъ для 31.403 рабочихъ;

4) повышеніе платы за почной и воскресный трудъ въ 190 случаяхъ для 14.459 рабочихъ;

5) уничтоженіе поштучной расплаты въ 37 случаяхъ для 4.889 рабочихъ.

Кромѣ того, въ 424 случаяхъ стачки привели къ заключенію тарифныхъ договоровъ между рабочими и предпринимателями, и, такимъ образомъ, закончились открытымъ признаніемъ рабочей организаціи со стороны капиталистовъ: вѣдь сущность тарифныхъ договоровъ заключается именно въ томъ, что соглашеніе происходитъ не между отдѣльнымъ рабочимъ и предпринимателемъ, а между профессіональнымъ союзомъ и капиталистомъ. Не мѣшаетъ отмѣтить, что, несмотря на развитіе тарифныхъ договоровъ въ Германіи за послѣднее пятилѣтіе, число стачекъ не уменьшилось по сравненію съ прошлыми годами, а, какъ мы видѣли, сильно возрасло. Этотъ фактъ краснорѣчиво опровергаетъ утвержденія нѣкоторыхъ германскихъ «соціалъ-реформаторовъ» о томъ, что новая тенденція въ соціальной жизни Германіи— развитіе коллективныхъ договоровъ труда съ капиталомъ—будетъ способствовать уменьшенію числа стачекъ. Эти «соціалъ-реформаторы», возлагающіе такъ много надеждъ на «мирную» тарифную политику предпринимателей, забываютъ, что въ Германіи, въ противоположность Англіи, почти всѣ крупные предприниматели принципіально отвергаютъ всякіе тарифные договоры; крупные нѣмецкіе предприниматели никакъ не соглашаются имѣть дѣла съ профессіональными организаціями, какъ таковыми. Въ Германіи всѣ тарифные договоры заключены въ мелкомъ производствѣ, въ крупной же индустріи пока еще не заключенъ ни одинъ тарифный договоръ.

Разсмотрѣвъ число, причины и результаты стачекъ, мы можемъ перейти къ вопросу о томъ, какъ поддерживаются германскіе рабочіе во время стачекъ. Съ самаго начала своей дѣятельности нѣмецкіе «свободные» профессіональные союзы были боевыми организаціями и, въ противоположность англійскимъ трэдъ-юніонамъ, не обращали главнаго вниманія на развитіе и усовершенствованіе такъ называемыхъ институтовъ взаимопомощи—страхованія на случай болѣзни, старости, смерти, инвалидности и пр. Нѣмецкіе «свободные» профессіональные союзы свое главное вниманіе удѣляли вопросу о наилучшемъ обезпеченіи своихъ бастующихъ членовъ. Въ подавляющемъ большинствѣ германскихъ «свободныхъ» профессіональныхъ союзовъ получить пособіе во время стачки имѣетъ право всякій членъ, независимо отъ того, въ теченіе какого времени онъ состоитъ членомъ союза. Только христіанскіе и гиршъ-дункеровскіе профессіональные ферейны выдаютъ вспомоществованіе во время стачекъ лишь тѣмъ членамъ, которые принадлежали къ союзу въ теченіе опредѣленнаго времени—въ большинствѣ случаевъ требуется срокъ не менѣе 26 недѣль. Въ гиршъ-дункеровскомъ «союзѣ нѣмецкихъ фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ» право на полученіе пособій во время стачекъ наступаетъ лишь послѣ двухлѣтней принадлежности къ союзу. Высота стачечныхъ пособій зависитъ, конечно, отъ состоянія кассы даннаго рабочаго союза. Лишь небольшое число союзовъ нормируетъ въ своихъ статутахъ размѣръ ежедневнаго пособія во время стачекъ. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ какъ размѣръ, такъ и продолжительность выдачи пособій рѣшается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ центральнымъ правленіемъ союза. Размѣръ пособій для членовъ «свободныхъ» профессіональныхъ союзовъ колеблется обыкновенно между 1—2 марками ежедневно. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ союзахъ пособія выдаются и въ большемъ размѣрѣ. Такъ, союзъ рабочихъ, обрабатывающихъ парцелланъ, выдаетъ въ среднемъ по 3 марки ежедневно. Многіе профессіональные союзы выдаютъ во время стачекъ своимъ женатымъ членамъ еще особыя «экстренныя» пособія—на каждаго обязаннаго посѣщать школу (до 14 лѣтъ) ребенка приблизительно до одной марки еженедѣльно. Нѣкоторые профессіональные союзы, организующіе такъ наз. сезонныхъ рабочихъ (союзы каменщиковъ, плотниковъ, землекоповъ и др.), выдаютъ при продолжительныхъ стачкахъ особое такъ наз. квартирное пособіе—приблизительно въ размѣрѣ 2 марокъ 50 пф. еженедѣльно.

Разсмотримъ теперь, во что обошлась рабочимъ поддержка стачечниковъ за разсматриваемый нами періодъ. Слѣдующая таблица дастъ намъ понятіе объ этомъ.

Годы.	Издержки, связанныя со стачками (въ маркахъ).
1901	2.515.888
1902	2.237.504
1903	5.080.984
1904	5.551.314
1905	10.933.721

Какъ мы видимъ, расходы на стачки за немногіе годы возросли колоссально; рабочіе союзы вынуждены напрячь всѣ свои силы для того, чтобы стойко выдержать борьбу до благополучнаго исхода. На полѣ стачечной битвы сталкиваются два хорошо вооруженныхъ врага и только крѣпкой организаціи и богатымъ кассамъ своихъ союзовъ германскіе рабочіе обязаны успѣшными результатами своей борьбы. Нѣмецкіе профессіональные союзы въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ роста предпринимательскихъ союзовъ, поняли, что имъ необходимо усилить свои стачечные фонды, а для этого необходимо увеличить размѣры членскихъ взносовъ. Къ увеличенію взносовъ союзы стремятся прежде всего для того, чтобы въ случаѣ стачекъ не обращаться за помощью къ рабочимъ другихъ профессій. Еще до 1897 года многіе профессіональные союзы, въ силу низкихъ членскихъ взносовъ, принуждены были во время стачекъ обращаться за помощью ко внѣ стоящимъ рабочимъ. Такъ, въ 1897 году изъ всей суммы 1.257.298 марокъ, истраченныхъ на стачки, только 775.361 марка (62%), а въ 1896 году изъ суммы 3.042.950 марокъ всѣхъ издержекъ только 724.604 марки (24%) были добыты изъ кассъ тѣхъ организацій, рабочіе которыхъ бастовали. Очень часто случалось, что даже при незначительныхъ стачкахъ стачечники открыто обращались за помощью ко всѣмъ рабочимъ. Но въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія почти всѣ «свободные» профессіональные союзы ввели у себя увеличенные членскіе взносы и благодаря этому союзы получили возможность своими собственными силами помогать своимъ членамъ-стачечникамъ. На Кельнскомъ конгрессѣ профессіональныхъ союзовъ (въ маѣ 1905 г.) была принята резолюція, въ которой говорится, что «какъ веденіе стачки, такъ и нахожденіе средствъ для поддержки стачечниковъ должно быть задачей каждаго отдѣльнаго профессіональнаго союза, а единственно вѣрный путь для пріобрѣтенія средствъ это—установленіе достаточно высокихъ членскихъ взносовъ». Дѣйствительно, уже въ 1903 году 88,8% всѣхъ расходовъ на стачки были добыты изъ кассъ профессіональныхъ союзовъ, въ 1904 году — 95,3%, а въ 1905 г. - 82%.

Въ общемъ нѣмецкіе «свободные» профессіональные союзы втеченіе разсматриваемаго періода истратили слѣдующія суммы на поддержку стачечниковъ.

Годы.	Поддержка стачечниковъ.	Общая сумма расходовъ профессіон. союзовъ.
1901	1,878,7[illegible]2	8.967,168
1902	1,930,529	10,005,528
1903	4,529,672	13.724,336
1904	5,869,519	17.738,756
1905	9,674,094	25.024,234

Какъ видно изъ этой таблицы, въ 1901 году пособія стачечникамъ составляли 20°/₀ всей суммы расходовъ союзовъ, а въ 1905 году уже 38°/₀. Отдѣльные центральные союзы истратили въ 1905 году на пособія стачечникамъ слѣдующія суммы: союзъ рабочихъ по металлу—2,828.270 марокъ; союзъ рабочихъ по дереву—1,181671 марку; союзъ текстильныхъ рабочихъ—[illegible].

Какъ извѣстно, нѣкоторые буржуазные экономисты указываютъ на то, что стачки вліяютъ разрушительнымъ образомъ на хозяйство страны. Приводить доводы противъ этого утвержденія — не входитъ въ нашу задачу; но мы хотѣли бы попутно указать, что стачки германскихъ рабочихъ, какъ показываетъ статистика, никакъ не могутъ принести съ собою вредныхъ послѣдствій для хозяйственной жизни. Число потерянныхъ рабочихъ дней втеченіе разсматриваемаго періода равнялось; въ 1901 г.—1,194,553; въ 1902 г.—964,317; въ 1903 г.—[illegible]; въ 1904 г.—2,120,154; въ 1905 г.—7,362,[illegible]; выходитъ, что въ среднемъ было потеряно ежегодно вслѣдствіе стачекъ около 2,800,000 рабочихъ дней. Такъ какъ въ Германіи около 9 милліоновъ наемныхъ рабочихъ, то на одного рабочаго приходится въ среднемъ ежегодно меньше одной трети потеряннаго дня—фактъ, краснорѣчиво опровергающій всѣ опасенія буржуазныхъ экономистовъ за состояніе «національнаго богатства». И, конечно, не эти опасенія являются руководящимъ мотивомъ у правящихъ сферъ при преслѣдованіи рабочихъ стачекъ. Господствующіе классы боятся стачекъ, потому что онѣ имѣютъ крупное моральное и воспитательное значеніе для рабочаго класса, а прежде всего потому, что стачка является сильнымъ орудіемъ въ рукахъ рабочаго класса для борьбы не только за улучшеніе его матеріальнаго положенія, но и за расширеніе его обще-гражданскихъ и соціально-политическихъ правъ. Вотъ это-то и является главной причиной того, что въ самое послѣднее время въ правительственныхъ сферахъ и близкихъ къ нимъ предпринимательскихъ кругахъ Германіи такъ сильно возстаютъ противъ права стачекъ. Но нѣмецкій рабочій классъ стоитъ на стражѣ своихъ интересовъ, и его руководители не собираются выпускать изъ рукъ такое сильное оружіе, какимъ является стачка.

Вотъ что пишетъ «Генеральная коммиссія профессіональныхъ союзовъ» въ концѣ своего отчета о стачкахъ въ 1905 году: «Протекшую стачечную борьбу нужно разсматривать лишь, какъ передовыя стычки на полѣ разыгрывающейся грандіозной и тяжелой борьбы, въ которой борющійся за улучшеніе своего матеріаль-

наго положенія и за свободу пролетаріатъ готовъ принести многочисленныя жертвы, лишь бы, наконецъ, стряхнуть съ себя иго капитализма. Нѣмецкимъ профессіональнымъ союзамъ предстоитъ задача—разрушить всѣ реакціонные планы шарфмахеровъ и правительства, очистить путь отъ всего того, что мѣшаетъ развитію профессіональныхъ союзовъ. Насъ ждетъ и другая работа — неустанно просвѣщать неорганизованныхъ и развить у нихъ понятіе объ освободительной борьбѣ рабочаго класса. Противъ все растущихъ и объединяющихся предпринимательскихъ союзовъ можетъ успѣшно бороться только однородная и объединенно дѣйствующая коалиція рабочихъ массъ. Мы находимся все время въ борьбѣ, для насъ нѣтъ отдыха до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ страдаетъ подъ гнетомъ капиталистической эксплуатаціи».

II.

Развитіе и усиленіе нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ, ихъ интенсивная дѣятельность и организованная борьба за улучшеніе положенія рабочаго класса вызвали организованное сопротивленіе нѣмецкихъ предпринимателей. Германскіе предприниматели уже въ первые годы возникновенія рабочаго движенія стремились къ обузданію рабочихъ и подавленію ихъ справедливыхъ требованій. Начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, нѣмецкіе предприниматели являлись постоянными иниціаторами въ дѣлѣ проектированія законовъ, имѣвшихъ цѣлью подавить рабочее движеніе. Въ 18[illegible]2 году «либеральные» предпринимательскіе круги проектировали законъ, ограничивавшій свободу коалицій и стачекъ. Печальной памяти «законъ противъ соціалистовъ», законъ, больше всего отразившійся на профессіональномъ движеніи нѣмецкихъ рабочихъ, въ свою очередь нашелъ поддержку и сочувствіе въ широкихъ предпринимательскихъ кругахъ. «Каторжный законопроектъ», имѣвшій цѣлью свести на нѣтъ свободу стачекъ и коалицій, также былъ встрѣченъ весьма сочувственно нѣмецкими предпринимателями, и это сочувствіе неоднократно выражалось въ рейхстагѣ покойнымъ «королемъ» Штуммомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій нѣмецкіе предприниматели употребляли всѣ силы для того, чтобы законодательнымъ путемъ ослабить могучее и все болѣе и болѣе растущее рабочее движеніе. Штуммъ однажды произнесъ ставшія затѣмъ крылатыми слова: «Ich werde schon den Kaiser scharf machen»—и эта задача была блестяще выполнена нѣмецкими капиталистами—нѣмецкое правительство in corpore является шарфмахерски настроеннымъ; но рейхстагъ, безъ согласія котораго не можетъ пройти ни одинъ законъ, отвергъ почти всѣ проекты, стремившіеся отнять у нѣмецкихъ рабочихъ имѣющіяся у нихъ права.

Когда нѣмецкіе предпринимательскіе круги увидѣли, что на требуемую ими помощь со стороны государства нельзя надѣяться, что законодательство пока не желаетъ пойти къ нимъ въ услуженіе, они рѣшили прибѣгнуть къ самопомощи, т. е. къ организаціи своихъ силъ для противодѣйствія растущему рабочему движенію. Поднявшаяся подъ вліяніемъ промышленнаго расцвѣта въ серединѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія стачечная волна вызвала среди предпринимателей усердную пропаганду идеи объединенія и организаціи. Съ 1895 года организація предпринимателей идетъ быстрымъ темпомъ. Къ чему шарфмахеры стремились въ 1898 году путемъ «каторжнаго законопроекта», того теперь они хотятъ достигнуть «прямымъ воздѣйствіемъ». Терроризмъ закона замѣняется терроризмомъ предпринимателей; использованіе права коалицій должно, по мысли предпринимателей, наказываться не каторжными работами, а голодной смертью *).

До 1904 года въ организаціяхъ предпринимателей господствовала раздробленность. Подъ вліяніемъ упорной стачки въ Кримичау въ концѣ 1903 года часть предпринимателей пришла къ мысли дѣйствовать сообща. Въ апрѣлѣ 1904 г. было основано «Главное Учрежденіе нѣмецкихъ предпринимательскихъ союзовъ (Hauptstelle deutscher Arbeitgeberverbände); въ этомъ «учрежденіи», объединившемъ значительную часть отдѣльныхъ предпринимательскихъ ферейновъ, главную роль играетъ знаменитый «центральный союзъ нѣмецкихъ промышленниковъ», являющійся главнымъ вождемъ во всѣхъ шарфмахеровскихъ планахъ. «Главное учрежденіе» уже въ концѣ 1905 года насчитывало въ своей средѣ 51 союзъ, члены которыхъ имѣли фабрики, гдѣ было занято 711.899 рабочихъ. Въ томъ же 1904 году (въ іюнѣ) основался второй центральный союзъ—такъ наз. «союзъ нѣмецкихъ предпринимательскихъ объединеній» (Verein deutscher Arbeitgeberverbände); въ этомъ «союзѣ» главную роль играетъ «всеобщій союзъ металлургическихъ промышленниковъ», насчитывавшій въ 1906 году 38 окружныхъ организацій, у членовъ которыхъ работало 431.000 рабочихъ. «Союзъ предпринимательскихъ объединеній» обнималъ въ 1905 году 20 объединеній, а число рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ членовъ союза достигало 950,000. Въ теченіе 1906 года къ указаннымъ двумъ главнымъ центральнымъ предпринимательскимъ организаціямъ безпрестанно присоединялись новые предпринимательскіе союзы. Какъ быстро растутъ германскіе предпринимательскіе союзы, можетъ показать еще слѣдующій примѣръ. «Союзъ саксонскихъ промышленниковъ», основанный всего лишь 5 лѣтъ тому назадъ, насчитываетъ въ настоящее время 6004 промышленника, у которыхъ занято больше 300,000 рабочихъ. Этотъ

---

*) Aug. Müller, Gewerkschaften und Unternehmerverbände. 1906. Magdeburg, стр. 3 и слѣд.

«союзъ» обнимаетъ больше 60% всѣхъ саксонскихъ промышленниковъ.

Главная цѣль предпринимательскихъ союзовъ—подавить рабочее движеніе и всѣми мѣрами мѣшать борьбѣ рабочаго класса за улучшеніе его положенія. Для достиженія этой цѣли предприниматели уже давно прибѣгали къ разнаго рода средствамъ: «чернымъ спискамъ», привлеченію рабочихъ-штрейкбрехеровъ и пр. Въ послѣднее время нѣмецкіе предпринимательскіе круги, подъ вліяніемъ роста стачекъ, пришли къ мысли о необходимости обезпечить себя на случай стачекъ, т. е. создать страхованіе предпринимателей на случай стачекъ. При созданіи этого вида страхованія они руководились слѣдующими соображеніями: для того, чтобы предприниматели не были вынуждены пойти на уступки рабочимъ-стачечникамъ, они должны получать пособія, и тогда они будутъ имѣть возможность дольше держаться въ борьбѣ. Первыя стремленія организовать страхованіе предпринимателей на случай стачекъ относятся еще къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія; въ 1897 году «союзъ промышленниковъ» основалъ акціонерное страховое общество «Индустрія» съ основнымъ капиталомъ въ размѣрѣ 5 милліоновъ марокъ. Вознагражденіе за убытки, причиняемые стачкой, выдавалось какъ во время стачекъ, такъ и во время локаутовъ. Въ новѣйшее время страхованіе на случай стачекъ получило болѣе развитую форму и нашло себѣ примѣненіе почти во всѣхъ предпринимательскихъ союзахъ.

«Главное учрежденіе нѣмецкихъ предпринимательскихъ союзовъ» организовало особый «союзъ защиты противъ убытковъ, причиняемыхъ стачками». 17-го марта 1905 года образовалось «общество всеобщаго союза нѣмецкихъ металлургическихъ промышленниковъ для вознагражденія за стачки». Цѣль этого «общества» заключается въ томъ, чтобы «по возможности мѣшать возникновенію стачекъ и ослабить матеріальные результаты непредотвратимыхъ стачекъ, приходя на помощь членамъ путемъ вознагражденія за понесенные убытки». За 7 мѣсяцевъ (съ іюня по декабрь 1905 г. это «общество» выдало своимъ членамъ 119,033 марки въ видѣ вознагражденія за стачки и локауты. Въ статутахъ «Общества для вознагражденія за стачки у саксонскихъ промышленниковъ» указаны слѣдующія нормы выдачи вспомоществованія. За первые 500 рабочихъ выдается во все время стачки 25% заработной платы рабочаго, за дальнѣйшіе 501—1000 рабочихъ—$12^1/_2$%; за 1001—2000 рабочихъ—$7^1/_2$%; за 2001—4000 рабочихъ—5%, а затѣмъ $2^1/_2$%. Такимъ образомъ фабрикантъ, у котораго, скажемъ, работало 5000 рабочихъ, получавшихъ въ среднемъ по 4 марки въ день, получаетъ ежедневно во время стачки 1550 марокъ.

Но это средство—страхованіе на случай стачекъ—показалось нѣмецкимъ предпринимателямъ недостаточнымъ, и они рѣшили прибѣгнуть къ болѣе сильному средству—локаутамъ. Локаутъ сдѣ-

лался въ послѣднее время испытаннымъ средствомъ нѣмецкихъ предпринимателей. На малѣйшее требованіе со стороны рабочихъ на отдѣльной фабрикѣ предприниматели отвѣчаютъ локаутомъ рабочихъ цѣлой профессіи, т. е. выбрасываютъ на улицу совершенно непричастныхъ къ возникшей частичной стачкѣ рабочихъ. Въ локаутной тактикѣ нѣмецкихъ предпринимателей видно ясное стремленіе ослабить или окончательно уничтожить профессіональныя организаціи путемъ подрыва ихъ денежныхъ средствъ.

Локауты бывали въ Германіи и прежде — въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, но особенно широкое распространеніе они получили, начиная лишь съ 1900 года, т. е. тогда, когда передъ предпринимателями стало ясно обнаруживаться могучее развитіе рабочихъ союзовъ. На ряду съ оборонительной позиціей — страхованіемъ на случай стачекъ предприниматели совершенно опредѣленно заняли наступательную позицію и начали примѣнять локауты въ невиданныхъ доселѣ размѣрахъ.

Слѣдующая таблица указываетъ на ростъ числа локаутовъ.

Годы.	Локауты.	Число уволенныхъ рабочихъ.
1901	35	[illegible]
1902	56	[illegible]
1903	82	[illegible]
1904	[illegible]	[illegible]
1905	491	[illegible]

1906 годъ былъ также весьма богатъ локаутами, а въ настоящій моментъ во всей Германіи [illegible] локаутовъ: въ портняжномъ ремеслѣ, въ строительныхъ производствахъ, среди текстильныхъ рабочихъ, среди гамбургскихъ портовыхъ рабочихъ и пр.

Попытаемся опредѣлить какія причины вызываютъ локауты. У насъ имѣются данныя, относящіяся лишь къ 1905 году. Оказывается, что только 35 локаута были слѣдствіемъ наступательныхъ стачекъ; въ трехъ случаяхъ локауты были слѣдствіемъ оборонительныхъ стачекъ. Въ 113 случаяхъ одни лишь разногласія между обѣими сторонами по вопросу о рабочемъ часѣ и рабочемъ днѣ послужили причиной локаута. Въ [illegible] случаяхъ предприниматели прибѣгали къ локауту, желая путемъ [illegible] желаніе рабочихъ выступить изъ [illegible]. Наконецъ, 6 локаутовъ имѣли причиной празднованіе рабочими 1-го мая. Къ слову сказать, такъ наз. майскіе [illegible] уже давно въ модѣ у нѣмецкихъ капиталистовъ. Въ [illegible] году, напримѣръ, было 12 майскихъ локаутовъ. Приведенныя [illegible] причинахъ локаутовъ показываютъ, что предприниматели въ большинствѣ случаевъ прибѣгаютъ къ локаутамъ при [illegible] разногласій съ рабочими. Капиталисты не дожидаются даже стачки, а сразу выбрасываютъ на улицу рабочихъ, не желая съ ними вступать въ какіе-либо переговоры и стремясь своей внезапной и рѣши-

тельной тактикой «образумить» рабочихъ, а, главное, ослабить рабочую организацію.

Исходъ локаутовъ былъ таковъ (въ %):

Годы.	Вполнѣ благопріятный.	Благопріятный отчасти.	Вполнѣ неблагопріятный.
1901	26,0	26,0	37,1
1902	14,3	14,3	44,4
1903	39,0	15,8	29,3
1904	37,2	25,5	37,2
1905	21,3	51,5	23,4

Какъ видимъ, результаты локаутовъ не такъ благопріятны для рабочихъ, какъ результаты стачекъ, и это вполнѣ понятно: когда капиталисты прибѣгаютъ къ локаутамъ, они выбираютъ выгодный для себя моментъ. Но все же на основаніи приведенныхъ данныхъ нельзя сказать, что всегда предприниматели могутъ остаться вполнѣ довольными своей тактикой. Во многихъ случаяхъ предприниматели встрѣчаютъ такое сильное противодѣйствіе со стороны профессіональныхъ союзовъ, что бываютъ вынуждены уступить рабочимъ. Эти уступки иногда заходятъ такъ далеко, что предприниматели соглашаются заключить съ рабочими тарифныя соглашенія. Такъ, въ 1905 году 61 локаутъ, въ которомъ участвовало 39,339 рабочихъ, закончился тарифнымъ договоромъ между обѣими сторонами. Такимъ образомъ, тѣ самые предприниматели, которые прибѣгали къ локауту съ цѣлью ослабить профессіональную организацію, были, въ концѣ концовъ, вынуждены вступить въ переговоры съ организаціей.

Локауты вызываютъ огромные расходы со стороны профессіональныхъ союзовъ. На помощь уволеннымъ рабочимъ профессіональные союзы истратили: въ 1901 г. — 233.576 марокъ, въ 1902 г. — 398.023; въ 1903 г. — 1.798.801; въ 1904 г. — 1.870.647; въ 1905 г. 4.192.250 марокъ, т. е. около 1/6 части всѣхъ своихъ расходовъ.

Какихъ же результатовъ достигаютъ локауты? Приводитъ ли къ желаннымъ результатамъ локаутная политика предпринимателей? Какъ мы уже говорили, локауты затѣваются, главнымъ образомъ, съ цѣлью ослабить профессіональную организацію рабочихъ. А эта то цѣль какъ разъ и не достигается; напротивъ, локауты не мало способствовали усиленію и укрѣпленію организаціи. Дѣло въ томъ, что во локаутамъ и самые несознательные слои рабочихъ убѣждаются, насколько лживы утвержденія капиталистовъ объ ихъ преданности интересамъ рабочихъ. Самые отсталые рабочіе, которые и не помышляли о борьбѣ съ предпринимателями, благодаря такому жестокому уроку, какъ локаутъ, начинаютъ ясно понимать, кто ихъ врагъ, и приходятъ къ сознанію, что съ капиталистами мира не можетъ быть. Съ другой стороны, эти-же

отсталые слои рабочихъ видятъ, что единственнымъ помощникомъ въ тяжелые, голодные дни локаута является профессіональный союзъ, который часто выдаетъ пособія и неорганизованнымъ рабочимъ. Эти рабочіе слои, такимъ образомъ, начинаютъ понимать, что единственный другъ и защитникъ ихъ интересовъ—это рабочій союзъ, и у нихъ является стремленіе вступать въ союзы. 1901 — 1905 гг. — годы безпощадной локаутной тактики капиталистовъ—явились годами безпримѣрнаго роста нѣмецкихъ «свободныхъ» профессіональныхъ союзовъ. Въ 1900 году «свободные» союзы насчитывали 677.510 членовъ, а въ концѣ 1905 года— уже 1.429.303 членовъ. И доходы союзовъ тоже сильно возросли; въ 1900 году они равнялись 9.722.720 маркамъ, а въ 1905 г.— 27,8 милліоновъ марокъ. Но помимо этого количественнаго роста союзовъ локауты создали еще и подъемъ боевого духа рабочихъ. Жестокая тактика капиталистовъ озлобляетъ рабочихъ и способствуетъ усиленію ихъ боевой энергіи.

Безуспѣшный исходъ локаутовъ для предпринимателей вызвалъ въ послѣднее время въ предпринимательскихъ кругахъ усиленное обсужденіе вопроса о перемѣнѣ тактики примѣненія локаутовъ. Не забудемъ, что для самихъ предпринимателей локаутъ является обоюдоострымъ оружіемъ, ибо нерѣдко локаутъ приноситъ капиталистомъ большой матеріальный ущербъ. При многихъ локаутахъ было примѣнено особое средство: не увольнять неорганизаціонныхъ рабочихъ, а въ случаѣ ихъ увольненія—обѣщать имъ платить за потерянные дни. Но и это средство никакихъ результатовъ не дало. Обѣщаніе платить оставалось, конечно, только обѣщаніемъ и неорганизованные рабочіе скоро убѣдились въ томъ, что они обмануты предпринимателями, и вступили въ рабочіе союзы.

На нѣкоторыхъ съѣздахъ предпринимательскихъ союзовъ, происходившихъ въ послѣднее время, горячо обсуждался вопросъ объ измѣненіи тактики локаутовъ. Нѣмецкіе шарфмахеры держатъ въ строгой тайнѣ содержаніе докладовъ и дебатовъ по этимъ вопросамъ; въ печать попадаютъ лишь крайне неполныя и отрывочныя свѣдѣнія. Но изъ имѣющихся свѣдѣній можно всетаки заключить, что нѣмецкіе предприниматели еще не сказали своего послѣдняго слова, что они намѣрены прибѣгнуть къ самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ мѣрамъ, лишь бы побѣдить ненавистное имъ рабочее движеніе. Одинъ изъ «теоретиковъ» нѣмецкихъ предпринимателей, г. Мэнкъ (онъ же является и предсѣдателемъ «всеобщаго союза нѣмецкихъ металлургическихъ промышленниковъ»), въ одномъ своемъ рефератѣ о «новыхъ методахъ веденія войны съ рабочими союзами» изложилъ и детально обосновалъ предлагаемую имъ новую стратегію. Мэнкъ полагаетъ, что локауты въ старомъ видѣ не достигали своей цѣли. «Увольненіе всѣхъ рабочихъ фабрики, говоритъ онъ, вызываетъ продолжительный застой въ дѣлахъ и приноситъ капиталистамъ огромный матеріальный ущербъ». Уволь-

ненie же части рабочихъ не оказываетъ никакого влiянiя на ослабленiе профессiональной организацiи. Поэтому Мэнкъ предлагаетъ слѣдующую тактику. При частичномъ увольненiи увольняются рабочiе по алфавитному порядку, т. е. увольняются сначала рабочiе, фамилiи которыхъ начинаются на букву А, затѣмъ слѣдуютъ рабочiе, фамилiи которыхъ начинаются буквой Б и т. д. Мэнкъ объясняетъ преимущество этой тактики слѣдующимъ образомъ: такой локаутъ захватываетъ одновременно стариковъ и молодыхъ, способныхъ и неспособныхъ, холостыхъ и женатыхъ и такимъ образомъ является особенно чувствительнымъ для рабочихъ. Еще чувствительнѣе для рабочихъ будутъ такiе локауты, когда они, какъ предлагаетъ Мэнкъ, будутъ охватывать рабочихъ опредѣленной профессiи во всей Германiи. «Ясно, говоритъ Мэнкъ, что при этой системѣ локаутовъ невинными страдальцами будутъ тѣ рабочiе, фамилiи которыхъ начинаются первыми буквами алфавита», «но, продолжаетъ онъ, мы не должны руководствоваться сентиментальными соображенiями». Предложенный Мэнкомъ способъ пока еще не практикуется въ Германiи, но возможно, что германскiе капиталисты, не останавливающiеся ни предъ чѣмъ въ борьбѣ съ рабочимъ движенiемъ, рано или поздно прибѣгнутъ и къ такому средству. Въ свою очередь нѣмецкiе рабочiе хорошо знаютъ, на что способны ихъ «работодатели», и съ своей стороны прилагаютъ всѣ усилiя, чтобы дать дружный и удачный отпоръ капиталистамъ. Ближайшiе же годы въ Германiи будутъ, безъ сомнѣнiя, годами титанической борьбы труда съ капиталомъ.

К. Надевъ.

Аграрный вопросъ въ программѣ финляндской соцiалъ-демократической партiи.

Успѣхъ финляндской соцiалъ-демократiи на сеймовыхъ выборахъ, произведенныхъ впервые на началахъ всеобщаго и пропорцiональнаго избирательнаго права, въ значительной степени объясняется широкой поддержкой сельскихъ элементовъ. Данныя избирательной статистики не оставляютъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣнiй. Ужъ тотъ фактъ, что въ настоящее время въ Финляндiи около 100.000 рабочихъ, занятыхъ въ промышленныхъ заведенiяхъ, а соцiалъ-демократы получили около 350.000 голосовъ, указываетъ на наличность значительнаго контингента избирателей – не рабочихъ, вотировавшихъ за соцiалъ-демократическихъ кандидатовъ. Что въ числѣ послѣднихъ главный контингентъ составляютъ пролетарскiе и полу-

пролетарскіе элементы финской деревни, въ этомъ легко убѣдиться при обзорѣ исхода выборовъ по отдѣльнымъ избирательнымъ округамъ. Я сравню данныя по двумъ промышленнымъ губерніямъ (Тавастгустской и Выборгской) и двумъ земледѣльческимъ (Куопіосской и С.-Михельской).

	% городск. населенія.	% промышл. рабочихъ.	Средній размѣръ землевладѣнія (въ гектарахъ).	На 100 собственниковъ приходится торпарей.	Депутатовъ. Всего.	Соц.-демократовъ.
Тавастгустская . .	11	5	51	120	22	14
Выборгская	10	4	14	12	30	12
Куопіосская	6	2	36	50	24	13
С.-Михельская . . .	4	1	28	61	14	7

Несмотря на значительную разницу въ численности городского и рабочаго населенія, успѣхи соціалъ-демократовъ оказались, приблизительно, одинаковыми, и большій процентъ соціалъ-демократовъ (64%) дала всетаки Тавастгустская губернія, которая отличается не только развитой промышленностью (въ ней находится, между прочимъ Таммерфорсъ — Финляндскій Манчестеръ), но и преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значительнымъ числомъ торпарей. Выборгская же губернія, мало уступающая ей въ промышленномъ отношеніи, но отличающаяся преобладаніемъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, дала соціалъ-демократовъ относительно меньше (40%) — меньше даже, чѣмъ Куопіосская и С.-Михельская губерніи, которыя носятъ земледѣльческій характеръ, но въ которыхъ имѣется значительный контингентъ неустроеннаго въ земельномъ отношеніи населенія. Между прочимъ, населеніе С.-Михельской губ. считается въ культурномъ отношеніи наиболѣе отсталымъ и невоспріимчивымъ ко всякимъ новшествамъ. Несмотря на это, половина ея депутатовъ оказались соціалъ-демократами.

Не лишне будетъ, далѣе, отмѣтить, что среди 80 депутатовъ-соціалистовъ имѣется 8 человѣкъ самыхъ подлинныхъ представителей деревни, — лицъ, взятыхъ отъ сохи, каковое обстоятельство является нагляднымъ доказательствомъ связи с.-демократической партіи съ финской деревней.

Представляетъ весьма серьезный интересъ выясненіе тѣхъ причинъ, которыя побудили массу сельскихъ жителей со стремительностью, не соотвѣтствующею психологическимъ особенностямъ финскаго народа, перейти въ соціалистическій лагерь. Одной изъ главныхъ причинъ надо считать тяжелыя условія экономической жизни финляндской деревни и замѣтное обостреніе классовыхъ отношеній въ ней, чему сильно способствовало долгое игнорированіе буржуазіей соціальнаго и въ особенности аграрнаго законодательства. На ряду съ этимъ, несомнѣнно, сыграли свою роль и поло-

жительныя требованія по аграрному вопросу, какія выставлены мѣстною с.-д. партіей.

I.

Въ мѣстной соціалистической печати неоднократно высказывалось мнѣніе, что по остротѣ постановки аграрнаго вопроса Финляндія уступаетъ развѣ только Россіи. Дѣйствительно, при самомъ бѣгломъ ознакомленіи съ правовыми и экономическими условіями финской деревни передъ нами раскрывается картина самой грубой эксплуатаціи.

До сего времени основой благосостоянія Финляндіи было сельское хозяйство и едва ли въ этомъ отношеніи можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ какихъ-либо рѣшительныхъ перемѣнъ,—тѣмъ болѣе, что запасъ годныхъ для сельско-хозяйственной культуры и невоздѣланныхъ земель далеко еще не исчерпанъ. Такъ, если мы станемъ на почву фактовъ, то увидимъ, что сельское хозяйство даетъ средства существованія 70%, а промышленность лишь 10% всего населенія, и что площадь подъ полевыми культурами составляетъ лишь около 4% общей площади страны и въ послѣднее время съ усиленной энергіей ведется разработка новыхъ земель. Такъ съ 1852 г. по 1897 г. полевая площадь возрасла съ 437.550 до 1.168.836 гектаровъ. За послѣднее десятилѣтіе данныхъ нѣтъ, но можно предполагать, что распашка новыхъ пространствъ шла за это время еще быстрѣе. Между прочимъ, въ послѣднее время значительно расширилась культура болотъ и начата была колонизація казенныхъ лѣсовъ безземельными. Поэтому вполнѣ понятно, что писатели и политическіе дѣятели всѣхъ лагерей дальнѣйшее развитіе соціальной жизни ставятъ въ связь съ разрѣшеніемъ аграрной проблемы.

Успѣхи промышленности такъ же безспорны: въ 1885 г. въ Финляндіи было всего 4.333 промышл. заведенія съ 38.075 раб. и оборотомъ въ 117.433.900 финл. марокъ *), а въ 1902 г. 8.531 промышленныхъ заведенія съ 95.282 рабочихъ и оборотомъ въ 309.814.000 ф. м. Но даже маленькая экскурсія въ область статистики покажетъ намъ, что это обстоятельство не упраздняетъ аграрнаго вопроса. Быстро развивающаяся промышленность оказалась не въ состояніи поглотить даже небольшой сельскій пролетаріатъ.

По даннымъ за 1900 г. въ Финляндіи было:

---

*) Финляндская марка 37,5 коп.

	Число душъ.	%%
Всего населенія	2.712,562	—
Въ томъ числѣ сельскаго	2.370,960	87.4
„ „ городского	341,602	12.6
Изъ общаго числа находили себѣ пропитаніе:		
Въ сельскомъ хозяйствѣ, лѣсномъ промыслѣ, рыболовствѣ	1.572,374	58
Въ индустріи	288,343	11
Въ торговлѣ и транспортѣ	128,672	5
Государственная служба, свободная профессія, рентьеры	149,786	5
Безъ опредѣленныхъ занятій и постояннаго заработка	429,680	16
Нѣтъ свѣдѣній о родѣ занятія	143,707	5

Группа безъ опредѣленныхъ занятій и постояннаго заработка составляла, такимъ образомъ, 16%. Этотъ «кочующій пролетаріатъ» до сего времени добываетъ средства существованія главнымъ образомъ отъ сельскаго хозяйства, и это обстоятельство даетъ мѣстному изслѣдователю Э. Гюллингу право считать, что всего занято въ сельскомъ хозяйствѣ 70% населенія.

Какія произошли измѣненія въ самое послѣднее время, объ этомъ нѣтъ сколько-нибудь полныхъ свѣдѣній, но что положеніе во всякомъ случаѣ не измѣнилось къ лучшему показываютъ слѣдующія отрывочныя данныя. По І. Кастрену *) въ 1904 г. въ Финляндіи безземельныхъ было 897,182 души, т. е. около $^1/_3$ всего населенія, при чемъ среди нихъ было 506,633 душъ безъ собственнаго пріюта, т. е. неосѣдлаго пролетаріата.

При этомъ не надо упускать изъ виду слѣдующаго обстоятельства. Финляндская промышленность развивалась при наличности огромнаго резерва, въ видѣ указаннаго выше сельскаго неосѣдлаго пролетаріата, а потому развитіе промышленности не сопровождалось соотвѣтственнымъ улучшеніемъ положенія рабочаго класса. По указанію г-жи Коллонтай *), заработная плата не только не повысилась, но въ нѣкоторыхъ отрасляхъ даже понизилась. Вслѣдствіе этого основное направленіе народнаго міросозерцанія въ экономической области не измѣнилось и сложившаяся у пролетарскихъ элементовъ, въ атмосферѣ мелкаго сельско-хозяйственаго производства, тяга къ землѣ осталась въ силѣ до настоящаго времени, а потому требованіе «земли» есть тотъ основной лозунгъ, который объединяетъ сельскій пролетаріатъ и привелъ его представителей въ свое время съ прошеніемъ въ канцелярію Бобрикова, а теперь къ избирательнымъ урнамъ съ соціалъ-демократическими бюллетенями.

---

*) І. Кастренъ—предсѣдатель коммиссіи сената по аграрной реформѣ, важный дѣятель младо-финской партіи.

**) А. Коллонтай. Финляндія и соціализмъ, стр. 25.

II.

Въ 1901 г., по оффиціальной статистикѣ, изъ общей площади въ 63.559,000 гектаровъ правительству принадлежало 13.848,173 гектара (38%) духовенству 292,137 гектаровъ (1%) и частнымъ собственникамъ 22.418,700 гектаровъ (61%), при чемъ, по сравненію съ соотвѣтственными данными за 1896 годъ, лишь площадь земель послѣдней группы возрасла (на 472,403 г. или 2.2%), а обѣихъ первыхъ группъ уменьшилась. Такимъ образомъ, финляндская казна является крупнымъ собственникомъ, но земли казны сосредоточены въ сѣверной части края и значительная часть ихъ представляетъ лѣсныя пространства и земли неудобныя для сельско-хозяйственной культуры.

О характерѣ частнаго землевладѣнія приходится судить по даннымъ за 1897 г. Несмотря на ихъ неполноту, можно всетаки утверждать о преобладаніи мелкой земельной собственности въ Финляндіи. По этимъ даннымъ, общее число отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ составляло 117,704, въ среднемъ на каждую единицу приходилось 28,5 гектаровъ полевой культурной земли и 19,3 душъ сельскаго населенія. Что общій процессъ мобилизаціи направленъ скорѣе къ дробленію *), чѣмъ къ концентраціи земельной собственности явствуетъ изъ слѣдующихъ данныхъ о числѣ хозяйственныхъ единицъ и распредѣленіи ихъ по размѣрамъ культурной площади.

На ряду съ этимъ необходимо отмѣтить другой фактъ: задолженность финляндскаго землевладѣнія быстро растетъ. Такъ въ 1891 г. по даннымъ финляндскаго ипотечаго союза на частномъ землевладѣніи лежалъ долгъ въ 22.318,362 ф. марки, въ 1901 г.—35.753,480 ф. марокъ и, наконецъ, въ 1904 г.—42.386,879 ф. марокъ.

Тѣ же данныя показываютъ, что губерніи съ крупнымъ землевладѣніемъ задолжены больше, чѣмъ губерніи съ мелкимъ земле-

*) Надо замѣтить, что долгое время законодательными нормами была ограничена возможность дробленія хозяйственныхъ единицъ въ Финляндіи.

Хозяйствъ съ культур. площадью.	Число хозяйствъ.			% отношен. въ 1901 г.	Приростъ (+) и убыль (—) за 10 лѣтъ.	
	1891 г.	1896 г.	1901 г.		Число.	%
до 5 гектаръ	33,669	32,162	33,755	27	+86	+0.3
съ 5 до 25	55,398	60,674	62,677	51	+7279	+13.1
съ 25 до 100	22,044	22,172	23,983	19	+1939	+8.8
свыше 100	3,658	2,694	2,433	3	—1225	—36.
Всего	114,769	117,704	122,848	100	+8079	+7.0

владѣніемъ. Такъ въ Нюландской губ.—въ центрѣ крупнаго землевладѣнія—въ 1901 г. на гектаръ частно-владѣльческой земли приходилось ипотечныхъ займовъ 9,6 ф. марки и на гектаръ подъ полевыми культурами 83 ф. м., въ то время какъ въ Выборгской губ.—въ центрѣ мелкаго землевладѣнія—тѣ же цифры составляли 0,8 ф. м. и 15,5 ф. марки; въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ новые займы составляли въ Нюландской губ. 1,7 ф. марки на гектаръ частновладѣльческой земли, а въ Выборгской губ. 0,2 ф.м. Разница столь значительная, что комментаріи излишни.

Въ задачи настоящей статьи не входитъ подробное разсмотрѣніе степени устойчивости разныхъ типовъ хозяйства, но мы считаемъ нужнымъ все же указать на слѣдующее существенное обстоятельство, которое можетъ служить до нѣкоторой степени ключомъ при выясненіи причинъ укрѣпленія мелкаго землевладѣнія въ Финляндіи. Въ серединѣ 80-хъ годовъ произошелъ переломъ въ финляндскомъ полевомъ хозяйствѣ—первое мѣсто по количеству производства занялъ овесъ, вмѣсто ржи. Съ этимъ моментомъ связанъ переносъ центра тяжести съ зерноваго хозяйства на молочное. Въ 90-хъ годахъ новое направленіе получило еще болѣе рѣзкое выраженіе, когда сбытъ финляндскаго масла на англійскій рынокъ былъ окончательно обезпеченъ. Такъ какъ мелкому хозяину трудно было изготовить продуктъ необходимаго качества, то въ 90-хъ же годахъ зародилось стремленіе къ организаціи акціонерныхъ маслодѣленъ на началахъ, близкихъ къ коопераціи. Съ изданіемъ закона 1901 г. о коопераціяхъ, многія акціонерныя предпріятія деформировались въ кооперативныя товарищества, и при усиленной агитаціи общества «Pellervo» быстро стали возникать новыя товарищества. На сколько успѣшно было кооперативное движеніе въ этой области явствуетъ изъ слѣдующихъ данныхъ:

	1902 г.	1905 г.
Число кооперат. маслод. . . .	28	224
Въ нихъ число членовъ . . .	2.408	21.150
Принад. имъ коровъ	16.380	136.575
% коровъ общему числу коровъ въ странѣ	1.5	12.7
Сумма производства масла въ килограмахъ	—	1.441.451
% къ общему вывозу масла изъ страны	—	27.9

Что кооперативныя товарищества дали финскому хозяину всѣ техническія преимущества крупнаго производства, это подтверждается изслѣдованіями лабораторіи въ Ганге, которыми доказано, что масла кооперативныхъ товариществъ по качеству превосходятъ масла частновладѣльческихъ маслодѣленъ.

Въ данномъ случаѣ вопросъ о наличности и прочности мелкаго землевладѣнія заслуживаетъ вниманія потому, что оно придало

земельнымъ требованіямъ финляндскаго пролетаріата на первыхъ порахъ опредѣленно индивидуалистическій характеръ, въ смыслѣ привязанности къ мелкому самостоятельному хозяйству, и съ этимъ обстоятельствомъ всѣ политическія партіи должны были считаться.

III.

Безземельные, какъ уже выше было отмѣчено, составляютъ около $^1/_3$ всего сельскаго населенія, но на ряду съ ними имѣется значительная группа крестьянъ-мелкихъ собственниковъ, которые для покрытія своего хозяйственнаго дефицита вынуждены искать посторонняго заработка. Эта группа крестьянъ должна быть отнесена къ числу настойчиво требующихъ радикальныхъ земельныхъ реформъ, и потому мы едва ли погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что 50% сельскаго населенія заинтересованы непосредственно въ предстоящей аграрной реформѣ.

Безземельные по формѣ экономической зависимости дѣлятся на нѣсколько группъ: однѣ могутъ быть отнесены къ категоріи арендаторовъ, другія—къ батракамъ.

Среди всѣхъ этихъ группъ первое мѣсто принадлежитъ торпарямъ, т. е. мелкимъ арендаторамъ, которые за пользованіе землей обязаны, кромѣ денежной платы, отработать землевладѣльцу опредѣленное число дней и уступить часть продуктовъ.

По оффиціальной статистикѣ въ 1903 г. торпарей числилось въ въ Финляндіи 69,037, но Э. Гюллингъ полагаетъ, что вмѣстѣ съ группой мякитупалайселля ихъ всего около 100,000. Въ общемъ число ихъ подвергалось замѣтному колебанію *). Главное историческое значеніе торпарей заключается въ томъ, что они составляютъ передовые кадры сельско-хозяйственныхъ піонеровъ въ странѣ. Въ дѣлѣ расширенія культурной площади на ихъ долю выпала главная и, въ общемъ, неблагодарная роль. Самое происхожденіе группы торпарей объясняется мѣстными изслѣдователями слѣдующимъ образомъ. Крупные и средніе землевладѣльцы зачастую эксплуатируютъ лишь 20—30% общей площади своего владѣнія; остальная часть—лѣсныя пространства. Лѣсныя и неудобныя земли собственники издавна отдавали небольшими кусками въ аренду, большею частью отработочную, желающимъ, при чемъ имъ предоставлялось для удовлетворенія своихъ надобностей пользоваться владѣльческимъ лѣсомъ и выгономъ. Эти арендаторы и образовали группу торпарей. Послѣднихъ особенно много въ западной Финляндіи, гдѣ на каждый крестьянскій дворъ приходится отъ 2 до 5 торпарей, а въ большихъ имѣніяхъ это число дохо-

*) Такъ по оффиціальной статистикѣ въ 1891 году было 67,490 торпарей, въ 1896 г.—71,577, въ 1901 г.—67,083, а въ 1903 г.—69,037 г.

дитъ до 200. Размѣръ участковъ торпарей различенъ—доходитъ иногда до 20—30 гект., но въ общемъ 60% торпарей имѣютъ культурной площади меньше 3 гектаровъ. Продолжительность арендного договора колеблется сильно: большею частью отъ одного года до десяти лѣтъ. Правда, во внутренней части страны можно найти торпарскіе договоры на 40 - 50 лѣтъ, но за то есть и такіе договоры, которые могутъ быть по желанію землевладѣльца во всякое время прекращены. Какъ общее явленіе можетъ быть отмѣчено—въ крупныхъ имѣніяхъ краткосрочные и большею частью словесные договоры, въ среднихъ и мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ преобладаютъ долгосрочные письменные договоры. Центръ тяжести арендныхъ отношеній торпаря—отработки, при чемъ на ряду съ обязательствомъ отработать извѣстное число дней, торпарь нерѣдко долженъ еще по всякому требованію землевладѣльца являться на работы, и эти добавочные дни обыкновенно расцѣниваются въ половину нормальной поденной платы. Кромѣ того существуютъ особые вступительные взносы, платежи при передачѣ участка другому лицу и т. д. По мнѣнію Гюллинга торпарь—есть подневольный батракъ. Что же касается общей расцѣнки исполняемыхъ торпарями работъ, то она измѣняется въ зависимости отъ мѣстныхъ и другихъ условій въ предѣлахъ отъ 10 до 120 ф. марокъ на гектаръ въ годъ.

Для того, чтобы дать реальную картину положенія торпарей не лишне остановиться на слѣдующемъ. Лѣтомъ прошлаго года происходили многочисленныя забастовки торпарей во всей Финляндіи, а затѣмъ послѣдовали многочисленные процессы о нарушеніи договоровъ. Эти процессы почти вездѣ окончились въ пользу землевладѣльцевъ, но послѣдніе вступили въ мирныя соглашенія съ торпарями и приговоры о выселеніяхъ не были приведены въ исполненіе. Нѣсколько иной оборотъ дѣло приняло въ имѣніи барона Штандершкіелдъ-Норденштама, въ Тавастгустской губ. Баронъ дѣйствовалъ безъ компромиссовъ. Стачка прошла неудачно *), такъ какъ сельско-хозяйственные рабочіе не поддержали торпарей. По жалобѣ барона состоялся приговоръ суда о выселеніи бастовавшихъ торпарей, но послѣдніе, разсчитывая на поддержку общественнаго мнѣнія, отказались подчиниться этому рѣшенію. Пока было смутное время, исполненіемъ приговора медлили, но къ зимѣ реакція усилилась и подлежащія власти нашли возможнымъ приступить къ насильственному выселенію. Операція эта была произведена въ одинъ изъ морозныхъ декабрьскихъ дней и при томъ съ большою рѣшительностью и безцеремонностью: двери и окна были разбиты, вещи выброшены на снѣгъ. Такой образъ дѣйствій агентовъ конституціоннаго правительства вызвалъ

*) Главное требованіе было: распредѣленіе по сезонамъ отработочныхъ дней.

бурю протеста въ пролетарскихъ кругахъ; организованы были митинги, сборы пожертвованій и т. д. Однако, послѣ ухода полиціи торпари снова пріютились въ полуразрушенныхъ домахъ и ихъ не тревожили до апрѣля мѣсяца. Теперь же вторично явившаяся полиція задалась цѣлью сравнять съ землею бывшія пепелища торпарей, чтобы сдѣлать физически невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе ихъ тамъ.

Это обстоятельсто заставило центральный комитетъ с.-д. партіи предпринять спеціальное обслѣдованіе, которое обнаружило слѣдующее. 40 лѣтъ тому назадъ, когда это имѣніе было куплено настоящими владѣльцами, въ немъ было 150 торпарскихъ участковъ, теперь же ихъ 128; 22 участка оказались уже присоединенными къ экономическимъ землямъ. На нѣкоторыхъ участкахъ была только одна постройка—изба, на другихъ были и хозяйственныя постройки. Всего въ 128 избахъ ютилось 245 семей, состоящихъ изъ 838 душъ, среди которыхъ дѣтей возрастомъ ниже 12 лѣтъ—240 и стариковъ свыше 55 лѣтъ—135; предки настоящихъ торпарей большею частью въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній жили въ данномъ имѣніи. Въ распоряженіи этихъ 128 торпарскихъ хозяйствъ находилось 886 гектаровъ поля и $193^1/_2$ гект. луга—въ среднемъ на хозяйство приходилось около $8^1/_3$ гект. За это торпари должны были платить владѣльцу 5,432 ф. марки, отработывать 8,594 конныхъ и 4.929 пѣшихъ дней, давать 173 гектолитра ржи, 880 яицъ, 270 литровъ черники, 20 килограм. масла и, наконецъ, изготовлять 1,685 сѣнныхъ кола. Все это по расцѣнкѣ секретаря центральнаго комитета с.-д. партіи—составляетъ 77,678 ф. марокъ 50 пени или въ среднемъ:—на хозяйство 606 ф. м. 87 п., на гектаръ 71 ф. м. 95 п. Кромѣ того торпари платятъ ежегодно 974 ф. м. страховыхъ, но если случится пожаръ, то страховая премія поступитъ владѣльцу. Затѣмъ казенные налоги составляютъ въ годъ 723 ф. марки, платежи на церковь 766 ф. марокъ и, наконецъ, пастору (деньгами, натурой и работой) не менѣе 1000 ф. марокъ и народной школѣ столько же.

Я привелъ цифры въ томъ видѣ, какъ онѣ имѣются въ отчетѣ секретаря центр. комит. с.-д. партіи, оставляя въ сторонѣ его комментаріи. Такъ какъ его расцѣнка рабочихъ дней можетъ быть признана по сравненію съ рыночной цѣной нѣсколько высокой, то, чтобы избѣгнуть возраженій, я въ основу тѣхъ же вычисленій положилъ оффиціальныя данныя о стоимости рабочихъ рукъ въ 1900 г. и при этомъ условіи денежная и отработочная аренда безъ натуральныхъ доплатъ обходились торпарамъ въ 59,594 ф. марки или болѣе 55 ф. марокъ на гектаръ. Между тѣмъ, по заключенію бывшаго комитета сената о безземельныхъ средняя продажная цѣна пахотныхъ земель въ Финляндіи 200 ф. марокъ, а сѣнокосовъ 50 ф. марокъ. Этотъ языкъ цифръ убѣдительнѣе всякихъ комментарій. Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ думать, что мы

имѣемъ дѣло съ исключительнымъ случаемъ,— появившіяся въ мѣстной соціалистической печати свѣдѣнія опредѣленно указываютъ на то, что въ подобномъ положеніи находятся торпари и въ другихъ мѣстностяхъ.

Эта экономическая кабала дополняется приниженнымъ правовымъ положеніемъ. Правда, передъ закономъ всѣ финляндскіе граждане равны, но въ дѣйствительности неравенство доходитъ до того, что мелкій крестьянинъ-собственникъ считаетъ унизительной «партіей» выдать свою дочь замужъ за торпаря. Въ договорахъ помѣщичьихъ торпарей неизмѣнно фигурируетъ требованіе уваженія къ помѣщику и его членамъ семьи. Какъ это понимается, видно изъ того, что не рѣдкость, когда торпарь, проходя лишь мимо господскаго дома, снимаетъ шапку. Архаизмъ въ правоотношеніяхъ доходитъ до того, что существующій законъ требуетъ отъ лицъ, служащихъ у дворянъ, послушанія и предоставляетъ послѣднимъ право налагать на нихъ дисциплинарныя взысканія. Въ частности «свободными» торпарскими договорами устанавливается полная опека надъ личностью торпаря. Поэтому изслѣдователи ихъ быта пытаются проводить параллель между положеніемъ торпаря и крѣпостного. Такъ Гюллингъ, на котораго мы уже неоднократно ссылались, разрѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Онъ находитъ, что торпари долгіе годы находились въ такомъ же положеніи, какъ крѣпостные. Сравнительно позднее возникновеніе класса торпарей (середина XVIII вѣка) и его экономическія основы (арендныя начала) поставили торпарей въ номинально болѣе выгодное правовое положеніе по сравненію съ крѣпостными, но за то, по мнѣнію Гюллинга, экономическое положеніе послѣднихъ было болѣе устойчивымъ. Во всякомъ случаѣ, торпари рѣзко обособлены отъ мелкихъ собственниковъ, ибо права торпарей опирались въ прошломъ исключительно на трудовое начало и ихъ интересы въ настоящемъ есть исключительно интересы труда, а потому совершенно естественно, что своей первой опорой въ деревнѣ финляндскіе с.-д. избрали именно этотъ классъ.

Что же касается другихъ группъ безземельныхъ, то несомнѣнно, что число ихъ постепенно возрастаетъ. Такъ въ 1880 они составляли 27,6% сельскаго населенія, а черезъ 20 лѣтъ—въ 1900 г.—уже 36,4%. Едва четвертая часть *) ихъ въ качествѣ постоянныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ имѣютъ опредѣленные источники для существованія, остальная же масса влачитъ жалкую жизнь поденщиковъ, при чемъ въ зависимости отъ наличности тѣхъ или иныхъ работъ происходятъ періодическія перекочевки ихъ изъ деревни въ городъ и обратно. Одни изъ нихъ

*) Постоянные с.-х. рабочіе составляли въ 1880 году 12% сельскаго населенія, а въ 1900 г.—лишь 8%. Средняя годовая плата въ 1900 г. составляла 239 ф. мар.

живутъ постоянными у крестьянъ-собственниковъ, другіе имѣютъ собственныя лачуги на окраинѣ земель, иногда съ клочкомъ огорода, за что платятъ [illegible]. Незначительное количество находитъ заработки въ сельскихъ ремеслахъ. О размѣрахъ ихъ заработка можно судить по тому, что поденная плата лѣтомъ 1900 г. равнялась 1 м. 90 п. (71 к.), а зимою 1 м. 3 п. (38 к.). Ничего нѣтъ удивительнаго, что полуголодное существованіе и питаніе почти исключительно сухимъ хлѣбомъ сдѣлалось въ этой средѣ обычнымъ явленіемъ. Вся эта масса безземельныхъ, вслѣдствіе своей неорганизованности, долгое время не оказывала соотвѣтствующаго своей численности вліянія на политическую жизнь, но она представляла легко воспламеняющійся матеріалъ, на основѣ котораго неизбѣжно должно было развиться аграрное движеніе.

IV.

Такъ какъ указанныя выше измѣненія происходили въ теченіе [illegible] XIX вѣка [illegible] реформы, то экономическія отношенія [illegible] долгаго времени. Хотя аграрные [illegible] острый характеръ и не имѣли, но въ періодъ [illegible] было уже достаточно сильно трудовое начало, которымъ въ извѣстной степени и смягчались взаимныя отношенія собственниковъ и торпарей. Однако такое положеніе продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока экономическая жизнь страны шла по пути натуральнаго хозяйства.

Со второй половины 80-хъ годовъ начинается промышленное оживленіе Финляндіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается неустойчивость соціальнаго и правового положенія торпарей. Началась энергичная эксплуатація лѣсныхъ богатствъ, страна стала обогащаться капиталами и, наконецъ, практической задачей момента явилась организація на новыхъ началахъ всего сельско-хозяйственнаго производства. Подъ вліяніемъ всего этого земельные собственники рѣзко измѣнили свою политику по отношенію къ торпарямъ и вообще къ сельско-хозяйственному пролетаріату. Выразилось это прежде всего въ повышеніи арендныхъ обязательствъ и, въ особенности, въ усиленіи отработковъ, такъ какъ интенсификація хозяйства требовала большого количества труда; были введены, между прочимъ, сдѣльныя работы. Но этимъ дѣло не ограничилось: землевладѣльцы [illegible] систему изгнанія торпарей съ ихъ участковъ въ цѣляхъ раціональной экономической политики. Кромѣ того, было ограничено право пользованія лѣсомъ, какъ только послѣдній сдѣлался рыночнымъ товаромъ. На этой почвѣ начались многочисленныя столкновенія.

При наличности огромныхъ кадровъ безземельнаго кочующаго пролетаріата и полной его дезорганизованности, ни о какой серьез-

ной борьбѣ между торпарями и землевладѣльцами не могло быть и рѣчи, но указанныя обстоятельства неизбѣжно вели къ накопленію недовольства среди торпарей. Недовольство это замѣчалось уже въ 80-хъ годахъ, но началомъ торпарскаго движенія нужно считать 90-ые годы. Въ это же время пробуждается общественный интересъ къ положенію торпарей и безземельныхъ, что и выразилось въ рядѣ изслѣдованій, предпринятыхъ для ознакомленія съ ихъ экономическимъ и правовымъ бытомъ.

Однако въ этомъ періодѣ торпарское движеніе, по свидѣтельству Гюллинга, дальше массовой подачи прошеній въ сенатъ не шло. Дѣйствительно, А. Варэнъ, объективный изслѣдователь быта торпарей въ томъ періодѣ, указываетъ, что сознательность ихъ не простиралась дальше пониманія тяжести своего положенія. Среди торпарей существовали лишь туманныя надежды на помощь извнѣ. Между прочимъ, они ожидали русскаго закона о раздѣлѣ земли. Надо замѣтить, что версія о «русскомъ законѣ» упорно держалась среди торпарей и безземельныхъ, при чемъ объясненія о ея происхожденіи носятъ гадательный характеръ. Можно констатировать, что до появленія Бобрикова аграрное движеніе въ Финляндіи было очень слабо. Съ этой руссификаціи начался замѣтный подъемъ его. Въ дѣлѣ разрушенія финляндскаго конституціонализма Бобриковъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны правящихъ классовъ и, чтобы упрочить свое положеніе, онъ вздумалъ привлечь на свою сторону симпатіи городского и сельскаго пролетаріата.

Признаться, обстановка для такой тактики была благопріятная, но сама задача была не по разуму гг. бюрократамъ. Былъ пущенъ въ ходъ чисто демагогическій методъ дѣйствія. При помощи коробейниковъ, усиленно распространялись среди торпарей и безземельныхъ слухи, что скоро «русскимъ закономъ» будетъ произведенъ раздѣлъ земель. Эта пропаганда возымѣла дѣйствіе: безпокойство значительно усилилось, посыпались прошенія и т. д. Чтобы парализовать вліяніе этихъ «слуховъ» мѣстнымъ политическимъ партіямъ пришлось послать своихъ агитаторовъ въ страну для разъясненія всей безсмысленности ихъ надеждъ на «русскій законъ». Такимъ образомъ торпарь, котораго до сихъ поръ игнорировали при всякихъ политическихъ разсчетахъ, вдругъ сталъ центромъ вниманія представителей двухъ политическихъ лагерей. Обѣ стороны, исходя изъ соображеній собственной выгоды, въ конечномъ итогѣ работали надъ пробужденіемъ классоваго самосознанія сельскаго пролетаріата. Само собою разумѣется, что ограничиваться одними разъясненіями, какъ и распусканіями слуховъ было нельзя: движеніе приняло такой характеръ, что въ положительныхъ мѣрахъ стала ощущаться настоятельная необходимость.

Еще на зарѣ конституціонной жизни Финляндіи—въ 60-хъ годахъ—былъ затронутъ вопросъ о безземельныхъ, но тогда все

свелось къ принятію сеймомъ въ 1864 закона о порядкѣ дѣлимости имѣній. Въ 1877 г. этотъ законъ пришлось пересмотрѣть, но дѣло затянулось, и лишь въ 1895 г. онъ вступилъ въ силу. Понятно, что эта волокита очень сильно отразилась на степени цѣлесообразности реформы. Ограничиться одной этой мѣрой было уже нельзя, на очередь выдвинулся вопросъ о колонизаціонной политикѣ и льготномъ земельномъ кредитѣ.

Начало колонизаціи относится къ 80-мъ годамъ, и тогда же въ 1887 г. было произведено первое ассигнованіе на предметъ выдачи ссудъ на покупку земли; въ 90-хъ годахъ опыты колонизаціи продолжались, а вмѣстѣ съ тѣмъ были ассигнованы въ 1892 и 1893 г.г. новыя средства на покупку земель, каковыя и составили такъ называемый «фондъ безземельныхъ».

Сеймъ въ 1897 г., въ который былъ внесенъ аграрный вопросъ, призналъ необходимымъ подвергнуть его предварительному изученію и потому возбудилъ ходатайство о назначеніи спеціальнаго комитета, который ознакомился бы съ колонизаціонной политикой за границей и результатами собственныхъ опытовъ. Это ходатайство было удовлетворено въ 1898 г., и въ томъ же году докторъ Х. Гебхордъ отправился за границу изучать колонизаціонную политику.

Въ 1899 г. начались демагогическіе эксперименты Бобрикова въ Финляндіи. Первымъ положительнымъ шагомъ въ дѣлѣ привлеченія симпатій безземельныхъ было назначеніе высочайшимъ повелѣніемъ 2.000.000 фин. марокъ въ фондъ для выдачи ссудъ безземельнымъ. Къ тому времени изученіе вопроса подвинулось впередъ еще мало, и по вопросу о способѣ использованія новыхъ средствъ возникли серьезныя разногласія среди сенаторовъ. Въ концѣ концовъ по высочайшему повелѣнію во главѣ дѣла былъ поставленъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ помощника генералъ-губернатора; въ составъ комитета кромѣ того вошли одинъ губернаторъ по назначенію генералъ-губернатора и одинъ сенаторъ по выбору сената.

Операціи «фонда безземельныхъ», находившагося въ завѣдываніи этого комитета, выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

Годъ.	Число общинъ, взявшихъ ссуды.	Сумма ссудъ.
1899	1	2,500 ф. мар.
1900	23	293,000 » »
1901	15	205,000 » »
1902	2	25,000 » »
1903	6	90,000 » »
1904	25	308,000 » »
1905	29	263,000 » »
1906	19	232,000 » »
Итого . . .	120	1.418,500 » »

Такъ какъ въ Финляндіи 480 общинъ, то ссудами воспользовались 25% изъ нихъ *). По вычисленію Яахнсона, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, на каждаго жителя общины пришлось ссуды 0,60 ф. марки (23 коп.). Эти данныя не нуждаются въ комментаріяхъ и неудивительно, что теперь всѣ политическія партіи отрицательно относятся ко всѣмъ этимъ колонизаціоннымъ экспериментамъ.

Не лучше обстоитъ дѣло въ области упорядоченія арендныхъ отношеній. Вопросъ о необходимости пересмотра старой законодательной нормировки арендныхъ отношеній, унаслѣдованной, кстати замѣтить, со времени шведскаго владычества, былъ поставленъ на очередь сеймомъ 1885 г., но опять обнаружилась обычная медленность классоваго сейма въ области соціальнаго законодательства, такъ какъ новый законъ вступилъ въ силу лишь 1 января 1904 г. Улучшенія, внесенныя новымъ закономъ, такъ ничтожны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ мало отвѣчаютъ духу времени, что всѣ политическія партіи требуютъ теперь его коренного пересмотра; de facto новый законъ получилъ самое ограниченное примѣненіе.

Едва ли въ чемъ-либо такъ ярко выразились классовыя тенденціи стараго финляндскаго парламента, какъ именно въ области аграрнаго законодательства. По всей видимости политическими дѣятелями понималась наличность условій для возникновенія соціальнаго движенія на почвѣ аграрныхъ отношеній, но это повело лишь къ ряду безплодныхъ потугъ и палліативовъ. Даже и тогда, когда благодаря перекрестной агитаціи бобриковцевъ и конституціоналистовъ аграрное движеніе замѣтно усилилось, со стороны господствующихъ классовъ не было предпринято ничего радикальнаго для установленія соціальнаго равновѣсія.

V.

Тяжелое экономическое положеніе пролетарскихъ и полупролетарскихъ элементовъ въ финской деревнѣ, съ одной стороны, и бездѣятельность классового сейма по принятію реальныхъ мѣръ для разрѣшенія аргграрнаго вопроса, съ другой,—несомнѣнно создали благопріятную обстановку для соціалистической пропаганды. Соціалъ-демократамъ не трудно было съ фактами въ рукахъ выяснить представителямъ сельскаго пролетаріата, гдѣ ихъ дѣйствительные друзья и гдѣ враги. Однако, ограничиться одной критикой существующихъ условій было нельзя. Чтобы укрѣпить свое положеніе

*) По правиламъ выдачи ссудъ, послѣднія могли быть получены главнымъ образомъ при посредничествѣ общинъ; свободные союзы имѣли право посредничества, но они имъ не воспользовались.

въ деревнѣ, финляндскимъ соціалъ-демократамъ нужно было включить въ свою программу вполнѣ конкретныя для селянина мѣры и при томъ до извѣстной степени осуществимыя при настоящихъ условіяхъ. Другими словами, во главу угла нужно было поставить реальные и понятные массѣ лозунги. Только такимъ путемъ можно было создать органическую связь между соціалъ-демократіей и пролетаріатомъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что при этомъ финскимъ соціалъ-демократамъ пришлось уклониться отъ нѣкоторыхъ господствующихъ теченій въ международной соціалъ-демократіи.

Происхожденіе организаціоннаго движенія среди финскихъ рабочихъ вообще не лишено извѣстной степени оригинальности. Первыми этапами организаціи рабочихъ массъ были безпартійные рабочіе союзы, которые возникли въ первой половинѣ 80-хъ годовъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Эти союзы въ первое время имѣли вполнѣ невинный характеръ—въ нихъ видную роль играли работодатели. Указывая на нихъ, финномены съ гордостью заявляли, что Финляндія—страна, гдѣ нѣтъ классовыхъ противорѣчій. Начало объединенія между отдѣльными рабочими союзами было положено съѣздомъ делегатовъ въ 1893 г. въ Гельсингфорсѣ *), на которомъ была избрана постоянная рабочая делегація. Въ общемъ съѣздъ носилъ очень умѣренный характеръ, такъ что даже пренія по вопросу о расширеніи избирательнаго права не счелъ возможнымъ внести въ протоколъ. Въ 1895 г. былъ второй съѣздъ въ Тамерфорсѣ—онъ былъ нѣсколько радикальнѣе перваго, но все же делегатами было отвергнуто требованіе всеобщаго избирательнаго права. За то третій съѣздъ въ Або въ 1899 г. не только вотировалъ требованіе всеобщаго избирательнаго права, но и призналъ необходимымъ учрежденіе самостоятельной рабочей партіи, которая на слѣдующемъ съѣздѣ въ 1901 г. въ Выборгѣ была названа «соціалдемократической».

Программа партіи, близкая въ своихъ основныхъ положеніяхъ къ Эрфуртской программѣ, была утверждена съѣздомъ партіи въ 1903 г. въ Форсѣ. Такимъ образомъ финляндская с.-д. партія съ самаго начала имѣла органическую связь съ рабочей массой, и эта связь въ дальнѣйшемъ развитіи еще болѣе укрѣпилась. Не лишне будетъ также отмѣтить, что финляндская интеллигенція почти совершенно устранилась отъ участія въ рабочемъ движеніи, и рабочимъ приходилось выдвигать изъ своей среды дѣятелей всѣхъ категорій. Это явленіе имѣло много отрицательныхъ послѣдствій въ развитіи соціалистическаго движенія, но имѣло, быть можетъ, и свои хорошія стороны. Въ частности, финская соціалъ-демократія избѣжала догматическихъ увлеченій въ своемъ отношеніи къ аграрному вопросу.

*) Попытка въ 1891 г. устроить съѣздъ не удалась—генералъ-губернаторъ не разрѣшилъ; вмѣсто съѣзда была устроена анкета.

Если финскій фабричный рабочій имѣетъ болѣе слабую связь съ деревней, чѣмъ она наблюдается у русскаго фабричнаго рабочаго, то все же психологической общности между сельскимъ и городскимъ пролетаріатомъ очень много. Не надо забывать, что развитіе промышленности произошло въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, а слѣдовательно, среди промышленныхъ рабочихъ имѣется значительный контигентъ выходцевъ изъ деревни. Въ силу этой органической связи между финской деревней и финской фабрикой представителямъ послѣдней были весьма близки нужды и стремленія сельскаго пролетаріата, а слѣдовательно, при нормальномъ зарожденіи и отсутствіи доктринерскаго верховодства с.-д. партіи, аграрныя требованія въ ея программѣ, независимо отъ тактическихъ соображеній, заняли видное мѣсто и формулированы были въ извѣстномъ соотвѣтствіи, какъ съ мѣстными условіями, такъ и со стремленіями различныхъ группъ сельскаго пролетаріата. Чрезвычайно интересно, что промышленные рабочіе уже на съѣздѣ 1893 г. выдвинули требованіе улучшенія быта сельско-хозяйственнаго пролетаріата, а второй съѣздъ въ Тамерфорсѣ, какъ было указано выше, далъ серьезный толчекъ къ постановкѣ на очередь вопроса объ аграрной реформѣ. Наконецъ, на Абосскомъ съѣздѣ въ 1899 г. выступилъ съ докладомъ извѣстный изслѣдователь быта торпарей А. Варэнъ о необходимыхъ реформахъ въ арендныхъ отношеніяхъ. Я не стану разбираться въ резолюціяхъ этихъ съѣздовъ, которые, за исключеніемъ Абосскаго, соціалистическаго характера не носили, но суть въ томъ, что рабочіе съѣзды сразу сдѣлались тѣми центрами, куда шли всѣ, кто считалъ нужнымъ выступить съ требованіями реформъ въ области аграрныхъ отношеній.

Аграрная программа финской с.-д. партіи была принята на форсовскомъ съѣздѣ въ 1903 г. Она содержитъ слѣдующія требованія *):

1) Находящіяся во владѣніи государства или коммунъ земельные участки или угодья не могутъ быть ни отчуждаемы, ни отдаваемы въ даръ. 2) Находящіяся въ рукахъ государства, не разработанныя еще земельныя владѣнія, должны быть воздѣлываемы, но не могутъ быть отчуждаемы ни въ чью собственность. 3) Продаваемые съ публичнаго торга земли, водопады, рудники и т. д. должны быть расцѣниваемы и по этой оцѣнкѣ пріобрѣтаемы государствомъ. 4) Коммуны должны обладать правомъ экспропріаціи земельныхъ владѣній цѣликомъ или частями; цѣны соразмѣряются съ доходностью земли. 5) Находящіеся во владѣніи государства или пріобрѣтаемые имъ земельные участки надлежитъ передавать неосѣдлому сельскому населенію или такимъ кооперативнымъ товариществамъ, члены которыхъ ведутъ хозяйство собственнымъ трудомъ. 6) Государственная помощь должна оказываться прежде всего мелкому

---

*) Цитирую въ переводѣ А. Колонтай. «Финляндія и соціализмъ» стр. 79—80.

земледѣлію, а также всѣмъ сельско-хозяйственнымъ кооперативнымъ товариществамъ. 7) Барщинники и арендаторы должны обладать правомъ продавать и потреблять всѣ получаемые съ арендного участка продукты; по истеченіи же срока арендного договора они должны получать полное возмѣщеніе за хозяйственныя улучшенія, поднявшія цѣнность участка. 8) Сельское хозяйство и всѣ побочныя отрасли должны быть особенно поощряемы, по инціативѣ государства и коммунъ, всѣми возможными способами, такъ, чтобы народу стали доступны, какъ новѣйшіе медоты обработки, такъ и необходимѣйшія техническія познанія. 9) Слѣдуетъ поднять теоретическое развитіе и образованіе неосѣдлаго населенія. 10) Особыя постановленія о прислугѣ (челяди) должны быть уничтожены.

Съ точки зрѣнія ортодоксальнаго марксизма эта программа заключаетъ въ себѣ «смертные грѣхи», но, однако, эти требованія до сего времени не измѣнены, а лишь дополнены. Какъ видно изъ приведеннаго текста, они опираются на опредѣленныя принципіальныя положенія. Такъ черезъ первые пять пунктовъ проходитъ красной нитью признаніе націонализаціи земельныхъ имуществъ. Правда, о націонализаціи говорится въ неопредѣленной формѣ, но во всякомъ случаѣ муниципализація не противопоставляется ей. Интересно отмѣтить, что финляндскіе с.-д. не нашли опаснымъ сосредоточеніе въ рукахъ государства земельныхъ имуществъ путемъ изъятія ихъ изъ рыночнаго оборота. Являясь въ данномъ пунктѣ противниками свободной мобилизаціи земельной собственности, с.-д. тѣмъ самымъ уже выразили свое отрицательное отношеніе къ капитализаціи аграрной промышленности. Признавъ же основой хозяйства на государственныхъ земляхъ трудовой принципъ и высказавъ требованіе покровительства со стороны государства мелкому хозяйству, они тѣмъ самымъ стали во враждебное отношеніе къ капиталистическому хозяйству.

Однако интереснѣе всего то, что финляндскимъ с.-д. пришлось сразу установить свое отрицательное отношеніе также и къ мелкой земельной собственности и ея росту. Эта тенденція рѣзко обнаружилась потому, что Форсовскому съѣзду былъ представленъ докладъ о мѣрахъ увеличенія числа мелкихъ собственниковъ, но онъ былъ отвергнутъ и особой коммиссіей выработаны приведенныя выше программныя требованія. Этимъ былъ положенъ одинъ изъ главныхъ краеугольныхъ камней аграрной политики финляндской с.-д. партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ ея программа даже въ ближайшихъ требованіяхъ рѣзко отграничена отъ программъ буржуазныхъ партій. Какъ выше было указано мелкая земельная собственность въ Финляндіи преобладаетъ и растетъ. Финляндскіе соц.-дем. не имѣли такимъ образомъ никакихъ положительныхъ данныхъ ожидать концентраціи земельной собственности, а между тѣмъ, въ мелкихъ собственникахъ они видѣли оплотъ консерватизма и главный тормазъ успѣшной пропаганды идеи колективизма въ странѣ. При такихъ усло-

віяхъ простой политическій разсчетъ долженъ былъ заставить ихъ стремиться къ тому, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшему росту мелкой земельной собственности. Вся аграрная политика буржуазныхъ партій, наоборотъ, построена на увеличеніи числа мелкихъ собственниковъ. Представители этихъ партій прямо говорятъ, что для нормальнаго, съ ихъ точки зрѣнія, функціонированія демократическаго парламента нужно создать соотвѣтственный контингентъ мелкихъ собственниковъ въ странѣ. Разрушеніе крупнаго землевладѣнія ихъ мало смущаетъ, ибо доходность его, разъ будетъ парализована эксплуатація въ ея нынѣшнихъ крайнихъ формахъ, неизбѣжно должна будетъ сильно упасть, и, стало быть, возможность сбыть земли при помощи льготныхъ ссудъ мелкимъ собственникамъ представляется наиболѣе выгоднымъ исходомъ.

При отрицательномъ отношеніи финской соціалъ-демократіи къ мелкой земельной собственности покровительство мелкому хозяйству пріобрѣтаетъ въ ея программѣ совершенно опредѣленный смыслъ, какъ покровительство трудовому хозяйству въ противовѣсъ капиталистическому. Мнѣ не приходилось встрѣчать сколько нибудь опредѣленныхъ указаній на то, чтобы идея націонализаціи или муниципализаціи была близка финскому сельскому пролетаріату; напротивъ, можно было бы привести цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о приверженности его къ частной земельной собственности. Но эта привязанность оказалась, повидимому, условной и непрочной. По крайней мѣрѣ, включеніе этихъ идей въ программу соціалъ-демократической партіи не помѣшало ея успѣхамъ въ деревнѣ.

Въ совершенно иномъ положеніи оказалась партія по отношенію къ мелкому хозяйству. Стремленіе къ трудовому хозяйству настолько сильно въ народной средѣ, что, пойдя наперекоръ ему, какъ требовала этого ортодоксія, партія оказалась бы изолированной отъ сельскаго пролетаріата. Но этого не могло случиться ужъ потому, что связь между сельскимъ пролетаріатомъ и фабричными рабочими настолько сильна, что послѣдніе могли говорить въ земельномъ вопросѣ лишь языкомъ первыхъ. Если вникнуть въ сущность изложенныхъ выше экономическихъ условій, то легко будетъ понять, что иного пути, какъ покровительство трудовому хозяйству, не было. Положивъ на Форсовскомъ съѣздѣ во главу угла своей программы покровительство мелкому хозяйству, финляндскіе с.-д. тѣмъ самымъ открыли путь для проникновенія своихъ идей въ финляндскую деревню.

Мелкое трудовое хозяйство на несобственной землѣ, коренная реформа арендныхъ отношеній и устраненіе остатковъ феодализма,— вотъ тотъ багажъ, съ которымъ финляндскіе соц.-дем. двинулись въ финскую деревню. Съ принципіальной точки зрѣнія трудно говорить о радикализмѣ этой программы, но несомнѣнна за то ея приспособленность къ мѣстнымъ условіяхъ и къ тактической обстановкѣ: въ вопросѣ о типѣ хозяйства она соотвѣтствовала требова-

ніямъ пролетаріата и хозяйственнымъ условіямъ страны, а въ вопросѣ о формахъ земельной собственности отвѣчала насущнымъ тактическимъ задачамъ соціалъ-демократіи. Надо замѣтить, что финляндской с.-д. партіи принадлежитъ честь первою выступить въ странѣ съ опредѣленной аграрной программой. Когда за нею поплелись буржуазныя партіи, то онѣ во многомъ повторили с.-д. требованія и только въ вопросѣ о мелкой собственности заняли совершенно иную позицію. Эта близость была не въ пользу с.-д., но она продолжалась не долго,—до тѣхъ лишь поръ, пока с.-д. партія не развернула своихъ тактическихъ пріемовъ и не намѣтила опредѣленныхъ практическихъ мѣръ для осуществленія аграрной реформы.

VI.

До октябрскаго революціоннаго переворота дѣятельность финляндскихъ соціалъ-демократовъ сосредоточивалась главнымъ образомъ среди промышленныхъ рабочихъ и, быть можетъ, отмѣченная выше перекрестная агитація бобриковцевъ и буржуазныхъ политическихъ партій въ этомъ періодѣ гораздо больше повліяла на политическое и классовое пробужденіе финской деревни, чѣмъ агитація соціалъ-демократіи. Но положеніе вещей рѣзко измѣнилось послѣ всеобщей забастовки, когда началась широкая агитація с.-д. среди сельскаго населенія, особенно среди торпарей. Интересно тутъ подчеркнуть, что с.-д. избрали объектомъ своей агитаціи именно торпарей, которые стоятъ на рубежѣ между чистымъ пролетаріатомъ и мелкими собственниками. Такая тактика была подсказана тѣмъ, что торпари въ общей массѣ представляли собою группу, объединенную наиболѣе опредѣленными интересами и требованіями и оформленную историческимъ процессомъ. Кромѣ того, эта группа располагала наибольшей возможностью для активной экономической борьбы за свои требованія. Но группа торпарей стоитъ ближе къ трудовому крестьянству, чѣмъ къ батракамъ. Они стремятся прежде всего къ укрѣпленію своего трудового хозяйства. Поэтому первый практическій шагъ с.-д. по укрѣпленію своей позиціи свелся къ упроченію трудового принципа въ ихъ аграрной программѣ. Надо замѣтить, что финляндская соціалъ-демократія задалась цѣлью создать такую же органическую связь съ сельскими трудовыми классами, какая у него имѣлась съ промышленными рабочими, а это обязывало ее чутко прислушиваться къ заявленіямъ, исходящимъ изъ среды сельскаго трудящагося населенія. Въ теченіе зимы 1905—1906 года въ странѣ происходили многочисленныя собранія торпарей, организованныя агитаторами соціалъ-демократовъ. Конечно, на нихъ популяризировались извѣстнымъ образомъ идеи соціализма, но въ резолюціяхъ преобладаютъ чисто профессіональныя требованія по реформѣ арендныхъ отношеній, и участіе на этихъ собра-

ніяхъ соц.-демокр. остается въ тѣни. Этотъ подготовительно-организаціонный періодъ завершился съѣздомъ делегатовъ торпарей въ мартѣ 1906 г. въ Тамерфорсѣ. На съѣздѣ было 400 делегатовъ съ уполномочіями отъ 50.000 лицъ. Хотя тутъ руководящая роль с.-д. обнаружилась уже довольно ярко, но это была роль прислушивающихся, а не догматизирующихъ. Всѣ резолюціи этого съѣзда могутъ быть разбиты на двѣ группы. Первая группа это требованія по реформѣ арендныхъ отношеній. Такъ какъ они легли затѣмъ въ основу практическихъ требованій с.-д. партіи въ этомъ вопросѣ, то приведу важнѣйшія изъ нихъ:

Срокъ аренды не долженъ быть ниже 50 лѣтъ: женѣ, дѣтямъ и другимъ совершеннолѣтнимъ наслѣдникамъ принадлежитъ право возобновленія договора; торпарь въ правѣ передать свой договоръ третьему лицу; какъ вредъ и убытки, нанесенные владѣльцемъ торпарю, такъ и улучшенія, произведенныя послѣднимъ на участкѣ, опредѣляются особымъ комитетомъ; этимъ же комитетомъ, а не собственникомъ участка, долженъ устанавливаться размѣръ арендной платы; въ составъ комитета должны входить въ равномъ числѣ представители земельныхъ собственниковъ и арендаторовъ. Комитетамъ принадлежитъ контроль за исполненіемъ всѣхъ пунктовъ договора. Арендная плата комитетами можетъ быть замѣнена отработками или продуктами лишь при обоюдномъ согласіи сторонъ. Рабочій день лѣтомъ не долженъ быть больше 10, а зимою 7 часовъ. Всѣ споры до судебнаго разбирательства должны предварительно разсматриваться въ арендныхъ комитетахъ.

Такъ какъ мѣстныя буржуазныя партіи принципіально не были противъ вмѣшательства государства въ урегулированіе арендныхъ отношеній, то эти требованія могли вызвать возраженія лишь съ точки зрѣнія ихъ неумѣренности. Но съѣздъ этимъ не ограничился и, отчасти какъ дополненіе къ реформѣ арендныхъ отношеній, принялъ постановленіе объ установленіи принудительной отдачи всѣхъ годныхъ для культуры земель, казенныхъ и частновладѣльческихъ, если онѣ не обрабатываются самими владѣльцами, въ пользованіе безземельныхъ, участками не свыше 25 гектаровъ культурной земли для каждаго. Это постановленіе имѣетъ огромное тактическое и принципіальное значеніе. Требованіе принудительной аренды оказалось абсолютно непріемлемымъ для всѣхъ буржуазныхъ партій, а потому этимъ постановленіемъ былъ созданъ лозунгъ, который рѣзко отличалъ социалъ-демократическія аграрныя требованія отъ требованій буржуазныхъ партій и въ то же время вполнѣ понятенъ былъ для широкихъ массъ сельскаго пролетаріата. Онъ сыгралъ затѣмъ видную роль во время предвыборной агитаціи въ деревнѣ.

Если мы оцѣнимъ съ принципіальной точки зрѣнія требованіе принудительной аренды, то легко поймемъ, что тамерфорскій торпарскій съѣздъ углубилъ и укрѣпилъ идею трудового начала, уже принятую с.-д. партіей. Это требованіе заключаетъ въ себѣ кос-

венное признаніе права за трудящимися на землю, а установленіе опредѣленныхъ размѣровъ для арендуемыхъ участковъ, несомнѣнно, опирается на соображенія о трудовой нормѣ.

Какъ выяснила полемика между буржуазными газетами, требованіе принудительной аренды направлено главнымъ образомъ противъ крупной земельной собственности. Такъ Гюллингъ приводитъ слѣдующій, типичный, по его мнѣнію, примѣръ разработки земель собственниками разныхъ категорій въ одной изъ общинъ.

Размѣры земельн. собств.	% общей площади для полевой культуры.
До 5 гект.	40,0
5— 50 гект.	35,1
50— 100 "	26,3
100— 250 "	19,8
250— 500 "	14,8
500—1000 "	20,6
1000—2000 "	4,9
Свыше 2000 "	1,7

Такимъ образомъ, суть вопроса сводится къ нарушенію классовыхъ интересовъ земельныхъ собственниковъ. Легко поэтому понять, почему буржуазныя партіи встали на дыбы противъ принудительной аренды. Едва ли нужно доказывать, что прямымъ послѣдствіемъ этой мѣры будетъ паденіе цѣнности земельной собственности, ибо та искуственно дутая доходность, какой пользуются земельные собственники, должна отойти въ область преданій. При наличности значительнаго запаса годныхъ для культуры, но не разработанныхъ еще земель, предлагаемая мѣра, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть крайне важную практическую цѣнность для трудящагося населенія. Можно также ожидать, что она значительно ослабитъ, и даже, быть можетъ, вовсе вытравитъ замѣчаемую въ настоящее время среди пролетарскихъ и полупролетарскихъ элементовъ склонность къ частной земельной собственности. Я могу сослаться въ этомъ случаѣ на тотъ же Тамерфорскій съѣздъ. На немъ горячо обсуждался вопросъ о преимуществахъ и недостаткахъ права собственности и пользованія, при чемъ въ концѣ-концовъ съѣздъ 312 чел. противъ 27 призналъ, что только установленіемъ наслѣдственнаго права пользованія масса торпарей можетъ достигнуть прочнаго и независимаго положенія, и отвергъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе о переходѣ земельныхъ участковъ въ собственность арендаторовъ. Конечно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ воздѣйствіемъ соціалъ-демократовъ, но суть въ томъ, что убѣдить торпарей въ призрачности выгодъ отъ частной земельной собственности оказалось вовсе не трудно. Нѣкоторые члены съѣзда прямо заявляли: «мы пришли сюда съ одной вѣрой, а уходимъ съ другой». Тамерфорскій торпарскій съѣздъ былъ важенъ еще тѣмъ, что тутъ произошло реальное объединеніе городского и сельскаго пролетаріата въ одну соціалъ-демократическую

партію. Формально это выразилось въ томъ, что съѣздъ счелъ необходимымъ примкнуть къ соц.-дем. партіи и отъ себя избралъ пять представителей въ центральный комитетъ послѣдней.

Организаціонныя задачи, выдвинутыя с.-д. партіей, этимъ съѣздомъ не ограничились. Въ теченіе лѣта и зимы 1906 г. по ея иниціативѣ происходилъ рядъ мѣстныхъ и общихъ съѣздовъ другихъ группъ сельскаго пролетаріата, а въ конечномъ итогѣ с.-д. партія не номинально, а дѣйствительно стала партіей всего пролетаріата Финляндіи. Широкое общеніе съ массами и руководство дѣйствіями послѣдней окончательно отмежевало с.-д. отъ другихъ политическихъ партій.

Надо замѣтить, что Тамерфорскій съѣздъ можетъ быть признанъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи аграрнаго движенія въ Финляндіи, а именно послѣ того началась экономическая борьба торпарей путемъ забастовокъ. Въ теченіе лѣта 1906 г. происходили многочисленныя забастовки торпарей въ странѣ. Я не имѣю возможности учесть непосредственныя выгоды, какія были достигнуты этими забастовками, но безспорно, что для подъема политическаго настроенія сельскаго пролетаріата онѣ имѣли весьма серьезное значеніе. Судебные процессы о нарушеніи договоровъ явились нагляднымъ показателемъ того, что законъ и судъ находятся на сторонѣ землевладѣльцевъ—и это неизбѣжно должно было усилить оппозиціонное отношеніе трудящихся массъ къ господствующимъ классамъ.

VII.

Въ іюлѣ 1906 г. состоялся въ Улеаборгѣ очередной партійный съѣздъ соціалъ-демократовъ, на которомъ утверждена была избирательная платформа. Естественно, пришлось остановиться и на земельномъ вопросѣ. По этому предмету былъ представленъ докладъ В. Везоліоки, дѣятельнымъ работникомъ финлян. с-д. партіи по аграрному вопросу. Въ первой части доклада освѣщается теоретическая постановка аграрнаго вопроса въ с.-д. программѣ и подчеркивается спорность установившагося въ с.-д. литературѣ взгляда на неизбѣжность капитализаціи аграрной промышленности. Авторъ приводитъ соображенія о преимуществахъ мелкаго хозяйства, которыя намъ напоминаютъ мысли Давида по этому вопросу. Переходя къ аграрной программѣ финляндскихъ соц.-дем., докладчикъ констатируетъ въ ней противорѣчіе между ея теоретической частью, гдѣ говорится о неизбѣжности роста капитализма и исчезновенія мелкихъ хозяйствъ *), и практическими требованіями, гдѣ

*) Соотвѣтственное мѣсто въ программѣ гласитъ: „Все развивающійся техническій прогрессъ, все болѣе и болѣе растущая концентрація производства, собственности и самой экономической власти приводятъ къ тому, что все большее и большее число, прежде бывшихъ самостоятельными.

признается необходимость насажденія и поддержки мелкаго хозяйства, но тутъ же оговаривается, что программа должна быть приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ, и что пока не будутъ опубликованы точныя статистическія данныя о землевладѣніи, нельзя положительно сказать ничего о процессѣ хозяйственнаго развитія въ Финляндіи. Однако, по его мнѣнію, это обстоятельство не должно служить препятствіемъ для пересмотра и дополненія практическихъ требованій. Съ своей стороны, онъ предложилъ въ основу платформы положить постановленія вышеупомянутаго тамерфорскаго торпарскаго съѣзда, которыя направлены, по его мнѣнію, въ защиту интересовъ всего пролетаріата, при чемъ принудительная аренда является, какъ онъ думаетъ, наиболѣе легкимъ способомъ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Финляндіи. Въ качествѣ дополненія къ постановленіямъ тамерфорскаго съѣзда, докладчикъ предложилъ включить требованіе принудительнаго отчужденія. Нужно, однако, сказать, что это требованіе было предложено имъ въ самой отвлеченной формѣ.

Постановка этого вопроса, какъ было выяснено потомъ въ соціалистической печати, имѣла въ данный моментъ чисто тактическое значеніе, въ качествѣ протеста противъ свободной мобилизаціи земельной собственности, къ достиженію которой направлены всѣ усилія буржуазныхъ партій. По мнѣнію с.-д. писателей, вопросъ о способахъ принудительнаго отчужденія и своевременности осуществленія этой мѣры можетъ быть поставленъ на очередь лишь тогда, когда, при помощи принудительной аренды и реформы арендныхъ отношеній, земля фактически будетъ находиться прочно въ рукахъ трудящихся. Въ общемъ соображенія докладчика не вызвали серьезныхъ возраженій на съѣздѣ, и всѣ его предложенія были приняты. Аграрная платформа получила въ результатѣ такой видъ: а) реформа арендныхъ отношеній на началахъ, установленныхъ тамерфорскимъ съѣздомъ; в) принудительная аренда на началахъ, выработанныхъ тѣмъ же съѣздомъ, г) принудительное отчужденіе государствомъ частновладѣльческихъ земель для раздачи въ пользованіе безземельныхъ, д) наконецъ, содѣйствіе государства безземельнымъ въ дѣлѣ организаціи новыхъ хозяйствъ. Собственно избирательными лозунгами сдѣлались: «новый арендный законъ, принудительная аренда и принудительное отчужденіе».

Такимъ образомъ, с.-д. партія передъ избирателями выступила съ аграрной программой, покоющейся на покровительствѣ мелкому трудовому хозяйству. Подъ непосредственнымъ давленіемъ мѣстныхъ экономическихъ условій и требованій, исходящихъ изъ пролетарскихъ круговъ, она весьма опредѣленно уклонилась въ сто-

---

мелкихъ производителей и крестьянъ теряютъ свои орудія производства и прямо или косвенно, въ качествѣ рабочихъ или подъ гнетомъ долговыхъ обязательствъ, подпадаетъ подъ власть капиталистовъ". (Переводъ А. Коллонтай).

рону отъ ортодоксальнаго марксистскаго шаблона. Этимъ, несомнѣнно, и объясняется ея значительный успѣхъ въ финской деревнѣ.

Едва ли она когда-нибудь вернется въ лоно «правовѣрныхъ». Какъ для удержанія настоящаго своего положенія, такъ и для будущихъ успѣховъ, партія должна немедленно приступить къ практическому проведенію своей программы. Будемъ надѣяться, что, при умѣломъ комбинированіи парламентскихъ усилій съ внѣ-парламентскимъ давленіемъ, ей удастся достаточно много уже въ ближайшее время сдѣлать на пользу трудового народа.

Р. Оленинъ.

„Pageant" въ С.-Олбансѣ.

I.

Въ развалѣ лѣта, приблизительно, за мѣсяцъ до наступленія «скучнаго сезона», т. е. того времени, когда общественная жизнь въ Англіи замираетъ, а мелкія газеты возобновляютъ толки про «морского змѣя», мирно покоющагося въ остальные сезоны въ морскихъ пучинахъ,—маленькіе городки съ цѣлымъ рядомъ вѣковъ исторической жизни становятся ареной крайне любопытныхъ зрѣлищъ. У этихъ городковъ иногда великое прошлое. Одни—представляли культурные центры уже при вторженіи римлянъ; другіе—связаны тѣсно съ бурной исторіей создаванія того строя, который вызываетъ теперь такое удивленіе всюду; иные города выдвинули общественныхъ дѣятелей, писателей или ученыхъ, извѣстныхъ каждому грамотному человѣку во всѣхъ странахъ. Почти всѣ эти города съ незапамятныхъ временъ представляютъ маленькія муниципальныя республики и гордятся старинными хартіями и грамотами, подтверждающими вольности гражданъ. И вотъ все свое прошлое горожане инсценируютъ въ развалѣ лѣта. Получаются своеобразныя представленія, продолжающіяся цѣлую недѣлю. Сценой является лугъ, декораціей—старинный городъ, актерами—жители не только городка, но и всей округи. Представленіе или pageant, пріурочивается къ годовщинѣ какого-нибудь важнаго событія въ жизни города. Характерно, что въ «pageant» нѣтъ ни тѣни оффиціальнаго, «казеннаго». Исторія «pageant», приблизительно, слѣдующая. Мѣстный учитель, редакторъ или викарій вспоминаютъ, напримѣръ, что черезъ годъ исполнится тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ городъ получилъ первую хартію отъ короля Мерціи, и рѣшаютъ, что хорошо было бы отпраздновать юбилей. Съ

этой цѣлью они приглашаютъ пріятелей. Если мысль находитъ сочувствіе, то созываютъ всѣхъ гражданъ на митингъ. Если и они относятся одобрительно къ предположенію, то выбирается спеціальный комитетъ, вырабатывающій, какія именно событія слѣдуетъ инсценировать. Послѣ доклада комитета, граждане выбираютъ исполнительный комитетъ, предсѣдателя, почетнаго казначея и секретаря. Члены комитета распредѣляютъ между собою не малую работу. Одни пишутъ пьесу (непремѣнно въ стихахъ), другіе—подбираютъ музыку для нея; третьи—роются въ библіотекахъ, срисовываютъ старинные костюмы, дѣлаютъ справки относительно историческихъ деталей. Затѣмъ—собирается новый митингъ и вызываютъ исполнителей. Для pageant требуется очень много дѣйствующихъ лицъ: 2—3 тысячи. Въ городкахъ обыкновенно жителей 6—8 тысячъ. Такимъ образомъ, роли находятся не только для горожанъ, но и для жителей окрестныхъ деревень. Въ pageant участвуютъ старики и дѣти, мужчины и женщины, сквайры, лавочники, фермеры, работники, школьники. Для каждаго желающаго найдется роль, хотя не всегда «со словами». Провинціальная жизнь англійскихъ городковъ очень монотонна: это—тихое, ровное, спокойное существованіе. Pageant вноситъ на цѣлый годъ новый элементъ. Каждый участвующій самъ составляетъ для себя костюмъ. И такъ какъ pageant отличаются всегда большимъ реализмомъ (во внѣшней обстановкѣ, во всякомъ случаѣ), то участвующіе роются въ энциклопедіяхъ и книгахъ. Характеръ платья выработанъ спеціальнымъ комитетомъ; но каждому въ отдѣльности приходится рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ. Какое вооруженіе носили горожане въ IX вѣкѣ, во времена Оффы II? Существовала ли уже при Ричардѣ II гильдія моряковъ? И т. п. Наконецъ, все готово. Назначается недѣля, когда шесть дней подъ рядъ подъ открытымъ небомъ дается представленіе. Тутъ англійская погода можетъ устроить скверную штуку: ливни могутъ зарядить на все время. Лѣтъ восемь тому назадъ, напр., въ Уорринѣ былъ возрожденъ рыцарскій турниръ со всѣми деталями. Къ нему готовились цѣлый годъ. Явились рыцари, оруженосцы, трубадуры, изящныя дамы. Турниръ начался, не смотря на тяжелыя облака. Но вотъ хлынулъ англійскій ливень, т. е. безпрерывный водопадъ. Рыцари пытались сперва терпѣливо сносить «громъ и стрѣлы враждующей фортуны»; но ливень побѣдилъ. И тогда можно было видѣть единственное въ своемъ родѣ зрѣлище: съ поля боя въ городъ бѣгомъ, насколько позволяли тяжелые доспѣхи, спѣшили рыцари подъ раскрытыми зонтиками. Ливень разгримировалъ чернобородыхъ рыцарей изъ сарацинской земли. Обильная растительность съ нихъ слѣзала клочьями.

Если погода сколько-нибудь удовлетворительна, то pageant привлекаетъ безчисленныхъ посѣтителей изъ Лондона. Тогда получается большой сборъ, идущій на мѣстные госпитали (послѣдніе,

какъ извѣстно, въ Англіи содержатся исключительно на частныя пожертвованія).

Въ этомъ году pageant особенно посчастливилось. По поводу зрѣлищъ въ Ковентри заворчало даже общество борьбы съ соблазнительными зрѣлищами, состоящее, главнымъ образомъ, изъ священниковъ, а также изъ престарѣлыхъ, некрасивыхъ и вполнѣ добродѣтельныхъ дѣвицъ. Ковентри пріурочилъ pageant къ полулегендарному эпизоду, вдохновлявшему много разъ англійскихъ поэтовъ, художниковъ и ваятелей. Въ 1057 г., говоритъ старинная легенда, графъ Леофрикъ, разсердившись на своихъ вассаловъ, жителей города Ковентри, обложилъ ихъ чрезмѣрно тяжелымъ налогомъ. Горожане стали молить о заступничествѣ добрую лэди Годайву, супругу Леофрика. Она, дѣйствительно, попросила мужа снять налогъ.

— Я сниму тогда налогъ,—отвѣтилъ графъ,—когда ты въ полдень обнаженная проѣдешь верхомъ черезъ весь городъ.—Другими словами это означало: «никогда». Но лэди Годайва поймала графа на его словѣ. (Тогда еще считалось, что властелины, давши слово, должны держать его). Черезъ день лэди Годайва возвѣстила горожанамъ, что исполнитъ для избавленія ихъ отъ налога требованіе Леофрика. Она, дѣйствительно, поѣхала обнаженная. Горожане спрятались въ дома и заперли всѣ ставни. Согласно легендѣ, только одинъ обыватель, «Пипингъ Томъ» выглянулъ въ окно и за это сейчасъ же ослѣпъ. Тема для pageant нѣсколько деликатная, если придерживаться реализма. И вотъ общество борьбы съ соблазнительными зрѣлищами забило тревогу. «Неужели лэди Годайва покажется теперь на улицахъ Ковентри въ томъ самомъ костюмѣ, который указанъ въ легендѣ?» — допытывались члены общества. Добродѣтельныхъ дѣвицъ успокоили: организаторы pageant въ Ковентри рѣшили поступиться реализмомъ. Изъ цѣлаго ряда pageants, состоявшихся на прошлой недѣлѣ, я видѣлъ зрѣлище въ С.-Олбансѣ (St. Albans), о которомъ и разскажу. С.-Олбансу есть что вспомнить. Уже во времена вторженія римлянъ здѣсь былъ городъ Веруламъ (Verulamium). Послѣ Іорка, С. Олбансъ — самый древній городъ въ Англіи. Уже римскіе императоры даровали ему права муниципіи. Въ С. Олбансѣ началось возстаніе королевы Боадики противъ римскаго владычества, а черезъ XIII вѣковъ послѣ этого— крестьянское возстаніе Уота Кровельщика (Тэйлора) и Джона Болла. Послѣдній — уроженецъ С. Олбанса и здѣсь же былъ казненъ за участье въ мятежѣ. С. Олбансъ похваляется многими согражданами, ставшими знаменитыми. «Въ области исторіи мы дали величайшаго хронографа среднихъ вѣковъ Мэтью Пэриса, въ области живописи по стеклу—особую школу; въ области музыки—великаго композитора и органиста Роберта Фэйрфэкса. Нашъ городъ далъ великаго путешественника среднихъ вѣковъ, отца англійской прозы сэра

Джона Мандевилля» *). Такъ читаемъ мы въ книгѣ, изданной спеціально послучаю pageant въ С. Олбансѣ. Сэръ Джонъ Мандевилль, или «Jeahn de Mandeville», какъ онъ самъ себя называетъ, фигура очень любопытная, но только городъ могъ и не похваляться имъ. Передъ нами авторъ очень популярной въ Англіи книги (вмѣстѣ съ хроникой Фруакара, она—любимое чтеніе англійскихъ мальчиковъ), вышедшей впервые еще во второй половинѣ XIV вѣка. Хотя Мандевилля называютъ «отцомъ англійской прозы», но книга его написана впервые по-французски и переведена только много лѣтъ спустя. Авторъ описываетъ свои путешествія. Онъ посѣтилъ Турцію, великую и малую Арменіи, Персію, Сирію, Аравію, верхній и нижній Египетъ, Ливію, значительную часть Эфіопіи, Халдею, «Амазонію», «малую, великую и среднюю Индію», а также много странъ за Индіей, Палестину. Турецкій султанъ предлагалъ автору принцессу въ жены, если онъ отречется отъ христіанства и перейдетъ въ магометанство; но Мандевилль остался вѣренъ Христу. Авторъ былъ въ Россіи, Ливоніи, Литвѣ, въ «королевствѣ дарестанскомъ» (en roiaime Daresten) и «во многихъ странахъ, лежащихъ на границѣ Тарторіи». По дорогѣ онъ перенесъ удивительныя приключенія и видѣлъ невѣроятныя вещи. «Въ Поломбѣ на Малабарскомъ берегу» авторъ испилъ воды изъ «ключа вѣчной юности», что, однако, не пошло ему на пользу, потому что въ концѣ книги Мандевилль горько жалуется на жестокую подагру. Онъ былъ на «Ламари» (Суматрѣ), служилъ пятнадцать мѣсяцевъ въ Кансеѣ (Ханькоу-фу) у китайскаго богдыхана, попалъ потомъ на островъ въ Индѣйскомъ океанѣ, гдѣ скалы—гигантскіе алмазы. Мандевилль видѣлъ долину, населенную призраками, и, послѣ многихъ странствованій, былъ вынужденъ, вслѣдствіе обострившейся подагры, возвратиться на родину. До послѣдняго времени книга Мандевилля не только читается, но даже признается многими драгоцѣннымъ документомъ. Авторъ ставится даже рядомъ съ Марко Поло. Безчисленныя невѣроятныя вещи въ книгѣ объясняются временемъ. Марко Поло тоже говоритъ о невѣроятныхъ вещахъ; но знаменитый итальянскій путешественникъ оговаривается, что передаетъ только слышанное отъ другихъ, тогда какъ Мандевилль всегда указываетъ, что все описываемое онъ самъ видѣлъ собственными глазами. Популярность Мандевилля тѣмъ болѣе удивительна, что современная англійская критика (напр., E. D. Nicholson) давно уже доказала неоспоримо, что авторъ только компилировалъ записки современнаго путешественника монаха Одорика, которыя плохо перевелъ съ латинскаго и обильно уснастилъ собственными выдумками. Критика отрицаетъ даже существованіе такого лица, какъ «сэръ Джонъ Мандевилль, родомъ изъ С. Олбанса»,

*) „St. Albans and; the Pageants“. St. Albans, 1907; p. 12.

и склонна видѣть въ «Запискахъ» послѣдовательный, коллективный трудъ нѣсколькихъ переводчиковъ и компиляторовъ.

Итакъ, «знаменитымъ путешественникомъ» С. Олбансъ могъ бы и не хвалиться; за то никто не станетъ отрицать славы великаго человѣка, долго жившаго тамъ, связавшаго свой титулъ съ городомъ и похороненнаго тамъ. Я говорю о Фрэнсисѣ Бэконѣ (полный титулъ его — баронъ Веруламскій, виконтъ С. Олбанскій).

II.

По случаю зрѣлищъ въ С. Олбансѣ, туда отправлялись спеціальные поѣзда изъ Лондона, со спеціальной публикой: разряженной, вооруженной биноклями, лорнетами и «кодаками». Публика позапасливѣе везла съ собою еще корзиночки съ различною снѣдью въ разсчетѣ, что она пригодится въ маленькомъ городкѣ, куда сразу нагрянетъ нѣсколько тысячъ гостей, тогда какъ къ услугамъ ихъ всего только двѣ маленькія гостиницы. Спеціальный поѣздъ идетъ отъ Лондона до С. Олбанса всего только 45 минутъ, но вы, тѣмъ не менѣе, переноситесь не только въ другую «губернію», т. е. въ графство (Хертфордширъ), но и въ иной міръ: спокойный, медлительный, лѣниво дремлющій въ зелени. Старинныя башни нормандскаго періода, чистенькіе красные кирпичные домики, обвитые плющемъ, съ острыми крышами изъ красной черепицы, домики, напоминающіе театральную декорацію, узкія, извилистыя улицы, убѣгающія куда-то подъ гору, какъ будто забыли что-то внизу, къ зеленой долинѣ, гдѣ бѣжитъ рѣка Веръ,— широкій ландшафтъ полей, перерѣзанныхъ рядами буковъ съ одной стороны, и нѣсколькими дымящимися фабричными трубами— съ другой—таково первое впечатлѣніе отъ С. Олбанса, насчитывающаго двадцать вѣковъ исторической жизни. О праздникѣ говорили флаги, масса экипажей, предлагавшихъ свои услуги, чтобы доставить до мѣста зрѣлищъ, любопытныя лица, выглядывавшія изъ оконъ, чтобы посмотрѣть на столичныхъ гостей, наконецъ, нѣсколько лондонскихъ «бобби», которыхъ муниципалитетъ взялъ «заимообразно», чтобы помочь двумъ или тремъ мѣстнымъ полисмэнамъ. «Pageants», какъ и скачки, привлекаютъ, между прочимъ, спеціалистовъ, къ дѣятельности которыхъ магистраты относятся совершенно отрицательно. Праздники подобнаго рода — большой бенефисъ для «pickprockets», т. е. для карманщиковъ всякой категоріи. Теперь это уже больше не оборванные ученики стараго Фэгина («Оливеръ Твистъ»), не «Ловкій штукарь», и не «Клейполъ», а джентельмэны въ цилиндрахъ, съ алмазами на ловкихъ пальцахъ и изящныя дамы въ шелку, кружевахъ и страусовыхъ перьяхъ...

На вывѣскахъ маленькихъ лавочекъ значатся имена, часто

встрѣчающіяся въ исторіи крестьяскаго возстанія XIV в. Въ С. Олбансѣ три лавочника Болла, которые утверждаютъ, что они прямые потомки брата «безумнаго попа», какъ называли современные дворяне знаменитаго агитатора. На другой вывѣскѣ значится не менѣе историческое имя «Грайндкобъ», другого вождя возстанія. Этотъ лавочникъ тоже считаетъ себя прямымъ потомкомъ товарища Уота Тейлора. Недавно англійскіе радикалы и соціалисты устроили въ С. Олбансѣ поминки «мученику Джону Боллу». На митингѣ присутствовало около десяти человѣкъ, считающихъ себя по семейнымъ преданіямъ потомками повстанцевъ, казненныхъ когда-то въ С. Олбансѣ.

Такъ какъ было только 12 часовъ, а зрѣлища начинались въ три, то большинство пріѣзжихъ вскарабкалось на холмъ, чтобы осмотрѣть построенное тамъ старинное аббатство, насчитывающее болѣе девяти вѣковъ. Квадратная башня аббатства сложена изъ камней, взятыхъ изъ римскаго Верулама. Признаться, я испытываю всегда большую неловкость при видѣ того, какъ люди съ празднымъ любопытствомъ осматриваютъ храмы, христіанскіе, магометанскіе или другіе, до «языческихъ» включительно, представляющіе святыню для вѣрующихъ. Мнѣ припоминается группа туристовъ, которую я видѣлъ въ ноябрѣ прошлаго года въ Римѣ. Туристы стояли у подножья Scala Santa въ Латеранѣ и смотрѣли въ бинокли и лорнеты на пилигриммовъ, поднимающихся на колѣняхъ по двадцати восьми мраморнымъ ступенямъ къ Sancta Sanctorum. Изъ чувства уваженія къ чужой личности, невѣрующіе не должны являться въ храмъ, какъ въ театръ. Настроеніе зодчаго, построившаго храмъ, очень рѣдко выражено настолько сильно, чтобы захватить скептика, вызвать у него слезы на глазахъ и заставить его пережить тѣ моменты, о которыхъ говоритъ шекспировскій Клавдій:

„Bow, stubborn Knees! and, heart, with strings of steel,
Be soft as sinews of the new—born babe“.

(т. е. «Гнитесь, упорныя колѣна! Ты, сердце, съ нервами, какъ стальныя веревки, размягчись, какъ мышца новорожденнаго младенца»). Осмотръ храма, входящій въ программу каждаго туриста въ каждомъ большомъ городѣ Европы или Азіи,—сводится къ пріему «по описи», составленной въ путеводителѣ: «Порфировыхъ колоннъ съ капителями столько-то»,—«есть». «Арокъ и куполовъ, выведенныхъ въ такомъ-то году по такому-то закону столько-то»,—«вотъ они». Принявъ все «по описи», туристъ уходитъ съ пріятнымъ сознаніемъ человѣка, выполнившаго долгъ. Быть можетъ, спеціалисту такой осмотръ даетъ что-нибудь. Простой смертный съ элементарнымъ чувствомъ деликатности выходитъ изъ храма съ болѣзненнымъ сознаніемъ, что своимъ празднымъ любопытствомъ оскорбилъ чувство истинно вѣрующаго. И вотъ въ силу этихъ соображеній, вмѣсто аббатства, я отправился на могилу ве-

ликаго человѣка, похороненнаго въ С. Олбансѣ. Находится она въ церкви св. Михаила. Памятникъ надъ могилой Бэкона изображаетъ великаго мыслителя въ мантіи и въ шляпѣ. Онъ сидитъ въ креслѣ, задумчиво подперевъ голову. Латинская торжественная надпись гласитъ, что подъ плитой лежитъ Фрэнсисъ Бэконъ, баронъ Веруламскій и виконтъ С. Олбанскій, «Scientiarum lumen, facundiae lex», который «Naturae decretum expleuit». Выраженіе лица статуи хорошо передаетъ характеръ научной дѣятельности Бэкона. «Умозрѣніе никогда не привлекало его само по себѣ; Бэкона занимало только практическое примѣненіе его, — говоритъ блестящій и глубокомысленный французскій философъ. — Взоръ его былъ устремленъ не къ небесамъ, а къ землѣ; не къ абстрактнымъ и безполезнымъ, а къ осязаемымъ и необходимымъ вещамъ; не къ просто любопытнымъ, а къ имѣющимъ примѣненіе истинамъ. Онъ изыскивалъ, какъ улучшить положеніе людей; работалъ для пользы человѣчества, старался обогатить его новыми открытіями и дать ему въ руки новыя силы и новыя орудія дѣятельности. Сама его философія только инструментъ, *organum*, родъ машины или рычага, построеннаго специально съ цѣлью, чтобы помочь разуму поднять новую тяжесть, порвать со старыми предразсудками и прорубить новыя просѣки въ чащѣ, гдѣ онъ до тѣхъ поръ запутывался постоянно. Въ глазахъ Бэкона каждая специальная наука, какъ вся наука вообще, должна быть приборомъ. Вотъ почему Бэконъ приглашалъ математиковъ изучать механику. Онъ совѣтовалъ моралистамъ изучать душу, страсти, привычки и искушенія не только спекулятивно, но и съ цѣлью излѣчить или хотя бы уменьшить пороки. Цѣлью научныхъ изысканій Бэкона всегда является практическое примѣненіе» *). Бэконъ писалъ необыкновенно ясно и хорошо. Мысли его можно сразу понять, какъ можно видѣть сразу цвѣтъ вина, налитаго въ хрустальный бокалъ. Но когда Бэконъ желаетъ быть еще болѣе конкретнымъ, онъ излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій въ видѣ фантастическаго разсказа (New Atlantis). Въ немъ онъ предвидитъ не только техническія усовершенствованія, какъ воздушные шары и подводныя лодки; но также справедливое распредѣленіе земли, происхожденіе видовъ и многое другое. Главное дѣйствующее лицо разсказа говоритъ о безконечныхъ завоеваніяхъ разума, когда все человѣчество овладѣетъ настоящимъ методомъ. Не Бэконъ первый, конечно, нашелъ индуктивный методъ. Послѣдній найденъ человѣчествомъ, съ тѣхъ поръ, какъ оно научилось наблюдать. Бэконъ только вывелъ опять на старую дорогу разумъ, сбитый съ нея схоластикой. Даже анализъ индуктивнаго метода, проведенный съ такимъ блескомъ въ Novum Organum, дѣлается въ практической жизни каждымъ смиреннымъ обывателемъ, не имѣющимъ никакого представ-

*) *Taine*, „Histoire de la littérature anglaise“, Livre II, Chap. I.

ленія о философіи. Возьмемъ конкретный, хотя грубоватый примѣръ. Иванъ Петровъ замѣтилъ, что у него желудокъ не въ порядкѣ. Хотя больной никогда не слыхалъ даже имени Бэкона, но Петровъ строго слѣдуетъ правиламъ мышленія, указаннымъ во второй книгѣ Novum Organum, приходитъ къ заключенію, что причиной разстройства являются блины съ икрой. «Я ѣлъ блины съ икрой въ понедѣльникъ и въ среду,—разсуждаетъ Иванъ Петровъ,—и не могъ спать потомъ всю ночь отъ боли»,—Это будетъ то, что Бэконъ называетъ «Comparentia ad intellectum instantiarum convenientium». «Я не ѣлъ блиновъ съ икрой во вторникъ и въ пятницу и былъ совершенно здоровъ». Это утвержденіе въ логикѣ называется Comparentia instantiarum in proximo quae natura data privantur. «Я ѣлъ очень мало блиновъ съ икрой въ субботу и былъ только слегка нездоровъ вечеромъ; но въ прошлую масляницу я съѣлъ очень много блиновъ съ икрой и такъ заболѣлъ, что пришлось звать врача».—Это будетъ Comparentia instantiarum secundum magis et minus. «Болѣзнь не можетъ быть отъ водки, которую я пилъ съ блинами, такъ какъ я пью ее уже много лѣтъ каждый день передъ обѣдомъ и чувствую себя хорошо». Это — rejectio naturarum. Иванъ Петровъ переходитъ тогда къ тому, что Бэконъ называетъ Vindemiatio, и строитъ вполнѣ вѣрное заключеніе, что его желудокъ совершенно не переноситъ блиновъ съ икрой. Можно, такимъ образомъ, дѣлать анализъ индуктивнаго метода, не имѣя представленія о Бэконѣ. Это свидѣтельствуетъ только о вѣрности метода. Бэконъ не изобрѣлъ индукціи; но до него теологія загнала человѣческую мысль въ непроходимое болото, куда ее снова толкаютъ теперь. По хорошему выраженію Гизо, Бэконъ въ Англіи и Декартъ во Франціи—«ont jetè l'intelligence hors des voies de la théologie».

III.

Отъ церкви св. Михаила къ мѣсту, гдѣ видны остатки крѣпостныхъ стѣнъ Верулама, ведетъ дорога, обгороженная живой, колючей изгородью. Иногда по дорогѣ встрѣчаются коттеджи, которые всѣ были обращены въ харчевни по случаю наплыва гостей. На каждомъ домикѣ виднѣлась бумажка съ тщательно выведенной надписью: «Превосходный чай»; «Великолѣпные и изобильные обѣды для г.г. туристовъ»; «Кормятъ до отвала» и пр. Вотъ дорога пересѣкла быструю рѣчку и потянулась лугами, перерѣзанными рядами вязовъ и буковъ. Огромная часть луга, протяженіемъ версты въ три, была обнесена со стороны дороги наскоро слаженнымъ заборомъ изъ щитовъ, полотна, плетенокъ. Дальше естественную ограду составляла роща. Нѣсколько нетерпѣливыхъ зрителей, съ камерами и биноклями, ждали уже у входа. Галантный

«бобби» объяснялъ нѣсколькимъ барышнямъ, что если онѣ взберутся вотъ на тотъ пригорокъ, гдѣ стоитъ сивая лошадка, и вооружатся биноклями, то pageant видно будетъ, какъ на ладони, такъ что и билета брать не нужно.

Наконецъ, открылись ворота... У Раблэ Эпистемонъ, послѣ большой битвы, во время которой ему отрубили голову, приноситъ, когда его воскресили, Пантагрюэлю послѣднія и очень любопытныя вѣсти изъ ада. Эпистемонъ завелъ тамъ обширныя знакомства съ знаменитыми людьми всѣхъ временъ. Оказывается, многіе изъ нихъ добываютъ средства къ жизни, какъ могутъ. Александръ Великій, напр., штопаетъ старые чулки. Юстиніанъ коробейничаетъ. Камбизъ служитъ погонщикомъ муловъ. Эпистемонъ видѣлъ Нерона, пиликающаго подъ окнами на скрипкѣ, а Пирра—въ должности кухоннаго мужика. Клеопатра выкликала: «луку! луку!» Что же касается великолѣпной Семирамиды, то профессія ея—«espouilleresse de belistres»—не совсѣмъ удобна для перевода. Киръ попросилъ у Эпиктета «Меркурія ради» грошъ на пригоршню луковицъ къ ужину. Философъ великодушно далъ золотой, но прибавилъ:

— Tien, marault, voilá un escut: soit homme de bien! (На, негодяй! Вотъ тебѣ золотой: будь честнымъ человѣкомъ).

Нѣчто аналогичное и столь же изумительное увидѣлъ я на лугу. Друидъ съ длинной бородой, подобравъ полы мантіи, катилъ на велосипедѣ. Къ сѣдлу у него были прикрѣплены аттрибуты профессіи: золотой серпъ, вѣтка омелы съ бѣлесыми ягодами и какой-то бѣлый комокъ въ плетенкѣ изъ зеленыхъ шнурковъ. Онъ, безъ сомнѣнія, изображалъ «змѣиное яйцо» или «anguineum», о чудесныхъ свойствахъ котораго разсказываетъ Плиній. «Ангуинеумъ, представляющій самый замѣчательный талисманъ друидовъ,—разсказываетъ Плиній въ своей естественной исторіи,—говорятъ, образуется изъ слюны и вспѣнившагося пота многихъ змѣй, свившихся клубкомъ; пѣну эту необходимо подбросить въ воздухъ, какъ только она образуется. Друидъ выслѣживаетъ змѣй и, замѣтивъ образующійся комокъ, подбрасываетъ его, ловитъ въ полу своего плаща, а затѣмъ вскакиваетъ на коня и мчится во весь опоръ. Змѣи начинаютъ преслѣдовать друида, покуда ихъ не останавливаетъ рѣка». Ангуинеумъ не тонетъ въ водѣ, даже если его оправить въ золото. Онъ имѣетъ много таинственныхъ свойствъ. Плиній прибавляетъ, что самъ видѣлъ ангуинеумъ. «Змѣиное яйцо» величиною съ яблоко. Скорлупа хрящеватая и покрыта ямочками, подобно тѣмъ, что можно наблюдать и «на щупальцахъ полипа».

Вотъ британка временъ вторженія Юлія Цезаря, босоногая, простоволосая, въ мѣшкѣ изъ грубой коричневой матеріи, перехваченномъ поясомъ, но подъ кружевнымъ шелковымъ зонтикомъ. Она толкаетъ изящную дѣтскую колясочку, въ которой ...тъ

завитой барашкомъ маленькій бриттъ, лѣтъ трехъ, безъ штанишекъ, босой, въ коротенькой рубашечкѣ. На пригоркѣ два бритта, длинноволосые и усатые, въ волчьихъ шкурахъ, доходящихъ до колѣнъ, но безъ штановъ и башмаковъ, сложили свои громадные щиты и копья, закурили трубки и принялись за чтеніе «Daily Mail». Свирѣпая львица, королева Боадика, пріѣхала на извозчикѣ вмѣстѣ съ какимъ-то рыцаремъ, въ шишакѣ, въ сверкающихъ латахъ и съ мечомъ, который онъ держалъ, какъ палку. Вотъ крякаетъ басомъ автомобиль, въ которомъ сидитъ рыжая, какъ огонь, королева Елизавета вмѣстѣ съ крестьяниномъ XIV вѣка. Въ сторонѣ, подъ полотнянымъ навѣсомъ, устроенъ буфетъ. Тамъ у стойки три рыцаря, два вилэна, нѣсколько босоногихъ бриттовъ, римскій жрецъ въ бѣлой хламидѣ, красный кардиналъ и аббатъ въ митрѣ пьютъ пиво. Божественный Цезарь, въ красномъ плащѣ, накинутомъ поверхъ золотого панцыря, держитъ «кодакъ» и снимаетъ королеву Элеонору. Ликторъ, съ топоромъ и пучкомъ палокъ на плечѣ, съ дѣловымъ видомъ спѣшитъ къ буфету и тономъ сильно занятого человѣка спрашиваетъ себѣ «виски съ содовой водой». Всѣ участвующіе въ pageant приходятъ или пріѣзжаютъ уже въ костюмахъ. Въ уборной, устроенной подъ открытымъ небомъ и на виду, имъ приходится сдѣлать только un brin de toilette: поправить парикъ, подклеить свалившійся усъ, подшить кое-что. Тамъ стоитъ цѣлая кадка съ охрой. Римскіе легіонеры и бритты усердно натираютъ себѣ краской голыя ноги и руки. Для зрителей наскоро устроенъ помостъ съ навѣсомъ. Тамъ громаднымъ полукольцомъ стоитъ нѣсколько тысячъ стульевъ. Хотя до начала pageant еще больше часа, но многіе заняли уже оси мѣста. Это тѣ, которые всегда любятъ быть «во время», вслѣдствіе чего къ отходу поѣзда прибываютъ за два часа. Ранніе посѣтители устроились по домашнему: распаковали корзинки, вытащили тартинки съ ветчиной и дорожныя фляжки съ коньякомъ. Со всѣхъ сторонъ слышно аппетитное чавканье и глухое бульканье. Послѣ того, какъ фляжки прячутся въ корзинки, многія дамы сладко щурятъ глаза и блаженно улыбаются.

Сценой служитъ громадный, выкошенный лугъ, декораціей— рядъ заснувшихъ подъ іюльскимъ солнцемъ косматыхъ буковъ, темныхъ каштановъ и высокихъ вязовъ. За ними видѣнъ ровъ, а дальше еще большій низкій лугъ, представляющій собою дно спущеннаго пруда, защищавшаго когда-то городъ. Далеко позади, за вторымъ лугомъ, видна роща. Кулисами справа являются остатки крѣпостныхъ стѣнъ временъ римскаго владычества. Надъ навѣсомъ для зрителей, высоко надъ землей, родъ вышки. Тамъ стоитъ махальщикъ, подающій разноцвѣтными флагами сигналъ актерамъ, находящимся въ различныхъ мѣстахъ луга. Приходится приводить въ движеніе армію слишкомъ въ три тысячи человѣкъ.

Жаркая истома. Воздухъ неподвиженъ. Деревья какъ бы ока-

менѣли подъ потоками серебристаго свѣта. Вѣковые каштаны лѣниво понурили свои громадныя головы. «Мы не это видали!» какъ будто говорятъ сонныя деревья... Раздались, разрывая сонный воздухъ, рѣзкіе звуки трубъ. Публика заняла мѣста. Закусывавшіе поспѣшно дожевывали тартинки. Вотъ опять раздался звукъ трубъ. Далеко внизу, у рощи, изъ-за деревьевъ, какъ бы сверкнулъ огонь. Стала приближаться колонна людей, одѣтыхъ въ красныя мантіи, съ такими же колпаками. На зеленомъ фонѣ, рѣзко освѣщенномъ солнечнымъ свѣтомъ, эта кроваво-красная живая полоса производила впечатлѣніе громаднаго червя кроваво-краснаго цвѣта. Вотъ колонна почти скрылась за откосомъ рва, и видны только верхушки красныхъ колпаковъ, какъ языки пламени. То шелъ хоръ. Онъ выступилъ на сцену изъ-за деревьевъ, выстроился. Заигралъ громадный оркестръ, составленный тоже изъ любителей. Подбиравшимъ музыку къ pageants пришлось много поработать. Напѣвы старинныхъ пѣсенъ въ Англіи забыты совершенно. Народныя пѣсни вытѣснены куплетами «мюзикъ-холловъ». Пришлось рыться въ старинныхъ сборникахъ. Даже церковная музыка не могла оказать существенную помощь, потому что вся она—новая, сложенная уже послѣ религіозной революціи. Пришлось «приспособлять» старинную музыку родственныхъ народовъ. Обращеніе хора написано въ подражаніе прологамъ мистерій XV вѣка.

«Прекрасныя дамы и веселые джентльмэны»,—началъ красный хоръ.—Изъ зрителей, впрочемъ, очень немногіе заслуживали этотъ комплиментъ.—«Мы просимъ вашего милостиваго вниманія, покуда мы, жители С.-Олбанса, представимъ радостныя и горестныя сцены. Вы увидите, какъ умирали доблестные люди, какъ безконечно ненавидѣли когда-то, какъ мстили и любили. Мы представимъ вамъ, какъ играли въ былое время; какъ любили и защищали родину и какъ беззавѣтно отдавали жизнь за свободу». Послѣ этого вступленія хоръ сталъ возлѣ музыкантовъ. Опять раздались рѣзкіе звуки трубъ. Изъ-за деревьевъ показались увѣнчанные дубовыми листьями друиды, въ зеленыхъ плащахъ, поверхъ бѣлыхъ туникъ, рослые, голоногіе бритты, съ рыжими волосами до плечъ, въ волчьихъ шкурахъ, съ длинными копьями въ рукахъ. Британки для реализма тоже сняли башмаки и, мужественно преодолѣвая боль, ступали босыми ногами по скошенной травѣ. Дѣти вышли съ собаками. Сѣдобородый друидъ, съ золотымъ серпомъ за поясомъ, поднявъ руки, сталъ молиться тономъ англиканскаго священника. Старикъ взывалъ къ священнымъ дубамъ и къ таинственной мощи омелы. Мы въ 54 году до Р. Х. Жители получили вѣсть про вторженіе римлянъ. Вождь Кассивелаунусъ напрасно пытался остановить завоевателей у брода черезъ Темзу. Теперь непріятель неподалеку. Онъ пробирается че-

резъ лѣсъ и ищетъ пути черезъ болото, составляющее естественную защиту Верулама.

> „Britain's sons shall ever be
> From oppressive bondage free“.

(т. е. «Сыны Британіи должны быть всегда свободны отъ оковъ рабства»),—говоритъ друидъ. Раздаются одобрительные апплодисменты зрителей. Чтобы умилостивить боговъ, нужна чрезвычайная жертва, и друидъ предлагаетъ подкупить небожителей человѣческой кровью. Выбираютъ молодую дѣвушку, обвиваютъ ее гирляндами изъ свитыхъ колосьевъ и дубовыхъ вѣтвей. Вотъ старый друидъ, причитывая, какъ клэрджимэнъ, заноситъ надъ жертвой священный ножъ; но въ этотъ моментъ раздается топотъ копытъ. На неосѣдланныхъ лошадяхъ показывается Кассивелаунусъ и вожди племени. Рядомъ съ лошадьми бѣгутъ воины, удивляющіе длиною своихъ усовъ, интенсивно рыжимъ цвѣтомъ волосъ и крѣпкими мускулами на обнаженныхъ рукахъ и ногахъ. Сопротивленіе у болота оказалось невозможнымъ; римляне прорвались сквозь всѣ завалы и скоро будутъ въ городѣ. Умилостивительная жертва богамъ безполезна: выгоднѣе мириться съ завоевателями. И Кассивелаунусъ велитъ остановить жертвоприношеніе. Боги—обманщики. Разъ они допускаютъ, чтобы непріятель одолѣлъ, то зачѣмъ человѣческое жертвоприношеніе? Вбѣгаетъ запыхавшійся вѣстникъ. Все потеряно. Римскіе полки, подъ предводительствомъ своего знаменитаго вождя, будутъ сейчасъ въ городѣ. Начинается бѣгство въ разсыпную.

Матери въ мучительной тоскѣ за судьбу дочерей бѣгутъ въ лѣса; старики, которыхъ, быть можетъ, и безъ того только недѣля отдѣляетъ отъ смерти, въ страхѣ цѣпляются за оставшіеся дни и молятъ, чтобы ихъ не забыли въ городѣ. Гдѣ-то вдали раздается тяжелый топотъ бѣгущихъ вооруженныхъ людей и стукъ копытъ. На лугъ вбѣгаютъ римскіе легіонеры, а за ними въ колесницѣ, запряженной парой великолѣпныхъ коней,—Цезарь въ красномъ плащѣ и въ сверкающихъ латахъ. Божественный Цезарь,—какъ я узнаю,—сосѣдній фермеръ. Онъ прикатилъ на собственныхъ лошадяхъ. Легіонеры привѣтствуютъ своего великаго полководца. Онъ удерживаетъ своихъ солдатъ отъ грабежа. Какъ воинъ и проницательный наблюдатель, Цезарь изучилъ уже характеръ бриттовъ и понимаетъ, что одною грубой силой невозможно удержать страну, все населеніе которой враждебно. Государственная мудрость требуетъ, чтобы восторжествовавшій въ данный моментъ не озлоблялъ населеніе и уважалъ вѣру, обычаи, законы и языкъ побѣжденныхъ. Къ Цезарю является вѣстникъ мира съ вѣткой бука въ рукахъ, а за нимъ—Кассивелаунусъ. Первое дѣйствіе пьесы, или «первый эпизодъ» написанъ мѣстнымъ священникомъ. Повидимому, то пламенный джинго. И вотъ свой хвастливый патріотизмъ

священникъ ввернулъ въ рѣчь британскаго вождя, не устрашившись отчаянныхъ анахронизмовъ.

— Привѣтъ тебѣ, великій Цезарь!—началъ Кассивелаунусъ.— Я явился сюда, чтобы просить мира, потому что усталъ отражать щитомъ удары меча въ рукахъ судьбы—Рима. Я былъ безумцемъ, когда пытался загородить стремительный потокъ римской власти залившей весь міръ.

But, this I Know,
„That in the far—off ages yet to come
A mighty nation shall arise and bear
The name and fame of Britain to the coasts
Of continents as yet un Known. Her sons
Shall sail on every sea and none shall say them nay.
For my fore—seeing eye now scans
An Empire vastly great, to which thine own
Is but an appanage."

(т. е. «Но я знаю, что черезъ много вѣковъ возникнетъ могучая нація и понесетъ имя и славу Британіи къ берегамъ еще неизвѣстныхъ материковъ. Сыны ея будутъ бороздить своими кораблями всѣ моря, и никто не дерзнетъ остановить ихъ. Ибо я предвижу теперь громадную и мощную имперію, по отношенію къ которой твоя— только вассальный удѣлъ»). Раздались апплодисменты. Публика оцѣнила это заглядываніе въ будущее. Юлій Цезарь отвѣтилъ въ тонъ Кассивелаунусу, какъ будто только что прочиталъ передовую статью изъ «Daily Mail». «Преклоняюсь передъ тобою, великій вождь,—говоритъ римскій полководецъ,—такъ какъ предвижу, что въ грядущіе вѣка свѣтловолосые сыны Британіи превзойдутъ доблестью своихъ нынѣшнихъ завоевателей. Очень вѣроятно, весь міръ будетъ принадлежать имъ. Охотно соглашаюсь на миръ, о легкихъ условіяхъ котораго мы поговоримъ. И послѣ заключенія мира я съ моими легіонами отплыву назадъ въ Галлію.» Миръ заключенъ, и актъ, или «эпизодъ» конченъ. Лугъ опустѣлъ.

IV.

Снова рѣзкій звукъ трубъ прорываетъ заснувшій воздухъ, и таинственно вторитъ ему эхо гдѣ-то далеко въ рощѣ. На лугу показываются вопящія женщины. Вопли растутъ. Рыданія сливаются въ одинъ стонъ, перекатывающійся шаромъ по громадному лугу. Старухи оплакиваютъ убитыхъ сыновей и обезчещенныхъ дочерей. Въ вопляхъ молодыхъ женщинъ слышатся ужасъ и отчаяніе. Мужчины безсильно опустили руки и прячутъ голову отъ стыда, отъ сознанія, что все погибло. Одинъ вопль, въ особенности, колетъ сердце. Онъ вырывается у женщины съ поразительно богатымъ и выразительнымъ груднымъ голосомъ. Дѣйствіе происходитъ черезъ сто лѣтъ послѣ вторженія Юлія Цезаря. Британія завоевана

римлянами. За объясненіемъ событій нужно обратиться къ Тациту. «Бритты,—говоритъ онъ въ «Жизни Агриколы»,—охотно признаютъ налоги и подчиняются всѣмъ обязанностямъ, связаннымъ съ правительствомъ при условіи, что правители поступаютъ законно и не дозволяютъ себѣ никакихъ насилій. Бритты не выносятъ никакихъ притѣсненій. Римляне могутъ убѣдить населеніе подчиняться справедливымъ законамъ, но не въ состояніи поработить его. Даже божественный Юлій Цезарь, первый вторгшійся въ Британію со своимъ войскомъ и нанесшій бриттамъ пораженіе,—скорѣе только сдѣлалъ рекогносцировку страны, чѣмъ покорилъ ее.» Послѣ Цезаря явились въ Римѣ императоры, иначе смотрѣвшіе на отношеніе къ пораженнымъ народамъ. Императоры считали признаніе законовъ и индивидуальности побѣжденныхъ—слабостью. И, согласно съ этимъ, отправили въ Британію полководцевъ, которымъ дали новыя инструкціи. Британцы каждый моментъ должны были чувствовать, что римляне—господствующая національность. Каждое волненіе среди побѣжденныхъ каралось съ безпощадной жестокостью. Но когда британцы рѣшали вести себя смирно и покорно подчинялись завоевателю, участь ихъ отнюдь не облегчалась. Смиреніе и покорность только создавали новыя притѣсненія. «И тогда бритты,—говоритъ Тацитъ,—начали собираться въ лѣсахъ и обсуждать собственное положеніе. «Наше смиреніе не помогло намъ,—жаловались они.—Римляне воспользовались имъ только для того, чтобы ввести новые налоги». Узнавъ про тайныя сходки въ лѣсахъ, про-консулъ отправилъ въ деревни своихъ центуріоновъ съ войсками, проявившихъ чрезвычайную жестокость. «Отъ жестокости, жадности и похоти легіонеровъ британцевъ и ихъ женъ ничто не могло спасти»,—говоритъ Тацитъ. Карательные отряды римлянъ «выжигали дома, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ».

И вотъ во времена Нерона умеръ одинъ изъ королей Британіи, повелитель Иценіи Пракутагъ. Про-консулъ воспользовался этимъ и захватилъ владѣнія покойнаго. И когда въ результатѣ явилось сильное броженіе среди населенія Иценіи, римскій полководецъ послалъ туда сильный карательный отрядъ. Онъ выжегъ нѣсколько городовъ и, для устрашенія населенія, наказалъ плетьми многихъ мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ королеву Боадику. Солдаты изнасиловали всѣхъ молодыхъ женщинъ, которыя не успѣли убѣжать въ лѣсъ. Жертвами стали также двѣ дочери Боадики.

Второй актъ pageant изображалъ городъ въ Иценіи послѣ того, какъ прошелъ карательный отрядъ... Жалобно вопятъ старухи, оплакивая убитыхъ. Скорбно голосятъ молодыя женщины, плачутъ дѣти. Мужчины потеряли голову и безсильно лежатъ на травѣ. Но вотъ раздается стукъ колесъ. На лугъ въѣзжаетъ колесница, запряженная тройкой. Лошадьми правитъ женщина или, точнѣе, разъяренная львица, съ распущенными волосами, въ изодранномъ платьѣ. У ногъ ея робко жмутся двѣ дѣвушки. Это королева

Боадика, только что наказанная плетьми. Предъ нами—богиня мести. Глаза ея горятъ, губы нервно дрожатъ отъ сдавленнаго бѣшенства.

— Британцы, не слезами и не стонами слѣдуетъ отвѣчать на насиліе,—говоритъ она,—а огнемъ и ударами сѣкиръ.

„Vengeance, just vengeance, on the hated foe,
The oppressors of our nation. We will have
The very heart's blood of th'accursed race
And stamp them out of Britain. They shall die
With steel...
For pity's dead, and Freedom cries aloud
In all our woods and glens and uplands green
Against the tyrant foe".

(«Мести, справедливой мести ненавистному врагу, угнетателю нашего народа. Мы упьемся кровью сердца проклятаго племени и выгонимъ его изъ Британіи. Оно погибнетъ отъ меча... Ибо жалость теперь мертва, и свобода громко зоветъ насъ изъ лѣсовъ, долинъ и съ зеленыхъ холмовъ противъ угнетателей»). Слова, которыя произноситъ Боадика,—шаблонны; стихи, декламируемые ею, сфабрикованные доморощеннымъ поэтомъ, знающимъ лучше толкъ въ аптечныхъ препаратахъ, чѣмъ въ версификаціи,—неуклюжи, съ невѣрными удареніями и произвольными усѣченіями; но чувство, вложенное актрисой, изумительно. Какъ я узналъ, Боадика—скромная телеграфистка; но зрители дѣйствительно видѣли передъ собою разъяренную львицу, призывающую къ мщенію. Теперь робость исчезла. Населеніе вооружилось, чѣмъ могло, и послѣдовало за Боадикой.

Тацитъ объ этомъ возстаніи говоритъ: «Бритты взялись за оружіе, потому что у нихъ была родина, которую они хотѣли освободить, жены и дѣти, честь и жизнь которыхъ они защищали. Но что руководило угнетателями, кромѣ жадности и чувственности?» Бритты представляли собою только толпу рыбаковъ и крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, цѣпами и рогатинами; тогда какъ угнетатели могли выставить лучшихъ въ мірѣ солдатъ. И тѣмъ не менѣе повстанцы разбили легіонеровъ.

Сцена пуста. Только за стѣнами Верулама плачутъ женщины. Кончится ли возстаніе побѣдой или пораженіемъ, все равно матери будутъ оплакивать убитыхъ. Вбѣгаетъ запыхавшійся гонецъ. Онъ только что изъ боя. Всюду побѣда. Возставшіе взяли Лондиніумъ (Лондонъ), Камулодунумъ (Кольчестеръ). Разъяренная львица, ведущая повстанцевъ, не знаетъ ни страха, ни жалости. Только смерть и огонь предписываетъ она. Римскія колоніи сожжены. Горы труповъ завалили крѣпостные рвы. Боадика велитъ истребить всѣхъ плѣнныхъ. Въ Веруламѣ вѣсти о побѣдѣ вызываютъ ликованія; но вотъ начинаютъ прибывать гонцы съ печальными сообщеніями. Римскій полководецъ Светоній Павлиній, находившійся

въ Англези, на западномъ берегу, поспѣшно собралъ всѣ свои войска и идетъ противъ повстанцевъ. Подъ Веруламомъ будетъ большой бой. Сцена пустѣетъ. Черезъ нѣкоторое время появляются бритты, бѣгущіе черезъ лугъ. Число бѣгущихъ растетъ. Бритты разбиты. Отчаянный вопль раздается гдѣ то вдали. Тамъ идетъ уже расправа съ женщинами и дѣтьми. Все потеряно. Спасайся, кто можетъ, въ лѣса, въ недоступныя болота! Вотъ катится колесница, которой правитъ Боадика. Напрасно львица пробуетъ остановить бѣгущихъ. Они бросаютъ оружіе и мчатся по направленію къ лѣсу.

«What! are there cowards here who'd leave their Queen
To writhe again beneath the Roman rods?—

съ бѣшенствомъ и отчаяньемъ восклицаетъ Боадика.

Go! save your wretched lives,
And live to think how you a woman frail
Abandoned in her dire extremity.

(т. е. «Какъ! Эти трусы покидаютъ свою королеву, чтобы она снова корчилась подъ розгами римлянъ!.. Бѣгите! Спасайте вашу жалкую жизнь, чтобы до смерти думать потомъ, какъ вы покинули хрупкую женщину въ ужасной бѣдѣ»). Шаблонныя, напыщенныя слова не соотвѣтствуютъ тону, искренному, скорбному и страстному. Исполняющая роль Боадики сумѣла бездарные стихи превратить въ нѣчто потрясающее.

— Бѣгите! бѣгите! Римляне за нами!—вопятъ британцы. Боадика отправляетъ вождей, оставшихся при ней. Пусть они идутъ на восточный берегъ Англіи и поднимутъ воинственныя племена, бороздящія своими лодками волны сѣвернаго моря. Боадика и ея дочери принимаютъ ядъ. Римляне, ворвавшіеся, наконецъ, въ городъ, застаютъ только трупы. «Эпизодъ» конченъ. Сцена опять пустѣетъ.

Мы переносимся черезъ два съ половиною вѣка послѣ возстанія Боадики. Римляне теперь прочно утвердились въ Британіи; они насадили культуру, остатки которой находимъ до сихъ поръ, и утвердили миръ. «Веруламіумъ теперь наслаждается спокойствіемъ,— объявляетъ хоръ. Изъ его сѣраго пепла возникли храмы, башни и рядъ красивыхъ домовъ. Закованные въ бронзу легіоны охраняютъ городскія стѣны. На форумѣ раздаются крики торговцевъ, выкликающихъ различные товары. На улицахъ гремятъ колесницы. Въ греческомъ театрѣ, который стоитъ вотъ за этими стѣнами, ставятся веселыя пьесы и слышны взрывы смѣха. А надъ столицей южной Британіи сверкаетъ солнце римскаго великолѣпія и силы». Но тамъ далеко на югѣ возникло новое ученіе, совершенно отрицавшее весь старый порядокъ жизни. Пришла пора, когда сильные люди, дѣятельность и право которыхъ надъ другими людьми новое ученіе осуждало, великолѣпно воспользовались новымъ ученіемъ для угнетенія массъ. Ученіе было сведено къ обряду. Истолкователи

новой вѣры явились вѣрными союзниками правителей противъ массъ. Послѣднимъ было предписано смиреніе съ обѣщаніемъ владѣній въ горныхъ селеніяхъ. Протестъ объясняется вліяніемъ діавола. Но въ третьемъ вѣкѣ новымъ ученіемъ еще не всюду пользовались, какъ орудіемъ угнетенія. За вѣру еще преслѣдовали. Согласно преданію въ Верудамѣ былъ свой мученикъ—св. Олбанъ. Мнѣнія расходятся объ его общественномъ положеніи. По однимъ преданіямъ онъ былъ сенешалъ у короля Караузіуса, по другимъ — сотникъ римскихъ войскъ, квартировавшихъ въ Веруламѣ. Его обратилъ въ христіанство св. Амфибалъ, которому ученикъ помогъ бѣжать въ Уэльсъ, когда послѣдователей новаго ученія по приказу Діоклетіана стали преслѣдовать и въ Британіи. Св. Олбанъ былъ казненъ. Впослѣдствіи онъ считался патрономъ Верулама. Благочестивые монахи, когда его кости были потомъ найдены черезъ пять вѣковъ, записали много чудесъ, случившихся во время казни. Останки св. Олбана хранились въ соборѣ много вѣковъ, покуда явилась религіозная революція съ ея отрицаніемъ святыхъ и мощей. Раку вынесли изъ аббатства. Кости исчезли. Впослѣдствіи возстановили только тотъ каменный пьедесталъ, на которомъ стояла рака. Скептицизмъ развился настолько, что даже священникъ, составившій текстъ для «эпизода», изображающаго смерть св. Олбана, оговаривается въ предисловіи: «Чудеса, связанныя съ казнью мученика, конечно, вымышлены. По всей вѣроятности, даже св. Амфибалъ, за спасеніе котораго св. Олбанъ поплатился жизнью—миѳическая личность. Amphibalus по гречески означаетъ плащъ». Во всякомъ случаѣ, составители текста для «pageant» сочли необходимымъ посвятить два дѣйствія патрону города. Въ первомъ эпизодѣ св. Олбанъ спасаетъ своего учителя св. Амфибала (никогда не существовавшаго) и за это предается казни. Во второмъ — король Оффа II, мучащійся раскаяніемъ за убійство брата, въ видѣ искупленія разыскиваетъ въ развалинахъ Верулама гробъ съ останками святого. Дѣйствіе происходитъ въ самомъ концѣ VIII вѣка. Хоръ объясняетъ, что римляне давно уже оставили берега Британіи. Вмѣсто нихъ съ береговъ Балтійскаго моря явились другіе завоеватели.

«Britons lost every fray,
Conbuered are they to-day»

(«Британцы потеряли всѣ сраженія; они побѣждены теперь»). Цвѣтущій во времена римлянъ городъ теперь лежитъ въ развалинахъ, въ которыхъ прячутся четвероногіе и двуногіе волки. Сюда является въ сопровожденіи блестящей свиты, епископа и монаховъ король Оффа II. Онъ желаетъ благочестивымъ подвигомъ успокоить муки совѣсти, порожденныя убійствомъ брата и захватомъ его владѣній. Короля утѣшаетъ жена его Квендрида, мрачная героиня старинныхъ балладъ. Согласно послѣднимъ, Квендрида была родственницей французскаго короля. За несказуемый грѣхъ ее усадили въ

лодку и безъ веселъ въ свѣжую погоду оттолкнули отъ берега въ море. Вѣтеръ прибилъ лодку къ берегамъ Британіи, гдѣ Оффа II, пораженный красотой Квендриды, женился на ней. Такъ говоритъ старинная баллада.

Король сокрушается по поводу убійства и, по примѣру Адама, обвиняетъ во всемъ прекрасную Квендриду, которая убѣждаетъ мужа не сокрушаться: преступленіе необходимо было изъ государственныхъ соображеній. «Сколько преступленій совершаютъ стоящіе у власти оправдываясь государственными соображеніями!»—прибавляетъ à part одинъ изъ приближенныхъ. Епископъ предлагаетъ королю вѣрное средство, какъ помириться съ Богомъ и съ собственной совѣстью: слѣдуетъ только найти останки св. Олбана:

„O take St. Alban for thy patron saint
And thou shall consolation and forgiveness
Be assured of in time to come“.

(т. е. «Избери своимъ патрономъ св. Олбана, и въ будущемъ тебѣ обезпечено утѣшеніе и прощеніе»).

Между тѣмъ, въ развалинахъ находятъ гробъ, а въ немъ—человѣческія кости. Епископъ превозглашаетъ, что онѣ могутъ принадлежать только мученику св. Олбану, потерпѣвшему за вѣру пятьсотъ лѣтъ тому назадъ.

V.

Раздается звукъ трубъ, возвѣщающій начало знаменательнаго «эпизода», тѣсно связаннаго съ прошлымъ города и составившаго важную эпоху въ исторіи всего англійскаго народа. Предъ зрителями проходитъ крестьянское возстаніе 1381 г. во время Ричарда II. Защитникъ и пѣвецъ королей и господствующаго класса, Шекспиръ изобразилъ Ричарда II трагической фигурой. Въ четвертой сценѣ второго акта хроники «Король Ричардъ II» Солсбри скорбно говоритъ:

Ah, Richard, with the eyes of heavy mind,
I see thy glory, like a shooting star,
Fall to the base earth from the firmament!
Thy sun sets weeping iu tha lowly west,
Witnessing storms to come, woe, and unrest;
Thy friends are fled, to wait upon thy foes;
And crossly to thy good all fortune goes» *).
„О, Ричардъ, я съ тяжелымъ сердцемъ вижу,
Что падаетъ, какъ съ высоты небесъ,
Падучая звѣзда, твое величье.
Склоняется ужъ къ западу твое
Печальное и плачущее солнце,

*) Въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго:

Теряя блескъ и угрожая намъ
Тревогами, бѣдами и борьбою,—
Твои друзья передались врагамъ,
Противъ тебя все поднято судьбою!"

Шекспиръ, какъ и все дворянство того времени, видѣлъ въ жестокихъ потрясеніяхъ, которыя пережила Англія въ концѣ XIV в., только капризъ «судьбы». Послѣдующіе изслѣдователи иначе освѣтили эпоху. «Никто не хвалилъ Ричарда II, теперь вступившаго на престолъ,—разсказываетъ между тѣмъ на сценѣ хоръ.—Не было поэта, который восхвалялъ бы его имя. При немъ простой народъ былъ закрѣпощенъ и возсталъ, наконецъ, чтобы вооруженной рукой добиться справедливости. Несмотря на опьяненіе свободой, виллэны повѣрили королю и успокоились; но обѣщанія Ричарда II ничего не значили, а амнистія, дарованная имъ, существовала только на бумагѣ. Враги народа восторжествовали и попробовали снова сковать его цѣпью». Такъ объяснялъ хоръ. Причины крестьянскаго возстанія 1381 г., какъ извѣстно, были слѣдующія. Виллэны, которые до великой чумы 1361 г., когда въ одномъ Лондонѣ умерло не менѣе 100 т. человѣкъ, были почти свободны,—послѣ эпидеміи очутились снова крѣпостными. Head money, или оброкъ, который они платили, снова замѣнился барщиной. Виллэны желали быть арендаторами земельныхъ участковъ, которыми пользовались, и хотѣли, чтобы зависимость отъ помѣщика выражалась только опредѣленной рентой. Затѣмъ въ Англіи въ концѣ XIV в. было уже много свободныхъ работниковъ. Правительство издало «Статутъ о работникахъ», которыми фиксировался maximum заработной платы и стѣснялась свобода передвиженій въ интересахъ помѣщиковъ. «Каждый мужчина и каждая женщина, свободные или крѣпостные, здоровые тѣломъ и моложе шестидесяти лѣтъ, не имѣющіе своей земли для обрабатыванія и не находящіеся въ услуженіи,—обязаны работать у того, кто потребуетъ ихъ услугъ,—говорится въ знаменитомъ статутѣ.—Они обязаны брать только ту плату, которая платилась въ округѣ за два года до чумы» *) Неповиновеніе каралось тюремнымъ заключеніемъ. Работнику воспрещалось искать заработка въ другомъ приходѣ. Работникъ, нарушившій статутъ, становился «бѣглымъ». Съ другой стороны, духовенство въ концѣ XIV в. превратилось въ чиновниковъ, лѣнивыхъ, безстыдныхъ, раболѣпныхъ, продажныхъ и бездушныхъ. Ихъ обличали тогда послѣдователи Уоклифа и «лолларды», религіозное общество, возставшее противъ іерархіи, монашества и ученія о таинствахъ католической церкви. Ко всему необходимо прибавить неудачную войну съ Франціей, обнаружившей неспособность вождей и продажность придворныхъ. Королемъ въ то время былъ слабый, тщеславный, безвольный, бездарный и жестокій, какъ всѣ неврастеники, Ричардъ II. По вы-

*) *Green.* „History of the English People", chap. V.

раженію стариннаго англійскаго историка, «король не имѣлъ достаточно вліянія, чтобы держать въ равновѣсіи вѣсы правосудія; не имѣлъ достаточно доблести души, чтобы не слушаться придворныхъ совѣтниковъ. Ричардъ II поддавался легко вліянію сикофантовъ и продажныхъ министровъ. Онъ мѣнялъ свое слово и нарушалъ торжественныя обѣщанія. Ни при одномъ королѣ народъ не обижали такъ, какъ при Ричардѣ II (см. «Smollet, History of England»). О страданіяхъ народа въ то время намъ говоритъ крайне любопытный литературный памятникъ: «Жалобы плугаря Пирса», поэма, написанная «Длиннымъ Виллемъ» и представляющая антитезу «Кентерберійскимъ разсказамъ» Чосера, появившимся приблизительно въ одно время. Герои Чосера—дворяне, монахи и богатые купцы. Мы попадаемъ въ атмосферу довольныхъ, сытыхъ, веселыхъ, жизнерадостныхъ людей. Герои Длиннаго—крестьяне, ткачи, кровельщики, нищіе. И предъ нами мрачная, сѣрая, тяжелая, удручающая атмосфера. Поэма говоритъ о безземельныхъ батракахъ, у которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ рукъ, о крестьянахъ, которые не могутъ уже больше питаться сквернымъ хлѣбомъ съ корой. Таковы были условія, создавшія крестьянское возстаніе 1381 г. Во главѣ его стали Уотъ Тэйлоръ (Кровельщикъ), Джэкъ Суро, Джэкъ Мельникъ, Джэкъ Фургонщикъ и, наконецъ, Джонъ Боллъ, или «безумный попъ», какъ называли его придворные. Старинный хронографъ Фруассаръ, отражая взгляды тогдашняго дворянства, изображаетъ крестьянское возстаніе, только какъ слѣпую и злую разрушительную силу, направленную противъ культуры, какъ таковой. Шекспиръ во второй части хроники «Генрихъ Шестой» слѣпо слѣдуетъ за Фруассаромъ и въ лицѣ Джэка Кэда каррикатуритъ вождей крестьянскаго возстанія и ихъ проповѣди.

«Будьте же храбры, потому что вождь вашъ храбръ и обѣщаетъ реформу,—говоритъ шекспировскій Джэкъ-Кэдъ.—Въ Англіи семь булокъ полупенсовыхъ будутъ продаваться за одинъ пенни. Квартовая чарка будетъ вмѣщать три чарки; я объявляю преступленіемъ питье простого пива. Все государство будетъ общее. Конь мой будетъ пастись въ Чипсайдѣ, и, когда я буду королемъ, а королемъ я буду, денегъ не будетъ. Всѣ будутъ ѣсть и пить на мой счетъ, и я всѣхъ одѣну одинаково, чтобы они относились другъ къ другу, какъ братья, а меня почитали, какъ господина. А вы, друзья народа, вы за мною—и бейтесь же мужами за свободу. Мы не оставимъ лордовъ и дворянъ, щадя лишь тѣхъ, на комъ одни лохмотья. То люди настоящіе, такіе, что рады бы идти за нами, если бы смѣли». Это, конечно, грубая каррикатура на воззваніе Джона Болла. «Люди добрые,—писалъ онъ,—все въ Англіи будетъ идти скверно, покуда всѣ богатства не станутъ общимъ достояніемъ и покуда не будетъ больше ни виллэновъ, ни дворянъ. По какому праву тѣ, которыхъ называютъ лордами, большіе люди, чѣмъ мы? Чѣмъ они заслужили это? Почему

они держатъ насъ въ крѣпостной зависимости? Если мы всѣ происходимъ отъ общихъ прародителей, то какъ лорды могутъ сказать, что они лучше насъ? Чѣмъ они докажутъ это? Не тѣмъ ли, что расточаютъ все то, что мы для нихъ зарабатываемъ? Они одѣты въ бархатъ; имъ тепло въ соболяхъ и горностаяхъ, тогда какъ мы покрыты лохмотьями. Они имѣютъ вино и пряности, и бѣлый хлѣбъ, а мы ѣдимъ ячменныя лепешки съ соломой и пьемъ воду. Они праздно живутъ въ красивыхъ домахъ, а мы въ дождь, въ вѣтеръ и въ холодъ работаемъ на полѣ. А между тѣмъ, эти люди имѣютъ все только потому, что мы работаемъ на нихъ». Прокламація заканчивалась знаменитыми стихами:

„When Adam delvet and Eve shan,
Who was then the gentleman“ *).

(«Кто былъ бариномъ, когда Адамъ копалъ мотыкой, а Ева пряла?»). Возстаніе началось на всемъ югѣ. Виллэны требовали полнаго уничтоженія крѣпостного права, справедливой ренты (четыре пенса за акръ; по тогдашнимъ временамъ—очень хорошая плата), права покупать гдѣ угодно и общей амнистіи. Извѣстно, какъ крестьяне взяли Лондонъ, какъ король выѣхалъ къ повстанцамъ и обѣщалъ имъ исполненіе всѣхъ требованій. Безумная радость овладѣла крестьянами. Они безусловно повѣрили королю, цѣловались, плясали вокругъ костровъ, славили Ричарда II. Но король обдумывалъ измѣну. Въ тотъ же день убили Уота Тейлора; затѣмъ, когда крестьяне разошлись, началась безпощадная расправа съ ними. Всюду на деревьяхъ висѣли казненные. Королевскія войска жгли деревни и истребляли населеніе. Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ событія, послужившія темой для шестого «эпизода» pageant.

Дѣйствіе открывается тѣмъ, что два горожанина Грайндкобъ и Кэддингтонъ, имена которыхъ сохранились въ С.-Олбансѣ, жалуются на тяжелыя времена. Налоги чрезмѣрны и несправедливы. Хлѣбъ и мясо вздорожали такъ, что бѣдному человѣку и приступиться къ нимъ нельзя. На придачу попы одолѣли. Нужно платить имъ теперь ругу по три гроша съ человѣка. Тысячи людей не могутъ платить. Аббатъ имѣетъ привилегію на мельницу и на печи.

— Мастеръ Грайндкобъ,—шепчетъ Кэддингтонъ,—есть хорошія вѣсти. Всѣ крестьяне и многіе горожане въ Эссексѣ и въ Кентѣ возстали подъ предводительствомъ кровельщика Уота. Теперь повстанцевъ—тьма. Они стоятъ лагеремъ подъ Лондономъ. Въ самомъ С.-Олбансѣ горожанъ будитъ Джонъ Боллъ. Какъ онъ говоритъ! Отъ его рѣчей даже люди съ натурой коровы чув-

*) *Green*, „History of the English People“, p. 243.

ствуютъ, что у нихъ въ груди бьется живое сердце. Попы начинаютъ трепетать.

За сценой раздаются радостныя восклицанія. Выбѣгаютъ вилланы, жалкіе, оборванные, нечесанные, босоногіе; но теперь они въ экстазѣ. Они окружили сѣдого францисканскаго монаха, Джона Болла. Онъ появляется верхомъ на мулѣ. Болла играетъ сосѣдній сквайръ. Мулъ его—призовой красавецъ, весь увѣшанный лентами. Его приходится держать за узду, потому что мулъ, очевидно, меньше всего намѣренъ помириться съ сѣдломъ. «Друзья, братья и сограждане,—начинаетъ Джонъ Боллъ,—я скажу вамъ проповѣдь на мои стихи, хорошо извѣстные вамъ: «Кто былъ бариномъ, когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла?» Друзья мои! Вы много лѣтъ стонали подъ гнетомъ рабства. Не вы, трудящіеся, пользуетесь всѣми благами природы, но тѣ, которые ничего не дѣлаютъ и живутъ въ дворцахъ, какъ, напр., аббатъ. Эти трутни жирѣютъ вашимъ трудомъ. И когда деревни порѣдѣли послѣ чумы, вы не стали получать больше за ту двойную работу, которую выполняете теперь. Вамъ даютъ ту же жалкую плату, что и раньше. Я спрашиваю васъ: справедливо ли это?

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричатъ оборванные вилланы.

— Гордые и дерзкіе дворяне угнетаютъ васъ,—начинаетъ Джонъ Боллъ. При ненавистномъ словѣ «судейскіе» поднимается въ толпѣ вой и ревъ ненависти.—Судейскіе превратили вашу жизнь въ адъ и пергаментными грамотами приковали васъ къ землѣ. Кромѣ того, вы, жители С.-Олбанса, имѣете еще длинные счеты съ попами. Шерсть вы должны валять въ ихъ сукновальняхъ, зерно—молоть на ихъ мельницахъ. Вамъ запрещено ловить рыбу въ Верѣ и пасти скотину на лугахъ, которые Господь сотворилъ для всѣхъ. Нельзя собирать валежникъ въ лѣсахъ, а, между тѣмъ, Богъ далъ вамъ право жить. Разряженные бездѣльники, выплясывающіе вокругъ короля, не имѣютъ даже представленія о трудѣ. Отъ самаго рожденія они не заработали своими руками ни единой корки. Работаете *вы*. И васъ же за это держатъ въ неволѣ, чтобы лѣнтяи могли жить праздно».—Проповѣдь обрывается внезапно. Вбѣгаетъ горожанинъ Джонъ ле-Барбоуръ.

— Братцы,—кричитъ онъ.—Я только что прискакалъ изъ Лондона. Кровельщикъ Уотъ взялъ городъ. У него сто тысячъ человѣкъ. Уотъ поклялся уничтожить барщину и подушные налоги. Я добрался до него и разсказалъ ему про все то, что мы терпимъ здѣсь отъ аббатовъ, поповъ, монаховъ и господъ. И вотъ что Уотъ Тейлоръ наказалъ мнѣ передать вамъ: «Если вы сами не сможете справиться,—сказалъ онъ,—я приду и выкурю монаховъ изъ ихъ норъ». Раздаются радостныя восклицанія. Но вилланы и горожане не дожидаются кровельщика. За деревьями, гдѣ стоитъ старинное аббатство, слышны радостные вопли. Скоро надъ стѣнами разрушеннаго Верулама показываются облака дыма

и сверкаетъ пламя. Вбѣгаетъ громадная толпа виллэновъ, вооруженныхъ косами, цѣпами, дубинами, топорами, вилами, бердышами, конскими черепами, привязанными къ короткимъ бичамъ. У всѣхъ лица закопчены дымомъ. У всѣхъ въ рукахъ пергаментные свитки. Толпа только что взяла штурмомъ аббатство, подожгла его со всѣхъ сторонъ и унесла грамоты, которыми закрѣпощены окружныя деревни. На лугу раскладываютъ костеръ, въ который швыряютъ свитки. Вотъ грамота, обратившая въ крѣпостныхъ всѣхъ жителей деревни Нодейшъ; за ней летятъ въ огонь пергаментныя цѣпи деревень Майлъ-Эйшъ, Барнетъ-Вудъ, Фритвуда и др. «Свобода! Свобода!»—кричатъ виллэны при видѣ, какъ морщатся на огнѣ хартіи. «Братья мои!—говоритъ Джонъ Боллъ,—въ такія минуты, какъ теперь, люди молодѣютъ, и кровь бьетъ ключемъ даже въ жилахъ стариковъ. Свобода и гражданскія вольности теперь близки. Къ нимъ стоитъ только протянуть руку. Смотрите, сюда идетъ съ большой свитой самый гордый князь церкви въ Англіи—аббатъ де-ла-Маръ. Онъ пришелъ, чтобы сдѣлать всѣ уступки, которыхъ вы потребуете.

Изъ-за деревьевъ показываются аббатъ въ митрѣ, епископы и монахи. Аббатъ поднимаетъ руку для благословенія. Женщины становятся на колѣни. Нѣкоторые мужчины слѣдуютъ примѣру женъ, но товарищи дергаютъ ихъ за руку. Гордый аббатъ, не удостаивавшій прежде виллэновъ и взглядомъ, теперь — сама кротость.

— Дѣти мои,—сладко говоритъ онъ,—что мнѣ передаютъ про тѣхъ, за которыхъ я столько лѣтъ молился и плакалъ. Спасеніе вашихъ душъ составляло мою постоянную заботу. Я пекся также о вашемъ бренномъ тѣлѣ. Ежедневно у воротъ аббатства раздавалась по моему приказу милостыня. Почему же, въ такомъ случаѣ, вы возмутились теперь противъ короля и меня? Чего вы хотите?

Вилиэны отвѣчаютъ, что они желаютъ валять сукно дома, молоть хлѣбъ на мельницѣ, гдѣ дешевле. Имъ нужны выгоны, пашни. А въ это время отъ горящаго аббатства являются новые виллэны. Нѣкоторые изъ нихъ съ торжествомъ волокутъ жернова, когда-то находившіеся на общественной мельницѣ. Но монахи, когда добыли себѣ привилегію, сняли камни и сложили ихъ на задахъ аббатства. Здѣсь монахи гадили общественный жерновъ.

— Гордый и надменный аббатъ, — говоритъ одинъ изъ виллэновъ.—Узнаешь ты этотъ жерновъ? Намъ не нужна твоя милостыня. Мы хотимъ права жить свободно. Ты забралъ выгоны, лѣса, поля, все то, что принадлежитъ по праву намъ. Грамоты, которыми вы связали нашихъ предковъ, давятъ насъ какъ жерновъ.

Аббатъ уступаетъ, видя настроеніе толпы. Онъ зоветъ писцовъ. Пусть они немедленно составляютъ грамоты, по которымъ всѣ старыя вольности возвращаются народу. Луга и нивы, отобранные у крестьянъ, снова переходятъ къ нимъ. Толпа опьянена успѣхомъ.

Она добра теперь. Побѣда заставила виллэновъ забыть все то, что терпѣли они. Крестьяне и горожане привѣтствуютъ монаховъ и братаются съ ними. Монахи принесли вино и угощаютъ виллэновъ, которые пьютъ за здоровье Уота Тэйлора. Весь «эпизодъ» поставленъ удивительно. Зрители видятъ передъ собою страницу, вырванную изъ прошлаго. Крестьяне поютъ старинную балладу, правда, не XIV вѣка, но сложенную не менѣе трехъ вѣковъ тому назадъ. «Мы—законные наслѣдники земли; нашими трудами вспахана она. И, однако, несмотря на нашъ трудъ, виллэнами мы остаемся и стонемъ въ неволѣ. Въ нашихъ жилахъ также течетъ гордая кровь бриттовъ, саксовъ и датчанъ; но свобода наша скована, вольности утеряны и осталась только неволя». Припѣвъ сложенъ составителями текста «эпизода»: «Да здравствуетъ кровельщикъ Уотъ! Веселая Англія опять свободна. Пусть въ стѣнахъ С.-Олбанса звучатъ слова проповѣдника Джона Болла: «Кто былъ бариномъ, когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла»? Слѣдующій куплетъ въ пѣснѣ виллэновъ опять взятъ изъ старинной баллады:

„At Grecy our fathers were first in the field
As bowmen of marvellous skill;
At Poictiers, too, they courage revealed
With arrow and arblast and bill.
Yet we are rewarded with cord and with chain,
Midst blows and oppression we toil“

(т. е. Въ битвѣ при Греси наши предки были въ первыхъ рядахъ, какъ изумительно ловкіе лучники; подъ Пуатье они тоже проявили свою доблесть стрѣлами, арбалетами и алебардами. Но наградой намъ были веревка и цѣпи. Мы работаемъ въ неволѣ, подгоняемые ударами». Пѣсня обрывается внезапно. Раздается отчаянный вопль женщинъ. Въ городъ врываются королевскія войска. Ричардъ II забылъ всѣ свои торжественныя обѣщанія и взялъ обратно дарованныя привилегіи, какъ только почувствовалъ, что на войска возможно опереться. Ужасъ, овладѣвающій населеніемъ, переданъ съ поразительнымъ реализмомъ. Отчаянно вопящія женщины, унося дѣтей, бѣгутъ по направленію лѣса. За ними вскачь мчатся, размахивая мечами, латники. Нѣтъ пощады ни старикамъ, ни дѣтямъ. Опять такая же рѣзня, какъ XIV вѣковъ тому назадъ. Но тогда истреблялъ непріятель; теперь убиваютъ свои, на глазахъ у короля. Солдаты и рыцари возвращаются съ добычей: они влекутъ за собою на арканахъ связанныхъ и раненыхъ виллэновъ, которыхъ ждутъ жестокія пытки. Съ веревками на шеѣ приводятъ къ королю Джона Болла, Грайндкобба и Каддингтона. Ричардъ II произноситъ свой знаменитый приговоръ. Король велитъ поднять вождей возстанія на колесо, повѣсить ихъ потомъ и снять, прежде чѣмъ будутъ удавлены, потомъ вытащить ихъ внутренности, чет-

вертовать и части тѣла выставить на мостахъ въ четырехъ главныхъ городахъ королевства. Въ «pageant» выведенъ также Трессилайэнъ, свирѣпый, безсовѣстный и раболѣпный судья того времени.

— Великій государь!—говоритъ онъ Ричарду II,—мы предадимъ суду теперь наглыхъ бунтовщиковъ, зажегшихъ пламя мятежа во всей странѣ. Это они посѣяли всюду недовольство. Черной неблагодарностью и крамолой отвѣтили они на вашу безграничную любовь и кротость. Какая низость, если вспомнить, что вы осчастливили страну. Нѣтъ и наказанія, достойнаго тяжкаго преступленія.

— Неправедный судья и вѣроломный король,—гордо отвѣчаетъ Джонъ Боллъ.—Ты далъ торжественныя обѣщанія народу и теперь нарушаешь ихъ. Смотри, я стою на порогѣ смерти; но не только не страшусь ея, а счастливъ. Я умираю мученикомъ за народную свободу. Пройдутъ годы. Солнце правды засіяетъ надъ нашей родиной. Меня будутъ вспоминать съ благодарностью, а тебя, король, клятвопреступникъ, и тебя, судья неправедный,—станутъ проклинать, покуда живетъ Англія». Появляется цѣпь связанныхъ вилланов, которыхъ гонятъ на казнь. Послѣ крестьянскаго мятежа 1381 г. всѣ деревья по дорогѣ отъ С.-Олбанса до Лондона были увѣшаны казненными. Вилланы жалобно поютъ старинную балладу, которую составители «эпизода» нашли въ рукописномъ сборникѣ XVI вѣка.

„In misery and want our lives are spent,
In irksome task and never—ceasing toil;
For us the world's good things are ever hid,
And others glean the bounty of the soil.
Oh! weary, weary, weary, weary way,
The doom of darksome death will end the day".

(т. е. «Наша жизнь проходитъ въ нищетѣ, нуждѣ, въ утомительномъ трудѣ и безконечной работѣ; намъ недоступны всѣ блага жизни; другіе забираютъ себѣ тукъ земли. О, мучительнымъ образомъ смерть сегодня прекратитъ наши дни!») Послѣ мятежа только Джонъ Боллъ былъ казненъ въ административномъ порядкѣ по приказу короля. Остальные вожди были преданы обычному суду присяжныхъ. Даже Ричардъ II не рѣшился въ этомъ отношеніи нарушить форму закона; но за то присяжныхъ подобрали. Однако, только угрозами, что и ихъ казнятъ удалось заставить подобранныхъ присяжныхъ вынести смертный приговоръ. Грайндкомбу обѣщали помилованіе, если онъ убѣдитъ согражданъ возвратить тѣ увольнительныя грамоты, которыя С.-Олбанцы получили во время мятежа отъ аббатовъ.

— Не отдавайте грамотъ!—мужественно сказалъ Грайндкомбъ землякамъ.—Обо мнѣ не сокрушайтесь. Пусть меня казнятъ. Я буду счастливъ сознаніемъ, что умеръ за свободу» *).

---

*) „*Green*", „History of the Englisch People", p. 247.

Виллэновъ уводятъ на казнь. Джонъ Боллъ съ гордо поднятой головой, съ веревкой на шеѣ, проходитъ мимо аббата въ золотой митрѣ, окруженнаго разряженными въ шелкъ лордами, дворянами и сытыми монахами, любующимися гибелью «безумнаго попа». Одно мгновеніе—два священника лицомъ другъ передъ другомъ. Одинъ — глубоко вѣрующій, жившій въ нищетѣ и отдавшій все виллэнамъ. Его удѣлъ—мучительная казнь. Другой—въ митрѣ, защитникъ угнетателей, стяжатель земныхъ благъ. Его удѣлъ — почетъ, а послѣ смерти—могила и памятникъ въ каѳедральномъ соборѣ.

Крестьянское возстаніе кончено. Аббатъ предлагаетъ Ричарду II свои залы, и король со всей нарядной свитой отправляется пировать въ монастырь.

— Завтра, въ полдень, во дворѣ монастыря я приму простыхъ людей Хертфоршира, которые должны принести мнѣ повинную, — говоритъ Ричардъ II придворнымъ.—А теперь за веселымъ обѣдомъ забудемъ все непріятное, что мы видѣли сегодня.

VI.

«Колоссальныя массы бѣлаго тѣла, холодная кровь, жестокіе голубые глаза, рыжіе волосы, прожорливые желудки, наполненные мясомъ и сыромъ и согрѣтые крѣпкими напитками, склонность къ пьянству,—вотъ главныя черты, поразившія римлянъ въ завоеванномъ ими народѣ,—говоритъ Тэнъ *).—Безъ обилія основательной пищи невозможно жить въ этомъ климатѣ. Крѣпкіе напитки необходимы, чтобы поднять настроеніе, подавленное вѣчными туманами. Въ этомъ климатѣ воля закаляется, мускулы становятся, какъ изъ стали, а нервы притупляются». Чтобы взвинтить ихъ нервы необходимы сильныя ощущенія, видъ неминуемой опасности. И вотъ англичане увлекаются моремъ, какъ народы съ болѣе дряблыми нервами увлекаются женщинами. Когда то предки ихъ бороздили неизвѣстный океанъ на двухпарусныхъ баркахъ, испытывая величайшее наслажденіе въ бурѣ. Они приставали къ новымъ берегамъ, жгли, грабили, убивали. Въ старинной сагѣ дочь Ярла не позволяетъ Эгилу сѣсть рядомъ. Дѣвушка упрекаетъ богатыря въ томъ, что «онъ рѣдко даетъ волкамъ теплой человѣчины; всю осень вороны не каркали надъ полемъ сѣчи, усѣяннымъ трупами». Эгилъ отвѣчаетъ: «я истреблялъ враговъ окровавленнымъ мечомъ; мы дрались ожесточенно. Города и села пылаютъ. Мы уложили спать вѣчнымъ сномъ тѣхъ, которые охраняли ворота». Любовь къ океану, какъ къ женщинѣ, сдѣлала впослѣдствіи изъ англичанъ первыхъ мореплавателей въ мірѣ. Высокая культура, сознаніе долга, уваженіе къ чужой человѣческой личности основанное на self-respect (самоува-

*) Histoire de la littérature anglaise, Livre I, chap. I.

женіи), чрезвычайное развитіе торговли и промышленности,—все это удалило въ область недобрыхъ преданій морскіе набѣги, истребленіе городовъ, систематическое кормленіе волковъ человѣчиной и даже кровавыя развлеченія. Но до сихъ поръ «pageant» не можетъ обойтись безъ инсценированной съ необыкновеннымъ реализмомъ битвы. За перепетіями ея съ захватывающимъ интересомъ слѣдятъ изящныя дамы, священники, работники, лавочники. Подъ С.-Олбансомъ въ XV вѣкѣ, въ смутное время гражданской войны произошли двѣ большія битвы. Одна закончилась побѣдой Іорка, другая—Ланкастера. Вторая битва составила седьмой эпизодъ pageant.

«Снова сверкаетъ сталь мечей и боевыхъ сѣкиръ,—объясняетъ хоръ.—Снова въ долинахъ нашего родного графства звучитъ рогъ, сзывающій воиновъ. Гражданская война разрываетъ населеніе. Жизнь человѣческая опять дешева. Всюду пылаютъ пожары. Всюду—насиліе. Сынъ возстаетъ противъ отца. Братъ идетъ на брата съ рогатиной. «Озлобленіе того времени хорошо передано у Шекспира во второй части хроники «Король Генрихъ VI». Молодой Клиффордъ, замѣтивъ тѣло отца, восклицаетъ:

„Коль Іоркъ и старцевъ нашихъ не жалѣетъ,
Не стану я жалѣть у нихъ дѣтей;
Мнѣ слезы дѣвъ росой казаться будутъ.
Пусть красота смягчитъ тирана сердце,
Для моего огня лишь масломъ будетъ.
Отнынѣ жалости я знать не буду:
Ребенка-ль встрѣчу я изъ дома Іорка,
На мелкіе куски его изрѣжу“.

Сцена открывается бесѣдой смиренныхъ обывателей: пастуха, рыбака и землевладѣльца. Они въ мрачное время вынесли страну на своихъ плечахъ и они же больше всѣхъ страдали отъ войны Іорка съ Ланкастерскимъ домомъ. Пастухъ вспоминаетъ, что шесть лѣтъ тому назадъ солдаты угнали все его стадо.

Звучатъ сигнальные рога. Слышны воинственные крики. Скоро для многихъ они превратятся въ предсмертное хрипѣніе. Появляются лучники, пѣшія войска, вооруженныя длинными копьями, наконецъ, рыцари, закованные въ сталь. Лучники, къ немалому восторгу молодого поколѣнія, осыпаютъ тучей стрѣлъ невидимаго непріятеля. Затѣмъ впередъ бросаются пѣхотинцы, а потомъ во весь опоръ мчатся рыцари, опустивъ забрала.

— Дадду! Дадду! (вонъ папа!)—восторженно кричитъ возлѣ меня мальчикъ лѣтъ десяти въ форменной шапочкѣ воспитанника средней школы.—Смотрите на папу! Глаза у мальчика сверкаютъ, щеки разгорѣлись. А «дадду» въ сверкающихъ латахъ, съ развѣвающимися перьями на шишакѣ, гонитъ своего коня во весь опоръ и размахиваетъ громаднымъ мечемъ, поражая невидимаго непріятеля. И, право, мнѣ трудно было бы сказать, кто больше въ

данный моментъ входитъ въ роль, мальчикъ ли, или «дадду», которому, вѣроятно, не меньше сорока лѣтъ. Каждый рыцарь сидитъ на собственномъ конѣ. Воину мало проскакать одинъ разъ по лугу. Рыцари огибаютъ мѣста для зрителей и опять мчатся, размахивая мечемъ, какъ мельница крыльями. За деревьями восторженный вопль. Непріятель дрогнулъ. Онъ бѣжитъ. Знамена брошены. Полная побѣда. И вотъ возвращаются побѣдители, опьяненные кровью, разъяренные, какъ волки зимою. Сзади несутъ на носилкахъ убитыхъ и раненыхъ. Публика въ восторгѣ. Мой сосѣдъ-мальчикъ подпрыгиваетъ на мѣстѣ. Въ данный моментъ онъ дѣйствительно вѣритъ, что «дадду» возвратился побѣдителемъ изъ кроваваго боя.

Заключительный эпизодъ «pageant» такъ же, какъ десятки другихъ зрѣлищъ подобнаго рода: появляется королева Елизавета съ безчисленной свитою. Трудно объяснить даже тотъ культъ «королевы Бетсъ», «virgin queen», который наблюдается въ Англіи. Существуетъ постоянная связь между тѣмъ, чѣмъ человѣкъ восторгается и тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности. Въ годы несчастья и гнета, въ эпохи упадка общества, народъ считаетъ жизнь проклятіемъ, юдолью скорби и ищетъ утѣшенія въ надеждѣ на царство небесное. Когда наступаетъ свобода, страданія уменьшены и горизонтъ проясняется, - народъ опять начинаетъ цѣнить жизнь. Онъ любитъ тогда увѣренность въ свои силы, энергію, умъ, настойчивость, смѣлость. Эпоха королевы Елизаветы важна въ томъ отношеніи, что принесла съ собою гражданскій миръ. Господствующіе и отчасти средніе классы впервые почувствовали всю прелесть и весь вкусъ жизни. (До тѣхъ поръ она проходила въ безпрерывной рѣзнѣ). Развратная, жестокая и грубая Елизавета была поразительно умна, смѣла, талантлива, учена. Королева была самовластна, но въ силу своего замѣчательнаго ума, первая оцѣнила значеніе общественнаго мнѣнія. «Пусть тираны трепещутъ и боятся своего народа,—говорила Елизавета,—моя же главная сила—добрая воля моихъ подданныхъ». Затѣмъ культъ «королевы Бетсъ» объясняется еще временемъ, которое за $3^1/_2$ вѣка успѣло отшлифовать всѣ острые углы ея характера. О насиліяхъ деспотовъ помнятъ тогда, когда дѣйствительность постоянно разъѣдаетъ старыя раны. Въ эпохи благополучія и гражданской свободы народъ поразительно быстро забываетъ причиненныя ему обиды.

Заключительный эпизодъ пріуроченъ къ 1572 г., когда Елизавета посѣтила С.-Олбансъ и подтвердила старинныя вольности города новой хартіей. Текстъ «эпизода» написанъ тоже священникомъ, который блеснулъ латынью. Королеву привѣтствуютъ одой, на языкѣ Цицерона.

Затѣмъ Елизаветѣ представляютъ Фрэнсиса Бэкона, которому въ то время было 14 лѣтъ. Королева предсказываетъ ему великое будущее. «Я предвижу,—говоритъ Елизавета,—что въ будущемъ

каждый с.-олбанецъ гордо подниметъ голову, услышавъ имя Фрэнсиса Бэкона»...

„Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ...
Еще не перестали топать“...

Еще ольдермены угощаютъ Елизавету тяжелымъ испанскимъ виномъ и еще болѣе тяжеловѣсными комплиментами. Еще горожане развлекаютъ ее какимъ-то мудренымъ балетомъ, а приходится спѣшить, чтобы захватить мѣсто на омнибусѣ, отправляющимся на станцію. Иначе, когда хлынетъ вся толпа, нужно будетъ идти пѣшкомъ версты четыре. У выхода, подъ навѣсомъ у стойки, я вижу Джона Болла. Онъ мирно пьетъ виски съ содовой водой въ компаніи съ Ричардомъ II и свирѣпымъ, неправеднымъ судьею Трессилайономъ. Грайндкомбъ, не снявшій еще окровавленную повязку со лба, куритъ трубочку и разсказываетъ должно быть смѣшной анекдотъ латнику, который влекъ на казнь вождя крестьянскаго возстанія. Въ сущности, это мирное бесѣдованіе—не простая случайность, а символъ. Теперь потомки виллэновъ и рыцарей, когда-то истреблявшихъ другъ друга, мирно работаютъ для общей родины и вмѣстѣ *играютъ* въ кровавое прошлое. Оно стало игрушкой и нагляднымъ урокомъ...

Съ крыши омнибуса я опять вижу громадный лугъ, залитый золотистыми лучами вечерняго солнца. По лугу, какъ пасущееся пестрое стадо крестьянскаго скота, бродятъ друиды, римляне, пажи, бритты, епископы, виллэны, монахи... Шумныя, послѣднія рукоплесканія, затѣмъ хлынула толпа, бѣгущая къ экипажамъ. Актеры-любители не разгримировались и не переодѣлись, а возвращаются домой въ костюмахъ. Нѣкоторые живутъ верстахъ въ 6—7 отъ С.-Олбанса. Вотъ катитъ на велосипедѣ римскій полководецъ Светоній Павлиній, держа впередъ копье; проскакалъ вождь Кассивелаунусъ въ волчьей шкурѣ, а рядомъ съ нимъ—изящная амазонка. Идетъ, осторожно ступая по камнямъ босыми ногами, опираясь на копье, подростокъ-бриттъ, въ рыжемъ парикѣ, но безъ панталонъ, въ одной только коротенькой рубахѣ... Солнце закатилось. Надъ Веромъ поднялся туманъ и покрылъ развалины Верулама таинственной дымкой. Счастливъ народъ, для котораго ужасы гражданской войны только воспоминаніе далекаго прошлаго. Еще болѣе счастливъ народъ, застрахованный гражданской свободой отъ ужасовъ новыхъ междуусобицъ!..

Діонео.

Противотеченцы.

«Вѣковая трагедія русской интеллигенціи, состоявшая въ ея отщепенствѣ и въ ея безсиліи, становится уже достояніемъ прошлаго... Всякаго рода искусственныя и естественныя препоны между интеллигенціей и народомъ, служившія для первой источникомъ столькихъ страданій, теперь уже пали, или, по крайней мѣрѣ, быстро разрушаются... Полицейскія рогатки... между блѣднолицымъ интеллигентомъ и мужикомъ» значительно порѣдѣли... Сегодняшній русскій интеллигентъ не чувствуетъ себя болѣе «культурнымъ одиночкой», «лишнимъ», «отщепенцемъ», которому «мѣста нѣтъ» въ окружающей его дѣйствительности; его рѣчи теперь уже не «безплодныя словопренія», не встрѣчающія въ окружающей его средѣ ни отклика, ни пониманія»...

Эту тираду я беру изъ книги г. Евгенія Лозинскаго: «Что же такое, наконецъ, интеллигенція?» *) Тутъ почти каждая фраза нуждается въ серьезной оговоркѣ, либо и прямо таки въ поправкѣ. Начать хотя бы съ того, что «полицейскія рогатки», о которыхъ говоритъ г. Лозинскій, не только не «порѣдѣли значительно», но и всячески умножились, и именно теперь усилія утвердить «препону между интеллигенціей и народомъ» достигли высокаго напряженія и небывалой откровенности. Далѣе, не «интеллигентской» только трагедіей были эти препоны, и не интеллигентъ только страдалъ отъ нихъ; это трагедія всенародная; и Богъ вѣсть, кто больше расплатился и расплачивается за «полицейскія рогатки»: баринъ или мужикъ. Не такъ ужъ «безплодны», наконецъ, были «словопренія» русскаго «интеллигента»: не съ неба же, въ самомъ дѣлѣ, свалилась къ намъ революція и не въ пустомъ мѣстѣ нашла свой идейный багажъ. Ниже мы увидимъ, что эти «словопренія» кое-чему научили самого г. Лозинскаго и кое для чего ему понадобились.

Можно бы внести въ его тираду и еще нѣкоторыя оговорки, и, тѣмъ не менѣе, въ основѣ ея лежитъ несомнѣнный фактъ.

30 лѣтъ назадъ Тургеневъ писалъ:

— «Карпъ, Сидоръ, Семенъ,—ярославскій, рязанскій мужичекъ, соотчичъ мой, русская косточка! Ты—сфинксъ... Только гдѣ твой Эдипъ?..»

Это характеристика, данная вдумчивымъ и внимательнымъ наблюдателемъ сверху. Но если бы Карпъ, Сидоръ или Семенъ въ ту пору сталъ внимательно и вдумчиво наблюдать снизу, то онъ съ не меньшимъ правомъ могъ бы сказать:

---

*) См. стр. 3—4.

— Тульскій, орловскій баринъ,—соотчичъ мой, русская косточка! Ты сфинксъ... Только гдѣ твой Эдипъ?

То есть, быть можетъ, Карпъ сказалъ бы не «ты—сфинксъ», а «мудреные эти баре», и не «гдѣ твой Эдипъ», а «самъ чортъ ихъ не разберетъ». Но, во всякомъ случаѣ, если «мужикъ» былъ загадкой для барина, то и баринъ былъ загадкой для мужика. Дѣло тутъ не въ однѣхъ «полицейскихъ рогаткахъ», надолго отколовшихъ «Россію мужицкую» отъ «Россіи интеллигентской». Разумѣется, «рогатки» играли и продолжаютъ играть большую роль. Но главное въ томъ, что общія условія жизни надолго исключили всякую возможность для барина и мужика сойтись на совмѣстномъ, одинаково для нихъ важномъ и одинаково понятномъ дѣлѣ и познать другъ друга, работая рука-объ-руку. Теперь общее дѣло нашлось. И, не взирая на всѣ «препоны и рогатки», сошлись, наконецъ, таинственный для мужика незнакомецъ—интеллигентъ и таинственный для интеллигента незнакомецъ—мужикъ. Въ этомъ смыслѣ г. Лозинскій правъ. Правъ онъ и въ томъ, что называетъ это сближеніе «выдающимся событіемъ». Я лично готовъ признать его даже рѣшающимъ событіемъ въ русской исторіи XX вѣка. Впрочемъ, здѣсь необходимо сдѣлать еще одну оговорку, но уже общаго характера. Мы съ г. Лозинскимъ разно понимаемъ слово: «мужикъ» и совершенно различно понимаемъ слово «интеллигентъ». И въ формулу: «сближеніе интеллигенціи съ народомъ» онъ влагаетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой, по моему мнѣнію, надо влагать. Но объ этомъ рѣчь впереди. А пока буду придерживаться терминологіи г. Лозинскаго.

Таинственные другъ для друга незнакомцы сошлись. Заранѣе апріорно можно сказать, что не только розами устланъ ихъ совмѣстный путь, и не мало испытаній придется выдержать этому свѣже заключенному союзу, прежде чѣмъ обѣ стороны узнаютъ и оцѣнятъ другъ друга. Интеллигентъ подошелъ къ «мужику», какъ къ сфинксу, но все же съ нѣкоторыми представленіями о немъ и съ нѣкоторыми надеждами на него. Можетъ быть, «мужикъ» окажется лучше этихъ представленій и выше этихъ надеждъ; можетъ быть, хуже и ниже. Наименѣе вѣроятно лишь, чтобы мужикъ дѣйствительный оказался точь-въ-точь такимъ же, какъ мужикъ воображаемый. Судя по всему, намъ еще предстоитъ, не скажу: пережить, но, по крайней мѣрѣ, наблюдать полосу частичнаго разочарованія въ «мужикѣ». Навѣрное, эта полоса будетъ имѣть своихъ пѣвцовъ. На поверхность выскочатъ вдругъ люди, достаточно чуткіе, чтобъ понимать, какой товаръ требуется на рынкѣ, и достаточно беззаботные, чтобъ задумываться о послѣдствіяхъ содѣяннаго ими. Они обобщатъ отдѣльныя и разрозненныя впечатлѣнія и будутъ кричать:

— Вотъ онъ вашъ мужикъ! Долой мужика! Къ чорту!..

За полосой разочарованія будутъ полосы увлеченія, и тогда другіе слишкомъ чуткіе и беззаботные люди, а, быть можетъ, и не другіе, а тѣ же самые ликторы, которые только что посылали

мужика къ чорту, откроютъ пальбу словесными снарядами въ противоположную сторону, но опять гораздо дальше цѣли:

— Великій страстотерпецъ земли русской—мужикъ! На колѣни предъ мужикомъ! Шапки долой!..

Такъ оно отчасти уже и было, — напомню хотя бы покойную «Недѣлю» съ ея сангвинической пальбой «новыми словами». Такъ оно, безъ сомнѣнія, и будетъ.

Въ свою очередь и «блѣднолицый интеллигентъ», какъ выражается г. Евг. Лозинскій, врядъ ли «выдержитъ, по всѣмъ статьямъ мужицкій экзаменъ». За полосами довѣрія къ интеллигенту неизбѣжно будутъ слѣдовать полосы мужицкаго разочарованія Въ полосы довѣрія ликторы наградятъ «блѣднолицаго интеллигента» всѣми добродѣтелями и не найдутъ въ немъ ни единаго порока. Въ полосы разочарованія, быть можетъ, тѣ же самые ликторы, быть можетъ, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, откуда только что неслось: «осанна», будутъ восклицать:

— «Грабительская интеллигенція,—порожденіе ехиднино, скрывающее въ своемъ природномъ нутрѣ все хитрое и злое, все мерзостное и жестокосердое»...

Пока я позволю себѣ не называть автора, у котораго взята эта цитата. И возвращусь къ г. Лозинскому. Событіе, отмѣчаемое имъ, несомнѣнно совершилось. Нельзя, однако, сказать, что самъ г. Лозинскій очень этому радуется. Скорѣе наоборотъ: судя по двумъ выпущеннымъ книжкамъ: «Итоги парламентаризма» и «Что же такое, наконецъ, интеллигенція?» онъ не ждетъ ничего хорошаго отъ сближенія «блѣднолицаго интеллигента» съ «мужикомъ». И надо сказать, что въ настоящее время г. Лозинскій не одинокъ. У него есть послѣдователи и единомышленники, учителя и ученики. Подъ его по крайней мѣрѣ, оффиціальнымъ—редакторствомъ выходитъ время отъ времени особый органъ: «Противъ Теченія». Получается какъ будто такъ, что въ лицѣ г. Лозинскаго мы имѣемъ дѣло съ представителемъ опредѣленнаго направленія общественной мысли. Въ послѣднее время оно обращаетъ на себя вниманіе, будируетъ, ставитъ ребромъ очень важные вопросы. И уже одно это до нѣкоторой степени обязываетъ остановиться на немъ и, насколько возможно, вскрыть его содержаніе.

Отыскивая корни этого направленія въ прошломъ, ему чаще всего присвоиваютъ кличку «махаевщина». Однако, тотъ же хотя бы г. Лозинскій, по крайней мѣрѣ, печатно ничѣмъ не заявляетъ о желаніи считать себя «махаевцемъ». Наоборотъ, въ своихъ двухъ книжкахъ онъ совершенно игнорируетъ эту кличку. Съ видимой охотой нѣсколько разъ онъ рекомендуетъ себя, какъ человѣка, хотя и не одинокаго, но идущаго, вмѣстѣ съ единомышленниками, наперекоръ духу времени, «противъ теченія». Соотвѣтственно этому пониманію собственной позиціи онъ и назвалъ свой журналъ. Кличка «противотеченецъ» имѣетъ, такимъ образомъ, то

удобство, что на нее до нѣкоторой степени дано авторское разрѣшеніе. Правда,—удобство сомнительное. По существу она ничего не выражаетъ и способна скорѣе характеризовать темпераментъ, чѣмъ направленіе мысли. Но это бы полгоря. Гораздо хуже, что какъ разъ у наиболѣе цвѣтныхъ представителей «противотеченства» ужъ слишкомъ много чертъ, которыя далеко не сразу рѣшишься назвать настоящимъ именемъ...

Да вотъ, напримѣръ,—знаете ли вы, почему интеллигенты хлопочутъ о всеобщемъ обученіи? Очень просто. Они добиваются усиленныхъ расходовъ на школы, и добиваются потому, что «вся прибавка на расходы по народному образованію значительно повыситъ доходы *интеллигенціи* (курс. подл.), но не убавитъ хоть въ сколько-нибудь замѣтной степени невѣжества рабочихъ массъ» *).

Или, можетъ быть, вамъ интересно знать, почему соціалисты-революціонеры высказываются за «отмѣну всякой частной собственности на землю»? Опять-таки секретъ не сложенъ: соціалисты-революціонеры «хорошо знаютъ, не могутъ не знать того, что *для пролетарія* и полупролетаризированнаго крестьянина даже экспропріированная у помѣщика земля окажется столь же недоступной, какъ и сегодня, и вся эсъ-эровская «земля и воля» пойдетъ лишь въ *частную* пользу болѣе зажиточныхъ элементовъ деревни. Повторяемъ, *это* наши соціалисты-революціонеры знаютъ» **).

Само собою разумѣется, единомышленники г. Лозинскаго освобождаютъ себя отъ обязанности приводить доказательства. Они предпочитаютъ говорить языкомъ откровеній:

Откровеніе первое. «Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право завоевано рабочею кровью почти во всѣхъ странахъ Запада (въ число коихъ попали, между прочимъ, Италія и Англія) и ничего не дало рабочимъ массамъ» ***).

Откровеніе второе. «Такъ называемая свобода печати... дала лишь возможность новой лжи... вытѣснить собою старую ложь» и оказалась «ничѣмъ инымъ, какъ лишь новымъ, болѣе ученымъ надувательствомъ» ****). Впрочемъ, интеллигентъ добивается свободы лишь для себя. «Была бы возможность, онъ показалъ бы своимъ противникамъ такую «свободу» слова, печати и т. д., что передъ ней и зарево инквизиціонныхъ костровъ поблѣднѣло бы» *****).

Откровеніе третье. «Заграничные суды ничѣмъ не лучше нашихъ; это нашимъ интеллигентамъ доскональнѣйшимъ образомъ извѣстно». И если тѣмъ не менѣе интеллигенція говоритъ, что

---

*) «Противъ Теченія», № 3.

**) «Противъ Теченія», № 3; вездѣ курсивъ подлинника.

***) „Итоги парламентаризма", стр. 33, 34, 35.

****) Ibid, стр. 47.

*****) „Что такое интелл.", стр. 100.

англійскій, напр., судъ лучше русскаго, то съ вполнѣ понятною цѣлью: «одурачить рабочихъ» *).

И такъ дальше, въ такомъ же родѣ... Съ цитируемыми мною авторами не совсѣмъ удобно имѣть дѣло не только потому, что они готовы собственною властью ввести «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право» «почти во всѣхъ странахъ Запада», включая въ число этихъ странъ, между прочимъ, и Англію; и не только потому, что съ ихъ точки зрѣнія не встрѣчается препятствій не одну «землю», но и «волю» с.-р. программы предоставить въ «частное пользованіе»; и не только даже по причинѣ общей ихъ готовности не стѣсняться съ фактами. Къ сожалѣнію, у этихъ авторовъ есть еще одна черта: они умѣютъ употреблять слова въ такомъ сочетаніи, что порою прямо-таки невозможно понять, о чемъ идетъ рѣчь.

У г. Лозинскаго, напр., есть такая фраза: «Опредѣлить, дефинировать вполнѣ ясно и точно понятіе капитала значитъ раскрыть всю его антиобщественную или, вѣрнѣе, антипролетарскую природу, значитъ произнести надъ нимъ безпощадный и неотмѣнимый смертный приговоръ» **).

Повидимому, безпощадный авторъ желаетъ предать смерти не классъ капиталистовъ, а именно капиталъ, — трудъ, накопленный въ видѣ орудій и средствъ производства. Однако, если кто-либо съ цѣлями хотя бы полемическими разовьетъ эту точку зрѣнія, то г. Лозинскій не лишенъ возможности разъяснить, что онъ употребилъ слово «капиталъ» въ метафорическомъ смыслѣ, и говоритъ о «смертномъ приговорѣ» именно капиталистическому строю, а не капиталу.

Точно также у одного изъ единомышленниковъ г. Лозинскаго, у г. Вольскаго, автора двухъ книжекъ, вышедшихъ подъ заглавіемъ: «Умственный рабочій», находимъ, между прочимъ, такую фразу:

«Пролетарское движеніе есть защита, людей обреченныхъ на рабскій физическій трудъ. Его цѣль — освобожденіе отъ этого рабства».

Только такое движеніе и только такую цѣль г. Вольскій согласенъ считать правильными. Но что значитъ эта цѣль? Представляется ли г. Вольскому строй будущаго въ видѣ полной отмѣны вообще физическаго труда? Или г. Вольскій согласенъ и въ будущемъ строѣ оставить физическій трудъ и требуетъ лишь, чтобъ этотъ трудъ не былъ рабскимъ?

Я взялъ два примѣра, гдѣ читатель до нѣкоторой степени не лишенъ возможности выбраться изъ лабиринта за собственный рискъ и страхъ. Если читателю трудно представить человѣка, въ

*) „Противъ Теченія", № 3.
**) „Что такое интелл.", стр. 9.

серьезъ подписывающаго смертные приговоры орудіямъ и средствамъ производства, то онъ, навѣрное, пойметъ слова г. Лозинскаго, какъ метафору. Если читатель лишь въ видѣ шутки допускаетъ декреты объ отмѣнѣ физическаго труда, то онъ фразу г-на Вольскаго истолкуетъ въ наиболѣе вѣроятную для себя сторону. Но въ случаяхъ менѣе рѣзкихъ, когда два смысла одной и той же фразы одинаково возможны, одинаково вѣроятны,—выхода нѣтъ. Понимай, какъ знаешь. Однако, заранѣе готовься къ тому, что тотъ же хотя бы г. Лозинскій во всякую минуту можетъ сказать тебѣ: либо «NN. меня не понялъ», какъ онъ уже и заявилъ одному своему критику, г. Изгоеву, либо «NN моихъ книжекъ не читалъ», какъ онъ заявилъ уже другому своему критику, г. Берлину *).

Но все же въ писаніяхъ гг. Лозинскаго, Вольскаго и К° можно уловить и кое-что такое, отъ чего они отказаться не сумѣютъ. И это немногое, отъ чего они не сумѣютъ отказаться, представляетъ немаловажный интересъ, если не само по себѣ, то какъ симптомъ.

II.

Г. Лозинскій, какъ и его единомышленники, чрезвычайно обезпокоенъ сближеніемъ «блѣднолицаго интеллигента» съ «мужикомъ, и по этому случаю желаетъ прежде всего установить «строго-научно обоснованную дефиницію» понятія «интеллигенціи». Никакой «строго-научной дефиниціи» у него, правда, не получается, за то онъ даетъ нѣсколько печатныхъ листовъ, наполненныхъ рѣзкими фразами, бьющими въ одну какъ будто точку.

Г. Лозинскій ревностный поклонникъ классовой теоріи. Онъ ее не доказываетъ, не обосновываетъ. Онъ ею просто дышетъ. Онъ совершенно не понимаетъ, какъ можетъ случиться, чтобы интеллигентъ, «умный, ученый сталъ вдругъ упражняться всевозможными идеалистическими экспериментами, вмѣсто того, чтобы использовать свою силу для увѣковѣченія своей привилегіи, для укрѣпленія рабочей неволи» **). Для него не только трудно, но и прямо-таки невозможно повѣрить, «чтобы ученые люди, многое знающіе, обо многомъ размышлявшіе, по профессіи занимающіеся умственнымъ трудомъ, были не врагами, а друзьями народа» ***). Вѣдь понимаютъ же «ученые люди», что имъ выгодно «надуть», «объегорить», «ограбить», обезпечить себѣ какъ можно большую плату за свой «умственный» трудъ, закрѣпить за своими дѣтьми преимущественное право на образованіе, оттереть тѣми или иными способами народную

*) См. № 3, „Противъ Теченія“, ст. Моимъ критикамъ“.
**) „Что такое интелл.“, стр. 59.
***) Ibid, стр. 89.

массу отъ школы. А разъ они это понимаютъ, разъ въ этомъ ихъ классовый интересъ, не обращайте вниманія на слова, которыя говоритъ «блѣднолицый интеллигентъ», сближаясь съ «мужикомъ»: слова-то у него, быть можетъ, и хорошія; быть можетъ, онъ и говоритъ ихъ «подчасъ вполнѣ искренно»; но не въ словахъ дѣло, а въ «подоплекѣ», въ совокупности тѣхъ «соціально-экономическихъ интересовъ», представителемъ которыхъ является интеллигентъ, хотя бы и «блѣднолицый».

Въ чемъ же заключаются эти интересы? Да, разумѣется, въ томъ, чтобы продать свои знанія какъ можно дороже и получить за свою «умственную» работу какъ можно больше. Въ этомъ смыслѣ всѣ однимъ миромъ мазаны — «и врачъ, и юристъ, и попъ, и мужъ науки», и земскій начальникъ, и редакторъ радикальной газеты, и сыщикъ охраннаго отдѣленія, и лидеръ с.-р. партіи. Всѣ они питаются за счетъ «прибавочной стоимости», которую даетъ физическій трудъ крестьянина и фабрично-заводского пролетарія. Всѣмъ имъ свойственно желать возможно большей части этой самой прибавочной стоимости. И всѣ они составляютъ одинъ и тотъ же классъ интеллигенціи—классъ «умственныхъ рабочихъ».

Интересы этого класса непримиримо сталкиваются какъ съ интересами буржуазіи (на почвѣ дѣлежа прибавочной стоимости), такъ и съ интересами пролетаріата (на почвѣ опять-таки прибавочной стоимости). И вотъ, чтобы сдѣлаться полновластнымъ хозяиномъ прибавочной стоимости, интеллигенція изобрѣла «соціализмъ»,—обобществленіе орудій и средствъ производства. Это борьба противъ буржуазіи, драка двухъ собакъ изъ-за одной и той же кости. Судя по этому началу, можно бы думать, что гг. Лозинскій и Вольскій желаютъ лишь внести хотя и доморощенную, но собственную поправку къ схемѣ Маркса. Для нихъ, какъ для послѣдовательныхъ экономическихъ матеріалистовъ, «исторія движется, и соціальная жизнь опредѣляется въ конечномъ счетѣ борьбою классовыхъ интересовъ» *). Это неизбѣжно. И возставать противъ этого безумно. Марксъ полагалъ, что буржуазію экспропріируетъ пролетаріатъ. Но, кромѣ этихъ двухъ антагонистовъ, оказался третій. И дѣло складывается, повидимому, такъ, что сначала «умственный рабочій» экспропріируетъ буржуазію, а ужъ потомъ умственнаго рабочаго экспропріируетъ пролетарій, представитель физическаго труда. Значитъ, «умственные рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь» для грабежа», во имя вашего классового интереса «двиньте исторію» къ ея очередному этапу, «опредѣлите соціальную жизнь» въ сторону ея ближайшей формы. Быть можетъ, этотъ лозунгъ изрядно насмѣшилъ бы добрыхъ людей. Но, повторяю, съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма онъ былъ бы строго послѣдователенъ. А главное, «противотеченцы», призвавъ «умствен-

*) „Что такое интелл.“, стр. 107.

ныхъ рабочихъ» къ объединенію на почвѣ классовыхъ интересовъ, подтвердили бы свою теорію не словами, а дѣлами.

Но вмѣсто этого г. Вольскій необыкновенно старательно доказываетъ, сколь одержимъ былъ хищными, классовыми, грабительскими инстинктами Карлъ Марксъ. Оказывается, благодаря именно классовому инстинкту, Марксъ создалъ во II томѣ своего «Капитала» такую схему общественнаго производства, которая помогаетъ «умственнымъ рабочимъ» ограбить у пролетаріата «2/3 годичнаго продукта». Конечно, Марксъ это сдѣлалъ съ цѣлью «обезпечить за образованнымъ міромъ (т. е. умственнымъ рабочимъ), его владѣніе всѣмъ человѣческимъ наслѣдіемъ, всей цивилизаціей»... «Подобно, видите ли, тому, какъ за научными исчисленіями Сеньера скрывается забота о кошелькѣ фабриканта, такъ и за «истинами» политической экономіи Маркса «скрывается забота о... доходѣ» класса умственныхъ рабочихъ. Г. Лозинскій ставитъ точку надъ і и горячо призываетъ «всѣхъ, кому дѣйствительно дороги интересы обездоленнаго и вѣчно одурачиваемаго пролетаріата, сбросить маску съ ея величества интеллигенціи, какъ класса, разоблачить всенародно ея дьявольски хитрыя повадки, раскрыть ея классовый эксплуататорскій интересъ въ соціалистическомъ движеніи всего міра. Такова насущнѣйшая задача нашихъ дней, за которую должно возможно скорѣе взяться» *).

Мало того, г. Лозинскій требуетъ отъ «умственныхъ работниковъ» «отреченія отъ всего, чѣмъ съ самой ранней юности жива бываетъ, обыкновенно, душа интеллигента; ...передъ послѣднимъ категорическій императивъ отрѣшенія отъ своего прошлаго, преодолѣнія своей классовой природы» **)... Иначе говоря, два интеллигента, гг. Вольскій и Лозинскій, защищаютъ и иллюстрируютъ классовую точку зрѣнія разоблаченіями «хищной природы» того класса, къ коему они принадлежатъ. Нельзя сказать, что такой способъ защиты очень убѣдителенъ, а такая иллюстрація удачна. И что хуже всего для г. Лозинскаго—ему понадобился «категорическій императивъ преодолѣнія классовой природы». По его мнѣнію, «лишь тотъ, кто раскрываетъ... коварные эксплуататорскіе замыслы новаго... паучьяго отродья», лишь «интеллигентъ, выдавшій съ головою свой же собственный классъ умственныхъ работниковъ... докажетъ, что онъ отрекся отъ лжи и обмана, отъ классового лицемѣрія и надувательства». И г. Лозинскій вѣритъ, что «такіе интеллигенты найдутся». Безъ сомнѣнія, найдутся; да они уже и есть. Г. Вольскій, напримѣръ. Во всякомъ случаѣ г-ну Лозинскому для его завѣтной цѣли (разоблачить интеллигенцію) нужно, во-первыхъ, достаточное количество людей, живущихъ или способныхъ жить интеллектуальной жизнью. Во-вторыхъ,

*) „Что такое интеллигенція", стр. 77.
**) Ibid., 259.

не важно, будетъ ли это профессоръ, писатель, волостной писарь или заводскій рабочій-самоучка, пока не сумѣвшій пойти дальше популярныхъ брошюръ. Важно, чтобы эти люди были способны къ умственной работѣ. А еще болѣе важно, чтобы эту свою способность употребляли на служеніе истинѣ и справедливости, на служеніе пролетаріату, а не для своей корысти, и не для помощи грабителямъ и хищникамъ.

Можно и должно спорить о цѣли, какую ставитъ себѣ г. Лозинскій (разоблаченіе интеллигенціи). Я лично, напр., думаю, что это—совершенно взбалмошная цѣль. Можно, а по моему личному мнѣнію, и должно возражать противъ отождествленія классовыхъ, хотя бы и пролетарскихъ интересовъ съ интересами истины и справедливости. Но въ одномъ г. Лозинскій правъ: люди, живущіе интеллектуальными интересами, не во имя хищничества и грабежа, страшно нужны. Я готовъ сказать больше: горе странѣ, если у нея нѣтъ такихъ людей; погибъ народъ, если онъ пересталъ рождать ихъ. Дѣло лишь въ томъ, что именно люди, живущіе умственными интересами во имя истины и справедливости, и называются интеллигенціей. По крайней мѣрѣ, такова одна изъ старыхъ, «народническихъ», «дефиницій» этого понятія.

Весьма понятно, что она не нравится г. Лозинскому. Существованіе не такъ малочисленной, а главное весьма вліятельной группы людей, воодушевленныхъ служеніемъ «правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости», уже само по себѣ не укладывается въ мозгу, которому хочется стройно развить классовую точку зрѣнія. Кромѣ того, опредѣленіе: «живущіе умственными интересами во имя истины и справедливости», совершенно субъективно. А г. Лозинскій ни въ коемъ случаѣ не позволитъ увлечь себя на «опасный путь субъективизма». Ему нуженъ объективный, осязаемый признакъ. И такъ какъ таковаго положительнаго въ наличности не оказывается, то онъ беретъ признаки отрицательные: отсутствіе обязательнаго физическаго труда (не пролетарій), и отсутствіе капитала (не буржуа). Идя методомъ исключенія, онъ, дѣйствительно, получаетъ въ остаткѣ нѣкую соціальную бурду, въ которой сыщикъ плаваетъ рядомъ съ профессоромъ, попъ съ писателемъ, волостной писарь съ художникомъ... При нѣкоторой отвагѣ остается лишь назвать эту бурду интеллигенціей и объявить «классомъ»... А затѣмъ... мы уже видѣли, какъ г. Лозинскій сталъ искать въ той же бурдѣ «критически мыслящую личность». О, конечно, онъ не употребляетъ этой формулы. Наоборотъ, г. Лозинскій, вообще не стѣсняющійся въ употребленіи крѣпкихъ словъ, наиболѣе рѣшительныя ругательства обрушиваетъ именно на Лаврова, на Михайловскаго и на всѣхъ вообще «народниковъ». Но что же такое его «интеллигентъ», отрекшійся отъ прошлаго и «преодолѣвшій свою классовую природу», какъ не перифразъ «критически мыслящей личности»? И почему «отреченіе отъ прошлаго

и преодолѣніе своей классовой природы» надо считать менѣе субъективными признаками, чѣмъ «стремленіе къ истинѣ и справедливости»?

При такой постановкѣ какъ бы получается, что г. Лозинскій лишь совершаетъ нѣкоторое самоуничтоженіе. Онъ вынужденъ признать существованіе и необходимость интеллигенціи именно въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ. Подобно намъ, онъ какъ будто считаетъ ее явленіемъ по существу внѣклассовымъ. Онъ лишь не согласенъ съ нашимъ словоупотребленіемъ. И только потому, что не согласенъ, написалъ книгу о соціальной бурдѣ, которую онъ произвольно получилъ и совершенно произвольно хочетъ называть интеллигенціей. Такъ что, повидимому, г. Лозинскій стязается о словеси и только словеси. Но по дорогѣ онъ дѣлаетъ чрезвычайно важное открытіе, которое весь споръ о томъ, кого называть интеллигенціей, переноситъ на иную плоскость.

III.

Оказывается, видите ли, что бурда, произвольно именуемая интеллигенціей, составила «заговоръ противъ дважды ограбленнаго (матеріально и духовно) простого рабочаго народа»; и заговоръ этотъ «такъ искусно, такъ изумительно хитро сотканъ», какъ никогда *). Сейчасъ въ Россіи очередная цѣль заговорщиковъ добиться замѣны абсолютизма парламентаризмомъ. А поставили они себѣ такую цѣль потому, что при парламентарной системѣ правленія «умственный рабочій» получитъ болѣе жирный кусокъ «прибавочной стоимости», чѣмъ при абсолютизмѣ. Собственно, почему болѣе жирный, я, признаться, не понялъ. На этотъ счетъ даже въ томъ лагерѣ, гдѣ обитаетъ г. Лозинскій, установившій существованіе заговора, замѣчаются разногласія. Г. Вольскій, напр., полагаетъ даже, что именно «русскій абсолютизмъ цѣлесообразенъ и необходимъ ради интересовъ образованнаго русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ онъ,—какая другая власть, какъ не самодержавная, была бы способна такъ прекрасно обезпечить доходъ образованному обществу, при условіи, что это обезпеченіе достигается путемъ ежегодныхъ повальныхъ голодовокъ»? *) Правда, г. Лозинскій возражаетъ на это, что при парламентарномъ строѣ «умножаются мѣста, дающія» его бурдѣ «привилегированное положеніе; такими мѣстами являются, между прочимъ, мягкія и почетныя кресла въ парламентѣ» **). Но почему «мягкія кресла» парламентаризма пріятнѣе щедрыхъ арендъ, многотысячныхъ окла-

*) «Что такое интелл.», стр. 76.
**) «Умствен. рабочій», ч. II, стр. 108.
***) «Итоги парламентаризма», стр. 96.

довъ, монополій, концессій, субсидій, земельныхъ участковъ и многихъ другихъ благъ, коими награждаетъ своихъ слугъ самодержавіе, г. Лозинскій не объясняетъ. И, вмѣсто доказательствъ по существу, пространно критикуетъ парламентаризмъ.

Наиболѣе вѣскіе критическіе аргументы г-на Лозинскаго не отличаются оригинальностью. И, по сравненію, напр., съ аргументаціей покойнаго К. П. Побѣдоносцева, не много даютъ новаго. И пріемы у г. Лозинскаго тѣ же, что у Побѣдоносцева: каждый сучокъ въ глазу парламентаризма онъ разсматриваетъ черезъ микроскопъ, а бревенъ въ глазу абсолютизма либо не замѣчаетъ, либо разсматриваетъ чрезъ уменьшительное стекло.

Возьму для примѣра хотя бы такую частность, какъ свобода печати. Ни для кого не секретъ, что парламентарная система такъ же зиждется на нѣкоторыхъ условностяхъ и фикціяхъ, какъ и абсолютизмъ. Разница лишь въ томъ, что фикціи парламентаризма въ данное, по крайней мѣрѣ, время гораздо болѣе прочны и гораздо менѣе уязвимы, чѣмъ фикціи абсолютизма. И такимъ образомъ, при парламентаризмѣ, не взирая на всю его условность и на всѣ его грѣхи, можетъ существовать такое абсолютное общественное благо, какъ свобода печати. Для самодержавія же допустить какую бы то ни было свободу печати значитъ подписать себѣ смертный приговоръ. То же, разумѣется, надо сказать и о свободѣ совѣсти, союзовъ, собраній, etc. Парламентаризмъ, какъ система, болѣе устойчивая при данномъ, по крайней мѣрѣ, настроеніи умовъ, не только способенъ вмѣстить гражданскія свободы, но и находитъ въ нихъ до извѣстной степени себѣ поддержку. Для абсолютизма, по крайней мѣрѣ теперь, когда онъ вошелъ въ непримиримое противорѣчіе съ настроеніемъ умовъ и потребностями народа, каждая свобода — смерть. И вотъ вы,—на основаніи этого основного различія между парламентаризмомъ и самодержавіемъ, говорите, положимъ, что при парламентарной системѣ страна получитъ свободу печати. Г. Лозинскій возражаетъ:

— «Во Франціи дѣйствуетъ понынѣ законъ 1881 г. о печати, по которому жестоко преслѣдуется подстрекательство военныхъ къ неисполненію ихъ долга». *).

А такъ какъ въ Германіи существуетъ законъ объ оскорбленіи величества, такъ какъ г. Лозинскій о законахъ россійскаго абсолютизма умалчиваетъ и такъ какъ онъ основного различія между парламентарнымъ и самодержавнымъ строемъ старательно не касается, то ему ничто не мѣшаетъ считать свой тезисъ доказаннымъ:

— Парламентаризмъ не даетъ свободы печати.

И такъ, все время сравнивая парламентскую систему съ абсолютными, идеальными цѣнностями, а не съ тѣми реальными явле-

---

*) «Итоги парламентаризма», стр. 106.

ніями, какія присущи абсолютизму, г. Лозинскій приходитъ къ общему выводу:

«Парламентаризмъ всѣхъ (?) временъ и народовъ оказывался столь же самовластнымъ, столь же чуждымъ всякой гуманности, столь же преступнымъ, какъ и всѣ другія формы насильственнаго режима» *).

Еще примѣръ. Абсолютизму необходимо народное невѣжество. Трудами Леонтьева и Побѣдоносцева доказано, что, при нынѣшнемъ настроеніи умовъ, фикціи самодержавія не могутъ выдержать и той «логической мысли», какой способна вооружить человѣка даже начальная школа. Парламентаризмъ тоже, конечно, уязвимъ. Однако народное невѣжество ему вредно, а не полезно. И народное образованіе при немъ не только возможно, но и до нѣкоторой степени необходимо. И вотъ вы говорите, положимъ:

— Кто хочетъ, чтобъ его ребенку была открыта дорога въ школу, тому необходимо добиваться уничтоженія абсолютизма.

Г. Лозинскій иронизируетъ:

— «Въ Соединенныхъ Штатахъ на народное образованіе расходуется по 4 руб. 80 коп. за душу, а у насъ 7,3 коп. да земствомъ 31 коп. на душу... И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не увлекательная картина? Развѣ ужъ не по одному тому должны мы ринуться въ смертный бой съ самодержавіемъ, чтобы... наше государство стало тратить цѣлыхъ 4 руб. 80 коп. на образованіе каждаго изъ своихъ гражданъ?.. Стоитъ игра свѣчъ, не правда ли»? **)

Вы не понимаете, въ чемъ тутъ иронія? А дѣло-то простое:

— «Передать пролетаріату дѣйствительныя знанія ни одинъ привилегированный классъ *не можетъ*, какъ не можетъ самъ себя экспропріировать. Такого альтруизма человѣческая всемірная исторія никогда не знала, и, конечно, никогда знать не будетъ» ***).

Интеллигенція только разговоры разговариваетъ на счетъ «всеобщаго обученія». Въ дѣйствительности же она 4 руб. 80 коп. съ каждаго гражданина возьметъ себѣ, на воспитаніе собственныхъ дѣтей, а «рабочій классъ» окажется «одураченнымъ». Да вотъ вамъ «доказательство».

Вы, можетъ быть, обратили вниманіе на неожиданную передержку г-на Лозинскаго въ только что приведенной цитатѣ: онъ начинаетъ съ расхода «Соединенныхъ Штатовъ» «по 4 руб. 80 коп. на душу» (сумма весьма солидная), заканчиваетъ расходомъ въ 4 руб. 80 коп. «на образованіе каждаго гражданина» (сумма, совершенно ничтожная). Эта маленькая передержка понадобилась г-ну Лозинскому для простоты вычисленій. По даннымъ, видите ли, «Vorwärts'a», Германія тратитъ въ среднемъ на каждаго ученика

*) Ibid, стр. 17.
**) „Противъ Теченія“, № 3.
***) „Что же такое интелл.“, стр. 51. Курсивъ подлинника.

высшей и средней школы 142 марки, а на каждаго ученика низшей школы 14 марокъ. Руководствуясь этими цифрами, г. Лозинскій дѣлаетъ вторую передержку, молчаливо утверждая, что въ низшихъ школахъ учится столько же дѣтей, сколько въ средней и высшей. Эту вторую передержку онъ дополняетъ третьей, опять-таки молчаливо утверждая, что всюду и вездѣ высшая и средняя школа существуетъ только для класса «буржуазіи» и «класса интеллигенціи», а низшая только для «рабочаго класса». Затѣмъ дѣлитъ 142 на 14, и, получивъ въ частномъ 10, дѣлаетъ выводъ:

— Изъ 4 руб. 80 коп. на рабочаго уйдетъ только 48 коп., а 4 руб. 32 коп. «интеллигенція» прикарманитъ *).

Есть въ критическомъ арсеналѣ г-на Лозинскаго и еще одинъ аргументъ, на которомъ онъ останавливается съ особенною подробностью. Въ своихъ «Итогахъ парламентаризма» онъ то и дѣло возвращается къ разоблаченію того парламентскаго пути, на который вступила соціалъ-демократическая партія. Здѣсь нѣтъ нужды входить въ этотъ старый тактическій споръ внутри с.-д. Доводы за участіе въ парламентской дѣятельности и противъ участія болѣе или менѣе извѣстны. И къ какому бы рѣшенію ни склонилась с.-д. партія для себя, это вовсе не рѣшитъ общаго вопроса о преимуществѣ представительнаго правленія передъ автократизмомъ. При томъ же г. Лозинскій дѣлаетъ справки о парламентской дѣятельности с.-д. главнымъ образомъ для цѣлей обличительныхъ. При помощи этихъ справокъ онъ настойчиво и категорически утверждаетъ, что интеллигенція вся вообще, но въ особенности интеллигенція соціалистическая стремится осуществить нѣкоторый адскій и чрезвычайно вредный планъ. Въ этомъ пунктѣ г. Лозинскій вполнѣ единомыслитъ съ г. Вольскимъ. И, повидимому, планъ у интеллигенціи, составившей, какъ уже извѣстно, банду заговорщиковъ, очень ужасенъ. Оба автора говорятъ о немъ съ великимъ негодованіемъ. Но въ чемъ онъ заключается, я, къ сожалѣнію, понять не могъ.

Съ одной стороны, оказывается, что «классъ умственныхъ рабочихъ» стремится, пользуясь парламентомъ, къ «обобществленію капитала, къ преобразованію его изъ частнаго въ соціалистическій» **), съ цѣлью заграбастать въ свои цѣпкія руки всю «прибавочную стоимость», а по вычисленіямъ г-на Лозинскаго даже $^5/_6$ всего «годичнаго продукта».

Съ другой стороны, оказывается, что собственно не интеллигенція, а пролетаріатъ стремится «экспропріировать буржуазію», «но до тѣхъ поръ, пока онъ думаетъ» достигнуть этого «въ сотрудничествѣ съ интеллигенціей..., до тѣхъ поръ онъ никого не экспропріируетъ», ибо «мнимый союзникъ, хорошо зная, что экспропріація

*) „Противъ Теченія", № 3.

**) „Умств. рабочій", ч. II, стр. 77.

буржуазіи, разъ начатая пролетаріатомъ, закончится экспропріаціей его самого, только и дѣлаетъ, что всѣми силами удерживаетъ пролетаріатъ отъ всякаго приготовленія къ экспропріаціи» *). Повидимому, въ цѣляхъ наивящшаго выполненія этой задачи интеллигенція и тяготѣетъ къ парламентской дѣятельности.

Съ третьей стороны, возможно, что планъ у заговорщиковъ нѣсколько иной. «Пролетаріатъ, конечно, не желаетъ выкуповъ» **). Между тѣмъ, еще «Марксъ очень часто въ разговорѣ съ Энгельсомъ высказывалъ мнѣніе, что дешевле всего обойдется обобществленіе путемъ расплаты съ бандой капиталистовъ». Нынѣ за «обобществленіе посредствомъ выкупа» высказались и Бернштейнъ, и Каутскій ***). И нѣтъ ничего мудренаго, что интеллигенція допуститъ экспропріацію, но «вознаградитъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ за отходящую отъ нихъ собственность». Сверхъ того, Каутскій уже и теперь проговорился, что при этомъ надо будетъ платить лежащіе на экспропріированныхъ «фабрикахъ или имѣніяхъ долги». Лично г. Лозинскій, когда писалъ 238 и 239 стр. своей книжки: «Что же такое, наконецъ, интеллигенція», былъ даже увѣренъ, что дѣло именно къ этому сводится. «Передъ нашими глазами—восклицаетъ онъ—развертывается потрясающая картина грандіозной соціалистической Панамы, новаго, небывалаго еще по геніальности замысла колоссальнаго обмана безпомощныхъ, въ конецъ одураченныхъ рабочихъ массъ...» Пролетаріатъ явно ведутъ въ кабалу: заставятъ платить капиталистамъ ренту.

Однако, возможно, съ четвертой стороны, что планъ заговорщиковъ разсчитанъ вовсе не на конечныя цѣли. Обратите вниманіе хотя бы на такую странность. «Въ Россіи совсѣмъ еще юный пролетаріатъ своими дружными и упорными экономическими стачками завоевалъ уже себѣ во многихъ отрасляхъ промышленности 10-ти, 9-ти, даже 8-ми часовой рабочій день. И это безъ всякихъ парламентовъ, безъ всякихъ демократическихъ республикъ, даже безъ буржуазно-либеральныхъ пяти свободъ!». Въ Англіи въ 1847 г., когда соціалистическихъ депутатовъ вовсе не было въ парламентѣ, «рабочее движеніе завоевало 9-ти часовой рабочій день для женщинъ и юныхъ рабочихъ текстильной индустріи». Точно такъ же «революціонное требованіе французскихъ рабочихъ въ 1848 г. принудило вторую республику сократить рабочій день въ Парижѣ до 10, въ остальной Франціи до 11 часовъ». И въ той же Франціи, когда въ парламентѣ появились Жоресы, «рабочее законодательство въ этомъ пунктѣ только ухудшилось» ****). «Вотъ вамъ роль парламентаризма въ дѣлѣ интеллигентскаго одурачиванія народа» *****).

---

*) „Умств. рабочій", ч. I, стр. 128.

**) Ibid, 128.

***) „Умств. рабочій", ч. II, стр. 67.

****) „Итоги парламентаризма", стр. 57—58.

*****) Ibid., 67.

Соціалистическая интеллигенція недаромъ «паучье отродье». Отъ нея и такое станется, что она умышленно направляется въ парламентъ, чтобы защищать тамъ втихомолку интересы буржуазіи и содѣйствовать закабаленію пролетаріата. Г. Вольскій идетъ еще дальше. «Русскому абсолютизму—говоритъ онъ—удалось выработать достаточно удовлетворительную систему обезпеченія привилегій образованнаго общества, и, что еще важнѣе, онъ обѣщаетъ въ будущемъ еще болѣе полное удовлетвореніе... *Поэтому* (курсивъ мой. *А. П.*) самое передовое, самое радикальное теченіе русской литературы, современный марксизмъ, желающій дальнѣйшаго усовершенствованія этой системы, учить всѣхъ смотрѣть на повальныя русскія голодовки, какъ на явленіе, въ которомъ никто не повиненъ, и упразднить которое не въ состояніи никакія человѣческія усилія, а, стало быть, и никакіе бунты эксплуатируемыхъ массъ» *). Иначе говоря, «современный марксизмъ» старается спасти «русское самодержавіе» отъ «бунта». И «пока въ подпольной Россіи господствуетъ с.-д. мысль, государственная власть можетъ быть спокойна».

Съ пятой стороны, возможно, что у соціалистической интеллигенціи есть и такой планъ... Впрочемъ, Богъ съ ними съ этими «планами», — и съ пятымъ, и съ шестымъ, и съ седьмымъ... Ихъ можно насчитать до дюжины. Кажется, и четырехъ «плановъ» достаточно, чтобы голова пошла кругомъ. Мы уже достаточно привыкли къ манерѣ «противотеченцевъ» не стѣсняться съ фактами. Разъ г. Лозинскій собственною властью ввелъ «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право» «почти во всѣхъ странахъ Запада», то никто не закажетъ ему ввести «во многихъ отрасляхъ» россійской промышленности «10-ти, 9-ти и даже 8-часовой рабочій день». Но передъ вами не только храброе оперированіе фактами, но и нѣчто вродѣ горячечнаго бреда. То русскій абсолютизмъ повиненъ въ повальныхъ голодовкахъ, то для «рабочаго народа» нѣтъ никакого интереса въ парламентѣ. Соціалъ-демократія одновременно и спасаетъ абсолютизмъ, ибо подкуплена, и стремится замѣнить его парламентскимъ строемъ, ибо ей это выгодно. Соціалистическая интеллигенція то замышляетъ экспропріировать буржуазію, то стремится ее спасти, съ каковою цѣлью и добивается «всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права», ибо это «отвлекаетъ рабочихъ отъ борьбы за ихъ собственныя кровныя нужды» **). Проникшись «противотеченскою» аргументаціей, вы можете смѣло воскликнуть вслѣдъ за г. Лозинскимъ: долой парламентаризмъ! И на основаніи той же аргументаціи и тѣмъ же «противотеченскимъ» методомъ чрезвычайно легко и удобно объяснять всѣ нападки г-на Лозинскаго на парламентскую систему, именно тѣмъ, что ему, г-ну Лозинскому, съ точки

---

*) „Умств. рабочій“, ч. II, стр. 98.

**) „Итоги парламентаризма“, стр. 33.

зрѣнія его интеллигентскихъ классовыхъ интересовъ, выгоднѣе самодержавіе, которое кстати «обѣщаетъ въ будущемъ еще болѣе полное удовлетвореніе». Какъ я и предупреждалъ, «противотеченскія» слова и мысли отличаются необыкновенно рѣзвымъ нравомъ,—все время играютъ въ чехарду и сшибаютъ другъ друга.

Ясно лишь, во-первыхъ, то, что соціалисты, какъ выражается г. Лозинскій—«не стали бы принимать участіе въ парламентахъ, если бы они (кто эти они—соціалисты или парламенты,—секретъ г. Лозинскаго) сами по себѣ уже не были представителями новаго подымающагося господскаго и эксплуататорскаго класса» *).

Во-вторыхъ, несомнѣнно также, что «интеллигенція» вообще и въ особенности «интеллигенція соціалистическая» питаетъ какіе-то чрезвычайно хищные замыслы. Въ чемъ они заключаются, пока не удалось открыть. Но что дѣло клонится къ порабощенію народа,—это и г. Вольскій, и г. Лозинскій готовы подтвердить клятвенно.

Слѣдовательно, «своими взрывами рабочія массы требуютъ отъ своихъ сознательныхъ элементовъ созданія *организаціи, которая объединила бы разрозненные взрывы, создала бы планомѣрное массовое движеніе соединенныхъ крупныхъ центровъ за все болѣе возрастающія реальныя требованія и претензіи рабочихъ въ условіяхъ ихъ труда*... Организація же, служащая реальнымъ интересамъ рабочаго, можетъ быть создана лишь тогда, когда изъ движенія будетъ исключена обуздывающая его сила — интересъ умственнаго рабочаго, когда пролетарское движеніе будетъ провозглашено, какъ борьба съ буржуазнымъ строемъ, *съ господствующимъ образованнымъ обществомъ*» *).

Такое средство спастись отъ хитрыхъ замысловъ «умственнаго рабочаго» предлагаетъ г. Вольскій. Нельзя сказать, что и это заключительное слово формулировано очень опредѣленно. Тутъ опять мысли рѣзво бѣгутъ въ разныя стороны—и къ тредъ-юніонизму, и къ анархизму, и еще кое-куда, а, между прочимъ, и къ истребленію интеллигенціи, какъ массовому, въ видѣ погромовъ, такъ и единичному.

Г. Лозинскій также предлагаетъ пролетаріату «освободиться отъ цѣлаго ряда» «образованныхъ краснобаевъ», «возвратиться къ своей собственной, искони начатой, самостоятельной классовой борьбѣ за улучшеніе своего экономическаго положенія, не сотрудничать въ парламентѣ (не посылать въ парламентъ своихъ представителей), а предъявлять ему, этой центральной власти господскаго общества, во время своихъ выступленій конкретныя, подлежащія немедленному осуществленію экономическія требованія».

И въ этой формулировкѣ мысли разбѣгаются, куда попало. Въ

---

*) „Итоги парламентаризма“, стр. 71.

**) „Умств. рабочій“, ч. II, стр. 110. Вездѣ курсивъ подлинника.

какую именно сторону, по мнѣнію авторовъ, онѣ должны направиться, мы точно не знаемъ. Очевидно лишь, что пролетаріатъ долженъ «освободиться отъ образованныхъ краснобаевъ». Для этого пролетаріату, по формулѣ г-на Лозинскаго, должны придти на помощь «интеллигенты, безповоротно преодолѣвшіе свою классовую природу», а по формулѣ г-на Вольскаго, «сознательные элементы». Спрашивается, кто же эти «краснобаи», отъ которыхъ пролетаріатъ долженъ освободиться? Попъ, профессоръ, сыщикъ, писатель, волостной писарь, инженеръ, земскій начальникъ, лидеръ политической партіи, — вся вообще «интеллигенція». Кто тѣ «сознательные элементы», которые должны организовать пролетаріатъ? Увы,—это опять нашъ старый знакомый,— сознательная личность, критически мыслящая личность. Правда, г. Вольскій желаетъ видѣть во главѣ пролетарской организаціи интеллигенцію изъ среды самихъ рабочихъ. Но кто знаетъ, какъ рождается рабочая интеллигенція, для того не покажется измѣной знамени приглашеніе «сознательныхъ элементовъ» со стороны, каковое приглашеніе и дѣлается г-номъ Лозинскимъ.

И такъ—если держаться терминологіи обоихъ авторовъ—чтобы спасти «рабочій классъ» отъ злостныхъ замысловъ интеллигенціи, на помощь къ нему должна придти интеллигенція, которая и поведетъ пролетаріатъ противъ интеллигенціи. Эта абракадабра знаменуетъ собою, что оба автора, вѣруя въ Маркса, хотятъ быть послѣдовательнѣе его и довести классовую теорію до ея логическаго конца. Они вѣруютъ во властный «классовой инстинктъ» такъ же непоколебимо, какъ ученые отцы первыхъ вѣковъ христіанства вѣрили въ первородный грѣхъ. Для нихъ даже «Желябовы, Соловьевы, Михайловы, Перовскія» либо «сознательные, либо безсознательные насадители новой формы классового господства, блестящіе обманщики рабочихъ массъ». «Слезы» Желябовыхъ и Перовскихъ «о народномъ горѣ, о рабочемъ рабствѣ суть слезы крокодила, пожирающаго свою жертву. Рабочія массы нужны имъ, поскольку ихъ руками загребается жаръ новаго классового господства», — господства «класса интеллигенціи». Пусть Желябовы и Перовскія совершили «самозакланіе», но это было лишь «актомъ самаго обыкновеннаго классового эгоизма, разукрашеннаго пестрой мишурой и блестками» *). Иначе и быть не могло. Ибо внѣ воли человѣка сбросить съ себя классовой эгоизмъ, освободиться отъ хищнаго классового инстинкта, какъ внѣ воли человѣка снять съ себя первородный грѣхъ.

Марксизмъ это открылъ. Но у него не хватило мужества быть послѣдовательнымъ. Онъ оставилъ многочисленную группу лицъ внѣ классового раздѣленія. Онъ допустилъ существованіе цѣлыхъ общественныхъ группъ, не одержимыхъ классовымъ эгоизмомъ, не

---

*) „Что такое интеллигенція", стр. 97.

имѣющихъ самостоятельнаго классового интереса. Это была не только непослѣдовательность, но и противорѣчіе, въ корнѣ подрывающее догму историческаго матеріализма. И вотъ гг. Лозинскій и Вольскій исправляютъ эту ошибку марксизма. Они окончательно распредѣляютъ все человѣчество безъ остатка по классамъ; окончательно утверждаютъ догматъ классового эгоизма, и... оказываются передъ такою же «пропастью отчаянія», передъ которой очутились и отцы первыхъ вѣковъ, окончательно утвердившіе догматъ первороднаго грѣха.

Если всѣ повинны въ первородномъ грѣхѣ, то никто не можетъ спастись и наслѣдовать царствіе небесное. Если всѣ безъ изъятія одержимы классовымъ эгоизмомъ, — пролетаріатъ оказывается безъ идейнаго руководительства, безъ вооруженныхъ знаніями организаторовъ,—«слѣпой и безпомощный» среди враговъ. Такъ оно и должно быть, согласно догмату. Но это ужасъ. Это безвыходный тупикъ для всего пролетарскаго движенія. И на подмогу догмату классового эгоизма объявляется догматъ «духовнаго рожденія».

Среди грабительскаго класса интеллигенціи должны найтись люди, которые вырвутъ изъ себя съ корнемъ эгоизмъ своего класса и впитаютъ въ себя эгоизмъ класса пролетаріевъ: «совлекутъ съ себя, какъ выражались отцы первыхъ вѣковъ, ветхаго человѣка (которому нѣтъ спасенія) и облекутся въ новаго человѣка (которому открыта дорога въ царствіе небесное)». При такомъ положеніи пролетаріатъ не окажется въ гибельной для него пустотѣ, и въ то же время догматъ не будетъ поколебленъ, ибо все-таки не найдется на землѣ такого человѣка, который не одержимъ классовымъ эгоизмомъ.

На этомъ теоретическая мысль послѣдовательныхъ до конца марксистовъ гг. Лозинскаго и Вольскаго пока останавливается. Но, по аналогіи съ отцами первыхъ вѣковъ, легко понять, что здѣсь остановиться нельзя.

Отцамъ первыхъ вѣковъ пришлось отвѣчать на поставленный въ упоръ вопросъ:

— Если вы признаете возможнымъ «совлечь изъ себя ветхаго человѣка и облачиться въ новаго» то, вѣдь, тѣмъ самымъ вы отрицаете неизгладимость и неустранимость первороднаго грѣха.

Какъ вышли изъ этого затрудненія отцы первыхъ вѣковъ, мы знаемъ. Пришлось установить третій догматъ о безграничной благодати и преизбыточествующей благодати, за счетъ которой каждому человѣку, если онъ пожелаетъ возродиться духовно, прощается первородный грѣхъ.

Точно такъ же и послѣдовательнымъ до конца марксистамъ придется отвѣтить на вопросъ:

— Если вы признаете возможнымъ вырвать изъ себя одинъ классовой эгоизмъ и замѣнить его новымъ и при томъ чужимъ

классовымъ эгоизмомъ, то, вѣдь, тѣмъ самымъ вы отрицаете неизгладимость и неустранимость классовыхъ инстинктовъ.

Какъ выйдутъ послѣдовательные до конца марксисты изъ этого затрудненія, мы не знаемъ. И если бы гг. Вольскій и Лозинскій ограничились только теоретической разработкой вопроса, то къ ихъ книжкамъ можно бы отнестись спокойно, какъ къ одному изъ этаповъ развитія догматики историческаго матеріализма,—и только. Но они практики. Имъ надо сейчасъ же указать признакъ, по которому пролетарій безошибочно могъ бы найти разницу между такимъ интеллигентомъ, который «возродился духовно», замѣнилъ свой классовой эгоизмъ чужимъ классовымъ эгоизмомъ, и такимъ, который «духовно не возродился» и остается при эгоизмѣ первобытномъ. Отцы первыхъ вѣковъ отличительнымъ признакомъ человѣка, который возродился духовно, считали «крещеніе водное». Новоявленные проповѣдники духовнаго возрожденія предлагаютъ другой признакъ. Они говорятъ—г. Вольскій осторожнѣе, г. Лозинскій съ необыкновенною ясностью и страстностью:

— Господа пролетаріи, ежели къ вамъ придетъ интеллигентъ и станетъ высказываться за политику, то знайте, что это вашъ врагъ. Онъ не возродился. У него враждебные вамъ классовые инстинкты. И вы должны поступить съ нимъ, какъ съ предателемъ и обманщикомъ. А ежели интеллигентъ скажетъ: «долой политику, будемъ бороться только за экономическіе интересы», то знайте, что это вашъ другъ, который вырвалъ изъ своей души грабительскій эгоизмъ и внѣдрилъ на его мѣсто вашъ, пролетарскій, эгоизмъ.

Такимъ образомъ, если слѣдовать этому признаку, Зубатовъ, имѣвшій спеціальныя цѣли столкнуть рабочее движеніе исключительно на экономическую почву, былъ другомъ пролетаріата. Агенты Зубатова, пытавшіеся срывать политическое броженіе массъ, провоцируя строго экономическія забастовки, тоже друзья рабочаго класса, воплотившіе въ себѣ пролетарскій классовой эгоизмъ. Кстати агентъ-провокаторъ, по терминологіи г. Лозинскаго, тоже принадлежитъ къ «интеллигентскому классу». Но представьте, что передъ вами не агентъ-провокаторъ, а болѣе порядочный человѣкъ. Представьте, что онъ, согласно желанію г-на Лозинскаго, совлекъ съ себя ветхаго Адама и насквозь проникся пролетарскими классовыми инстинктами. И подъ давленіемъ пролетарскихъ классовыхъ инстинктовъ утверждаетъ, что рабочіе должны принимать участіе въ парламентской жизни, что безуміе отдавать парламентъ въ исключительное вѣдѣніе «господъ», что, какъ ни плоха «демократическая республика», но все же лучше, чѣмъ «республика аристократическая», о которой мы кое-какія свѣдѣнія имѣемъ хотя бы, напримѣръ, изъ исторіи Венеціи; или представьте, что онъ, предполагаемый интеллигентъ, совлекшій съ себя ветхаго Адама, находитъ разсужденія г-на Лозинскаго о «господскомъ парламентѣ» весьма неудачной и крайне вредной апологіей избирательнаго за-

кона 3 іюля и третьей «господской Думы»; представьте, что онъ убѣждаетъ рабочихъ добиваться избирательныхъ правъ. Неужели онъ не смѣетъ расходиться съ г-номъ Лозинскимъ во взглядахъ на парламентаризмъ? Увы, не смѣетъ. Разъ онъ заговорилъ о борьбѣ за политическія права,—онъ «врагъ», «хищникъ», «паучье отродье», «порожденіе ехидны», «грабитель», «кровопійца»... Г. Лозинскій исчерпалъ, кажется, всѣ допускаемыя въ печати энергическія выраженія по адресу всѣхъ, кто «одурачиваетъ» пролетаріатъ разговорами о политическихъ правахъ. И мѣстами, какъ, напр., въ своей брошюрѣ: «Всеобщее, равное, прямое и тайное надувательство» возвышается до пафоса и стиля погромныхъ прокламацій «союза активной борьбы съ революціей». А впрочемъ... Знаете что? Это я давеча именно у г. Лозинскаго взялъ цитату:

«Грабительская интеллигенція, порожденіе ехиднино, скрывающее въ своемъ природномъ нутрѣ все хитрое и злое, все мерзостное» etc. *).

И, говоря о «ликторахъ, достаточно чуткихъ, чтобъ понимать, какой товаръ имѣетъ сбытъ на рынкѣ, и достаточно беззаботныхъ, чтобъ не смущать себя размышленіями о содѣянномъ», я, между прочимъ, имѣлъ въ виду именно г-на Евгенія Лозинскаго. И думаю, что онъ даетъ мнѣ право такъ относиться къ нему. Что г. Лозинскій въ достаточной степени беззаботенъ, объ этомъ можно судить уже по той исключительной смѣлости, съ какою онъ оперируетъ фактами. А почему я считаю его человѣкомъ достаточно чуткимъ, сейчасъ увидимъ. Но предварительно позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ по существу.

IV.

Я называю интеллигентомъ человѣка, живущаго интеллектуальною жизнью во имя истины и справедливости. Но это не значитъ, что интеллигентъ ничѣмъ другимъ не живетъ. Евангельская Марія, по всей вѣроятности, не вовсе чужда была заботъ сестры своей Мареы. И евангельская Мареа, конечно, не о хлѣбѣ единомъ пеклась. Я лично не вѣрю въ существованіе людей, совершенно чуждыхъ даже проблеска «святой тоски о небѣ», какъ совершенно не вѣрю въ существованіе «ангеловъ добродѣтели», которымъ совершенно чужды «грѣховныя заботы о грѣшной землѣ». Къ человѣку трудно подходить съ абсолютными мѣрками. И о немъ приходится судить, поскольку рѣчь идетъ объ интеллигентности, лишь по преобладанію той или другой черты,—мареиной или маріиной.

Съ этой точки зрѣнія, далеко не всякаго министра, профессора,

*) «Что же такое интеллиг.», стр. 100.

«попа» или писателя можно назвать интеллигентомъ. И, наоборотъ, та же евангельская Марія была весьма далека отъ наукъ, но въ томъ видѣ, какъ ее рисуетъ христіанская легенда, является интеллигентною женщиной, — для своего, конечно, времени и своей обстановки. Въ недавно вышедшей книжкѣ г-на Кирилла: «Одиннадцать дней на «Потемкинѣ», разсказывается объ одномъ морскомъ офицерѣ, который, когда его окружили возмущенные имъ матросы, сталъ кричать: «Мама!.. мама!..» Этотъ офицеръ, хотя бы онъ носилъ академическій значокъ, въ моихъ глазахъ ничѣмъ не доказалъ свое право называться интеллигентомъ. А полуграмотный сектантъ Тодосіенко, создавшій довольно значительное религіозное движеніе въ Харьковщинѣ, сумѣвшій и постоять, и пострадать за ту правду, которая ему казалась правдою, по моему, несомнѣнный интеллигентъ. Пусть онъ едва грамотенъ. Пусть вѣра его, съ моей точки зрѣнія, были сплошнымъ и наивнымъ заблужденіемъ. Но онъ жилъ доступной ему интеллектуальной жизнью во имя доступнаго ему идеала истины и справедливости. Пусть Тодосіенко былъ анахронизмомъ, ибо къ вопросамъ нашихъ дней подходилъ съ идеологіей XVI вѣка. Но эта архаичность, примитивность его воззрѣній была лишь его несчастьемъ. А можетъ быть, и нашимъ общимъ несчастьемъ. По существу же онъ носилъ въ себѣ и проявлялъ всѣ характерные признаки интеллигента.

Въ этомъ смыслѣ «русскій мужикъ» никогда не былъ да и не могъ быть совершенно разобщенъ отъ интеллигенціи. Трагедія «мужика» состояла въ томъ, что отъ него была отрѣзана, что ему, по общимъ условіямъ русской жизни, была чужда та часть интеллигенціи, которая выкована умственнымъ движеніемъ XIX вѣка, стоитъ на уровнѣ проклятыхъ вопросовъ нынѣшняго дня и хоть сколько-нибудь способна въ своемъ отвѣтѣ на нихъ обнять всю совокупность современныхъ условій общественной жизни. И въ томъ еще состояла трагедія «мужика», что другая часть рождаемой его творческими силами интеллигенціи, изолированная, какъ Тодосіенко, отъ вліянія научной мысли и научныхъ знаній, безысходно металась, калѣчилась и гибла, вступая на путь анахронизмовъ. Да такъ основательно калѣчилась и гибла, что вошло даже въ обычай совершенно забывать о ней при постоянныхъ жалобахъ на «полицейскія рогатки» между интеллигентомъ и мужикомъ. Выработалось обуженное, условное понятіе объ интеллигентѣ, какъ о человѣкѣ, достаточно обработанномъ умственнымъ движеніемъ XIX вѣка, чтобы, служа идеаламъ истины и справедливости, стоять на уровнѣ вопросовъ нынѣшняго дня. И такъ какъ центръ тяжести сосредоточился именно на «рогаткахъ», такъ какъ именно «рогатки» причиняли нестерпимую боль, то обуженное и условное понятіе объ интеллигенціи пріобрѣло права гражданства. И въ вульгарномъ пониманіи слова: «интеллигентъ» на первый планъ выдвинулся одинъ признакъ: «умственное развитіе», а другой, быть мо-

жетъ, еще болѣе важный и характерный: «служеніе идеаламъ правды и справедливости», остался какъ бы въ тѣни и даже полузабытъ.

Гг. Вольскій и Лозинскій все время имѣютъ дѣло съ вульгарнымъ пониманіемъ слова интеллигентъ. Оно-то и помогло имъ смѣшать интеллигентность съ образовательнымъ центромъ. Но оно же превращаетъ весь предпринимаемый ими походъ въ сплошное недоразумѣніе. Люди, въ характерѣ которыхъ преобладаютъ черты евангельской Маріи, всегда были и будутъ идейными руководителями массъ. И пока творческія силы народа не изсякли, пока страна рождаетъ такихъ людей,—борьба противъ ихъ руководительства и противъ ихъ вліянія есть во истину борьба со стихіями, борьба съ непреложными законами жизни. И поскольку гг. Вольскій и Лозинскій объявляютъ войну Маріи вообще, они сражаются сами съ собою. Но они попутно призываютъ къ возстанію противъ политическихъ лозунговъ революціи. И это симптоматично.

Революція не успѣла смести «полицейскія рогатки» между интеллигентомъ и мужикомъ. Но она успѣла поставить широкія массы въ уровень съ очередными вопросами времени. Она создала нѣкоторый общій языкъ, одинаково понятный какъ интеллигенту-мужику, такъ и интиллегенту-барину. Интеллигентъ-баринъ, именно потому, что установилось взаимопониманіе, получилъ возможность стать идейнымъ руководителемъ народнаго движенія. Онъ и на самомъ дѣлѣ состоитъ теперь въ руководителяхъ. И въ этомъ не вполнѣ еще привычномъ для него званіи онъ успѣлъ надѣлать не мало промаховъ и ошибокъ. Указывать на эти промахи, перечислять ихъ—здѣсь не мѣсто. Да едва ли оно и благовременно. Русская революція далека отъ подведенія итоговъ. И то, что сегодня, на иной взглядъ, кажется промахомъ и ошибкою, быть можетъ, завтра заявитъ о себѣ, какъ далеко не промахъ и не ошибка. Цыплятъ по осени считаютъ. Но одну изъ основныхъ линій нынѣшняго интеллигентскаго руководительства массовымъ движеніемъ уже не разъ отмѣчали. И мнѣ о ней достаточно лишь напомнить.

Г. Кириллъ въ названной выше книжкѣ «Одиннадцать дней на «Потемкинѣ» дѣлится нѣкоторыми личными впечатлѣніями объ одесскомъ забастовочномъ движеніи лѣтомъ 1905 года. По его словамъ, «даже самые недальновидные изъ рабочихъ, по мѣрѣ того, какъ безрезультатная стачка затягивалась, начинали понимать, что упорство предпринимателей черпаетъ свою силу въ невозможности уступить, когда производство стало почти убыточнымъ, благодаря всероссійскому экономическому застою». Тѣмъ паче это было понятно мѣстной соціалъ-демократической партіи, къ которой принадлежалъ и г. Кириллъ. Однако с.-д. организація убѣждала рабочихъ продолжать забастовку во имя политическихъ лозунговъ. Она звала къ рѣшительному бою и надѣялась выиграть сраженіе, располагая, если вѣрить г-ну Кириллу, всего 6 — 7 револьверами,

«къ которымъ не было ни одного патрона». Это характерный образчикъ для нѣкоторой части интеллигентскаго руководительства рабочимъ движеніемъ, — характерный, по крайней мѣрѣ, для 1905 г., когда далеко не въ одной Одессѣ раздавались призывы къ рѣшительному бою, но съ 6 револьворами безъ патроновъ, къ забастовкѣ во имя общенароднаго блага, хотя бы и въ ущербъ личнымъ, «повседневнымъ», «узкимъ экономическимъ интересамъ». Пролетарское движеніе оказалось какъ бы перегруженнымъ политическими лозунгами. Я лично думаю, что склонность перегружать движеніе политикой была психологически неизбѣжна и для интеллигенціи, и для рабочихъ. И мнѣ чрезвычайно трудно разсматривать это сложное явленіе, какъ ошибку или неошибку. Несомнѣнно лишь, что, когда «рѣшительный бой» во имя политическихъ, всенародныхъ лозунговъ не привелъ къ побѣдѣ, интеллигенція очутилась передъ рабочими отчасти въ такомъ же положеніи, какъ правительство передъ портъ-артурскими солдатами.

— Вы звали насъ спасти отечество. Отечества мы не спасли. Но мы искалѣчены, раззорены и семьи наши умираютъ съ голоду.

Пусть интеллигенція въ этой общей неудачѣ была признана виноватой, между прочимъ и потому, что надо же найти хоть кого-нибудь виноватымъ. Но часть пролетаріата, и особенно часть, наиболѣе пострадавшая, естественно оказалась охваченной чувствомъ недовольства противъ интеллигенціи и охлажденіемъ къ политическимъ лозунгамъ. Вотъ навстрѣчу-то именно этому новому настроенію среди рабочихъ и выскакиваетъ г. Лозинскій со своими криками:

— Господа пролетаріи! Интеллигенція потому звала къ борьбѣ съ абсолютизмомъ, что хотѣла васъ ограбить.

Далеко стрѣляютъ г-да Лозинскіе. Такъ далеко, что, повторяю, самъ Зубатовъ могъ бы выразить имъ живѣйшее чувство удовольствія. Но именно потому, что они стрѣляютъ такъ далеко, они надо надѣяться, не попадутъ въ цѣль. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, когда я читалъ книжки г. Лозинскаго, невольно вспоминался анекдотъ объ одномъ остроумномъ супругѣ, который, когда на него сильно сердилась жена, особа очень подозрительная, отправлялъ ей анонимныя письма, возводя на себя отъ имени третьяго лица самыя нелѣпыя, самыя невѣроятныя обвиненія. И чѣмъ чудовищнѣе было обвиненіе, тѣмъ скорѣе сердитая и подозрительная жена перелагала гнѣвъ на милость. Повидимому, логика жизни не лишена такого же остроумія. И словно для того, чтобы предостеречь насъ отъ крайностей, всегда оказывается нѣсколько Лозинскихъ, способныхъ bonafide довести каждую мысль до абсурда.

А. Петрищевъ.

О книгѣ и реформаціи.

Изъ старыхъ воспоминаній и новыхъ впечатлѣній.

Въ первый разъ я познакомился съ «приказчикомъ» въ Москвѣ, во время студенчества, въ первой половинѣ 70-хъ годовъ. Мой пріятель «уходилъ въ народъ» и оставилъ на мое попеченіе юношу, служившаго въ одной изъ крупныхъ московскихъ фирмъ,—я не помню, приказчикомъ или конторщикомъ, и жившаго рядомъ съ моимъ пріятелемъ въ плохенькихъ студенческихъ меблированныхъ комнатахъ.

Юношу звали Иваномъ Петровичемъ. Онъ былъ совсѣмъ молоденькій, краснощекій, съ дѣвичьимъ лицомъ,—у него были даже ямочки и пушокъ на щекахъ,—жизнерадостный, веселый, съ пѣвучимъ, ласковымъ московскимъ говоромъ. Въ тотъ вечеръ, когда я пришелъ къ нему въ первый разъ, онъ былъ унылъ и огорченъ. Я засталъ его за чтеніемъ перваго тома «Капитала», который только что вышелъ тогда въ русскомъ переводѣ, и онъ жаловался мнѣ, что никакъ не можетъ совладать съ нимъ, въ особенности угнетали его математическія формулы. А между тѣмъ, мой пріятель, — онъ былъ человѣкъ серьезный и строгій,—уѣзжая, наказалъ ему, что, не прочитавши «Капитала» Маркса, нельзя понимать жизни. И должно быть потому, что я освободилъ его отъ Маркса и рекомендовалъ болѣе доступныя его пониманію книги, онъ почувствовалъ ко мнѣ чрезвычайную симпатію.

Въ то время,—то было, приблизительно, въ 76—77-мъ году,—одной изъ главныхъ работъ студенческаго кружка, въ которомъ я состоялъ,— было составленіе списка книгъ и статей, которыя считалось необходимымъ прочитать для того, чтобы работать въ направленіи: «все для народа и все черезъ народъ».

Этотъ списокъ я и далъ Ивану Петровичу и помогалъ ему доставать книги, какія казались болѣе подходящими для него. У него было особое отношеніе къ книгѣ, трогательно-почтительное и глубоко-вѣрующее. Онъ читалъ серьезно и обстоятельно отъ начала да конца,—весь приникая къ книгѣ. И когда кончалъ, говорилъ мнѣ, что у него отъ книги тысяча думушекъ,—и ему нужно было новую книгу, посерьезнѣе, помудренѣе, въ которой все было бы разъяснено на счетъ пониманія жизни, въ которой былъ бы отвѣтъ на тысячу думушекъ. Я знаю, что онъ упорно возвращался къ Марксу, и именно потому, что это была трудная, мудреная, большая книга,—она звала его къ себѣ, какъ запертая дверь, за которой спрятаны сокровища.

Любопытно было наблюдать, какъ мѣнялся его обликъ, какъ нѣчто новое, неуловимое появлялось въ его манерахъ, въ костюмѣ, въ образѣ жизни. Онъ жилъ тихо и скромно, не ходилъ по трактирамъ и садамъ, и, должно быть, строгая книга мѣшала ему относиться къ женщинамъ старымъ обычнымъ упрощеннымъ способомъ;—онъ сидѣлъ вечеромъ со своими книгами и своими думами, и только на студенческихъ вечерахъ и спектакляхъ можно было встрѣтить его дѣвичье лицо, сіявшее радостью и неизмѣнной лаской.

Мнѣ было извѣстно, что онъ распространяетъ «идеи»; время отъ времени онъ сообщалъ мнѣ, что разыскалъ между своими «хорошихъ людей», что «книга» пошла, но круга его я не зналъ. Разъ вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ звать на собраніе къ своимъ. Я готовился къ послѣднимъ выпускнымъ экзаменамъ и былъ чрезвычайно занятъ, но онъ просилъ такъ убѣдительно удѣлить хоть часъ, что я согласился. Дорогой онъ объяснилъ мнѣ, что пріѣхалъ человѣкъ съ Волги,—умница, сынъ богатаго купца-старообрядца, и что съ нимъ очень важно завязать связи.

Собраніе было конспиративное,—былъ занятъ номеръ въ трактирѣ, мы пили чай, какъ степенные приказчики средней руки. Было 5—6 человѣкъ: два блѣдныхъ юноши, смотрѣвшихъ, какъ галчата, въ ротъ Ивану Петровичу; былъ мрачный, съ длинной шеей и огромнымъ кадыкомъ, приказчикъ изъ Ножовой линіи, тогда еще существовавшей; былъ и «человѣкъ съ Волги», юноша съ умнымъ и интереснымъ лицомъ, очень сдержанный и, повидимому, получившій систематическое образованіе. Дѣло шло объ образованіи кружка для распространенія книгъ и всякой литературы въ народѣ и о привлеченіи къ этому приказчиковъ и служащихъ, не потерявшихъ связей съ провинціей и деревней. То, что намъ удавалось дѣлать съ большими усиліями и частыми неудачами, у нихъ устраивалось очень просто и практично. Мрачный приказчикъ сообщилъ, что онъ уже два года посылаетъ книжки своему брату-конторщику на одной изъ владимірскихъ фабрикъ, а тотъ успѣшно распространяетъ ихъ между рабочими и временно работающими на фабрикѣ крестьянами, но снабжавшій книгами студентъ,—его землякъ,—бросилъ университетъ, и нужно установить болѣе тѣсныя и постоянныя отношенія съ московскими кружками. Все время разговоръ вертѣлся на книгахъ, что нужно деревнѣ, какія книги слѣдуетъ предпочтительно посылать крестьянству.

Потомъ я потерялъ Ивана Петровича изъ вида. Я зналъ, что онъ вскорѣ послѣ меня покинулъ Москву и свою службу и пошелъ бродяжить по Россіи. Время отъ времени я получалъ отъ него поклоны, то съ Волги, то съ юга Россіи. Повидимому, онъ перемѣнилъ много профессій, и какъ-то въ 90-хъ годахъ я получилъ поклонъ отъ буфетчика небольшой желѣзнодорожной станціи,—оказавшагося все тѣмъ же Иваномъ Петровичемъ. Два года назадъ мнѣ пришлось предсѣдательствовать на многолюдномъ собраніи.

Послѣ закрытія засѣданія ко мнѣ подошелъ и заключилъ меня въ объятія благообразный, сѣденькій старичокъ съ розовыми щеками. И достаточно было ему сказать ласковымъ, пѣвучимъ говоромъ: «Не узнали?», что бы я тотчасъ узналъ Ивана Петровича. Онъ весь сіялъ и видимо блаженствовалъ, и словно резюмируя все, что случилось за 27 лѣтъ нашей разлуки, выговорилъ:

— Что народу-то! Сколько народу-то развелось!...

Ближе познакомился я съ міромъ приказчиковъ въ далекомъ губернскомъ городѣ, на востокѣ Россіи. Это былъ удивительный городъ,—настоящій губернскій городъ, гдѣ были губернаторъ, архіерей и жандармскій начальникъ, были соборъ, острогъ и дворянское собраніе, но въ центрѣ города былъ пчельникъ, многія улицы вовсе не освѣщались, и почта приходила не каждый день. Былъ «Грантотель» съ номерами, «Русское гостепріимство» и «Дамская портная», была огромная и пустынная площадь, на которой какъ-то утонулъ покупатель вмѣстѣ съ лошадью, а въ срединѣ площади сиротливо тянулись «ряды». На площадь выходили вѣеромъ улицы,—просторныя, широкія и тихія улицы, поросшія травой и цвѣтущими ромашками; въ концѣ улицъ виднѣлось поле, а внутри—маленькіе, одноэтажные, трехъ и пяти-оконные домики-особнячки, обнесенные высокими заборами, съ садами, густо заросшими акаціями, сиренью и жасминами. Тихій былъ городъ. Въ 8 часовъ вечера по древнему обычаю окна закрывались ставнями съ желѣзными болтами, и неизвѣстно для чего горѣли на пустыхъ улицахъ рѣдкіе желтовато-мутные фонари. И когда черезъ ставни съ желѣзными болтами доносились звонъ бубенцовъ и колокольчиковъ и громыханіе стараго тарантаса,—всѣ знали, что пріѣхалъ изъ своего имѣнія помѣщикъ Храповъ, и что три дня, а можетъ быть, и недѣлю, въ «Грантотелѣ» будетъ «столпотвореніе вавилонское»;—и не только въ Грантотелѣ, но и въ «Дворянскомъ собраніи», и даже въ низенькихъ хаткахъ слободки, такъ какъ помѣщикъ Храповъ умѣлъ наполнять своимъ присутствіемъ весь городъ. Желѣзной дороги не было. Я пріѣхалъ съ послѣднимъ пароходомъ и, когда на другой день уходившій пароходъ долго и жалобно свистѣлъ, прощаясь съ городомъ на семь мѣсяцевъ, и стали падать на землю бѣлыя, огромныя и тяжелыя хлопья снѣга, мнѣ показалось, что за мной спустился занавѣсъ, и что сюда, въ этотъ далекій городъ, за ставни съ болтами, ни птицей не пролетитъ, ни конемъ не проскочитъ то шумное и громкое, ищущее и зовущее, что осталось далеко за занавѣсомъ,—никакая идея, никакая книга...

А изъ-за ставень тихихъ домиковъ доносилась музыка;—не «попури изъ русскихъ пѣсенъ» и «не полька-трамблямъ», а настоящая серьезная музыка,—Глинка, Моцартъ и Шуманъ, — въ особенности же, Бетховенъ и Шопенъ. Въ скромной чиновничьей семьѣ, жившей на 900 руб. жалованья, въ средней купеческой семьѣ, въ домѣ священника дѣти играли на рояли, на скрипкѣ,

віолончели, серьезно учились музыкѣ. И уже образовались традиціи, музыка была уже нѣчто установившееся, осѣвшее, вошедшее въ нравы, сдѣлавшееся потребностью. Когда я сталъ вхожъ въ эти домишки-особнячки, я узналъ, какъ пришла къ нимъ музыка. Былъ когда-то сосланъ полякъ-ксендзъ, страстный любитель музыки, говорили,—композиторъ. Онъ долго прожилъ въ городѣ и, кажется, не вернулся въ свою Польшу, онъ жилъ уроками музыки, насаждалъ и насадилъ музыку, привилъ ее въ души людей этого затеряннаго и отгороженнаго отъ культурныхъ воздѣйствій далекаго города.

Къ тому времени, какъ я пріѣхалъ, городъ успѣлъ уже дать европейскую знаменитость—піанистку, выдвинуть талантливыхъ музыкантовъ и создать то музыкальное настроеніе въ городѣ, какого я не наблюдалъ въ другихъ, болѣе культурныхъ губернскихъ городахъ. Въ долгую зиму въ маленькихъ домикахъ устраивались музыкальные вечера. Тамъ не было ужиновъ, выпивки и закуски,—весь вечеръ, молча восхищаясь, слушали гости квартеты и квинтеты, слушали классиковъ,—Гайдна и Баха, Моцарта и Бетховена. Была тамъ скрипка Страдиваріуса и великолѣпная віолончель, и дорогія рояли, и пѣвицы, учившіяся въ Москвѣ и Петербургѣ. Тѣ дѣвушки, которыхъ музыкальное настроеніе гнало въ столичныя консерваторіи, возвращались оттуда въ свой тихій городъ, и музыканты, продѣлавши свою музыкальную карьеру, возвращались на склонѣ лѣтъ въ свое мѣсто,—и тѣ и другіе продолжали, расширяли и углубляли музыкальное настроеніе въ городѣ.

Въ городѣ была не одна музыка,—тамъ были идеи, читали книгу... И если музыка была страннымъ пятномъ на фонѣ той примитивной, стародавней и некультурной жизни, то еще болѣе удивительнымъ казалось присутствіе идей и чтеніе книгъ, а въ особенности та среда, гдѣ распространялись идеи и читалась книга. То были приказчики. И какъ тамъ, въ музыкѣ, такъ и тутъ былъ рѣдкій случай, гдѣ можно было прослѣдить всю эволюцію, вскрыть корни и нити. На рубежѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ были высланы на родину, въ этотъ дальній городъ, три «неблагонадежныхъ элемента». Студентъ, сынъ священника, и двѣ дѣвушки изъ полу-купеческой, полу-приказчичьей среды, ѣздившія въ центръ не за музыкальнымъ настроеніемъ. Я никого не засталъ изъ нихъ, повидимому ихъ политическое настроеніе было смутно и неопредѣленно, но они привезли книгу въ дальній городъ, они явились носителями идейнаго движенія, которое совершалось тогда въ центрахъ,—и съ того времени рядомъ съ музыкой, иногда борясь съ нею, въ тихіе домики съ сиренями и жасминами проникла книга, стала распространяться идея.

Потому ли, что неблагонадежные элементы принадлежали къ торговой средѣ или по чему-либо другому, но идейное движеніе своей

сферой, питательнымъ бульономъ избрало купцовъ и, въ особенности, приказчиковъ. Въ городѣ почти не было интеллигенціи въ обычномъ смыслѣ слова. Не было газеты, земскія учрежденія введены были тамъ позже другихъ губерній, земство было молодое, бѣдное людьми, только что нащупывавшее свое дѣло, и третій элементъ не успѣлъ сформироваться вокругъ него животворной атмосферой. Былъ учитель словесности въ гимназіи, радикалъ-шестидесятникъ, успѣвшій состарѣться и уйти далеко въ сторону отъ того, съ чѣмъ пришелъ молодымъ учителемъ. Былъ литераторъ-обличитель, благородный и на рѣдкость мужественный человѣкъ, но онъ мало соприкасался со средой приказчиковъ. Появилось почти одновременно со мной два-три только что просвѣтившихся толстовца, но они заняты были устройствомъ своего пустынножительства и рѣзко разошлись съ настроеніемъ приказчичьей среды. Вотъ и все. Интеллигенція помѣщалась тамъ, на этой огромной площади, въ тѣхъ пустынныхъ рядахъ. Это были купцы и приказчики, хозяева и служащіе, не рѣзко разграниченные тогда въ томъ городѣ. Они выписывали «Отечественныя Записки», они покупали и читали книги, они были главными подписчиками библіотеки. Когда «мальчикъ» въ лавкѣ выходилъ въ приказчики, онъ не шелъ учиться танцамъ, не заводилъ чрезмѣрныхъ галстуховъ и необыкновенныхъ костюмовъ,—онъ покупалъ книгу, начиналъ заводить свою библіотечку. И тамъ, гдѣ обычно въ купеческихъ и приказчичьихъ семьяхъ красуется горка съ серебряными подстаканниками и засиженными мухами пасхальными яйцами, тамъ, въ томъ городѣ, нерѣдко красовались полки съ книгами. А надъ книгами висѣли портреты тѣхъ людей, которые писали эти книги, тутъ были: Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Некрасовъ и Салтыковъ, и молодые люди—Глѣбъ Успенскій и Н. Михайловскій. Только тамъ, да еще въ квартирахъ старыхъ петербургскихъ писателей я встрѣчалъ и портретъ Гарибальди. У приказчиковъ устраивались вечера безъ выпивки, съ чтеніемъ только что полученной книжки «Отечественныхъ Записокъ» или прибывшей съ оказіей запрещенной книги «Впередъ». На лѣтнихъ рыбалкахъ, которыя они такъ любили, вокругъ котла съ ухой и кипящаго чайника велись горячіе дебаты о томъ послѣднемъ, что написалъ Успенскій, Салтыковъ, Михайловскій. Въ теплушкахъ при магазинахъ, куда приказчики бѣгали отогрѣваться отъ 30° градуснаго мороза, мнѣ случалось присутствовать при удивительныхъ литературныхъ и идейныхъ спорахъ. Туда заглядывали мелкіе торговцы, пріѣзжавшіе за товаромъ изъ заводовъ, изъ уѣздныхъ городовъ, большихъ торговыхъ селъ,—они просвѣщались губернскими приказчиками въ должномъ направленіи. Вмѣстѣ съ товарами имъ отпускались и идеи, давались или рекомендовались книги, иногда и «листочки», случайно залетавшіе въ городъ.

Какъ всякіе прозелиты, приказчики были особенно безудержны

въ распространеніи идей,—въ томъ, чтобы всяческимъ образомъ пускать въ народъ дорогую имъ книгу. Иногда ихъ способы были наивны и трогательны. Долго спустя мой знакомый, немолодой уже купецъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ покупалъ по 50 и по 100 экземпляровъ сочиненій писателей, которыхъ онъ считалъ особенно полезными для народа, — преимущественно Некрасова, Салтыкова и Глѣба Успенскаго, пускалъ ихъ «по народу», раздавалъ знакомымъ лавочникамъ, крестьянамъ, съ которыми имѣлъ торговыя отношенія, и какую радость испытывалъ онъ, находя свои книги далеко за предѣлами своего уѣзда, а иногда и губерніи, зачитанныя вплотную, и убѣждаясь, что это именно имъ пущенные въ оборотъ экземпляры.

Въ томъ городѣ были дикіе дремучіе купцы и приказчики, «обращенныхъ» было немного, но они составляли плотное ядро, къ которому примыкали вообще средніе городскіе люди, и первый политическій процессъ, привлеченными къ которому были главнымъ образомъ приказчики, происходилъ именно въ томъ городѣ.

Тамъ читали книгу вдумчиво, крѣпко и свято...

Я помню книгу старой Россіи. Огромная, тяжелая, блещущая золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, высоко вознеслась она надъ толпой, и, когда могучій дьяконъ голосомъ призывной трубы возглашалъ: «...чтеніе»!—люди покорно опускали головы, и надъ поникшей толпой носились тихія слова, вездѣ слышныя, большія слова большой книги. И всѣ слушали и всѣмъ было немножко страшно отъ большой книги и отъ того, что было написано въ ней.

Я помню книгу въ нашемъ домѣ. Жужжатъ веретена матери и старшихъ сестеръ, а мы, маленькіе, скучившись на палатяхъ, слушаемъ, какъ бабушка,—ей тогда ужъ было за 80—великая сказочница, плачущимъ голосомъ изображала братца Иванушку и сестрицу Аленушку, и, когда всѣ наши слезы были выплаканы, она начинала новымъ, важнымъ эпическимъ тономъ, отъ котораго сразу высыхали слезы на глазахъ. А въ переднемъ углу, подъ божницей, гдѣ день и ночь горѣла красная лампадка, сидѣлъ дѣдушка и читалъ книгу. Бѣлая, чистая скатерть постилалась тогда на столъ и зажигалась сальная свѣчка въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, подававшаяся только при гостяхъ. Большая книга съ обтянутыми кожей деревянными досками, съ мѣдными застежками, которыя шумно хлопали, когда открывались толстые, разбухшіе, закапанные воскомъ древніе листы старой книги. И какая-то особенная торжественность наполняла тогда кухню. Не пѣли пѣсни сестры, тише журчали веретена, было слышно, какъ падали и съ шипѣньемъ гасли въ водѣ горячія угли лучины. Когда потухала лучина, и бабушка похрапывала уже на своей неизмѣнной печкѣ, и все спало въ кухнѣ, я долго

еще видѣлъ съ палатей, какъ тускло свѣтила нагорѣвшая свѣчка на дѣдушкину, лысину на его длинную сѣдую бороду. Дѣдушка долго потомъ возился, закрывая мѣдными застежками старую книгу, цѣловалъ ее, крестился на образъ, и шелъ спать.

Было для насъ, дѣтей нѣчто большое и таинственное въ книгѣ, отчего дѣлалось трепетно и боязно. Та высшая, нелицепріятная справедливость, олицетвореніемъ которой являлся дѣдушка не только для нашей семьи, но и для округа, какъ-то связывалась съ книгой, которую онъ много и долго читалъ. И была таинственная, невѣдомая сила въ книгѣ,—она бѣсовъ изгоняла. Мы дѣти видѣли это сквозь замочную скважину двери. Два мужика съ усиліемъ тащили въ горницу «одержимую» бабу,—ее всю корежило, дикіе глаза страшнымъ огнемъ горѣли, пѣна шла изо рта, и бѣсы кричали изъ нея неистовыми голосами... А потомъ дѣдушка раскрывалъ надъ ней книгу, и читалъ повелительныя слова изъ этой великой книги и бѣсы одинъ за другимъ покидали одержимую, человѣческія слезы катились изъ глазъ, она смиренно падала въ ноги дѣдушкѣ и цѣловала его старую руку и человѣческій голосъ тихо и жалобно звучалъ въ молчаливой горницѣ. Книга была священная и таинственная, требовательная и повелительная, она вязала и разрѣшала и не однимъ намъ, дѣтямъ, внушала тогда великое уваженіе и тоже немного боязливое чувство.

Та же бабушка, великая сказочница, не удосужившаяся за 90 лѣтъ своей жизни выучиться разбирать по печатному, всю жизнь съ великимъ почтеніемъ относившаяся къ дѣдушкѣ, шептала иногда намъ тревожнымъ, опасливымъ старческимъ голосомъ: «все книги читаетъ!» И когда бабушка говорила строго и многозначительно: «книгъ начитался!» значитъ случилось что-то выходящее изъ рамокъ повседневной жизни, У ней и примѣры были. Дѣдушкинъ братъ первымъ ученикомъ шелъ въ семинаріи, непремѣнно бы въ академію послали, а онъ книгъ начитался. Вышелъ изъ своего почтеннаго духовнаго званія, въ которомъ дѣды и прадѣды были, въ Петербургъ уѣхалъ, профессоромъ тамъ былъ въ университетѣ по свѣтскимъ наукамъ и въ концѣ концовъ на нѣмкѣ женился. И дѣдушка, чѣмъ бы отговорить младшаго брата,—жеребца продалъ, въ дорогу брата снарядилъ, деньгами его наградилъ. Когда нашъ же крестьянинъ, подъ старость воротившійся съ фабрики, гдѣ долго служилъ управляющимъ, въ церковь пересталъ ходить, нѣмецкому языку учиться началъ и своихъ внуковъ и внучатъ въ Москву отослалъ въ нѣмецкіе пансіоны, бабушка сумрачно-предостерегающе говорила: «книгъ начитался».

Отецъ читалъ все тѣ же старыя Четьи-Минеи съ мѣдными застежками,Житія и «Душеполезное Чтеніе». И первыми моими книгами были: «Училище благочестія», тѣ же Житія и жизнеописанія Плутарха, которыя для меня были тоже «житіями». Только такую книгу и знала предреформенная деревенская Россія. Были и другія,

кромѣ Плутарха, свѣтскія книги, вродѣ жизнеописанія генералиссимуса Суворова, которое обходило весь уѣздъ и прочитывалось не одинъ разъ, но и къ нему по существу было все то же отношеніе, какъ къ житію изъ Четьихъ Миней. Были письмовники, откуда почерпались любовныя, просительныя и поздравительныя письма; были снотолкователи, оракулы, календари, но это были утилитарныя, обиходныя книги, безъ которыхъ никакъ деревенскому человѣку нельзя было обойтись. Сны тогда видали люди все страшные и необыкновенно дикіе, не вездѣ можно было найти серьезнаго, свѣдущаго человѣка, который могъ бы путемъ разобрать сонъ,—что къ чему, и люди по мѣсяцу ходили, какъ въ воду опущенные, пока снотолкователь худо ли, хорошо ли, не разъяснялъ, что могъ обозначать ихъ сонъ. И судьба человѣческая была тогда темная и запутанная,—и всетаки немножко легче становилось на душѣ послѣ указанія оракула. Проникали въ деревню пѣсенники, Бова, Епанча и Гуакъ, и Милордъ, но это не считалось книгой, то были «побасенки», какъ презрительно называли ихъ серьезные и вдумчивые люди того времени. Не было книги-времяпровожденія. Искали и читали книгу серьезную, «поучительную» книгу, душеполезную, въ которой были бы отвѣты на глубокіе запросы человѣческой души, гдѣ было бы все объяснено, что къ чему и отчего, и какъ жить надо. Тогда читали мало, но кто прилѣплялся къ книгѣ,—читалъ крѣпко и свято. Таинственныя заглавія особенно влекли къ себѣ. Были любители, которые платили большія по тому времени деньги за книгу и которые пренебрежительно относились къ книгѣ, написанной простымъ, понятнымъ языкомъ. Чѣмъ мудренѣе была книга, тѣмъ больше влекла она къ себѣ таинственнымъ и огромно важнымъ, что, очевидно, заключалось въ ней.

Была власть у книги надъ человѣкомъ, она гнала людей изъ своего званія, иногда заставляла перестраивать свою жизнь. Разныя попадались книги тому читателю... Былъ дворовый человѣкъ, послѣ воли лавочку въ деревнѣ завелъ и жилъ потихоньку со своей женой,—дѣтей у нихъ не было. Попалась ему книга Фламмаріона, и потянуло его къ звѣздамъ, захотѣлось ему все узнать и самому своимъ глазомъ заглянуть въ ихъ таинственную и необъятную высь и глубь. Свѣдущіе люди разъяснили ему, что на русскомъ языкѣ нѣтъ подходящей книги, тогда онъ засѣлъ за французскую грамматику, выучилъ языкъ, сталъ выписывать астрономическій журналъ изъ Парижа. Потомъ ухитрился списаться съ кѣмъ слѣдуетъ въ Парижѣ и выслали ему оттуда трубу, устроилъ онъ надъ крышей своего дома обсерваторію и сталъ черезъ трубу своими глазами на звѣзды смотрѣть. И къ тому времени, какъ о немъ узнали и стали печатать въ газетахъ, онъ уже забросилъ свою лавочку, его жизнь вся ушла туда, къ звѣздамъ, и земныя дѣла совсѣмъ отошли отъ него.

Не одни деревенскіе люди подпадали подъ власть книги, и не

только въ то темное время... Былъ у меня въ 73 — 74 году товарищъ, однокурсникъ, медикъ, — застѣнчивый и вдумчивый юноша. Однажды я зашелъ къ нему,—онъ весь, всецѣло погруженъ былъ въ Японію. Тогда только что кончилась знаменитая японская революція, казавшаяся чѣмъ-то оригинальнымъ и новымъ, и вотъ мой товарищъ рѣшилъ, что Европа уже изжила себя и будущее принадлежитъ Японіи. Русской книги тоже не оказалось, нужно было изучить англійскій языкъ, чтобы выучить японскій, мой знакомый уже успѣлъ сдѣлать и то и другое и тутъ же прочиталъ мнѣ изъ японской книги проповѣдь бонзы, гдѣ, помню, говорилось, что нельзя ждать награды за добро ни здѣсь, ни тамъ, куда человѣкъ уйдетъ послѣ жизни, что добро есть природа человѣка и т. д. Когда мы оканчивали университетъ, на вызовъ отслуживать стипендію во Владивостокѣ въ тихо-океанскомъ флотѣ вызвались только двое, и одинъ изъ нихъ былъ этотъ мой товарищъ, — не стипендіатъ, сынъ богатыхъ родителей, совсѣмъ не обязанный служить.

И я близко видѣлъ, какъ дѣти богатыхъ родителей читали великую книгу 70-хъ годовъ и, тоже не обязанныя служить, ломали свою жизнь и шли на служеніе, къ которому звала ихъ книга.

Такъ же, по-старому, читали книгу и приказчики въ томъ далекомъ городѣ, въ которомъ мнѣ пришлось жить. Они, вчерашніе крестьяне или мѣщане древняго уклада, развернули книгу съ тѣмъ же древнимъ чувствомъ трепетнаго благоговѣнія, съ которымъ читали и внимали ихъ дѣды и прадѣды, и книга была для нихъ тѣмъ же душеполезнымъ чтеніемъ, тѣмъ же училищемъ благочестія, тайникомъ высшей справедливости, поучительной книгой,—учительницей жизни.

При мнѣ туда не проникъ Марксъ, тамъ были книги 60-хъ и 70-хъ годовъ. Я знаю случаи, когда средній приказчикъ платилъ за «Что дѣлать?» Чернышевскаго 10 рублей, и нужно было видѣть, что представляло изъ себя «Что дѣлать?» въ книжной горкѣ приказчика. Разбухшіе отъ прикосновенія людскихъ пальцевъ, иногда подклеенные листы, написанныя отъ руки утерянныя страницы и замѣтки на поляхъ,—наивныя и трогательныя, полныя уваженія и восхищенія замѣтки... Были книги Глѣба Успенскаго, Некрасова, Салтыкова-Щедрина,—наиболѣе любимыя книги тѣхъ приказчиковъ... Была еще книга тоже священная, 12 разъ въ годъ появлявшаяся,—«Отечественныя Записки». Читали по-старому, крѣпко и свято, какъ откровеніе, какъ высшее велѣніе совѣсти и разума. О, какъ не правъ былъ Салтыковъ, — это жадное, суровое писательское сердце, когда писалъ свою знаменитую фразу: «писатель пописываетъ, читатель почитываетъ». Не правъ онъ былъ къ писателю, не правъ и къ чита-

телю. Очередную книжку «Отечественныхъ Записокъ» ждали, и когда она не приходила въ срокъ, волновались, а когда получали, наконецъ,—откладывалась охота, рыбная ловля, музыкальный вечеръ въ клубѣ, люди собирались вмѣстѣ и читали, и зачитывались. Я помню тотъ день, когда получено было телеграфное извѣстіе о закрытіи «Отечественныхъ Записокъ». Это было извѣстіе о землетрясеніи, о геологическомъ переворотѣ, о чемъ-то страшномъ, что надвинулось на землю. Объ этомъ говорили торговые ряды и тихіе домики. Мнѣ встрѣтился на улицѣ приказчикъ, блѣдный, разстроенный, и говоритъ: «Это что же такое? Вѣдь послѣ этого закроютъ всѣ университеты, упразднятъ печатное слово...» Онъ испугался, потому что у него пропала книга, важная, нужная, необходимая ему книга—учительница жизни.

У этихъ приказчиковъ тоже не было книги—времяпровожденія. Даже газета становилась для нихъ книгой,— они учились по ней, читали ее, какъ книгу. Черезъ 15 лѣтъ мнѣ снова пришлось быть въ томъ городѣ. Я сидѣлъ въ гостяхъ у стараго знакомаго купца и, удивленный его обширными и точными свѣдѣніями о западноевропейскомъ рабочемъ движеніи, поинтересовался узнать, какъ онъ раздобылъ эту премудрость,—вмѣсто отвѣта онъ открылъ ящикъ письменнаго стола и вынулъ мнѣ аккуратно подобранныя и связанныя *всѣ* корреспонденціи Іолоса въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Я встрѣчалъ вырѣзанные, а иногда и наклеенные отчеты о политическихъ процессахъ 70-хъ годовъ съ рѣчами обвиняемыхъ и ихъ защитниковъ. Все это была—книга, тотъ же «Ключъ къ постиженію», тѣ же «Жизнеописанія Плутарха», «Училище Благочестія», «Четьи-Минеи», «Житія».

То не были осознанные классовые интересы, не на почвѣ борьбы за нихъ развертывалось, не въ эту сторону шло общественное движеніе этой оригинальной, маленькой, но значительной по своему вліянію группы приказчиковъ и примыкавшихъ къ нимъ купцовъ, чиновниковъ и другихъ среднихъ элементовъ городской жизни. Не потому, что тогда не проникла туда соціалъ-демократическая книга, — тамъ не было достаточнаго углубленія классовыхъ противорѣчій, не было должныхъ традицій и наростающихъ классовыхъ настроеній. Тамъ были особыя условія быта. Двѣ трети купцовъ того города были владимірцы, бывшіе сами офенями, или дѣти этихъ офеней, осѣвшихъ на привольѣ незанятаго мѣста. И ихъ приказчики, по обычаю владимірцевъ-собирателей Руси, набирались главнымъ образомъ изъ «сродственниковъ» и «свойственниковъ»,—то были: женины племянники, сыновья сватовъ и кумовьевъ, люди со своей стороны, изъ своего уѣзда, изъ одного села. Я зналъ, долго спустя, милліонера въ Сибири, который имѣлъ магазины чуть ли не во всѣхъ сибирскихъ городахъ и который набиралъ армію мальчиковъ, будущихъ приказчиковъ, только изъ своей волости Владимірской губерніи.

Выроставшіе въ приказчиковъ, мальчики часто женились на хозяйскихъ дочкахъ. Отношенія труда и капитала были спутанныя, не научныя. И соціальныя позиціи были не крѣпкія и не устойчивыя. Вывѣски быстро мѣнялись, вчерашній приказчикъ сегодня дѣлался хозяиномъ, а хозяйскій сынъ, братъ, племянникъ былъ на одномъ положеніи съ приказчиками,—жилъ той же жизнью, читалъ ту же книгу, думалъ ту же думу.

Тогдашній человѣкъ читалъ народническую книгу. Эта книга продолжала, безъ перерыва, линію 60-хъ годовъ, — я бы сказалъ: широкую гражданскую линію, — отстаивала личность, свободную отъ цѣпей и путъ, духовныхъ и государственныхъ, — и въ то же время эта книга вела свою, новую линію, линію 70-хъ годовъ— звала къ борьбѣ за духовные и матеріальные интересы трудящагося народа въ его цѣломъ. Въ направленіи этихъ двухъ линій, въ существѣ сливавшихся въ великое цѣлое, и шла работа мысли и чувства ея читателей. Съ книгой входили въ семьи не одни горки, а и новыя чувства, новыя привычки, новый порядокъ жизни. Иначе стояла мебель, по другому украшали люди свое жилище, совсѣмъ иныя отношенія устанавливались къ женѣ, къ дѣтямъ. Было удивительно наблюдать, какъ быстро входили и жены въ этотъ новый тонъ жизни и, можетъ быть, еще удивительнѣе, что ихъ дѣти,—я видалъ ихъ взрослыми, — почти никогда не продолжали отцовскаго дѣла. Мальчики и дѣвочки, не рѣдко за счетъ всякихъ лишеній со стороны родителей, шли въ гимназіи, а потомъ дѣлались докторами, учителями и учительницами, агрономами, третьимъ элементомъ и такъ или иначе устраивались около народнаго дѣла. Читатель той книги дѣлался другимъ человѣкомъ и внѣ семьи. У него складывались иныя отношенія съ хозяиномъ, онъ иначе разговаривалъ съ покупателемъ, у него были другіе жесты, другія манеры, онъ иначе одѣвался. Онъ дѣлался гражданиномъ и, если обстоятельства подпускали его къ общественному дѣлу, становился тѣмъ животворнымъ элементомъ, который сталъ появляться въ городахъ за послѣднія 20 лѣтъ,—въ думахъ, въ просвѣтительныхъ обществахъ.

Измѣнялась мысль людская, прививалась русскому человѣку критика, новое міропониманіе вставало въ немъ. Если бы нужно было опредѣлить главную его черту, назвать его словомъ, я бы сказалъ, что движеніе было глубоко религіозное, если разумѣть подъ этимъ глубокую ломку души, глубокое проникновеніе новыхъ идей въ нравы и обычаи, въ укладъ всей жизни. Движеніе это было революціонное, поскольку оно касалось измѣненія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ существующаго строя и прежде всего поскольку оно совершалось въ рамкахъ русской дѣйствительности, но оно было въ то же время, и, можетъ быть, значительно больше, реформаціей. Люди уходили отъ стараго Рима, они были

люди, «взыскующіе новаго града», книга изгоняла бѣсовъ, старыхъ злыхъ демоновъ рабства, терпѣнія и покорности изъ русскихъ душъ, и, освобожденные отъ старой вѣры, люди перестраивали свою жизнь,—прежде всего свою жизнь!—по новымъ уставамъ, по новой правдѣ. Они всѣ тянули тогда къ народовольческому крылу «Земли и Воли», но они были не столько политической партіей, не столько людьми революціи, сколько людьми реформаціи, собраніемъ новыхъ людей, устанавливающихъ новую жизнь.

Было бы ошибкой чрезмѣрно выдвигать нравственную сторону движенія,—замѣчательно, что толстовская книга, при мнѣ пришедшая въ тотъ городъ, не имѣла никакого успѣха въ средѣ, о которой я пишу,—но мнѣ хотѣлось отмѣтить всю сложность и оригинальность духовной эволюціи тѣхъ людей.

И не только ихъ, а и всего русскаго движенія за послѣднее полустолѣтіе.

Мнѣ приходилось потомъ видѣть приказчиковъ и вообще всякій служилый людъ въ другихъ, болѣе людныхъ центрахъ, приходилось лѣчить «сознательныхъ» рабочихъ, приходилось сталкиваться съ новымъ крестьянствомъ,—на моихъ глазахъ движеніе становилось шире, идеалистическій моментъ выступалъ менѣе, а профессіональный и классовой болѣе ярко, движеніе демократизировалось, но основныя впечатлѣнія, полученныя изъ того далекаго города по существу не измѣнились. Меня поражало и поражаетъ вплоть до послѣдняго времени—я писалъ объ этомъ въ предшествующей книжкѣ «Русскаго Богатства»—глубокое измѣненіе психики людей, нравовъ, обычаевъ, культуры. Прежде, нежели дѣлаться с.-р. и с.-д., обыватели становятся новыми людьми, съ новымъ укладомъ жизни. Рядомъ съ революціей идетъ и реформація.

Такъ же въ существѣ дѣла воспринимала книгу и русская интеллигенція, и такъ же элементъ вѣры и въ указанномъ смыслѣ религіозности привходилъ во всѣ стадіи общественнаго, скажемъ, революціоннаго движенія. Я помню, какъ явилась книга 70-хъ годовъ. Люди прежде всего стали мѣнять свою жизнь по новой вѣрѣ: все для народа и все черезъ народъ. Въ это ученіе вложена была огромная работа мысли, но элементъ вѣры, религіозное настроеніе души присутствовали въ немъ не въ меньшей, если не въ большей степени. Я видѣлъ, какъ явилась книга Толстого, и люди начали опрощаться и уходить въ скиты и прекрасную пустыню. Я помню появленіе соціалъ-демократической книги,—тамъ была переоцѣнка прошлаго, была критика, но и въ этой книгѣ была та же вѣра, та же религіозность, то же, въ существѣ дѣла, служеніе народу, то же апостольство...

Въ этой смѣнѣ различныхъ ученій не было преемственности идей, не было логически развивающейся общественной мысли. Глубокіе овраги, непроходимыя болота раздѣляли отдѣльные періоды, и но-

вая вѣра обыкновенно начинала съ признанія старой вѣры еретическою, съ проклятія ей.

Такъ было и иначе не могло быть,—книга должна была занять именно такое мѣсто въ русской жизни. Безъ дисциплины мысли, безъ привычки къ критикѣ, русскій человѣкъ стоялъ беззащитный передъ книгой, если она отвѣчала на его чувства, на его настроеніе. Философское движеніе 40-хъ и 50-хъ годовъ и замѣчательная эра русскаго критицизма 60-хъ годовъ,—этого начала русской реформаціи и революціи—были слишкомъ коротки, чтобы дать русскому человѣку должную умственную базу, привить ему дисциплину мысли,—и онъ продолжалъ и продолжаетъ читать книгу по-старому и ищетъ въ ней вѣры и въ лучшемъ случаѣ логическаго оправданія своей вѣры. Книга была и есть откровеніе,—не потому одному, что въ Россіи было мало знанія и русскій человѣкъ мало образованъ, а потому, что книга въ Россіи была—все, что только въ ней одной и нигдѣ больше, могъ онъ найти отвѣтъ на запросы души. У насъ не было устнаго слова, у насъ не было трибуны, не было учрежденій, традицій, но была книга, и она, такъ или иначе, совмѣщала въ себѣ все. Такова была логика жизни и она неотразимо дѣйствовала не только на читателя, но и на писателя Если читатель ждалъ непремѣнно отъ книги поученія и проповѣди, то и писатель той же логикой жизни приходилъ неизбѣжно къ поученію и къ проповѣди. Вотъ 50 лѣтъ, какъ, не прерываясь, идутъ въ литературѣ разговоры о законности и нужности чистаго искусства, искусства для искусства. И аргументы выставлялись серьезные и правильные,—но русскіе таланты ломаются и не даютъ того, что они могли бы дать, русскіе беллетристы какъ то быстро впадаютъ въ поученіе, и русская беллетристика, даже въ лицѣ ея представителей съ малыми общественными инстинктами, не могла освободиться отъ ея исконной служебной гражданской роли. Всѣ попытки насадить новое, чистое искусство кончаются неизбѣжной неудачей въ смыслѣ малаго круга читателей и эфемерности ихъ скоропреходящаго существованія.

Такова логика жизни, такъ будетъ и впредь, пока запросы жизни не найдутъ себѣ иного выхода, помимо книги. И вполнѣ въ согласіи съ логикой жизни другая отрасль искусства,—живопись—долго играла ту же служебную роль, давала то же поученіе, можетъ быть, во вредъ художникамъ, въ ущербъ искусству, но такъ было, и это было неизбѣжно.

Заграницей тоже пишется и читается книга. Но кромѣ книги тамъ уже давно есть устное слово, свободная каѳедра, общественная трибуна, парламентъ, избирательныя программы, множество путей, которыми учится западно-европейскій человѣкъ, и книга

давно перестала быть откровеніемъ, учительницей жизни въ той мѣрѣ, въ какой является она въ Россіи. Книга и тамъ возносится высоко надъ людской толпой, но заграничный человѣкъ не такъ раскрываетъ ее и иначе читаетъ. У него есть привычка къ чтенію, за нимъ стоитъ накопленное знаніе, выработанные методы мысли, усвоенный критицизмъ. И тамъ безконечное число книгъ уже прочитано, перечитано, выучено наизусть, и для того, чтобы новая книга заняло свое мѣсто въ жизни, она должна раздвинуть десятки и сотни тысячъ томовъ, тѣсно, вплотную сдвинутыхъ на западно-европейскихъ книжныхъ полкахъ; для того, чтобы новая мысль, заключающаяся въ книгѣ, проникла и заняла мѣсто въ сознаніи людей, она должна пробить огромныя напластованія давняго книжнаго и идейнаго наслѣдства. Книга, быть можетъ, тамъ могущественнѣе въ общественномъ смыслѣ и быстрѣе претворяется въ реальныя нормы жизни, но она имѣетъ меньше власти надъ отдѣльнымъ человѣкомъ. Книга тамъ утратила свой повелительный и религіозный характеръ,—не перестраиваетъ личную жизнь человѣка. И потомъ тамъ книга читалась медленно и постепенно, такъ же, какъ постепенно, со ступеньки на ступеньку, выше и выше поднималась западно-европейская жизнь. Въ свое время обстоятельно прочитана была книга реформаціи, потомъ прочитали книгу политической революціи, теперь медлительно и раздумчиво, въ комфортабельной обстановкѣ, читаютъ книгу, — въ существѣ дѣла не соціальной революціи,—а соціальныхъ реформъ. На русскую книгу легла огромная тяжесть не только единственнаго, но и въ высшей степени многообразнаго учительства, — ей пришлось учить почти одновременно и реформаціи, и политической и соціальной революціи. Въ этомъ огромный залогъ будущаго, — въ смыслѣ идеалистичности и широты перспективъ, и въ этомъ же огромная трагедія русской жизни-слишкомъ велико разстояніе между книгой и жизнью, между тѣмъ, что даетъ общечеловѣческая мысль, и тѣмъ, что дала собственная исторія. Поэтому-то такъ мучительно-трудно справляется Россія съ поставленной передъ нею теперь колоссальной задачей.

Одновременно съ тяжкими потрясеніями въ государственной и хозяйственной жизни происходитъ менѣе замѣтный, но еще болѣе глубокій процессъ въ народномъ быту и въ народной психологіи. Народу приходится одновременно создавать новыя государственныя учрежденія и реформировать частныя свои отношенія, отыскивать новые устои не только для соціальной, но и для душевной своей жизни. Происходитъ смѣна общественныхъ формъ, и въ то же время измѣняются самые люди, ихъ взгляды и вѣрованія, ихъ нравы и обычаи.

Мы, современники, склонны фиксировать наше вниманіе на революціонной сторонѣ движенія и невольно или вольно оставляемъ въ

тѣни ту реформацію, которая полстолѣтія уже идетъ въ Россіи, и которая чревата великими послѣдствіями. Мы измѣряемъ современную дѣйствительность мѣняющимся подъемомъ и упадкомъ революціонной волны, приходимъ въ восторгъ или ввергаемся въ уныніе — и часто вовсе не чаемъ непрерывно идущей и страшно подвинувшейся за послѣдніе два года реформаціи. Мнѣ хотѣлось только сдѣлать эту поправку къ пониманію русской дѣйствительности.

С. Елпатьевскій.

Хроника внутренней жизни.

Есть два пути.—Караси на сушѣ.

Государственныя Думы—бывшія и будущую—я сравнилъ въ прошлый разъ съ блуждающими огнями. Зыбкость русской «конституціонной почвы» и призрачность водруженнаго на ней «парламента» обнаружились 3 іюня съ такою очевидностью, что даже конституціоналисты усомнились въ существованіи конституціи. Въ «блуждающихъ огняхъ» они видѣли, вѣдь, «звѣзды», имъ мерещилось даже солнце. Напомню, какъ они встрѣтили хотя бы вторую Думу.—«Я не вѣрю,—писалъ наканунѣ ея открытія одинъ изъ сотрудниковъ «Рѣчи»—въ революцію, но я вѣрю въ Думу,—въ звѣздочку, которая завтра загорится маленькой-маленькой точкой на темномъ, какъ сама ночь, небѣ и разгорится, въ концѣ концовъ, въ яркое, разгоняющее тьму, свѣтило» *). Но эта звѣздочка, вмѣсто того, чтобы освѣтить и согрѣть русскую землю, сама растворилась во тьмѣ, для чего достаточно было одного дуновенія «исторической власти». И «Рѣчь» послѣ того заявила, что к.-д. партія никогда не раздѣляла «конституціонныхъ иллюзій»...

Не станемъ спорить. Возьмемъ тѣхъ, кто въ конституцію, несомнѣнно, вѣрилъ и заднимъ числомъ отъ этой вѣры не отрекался. Въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ», выходящемъ подъ редакціею кн. Е. Н. Трубецкого, читаемъ: «Послѣ изданія акта 3 іюня въ Россіи конституціи нѣтъ... Нѣтъ точно такъ же и парламента. Дума, созванная по измѣненному актомъ 3 іюня избирательному закону, не можетъ считаться ни юридически, ни фактически выразительницей воли народа» **)...

Такимъ образомъ: была конституція или ея не было, вѣрили

---

*) „Рѣчь“, 20 февраля.

**) „Московскій Еженедѣльникъ“, № 31.

въ нее конституціоналисты или не вѣрили,—во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, по ихъ собственному признанію, ея нѣтъ въ Россіи. Положеніе съ этой стороны вполнѣ выяснилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось бы, должно было исчезнуть и то тактическое разногласіе, которое раздѣлило силы освободительнаго движенія на два лагеря. Въ самомъ дѣлѣ: если конституціи нѣтъ, то надежду найти выходъ конституціоннымъ путемъ приходится считать разбитой. Всѣ стремящіеся къ свободѣ, казалось бы, должны были послѣ этого собраться на одной дорогѣ.

Въ дѣйствительности, однако, такого объединенія «конституціоналистовъ» съ «революціонерами» не произошло и въ ближайшее время, несомнѣнно, не произойдетъ. Напротивъ, можно ожидать, что два лагеря обособятся еще рѣзче. Какъ бы то ни было, въ настоящее время предъ всякимъ, кто пожелалъ бы принять участіе въ освободительномъ движеніи, «есть два пути»... Постараемся всмотрѣться, гдѣ проходитъ и куда ведетъ каждый изъ нихъ.

Конституціоналисты безъ конституціи... На первый взглядъ въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Имѣются вѣдь соціалисты, хотя до соціализма, несомнѣнно, много дальше, чѣмъ до конституціи. Ни въ комъ, однако, эта позиція не вызываетъ недоумѣнія: всѣмъ ясно, что люди идутъ, хотя и далеко, но къ опредѣленной цѣли. Еще яснѣе, казалось бы, линія тѣхъ, кто поставилъ себѣ болѣе близкую задачу.

Но не въ этомъ, конечно,—не въ программномъ—смыслѣ «конституціоналисты» противополагаютъ себя «революціонерамъ». Послѣдніе въ значительной ихъ части тоже ничего не имѣютъ противъ конституціи, и тѣмъ болѣе, противъ демократической конституціи. Они также добиваются незыблемыхъ правовыхъ нормъ, которыя обезпечили бы свободу гражданину и власть народу. Въ программномъ отношеніи конституціоналистовъ, если и можно противополагать, то только абсолютистамъ, отрицающимъ правовой строй, или анархистамъ, отрицающимъ самую государственность. Условно, да и то съ большой натяжкой, поскольку конституція мыслится непремѣнно съ монархомъ, ихъ можно, пожалуй, противополагать еще республиканцамъ. Если же конституціоналисты противопоставляютъ себя революціонерамъ (обыкновенно «справа и слѣва»), то, очевидно, не въ программномъ, а въ тактическомъ отношеніи. Конституція фигурируетъ въ данномъ случаѣ не какъ цѣль, которой нужно еще добиваться, а какъ средство, которымъ можно уже пользоваться.

Само по себѣ это настолько понятно, что я не сталъ бы даже дѣлать оговорки, если бы программный конституціонализмъ не являлся въ затруднительныхъ случаяхъ на выручку къ тактиче-

скому. Чтобы пояснить, какія возможны при этомъ недоразумѣнія, я позволю себѣ сослаться на послѣдній № «Вѣстника Народной Свободы». Въ немъ помѣщена, между прочимъ, статья Влад. Набокова. «Говоря конкретно,—пишетъ онъ,—борьба за существованіе народнаго представительства и за утвержденіе конституціоннаго строя должна стремиться, прежде всего, къ отмѣнѣ того избирательнаго закона, который созданъ внѣконституціоннымъ путемъ и разсчитанъ на полученіе «господской» думы, составленной изъ представителей интересовъ помѣщиковъ и наиболѣе зажиточныхъ классовъ вообще, съ полнымъ оттѣсненіемъ демократическихъ слоевъ населенія. Прежде чѣмъ этотъ Карѳагенъ не будетъ разрушенъ, долгъ демократическихъ партій не будетъ выполненъ. Но само собой разумѣется, что отмѣна закона 3-го іюня не можетъ имѣть цѣлью возвращеніе къ status quo ante. Во главу угла долженъ быть поставленъ избирательный законъ, основанный на всеобщемъ избирательномъ правѣ». Исходя изъ этого, авторъ полагаетъ, что «ближайшей задачей является борьба за проведеніе возможно большаго количества представителей истиннаго демократическаго конституціонализма» въ Думу и что «дальнѣйшая задача будетъ осуществляться уже въ Думѣ, заключаясь въ объединеніи вокругъ конституціонно-демократическихъ идей достаточно вліятельной группы».—«Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ,—говоритъ г. Набоковъ,—окажется сильнѣйшимъ ударомъ для реакціонныхъ вожделѣній, которыя лишатся послѣдней нравственной опоры» *). Теперь спрашивается: кого же именно авторъ желаетъ провести въ Думу въ качествѣ «представителей истиннаго демократическаго конституціонализма» и объединить «вокругъ конституціонно-демократическихъ идей въ достаточно вліятельную группу»? Судя по цѣли, которую онъ ставитъ, можно бы думать, что въ данномъ случаѣ имѣются въ виду всѣ, кто искренно стремится къ демократической конституціи,—тѣмъ болѣе, что «успѣхъ» г. Набоковъ видитъ прежде всего въ нравственномъ ударѣ, который можно такимъ путемъ нанести реакціоннымъ вожделѣніямъ. Въ дѣйствительности, однако, какъ мы знаемъ изъ другого партійнаго оффиціоза, присутствіе въ Думѣ наиболѣе послѣдовательныхъ сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права и наиболѣе рѣшительныхъ противниковъ современнаго «Карѳагена», к.-д. лидеры считаютъ совершенно излишнимъ.—«Крайнимъ лѣвымъ партіямъ,—давно уже заявила «Рѣчь»,—въ Думѣ нечего дѣлать».—«Партіи, которыя не разсчитываютъ на успѣхъ въ парламентской борьбѣ, которыя, напротивъ, цѣлью своей думской дѣятельности ставятъ—показать безсиліе Думы, и центръ тяжести своей дѣятельности переносятъ въ внѣпарламентскую борьбу, поступили бы,—по мнѣнію газеты,—послѣдовательно, если бы

*) „Вѣстникъ Народной Свободы“, № 31—32.

отказались отъ участія въ думской работѣ» *). Такимъ образомъ, к.-д. не только не считаютъ нужнымъ проводить крайнихъ лѣвыхъ въ Думу, но и находятъ еще, что тѣ сами должны отказаться отъ желанія попасть въ нее. И г. Набоковъ въ своей статьѣ подъ «представителями истиннаго демократическаго конституціонализма», несомнѣнно, разумѣетъ просто-на-просто представителей конституціонно-демократической партіи, самое большее—съ примыкающими къ ней, во всякомъ случаѣ, только тѣхъ, кто считаетъ возможнымъ выполнить свой «демократическій долгъ» не иначе, какъ при помощи «Карѳагена» и только одного «Карѳагена». Если же «господская» Дума сама себя разрушить не захочетъ, то... впрочемъ, къ этому мнѣ еще придется вернуться. Сейчасъ же для меня достаточно было показать, какъ программный конституціонализмъ въ основной посылкѣ незамѣтно, — быть можетъ, даже для самого автора,—уступилъ мѣсто тактическому конституціонализму въ конечномъ выводѣ, и какое могло бы получиться при этомъ qui pro quo, если бы мнѣнія к.-д. лидеровъ насчетъ желательнаго состава Думы намъ не были извѣстны заранѣе.

Подобныя же недоразумѣнія, несомнѣнно, возможны и на счетъ «демократизма». Остановиться на нихъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ, что этотъ терминъ, какъ мы только что видѣли, нерѣдко употребляется въ слитномъ видѣ съ «конституціонализмомъ». Подобно послѣднему, демократизмъ можетъ играть разную роль въ опредѣленіи партійной позиціи: онъ можетъ указывать и цѣль и путь партіи. Возьмемъ хотя бы ту же к.-д. партію. Тактику ея можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать «конституціонной», но едва ли даже сами к.-д. назовутъ ее «демократической». «Рѣчь» какъ-то призналась, что организаціонныя связи партіи съ трудовыми массами въ силу чисто внѣшнихъ условій слабы. Ея демократизмъ главною своею частью лежитъ, такъ сказать, въ будущемъ. Признавая всю силу этихъ внѣшнихъ условій, мѣшающихъ партіи развернуться, какъ она желала бы, мы въ своемъ скептическомъ отношеніи къ ея демократизму въ смыслѣ тактики склонны идти еще дальше. Намъ кажется, что внутреннія тенденціи этой тактики сводятся къ тому, чтобы выполнить дѣло народа безъ его участія.

Отношенія к.-д. партіи къ третьей, къ «господской» Думѣ вскрываютъ это съ особою наглядностью. Для того, чтобы образовать въ ней «вліятельную группу»—вліятельную въ народномъ смыслѣ,—казалось бы, есть только одно средство, а именно «перенести центръ тяжести во внѣпарламентскую борьбу», — туда, гдѣ остался народъ, за думскія стѣны. Между тѣмъ, этого именно не только не желаетъ, но и прямо боится к.-д. партія. «Народныя» цѣли въ извѣстномъ смыслѣ имѣются въ ея программѣ, но эти цѣли партія разсчитываетъ осуществить исключительно при помощи «господской» Думы.

«Конституціонно-демократическая» партія... Я не знаю, какое содержаніе вкладывалось въ это названіе при учрежденіи партіи; не освѣдомленъ я и насчетъ того, какой смыслъ имѣетъ этотъ гро-

*) „Рѣчь", 4-го іюля.

моздкій терминъ на его родинѣ, каковой является, повидимому, Болгарія. Помню, что въ 1905 году, когда возникла к.-д. партія, ея названіе поражало своею неуклюжестью и ненужною, какъ тогда казалось, длиннотою. Въ то время общественное вниманіе почти цѣликомъ привлекали къ себѣ программные вопросы,—и по программнымъ, главнымъ образомъ, признакамъ различались политическія партіи. Съ этой точки зрѣнія представлялось совершенно непонятнымъ, для чего понадобилось къ слову «демократическая» прибавить еще «конституціонная». Въ сущности, вѣдь это значило: «тѣхъ же щей, да пожиже влей». Проницательные читатели въ этой прибавкѣ увидѣли желаніе партіи подчеркнуть свой монархизмъ. Эта догадка и дала поводъ противополагать конституціоналистовъ республиканцамъ, о чемъ я упомянулъ выше.

Послѣ того жизнь наполнила своимъ собственнымъ содержаніемъ, по крайней мѣрѣ, одно изъ двухъ словъ, входящимъ въ названіе партіи. Послѣдняя настолько усиленно подчеркивала, особенно за послѣдній годъ, свою «конституціонность», что не только другіе, но и она сама, повидимому, стала забывать иногда про свою «демократичность». Въ этомъ нельзя видѣть какого-либо сознательнаго умысла. Обстоятельства сложились такъ, что партія волей-неволей должна была выставить конституціонность, какъ наиболѣе характерную, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе замѣтную въ данный моментъ черту своей физіономіи.

Послѣ программныхъ формулировокъ, чѣмъ по преимуществу интересовалась публика въ 1905 году, наступила полоса тактическихъ изысканій. Всѣ партіи перенесли удареніе въ своей агитаціи съ программы на тактику. Соціалисты-революціонеры, напримѣръ, имѣвшіе раньше главный успѣхъ благодаря своей аграрной программѣ и энергично подчеркивавшіе въ связи съ этимъ свой соціализмъ, стали выдвигать на первый планъ «активныя выступленія» и болѣе сильно, чѣмъ прежде, подчеркивать въ этомъ смыслѣ свою революціонность. У соціалъ-демократовъ и въ ихъ внутреннихъ распряхъ, и въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ тактика совсѣмъ почти заслонила программу. Возникла, далѣе, новая партія, которая сочла возможнымъ выступить на политическую арену съ однимъ лишь тактическимъ лозунгомъ и, взявъ за таковой «миръ», всецѣло подчинила ему «обновленіе». Напомню, съ другой стороны, выдвинувшихся за это время максималистовъ, которыхъ всѣ знаютъ по ихъ тактикѣ, и которыми мало кто интересовался съ точки зрѣнія ихъ программы. Возникновеніе народно-соціалистической партіи было обусловлено болѣе сложными причинами, но и среди нихъ вопросы тактики сыграли въ конечномъ счетѣ, быть можетъ, главную роль. Въ этотъ же періодъ и к.-д. партія стала усиленно подчеркивать первую часть своего названія. Демократизмъ ея такъ и остается пока въ туманной дали программнаго будущаго, но конституціонность была выдвинута на самый первый планъ въ качествѣ очередного и незамѣнимаго тактическаго средства.

Въ самомъ началѣ я привелъ утвержденіе «Рѣчи», что к.-д. партія никогда не раздѣляла конституціонныхъ иллюзій. Повидимому, въ этомъ есть какое-то недоразумѣніе. И въ «Русскомъ

Богатствѣ» и въ «Народно-соціалистическомъ Обозрѣніи» намъ пришлось не мало воевать съ этими иллюзіями, которыя усердно поддерживала именно к.-д. партія. Мнѣ лично эта полемика особенно памятна: въ окружномъ судѣ за мною до сихъ поръ числится дѣло о «Конституціонной почвѣ» *), оперируя на которой к.-д. партія считала возможнымъ добыть народу свободу. Намъ приходилось тогда доказывать, что это—не твердая почва, а трясина, полная всякой нечисти. . Но оставимъ прошлое: съ насъ достаточно настоящаго и будущаго. Возьмемъ фактъ такъ, какъ онъ есть. Его я уже констатировалъ: конституціоналисты безъ конституціи.

Признаюсь, что эта позиція представляется мнѣ чѣмъ то въ родѣ положенія рыбъ на сушѣ. «Рѣчь» въ нѣсколькихъ статьяхъ пыталась доказать потомъ, что въ этомъ положеніи нѣтъ ничего ненормальнаго. Я внимательно слѣдилъ за этими статьями: вмѣсто основного богословія все время получалось обличительное. Нужно было доказать, что караси могутъ плыть по сушѣ, а газета доказывала, что свиньи только купаются въ грязи, но не плаваютъ. Ея аргументація неизмѣнно каждый разъ упиралась въ октябристовъ. Октябристы—тѣ только прикидываются конституціоналистами; въ дѣйствительности же, какъ указалъ кн. Трубецкой, это «партія послѣдняго правительственнаго распоряженія». Изъ этого читателю предоставлялось, повидимому, сдѣлать тотъ выводъ, что подлинные конституціоналисты должны остаться таковыми на зло правительству, отмѣнившему конституцію, хотя остаться на зло—въ данномъ случаѣ значило въ сущности подчиниться послѣднему правительственному распоряженію. — Октябристы — говорилось въ другой статьѣ—«потеряли свой документъ», т. е. хартію 17 октября и теперь, какъ справедливо указалъ кн. Трубецкой, «живутъ безъ паспорта». Изъ этого, повидимому, слѣдовалъ тотъ выводъ, что подлинные конституціоналисты могутъ обходиться и безъ конституціи. Вообще аргументація газеты была такова, что невольно приходила въ голову мысль, не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ извѣстнымъ тактическимъ пріемомъ,—съ тѣмъ именно пріемомъ, въ употребленіи котораго въ прошломъ году, если не измѣняетъ мнѣ память, та же самая «Рѣчь« изобличила октябристовъ. Въ тактическомъ руководствѣ «истинно-конституціонныхъ» партій, какъ тогда выяснилось, имѣется такое правило: если ты чувствуешь въ чемъ-либо свою слабость, то громогласно обвиняй въ ней другихъ; тогда всѣ будутъ думать, что ты самъ въ этомъ грѣхѣ не повиненъ...

Минуя поэтому аргументацію, которая должна была бы раціонализировать вѣроученіе конституціоналистовъ, перейдемъ прямо къ его догматикѣ. Что значитъ быть конституціоналистомъ безъ конституціи? Во что должны увѣровать язычники? Для краткости я опущу ту часть проповѣди, которая сводится къ слову: «покайтеся»! Грѣховность революціонеровъ извѣстна. Приведу только суть, начну прямо со словъ: «а я говорю вамъ»...

*) Такъ озаглавлена инкриминированная мнѣ, какъ издателю, статья Петрищева въ сборникѣ IX-мъ Народно-соціалистическаго Обозрѣнія.

Черезъ мѣсяцъ послѣ «государственнаго переворота» «Рѣчь» обратилась ко всѣмъ революціонерамъ справа и слѣва съ «вполнѣ умѣстнымъ приглашеніемъ: ограничиться борьбой въ предѣлахъ существующаго права».—«Всякое неисполненіе этого условія—говорила газета — несомнѣнно подвергаетъ опасности самое существованіе народнаго представительства... Конституція можетъ существовать только тамъ, гдѣ главныя партіи страны соглашаются бороться на почвѣ конституціи» *).

Оставимъ пока въ сторонѣ это условіе, кто долженъ «согласиться»... Посмотримъ сначала, что это значитъ «бороться въ предѣлахъ существующаго права».—«Стоять на почвѣ существующаго государственнаго права—пояснено въ той же статьѣ—не значитъ отказаться отъ его измѣненія, но значитъ—бороться за это примѣненіе въ предѣлахъ существующаго закона тѣми средствами, какія даетъ законъ».—Дальше идутъ поучительные примѣры: Либкнехтъ, боровшійся съ Мостомъ,—для соціалистовъ, и «пятеро», боровшіеся съ Наполеономъ,—для республиканцевъ.—«Къ сожалѣнію, — читаемъ вслѣдъ за этимъ въ газетѣ — наши партіи, стремящіяся къ измѣненію существующаго строя, хотятъ совмѣстить парламентскіе пріемы борьбы съ пріемами внѣпарламентскими. Это вѣрно и относительно тѣхъ, кто стремится къ возстановленію самодержавія, и относительно тѣхъ, кто хочетъ торжества народовластія...»

Въ своихъ «сожалѣніяхъ» газета, несомнѣнно, проявила нѣкоторую неумѣренность и, огульно осудивъ внѣпарламентскіе пріемы борьбы, ограничила «конституціонную почву» болѣе тѣсными предѣлами, чѣмъ «существующее право». Забастовки, напримѣръ, хотя бы только въ промышленной области, казалось бы, слѣдовало отнести къ «тѣмъ средствамъ, какія даетъ законъ». Съ другой стороны, придворныя вліянія и даже ходатайства объединенныхъ дворянскихъ обществъ, несомнѣнно, не выходятъ за «предѣлы существующаго закона». Стало быть, если бы всѣ даже согласились «бороться на почвѣ конституціи», внѣпарламентскіе пріемы могутъ и, конечно будутъ практиковаться...

Суть, во всякомъ случаѣ, ясна: быть конституціоналистомъ—это значитъ бороться только законными средствами. Жаль, что к.-д. партія своевременно не вставила этого въ свой уставъ. Сколько помнится, однимъ изъ главныхъ препятствій для ея легализаціи послужило то обстоятельство, что неизвѣстно было, какими средствами она намѣрена добиваться осуществленія своихъ цѣлей. Если бы она вставила тогда нужное поясненіе, то хотя бы одна изъ оппозиціонныхъ партій, быть можетъ, была бы легализирована, и мы имѣли бы теперь наглядное доказательство того, что «стоять на почвѣ существующаго государственнаго права не значитъ отказаться отъ его измѣненія»... Боюсь однако, что к.-д. партія въ ея цѣломъ не на столько еще «конституціонна», чтобы вмѣстѣ съ «Рѣчью» усвоить только что изложенную теорію конституціонализма. Позволю себѣ напомнить нѣкоторыя мелочи изъ прошлаго и современности.

К.-д. партія, какъ таковая, возникла уже послѣ того, какъ въ

*) „Рѣчь". 4 іюля.

Россіи появилась «конституція»,—послѣ 6 августа 1905 года, почти одновременно съ появленіемъ «документа», который потеряли потомъ октябристы. Но исторія ея начинается раньше. Свое происхожденіе она ведетъ отъ союза освобожденцевъ и земцевъ, конституціоналистовъ и въ свою исторію заноситъ ихъ прошлое. Мнѣ хотѣлось бы заглянуть въ то время, когда были конституціоналисты, но не было «конституціи» даже въ ковычкахъ. Дѣйствительно ли конституціоналисты пользовались тогда только «законными» средствами? Не были ли они, какъ и иные прочіе, «революціонерами»?

Я помню, какъ освобожденцы транспортировали изъ-за границы, хранили и распространяли свою литературу съ нарушеніемъ такихъ-то и такихъ-то статей уголовнаго уложенія. Припоминается мнѣ и то, какъ даже земцы-конституціоналисты отказались въ Москвѣ подчиниться «законному» распоряженію полиціи, и это былъ едва ли не самый яркій эпизодъ изъ исторіи ихъ «борьбы» за измѣненіе существующаго права. Можно было бы припомнить и другіе факты, но я боюсь черезчуръ много занести въ формуляръ теперешней к.-д. партіи. Ея лидеры и безъ того черезчуръ охотно приписываютъ ея всякія заслуги изъ доисторическаго для нея времени и еще недавно внесли въ ея активъ учрежденіе крестьянскаго союза...

Заглянемъ лучше въ исторію самой партіи, а не ея предшественниковъ. Напомню выборгское воззваніе... Не въ немъ суть,—само по себѣ оно было ошибкой, уже признанной и осужденной партійными дѣятелями. Я хочу напомнить другое: отказываясь отъ выборгскаго воззванія, партійный съѣздъ призналъ «пассивное сопротивленіе» конституціоннымъ средствомъ. Тогда приходилось удивляться, почему активная защита конституціи была выброшена изъ конституціоннаго арсенала. Теперь приходится спрашивать, въ предѣлахъ какого «существующаго закона» можно найти пассивное сопротивленіе?

Возьмемъ современность. Нѣкоторые губернаторы начали привлекать к.-д. комитеты по 124 ст. уголовнаго уложенія. Можно, конечно, такія дѣйствія губернаторовъ находить, какъ нашли «Русскія Вѣдомости», незаконными. Не по той статьѣ привлекаютъ губернаторы. Допустимъ, что статью слѣдовало бы подъискать менѣе грозную, но вѣдь фактъ тотъ, что такую статью въ «существующемъ законѣ» найти можно. Не воображаетъ же въ самомъ дѣлѣ к.-д. партія, что она существуетъ «на законномъ основаніи»? И если бы она убѣдилась, что для блага Россіи нужно дѣйствовать только законными средствами, то первое, что она должна была бы сдѣлать, это—распустить себя, какъ незаконное сообщество.

Я понимаю теорію «законности» и обязательность ея для конституціоналистовъ. Я вижу извѣстный raison d'etre въ этой теоріи, но только при наличности... конституціи. Если же конституціи нѣтъ, если — какъ говорится въ одной изъ пословицъ — «законъ что дышло, куда повернулъ, туда и вышло», то на одной законности далеко не уѣдешь. Если это «дышло» находится въ рукахъ тѣхъ, съ которыми вы намѣрены бороться, то, вставъ исключи-

тельно на «конституціонную почву», вы должны будете въ концѣ-концовъ, быть можетъ, вовсе отказаться отъ борьбы «за измѣненіе существующаго права». Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы думаете, что дубину, которою васъ бьютъ, передадутъ вамъ изъ рукъ въ руки? На законномъ основаніи... На этомъ самомъ основаніи вамъ пропишутъ такой законъ, что борьба даже законными средствами сдѣлается незаконной. И прописали уже. Достаточно напомнить хотя бы обязательныя постановленія, воспрещающія печатаніе «статей, враждебныхъ правительству»...

Мнѣ не хотѣлось бы повторяться, но во избѣжаніе недоразумѣній я воспроизведу все таки оговорки, которыя мнѣ приходилось уже дѣлать. Я отнюдь не являюсь противникомъ такъ называемыхъ легальныхъ средствъ борьбы. Отказъ въ общественной дѣятельности отъ всѣхъ законныхъ формъ—какъ бы отрицательно вы ни относились къ самому закону и охраняемому имъ строю—представляется мнѣ не только не цѣлесообразнымъ, но и фактически неосуществимымъ. «Революціонныя» организаціи не только могутъ, но и должны, какъ я думаю, использовать всѣ правомѣрныя формы борьбы съ существующимъ строемъ. Эти формы между прочимъ потому особенно важны, что даютъ возможность крайне важныхъ для политической партіи открытыхъ дѣйствій, каковыя наперекоръ закону для нея не всегда посильны. Больше того: въ осуществленіи своего права, въ отстаиваньи уже занятыхъ, хотя бы не совсѣмъ удобныхъ, позицій, разъ имъ угрожаетъ опасность, можетъ быть даже заслуга *)... Въ настоящій разъ, какъ и годъ тому назадъ, мнѣ хотѣлось лишь указать на невозможность для политической партіи заранѣе ограничивать себя чертою легальности, въ особенности въ наши дни, когда закономѣрность ни больше, ни меньше, какъ нѣкоторая случайность, которою можно и должно пользоваться, но на которой нельзя строить какихъ либо плановъ **).

Но, можетъ быть, «Рѣчь» понимаетъ законность нѣсколько иначе Можно, вѣдь, даже законы признавать незаконными. Я знаю, что такой случай предусматривается теоріей конституціоннаго права. Но примемъ во вниманіе факты, самые свѣжіе факты. Усумнилась ли хотя бы та же самая «Рѣчь», что изданное 13 іюня положеніе о выборахъ есть законъ, самый настоящій законъ? И если бы она усумнилась, то какими «законными» способами могла бы она защищать свои взгляды? Гдѣ тотъ судъ, къ которому она могла бы обратиться за возстановленіемъ попранной законности?

Законъ въ Россіи въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо есть продуктъ силы, а не права. Да и гдѣ тѣ «предѣлы существующаго государственнаго права», которые «Рѣчь» отождествляетъ съ «предѣлами существующаго закона»? Статья «Рѣчи», которую я цитировалъ, появилась въ ней, какъ я уже сказалъ, ровно мѣсяцъ спустя послѣ манифеста 3 іюня. Казалось бы, въ памяти должно было сохраниться то, что въ немъ на этотъ счетъ было сказано.

Предѣлы права одной изъ сторонъ тамъ были опредѣлены вполнѣ точно: они оказались доходящими до самого Господа Бога. Гдѣ

*) См. «Хронику внутренней жизни», Р. Б., іюль 1906 г.

**) См. «Хронику внутренней жизни», Р. Б., сентябрь 1906 г.

же будутъ оперировать конституціоналисты со своимъ правомъ? Вѣдь даже для «листа бумаги» не осталось мѣста, даже его выбросили, а если не совсѣмъ выбросили, то настолько повредили, что не много отъ него осталось.

Желая пояснить, что такое «существующее государственное право», «Рѣчь» обѣщала посвятить этому вопросу особую статью. На слѣдующій день, мы дѣйствительно нашли въ газетѣ нѣкоторыя указанія, какъ отыскать предѣлы этого права. Оказывается, что для этого нужно только допустить «двѣ условности».—«Во первыхъ, мы забудемъ—говорила газета 5 іюля—о томъ, что было 3 іюня». «Вторая условность, которую мы допустимъ въ нашемъ разсужденіи, будетъ та, что мы примемъ существующее государственное право за окончательное, не находящееся въ процессѣ измѣненія ни въ смыслѣ расширенія, ни въ смыслѣ суженія сдѣланныхъ властью уступокъ».—Тогда окажется, что «помимо опредѣленной законами власти государя, принадлежащей ему нераздѣльно, плюсъ та, которая принадлежитъ ему въ единеніи съ другими органами законодательной власти», никакой другой власти нѣтъ. Тогда ясно будетъ, что въ существующемъ государственномъ правѣ имѣется кое-что и на нашу долю. Что касается представленія, что у государя «есть еще какая-то сверхъ-власть, какой-то сверхъ-юридическій ирраціональный придатокъ историческаго происхожденія и характера», то это только «иллюзія». И «эту важную аберрацію» к.-д. публицисты берутся разрушить...

Законными средствами... Однимъ словомъ, стоитъ лишь встать на почву «существующаго закона», на каковой почвѣ возведены только что приведенныя замысловатыя построенія, и самодержавіе окажется иллюзіей, а конституція — фактомъ. Но мы уже условились, что конституціи нѣтъ, и допускать новыя «условности» намъ неудобно. Поэтому, чтобы уяснить себѣ предѣлы существующаго государственнаго права съ конституціонной точки зрѣнія, обратимся къ другимъ «конституціоналистамъ».

И я думаю, что цитированный уже мною сотрудникъ «Московскаго Еженедѣльника» несравненно проще, чѣмъ к.-д. оффиціозъ, смотритъ и гораздо яснѣе его видитъ, что представляетъ изъ себя русское государственное право въ настоящее время.—«Русское правительство и русскій народъ—говоритъ онъ—рѣдко были друзьями, чаще они находились во взаимной враждѣ, въ послѣднее же время пассивное состояніе вражды, [illegible] произошелъ полный разрывъ отн[illegible] [illegible]чные законы 23 ап[illegible]

Понятно, и народъ тѣмъ самымъ вынуждается перейти на ту же почву...»

Была ли до 3 іюня нейтральная полоса или это была только иллюзія, какъ я уже сказалъ, сейчасъ для насъ это безразлично. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время есть «фактъ» и нѣтъ «права»; осуществлять послѣднее приходится фактически, не полагаясь на юридическія нормы. И вотъ, когда это обнаружилось съ полною очевидностью, конституціоналисты приглашаютъ насъ остаться «на почвѣ существующаго государственнаго права», по скольку таковое умѣщается въ «предѣлахъ существующаго закона...»

Зачѣмъ? Чтобы выплыть на волю... Но это сдѣлать такъ же трудно, какъ и рыбѣ, оказавшейся на сушѣ, уйти въ океанъ, дѣйствуя своими лишь плавниками. Послѣдніе хороши лишь въ водномъ просторѣ...

Я долженъ вернуться къ вопросамъ, которые поставлены были мною выше. Что, въ самомъ дѣлѣ, предпримутъ «конституціоналисты» со своими исключительно парламентскими пріемами, если «господская» Дума откажется себя разрушить и уступить свое мѣсто Думѣ «народной»? Допустимъ даже, что она на это согласится... Что предпримутъ «конституціоналисты», если непремѣнное условіе, указанное «Рѣчью», останется не выполненнымъ, а именно «главныя партіи» не согласятся бороться исключительно парламентскими пріемами и, на ряду съ борьбою въ Думѣ, предпримутъ нѣкоторые внѣпарламентскіе шаги, хотя бы въ формѣ всеподданнѣйшихъ моленій?

Эти возможности «конституціоналисты», несомнѣнно, предвидятъ. И у нихъ уже заготовлено на этотъ случай «конституціонное» средство: они умоютъ свои руки... Борьбу въ Думѣ они разсматриваютъ, какъ «послѣднюю попытку».—«Пока еще есть,—пишетъ г. Алексѣевъ въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ»,—хотя и изуродованная, Дума, и не потеряна совершенно надежда на проведеніе въ нее поборниковъ народныхъ правъ и свободы, оппозиція должна сдѣлать попытку вернуть народу мирнымъ [illegible]

политическая партія въ тотъ самый моментъ, когда насъ, какъ карасей, положатъ на сковороду, то... картина, вѣдь, будетъ другая. И я думаю, что въ данномъ случаѣ болѣе умѣстенъ тотъ образъ, на который я позволилъ себѣ намекнуть выше. Партія, которая въ этотъ моментъ просто-на-просто посторонится, поступитъ по отношенію къ народу въ сущности такъ же, какъ Пилатъ по отношенію къ Іисусу...

Мы видѣли, гдѣ проходитъ путь, который избрали себѣ «конституціоналисты»—онъ проходитъ въ предѣлахъ не существующаго права. Куда онъ ведетъ? Говорятъ, что къ народной свободѣ. Но послѣ только что слышаннаго мы въ правѣ усумниться. Для того, чтобы дойти до свободы, нужно много рѣшимости и недостаточно для этого одной готовности въ критическую минуту посторониться.

«Народная свобода» въ дѣйствительности отодвинулась у «конституціоналистовъ» въ совсѣмъ невидную даль будущаго. Въ настоящее время они ставятъ себѣ, повидимому, совсѣмъ другія цѣли. Впрочемъ, намъ не зачѣмъ это угадывать,—мы имѣемъ прямыя на этотъ счетъ съ ихъ стороны признанія.

— «Мы хотѣли бы,—говоритъ «Рѣчь»,—чтобы люди, серьезно ломающіе себѣ голову надъ тѣмъ, находимся ли мы теперь въ 1847-мъ или въ 1849-мъ году, лучше припомнили болѣе близкую къ намъ историческую параллель... Въ нашихъ русскихъ «шестидесятыхъ» годахъ тоже было конституціонное теченіе, которое имѣло шансы на побѣду, пока оппозиція была едина, и было потомъ затерто въ схваткѣ между «чернымъ» и «краснымъ». Чернымъ оно казалось недостаточно «монархическимъ», краснымъ — недостаточнымъ «демократическимъ». Оппозиція, единая въ 1859-мъ году, раскололась въ 1863-мъ и была разбита по одиночкѣ. То же грозитъ и намъ, если «конституціонныя иллюзіи» нашего поколѣнія подвергнутся одновременному обстрѣлу справа и слѣва. Когда два года тому назадъ мы говорили объ этой опасности, опасенія наши казались чѣмъ-то весьма нереальнымъ. Теперь, когда половина ихъ сбылась, намъ кажется пора было бы разъединившейся оппозиціи послѣдовать примѣру «соединеннаго дворянства» и стать дружно на защиту остального, отложивъ новыя завоеванія до болѣе удобнаго времени» *).

Эти строки писалъ, быть можетъ, историкъ,—вѣроятно, даже такой авторитетный, какъ П. Н. Милюковъ **). Вносить какія-либо поправки въ самые факты я, въ качествѣ профана, конечно, не осмѣлюсь. Но и за всѣмъ тѣмъ позволю себѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе. Историческія параллели, казалось бы, нужно было проводить съ большею осторожностью и превращать ихъ въ историческіе уроки слѣдовало бы съ большею осмотрительностью. Напомню, хотя бы то, что въ 60-хъ годахъ у оппозиціи не было, какъ теперь, выбора: держаться ли ей ближе къ народу или къ правитель-

*) «Рѣчь», 12 августа.

**) Высказывая это предположеніе, я имѣю въ виду слова: «два года тому назадъ мы говорили». «Рѣчи» и даже к.-д. партіи тогда еще не было. П. Н. Милюковъ же дѣйствительно «говорилъ». Но если мы въ то время — между 6 августа и 17 октября 1905 г. — его послушались бы, то едва ли бы у насъ оставалось теперь больше.

ству. Движущагося народа тогда не было, была лишь горсточка кающихся дворянъ и разночинцевъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, какъ я думаю, остается еще вопросъ, кто больше въ конечномъ счетѣ подвинулъ насъ къ конституціи: Милютины (объ Унковскихъ даже не говорю) или Чернышевскіе,—тѣ ли, которые вступили въ сотрудничество или тѣ, которые остались на принципіальной позиціи...

Впрочемъ, для насъ важна не посылка, а выводъ. Послѣдній же совершенно ясенъ. Движеніе впередъ к.-д. партія откладываетъ «до болѣе удобнаго времени». Сейчасъ же она желаетъ стоять на стражѣ того, что осталось. Но что же осталось?

Осталось «представительство». Лозунгъ «беречь Думу» смѣнился теперь новымъ: «беречь представительство». «Рѣчь» то и дѣло возвращается къ угрожающей ему опасности; повидимому, ей кажется, что она одна только эту «опасность» и видитъ. Но мнѣ кажется, что всѣ другіе видятъ ее еще яснѣе.

Можно ли въ самомъ дѣлѣ сохранить это «остальное» даже при к.-д. тактикѣ? Вѣдь если Дума будетъ черносотенная, то она сама уничтожитъ представительство. Если Дума будетъ оппозиціонная, то представительство будетъ уничтожено властью. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, она будетъ терпѣть нравственные «удары», которые собирается, какъ мы видѣли, наносить ей к.-д. партія. Сама «Рѣчь» передаетъ, что въ правительственныхъ кругахъ все больше и больше крѣпнетъ убѣжденіе, что пора «кончить комедію». Логика вещей такова, что реакція не можетъ остановиться и, если ее ничто не остановитъ извнѣ, то она дойдетъ до конца, который неизбѣжно окажется роковымъ для правительства. Приходится даже бояться, чтобы онъ не оказался роковымъ для Россіи. Въ прошлый разъ мы видѣли, какъ реакція разбиваетъ одну за другою всѣ созданныя даже ею самою государственныя формы. Предоставленная самой себѣ, она несомнѣнно разобьетъ и послѣднее твореніе рукъ своихъ — избирательный законъ 3 іюня. Если ограничиться, какъ это намѣрена сдѣлать к.-д. партія, исключительно парламентскими пріемами, т. е. оставить «представительство» наединѣ съ «историческою властью», то это, быть можетъ, самый вѣрный путь, чтобы потерять «остальное».

Вполнѣ возможно, конечно, что послѣ «комедіи» будетъ разъигранъ еще какой-нибудь «водевиль», или будетъ предложено публикѣ что-нибудь въ родѣ дивертисмента. Можетъ быть, будетъ созванъ земскій соборъ по истинно-русскому рецепту; можетъ быть, власть предпочтетъ «однопалатную систему представительства» въ формѣ нынѣшняго государственнаго совѣта; можетъ быть, будутъ созваны свѣдущіе люди въ качествѣ совѣтниковъ при диктаторѣ... Трудно предусмотрѣть, какъ поступятъ въ этихъ случаяхъ «конституціоналисты». Можетъ быть, они явились для того лишь, чтобы прослушать серьезную комедію, и послѣ третьяго акта начнутъ разъѣзжаться; можетъ быть, они найдутъ, что возможность думской борьбы еще не исчерпана, что не всѣ еще пути отрѣзаны, что торжество реакціи еще не окончательно,—и будутъ продолжать свою «послѣднюю попытку». Вѣроятнѣе, конечно, послѣднее. Политика—слишкомъ засасывающая штука, — и нѣтъ ничего мудренаго, что въ погонѣ за «блуждающими огнями» конституціоналисты все больше

будутъ увязать въ болотѣ и даже пропустятъ моментъ, когда они намѣревались «умыть руки»...

Допустимъ однако, что имъ удастся сохранить «остальное», т. е. представительство 3 іюня. Можно, пожалуй, понять психологію людей, сознательно ограничивающихъ этимъ свои задачи. Припомнимъ лирическое изліяніе: «я не вѣрю въ революцію»... Разъ люди не вѣрятъ, то не остается, конечно, ничего другого, какъ «отложить новыя завоеванія до болѣе удобнаго времени». Но, потерявъ надежду на большее, хочется, конечно, сохранить хотя бы то, что осталось. Въ самомъ дѣлѣ: представительство даже по закону 3 іюня лучше безпросвѣтнаго абсолютизма; даже государственный совѣтъ можетъ показаться лучемъ свѣта сравнительно съ царившимъ прежде мракомъ безконтрольнаго хозяйничанья. Пусть Дума будетъ «господская»... Но, вѣдь, улягутся же страсти, и звѣри опять примутъ человѣчье обличье... И при томъ страшны, вѣдь, разъяренные звѣри, а потомъ они уйдутъ въ свои берлоги. Гдѣ же этимъ «зубрамъ» удержать въ своихъ рукахъ общественное дѣло... Хозяевами въ «господской» Думѣ, какъ и въ «дворянскомъ» земствѣ, будутъ, конечно, «земцы-конституціоналисты». И сколько еще добра эти просвѣщенные люди сдѣлаютъ для Россіи! Тѣмъ временемъ общество оправится, окрѣпнетъ, сорганизуется... Въ его распоряженіи будетъ имѣться готовый аппаратъ, при помощи котораго ему не трудно будетъ произвести на власть нравственное давленіе. Новый шагъ къ свободѣ заранѣе, такимъ образомъ, обезпеченъ. Медленнѣе, быть можетъ, чѣмъ мы думали полгода тому назадъ, но эта маленькая-маленькая точка «разгорится въ концѣ концовъ въ яркое, разгоняющее тьму, свѣтило»...

Какъ знакома намъ эта тактика! Сорокъ, вѣдь, лѣтъ россійскіе обыватели шли по этой самой дорогѣ, сорокъ лѣтъ они «стояли на защитѣ» того, что осталось отъ «эпохи великихъ реформъ». Берегли земство—даже дворянское, берегли судъ—даже муравьевскій; берегли точно такъ же, какъ потомъ берегли Думу — даже безсильную, и какъ теперь собираются беречь представительство— даже господское. И все это время царила увѣренность, что стѣны у насъ есть, что остается только «увѣнчать зданіе»...

Правда, мужика за это время въ лоскъ раззорили, но за то сколько ребятъ выучили, сколько умиравшихъ отъ цынги и тифа вылѣчили!.. Сопоставляя голодъ и науку, я хочу лишь напомнить, что балансъ былъ отрицательный. Менѣе, чѣмъ кто-либо другой, быть можетъ, я склоненъ умалять значеніе культурной работы, которая за 40 лѣтъ въ странѣ выполнена. Но вѣдь это—работа тѣхъ живыхъ силъ, которыя въ ней наростали, а вовсе не результатъ той государственной организаціи, которая все это время регрессировала. Послѣдняя только стѣсняла силы народа, давила ихъ, хотя и не вездѣ, быть можетъ, равномѣрно. Отыскивая наиболѣе удобныя точки для приложенія своихъ силъ, интеллигенція въ значительной ея части собралась около суда и земства, но это не значитъ вѣдь, что, не будь послѣднихъ, она ровно ничего не дѣлала бы. Вполнѣ, вѣроятно, что въ этомъ случаѣ ея культурная работа была бы менѣе плодотворна. Но, подводя итоги, нужно подсчитать всѣ графы. Я уже упомянулъ объ экономикѣ, громадный ми-

нусъ въ каковой, конечно, не въ состояніи была предотвратить интеллигенція. Но мы должны заглянуть еще въ графу политики. Скопившись въ земствѣ, интеллигенція оказалась въ положеніи «третьяго элемента»,—въ качествѣ секретаря при «земцѣ-конституціоналистѣ», а то и просто при недалекомъ «зубрѣ». Самостоятельнаго положенія въ жизни она такъ и не получила. Сложись ея исторія иначе, и—кто знаетъ?—быть можетъ, она успѣла бы пустить самостоятельные корни, выработать въ себѣ большее упорство, и, главное, создать въ народѣ болѣе широкія и болѣе сильныя, чѣмъ теперь, независимыя отъ государства организаціи. Тогда мы имѣли бы на что опереться.

Главная бѣда въ томъ вѣдь, что у движенія нѣтъ такой опоры. Тѣ, якобы, стѣны, которыя, которыя, какъ плющъ, обвивала и скрашивала интеллигенція, и, которыя, какъ казалось, только «увѣнчать» нужно, въ дѣйствительности оказались даже не руинами, а крѣпостями, въ которыхъ засѣли слуги реакціи. Кому, въ самомъ дѣлѣ, служитъ судъ? Чьимъ оплотомъ является береженое земство?.. То же будетъ и съ «представительствомъ».

Предположимъ даже, что около него разовьется культура. Но это не помѣшаетъ нищетѣ народа. Не поможетъ это и народному освобожденію. Когда наступитъ пора сдѣлать новый шагъ, когда настанетъ то «удобное время», на которое разсчитываетъ к.-д. партія, то окажется, что, въ лицѣ господскаго представительства народъ имѣетъ передъ собой вражескую организацію. Неужели для этого нужно «беречь представительство»?

Но и культуры—я увѣренъ—не будетъ. Даже страсти не улягутся, и звѣри по своимъ берлогамъ не спрячутся... Мира, какъ я указывалъ въ прошлой статьѣ, быть уже не можетъ. Возможно что-нибудь одно: или «военное положеніе», или свобода.

И карасей ждетъ что-нибудь одно: или они будутъ плавать на просторѣ, такъ какъ очутятся въ океанѣ, или же окажутся на сковородѣ и будутъ зажарены въ сметанѣ...

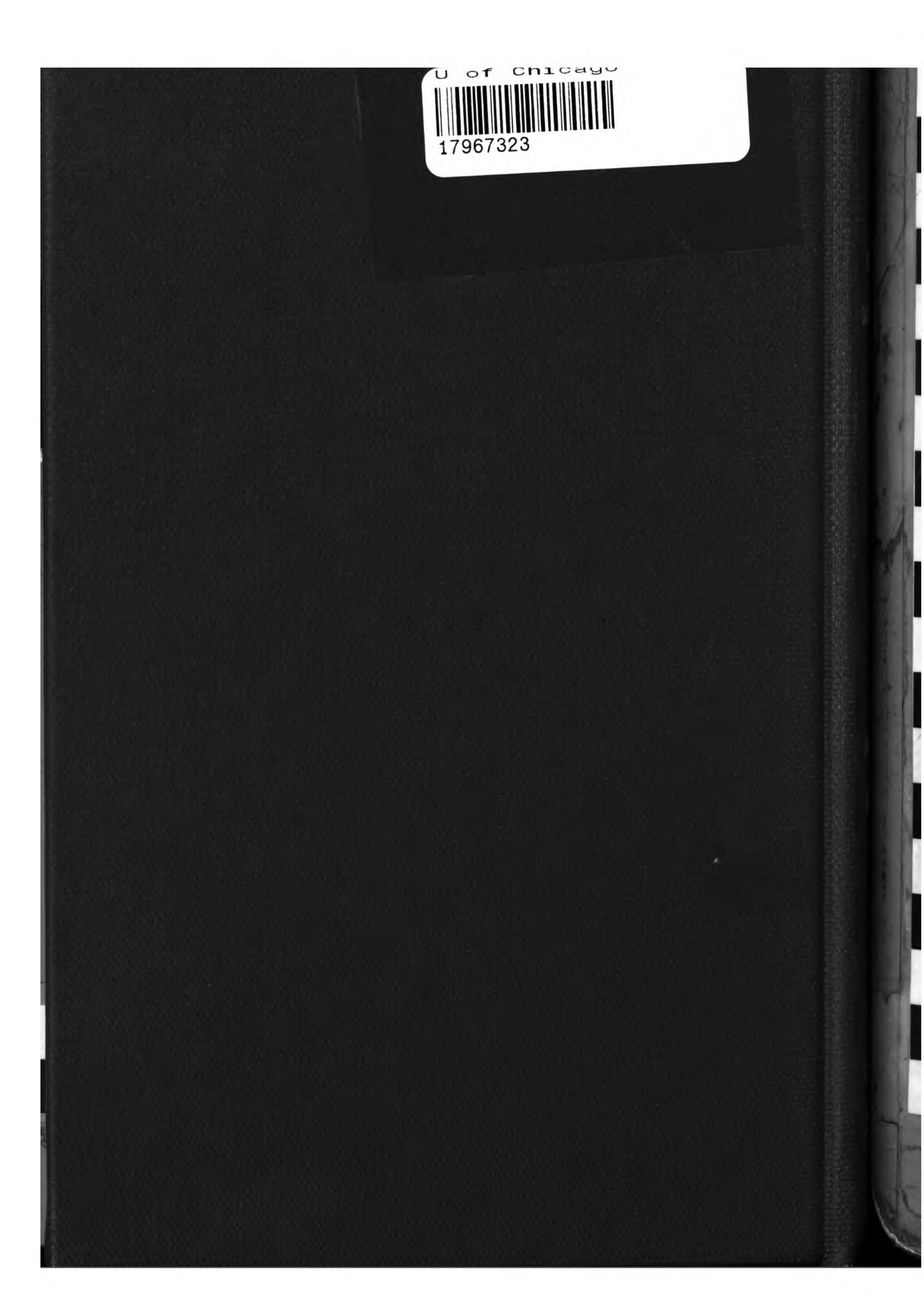
«Есть два пути»—сказалъ я въ началѣ. Я надѣялся осмотрѣть оба ихъ въ одномъ обозрѣніи. Въ силу чисто внѣшнихъ обстоятельствъ я долженъ кончить статью раньше, чѣмъ разсчитывалъ. Можетъ быть, это и къ лучшему.

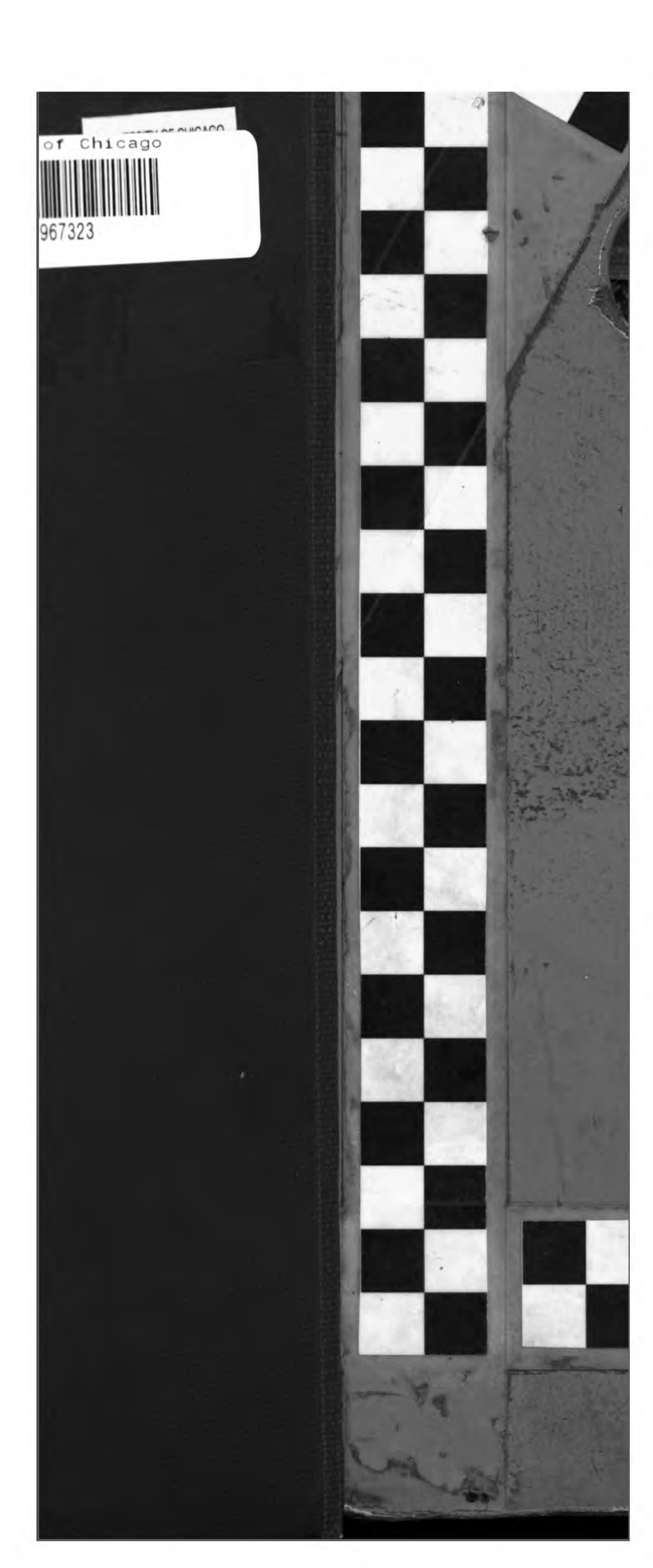
Другой путь, о которомъ мнѣ пришлось бы говорить, далеко не такъ простъ, какъ натоптанная за 40 лѣтъ дорожка, по которой идутъ конституціоналисты. Читатели уже знаютъ, что у революціи нѣтъ сейчасъ одной большой и всѣми признанной дороги; передъ нами цѣлый рядъ тропокъ, по которымъ разбрелись революціонныя силы. Разобраться въ этихъ тропкахъ и разсмотрѣть, куда каждая изъ нихъ ведетъ, далеко не такъ просто. И лучше будетъ, если я сдѣлаю это не такъ спѣшно.

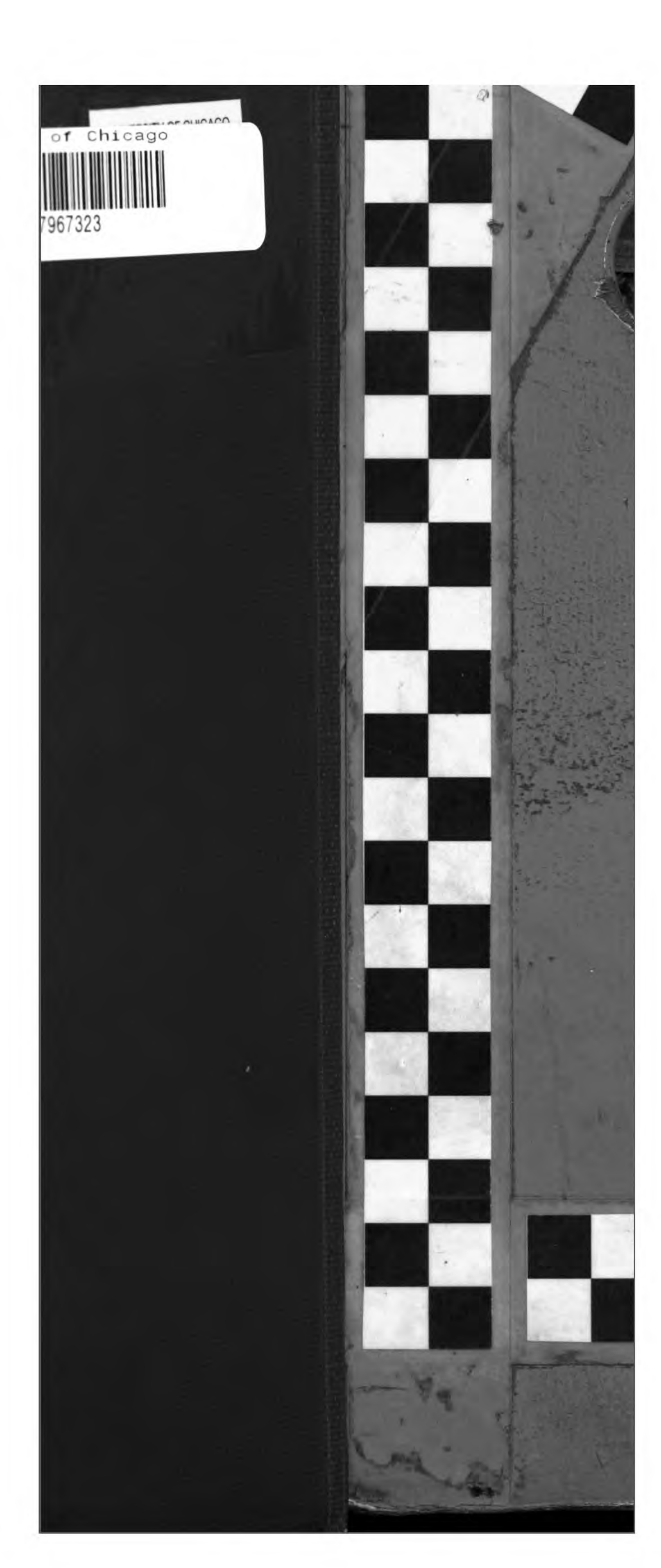
А. Пѣшехоновъ.

Издатель *В. Г. Короленко.* Врем. ред. *В. С. Елпатьевскій.*

UNIVERSITY OF CHICAGO
17 967 323

U of Chicago
17967323

of Chicago
967323

of Chicago
7967323

U of Chicago
17967323